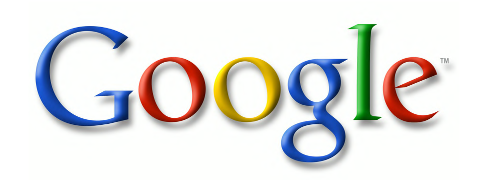
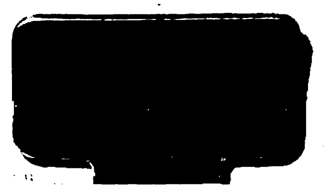
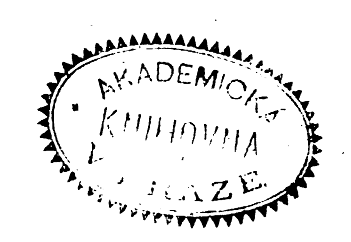

AKADEMICKÁ KNIHOVNA
Čís. 45 D 187

AKADEMICKÁ
KNIHOVNA
ZE

SLOVANSKÁ KNIHOVNA
NK ČR
S

ИСТОРІЯ

РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

М. И. Сухомлинова.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXIV-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1874.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова въ С. П. Б.
А. А. Черкесова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Г. Шмицдорфа, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Энфаджянца и Комп., въ Тифлисѣ.
А. Е. Кехрибарджи, въ Одессѣ.

Цѣна 1 руб. 65 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С-Петербургъ, Августа 1874 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 л., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Дѣятельность Россійской Академіи, учрежденной для разработки русскаго языка и словесности, имѣетъ безспорное значеніе въ исторіи русской литературы. Учрежденіе россійской академіи было отвѣтомъ на литературныя требованія тогдашней эпохи; оно явилось осуществленьемъ мысли, издавна занимавшей нашихъ писателей, и вызвало къ себѣ живое сочувствіе образованнаго общества. Въ этомъ заключалась сила новаго учрежденія и залогъ прочности его существованія. Въ составъ академіи вошли всѣ литературныя знаменитости конца восьмнадцатаго столѣтія: въ спискѣ членовъ ея находятся имена первостепенныхъ нашихъ ученыхъ и писателей. И они были членами не только по имени: съ первыхъ же поръ закипѣла работа, умно и счастливо выбраны рабочія силы, и обществу не долго пришлось ждать плодовъ дружной работы учено-литературнаго братства. Съ намѣреніемъ употребляю слово братство, ибо между членами академіи проявлялось стремленіе къ равноправности, къ избѣжанію сословной розни, составляющее яркую и замѣчательную особенность въ сравненіи съ понятіями и обычаями того времени. Предпріятія, добросовѣстно исполненныя, смѣнялись другими, находившими въ свою

очередь преданныхъ дѣлу тружениковъ. Но не смотря на ихъ усилія, трудолюбіе и знаніе на ихъ готовность работать на пользу общую, сочувствіе общества къ академіи слабѣло все болѣе и болѣе, и наконецъ перешло не только въ холодность, но въ явное нерасположеніе, поддержанное и усиленное литературою.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ такой непріязни кроется въ преобладаніи канцелярскаго начала въ устройствѣ и духѣ академіи. Допущенная первоначально въ видѣ необходимаго, какъ полагали тогда, условія для приданія единства и правильности учрежденію, бюрократическая закваска въѣдалась все глубже и глубже, и до того проникла въ ученую корпорацію, что въ средѣ ея возбужденъ былъ вопросъ, имѣетъ ли право частное лицо, будь это извѣстный ученый или писатель, печатно выражать свое сужденіе о трудахъ академіи. Съ своей стороны академики упорно отрицали это право, доказывая весьма наивно, что такъ какъ академія есть учрежденіе правительственное, то и труды ея членовъ подлежатъ суду правительственной власти, а отнюдь не суду литературы или общественнаго мнѣнія. Понятно, какое дѣйствіе на общество произвело и должно было произвести подобное заявленіе.

Литературная причина непріязненныхъ отношеній общества къ россійской академіи заключалась въ томъ, что во времена вражды между послѣдователями Карамзина и приверженцами Шишкова, академики явились усердными сторонниками Шишкова, бывшаго притомъ президентомъ академіи. Въ литературѣ нашей борьба стараго поколѣнія съ новымъ выразилась между прочимъ въ столкновеніи членовъ «бесѣды» съ членами «арзамаса»: къ числу первыхъ принадлежали и вліятельнѣйшіе изъ членовъ россійской академіи. Отзывы о россійской академіи, повторяющіеся отчасти и въ наше время, вытекаютъ изъ взгляда, сложившагося въ литературномъ кругу двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

Но для историка литературы преданіе обязательно настолько, насколько оно подтверждается фактами, изслѣдованными и оцѣненными безпристрастно. А фактами, требующими подобной оцѣнки, представляются въ настоящемъ случаѣ слѣдующіе: рос-

сійская академія обладала замѣчательными научными и литературными силами—отъ Державина и Фонъ-Визина въ восьмнадцатомъ столѣтіи до Карамзина и Востокова въ девятнадцатомъ; она издала много трудовъ, относящихся къ русскому языку и словесности, и нѣкоторые изъ нихъ безспорно составляютъ существенные и важные вклады въ нашу литературу; въ трудахъ и во всей дѣятельности академіи выражается современное ей состояніе русской литературы и русскаго общества. Поэтому исторія россійской академіи необходимо должна войти въ исторію русской литературы конца восьмнадцатаго и первыхъ десятилѣтій девятнадцаго вѣка. Въ судьбѣ академіи отражается общая судьба нашей словесности, находящаяся въ связи съ движеніемъ общественной жизни.

Времена Екатерины II, Павла I и Александра I весьма опредѣленно различаются и въ исторіи россійской академіи, окончившей свое самостоятельное существованіе при Николаѣ I.

Излагая исторію академіи по отдѣламъ, соотвѣтствующимъ названнымъ эпохамъ, мы упомянемъ предварительно о тѣхъ явленіяхъ въ нашей литературѣ, которыя предшествовали основанію россійской академіи и представляютъ съ нею болѣе или менѣе близкое сходство.

Содержаніе и смыслъ академической дѣятельности зависѣли отъ живыхъ силъ академіи, въ выборѣ которыхъ обнаруживались ея цѣли и стремленія: поэтому считаемъ нужнымъ представить характеристику, болѣе или менѣе подробную, замѣчательнѣйшихъ членовъ россійской академіи перваго ея періода. Мы съ намѣреніемъ останавливаемся, и иногда довольно долго, на чертахъ, относящихся къ жизни и трудамъ писателей до вступленія ихъ въ число академиковъ, ибо для исторіи академіи важно не только то̀, что̀ сдѣлано тѣмъ или другимъ ея членомъ во время его академическаго поприща, но и то̀, какія лица вошли въ составъ россійской академіи и какими началами руководствовалась она при оцѣнкѣ правъ того или другаго лица на званіе академика. Подробный обзоръ дѣятельности лицъ, избранныхъ въ академики,

мы считаемъ тѣмъ, необходимѣе, что въ ней выражается съ большею или меньшею яркостью общее направленіе русской литературы и многія черты нашей общественной жизни.

Сообщивши подробныя свѣдѣнія о живыхъ силахъ академіи, мы приступимъ къ изложенію и разбору трудовъ россійской академіи, предпринятыхъ и оконченныхъ при совокупномъ участіи ея членовъ. Въ заключеніе будутъ приведены данныя объ устройствѣ академіи, объ академической жизни вообще и объ отношеніи академіи къ современному ей обществу.

Таковъ планъ, котораго мы намѣрены держаться при изложеніи перваго періода исторіи россійской академіи.

УЧРЕЖДЕНІЕ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Россійское собраніе при академіи наукъ.—Коммиссія для переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій. — Вольное россійское собраніе при московскомъ Университетѣ.—Открытіе россійской академіи.—Лица, избранныя въ члены россійской академіи.

I.

Изслѣдованіе и разработка русскаго языка и словесности возлагала на академію, учреждаемую съ этою цѣлью, выполненіе задачъ, указанныхъ при самомъ ея открытіи и состоявшихъ въ слѣдующемъ: составленіе словаря русскаго языка и русской грамматики; составленіе теоріи прозы и теоріи поэзіи; обогащеніе русской литературы посредствомъ перевода на русскій языкъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ писателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ выражалась увѣренность, что академія можетъ содѣйствовать изученію памятниковъ литературныхъ въ связи съ историческими, открытію и воспроизведенію письменныхъ памятниковъ отечественной исторіи, уцѣлѣвшихъ отъ древности и разсѣянныхъ по всему лицу русской земли.

Попытка образовать литературное общество съ подобными

цѣлями встрѣчается уже въ первые года существованія академіи наукъ. Общество, учрежденное въ 1735 году, называлось Россійскимъ Собраніемъ и даже Россійскою Академіею. Татищевъ († 1750) говоритъ: «Академія Россійская учреждена въ 1735 году для исправленія языка русскаго, сочиненія грамматики и лексиконовъ, на томъ основаніи какъ во Франціи, и оная подчинена президенту академіи наукъ [1])». Одинъ изъ главныхъ дѣятелей этой академіи Тредьяковскій свидѣтельствуетъ, что цѣль ея учрежденія — усовершенствованіе русскаго языка, изданіе переводовъ образцовыхъ иностранныхъ писателей древнихъ и новыхъ временъ и составленіе грамматики, словаря, риторики и піитики. Обращаясь къ своимъ сочленамъ, Тредьяковскій говоритъ: «Сего дождались мы щастія, что и о совершенствѣ россійскаго языка попеченіе воспріемлется. Однако коль ни полезно есть россійскому народу возможное *дополненіе языка*, *чистота*, *красота* и желаемое его *совершенство*, но мнѣ толь трудно быть кажется, что не не страшитъ, уповаю, и васъ трудностію и тягостію своею. Не о единомъ тутъ чистомъ *переводѣ степенныхъ*, *старыхъ и новыхъ*, *авторовъ*, что и едино и само собою колико проливаетъ пота, извѣстно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудились въ томъ, и вамъ самимъ, которые нынѣ трудитеся. Но и о *грамматікѣ* доброй и исправной, согласной мудрыхъ употребленію и основанной на ономъ, въ которой коль много есть нужды, толь много есть и трудности. Но и о *дікціонаріѣ* полномъ и довольномъ, который въ *имѣющихъ трудиться васъ* еще больше силы требуетъ, нежели въ баснословномъ Сізѵфѣ превеликій оный камень, который онъ на высокую гору одинъ все хотя вскатить, съ самаго почитай верьха нанизъ его нехотя опускаетъ. Но и о *реторікѣ* и *стіхотворной наукѣ*, что все чрезъ мѣру утрудить васъ можетъ» [2]). Въ день перваго засѣданія Россійскаго Собранія 14 марта 1735 года, послѣдовало распоряженіе, по которому академическимъ переводчикамъ вмѣнено было въ обязанность еженедѣльно собираться для исправленія переводовъ; и непремѣнными членами собраній назначены: Тредьяковскій, Адодуровъ и Швановичь, какъ

видно изъ слѣдующаго документа, уцѣлѣвшаго въ академическомъ архивѣ. «По указу Ея Императорскаго Величества въ академіи наукъ приказалъ обрѣтающійся главный командиръ дѣйствительный камергеръ баронъ фонъ-Корфъ академіи наукъ переводчикамъ сходиться въ академію дважды въ недѣлю — въ среду и въ суботу поутру и послѣ обѣда, и имѣть межъ собою конференцію, *снося и прочитывая все, кто что перевелъ, и имѣть тщаніе въ исправленіи россійскаго языка случающихся переводовъ.* Чего ради въ оныхъ конференціяхъ присутствовать: секретарю Тредіаковскому, адъюнкту Ададурову и ректору нѣмецкаго языка Швановичу, а о тѣхъ конференціяхъ журналъ содержать Тауберту и во вся понедѣльники оный предлагать его превосходительству господину камергеру» [3]). О дальнѣйшей судьбѣ этого общества, сохранилось чрезвычайно мало извѣстій: оно существовало весьма недолго, и въ 1743 году донесено сенату, что «россійское собраніе разрушилось» и члены его получили другое назначеніе [4]). Впослѣдствіи полагали, что оно погибло при самомъ своемъ рожденіи вслѣдствіе интригъ со стороны кого-либо въ родѣ Остермана, погубившаго академію ремеслъ въ самомъ ея началѣ. По свидѣтельству митрополита Евгенія, «немногое число способныхъ сочленовъ, недостатокъ образцовъ классическихъ, неостепененіе самой словесности и языка нашего и неготовность еще тогдашнихъ читателей помогать писателямъ разборчивостію своею, сдѣлали общество сіе безуспѣшнымъ. Оно существовало три года, и мѣсто его послѣ заступилъ *переводческій департаментъ* при академіи, но и тотъ скоро разстроился, а возобновленъ уже по указу Императрицы Екатерины II въ 1790 году» [5]).

II.

Чѣмъ болѣе Россія сближалась съ умственною жизнію западной Европы, тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Екатерина сама трудилась надъ переводами, и желая дать дѣлу правильный ходъ, назначила ежегодно по пяти тысячъ рублей изъ собственной шкатулки; надзоръ

за употребленьемъ этой суммы «въ пользу общества» и въ награду переводчикамъ возложила на Козицкаго, графа Владиміра Григорьевича Орлова и графа Андрея Петровича Шувалова. Назначеніе это послѣдовало въ октябрѣ 1768 года [6]). Издатели придавали особенную цѣну переводамъ твореній греческихъ и римскихъ писателей, и приглашали вновь переводить тѣ сочиненія, которыя были уже переведены, но не съ подлинника, а съ иностраннаго переложенія. Въ числѣ первыхъ книгъ, выбранныхъ для перевода были: разсужденіе короля прусскаго о причинахъ установленія и уничтоженія законовъ, Кандидъ Вольтера, персидскія письма Монтескье, нѣсколько жизнеописаній изъ Плутарха, нѣсколько статей изъ энциклопедіи, словарь французской академіи, для перевода котораго образовалось цѣлое общество, и т. д. [7]). Постепенно издаваемы были переводы самаго разнообразнаго содержанія; переводились сочиненія: Гомера, Платона, Тацита, Цицерона, Юлія Цезаря, Овидія, Виргилія, Іосифа Флавія, Торквато Тассо, Локка, Геллерта, Вольтера, Корнеля, Робертсона (исторія Карла V), Ахенваля (начертаніе исторіи новѣйшихъ европейскихъ державъ), путешествіе Палласа, путешествіе Гмелина, статьи изъ Бюшинговой географіи, множество статей изъ французской энциклопедіи, и т. д. [8]). О дѣятельности переводчиковъ можно судить по слѣдующей таблицѣ, составленной нами на основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ вѣдомостяхъ прошлаго столѣтія:

	Напечатано книгъ.	Отдано въ печать.	Переводится.	Выбрано для перевода.	Всего.
1774 г.	85	33	78	63	259.
1775 »	105	26	83	59	273.
1776 »	121	24	94	57	296.
1781 »	154	47	95	17	313.

Современники относились не вполнѣ довѣрчиво къ дѣятельности коммиссіи, учрежденной для изданія переводовъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ говорили съ нѣкоторою гордостью о появленіи на русскомъ языкѣ твореній литературныхъ знаменитостей различ-

ныхъ эпохъ и народовъ. «Греческіе, римскіе и новѣйшихъ народовъ писатели — сказано въ одномъ изъ тогдашнихъ повременныхъ изданій — чтутся на языкѣ нашемъ: Геродотъ, Плутархъ, Діодоръ Сицилійскій, Цицеронъ, Лукіанъ, Мильтонъ, Робертсонъ, Волтеръ и проч. Но никакой народъ не отплатилъ столько Греціи за все, чѣмъ она науки снабдила, какъ Россія. Естьли слабодушіе потомковъ побѣдителей ѳермопильскихъ сдѣлало тщетными покушенія о ихъ освобожденіи, Екатерина II взяла подъ покровъ свой ихъ потомство: она воспитываетъ ихъ свойственнымъ ей образомъ, просвѣщая ихъ. Училище Грековъ, на Невѣ основанное, есть наипріятнѣйшее въ исторіи наукъ достопамятство, прославляющее нашъ вѣкъ, Россію и науки» [9]). Екатерина писала Вольтеру, что ей придется скоро учиться греческому языку въ какомъ-нибудь университетѣ, а пока—прибавляетъ она—переводятъ по-русски Гомера, и это что-нибудь да значитъ въ особенности для начала [10]). Въ списки книгъ, появлявшіеся отъ времени до времени на страницахъ петербургскихъ вѣдомостей, включалось обыкновенно общее число всѣхъ изданій коммиссіи съ самаго ея учрежденія. На основаніи этихъ свѣдѣній оказывается, что въ теченіе одиннадцати лѣтъ (1769 — 1780) напечатано всего 154 книги и брошюры, считая за отдѣльную книгу каждый выпускъ сочиненія, выходившаго по частямъ. Слѣдовательно среднимъ числомъ приходится на каждый годъ не болѣе какъ по 14 книгъ и брошюръ — число не особенно крупное. Но не одна только малочисленность изданій возбуждала въ обществѣ невыгодные толки и нареканія на коммиссію. Ее подозрѣвали въ злоупотребленіи денежными средствами, которыми она располагала по собственному произволу. Дашкова прямо обвиняетъ людей, заправлявшихъ дѣломъ, въ томъ, что они клали по своимъ карманамъ деньги, отпускаемыя на переводы, и поэтому она предлагала Екатеринѣ возложить изданіе переводовъ на членовъ россійской академіи [11]). Предложеніе Дашковой вполнѣ одобрено Екатериною. Коммиссія для переводовъ уничтожена съ основаніемъ россійской академіи, въ распоряженіе которой переданы

всѣ суммы, принадлежавшія коммиссіи. Въ учредительномъ актѣ сказано: «о потребныхъ суммахъ указъ нашъ данъ будетъ, обращая въ число ихъ деньги, положенныя на коммиссію для переводовъ, которая нынѣ не нужна будетъ» [12]). Передача находившихся въ коммиссіи переводовъ въ академію производилась весьма медленно, вѣроятно вслѣдствіе того, что въ первые года дѣло о переводахъ было отодвинуто на задній планъ, уступая мѣсто главнѣйшей заботѣ академіи о составленіи словаря. Въ 1802 году, слѣдовательно спустя почти двадцать лѣтъ послѣ открытія академіи, бывшій членъ коммиссіи академикъ Лепехинъ представилъ рукописные переводы, оставшіеся отъ временъ коммиссіи, въ томъ числѣ: Одиссея Гомера, Родогуна Корнеля въ переводѣ Княжнина, Энхиридіонъ Эразма Ротердамскаго и другіе. Академія рѣшила справиться, не появились ли въ печати переводы этихъ произведеній, и если они напечатаны, то сравнить ихъ съ рукописными [13]).

III.

За двѣнадцать лѣтъ до учрежденія россійской академіи составилось при московскомъ университетѣ учено-литературное общество подъ названіемъ Вольнаго Россійскаго Собранія. Главною цѣлью этого общества, учрежденнаго въ 1771 году, поставлено исправленіе и обогащеніе русскаго языка, а вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли признано изданіе сочиненій и переводовъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, и составленіе словаря. Въ «объявленіи любителямъ россійскаго языка» говорится: «Московскій университетъ, почитая распространеніе наукъ за главный свой предметъ, вознамѣрился для исправленія и обогащенія россійскаго языка, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ, сочиненій и переводовъ, стихами и прозою, учредить въ Москвѣ *Вольное россійское собраніе*. Исправленіе и совершеніе россійскаго языка имѣетъ составлять особливый предметъ сего собранія, а сочиненіе правильнаго россійскаго словаря по азбукѣ будетъ первый присутствую-

щихъ трудъ. Сочиненія и переводы съ иностранныхъ языковъ на россійскій инако не будутъ напечатаны, какъ по разсмотрѣніи и исправленіи въ семъ собраніи. — Сочиненія отъ сего собранія издаваны будутъ о разныхъ вниманія достойныхъ матеріяхъ, касающихся какъ до словесныхъ, такъ и до прочихъ наукъ. Столь обширное владѣніе россійское, состоящее изъ разныхъ народовъ и въ разныхъ климатахъ, можетъ любопытство трудящихся членовъ довольно снабдить рѣдкими и достойными примѣчанія вещьми. Публичныя и приватныя книгъ и писемъ хранилища, содержащія въ себѣ достопамятныя предковъ россійскихъ дѣла, глубокою древностію закрытыя, могутъ такимъ образомъ отворены быть и издаваемы въ свѣтъ для удовольствія общенароднаго и для при веденія въ совершенство россійскія со временемъ исторіи» [14]). Засѣданія общества, временно закрытыя вслѣдствіе чумы, возобновились по минованіи бѣдствія. Общество собирало лѣтописи и другіе историческіе памятники, и — что̀ заслуживаетъ особеннаго вниманія — признало нужнымъ ввести въ словарь мѣстныя особенности русскаго языка, и приступило къ собранію «рѣдкихъ словъ, въ Москвѣ мало извѣстныхъ». Періодическое изданіе общества выходило подъ именемъ Опыта трудовъ вольнаго россійскаго собранія: вышло всего шесть частей и послѣдняя, шестая часть появилась черезъ девять лѣтъ послѣ первой, вышедшей въ 1774 году. Главнымъ изданіемъ вольнаго россійскаго собранія былъ словарь церковно-славянскаго языка — трудъ протоіерея Алексѣева. Многіе члены вольнаго россійскаго собранія вошли въ составъ россійской академіи, большею частью при самомъ ея учрежденіи; сама основательница академіи, княгиня Дашкова, была дѣйствительнымъ членомъ собранія. Въ члены россійской академіи избраны слѣдующіе члены вольнаго россійскаго собранія: Дашкова, Ржевскій, Соймоновъ, Херасковъ, фонъ-Визинъ, Державинъ, Барсовъ, Княжнинъ, Десницкій, Потемкинъ, протоіерей Алексѣевъ, Мелиссино, епископъ Дамаскинъ, Щербатовъ, архимандритъ Павелъ, Зибелинъ, Веревкинъ, Нарышкинъ, Д. И. Хвостовъ. Труды вольнаго россійскаго собранія признаны та-

кимъ же важнымъ матеріаломъ при составленіи академическаго словаря, какъ и сочиненія Ломоносова: изъ тѣхъ и другихъ выбирались слова для помѣщенія въ словарь, предпринятый россійскою академіею. Прекращеніе дѣятельности собранія справедливо объясняютъ учрежденіемъ академіи [15]). Послѣдняя часть трудовъ вольнаго россійскаго собранія вышла въ 1783 году, въ которомъ основана россійская академія.

IV.

1783 годъ памятенъ для русской литературы двумя событіями, вызванными одинаковыми потребностями и стремленіями, именно — основаніемъ литературнаго журнала «Собесѣдникъ» и учрежденіемъ россійской академіи. «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» произвелъ замѣтное впечатлѣніе на современниковъ, признавшихъ появленіе этого журнала залогомъ процвѣтанія нашего языка, подобно тому какъ въ Германіи журналъ Геллерта и Рабенера (belustigungen des verstandes und herzens) послужилъ причиною цвѣтущаго состоянія нѣмецкаго языка и словесности. Въ заявленіяхъ, помѣщавшихся на страницахъ журнала, выражались надежды, что при содѣйствіи Собесѣдника русскій языкъ очистится; значеніе словъ опредѣлится и установится; русскія сочиненія размножатся; разовьется любовь къ русской старинѣ и народности; откинутся несвойственные намъ чужеземные обычаи, и нечувствительно умножится число читающихъ, въ ряду которыхъ появятся даже и женщины. Существенная задача журнала, по собственному признанію издательницы его, княгини Дашковой, состояла въ томъ, чтобы «россійское слово вычищалось и процвѣтало» [16]).

Та же мысль, выраженная тѣмъ же лицомъ, достигла своего наиболѣе полнаго осуществленія въ основаніи россійской академіи. Свидѣтельство Дашковой, какъ лица, ближайшаго къ дѣлу и знавшаго всю его суть, имѣетъ особенное значеніе. По счастью она довольно подробно говоритъ объ основаніи россійской академіи въ запискахъ своихъ, подаренныхъ ею другу ея — миссъ

Уильмотъ, и долго хранившихся въ рукописи. Приводимъ разсказъ Дашковой, относящійся къ 1783 году:

— Однажды я гуляла съ императрицей въ садахъ Царскаго Села, и зашелъ разговоръ о красотѣ о богатствѣ русскаго языка; я выразила нѣкоторое удивленіе, что ея величество, могущая хорошо оцѣнить достоинство языка и сама будучи писателемъ, никогда не подумала объ основаніи русской академіи. Я замѣтила, что ничего болѣе не нужно кромѣ правилъ и хорошаго словаря, чтобы нашъ языкъ вполнѣ освободить отъ иностранныхъ словъ и фразъ, которыя такъ много уступаютъ нашимъ собственнымъ въ выразительности и силѣ, и которыя такъ нелѣпо въ него введены.

«Я право не знаю — возразила ея величество — какъ могло случиться, что мысль эта еще не приведена въ исполненіе, не смотря на мои приказанія».

— Это поистинѣ удивительно — сказала я — потому что ничего не можетъ быть легче, какъ исполнить такое намѣреніе. Можно найти много различныхъ образцовъ, и вамъ остается только выбрать изъ нихъ самый лучшій.

«Не доставите ли вы мнѣ, княгиня—отвѣтила императрица— очеркъ одного изъ нихъ».

— Было бы лучше — возразила я — если бы вы приказали одному изъ вашихъ секретарей представить вамъ планъ французской, берлинской и нѣсколькихъ другихъ академій съ замѣчаніями о тѣхъ особенностяхъ, которыя наиболѣе примѣнимы къ духу и обычаямъ вашего народа.

«Повторяю свою просьбу,—сказала императрица — примите на себя этотъ трудъ, потому что при вашемъ усердіи и дѣятельности я могу быть увѣрена въ исполненіи дѣла, которое, сознаю это со стыдомъ, черезчуръ долго залежалось».

— Трудъ весьма незначительный, государыня, и я постараюсь исполнить вашу волю со всевозможною скоростью, но у меня нѣтъ подъ рукою нужныхъ для этого книгъ, и я снова позволяю себѣ увѣрить ваше величество, что любой изъ вашихъ секретарей исполнилъ бы это порученіе лучше меня.

— Такъ какъ не смотря на это, ея величество выразила противоположное мнѣніе, то я и сочла безполезнымъ предлагать дальнѣйшія возраженія.

— Воротившись домой вечеромъ, я стала обдумывать, какъ бы лучше исполнить ея приказаніе, и прежде чѣмъ легла спать набросала нѣчто въ родѣ плана, который, какъ я полагала, могъ дать нѣкоторое понятіе объ имѣющемся въ виду учрежденіи. Я отослала этотъ планъ императрицѣ—въ дѣйствительности болѣе для того, чтобы исполнить ея желаніе, нежели съ серьезною мыслью представить планъ, достойный ея выбора и одобренія. Поэтому, можно себѣ представить мое удивленіе, когда этотъ несовершенный, наскоро задуманный, неоформенный очеркъ я получила обратно изъ рукъ ея величества со всѣми формальностями офиціальнаго акта, утвержденнаго подписью императрицы и сопровождаемаго указомъ о назначеніи меня президентомъ зарождающейся академіи. Въ тоже время я узнала, что копія съ этого указа сообщена сенату [17]).

Въ виду такой необычайной поспѣшности въ составленіи плана, Дашкова сочла нужнымъ въ рѣчи своей при открытіи академіи обратить вниманіе своихъ сочленовъ на несовершенство составленнаго ею «доклада». Въ оправданіе себя она приводитъ, во-первыхъ, то, что привыкла съ безпредѣльною довѣренностью представлять государынѣ хотя и несовершенныя, но чистыя свои намѣренія; во-вторыхъ то, что она не считала себя въ силахъ основать такое важное учрежденіе.

Подъ именемъ «доклада» Дашкова разумѣетъ здѣсь составленный ею планъ академіи; самый же докладъ состоитъ изъ общихъ мѣстъ, обязательныхъ въ подобныхъ случаяхъ, и напоминаетъ собою торжественныя восхваленія временъ Анны Іоанновны. Въ рѣчи при открытіи россійскаго собранія Тредьяковскій въ такихъ выраженіяхъ говоритъ о доблестяхъ Анны Іоанновны: «Поистинѣ дѣйствія и добродѣтели увѣнчанныя сея героини толь велики, какъ всему земному кругу извѣстно, что ни самый совершенно исполненный языкъ рѣчей въ себѣ равныхъ, дабы описать

онья, найти не можетъ. И сего то ради нынѣ должность сія вамъ вручается, чтобъ, поскольку возможно, въ совершенство приводить нашъ языкъ и чрезъ то бъ имѣть хотя малое средство къ прославленію дѣлъ и добродѣтелей государыни нашея»[18]). Не то же ли самое говоритъ и Дашкова въ своемъ докладѣ: «Никогда не были столько нужны для другихъ народовъ обогащеніе и чистота языка, сколько стали онья необходимы для насъ. Намъ нужны новыя слова, вразумительное и сильное оныхъ употребленіе для изображенія всѣмъ и каждому чувствованій благодарности за монаршія благодѣянія, толико же доселѣ невѣдомыя, сколь неисчетныя; для начертанія оныхъ на вѣчныя времена съ тою же силою, какъ онѣ въ сердцахъ нашихъ, и съ тою красотою, какъ ощущаемы въ счастливой вѣкъ вторыя Екатерины»[19]).

Докладъ представленъ въ августѣ 1783 года (число не выставлено), а 30 сентября 1783 года послѣдовалъ указъ объ учрежденіи россійской академіи: предсѣдателемъ назначена Дашкова, и утвержденъ составленный ею планъ или «краткое начертаніе императорской россійской академіи»[20]).

При всей краткости этого плана или устава въ немъ ясно и опредѣленно указана задача академіи. Россійская академія — гласитъ уставъ — должна имѣть предметомъ своимъ очищеніе и обогащеніе русскаго языка; установленіе употребленія словъ; свойственное русскому языку витійство и стихотворство. Для достиженія этого предмета должно составить русскую грамматику, русскій словарь, риторику и правила стихотворства. Какъ такого рода книги не могутъ быть сочинены однимъ человѣкомъ, то и нужно общества. Но какъ подобныя общества доселѣ не могли существовать или по недостатку средствъ или по несогласію членовъ, то академія должна зависѣть отъ высшей власти, упрочивающей ея существованіе и дѣятельность[21]). Въ рѣчи своей Дашкова расширяетъ предѣлы академическаго устава, говоря, что вмѣстѣ съ составленіемъ грамматики и словаря академики должны заняться изученіемъ памятниковъ отечественной исторіи и увѣко-

вѣчить въ произведеніяхъ слова знаменитыя ея событія какъ минувшаго, такъ и настоящаго времени. Но слова Дашковой выражали только pium desiderium, подобно приведенному выше заявленію вольнаго россійскаго собранія при московскомъ университетѣ. Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ Дашковой въ дѣлахъ академическихъ, непремѣнный секретарь академіи Лепехинъ, такъ опредѣляетъ цѣль россійской академіи: «ей предлежало возвеличить россійское слово, собрать оное въ единый составъ, показать его пространство, обиліе и красоту, постановить ему непреложныя правила, явить краткость и знаменательность его изреченій, и изыскать глубочайшую его древность»[22]).

V.

Для достиженія цѣли, съ которою учреждена академія, необходимо было заручиться содѣйствіемъ лицъ, готовыхъ положить трудъ свой на общее дѣло и одушевленныхъ любовью къ родному языку и словесности. Поэтому выборъ сочленовъ былъ первою заботою энергическаго предсѣдателя академіи. Писатели, составлявшіе красу и гордость тогдашней литературы, заняли по праву мѣста въ академіи русскаго языка и словесности. Къ участію въ трудахъ ея призваны и нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ того времени, преимущественно члены петербургской академіи наукъ и профессора московскаго университета. Въ числѣ членовъ россійской академіи были и представители высшаго круга русскаго образованнаго общества, заявившіе такъ или иначе свое сочувствіе къ литературѣ и наукѣ. Наконецъ, для болѣе успѣшнаго хода предпринятыхъ работъ задумано учрежденіе разсадника молодыхъ силъ, готовящихся къ исполненію академическихъ обязанностей.

На основаніи учредительнаго акта, общее число членовъ не должно превышать шестидесяти, а на первый разъ должно быть выбрано не менѣе тридцати пяти, изъ «извѣстныхъ людей, знающихъ россійскій языкъ».

При открытіи академіи, въ первомъ и торжественномъ засѣ-

даніи ея, происходившемъ 21 октября 1783 года, провозглашены членами академіи слѣдующія лица:

1) Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.
2) Гавріилъ Петровъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.
3) Иннокентій Нечаевъ, архіепископъ псковскій и рижскій.
4) Протоіерей Иванъ Ивановичъ Панфиловъ.
5) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.
6) Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ.
7) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.
8) Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.
9) Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.
10) Алексѣй Андреевичъ Ржевскій.
11) Александръ Андреевичъ Безбородко.
12) Петръ Александровичъ Соймоновъ.
13) Петръ Васильевичъ Бакунинъ.
14) Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.
15) Петръ Ивановичъ Турчаниновъ.
16) Александръ Васильевичъ Храповицкій.
17) Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ.
18) Николай Васильевичъ Леонтьевъ.
19) Гавріилъ Романовичъ Державинъ.
20) Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ.
21) Николай Александровичъ Львовъ.
22) Василій Адріановичъ Ушаковъ.
23) Осипъ Петровичъ Козодавлевъ.
24) Степанъ Яковлевичъ Румовскій.
25) Иванъ Ивановичъ Лепехинъ.
26) Семенъ Кирилловичъ Котельниковъ.
27) Алексѣй Протасьевичъ Протасовъ.
28) Семенъ Николаевичъ Щепотьевъ.
29) Яковъ Борисовичъ Княжнинъ.
30) Семенъ Ефимовичъ Десницкій.
31) Николай Яковлевичъ Озерецковскій.

Съ того же времени считаются членами академіи:

32) Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.

33) Иванъ Никитичъ Болтинъ.

34) Протоіерей Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ.

Хотя имена: Потемкина, Болтина и Алексѣева и не встрѣчаются въ спискѣ членовъ, провозглашенныхъ въ день открытія академіи; но о выборѣ ихъ не говорится ни въ одномъ изъ слѣдующихъ журналовъ академическихъ засѣданій, между тѣмъ какъ Болтинъ является въ собраніяхъ академіи съ званіемъ дѣйствительнаго члена мѣсяца полтора спустя по открытіи академіи; въ спискѣ членовъ академіи, помѣщенномъ въ первомъ томѣ словаря 1789 года (стр. XVII — XVIII), эти три члена показаны избранными въ 1783 году.

Къ числу тридцати четырехъ членовъ россійской академіи, провозглашенныхъ при ея открытіи, присоединились втеченіе ея перваго періода слѣдующіе:

Въ 1783 году:

35) Иванъ Ивановичъ Мелиссино.

36) Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, епископъ нижегородскій.

37) Графъ Романъ Иларіоновичъ Воронцовъ.

38) Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ.

39) Священникъ Савва Исаевичъ Исаевъ.

40) Протоіерей Иванъ Ивановичъ Красовскій.

41) Священникъ Иванъ Ивановичъ Сидоровскій.

42) Священникъ Георгій Михайловичъ Покорскій.

43) Священникъ Василій Григорьевичъ Григорьевъ.

44) Василій Петровичъ Петровъ.

45) Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево.

46) Василій Никитичъ Никитинъ.

47) Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ.

48) Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ.

Въ 1784 году:

49) Самуилъ Миславскій, митрополитъ кіевскій.

50) Василій Ивановичъ Баженовъ.

51) Архимандритъ Павелъ Пономаревъ.
52) Иванъ Ивановичъ Хемницеръ.
53) Никита Петровичъ Соколовъ.
54) Семенъ Герасимовичъ Зыбелинъ.
55) Амвросій Серебряковъ (Серебренниковъ), епископъ олонецкій.
56) Архимандритъ Иннокентій Полянскій.

Въ 1785 году:

57) Александръ Стахіевичъ Стахіевъ.
58) Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ.
59) Василій Васильевичъ Капнистъ.
60) Петръ Борисовичъ Иноходцевъ.

Въ 1786 году:

61) Архимандритъ Аполлосъ Байбаковъ.
62) Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.
63) Иванъ Семеновичъ Захаровъ.

Въ 1787 году:

64) Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ.

Въ 1789 году:

65) Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Въ 1791 году:

66) Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.
67) Тимоѳей Семеновичъ Мальгинъ.

Въ 1792 году:

68) Николай Петровичъ Николевъ.
69) Священникъ Василій Семеновичъ Данковъ.

Въ 1793 году:

70) Дмитрій Павловичъ Татищевъ.
71) Дмитрій Михайловичъ Соколовъ.
72) Петръ Ивановичъ Соколовъ.
73) Ириней Клементьевскій, епископъ тверскій.

Въ 1794 году:

74) Архимандритъ Анастасій Романенко-Братановскій.
75) Александръ Семеновичъ Хвостовъ.
76) Иванъ Григорьевичъ Долинскій.

77) Архимандритъ Меѳодій Смирновъ.

Въ 1795 году:

78) Василій Михайловичъ Севергинъ.

Изъ предложеннаго перечня членовъ россійской академіи очевидно разнообразіе ихъ состава: въ числѣ ихъ находились и писатели-художники, и ученые спеціалисты, и лица, которыя были собственно почетными членами, и если не назывались этимъ именемъ, то только потому, что въ первоначальномъ уставѣ россійской академіи не сдѣлано было различія между дѣйствительными и почетными членами.

При избраніи академиковъ не было въ обычаѣ сообщать подробныя свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ предлагаемаго кандидата. Въ протоколы академіи заносился самый фактъ избранія, и только изрѣдка встрѣчаются замѣтки, и то самыя краткія и общія, о томъ, на какомъ основаніи избрано въ академики то или другое лицо. Избирая Нарышкина, академія «отдавала справедливость его дарованіямъ, отличному знанію языка отечественнаго и трудамъ, употребленнымъ на тотъ предметъ, коимъ академія наипаче занимается». Д. И. Хвостовъ и Мальгинъ избранъ въ академики «по извѣстному ихъ знанію нашего отечественнаго языка»; Иноходцевъ—«по извѣстному его знанію россійскаго слова»; Захаровъ—потому, что «его знаніе и упражненіе въ россійскомъ словѣ въ преложеніи его похожденія Телемака доказано»; епископъ Ириней—«по извѣстному его отличному знанію и люблeнію россійскаго слова»; архимандрита Анастасія избрали «какъ мужа, въ россійской словесности съ похвалою знаемаго», и т. п.[23]).

Число членовъ россійской академіи возрастало съ каждымъ годомъ, а первое время почти съ каждымъ засѣданіемъ. Въ 1787 и 1794 годахъ оно достигало опредѣленной уставомъ нормы — шестидесяти; обыкновенное же число академиковъ простиралось отъ 56 до 59. Втеченіе всего перваго періода, обнимающаго собою четырнадцать лѣтъ, съ 1783 по 1796 годъ, всѣхъ членовъ россійской академіи было 78; изъ нихъ 24 умерли впродолженіе этого періода[24]).

КНЯГИНЯ Е. Р. ДАШКОВА.

Литературные труды княгини Дашковой. — Дашкова, какъ директоръ академіи наукъ. — Дашкова, какъ членъ и предсѣдатель россійской академіи.

I.

Душою академической дѣятельности была основательница россійской академіи, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, занимавшая мѣсто предсѣдателя академіи во все время царствованія Екатерины II. Назначеніе женщины предсѣдателемъ со всѣми правами и обязанностями государственной службы не было новостью для Дашковой, занимавшей уже тогда мѣсто директора академіи наукъ и вслѣдствіе этого принесшей въ сенатѣ присягу, которая требуется отъ всѣхъ лицъ, вступающихъ на государственную службу. Посредствомъ этой присяги Екатерина желала, по ея собственнымъ словамъ, придать гласность и санкцію своему выбору и назначенію. Дашкова была первою русскою женщиною, призванною правительствомъ къ общественной дѣятельности.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743 — 1810) родилась въ Петербургѣ; императрица Елисавета Петровна была ея крестною матерью, а наслѣдникъ престола, впослѣдствіи императоръ Петръ III, былъ ея крестнымъ отцемъ. Воспитывалась она въ домѣ своего дяди по отцу, государственнаго канцлера Михаила Илларіоновича Воронцова. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей жизни Дашкова пристрастилась къ чтенію; любимыми писателями ея были: Бейль, Монтескье, Буало и Вольтеръ; кромѣ библіотеки дяди, ее снабжалъ книгами Ив. Ив. Шуваловъ, получавшій изъ Франціи всѣ литературныя новости; да и собственная ея библіотека простиралась до девяти сотъ томовъ: драгоцѣнными пріобрѣтеніями Дашкова считала энциклопедію и лексиконъ Морери. Дальнѣйшее образованіе и умственное развитіе Дашковой происходило при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Она

имѣла возможность проводить цѣлые года заграницею въ избранномъ кругу ученыхъ и писателей разныхъ странъ и народовъ: Робертсона и Адама Смита въ Шотландіи, Дидро во Франціи, Вольтера въ Швейцаріи, и т. д.

Литературная дѣятельность Дашковой состояла преимущественно въ сотрудничествѣ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ второй половины восьмнадцатаго столѣтія и самаго начала девятнадцатаго. Журналы, въ которыхъ помѣщались ея произведенія, оригинальныя и переводныя, были слѣдующіе: Невинное упражненіе, Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія, Собесѣдникъ любителей россійскаго слова, Новыя ежемѣсячныя сочиненія, Другъ просвѣщенія, Русскій вѣстникъ [25]).

Литературныя занятія Дашковой начались съ первыхъ поръ ея знакомства съ русскимъ языкомъ. По ея собственному признанію, до выхода замужъ она очень плохо говорила по-русски, а какъ родня ея мужа не жаловала иноземщины, и свекровь ея не говорила ни на какомъ иностранномъ языкѣ, то Дашкова ревностно принялась за изученіе русскаго языка, и оказала въ немъ такіе быстрые и блестящіе успѣхи, что заслужила единодушное одобреніе отъ своихъ московскихъ родственниковъ. Она писала въ стихахъ и въ прозѣ, сочиняла комедіи и разсужденія. Изъ массы безцвѣтныхъ мадригаловъ, надписей и другихъ стихотворныхъ бездѣлокъ того времени, принадлежащихъ различнымъ авторамъ, выдѣляются нѣкоторыя стихотворенія Дашковой въ родѣ слѣдующаго четверостишія:

Что есть всему Творецъ — сомнѣнья не имѣю:
Мнѣ сердце говоритъ о немъ;
Но иначе любить я Бога не умѣю
Какъ только въ ближнемъ лишь своемъ.

Эти стихи — говоритъ Дашкова — «сердечныя и умственныя убѣжденія перу моему доктовали».

На первыхъ страницахъ Собесѣдника помѣщены: Фелица Державина, а вслѣдъ за нею два произведенія Дашковой: одно весьма краткое — надпись къ портрету Екатерины II; другое,

весьма пространное, смѣсь прозы и стиховъ, подъ названіемъ: «посланіе къ слову *такъ*». Обращаясь къ многозначительному, мѣняющему свой смыслъ, слову *такъ*, Дашкова говоритъ: «Бывъ преисполнена истиннымъ къ вамъ почтеніемъ, и вразумясь въ важность, силу и точность смысла, кое вы существительно въ себѣ содержите, я не могу довольно надивиться терпѣнію вашему. Дивлюсь суетному употребленію, кое изъ васъ дѣлаютъ, и что мы, худо зная свой языкъ, слово *такъ* приклеиваемъ, гдѣ бы *нѣтъ* справедливѣе и ловче примѣститься могло; чрезъ что важность вашу истребя, едва знаемъ ли мы прямой вѣсъ вашъ, и добровольно теряемъ изъ языка своего слово столь краткое и столь сильное. Частое и совсѣмъ противусмысленное о васъ упоминаніе долженствуетъ васъ возбудить если не къ отмщенію, то по крайней мѣрѣ къ изысканію справедливаго возстановленія упадшей вашей важности....»

Лишь скажетъ кто изъ баръ: ученіе есть вредно,
Невѣжество одно полезно и безбѣдно,
Тутъ всѣ поклонятся, и умный и дуракъ,
И скажутъ не стыдясь: конечно, сударь, *такъ*.
Иные спать ложась боялись въ старину,
Чтобъ утромъ не страдать за чью-нибудь вину;
Однакожъ иногда тѣ вѣкъ свой похваляютъ,
А новы времена неправедно ругаютъ.
Хотя покойно мы теперь ложимся спать,
Не опасаяся невинно пострадать;
Но если знатный рабъ, какъ будто сумасшедшій,
Нашъ новый вѣкъ бранитъ, а хвалитъ вѣкъ прошедшій,
Тогда ему подлецъ, и умный и дуракъ,
Съ поклономъ говоритъ: конечно, сударь, *такъ*.
Наскажетъ секретарь судьѣ иному вракъ,
А тотъ ему въ отвѣтъ: конечно, другъ мой, *такъ*.
Иныя женщины, мужей своихъ лаская,
Французскія слова съ россійскими мѣшая,
Имъ нѣжно говорятъ: mon coeur иль жизнь моя,
Позволь мнѣ помахать; хоть я жена твоя,
Да хочется пожить въ пріятной мнѣ свободѣ
И свѣту показать, что мы живемъ по модѣ;

Вить вѣрность наблюдать конечно prejugé,
И вѣрность въ женщинѣ не глупости ли знакъ?
Тутъ мужъ ей говоритъ: *такъ*, маминька, *такъ*, *такъ*....

Дашкова любила писать стихи, и современные ей цѣнители и судьи съ большою похвалою отзывались о произведеніяхъ ея стихотворческаго таланта. Она перевела стихами изъ Лукана, съ французскаго перевода Бребефа, рѣчь Катона, и знатоки латинскаго языка увѣряли Дашкову, что переводъ ея ближе къ подлиннику, нежели переводъ Бребефа, помѣщенный Вольтеромъ въ его разсужденіи объ эпической поэзіи. Чуждый суевѣрія и малодушія, Катонъ отказывается войти въ храмъ Юпитера Аммона и вопрошать боговъ о будущемъ; въ рѣчи Катона выражается та мысль, что истиннымъ храмомъ божества служатъ небо, земля и сердце, любящее правду, и что для достиженія счастія человѣкъ долженъ руководствоваться вложеннымъ въ душу его нравственнымъ закономъ, ненуждаясь въ посторонней помощи свыше:

Поносную сію мы помощь, говоритъ,
Оставимъ тѣмъ, кого грядущій вѣкъ страшитъ.
Чтобъ въ томъ увѣриться, что жизнь полна бѣдами,
Что внутренней борьбы конца страшимся сами,
Что мужественна смерть почтеннѣе оковъ,—
Не вопрошаю я въ сомнѣніи боговъ.
Какъ Богъ насъ въ бытіе изъ праха сотворяетъ,
Что̀ нужно вѣдать намъ, тогда въ насъ полагаетъ.
Вездѣ Богъ есть, вездѣ Онъ съ нами говоритъ,
Мы знаемъ, что Его гнѣвъ множитъ и мягчитъ:
Въ томъ каждый отъ себя совѣты получаетъ,
Когда лишь прелесть чувствъ ихъ въ насъ не помрачаетъ.
Иль мните въ храмѣ семъ себя Богъ заключилъ,
И благодать Свою лишь въ сихъ мѣстахъ сокрылъ?
Но нуженъ ли Ему иной храмъ особливо,
Какъ небо и земля, какъ сердце справедливо?
Онъ Самъ содержитъ насъ, Онъ правитъ нами Самъ;
Его рука ведетъ, Его лучъ свѣтитъ намъ;
Что̀ видимъ мы, то̀ все Его намъ возвѣщаетъ....
Довольно, Римляне, намъ наставленій тѣхъ,

Что при рожденьи Имъ въ сердца кладутся всѣхъ.
Что̀ будетъ съ нами впредь, когда теперь не знаемъ,
Въ грядущи времена когда не проницаемъ,
Почто жъ намъ суетно стараться узнавать.
Полезнѣй то не знать, что хочетъ Онъ скрывать.... [26])

Въ статьяхъ Дашковой, касающихся вопросовъ общественной жизни, выражается преобладающее направленіе мыслящихъ людей ея времени. Въ основѣ понятій своихъ о призваніи русскаго писателя и требованіяхъ умственной и общественной жизни Дашкова сходилась съ воззрѣніями Новикова, Болтина, Щербатова и другихъ замѣчательныхъ ея современниковъ. Недовольство настоящимъ естественно ведетъ къ сочувствію къ прошедшему, вытѣсненному настоящимъ; и также естественно и въ природѣ человѣка — нѣсколько преувеличивать и присущее зло и давно минувшее добро. Это психологическое условіе нельзя терять изъ виду при оцѣнкѣ образа мыслей того или другаго писателя, ибо нерѣдко увлеченіе писателя доказываетъ отнюдь не его умственную близорукость, а напротивъ того — его живое отношеніе къ дѣлу, является протестомъ противъ окружающей его неправды. Тотъ же самый Новиковъ издавалъ и сатирическіе журналы и памятники русской старины, и оба изданія вызваны были одною и того же цѣлію — пробудить въ русскомъ обществѣ самосознаніе, уваженье къ своей странѣ, къ своему народу, къ умственному и нравственному достоинству человѣка. И у Дашковой сочувствіе къ доброму старому времени находилось въ живой связи съ сознаніемъ недостаткомъ настоящаго и съ разумнымъ стремленіемъ къ лучшему. Не представляя прошлаго исключительно въ розовомъ свѣтѣ, Дашкова отдаетъ преимущество старинному быту въ томъ отношеніи, что главнымъ врагомъ добра и истины было тогда одно невѣжество, а теперь — нравственная испорченность: а «неуча — говорила она — научить можно скорѣе, нежели развратнаго исправить». Степень умственнаго и нравственнаго развитія общества особенно ясно опредѣляется господствующими понятіями о воспитаніи. Въ этомъ

отношеніи въ исторіи нашего общественнаго развитія Дашкова указываетъ четыре періода, соотвѣтствующіе четыремъ поколѣніямъ, представители которыхъ: прадѣды наши, дѣды, отцы и наконецъ дѣти, т. е. поколѣніе современное автору.

Прадѣды наши называли воспитаніемъ то, когда выучатъ дѣтей своихъ псалтыри и считать по счетамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они научали ихъ повиноваться закону и свято хранить данное слово или обѣщаніе. Нельзя однакоже назвать этого *воспитаніемъ*, потому что они не имѣли понятія о *естественномъ правѣ*, и въ невѣдѣніи своемъ могли быть суровыми отцами и мужьями и жестокими въ отношеніи рабовъ.

Дѣды наши понимали воспитаніе нѣсколько иначе. Жалкое состояніе правосудія заставило ихъ учить дѣтей своихъ уложенію, за которымъ слѣдовало чтеніе воинскаго артикула и сказки о Бовѣ королевичѣ; иные не брезгали и ариѳметикой. Само собою разумѣется, что все это не заслуживаетъ названья воспитанія; но хорошая, хотя и отрицательная, сторона тогдашнихъ нравовъ заключалась въ томъ, что русскіе еще не стыдились быть *русскими*.

Отцы наши старались воспитывать насъ именно такимъ образомъ, чтобы мы перестали быть русскими. Орудіемъ къ этому служили французы и француженки, учителя, бывшіе лакеями и мадамы сомнительной нравственности. Знатные господа увѣряли, что просвѣщеніе водворилось въ нашемъ отечествѣ, и доказывали это тѣмъ, что у насъ завелись marchandes de mode, французскіе обойщики, швейцары и лотереи, но отнюдь не въ пользу бѣдныхъ или больныхъ. Такое воспитаніе не только безполезно, но положительно вредно, подрывая любовь къ отечеству и нравственныя основы семейной и общественной жизни.

Воспитаніе, которое мы даемъ своимъ дѣтямъ, еще болѣе удаляется отъ истиннаго смысла слова *воспитаніе*. Къ учителямъ-французамъ прибавилось теперь новое зло — путешествіе заграницей безъ всякой разумной цѣли: предаваясь праздности, роскоши и всевозможнымъ порокамъ въ Парижѣ или въ Страз-

бургѣ, путешественники возвращаются на родину съ истощеннымъ тѣломъ, съ истощеннымъ смысломъ и кошелькомъ. Такое воспитаніе отзывается гибельными послѣдствіями на семейной жизни. Отъ браковъ уклоняются какъ люди достойные, такъ и люди легкомысленные: первые потому, чтобы не взять за модною женою множества неоплатныхъ долговъ; вторые, которыхъ Дашкова называетъ *парижскими россіянами*, не женятся потому, что c'est du bon ton быть холостымъ, и чтобы не увеличивать затрудненій, которыми они и безъ того обременены, увертываясь и обманывая своихъ кредиторовъ.

Воспитаніе раньше начинается и позднѣе оканчивается, нежели обыкновенно думаютъ. Оно состоитъ не въ однихъ внѣшнихъ талантахъ, не въ одномъ знаніи иностранныхъ языковъ, даже не въ одномъ научномъ образованіи. Истинное, совершенное *воспитаніе* заключаетъ въ себѣ три, соединенныя въ одно цѣлое, начала: воспитаніе *физическое*, *нравственное* и наконецъ *школьное* или *классическое* [27]).

Подобнымъ же образомъ опредѣляется слово *воспитаніе* и въ академическомъ словарѣ: «*воспитываю* — пекуся, прилагаю стараніе о наученіи, наставленіи дѣтей касательно упражненія *разума*, упражненія *тѣлеснаго*, а *наипаче добронравія*; *воспитаніе* — стараніе, пріемлемое кѣмъ-либо въ разсужденіи наставленія, наученія дѣтей нужнымъ знаніямъ, добронравію и проч.» [28]).

Школьное или классическое воспитаніе требуетъ, по понятію Дашковой, прежде всего изученія отечественнаго языка; древніе языки также должны быть изучаемы съ тою цѣлью, чтобы заимствовать высокія мысли и красоты изъ греческихъ и римскихъ писателей; для сношеній съ иностранцами надо знать языки: нѣмецкій, англійскій или французскій; необходима также ариѳметика. Затѣмъ Дашкова исчисляетъ предметы, входящіе въ составъ испытанія для полученія ученой степени (magister artium) въ эдимбургскомъ университетѣ [29]).

Чувство народнаго самосознанія, одушевлявшее лучшихъ людей восьмнадцатаго столѣтія, пробудилось съ новою силою въ

нашей литературѣ въ началѣ девятнадцаго вѣка отчасти вслѣдствіе политическихъ событій. Главнѣйшая наука для человѣка — говорили писатели — заключается въ познаніи себя, а для гражданина — въ познаніи своего отечества: изучая его правдиво и всесторонно, русскіе обогатятся своимъ роднымъ добромъ, а не чужимъ и не заимствованнымъ. Цѣль, съ которою предпринято изданіе Русскаго Вѣстника, соотвѣтствовала настроенію тогдашняго общества. На призывъ издателя откликнулась Дашкова: она услышала знакомые звуки, въ душѣ ея ожили преданія ея вѣка. Въ статьѣ своей она возстаетъ противъ безумнаго презрѣнія къ своему и слѣпаго подражанія иноземщинѣ. Сочувствіе свое къ новому журналу она объясняетъ тѣмъ, что увидѣла въ немъ и любовь къ Россіи и любовь къ русскому языку. Читая первую книжку Русскаго Вѣстника, она говорила сама себѣ: «есть еще русскіе писатели, любящіе свое отечество и знающіе цѣну, плѣнительную нѣжность, богатство и силу прародительскаго нашего языка».

Дашковой несомнѣнно принадлежитъ комедія *Тоисёковъ*, написанная ею по вызову Екатерины для эрмитажнаго театра. На первомъ планѣ комедіи — два лица: Тоисёковъ, запутывающій свои дѣла, и Рѣшимова, распутывающая ихъ своею энергіею. По тогдашнему литературному обычаю пьеса заключается торжествомъ добродѣтели, наградою за честный образъ дѣйствій и благородныя чувства. Одною сатирою не исчерпывалась задача писателя-обличителя, и Дашкова, осмѣивая Тоисёкова, обращаетъ вниманіе критиковъ на то, что въ ея комедіи «не упущено въ другихъ лицахъ черты почтеннаго и добродѣтельнаго стариннаго характера нашихъ предковъ на память нашу приводить». Тоисёковъ названъ такъ потому, что онъ «и то и сё желаетъ, и то и сё приказываетъ»: прощай, господинъ и То и Сё, — говоритъ ему Рѣшимова. У него нѣтъ ни своего образа мыслей, ни воли, ни характера; по отзывамъ окружающихъ его, это — не человѣкъ, а никуда негодная тряпка. Рѣзкую противоположность ему составляетъ Рѣшимова, преобладающее свойство которой слышится уже въ самомъ ея названіи. Рѣшимову всего болѣе

возмущаетъ въ человѣкѣ отсутствіе характера. «по моему—говоритъ она — какой-нибудь да нравъ лучше, нежели никакого не имѣть: какъ бы крутъ ни былъ, захочешь, такъ подладишь, а вертушка — жестяная да деревянная хороша, а не съ руками и съ ногами». Изстари слыла Рѣшимова женщиною съ характеромъ: баба съ головою — говорили про нее всѣ знавшіе ее, и сама она сознавала, что имѣетъ волю и умѣетъ ею пользоваться. Пятнадцати лѣтъ вышла она замужъ, и хотя мужъ ея былъ весьма умнымъ человѣкомъ, но вполнѣ ей подчинялся: воля ея была для него закономъ. Впрочемъ подобныя отношенія между супругами вообще она не признавала нормальными, предоставляя первую роль мужу: въ важномъ дѣлѣ — говоритъ она — жена конечно должна повиноваться мужу, а въ бездѣлкахъ, въ спорахъ о мартышкахъ, попугаяхъ, сорокахъ, дозволяется и женѣ имѣть свое мнѣніе и сказать свое словцо.

Въ лицѣ и отчасти въ судьбѣ Рѣшимовой обнаруживаются, намѣренно или невольно со стороны автора, нѣкоторыя черты собственной личности автора, его ума и характера. Быть можетъ Тоисёковъ и Рѣшимова имѣютъ отношеніе и къ тогдашей дѣйствительности, напоминая, хотя бы и отдаленно, съ одной стороны образъ дѣйствій Екатерины и ея сподвижницы Дашковой, съ другой — кого-либо изъ лицъ враждебнаго имъ лагеря. Сама Дашкова свидѣтельствуетъ, что герой ея комедіи взятъ прямо изъ жизни: называетъ его типическимъ лицомъ петербургскаго общества, и говоритъ, что прозвище Тоисёковъ (this and that) дано ему для того, чтобы никого не оскорбить [30]).

Вмѣстѣ съ любовью къ литературѣ весьма рано обнаружилась и быстро развивалась у Дашковой другая, не менѣе сильная, страсть — къ политикѣ, къ дѣятельному участію въ движеніи и переворотахъ общественной жизни. Въ самой ранней молодости Дашкова осаждала дипломатовъ и путешественниковъ вопросами о формѣ правленія, о законодательствѣ у различныхъ народовъ и т. п. Рѣшительнымъ и блестящимъ испытаніемъ ея политическихъ способностей были дѣйствія ея во время іюньскихъ

событій 1762 года. Англійскій посолъ при русскомъ дворѣ, Джоржъ Макартней, говоритъ о Дашковой: «будучи двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, она уже участвовала въ полдюжинѣ заговоровъ; эта женщица обладаетъ рѣдкою силою ума, смѣлостью превосходящею храбрость любаго мужчины, и энергіей, способной предпринимать задачи самыя невозможныя, для удовлетворенія преобладающей ея страсти»[31]).

Если Дашкова и отказывалась отъ назначенія ея президентомъ академіи наукъ, говоря, что ей болѣе пристало быть начальницей надъ прачками, нежели главою академіи, то въ этихъ словахъ гораздо болѣе остроумія, нежели искренности. Управленіе двумя академіями соотвѣтствовало призванію Дашковой, удовлетворяя какъ ея любви къ наукѣ и литературѣ, такъ и ея стремленію къ общественной дѣятельности. Принявъ въ свои руки управленіе академіею наукъ, Дашкова сразу дала почувствовать окружающимъ, что они имѣютъ дѣло съ «бабой-мужикомъ», какъ называлъ Державинъ сподвижницу Екатерины, обладавшую неженскою силою воли и характера.

II.

24 января 1783 года послѣдовалъ именной указъ сенату о томъ, что «дирекція надъ с.-петербургскою академіею наукъ препоручается статсъ-дамѣ княгинѣ Дашковой».

Въ первой рѣчи своей, обращенной къ академикамъ, Дашкова выразила надежду, что свѣтъ наукъ, пустившихъ глубокіе корни, распространится изъ академіи по всему отечеству: «науки не будутъ уже водворяться въ семъ единомъ обиталищѣ, но, присвоены будучи всему отечеству и вкоренившись, процвѣтать будутъ» — les sciences cesseront d'être simplement domiciliées ici, mais que neutralisées elles jetteront des racines profondes.

Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для достиженія просвѣтительной цѣли Дашкова считала открытіе публичныхъ курсовъ. Она пригласила русскихъ академиковъ и адъюнктовъ избрать предметы для лекцій, и благодаря ея разумному содѣй-

ствію ежегодно, втеченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, читались на русскомъ языкѣ публичные курсы по нѣсколькимъ предметамъ. Котельниковъ читалъ математику — алгебру, геометрію и механику; Озерецковскій — естественную исторію; Соколовъ и Захаровъ — химію; Севергинъ — минералогію; Кононовъ и Гурьевъ — физику. Общество обнаружило большое сочувствіе къ этимъ чтеніямъ, доказательствомъ чему служитъ быстро возраставшее число слушателей, достигшее такихъ размѣровъ, что въ залѣ не ставало мѣста для всѣхъ желающихъ посѣщать академическіе курсы. Дашкова, принимая живое участіе въ чтеніяхъ, открытыхъ по ея мысли, предлагала въ нихъ тѣ или другія измѣненія и снабжала аудиторіи необходимыми научными пособіями. Захарову, читавшему химію по системѣ Лавуазье, она предложила избрать другую отрасль естествознанія, наиболѣе ему сподручную; Озерецковскій заявилъ желаніе читать минералогію, Дашкова прислала собраніе минераловъ, которымъ онъ могъ бы пользоваться при изложеніи предмета, и т. п.

Стараясь возбуждать и поддерживать ученую и литературную дѣятельность на пользу Россіи, Дашкова заботилась о снаряженіи ученыхъ экспедицій въ различные края Россіи и предприняла нѣсколько періодическихъ изданій. Во время ея директорства стали выходить при академіи наукъ: Собесѣдникъ любителей россійскаго слова и Новыя ежемѣсячныя сочиненія, а также начата новая серія академическихъ мемуаровъ подъ названіемъ: Nova acta academiae scientiarnm petropolitanae. Рядъ ученыхъ трудовъ, помѣщенныхъ въ «новыхъ актахъ», начинается съ 1783 года, и въ предисловіи къ первому тому заявлено, что для обновленія ученаго изданія нельзя было найти лучшаго времени, какъ знаменательный 1783 годъ, въ которомъ «во главѣ академіи является лицо, возбуждающее удивленіе литературнаго міра своею образованностью и своею ревностью къ распространенію полезныхъ знаній». Съ именемъ Дашковой связано появленіе изданій, имѣющихъ неоспоримую цѣну въ наукѣ и литера-

турѣ, и послужившихъ признакомъ лучшей поры, наступившей для многихъ сторонъ академической дѣятельности. Къ такому выводу приходятъ и современные намъ ученые, основываясь на безпристрастной оцѣнкѣ фактовъ, представляемыхъ исторіею академіи наукъ. Въ обозрѣніи академическихъ изданій, помѣщенномъ въ ученыхъ запискахъ академіи, такъ опредѣляется значеніе Дашковой: «Въ числѣ академиковъ старшаго и младшаго поколѣній не было недостатка въ людяхъ, готовыхъ дѣйствовать, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ пользу русскаго образованія: такія обстоятельства настали съ 1783 года, когда въ директоры академіи пожалована была княгиня Дашкова. При новомъ движеніи дѣлъ положено было начать новую серію мемуаровъ. Княгиня Дашкова, вскорѣ по вступленіи въ должность директора, позаботилась обогатить русскую словесность оригинальными и переводными сочиненіями и сборниками» и т. д.

Принимая непосредственное участіе въ періодической печати, внося въ нее свои литературные вклады, Дашкова слѣдила за впечатлѣніемъ, которое производили статьи, помѣщаемыя въ академическихъ изданіяхъ.

Въ ряду многочисленныхъ изслѣдованій она придавала особенную цѣну мемуару академика Крафта именно потому, что трудъ этотъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ Россіи и къ русской жизни. Крафтъ разсматриваетъ статистическія данныя о движеніи народонаселенія въ Петербургѣ въ семнадцатилѣтній періодъ, съ 1764 по 1780 годъ, и приходитъ къ выводамъ, что въ Петербургѣ изъ 1000 человѣкъ умираетъ ежегодно около 28, между тѣмъ какъ въ другихъ большихъ городахъ на 1000 человѣкъ приходится около 42 умирающихъ; что смертность въ Петербургѣ всего сильнѣе въ маѣ и всего слабѣе въ ноябрѣ, и т. п. Причину благопріятныхъ для Петербурга условій сравнительно съ другими городами Крафтъ объясняетъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ петербургскихъ жителей, здоровымъ воздухомъ сѣверной столицы, перерѣзываемой широкими и просторными ули-

цами, и хорошимъ качествомъ невской воды. Числовыя показанія, собранныя Крафтомъ, отличаются подробностью, а выводы его затрогиваютъ существенные вопросы какъ напримѣръ: о степени раждаемости по поламъ, о степени смертности по возрастамъ и о сравнительной убыли въ туземномъ и пришломъ населеніи. Доказывая необходимость собиранія и изученія статистическихъ данныхъ, относящихся ко всему населенному пространству имперіи, авторъ называетъ ихъ политическимъ термометромъ, опредѣляющимъ благосостояніе народа и указывающимъ наиболѣе вѣрныя средства для улучшенія народнаго быта. Дашкова, отзываясь съ величайшимъ сочувствіемъ о мемуарѣ Крафта, выразила желаніе, чтобы и другіе академики посвящали труды свои такимъ предметамъ, изслѣдованіе которыхъ наиболѣе потребно для пользы русскаго общества и для блага Россіи.

Прислушиваясь къ говору общества, Дашкова поручила академикамъ внимательно разсмотрѣть помѣщенную въ «новыхъ актахъ» статью Зуева, заключающую въ себѣ описаніе двухъ экземпляровъ муренъ, и немедленно исключить ее изъ академическаго изданія, если невыгодные отзывы о ней окажутся справедливыми. Академики единогласно заявили, что статья Зуева, не заключая въ себѣ ничего противнаго научнымъ требованіямъ, должна сохранить свое мѣсто на страницахъ ученаго изданія. При извѣстіи о смерти Зуева академія снова подтвердила, что *всѣ* мемуары его свидѣтельствуютъ о его талантѣ и о его обширныхъ познаніяхъ: въ словѣ *всѣ* заключается намекъ на гоненія, которымъ подвергался Зуевъ въ послѣдніе года своей жизни.

Выходка противъ мемуара Зуева идетъ въ разрѣзъ съ обыкновеннымъ образомъ дѣйствій Дашковой, неоднократно увѣрявшей, и устно и письменно, что она уважаетъ права спеціальности и не позволитъ себѣ ни малѣйшаго вмѣшательства въ ученые труды и изданія. Она даже сдѣлала видъ, что вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ академиковъ, признавшихъ нужнымъ

исключить изъ печатаемаго очерка многословныя восхваленія построеннаго ею академическаго зданія. На самомъ же дѣлѣ она была въ высшей степени чувствительна ко всякаго рода похвалѣ, и писала конференціи, что никогда не забудетъ тѣхъ лестныхъ отзывовъ, которые многіе изъ академиковъ сдѣлали о ней въ ученомъ собраніи. Но будучи самолюбива и тщеславна, Дашкова умѣла щадить самолюбіе другихъ, и не давала младшихъ членовъ ученой корпораціи въ обиду старшимъ и вліятельнымъ.

Въ академической конференціи состоялось постановленіе, чтобы адъюнкты представляли труды свои предварительно на судъ спеціалиста-профессора и только по его одобреніи вносили ихъ въ общее собраніе. Дашкова рѣшительно воспротивилась этому, считая подобную мѣру нарушеніемъ правъ ученаго, оскорбительною для него опекою, стѣсняющею необходимую для науки свободу. Слава—говоритъ она—часто бываетъ единственною наградою для труженика науки: зачѣмъ же посягать на его достояніе? Пусть всѣ узнаютъ о его открытіи, и оцѣнятъ оное по справедливости; если же какое-либо научное открытіе сообщено будетъ въ мемуарѣ адъюнкта, прошедшемъ черезъ руки профессора, то весьма возможно предположеніе о постороннемъ участіи, умаляющемъ заслугу автора, въ особенности если молодой ученый успѣлъ нажить себѣ завистливыхъ недоброжелателей.

Равноправность, требуемая Дашковою въ вопросахъ чисто научныхъ, была наблюдаема, въ большей или меньшей степени, и въ академической жизни вообще. Не смотря на нѣкоторыя увлеченія, Дашкова обнаружила много такта въ сношеніяхъ своихъ съ академиками. Она знала, кому и какъ выразить свое вниманіе и уваженіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣла сдерживать заносчивыя выходки людей, добивавшихся почета не по ученымъ заслугамъ, а по своимъ чинамъ и внѣшнимъ отличіямъ. Впервые вступая въ академію наукъ въ званіи ея директора, Дашкова явилась въ академическое собраніе въ сопровожденіи знаменитаго Ейлера, и когда тщеславный Штелинъ по праву статскаго совѣтника занялъ первое мѣсто, Дашкова, обратясь къ Ейлеру,

сказала: «садитесь, гдѣ вамъ угодно: мѣсто, которое *вы* займете, будетъ всегда *первымъ*».

Дашкова ревниво оберегала достоинство ученой корпораціи, и требовала строгой разборчивости въ выборѣ членовъ какъ дѣйствительныхъ, такъ и почетныхъ. Она старалась поддержать значеніе академическаго диплома, вручая его только лицамъ, научныя заслуги которыхъ пользовались въ ученомъ мірѣ общимъ и безспорнымъ уваженіемъ. Несмотря однакоже на всю осторожность въ выборѣ членовъ, Дашковой пришлось выдержать нѣсколько столкновеній въ академической средѣ, весьма чувствительныхъ для ея самолюбія. По ея предложенію единодушно избранъ былъ въ почетные члены академіи графъ Григорій Кирилловичъ Разумовскій — натуралистъ, составившій себѣ извѣстность въ европейской литературѣ трудами своими по геогнозіи и минералогіи. Разумовскій возвратилъ присланный ему дипломъ на званіе почетнаго члена петербургской академіи наукъ, и въ письмахъ своихъ къ Дашковой и къ Ейлеру, бывшему тогда непремѣннымъ секретаремъ академіи, съ жолчью говоритъ о Россіи, выражая желаніе навсегда покинуть отечество. За границею Разумовскій жилъ преимущественно въ Швейцаріи, гдѣ и основалъ ученое общество въ Лозаннѣ — société des sciences physiques. Онъ умеръ въ Моравіи въ 1837 году[32]).

Вникая во всѣ подробности академической жизни и въ отношенія ея къ обществу, Дашкова не оставалась равнодушною даже къ слухамъ, ходившимъ по городу, и стараясь разоблачать ихъ, прибѣгала иногда къ пріемамъ весьма оригинальнымъ. Въ одномъ изъ академическихъ собраній она сообщила черезъ непремѣннаго секретаря, что Палласъ распускаетъ по городу слухъ, будто бы академики недовольны своимъ директоромъ, и потребовала, чтобы каждый изъ нихъ прямо и открыто объявилъ, доволенъ ли онъ ею или нѣтъ. Почти всѣ академики заявили, что они не имѣютъ ни малѣйшаго повода жаловаться на Дашкову, управленіе которой находятъ какъ нельзя болѣе благопріятнымъ и для нихъ лично и для развитія наукъ вообще. Въ лагерѣ не-

довольныхъ оказалось только двое — Лексель и Палласъ, выразившіе готовность изложить свои доводы не только устно, но и письменно. У Лекселя были чисто личныя причины къ неудовольствію. Палласъ же возставалъ всего болѣе противъ удаленія адъюнкта Зуева, и видѣлъ въ этомъ поступкѣ Дашковой оскорбленіе всей ученой корпораціи и произволъ власти, для котораго нельзя найти оправданія. Дашкова исключила Зуева изъ академіи на томъ основаніи, что онъ не исполнялъ лежащихъ на немъ обязанностей, занимаясь посторонними дѣлами и втеченіе двухъ лѣтъ не представлялъ отчета о своемъ путешествіи. Палласъ предлагалъ балотировать вопросъ: исполнялъ ли свои обязанности удаленный Дашковою членъ академіи; но это предложеніе отвергнуто большинствомъ. Въ свою очередь Дашкова не жаловала Палласа, который былъ вхожъ ко двору и участвовалъ въ изданіи сравнительнаго словаря Екатерины. Дашкова насмѣшливо говоритъ объ этомъ словарѣ, называя его компиляціей Палласа, который, по ея словамъ, желая польстить литературному самолюбію Екатерины, истратилъ огромныя суммы на изданіе своей компиляціи и на разсылку гонцовъ въ отдаленные края, чтобы поймать налету нѣсколько словъ на разныхъ языкахъ. Неудовольствіе на Палласа, сдерживаемое его громкою извѣстностью въ ученомъ мірѣ и близостью ко двору, обрушилось со всею силою на его адъюнкта — Зуева. Впрочемъ, Дашкова упорствовала недолго: уступая единодушному ходатайству академиковъ, она согласилась отмѣнить свое рѣшеніе касательно Зуева. Преслѣдованіе ученаго изъ личной ненависти и мести бросаетъ невыгодный свѣтъ на лицо, въ рукахъ котораго была власть. Но надо замѣтить, что подобныя вспышки самоуправства проявлялись у Дашковой весьма рѣдко и исчезали довольно скоро. Самая среда дѣйствовала благотворно: общество ученыхъ, жившихъ и трудившихся для науки, не давая пищи для интригъ, указывало честолюбію Дашковой цѣль болѣе высокую — завидную роль просвѣтительницы русскаго общества. Дашкова въ средѣ ученыхъ академиковъ и Дашкова въ придворномъ кругу — два совершенно разныя лица.

Удаленіе члена академіи представляется исключительнымъ случаемъ, и заботы Дашковой направлены были къ тому, чтобы не уменьшать, а увеличивать число дѣйствительно достойныхъ и полезныхъ тружениковъ. Нѣкоторые изъ русскихъ академиковъ, составившіе себѣ почетную извѣстность своими трудами, призваны были къ ученой дѣятельности Дашковою. Она избрала изъ питомцевъ академіи (élèves académiques) нѣсколькихъ молодыхъ людей, отличавшихся своею даровитостью, въ томъ числѣ Севергина, и послала ихъ въ геттингенскій университетъ для окончательнаго образованія. Не полагаясь безусловно на свой личный выборъ, она поручила провѣрить его академику Лепехину. Поддержанные и руководимые совѣтами Лепехина, они выбрали спеціальные предметы для изученія: Севергинъ — минералогію, Павловъ—астрономію, Кононовъ—физику, Захаровъ—химію. Академія наукъ напутствовала ихъ инструкціею, и они обязаны были представлять академіи отчеты о своихъ занятіяхъ. Отзывы иностранныхъ профессоровъ о ихъ русскихъ ученикахъ были самые лестные и притомъ вполнѣ заслуженные. Послѣдующая дѣятельность возвратившихся въ отечество питомцевъ академической гимназіи какъ нельзя болѣе оправдала счастливый выборъ Дашковой.

Разсадникъ молодыхъ силъ—академическая гимназія всегда была предметомъ заботливости Дашковой. Втеченіе одиннадцати лѣтъ ея директорства много полезныхъ для Россіи дѣятелей вышло изъ этого заведенія, и изъ всей массы учащихся умеръ только одинъ. Заботясь о матеріальномъ благосостояніи гимназіи, Дашкова испросила разрѣшеніе внести сбереженныя ею сорокъ тысячъ рублей въ государственный банкъ съ тѣмъ, чтобы капиталъ этотъ оставался неприкосновеннымъ, а проценты употреблялись на увеличеніе и улучшеніе академической гимназіи. Умѣнье Дашковой распоряжаться матеріальными средствами видно изъ того, что она сберегла болѣе полумилліона академическихъ суммъ и уплатила лежавшіе на академіи долги: при прежнихъ порядкахъ академія наукъ задолжала многимъ книгопродав-

цамъ — русскимъ, французскимъ и голландскимъ; Дашкова выплатила этотъ долгъ безъ пособія правительства, а посредствомъ продажи книгъ, изданныхъ академіею, тридцатью процентами ниже обыкновенной цѣны, и т. п.

Съ цѣлью доставить русскому обществу возможность читать на родномъ языкѣ произведенія иностранныхъ литературъ и публицистики, Дашкова основала учрежденіе, въ составъ котораго вошли преимущественно бывшіе воспитанники академической гимназіи, принявшіе на себя обязанность заниматься переводами съ иностранныхъ языковъ подъ руководствомъ Протасова. Это и есть тотъ «переводчическій департаментъ», который, по свидѣтельству митрополита Евгенія, замѣнилъ собою «собраніе переводчиковъ» или «россійское собраніе» при академіи наукъ. Въ прежнія времена политическія извѣстія заимствовались изъ иностранныхъ источниковъ людьми неподготовленными, чуждыми не только политической, но и какой-бы то ни было образованности; Дашкова сдѣлала распоряженіе, чтобы всѣ иностранныя газеты отсылались къ академику Протасову, и чтобы все, касающееся политики, переводилось изъ нихъ по его выбору и подъ его руководствомъ, и т. д.

Не вдаваясь въ подробную оцѣнку всѣхъ дѣйствій и предпріятій Дашковой, замѣтимъ, что каковы бы ни были сужденія о ней, какъ о человѣкѣ, ея неутомимая заботливость о ввѣренномъ ей ученомъ учрежденіи пріобрѣла ей неотъемлемое право на видное мѣсто въ исторіи академіи наукъ [33]).

III.

Такую же энергію и дѣятельность обнаружила Дашкова и въ управленіи учрежденною по ея мысли россійскою академіею. Во многихъ отношеніяхъ лучшею порою для россійской академіи было то время, когда во главѣ ея находилась Дашкова. Все, что относится ко внутренней жизни академіи и къ ея внѣшней обстановкѣ, было близко сердцу Дашковой, нещадившей ни времени, ни труда, чтобы довести свое созданіе до возможной степени

совершенства. Въ личной дѣятельности Дашковой заключалось созидающее и оживляющее начало, проявлявшееся въ первомъ періодѣ академіи — въ работахъ и предпріятіяхъ членовъ, въ предметѣ и характерѣ ученыхъ собраній. Самою ревностною посѣтительницею академическихъ собраній была Дашкова. Только болѣзнь и преимущественно отсутствіе изъ Петербурга лишали ее возможности являться въ академію. Но и во время своего отсутствія она не переставала принимать живое и дѣйствительное участіе въ академическихъ дѣлахъ: продолжала работать для словаря, дѣлала различныя заявленія черезъ посредство непремѣннаго секретаря академіи, и т. п. При избраніи новыхъ лицъ въ члены россійской академіи Дашкова свидѣтельствовала передъ собраніемъ о ихъ заслугахъ. Огромное большинство академиковъ избрано по ея предложенію; по ея же мысли возникъ разсадникъ молодыхъ людей, посвящающихъ себя ученой дѣятельности. Избравъ сочленовъ, Дашкова распредѣляла между ними занятія, неутомимо слѣдила за ходомъ ученыхъ работъ, подвергала ихъ внимательному разсмотрѣнію въ академическихъ собраніяхъ, привѣтствовала каждую счастливую мысль, и горячо спорила противъ мнѣнія, которое признавала несправедливымъ. При оспариваніи чужихъ мнѣній она иногда впадала въ крайность, обнаруживала излишнюю настойчивость и нетерпимость. Дашкова умѣла ставить вопросы, возбуждала оживленныя пренія, призывала сочленовъ къ изслѣдованію различныхъ сторонъ въ области занимающаго ихъ предмета и руководила научными работами. Не ограничиваясь ролью руководительницы, Дашкова принесла академіи и весьма значительную долю своего личнаго труда, работая сама надъ рѣшеніемъ вопросовъ и выполненіемъ предпріятій, возникавшихъ въ ученомъ кругу академіи. Въ управленіи россійскою академіею, въ сношеніяхъ съ ея членами, въ академической жизни вообще Дашкова обнаружила много ума, таланта, энергіи и уваженія къ наукѣ и къ человѣческому достоинству.

Сказанное нами о Дашковой, какъ о членѣ и предсѣдателѣ

россійской академіи, не заключаетъ въ себѣ ни одной произвольной черты и подтверждается многочисленными данными, находящимися въ рукописяхъ академическаго архива. На основаніи архивныхъ матеріаловъ составлены нами и статистическія указанія для болѣе точнаго опредѣленія сообщаемыхъ фактовъ.

Втеченіе всего времени предсѣдательства Дашковой происходило въ россійской академіи 364 собранія: изъ общаго числа 364 Дашкова присутствовала въ 263 собраніяхъ, и если она не могла быть во всѣхъ академическихъ засѣданіяхъ безъ исключенія, то главнымъ образомъ потому, что неоднократно и надолго уѣзжала изъ Петербурга. Но мысль и трудъ ея не покидали академіи и во время разлуки съ нею. Не присутствуя по болѣзни въ одномъ изъ собраній, она предложила черезъ непремѣннаго секретаря немедленно утвердить общій, руководящій планъ словаря на основаніи представленныхъ академиками замѣчаній и соображеній, а членовъ «грамматикальнаго» отдѣла просила приступить къ обработкѣ словъ, начинающихся на первыя двѣ буквы, и затѣмъ передать ихъ въ отдѣлъ объяснительный. Съ своей стороны она заявила, что считая совершенно излишнимъ помѣщеніе собственныхъ именъ, находитъ нужнымъ исключить ихъ изъ словаря. Уѣзжая изъ Петербурга при самомъ началѣ работъ по новому предпріятію академіи — по изданію словаря въ азбучномъ порядкѣ, Дашкова предложила, чтобы сочлены ея держались тѣхъ же началъ, которымъ слѣдовали при изготовленіи матеріаловъ, разсматриваніи и изданіи словаря словопроизводнаго, и приняла на себя обязанность разсматривать высылаемые ей листы новаго словаря и дѣлать поправки и замѣчанія[34]).

Около половины членовъ россійской академіи вошли въ составъ академіи до открытія ея собраній, слѣдовательно выборъ ихъ исключительно зависѣлъ отъ Дашковой. Изъ остальныхъ членовъ 16 предложены Дашковою и 6 ею же вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами. Для успѣшнаго хода академическихъ работъ необходимо было участіе молодыхъ силъ, неотвлекае-

мыхъ посторонними занятіями, и Дашкова придумала учрежденіе такъ называемыхъ пріобщниковъ академіи. «Предсѣдатель академіи, княгиня Екатерина Романовна Дашкова — сказано въ въ запискахъ академіи — попечительствуя всегда о благопоспѣшеніи общаго академіи труда, предложила, поелику настоящій академіи трудъ требуетъ довольнаго предварительнаго упражненія, чтобы съ пользою и добрымъ успѣхомъ участвовать въ ономъ, избрать осьмерыхъ изъ молодыхъ людей, оказавшихъ уже успѣхи въ отечественномъ языкѣ нашемъ, подъ названіемъ пріобщниковъ россійской академіи, которымъ предоставить право засѣданія за общимъ съ членами столомъ, но ниже оныхъ и не мѣшаяся съ ними; притомъ подавать свои голоса и мнѣнія при разсужденіяхъ въ собраніяхъ академіи, также и соучаствовать въ трудахъ оныя, исключая право на жетоны, медаль и на избраніе въ члены. И когда кто изъ таковыхъ пріобщниковъ окажетъ усердіе и успѣхи въ общемъ трудѣ, то по избранію академіи можетъ заступить упалое мѣсто члена и пользоваться тогда всѣми правами, членамъ академіи предопредѣленными». Предложеніе Дашковой принято было всѣми съ полнымъ сочувствіемъ, и постановлено—предоставить исключительно ей выборъ пріобщниковъ какъ при первомъ устройствѣ этого учрежденія, такъ и на будущія времена [85]).

Разнообразіе и сложность работъ по изданію словопроизводнаго словаря требовали раздѣленія труда, и Дашкова образовала три отдѣла: грамматическій, объяснительный и редакціонный, и распредѣлила сочленовъ своихъ по избраннымъ ими отдѣламъ. Такимъ же образомъ составленъ ею особый отдѣлъ для объясненія словъ техническихъ, употребляемыхъ въ наукахъ, искусствахъ, ремеслахъ, промыслахъ и т. п. Члены этого отдѣла собирались еженедѣльно въ ея домѣ и подъ ея предсѣдательствомъ, и результаты своихъ работъ и совѣщаній представляли на утвержденіе общаго собранія академіи. Дашкова же настояла на томъ, чтобы трудъ составленія словаря былъ систематически распредѣленъ между академиками, и чтобы каждый членъ, соби-

равшій слова на ту или другую букву, непремѣнно доставилъ ихъ къ опредѣленному сроку [36]).

Распредѣляя занятія и руководя ими, внося въ академическую жизнь начало порядка и стройности, Дашкова высказывалась врагомъ излишней регламентаціи и ограждала свободу ученыхъ работъ отъ стѣснительныхъ для нихъ условій. Въ собраніяхъ академіи заявлено было требованіе, чтобы каждый членъ россійской академіи обязанъ былъ представлять на ея судъ все, что онъ ни напишетъ, и безъ ея согласія не имѣлъ права печатать ни единой строки: этимъ думали предохранить честь и славу академіи отъ всякаго рода случайностей. Находя подобное требованіе черезчуръ стѣснительнымъ для авторовъ и неудобнымъ для академіи, которой бы пришлось тратить все время на выслушиваніе вещей, неимѣющихъ ничего общаго съ ея главною цѣлью, Дашкова признавала основательнымъ не печатать безъ согласія академіи только такихъ сочиненій, которыя составляютъ общій академическій трудъ. Вмѣстѣ съ другими сочленами Дашкова выразила убѣжденіе, что заботиться о чести академіи есть нравственная обязанность каждаго члена, и въ сознаніи этого долга заключается достаточно силы для охраненія ученаго общества отъ всякихъ непріятныхъ случаевъ и нареканій [37]).

Нѣкоторые изъ академиковъ, участвовавшихъ въ составленіи плана толковаго словаря, были того мнѣнія, что въ словарѣ не должны имѣть мѣста слова неупотребительныя или такія, значеніе которыхъ трудно опредѣлить съ точностью. Дашкова утверждала противное, доказывая, что подобныя слова могутъ современемъ не только получить удовлетворительное объясненіе, но и повести къ открытію различныхъ данныхъ въ области русскихъ древностей, въ памятникахъ законодательныхъ, и т. п. На возраженіе, что присутствіе такого рода словъ въ академическомъ словарѣ можетъ показаться страннымъ и подать поводъ къ насмѣшкамъ, Дашкова отвѣчала: «завѣдомо лучше нашему обществу разойтиться и академіи перестать существовать, ибо нѣтъ сомнѣнія, что большая часть соотечественниковъ нашихъ не знаетъ своего

языка, и неизвѣстно кому-то кажется, что и исправленіе онаго не нужно. Но намъ должно противустоять насмѣшкамъ и невѣжеству, и съ прилежностію продолжать предпринимаемое нами для пользы и славы нашего слова» [38]).

Дашкова участвовала въ составленіи основныхъ началъ для академическаго словаря и во всѣхъ предварительныхъ работахъ по его изданію; разсматривала словарь по листамъ и возвращала ихъ собранію съ своими замѣчаніями и дополненіями. При распредѣленіи словарныхъ работъ она приняла на себя собираніе словъ на буквы Ц, Ш и Щ; собранныя ею слова, числомъ болѣе семисотъ, помѣщены въ словарѣ подъ этими буквами; сверхъ того она сообщила много дополнительныхъ словъ на другія буквы [39]). Ею же доставлено въ академію въ видѣ матеріала для объяснительнаго словаря «описаніе разныхъ распоряженій, до псовой и соколиной охоты касающихся» [40]).

Вникая въ свойства русскаго языка и его особенности, Дашкова обратила вниманіе академиковъ на необходимость ввести въ русскую азбуку двѣ новыя буквы: одну для выраженія звука, соотвѣтствующаго латинскому или нѣмецкому *g*, другую — для звука *ё (іо)* въ словахъ: ёлка, и т. п., и доказывала основанія и законность этого нововведенія [41]). Въ академическихъ собраніяхъ неоднократно возбуждаемы были различные вопросы, касающіеся весьма запутанной части русской грамматики, именно правописанія. Чтобы выработать опредѣленныя начала, которымъ бы можно и должно было неуклонно слѣдовать, Дашкова предложила взять за основаніе правила правописанія, находящіяся въ грамматикѣ Ломоносова, и правила, изданныя отдѣльною книжкою переводчикомъ Свѣтовымъ, распространить ихъ на всѣ случаи, составить точныя правила, и провѣрить и утвердить ихъ въ академическихъ собраніяхъ [42]).

Дашкова была однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ объяснительнаго отдѣла, и преимущественно трудилась надъ опредѣленіемъ смысла словъ, обозначающихъ нравственныя качества [43]). Въ запискахъ академіи сохранились представленныя

Дашковою объясненія словъ: *дружба*, *добродѣтельный человѣкъ*, *задумчивость*, и тамъ же замѣчено, что собраніе приняло съ признательностію «опредѣленіе Дашковой на слова: *благодарность и другія*».

При составленіи русскаго словопроизводнаго словаря слово *дружба* было опредѣлено такимъ образомъ: *дружба есть взаимная любовь, короткое знакомство между кѣмъ.* Но Дашкова нашла подобное опредѣленіе крайне недостаточнымъ, и — «толь достойному слову желая дать достойное опредѣленіе», обратилась къ словарю французской академіи, въ которомъ слово *другъ* послужило поводомъ къ продолжительнымъ преніямъ при участіи знаменитаго Кольбера и даже затянуло самое изданіе словаря. Толки въ обществѣ, неблагопріятные для академіи, побудили Кольбера лично убѣдиться въ томъ, до какой степени они основательны. Въ качествѣ члена академіи Кольберъ неожиданно явился въ засѣданіе и былъ свидѣтелемъ академическихъ совѣщаній: битыхъ два часа академики разсуждали о томъ, необходима ли для дружбы взаимность, хотя вопросъ этотъ болѣе касался нравственной философіи, нежели грамматики. Если вѣрить словамъ современниковъ, Кольберъ вынесъ изъ засѣданія хорошее впечатлѣніе: онъ убѣдился, что нареканія на академію несправедливы, и что причина медленности въ изданіи академическихъ трудовъ зависѣла отъ самой сущности дѣла [44]). Но результатъ «нарочито долгихъ» разсужденій французскихъ академиковъ не удовлетворилъ ожиданія Дашковой, не представляя ничего новаго и лучшаго въ сравненіи съ отвергнутымъ ею опредѣленіемъ слова *дружба* въ словарѣ россійской академіи. Въ одномъ изданіи словаря французской академіи *другъ* называется *тотъ, который имѣетъ любовь къ другому и старается ему оказывать всякаго рода добрыя услуги; — дружба* же есть *взаимная любовь двухъ особъ почти равнаго состоянія.* Въ новѣйшемъ изданіи того же словаря *другъ* называется *тотъ или та, съ коимъ кто соединенъ взаимною любовью,*—и *дружба* есть *любовь или приверженность, каковую одинъ къ другому оказываетъ и которая обыкновенно*

бываетъ взаимная[45]). Въ энциклопедіи слово *дружба*, истолкованное на десяти страницахъ, опредѣлено такъ: *дружество* есть *удовольствіе*, *ощущаемое когда человѣкъ видитъ сходство между собою и другими*, а слово *другъ* вовсе опущено[46]).

Въ виду подобной неточности и шаткости при объясненіи знаменательнаго слова Дашкова «для полнаго и всѣмъ смысламъ соотвѣтственнаго опредѣленія сего предложила собранію слѣдующее *ею писанное* сему слову опредѣленіе»:

Дружба есть «*взаимная любовь*, *основанная на почтеніи и довѣренности*, которую чрезъ опытность душевныхъ качествъ и *честности* къ человѣку возъимѣешь; *сходство нравовъ*, *а паче одинакія правила* сію почтительную любовь раждаютъ и утверждаютъ. Неограниченная довѣренность обнажаетъ взаимно дýши друзей, а любовь и привязанность къ другу заставляетъ участвовать во всемъ до него касательномъ, такъ что горести его раздѣляешь и чувствуешь какъ и онъ самъ, а иногда и сильнѣе. Нѣкоторые знаменитые писатели дружбу нарицали дщерію или даромъ небеснымъ: въ самомъ дѣлѣ истинная дружба въ добродѣтельныхъ токмо душахъ существовать можетъ. Многіе про дружбу говорятъ и дружбою клянутся, но рѣдкій человѣкъ удобенъ сіе чистѣйшее чувство ощущать, ибо дружбѣ иногда жертвы потребны, твердость и постоянство для прямой дружбы неотмѣнно нужны, и какъ дружеская любовь можетъ быть названа безкорыстною, на истинѣ основанною любовію, то она независима отъ разности лѣтъ, пола и обстоятельствъ. Сія на добродѣтели основанная связь тѣмъ паче превосходна, что она ни времени, ни приключеніямъ не подвергается, но неизмѣнна пребываетъ. Часто, отъ недоразумѣнія сего знаменованія, пріязнь, пристрастіе или свычку за оную принимаютъ»[47]).

Пріискивая достойное опредѣленіе понятію дружбы, Дашкова припомнила не только то, что она перечитала, но и то, что она перечувствовала и пережила. Если вѣрить собственному свидѣтельству Дашковой, дружба была для нея тою идеею, на служеніе которой она обрекала себя, выступая на обществен-

ное поприще. По ея убѣжденію въ дружбѣ заключается святое и очищающее начало, дающее нравственную цѣну событіямъ, какими бы случайностями они ни сопровождались. Съ гордымъ сознаніемъ нравственной правоты говоритъ она о своемъ участіи въ событіяхъ 1762 года, потому что оно вытекало, по ея словамъ, изъ чистаго источника дружбы и требовало полнѣйшаго самоотверженія. Во имя дружбы Дашкова жертвовала собой для Екатерины, и убѣждая ее не терять ни минуты, принимала на себя всю отвѣтственность въ отважномъ политическомъ замыслѣ. «Довѣрьтесь мнѣ,—говорила она Екатеринѣ—какова бы ни была опасность, она вся падетъ на меня, и если бы моя слѣпая преданность вашему дѣлу привела меня къ эшафоту, вы не будете его жертвой» [48]). Требуя самоотверженія, дружба ведетъ къ нравственному совершенству; истинная дружба возможна только для души безусловно честной, — и потому честность поставлена Дашковой существеннымъ признакомъ понятія дружбы. Невольно приходишь къ мысли, что вдаваясь въ разсужденія о дружбѣ, Дашкова имѣла въ виду свои отношенія къ Екатеринѣ и сомнѣнія послѣдней въ искренности чувствъ своей бывшей сподвижницы. Слѣдуя Дашковой, академія въ своемъ словарѣ даетъ такое опредѣленіе словамъ—дружба и другъ: *дружба* — «взаимная любовь, на искреннемъ почтеніи, совершенной довѣренности, сходствѣ нравовъ и на одинакихъ правилахъ честности основанная»; *другъ* — «единодушный, искренній въ счастіи и несчастіи сотоварищъ, соединенный сходствомъ нравовъ, а паче сходствомъ правилъ честности» [49]).

Слову *дружба* Дашкова придаетъ постоянный эпитетъ *священная*, видитъ въ ней главную опору человѣка въ его борьбѣ со всѣми бѣдствіями и спасительную силу, удерживающую отъ подавляющаго отчаянія и самоубійства; подобно любви къ ближнему, чувство дружбы необходимо для достиженія возможнаго на землѣ идеала добродѣтели. Такія мысли высказаны Дашковою при объясненіи ею словъ: *задумчивость* и *добродѣтельный человѣкъ*.

«Задумчивость отъ пораженнаго печалію духа — говоритъ Дашкова — (есть) склонность безпрестанно помнить и мыслить о печали своей, заниматься только однимъ тѣмъ предметомъ, который духъ нашъ терзаетъ и ничѣмъ оскорбительныхъ воображеній не разбивать; внѣшніе предметы не только не отвлекаютъ вниманіе напряженныхъ мыслей единственно къ терзающимъ воображеніямъ, но человѣкъ въ такомъ состояніи слышанное и видимое сравниваетъ и относитъ къ тому горестному возчувствованію, кое и самую жизнь несносною содѣлываетъ. Одна надежда быть другимъ полезну и освященная дружба можетъ заставить въ такомъ расположеніи духа сносить продолженіе своего существованія»[50]).

Тоже самое опредѣленіе, съ нѣкоторыми пропусками, находится и въ академическомъ словарѣ: *задумчивость*—«склонность безпрестанно помнить, мыслить о печали своей, заниматься однимъ только тѣмъ предметомъ, который духъ нашъ терзаетъ, и ничѣмъ оскорбительныхъ воображеній не разбивать; отъ котораго горестнаго чувствованія и самая жизнь дѣлается несносною»[51]).

«*Добродѣтельный человѣкъ* — по объясненію Дашковой — есть тотъ, который, покоряя страсти свои, руководимъ справедливостью. Сей корень добродѣтели побуждаетъ его предпочитать истину всему, и исполненіе должности и обязанностей своихъ передъ личными выгодами или собственнымъ услажденіямъ. Въ немъ любовь къ отечеству возраждаетъ не только дѣятельное усердіе и служеніе, но и готовность въ потребномъ случаѣ величайшихъ пожертвованій. Добродѣтель ему подаетъ крѣпость и мужество, коими онъ содѣлывается способнымъ къ великимъ и знаменитымъ подвигамъ. Онъ недовольствуется тѣмъ, чтобы на ряду съ другими должности свои выполнять, но стремится лучше и совершеннѣе отечеству своему съ пожертвованіемъ всего служить. Всѣ отрасли добродѣтели, предписанныя намъ *закономъ естественнымъ*, *церковнымъ* и гражданскимъ ему свойственны и обычны. Благодарность, священная дружба, долгъ сыновній есть возчувствованіе, согрѣвающее и услаждающее душу его. Чело-

вѣколюбіе и снисхожденіе къ слабостямъ человѣческимъ доставляютъ ему миролюбное расположеніе противу собратій своихъ; спокойствіе независимаго его духа одними пороками токмо возмутиться можетъ» [52]).

Въ академическомъ словарѣ: «*Добродѣтель* — способность или преклонность души поступать согласно съ *закономъ естественнымъ и правилами вѣры*, которыя обязываютъ человѣка исполнять должности какъ въ отношеніи къ Богу, такъ къ самому себѣ и ближнему: добродѣтель противуполагается пороку. *Добродѣтельный* — слѣдующій добродѣтели, храчящій добродѣтель: *добродѣтельный человѣкъ*» и т. д. [53]).

Въ рукописяхъ академіи не сохранилось предложеннаго Дашковою опредѣленія слова *благодарнсстъ*. Въ словарѣ академіи помѣщено такое опредѣленіе: «*благодарность* — чувство благородныхъ душъ, которое побуждаетъ не только изъявлять признательность свою, но и не упускать ни малѣйшаго случая быть полезну своему благодѣтелю» [54]).

Принимая живое и горячее участіе въ академическихъ преніяхъ, относящихся къ существеннымъ вопросамъ, занимавшимъ ученое общество, Дашкова во многихъ случаяхъ уклонялась отъ безполезнаго фразерства, и даже при торжественныхъ собраніяхъ академіи замѣняла произнесеніе рѣчей чтеніемъ отчета съ точнымъ указаніемъ всего, что сдѣлано для главной цѣли втеченіе отчетнаго періода. Быть можетъ впрочемъ, что такая воздержность происходила не столько отъ нежеланія порисоваться, сколько отъ неумѣнья справиться съ русскою ораторскою рѣчью, которая какъ-то не давалась писательницѣ, довольно поздно принявшейся за изученіе отечественнаго языка. Если и приходилось Дашковой, по ея офиціальному положенію, говорить рѣчи, то слова ея отличались преимущественно дѣловымъ характеромъ. Такъ одно изъ «торжественныхъ и благодарственныхъ собраній къ виновницѣ и покровительницѣ россійской академіи» открыто было Дашковою слѣдующею рѣчью:

«Государи мои!

«Настоящее собраніе, исполняя сердца наши чистѣйшимъ благоговѣніемъ къ содѣтельницѣ отечеству нашему неисчетныхъ благихъ, даетъ намъ купно десницею ея утвержденное право къ увѣнчанію трудовъ, отличную пользу россійскому слову принесшихъ. Знакъ почести, монаршею щедротою опредѣленный, по стеченію различныхъ, къ намѣренію академіи необходимо нужныхъ, предпріятій, требующихъ къ совершенію своему времени прошедшаго года, по общему согласію никому опредѣленъ не былъ: почему вы имѣете, государи мои, нынѣ двѣ золотыя медали, которыми увѣнчать можете труды двухъ членовъ. Я предписала академіи секретарю, изобразя вкратцѣ труды академіи, въ прошедшіе два года предпріятые, представить краткое начертаніе трудовъ каждаго изъ господъ членовъ порознь, соотвѣтственно 9-й статьѣ утвержденнаго Ея Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйшаго моего доклада, которое выслушавъ, благоволите по сему сдѣлать ваше рѣшеніе и тѣмъ ознаменовать сіе торжественное и благодарственное собраніе. Г. секретарь представитъ вамъ также все, касающееся до состоянія академіи. Вы изволите усмотрѣть, что щедроты нашея монархини въ пользу оной я съ должнымъ усердіемъ и по пристойности съ раченіемъ только употребляла, почему академія имѣетъ уже капиталъ, который, надѣюсь, будетъ достаточенъ для выстройки флигелей и двора. Впрочемъ *издержки, наносимыя изданіемъ нашего словаря, я своимъ иждивеніемъ съ радостію выполнить намѣрена*, чтобъ хотя онымъ усердіемъ сдѣлаться достойною довѣренности моей всемилостивѣйшей государыни и той, которую вы, государи мои, втеченіе трехъ лѣтъ мнѣ оказывать изволили» [55]).

Изрѣдка только пыталась Дашкова настроить свое краснорѣчіе на ладъ такихъ панегиристовъ какъ Вольтеръ, незнавшій мѣры въ своихъ восхваленіяхъ Екатерины. Придумывая льстивыя апотеозы, Вольтеръ дошелъ до того, что слова церковной пѣсни: «Тебя, Бога, хвалимъ; Тебя, Господа, исповѣдуемъ» из-

мѣнилъ такимъ образомъ: «Тебя, Екатерину, хвалимъ; Тебя, госпожу, исповѣдуемъ». Подобно этому и Дашкова въ одной изъ рѣчей своихъ назвала Екатерину благодѣтельнымъ божествомъ; но сама Екатерина вычеркнула эти слова, замѣтивши весьма остроумно, что она отказалась отъ всякой надежды попасть въ святые съ тѣхъ поръ какъ отобрала въ казну церковныя имущества [56]).

Особенно цвѣтиста рѣчь Дашковой при открытіи академіи, составляющая до нѣкоторой степени исключеніе. Новость предмета, невозможность сказать что-либо опредѣленное объ учрежденіи, находившемся еще въ зародышѣ, лишала автора твердой опоры, а господствующій литературный обычай склонялъ къ неизбѣжнымъ при подобныхъ торжествахъ риторическимъ прикрасамъ. Современники подсмѣивались надъ этою рѣчью и считали ее произведеніемъ чужаго пера [57]). Неизвѣстно, кто былъ въ этомъ случаѣ сотрудникомъ Дашковой и какъ далеко простиралось его участіе; но несомнѣнно то, что въ рѣчи есть дословныя заимствованія изъ Ломоносова. Въ посвященіи грамматики своей великому князю Павлу Петровичу Ломоносовъ говоритъ: «Повелитель многихъ языковъ, языкъ россійскій, не токмо обширностію мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ.... Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи», и т. д. [58]). Слова эти повторяются въ рѣчи Дашковой при открытіи россійской академіи. Приводимъ эту рѣчь въ томъ видѣ, въ какомъ находится она въ академическихъ рукописяхъ:

«Государи мои!

«Новый знакъ попечительнаго о нашемъ просвѣщеніи промысла всеавгустѣйшей нашей монархини — вина настоящаго нашего собранія. Содѣтельница толикихъ нашихъ благъ даетъ нынѣ новое отличное покровительство и россійскому слову, толь *многихъ языковъ повелителю.* Вы, государи мои, знаете цѣну сего монаршаго къ отечеству и сему собранію дара. Вамъ извѣстны *обширность* и богатства языка нашего. На немъ *сильное краснорѣчіе Цицероново*, убѣдительная сладость Димосѳенова, *великолѣпная Виргиліева важность*, *Овидіево пріятное витійство* и гремящая Пиндара лира *не теряютъ своего достоинства. Тончайшія философическія воображенія*, *многоразличныя естественныя свойства и перемѣны*, *бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра*, *имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи.* Однако при всѣхъ сихъ преимуществахъ не доставало языку нашему предписанныхъ правилъ, постояннаго опредѣленія рѣченіямъ и непремѣннаго словамъ знаменованія. Отсюда происходили: разнообразность въ сопряженіи словъ, несвойственныя или паче рещи обезображивающія языкъ нашъ рѣченія, заимствуемыя отъ языковъ иностранныхъ. Учрежденіемъ сей императорской россійской академіи предоставлено усовершить и возвеличить слово наше препрославленному вѣку Екатерины вторыя, ожидающія сего совершенія отъ нашего собранія, щедротою ея ободряемаго и покровительствомъ созидаемаго.

«Многоразличныя древности, разсыпанныя въ пространствахъ отечества нашего, обильныя лѣтописи, дражайшіе памятники дѣяній праотцевъ нашихъ, каковыми немногіе изъ существующихъ нынѣ европейскихъ народовъ поистинѣ хвалиться могутъ, представляютъ упражненіямъ нашимъ обширное поле, на коемъ въ самыя сокровенности, предводящу намъ лучезарному свѣту всеавгустѣйшія нашея покровительницы, проникнуть возможемъ. Звучныя дѣла государей нашихъ, знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ, а наипаче славный вѣкъ Екатерины вторыя явитъ намъ

предметы къ произведеніямъ, достойнымъ громкаго нашего вѣка. Сіе, равномѣрно какъ и сочиненіе грамматики и словаря, да будетъ первымъ нашимъ упражненіемъ. Симъ да принесемъ великой монархинѣ, матери отечества и нашей покровительницѣ, первую и чистѣйшую жертву благодаренія.

«Позвольте мнѣ, государи мои, быть благонадежной, что вы не сомнѣваетесь о истинномъ моемъ признаніи къ той чести, кою я по благоволенію монаршему имѣю съ вами въ семъ полезномъ для отечества учрежденіи сотовариществовать. Будьте увѣрены, что я всегда горѣть буду безпредѣльнымъ усердіемъ (истекающимъ изъ любви моея къ любезному отечеству) ко всему тому, что сему нашему обществу полезно быть можетъ, и что неусыпною прилежностію буду стараться замѣнить недостатки моихъ способностей. За нужное считаю прочесть при семъ первомъ нашемъ засѣданіи первоначальныя начертанія, кои я имѣла счастіе представить Ея Императорскому Величеству съ тѣмъ, чтобы вы, государи мои, могли сдѣлать свои примѣчанія и дополнили бы основаніе нашего установленія. Отъ вашей прозорливости конечно не скроется, что докладъ мой былъ весьма несовершенъ. Я въ извиненіе себѣ вамъ представлю: 1-е, что я привыкла, съ тою же довѣренностію какъ и благоговѣніемъ, безпримѣрной нашей монархинѣ, коей душа сколь отлична столь и снисходительна, повергать хотя несовершенныя, но чистыя намѣренія свои; 2-е, что я не имѣла въ виду и не надѣясь на себя, не льстилась такое полезное и славное учрежденіе быть въ состояніи основать. Въ помощи жъ вашей я надежду свою полагаю, и тѣмъ самымъ желаю искреннее свое къ вамъ почтеніе засвидѣтельствовать» [59]).

Вліяніе Дашковой обнаруживалось на всѣхъ отрасляхъ академической жизни и дѣятельности, въ литературныхъ трудахъ академіи, какъ и въ устройствѣ ея матеріальнаго благосостоянія и въ характерѣ академическаго управленія вообще. Пріемы, усвоенные Дашковою въ борьбѣ ея съ прежнимъ порядкомъ вещей въ академіи наукъ, отразились и на устройствѣ хозяй-

ственныхъ дѣлъ россійской академіи [60]). Дашкова гордилась тѣмъ, что смѣты, представляемыя ею, удивляли Екатерину своею чрезвычайною умѣренностью. На средства, образовавшіяся изъ суммы, отпускаемой на переводы и три года остававшейся безъ употребленія, и изъ другихъ сбереженій, Дашкова построила два дома и тѣмъ увеличила доходъ академіи на 1,950 рублей. Сверхъ того она устроила библіотеку, положила въ воспитательный домъ 49,000 рублей, и т. д. [61]).

Дашкова предложила одному изъ своихъ сочленовъ по россійской академіи взять на себя храненіе академическихъ суммъ, жетоновъ и медалей, а другому — вести экономическія дѣла, вписывать въ книги приходъ и расходъ въ тѣ самые дни и числа, когда поступаютъ. Казенную же сумму хранить имъ обоимъ вмѣстѣ за своими печатями, и одному безъ другаго денегъ не вынимать. Сверхъ того секретарь академіи долженъ былъ ежемѣсячно свидѣтельствовать сумму и шнуровыя книги, и представлять предсѣдателю вѣдомость, которая вносилась въ академическія записки. Главная обязанность академика, избраннаго для завѣдыванія матеріальными средствами академіи, состояла въ охраненіи цѣлости ввѣреннаго ему капитала и въ заботахъ о своевременномъ и исправномъ собираніи академическихъ доходовъ. Онъ не въ правѣ былъ дѣлать какія-либо выдачи безъ письменнаго разрѣшенія предсѣдателя, и долженъ былъ требовать росписки отъ тѣхъ, кому производилъ выдачу. Равнымъ образомъ и въ отношеніи прихода онъ долженъ былъ собственноручно вносить въ книгу, когда какая сумма поступила, съ точнымъ обозначеніемъ года, мѣсяца и дня, и подъ какимъ числомъ дано объ этомъ предметѣ предписаніе предсѣдателя.

Въ такомъ распредѣленіи хозяйственныхъ дѣлъ академіи исключительно между ея членами, безо всякаго посторонняго, канцелярскаго вмѣшательства, замѣтно желаніе Дашковой дать академіи нѣкотораго рода самоуправленіе. По крайней мѣрѣ именно такой смыслъ приданъ этому распоряженію въ протоколѣ академическаго засѣданія. Избраніе для названной цѣли лицъ

изъ среды самой академіи объясняется въ протоколѣ слѣдующимъ образомъ: «поелику россійская академія собственное имѣетъ себѣ основаніе, то должно, чтобы она все нужное и ей принадлежащее сама въ себѣ заключала» [62]).

По поводу нареканій и толковъ, ходившихъ въ обществѣ, Дашкова заявила въ академическомъ собраніи, что хотя по уставу она и не обязана давать сочленамъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, но тѣмъ не менѣе добровольно возлагаетъ на себя эту обязанность, и готова во всякое время дать объясненіе во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и въ употребленіи академическихъ суммъ. Дашкову обвиняли въ томъ, что она издержала много денегъ на ненужныя постройки. Въ оправданіе свое она доказывала, что постройка флигелей была рѣшительно необходима для академическихъ собраній и для другихъ надобностей, такъ какъ домъ, принадлежащій академіи, требовалъ починки и даже совершенной перестройки. Другія передѣлки объясняются тѣмъ, что надо было уступить мѣсто подъ ботаническій садъ и оранжерею, которыми отрѣзывался проѣздъ въ россійскую академію, и потому потребовалось устроить другой, со стороны Фонтанки, и выровнять мѣсто подъ дворъ. Притомъ же затраченныя суммы могли быть современемъ выручены посредствомъ отдачи помѣщеній въ наемъ. Одно изъ существенныхъ обвиненій состояло въ томъ, что труды академіи подвигались довольно вяло и главнымъ образомъ потому, что работа не оплачивалась — трудящіеся не получали никакого вознагражденія. На это Дашкова возражала, что академическихъ суммъ вполнѣ достаточно для соразмѣрнаго вознагражденія, и сверхъ того она готова въ случаѣ надобности дополнять ихъ изъ собственныхъ своихъ средствъ [63]).

Вникая во всѣ подробности управленія, требуя отъ другихъ точнаго исполненія обязанностей, Дашкова и сама подчинялась этому требованію, и, несмотря на предразсудки вѣка и общественнаго положенія, основою академической жизни признавала начало равноправности. Въ уставѣ, составленномъ предсѣдателемъ академіи, Дашковою, постановлено, что предсѣдатель

имѣетъ «и почести и голосъ равныя каждому члену». Тоже равенство соблюдала она при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, касающихся ученаго общества, при распредѣленіи наградъ и т. п. Награды золотою медалью присуждались или по жребію, т. е. по балотировкѣ или же — въ знакъ особаго почета — безъ балотированія: Дашкова обыкновенно отказывалась отъ награды, и только однажды согласилась принять ее и притомъ не иначе какъ по балотировкѣ подобно всѣмъ другимъ сочленамъ. Самый щекотливый вопросъ заключался въ денежномъ вознагражденіи: многимъ оно казалось унизительнымъ, а между тѣмъ въ иныхъ случаяхъ оно было необходимо для пользы дѣла и успѣшнаго хода научныхъ предпріятій. Въ отношеніи матеріальныхъ средствъ составъ россійской академіи былъ не только разнообразенъ, но и представлялъ самыя рѣзкія противоположности. Съ одной стороны такіе члены какъ Дашкова, принимавшая на свой счетъ изданіе академическихъ трудовъ и вознагражденіе авторамъ, съ другой — нѣсколько бѣдняковъ тружениковъ, неимѣвшихъ лишняго гроша, чтобы не ходить пѣшкомъ въ засѣданія академіи. Какъ выйти изъ такого положенія: какъ помочь бѣдняку-собрату, не оскорбляя его достоинства и не нарушая равенства? Дашкова придумала такое средство: она предложила — половину всего количества жетоновъ раздѣлять между членами, дѣйствительно работающими для академіи и посѣщающими ея собранія, а для того, чтобы удалить всякую мысль о неравенствѣ, Дашкова выразила желаніе и ей самой участвовать въ полученіи вознагражденія на одинаковыхъ условіяхъ со всѣми другими академиками. Много внутренней деликатности въ подобномъ предложеніи, которое сдѣлано единственно во имя идеи равенства, какъ засвидѣтельствовано протоколомъ академическаго собранія, утвердившаго предложеніе предсѣдателя. Въ этомъ протоколѣ находятся слѣдующія замѣчательныя слова: «крѣпчайшій союзъ, связующій общій гг. членовъ трудъ, состоитъ въ ихъ равенствѣ, то чтобы и въ семъ случаѣ не показать отличности и соблюсти равенство, ея сіятельство изъяснилася, что она и самую себя изъ сего опре-

дѣленія не исключаетъ»[64]). Занимая высокое положеніе въ обществѣ, радушно принимаемая многими европейскими государями въ ихъ избранномъ кругу, Дашкова не позволяла себѣ ни малѣйшаго неравенства въ сношеніяхъ съ своими скромными собратами по академіи. Оказывая почетъ и уваженіе Ейлеру и Лепехину, которому уступила первую награду, пожертвовавъ личнымъ самолюбіемъ, Дашкова тѣмъ самымъ свидѣтельствовала, что умѣетъ цѣнить истинныя заслуги и отдаетъ должное таланту, знаніямъ и трудамъ для блага и славы Россіи[65]).

Свѣтила тогдашней литературы привѣтствовали труды Дашковой на пользу россійской академіи и видѣли въ нихъ побѣду ума и знаній надъ самонадѣяннымъ невѣжествомъ[66]):

Но грознымъ быть оно престало,
Его уже безъ дѣйства жало:
Минервы нашей твердый щитъ
Вамъ явно въ Дашковой открытъ.
Ея влекомы просвѣщеньемъ,
Стремитеся безсмертья въ путь....

Обращаясь къ Дашковой, какъ къ основательницѣ россійской академіи, стихотворецъ продолжаетъ:

А ты, имѣя умъ пространный,
Чувствительность и тонкій вкусъ,
Предстательница здѣшнихъ музъ,
Свершай тобою путъ избранный.
Сей путь тебѣ принадлежитъ.
Хоть тяжекъ онъ, но полонъ славы,
Хоть злость невѣжества претитъ,
Но росской честь на немъ державы.

Современники признавали за Дашковой обширный умъ, разностороннюю образованность и тонкій, нѣжный и разборчивый вкусъ. На судъ ея представляли литературныя произведенія съ полнымъ довѣріемъ къ справедливости и мѣткости ея приговоровъ. Посвящая Дашковой одну изъ своихъ трагедій, Княжнинъ говоритъ: «Остроумію вашему все свойственно: вы столько же легко мыслію протекаете пространства Ураніею измѣрен-

ныя и проницаете въ таинства природы, какъ пожинаете цвѣты парнасскіе. Таковъ и долженъ быть предстатель наукъ. Привязанность его вкуса къ одному предмету оставляла бы всѣ другія дарованія въ небреженіи и привела бы ихъ въ оцѣпенѣлость. Но вы изволите знать, сколько безъ изъятія всѣ знаніи (sic) нужны; вамъ извѣстно, что они непрерывной нитью взаимнаго союза сопряжены; что одно другое подкрѣпляетъ и украшаетъ» и т. д.[67]).

Послѣдніе годы управленія россійскою академіею были отравлены для Дашковой столкновеніями съ лицами, окружавшими Екатерину. Подъ вліяніемъ ихъ Екатерина безпощадно осудила трагедію Княжнина «Вадимъ»[68]) — сказала, что ее надо сжечь рукою палача. Враги Дашковой сравнивали пьесу Княжнина съ извѣстнымъ «путешествіемъ» Радищева, и указывали на то, что трагедія напечатана Дашковой, а авторъ путешествія — любимецъ ея роднаго брата. Но размолвка по поводу трагедіи Княжнина не повлекла за собою особенно серьезныхъ послѣдствій: по крайней мѣрѣ сама Дашкова называетъ этотъ непріятный случай сѣрою, а отнюдь не черною кошкой, пробѣжавшей между ею и Екатериною. Болѣе важная и давняя причина неудовольствія государыни заключалась въ томъ, что Дашкова преувеличивала свое вліяніе и заслуги, выдавая себя за главное дѣйствующее лицо въ іюньскихъ событіяхъ 1762 года[69]). Но чтобы ни происходило въ душѣ Екатерины, она до послѣднихъ дней жизни удерживала свою избранницу на высотѣ ея общественнаго положенія, и соглашаясь на ея частыя и продолжительныя отлучки, требовала, чтобы она оставалась во главѣ академіи.

Послѣднее академическое засѣданіе, протоколъ котораго подписанъ Дашковою, происходило 3 мая 1796 года. Удаляясь надолго изъ Петербурга, Дашкова не разрывала связи съ своимъ любимымъ дѣтищемъ — россійскою академіею. Разрывъ этотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическая смерть Дашковой послѣдовала скоропостижно — въ самомъ началѣ новаго царствованія. 6 ноября 1796 года скончалась Екатерина, а 12 ноября того же года послѣдовалъ указъ ея преемника объ увольненіи Дашковой отъ

всѣхъ занимаемыхъ ею должностей. Не довольствуясь этимъ, Павелъ I осудилъ Дашкову на изгнаніе, и велѣлъ сказать ей, чтобы она въ ссылкѣ своей вспоминала о событіяхъ 1762 года[70]).

Управленіе двумя академіями давало Дашковой, по ея собственному свидѣтельству, нравственную силу въ борьбѣ съ житейскими невзгодами, съ явною и тайною враждою и недоброжелательствомъ. Изъ толпы никто не выходитъ безъ шума — замѣтилъ Пушкинъ, и Дашкова, выдѣляясь изъ массы своею образованностью и своимъ участіемъ въ политическихъ событіяхъ, надѣлала много шума, послужила пищею для различныхъ толковъ и пересудовъ. Злоба дня исполнила свое дѣло въ отношеніи отважной сподвижницы Екатерины. Но независимо отъ политической роли Дашкова владѣла другими, несомнѣнными правами на вниманіе и уваженіе и современниковъ и потомства. Права эти пріобрѣтены ею тѣми добросовѣстными трудами и разумными стремленіями, которыми ознаменована дѣятельность ея въ академіи наукъ и въ россійской академіи, направленная къ развитію въ Россіи литературы и науки. Покидая академіи, Дашкова оставляла въ нихъ добрую по себѣ память; въ прощальныхъ словахъ, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ, не звучало ни одной фальшивой ноты ни съ той, ни съ другой стороны. Впослѣдствіи, по вступленіи на престолъ Александра I, члены россійской академіи единодушно обратились къ своему бывшему предсѣдателю съ призывомъ снова вступить на поприще, съ которымъ связано столько свѣтлыхъ воспоминаній. Въ собраніи россійской академіи 11 мая 1801 года постановлено просить Дашкову стать во главѣ академіи, какъ «виновницу ея существованія, показавшую примѣрное усердіе къ россійскому слову и ревностное попеченіе о благосостояніи академіи». Дашкова, не чувствуя въ себѣ прежнихъ силъ, отклонила предложенную ей честь; но самый фактъ единодушнаго избранія сохраняетъ все свое значеніе и служитъ лучшимъ приговоромъ объ академической дѣятельности Дашковой.

МИТРОПОЛИТЪ ГАВРІИЛЪ.

Участіе въ трудахъ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія. — Рѣчь при открытіи коммиссіи. — Произведенія Гавріила. — Собраніе поученій, составленное подъ редакціей Гавріила. — Переводъ сочиненія Мармонтеля: Велисарій. — Дѣятельность Гавріила, какъ члена россійской академіи.

I.

Первенствующимъ членомъ россійской академіи былъ митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій Гавріилъ Петровъ (1730 — 1801), занимавшій во время отсутствія Дашковой мѣсто предсѣдателя[71]). И современники и послѣдующія поколѣнія съ большимъ сочувствіемъ относятся къ этому духовному писателю, соединявшему образованность съ прямотою характера и обширнымъ, государственнымъ умомъ. Даже тѣ изъ критиковъ, которые отличаются особенною рѣзкостью своихъ приговоровъ, измѣняютъ свой тонъ въ отзывахъ о Гавріилѣ, и дѣлаютъ это единственно по сознанію литературнаго достоинства его произведеній.

По окончаніи курса наукъ въ московской славяно-греко-латинской академіи Петровъ поступилъ справщикомъ въ московскую синодальную типографію, и занятія въ ней, по его собственному свидѣтельству, много способствовали ему въ изученіи свойствъ русскаго языка. При немъ печаталась въ синодальной типографіи елисаветинская библія, представляющая послѣднюю редакцію славянскаго перевода библейскихъ книгъ, въ которой церковно-славянскій языкъ является въ самомъ позднемъ его періодѣ, когда всего ярче обозначилось вліяніе на него языка русскаго. Взаимнымъ отношеніемъ двухъ началъ — славянскаго и русскаго опредѣляется характеръ книжнаго русскаго языка, и потому внимательное изученіе славянскаго перевода библіи было весьма хорошею школою для знакомства со многими особенностями языка и слога, общепринятаго тогда въ нашей литературѣ.

Тридцати трехъ лѣтъ отъ роду Гавріилъ посвященъ въ санъ епископа, и ему ввѣрена была тверская епархія; въ 1770 году

онъ переведенъ въ епархію с.-петербургскую съ званіемъ архіепископа, а въ 1783 году пожалованъ митрополитомъ.

Выдающіяся дарованія Гавріила пріобрѣли ему почетную извѣстность въ обществѣ, а личный выборъ Екатерины упрочилъ за нимъ высокое общественное положеніе. Не упуская случаевъ узнавать людей, Екатерина пользовалась между прочимъ крестными ходами для знакомства съ принимающими въ нихъ участіе духовными лицами. На одномъ изъ крестныхъ ходовъ Екатерина долго разговаривала съ Гавріиломъ, и еще болѣе убѣдилась въ просвѣщенномъ умѣ своего собесѣдника. Императрица призывала его къ обсужденію многихъ государственныхъ вопросовъ; онъ былъ назначенъ членомъ св. синода и избранъ депутатомъ въ коммиссію о составленіи проэкта новаго уложенія. Неоспоримая важность этого выбора опредѣляется самимъ значеніемъ законодательной коммиссіи въ исторіи нашей общественной жизни.

Наказъ Екатерины былъ попыткою пересоздать русскій государственный бытъ по идеямъ «просвѣтительнаго» вѣка. Правительство потребовало гласнаго обсужденія такихъ вопросовъ, отвѣтомъ на которые были до той поры одни напрасныя жалобы и подавленный ропотъ. Застарѣлые предразсудки уступали мѣсто началу новому и живому: мысль о равноправности гражданъ, выражаемая въ выборѣ депутатовъ, обнаруживалась въ самой внѣшней обстановкѣ, и условіяхъ, при которыхъ происходили выборы. Въ современныхъ извѣстіяхъ отмѣчено, какъ вещь небывалая, то обстоятельство, что «самые знатные государственные чины и ордены имѣющія особы садились между всякаго званія гражданами, и дабы лучше себя примѣнить всѣмъ прочимъ гражданамъ, то пріѣхали въ то собраніе не имѣя на себѣ никакихъ орденовъ и орденскихъ знаковъ, коихъ незнаемому человѣку и отличить отъ прочихъ разныхъ художествъ и рукодѣльныхъ людей трудно было» [72]). Подобно другимъ сословіямъ и духовенство обнаружило стремленіе выйти изъ того печальнаго состоянія, на которое осуждено было съ давняго времени. Съ различныхъ краевъ Россіи послышались голоса духовенства о возстановленіи

его правъ, его «древнихъ вольностей и стародавнихъ обычаевъ». Депутатомъ отъ всего русскаго духовенства избранъ новгородскій митрополитъ Димитрій Сѣченовъ, принимавшій участіе въ возведеніи Екатерины II на престолъ. Въ письмахъ къ Вольтеру Екатерина защищала Сѣченова отъ невыгодныхъ слуховъ, ходившихъ о немъ заграницею, и доказывала его просвѣщенный взглядъ на дѣла религіозныя и политическія. Избравши депутата, синодъ напутствовалъ его наказомъ: въ составленіи этого наказа участвовалъ и Гавріилъ, которому суждено было весьма скоро сдѣлаться преемникомъ Сѣченова.

Синодъ вмѣнялъ въ обязанность своему депутату отстаивать права духовенства, предлагать мѣры къ поднятію нравственнаго и умственнаго уровня народа, содѣйствовать выходу духовнаго сословія изъ его замкнутости въ отношеніи къ другимъ классамъ общества, и т. д. Не связывая депутата подробными предписаніями, данная ему программа опредѣляла въ общихъ чертахъ главныя основанія. *Правительствующій* синодъ долженъ быть равноправенъ съ правительствующимъ сенатомъ. Духовенству слѣдуетъ предоставить право владѣнія крѣпостными людьми, принадлежавшее исключительно дворянству. Сильнѣйшимъ препятствіемъ для распространенія образованія въ массахъ служитъ суевѣріе, а потому необходимо тщательно разсмотрѣть ходячія въ народѣ житія, а также акафисты и разныя тетрадки, сложенныя преимущественно въ Малороссіи, и чтобы не вызвать народнаго ропота, слѣдуетъ, не отбирая насильно прежнія книги, ограничиться распространеніемъ книгъ новыхъ, заключающихъ въ себѣ ясное и правильное изложеніе предмета. Для сближенія духовенства съ другими сословіями предполагалось «дать позволеніе и свѣтскимъ изъ всякихъ чиновъ, кто пожелаетъ и достоинъ будетъ, вступать въ духовные чины, коихъ не только за то не пренебрегать, но и за честь оное вмѣнять повелѣть» и т. д.[78]).

Димитрій Сѣченовъ скончался черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ своего избранія, и званіе депутата со всѣми полномочіями предоставлено Гавріилу. Выборъ депутата со стороны духовен-

ства происходилъ въ синодѣ 25 апрѣля 1767 года; право участвовать въ избраніи принадлежало исключительно членамъ синода, но достоинства и значеніе Гавріила признавались до такой степени, что онъ, не будучи членомъ синода, не только былъ приглашаемъ въ собранія синода, но и получилъ почти одинаковое число голосовъ съ первенствующимъ членомъ св. синода. Балотировкѣ подвергалось десять духовныхъ особъ, и такъ какъ какъ каждый изъ нихъ, непосредственно или посредствомъ передачи своего голоса, участвовалъ въ балотированіи, то общее число голосовъ составляло девять. Сѣченовъ избранъ былъ единогласно. За нимъ большинство голосовъ выпало на долю Гавріила: онъ получилъ восемь избирательныхъ голосовъ и только одинъ неизбирательный. Поэтому, когда умеръ Сѣченовъ († 14 декабря 1767 года), то синодъ, чтобы не затягивать дѣла новымъ собираньемъ голосовъ отсутствующихъ членовъ, представилъ объ утвержденіи депутатомъ Гавріила, соединившаго въ свою пользу большинство голосовъ при первомъ избраніи. На докладѣ синода Екатерина написала: «отдается совершенно на волю нашему синоду»[74]).

Главнымъ руководителемъ въ дѣйствіяхъ депутатовъ, выбранныхъ отъ всѣхъ сословій, долженъ былъ служить наказъ, данный Екатериною коммиссіи о составленіи проэкта новаго уложенія. Еще до обнародованія этого акта Екатерина поручила разсмотрѣть его Гавріилу, и воспользовалась его указаніями, сдѣлавши нѣкоторыя измѣненія въ наказѣ сообразно съ замѣчаніями, предложенными Гавріиломъ и его сотрудниками. Разсмотрѣніе назказа поручено было Гавріилу совмѣстно съ Иннокентіемъ, епископомъ псковскимъ, будущимъ сочленомъ Гавріила и по синоду и по россійской академіи, и іеромонахомъ Платономъ, впослѣдствіи столь извѣстнымъ митрополитомъ московскимъ. Эти три лица, представившія свои замѣчанія за общею подписью, находили, что во всемъ наказѣ «святая блистаетъ мысль, чтобъ доставить всякому любезную естественную вольность, соединяя оную съ ненарушеніемъ общаго покоя, и чтобъ наказаніе зла

было совокупно съ исправленіемъ злыхъ», и прибавляли, что почтутъ счастливѣйшимъ въ своей жизни то время, когда вступитъ въ дѣйствіе «божественное законодательство», составленное по идеямъ наказа. Такой взглядъ со стороны духовныхъ лицъ въ высшей степени замѣчателенъ, въ особенности если сравнить его съ мнѣніями тѣхъ свѣтскихъ людей, которые смотрѣли на дѣло подобно Панину, сказавшему о наказѣ: ce sont des axiomes à renverser des murailles. Выражая полнѣйшее сочувствіе основнымъ началамъ наказа, Гавріилъ и его сотрудники указали, хотя и въ самой мягкой формѣ, и тѣ крайности, въ которыя, по ихъ мнѣнію, впадаетъ иногда наказъ [75]).

Согласно съ замѣчаніями духовныхъ писателей, избранныхъ Екатериною въ судьи ея произведенію, въ наказѣ признано, что многіе политическіе пороки суть вмѣстѣ съ тѣмъ и пороки моральные между тѣмъ, какъ въ прежней редакціи допускалось довольно рѣзкое различіе между пороками моральными и пороками политическими; слова: *простыя* святотатства замѣнены словами: *прямыя* и *явныя* святотатства и т. д. Подъ вліяніемъ этихъ же замѣчаній, за преступленія противъ вѣры постановлены въ наказѣ не одни только духовныя кары: изгнаніе изъ храмовъ и т. п., но и наказанія, угрожающія нарушителямъ общественнаго спокойствія [76]).

Наказъ требовалъ крайней осторожности въ преслѣдованіи печатнаго слова. Авторы замѣчаній полагали, что «хотя подлинно сія писать вольность человѣку есть сродна и много споспѣшествуетъ къ распространенію знанія, но какъ вольность весьма премудро опредѣлена (Наказ. ст. 38) — въ правѣ все то дѣлать, что законы дозволяютъ, и если бы какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже вольности не было. И потому оная сочиненій вольность должна имѣть свои справедливыя границы, за которыя бъ ей выходить нельзя было». Но Екатерина осталась при томъ мнѣніи, что преслѣдованіе «сочиненій язвительныхъ» поведетъ къ невѣжеству и застою и дастъ почувствовать гнетъ, налагаемый на умы [77]).

Въ заявленіи своемъ о необходимости «справедливыхъ границъ» для печатнаго слова авторы замѣчаній отстаивали, хотя и косвенно, давнее право синода. Въ теченіе весьма долгаго періода цензура книгъ находилась главнымъ образомъ въ вѣдѣніи синода; надзоръ за вольными типографіями принадлежалъ синоду и академіи наукъ. О строгости цензурныхъ требованій сенатъ напоминалъ синоду вѣдѣніями, сообщавшими о повелѣніи сжечь книги, въ которыхъ находятся «вымышленно затѣйные, предосудительные къ россійской имперіи пашквильные пассажи» [78]). Особенному преслѣдованію подверглась книга Арндта «объ истинномъ христіанствѣ» изданная въ 1735 году въ Галле на русскомъ языкѣ; высочайшимъ указомъ 9 декабря 1743 года повелѣно было отобрать и доставить въ синодъ всѣ экземпляры опасной книги и строго запрещено переводить подобныя сочиненія: русскимъ подданнымъ, находящимся заграницею, объявлено было объ этомъ запрещеніи черезъ посольства, а уѣзжающимъ заграницу накрѣпко подтверждалось при отпускѣ ихъ, чтобъ они «таковыхъ книгъ отнюдь на россійской діалектъ не переводили». Много лѣтъ спустя нашелся охотникъ снова издать запрещенную книгу, и разсмотрѣніе сомнительныхъ мѣстъ принялъ на себя Гавріилъ, бывшій тогда уже митрополитомъ. Гавріилъ исключилъ въ ней только нѣсколько мѣстъ весьма странныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наивныхъ, какъ напримѣръ: плоть и кровь наша по естеству повреждены дьявольщиной; всякій звѣрь, даже самый лютый, имѣетъ въ себѣ что-нибудь годное къ употребленію: у вола есть кожа, изъ которой люди дѣлаютъ себѣ одежду, и т. п.; но въ человѣкѣ, по самой природѣ его, нѣтъ ничего добраго: всѣ дѣйствія и помышленія человѣческія представляютъ только зло; благость и отеческое попеченіе Промысла о человѣкѣ авторъ видитъ въ томъ, что Богъ создалъ вино, которое и есть истинное дыханіе жизни, и т. п. Предлагая исключить подобныя мѣста, Гавріилъ не находилъ ни малѣйшаго препятствія къ изданію книга Арндта, и признавалъ ее не только вполнѣ безвредною, но даже во многихъ отношеніяхъ полезною. Несмотря на одобри-

тельный отзывъ Гавріила, Екатерина отвѣчала на докладъ синода, что «когда помянутая книга отъ покойной государыни императрицы Елисаветы Петровны запрещена, то ей такъ и остаться» [79]).

Если въ настощемъ случаѣ Гавріилъ оказался либеральнѣе автора наказа, то въ двухъ замѣчаніяхъ, относящихся къ правамъ и дѣйствіямъ верховной власти, Гавріилъ и его сотрудники являются plus royalistes que le roi. Екатерина говоритъ: ежели найдется страна, гдѣ люди иначе не удерживаются отъ преступленій какъ только суровыми казнями, то знайте, что это происходитъ отъ правительства, которое установило несоразмѣрныя казни. Возражатели замѣчаютъ на это, что вся вина падаетъ не на правителей, а на самыхъ преступниковъ, закоренѣлыхъ въ своемъ злодѣйствѣ и вынуждающихъ правительство, поставленное въ печальную необходимость, прибѣгать къ суровымъ казнямъ [80]). Другое замѣчаніе относится къ вопросу объ оскорбленіи Величества. Въ наказѣ Екатерины находилось между прочимъ слѣдующее мѣсто: «императоры Ѳеодосій, Аркадій и Гонорій писали префекту Руфину: мы не желаемъ наказывать того, кто дурно отзывается о насъ или о нашемъ правительствѣ: если кто злословилъ по легкомыслію, слѣдуетъ имъ пренебречь; если говорилъ по глупости, надо о немъ пожалѣть; если желалъ нанести оскорбленіе, должно его простить» [81]). Такое великодушіе со стороны Екатерины нѣсколько озадачило духовныхъ критиковъ наказа: они замѣтили, что въ приведенной рѣчи «императоровъ Ѳеодосія, Аркадія и Гонорія преступленіе, оскорбляющее Величество, не много уважается. Но какъ государевы особы безопасность соединенна есть съ безопасностію всего государства, такъ какъ главы и тѣла, то и малѣйшее противъ сего подозрѣніе безъ уважительнаго, впрочемъ справедливаго, изслѣдованія оставлено быть не можетъ. И потому оная рѣчь подробнѣйшаго требуетъ изъясненія» [82]). Екатерина признала эти доводы основательными: по крайней мѣрѣ, въ обнародованной редакціи наказа не упоминается о письмѣ Ѳеодосія, Аркадія и Гонорія.

Невольно возникаетъ вопросъ, что побудило нашихъ духовныхъ писателей принять на себя роль защитника лица, ненуждавшагося въ посторонней помощи для охраненія своихъ правъ. Не имѣя возможности отвѣчать на этотъ вопросъ положительными фактами, не будемъ входить въ предположенія объ истинной цѣли подобныхъ заявленій со стороны представителей нашего духовенства. Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы такіе просвѣщенные и предусмотрительные люди, какъ Гавріилъ и его сотрудники, отвѣчали на вызовъ правительства бѣглыми замѣтками, которымъ не предшествовалъ цѣлый рядъ соображеній.

По избраніи Гавріила депутатомъ отъ духовенства онъ вступилъ въ главнѣйшую изъ коммиссій — *дирекціонную*, въ которую былъ избранъ и предшественникъ его Димитрій Сѣченовъ. Маршалъ и генералъ-прокуроръ представили Гавріила кандидатомъ въ дирекціонную коммиссію на томъ основаніи, что въ ней необходимо нуженъ членъ духовнаго чина: собраніе единогласно утвердило представленнаго кандидата, и Гавріилъ привѣтствовалъ своихъ сочленовъ краткою рѣчью. Полное собраніе депутатовъ, составлявшихъ коммиссію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, образовало изъ среды своей девятнадцать коммиссій. Непосредственно за избраніемъ предводителя или маршала послѣдовало избраніе дирекціонной коммиссіи, и на нее возложено — составить всѣ другія коммиссіи и руководить, направлять ихъ занятія. Отсюда и названіе *дирекціонной* въ отличіе отъ другихъ, названныхъ *частными*, ибо они занимались обработкою законовъ по отдѣльнымъ частямъ или отраслямъ государственной жизни, каковы коммиссіи: о правосудіи, о городахъ, объ училищахъ, о размноженіи народа, объ имѣніяхъ, объ обязательствахъ, и т. д. Дирекціонная коммиссія была средоточіемъ и двигателемъ законодательныхъ работъ; она распредѣляла занятія между частными коммиссіями; въ нее поступали всѣ представленія, доклады и проэкты, выработанные частными коммиссіями, и по разсмотрѣніи въ ней, съ ея замѣчаніями и измѣненіями, переходили въ общее собраніе. Ей вмѣнено было въ обязанность заботиться

о томъ, чтобы въ работахъ частныхъ коммиссій не встрѣчалось противорѣчій и уклоненій отъ наказа, и чтобы общіе труды депутатовъ, стремились къ одной цѣли — къ водворенію добрыхъ нравовъ, человѣколюбивыхъ законовъ и народнаго благосостоянія [83]).

Такой прекрасной и высокой цѣли призванъ былъ послужить представитель всего русскаго духовенства. И Гавріилъ честно и дѣятельно исполнялъ возложенную на него обязанность, какъ можно судить и по количеству времени, употребленнаго имъ на труды по законодательной коммиссіи, и по качеству того, что выработано имъ и его сочленами по коммиссіи. При вступленіи Гавріила въ дирекціонную коммиссію сочленами его были: Николай Ерофеевичъ Муравьевъ, депутатъ отъ дворянъ водской пятины; графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ, депутатъ вяземскаго дворянства; графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, депутатъ волоколамскаго дворянства, вице-президентъ военной коллегіи; Дмитрій Васильевичъ Волковъ, депутатъ рузскаго дворянства, президентъ мануфактуръ-коллегіи. Сверхъ того принимали участіе въ совѣщаніяхъ коммиссіи депутатскій маршалъ, Александръ Ильичъ Бибиковъ и генералъ-прокуроръ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій: по словамъ «обряда управленія» генералъ-прокуроръ также нуженъ въ дирекціонной коммиссіи, какъ предводитель или маршалъ — въ полномъ собраніи; канцелярія дирекціонной коммиссіи находилась въ завѣдываніи генералъ-прокурора.

Для опредѣленія степени участія Гавріила въ трудахъ законодательной коммиссіи необходимо имѣть въ виду общій характеръ ея работъ, ихъ взаимную связь и отношеніе къ главному источнику дѣятельности, пробудившейся въ русскомъ обществѣ. Этимъ источникомъ были идеи, стремленія и воля Екатерины. Задумавъ созвать депутатовъ, Екатерина предоставила сословіямъ и вѣдомствамъ выбрать депутатовъ и дать имъ наказы сообразно съ мѣстными условіями и нуждами. Составленные по вызову центральной власти, мѣстные наказы носятъ яркіе слѣды своего

происхожденія. Изъ Петербурга давался тонъ, предлагались руководящія начала, указывались иногда тѣ или другія черты въ развитіи основныхъ положеній: этимъ объясняется поразительное, часто дословное сходство многихъ мѣстъ въ депутатскихъ наказахъ. Дворяне нѣкоторыхъ мѣстъ откровенно сознавались, что они «сочинили свои наказы изъ единственнаго всеподданнѣйшаго послушанія» и депутатамъ своимъ вмѣняли въ обязанность болѣе всего стараться о томъ, чтобы выразить свои признательныя чувства монархинѣ и воздвигнуть въ честь ея монументъ. Крестьянскіе наказы, по свидѣтельству почтеннаго издателя наказовъ депутатамъ, заключаютъ въ себѣ большею частью «ходатайства объ однихъ мелкихъ нуждахъ, невыходящихъ изъ тѣснаго круга самыхъ обиходныхъ потребностей». Тѣмъ не менѣе депутатскіе наказы имѣютъ весьма важное значеніе, какъ вѣрная картина внутренняго состоянія Россіи; ихъ самостоятельность и главнѣйшее достоинство заключается преимущественно во множествѣ частностей, рисующихъ мѣстный бытъ и его потребности, а не въ воззрѣніи на общіе вопросы государственной жизни.

Самымъ полнымъ выраженіемъ общихъ, руководящихъ началъ государственнаго устройства служатъ: наказъ коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, врученный Екатериною генералъ-прокурору въ день открытія коммиссіи 30 іюля 1767 года, или такъ называемый большой Наказъ съ дополненіями къ нему, и Начертаніе о приведеніи къ окончанію коммиссіи, присланное Екатериною 8 апрѣля 1768 года.

Ближайшимъ органомъ для разъясненія депутатамъ началъ Наказа и Начертанія была дирекціонная коммиссія. На ней преимущественно лежала обязанность направлять разнообразные труды депутатовъ къ единой цѣли и вносить въ частныя постановленія свѣтъ тѣхъ идей, которыя правительственная власть полагала въ основу законодательства.

Сочувствіе дирекціонной коммиссіи идеямъ Екатерининскаго наказа очевидно изъ всѣхъ дѣйствій и постановленій коммиссіи;

оно весьма наглядно выразилось уже въ самомъ первомъ собраніи, какъ свидѣтельсвуетъ дневная его записка, уцѣлѣвшая въ своемъ первобытномъ видѣ. Въ ней чрезвычайно живо передаются всѣ подробности перваго совѣщанія депутатовъ.

Собраніе дирекціонной коммиссіи—говоритъ записка—началось чтеніемъ большаго наказа, и какъ дошли до великости россійскаго государства, которою объясняется необходимость для Россіи самодержавія, депутатъ Волковъ замѣтилъ, что не худо бы постоянно имѣть передъ глазами карту россійской имперіи, на что согласились всѣ другіе депутаты. При чтеніи главы о наказаніяхъ, гдѣ сказано, что цѣль законодательства вселить добрые нравы въ гражданъ, а не устрашать ихъ казнями, тотъ же депутатъ Волковъ выразилъ мнѣніе, что «если бъ смертная казнь въ частомъ была употребленіи, то оною отъ пороковъ людей и воздержать будетъ трудно, потому что за посредственныя вины казнить, а за большія де что̀ остается? На сіе генералъ-прокуроръ отвѣтствовалъ, что оное въ прежнія времена и самымъ дѣломъ было, но нынѣшнее нашей всемилостивѣйшей государыни благоволеніе клонится къ такому правленію, въ которомъ бы не только кровопролитіе, но ниже малѣйшая суровость была, а чтобъ править народомъ съ милостію на благоразумныхъ учрежденіяхъ. Потомъ г. Волковъ говорилъ, что каждый артикулъ въ наказѣ премудро и основательно предписанъ, и что надлежитъ съ немалымъ вниманіемъ читать и стараться свои мысли и разумъ возводить къ тому разуму, которымъ сіе писано». На предложеніе хранить наказъ на вѣчныя времена въ золотомъ ковчегѣ, депутаты: графъ Иванъ Орловъ и преосвященный Димитрій Сѣченовъ отвѣтили, что по ихъ мнѣнію «каждый за удовольствіе почтетъ не только золотой (ковчегъ), но и съ дорогими каменьями сдѣлать».

Въ главѣ о судопроизводствѣ, когда прочитали то мѣсто, что въ Турціи паша велитъ бить виновнаго палками по пятамъ, «депутатъ графъ Орловъ разсуждалъ о томъ варварскомъ обычаѣ, и нѣсколько минутъ объ ономъ и всѣ говорили, а г. помощникъ

генералъ-прокурора Хитрово говорилъ же, что видно и полиція ихъ не на благоразуміи, а на одной только строгости основана».

При чтеніи статей наказа о судѣ, въ которыхъ говорится, что не судья налагаетъ наказаніе, а законъ, и воспрещается пристрастіе и лихоимство, «всѣ гг. депутаты удивлялись премудрому ея императорскаго величества на сей артикулъ изъясненію. А гдѣ написано было, чтобъ дѣтей обучать грамотѣ для знанія законовъ Божія и гражданскаго, всѣ гг. присутствующіе оказывали великое удовольствіе, что сіе полезное дѣло предписано» и т. д.[84]).

Дѣйствуя въ духѣ наказа Екатерины, дирекціонная коммиссія наблюдала, чтобы труды всѣхъ частныхъ коммиссій оставались вѣрными тому же духу. Обыкновенный порядокъ работъ былъ слѣдующій. Каждая изъ частныхъ коммиссій составляла предварительно планъ для своихъ занятій, и вносила его въ дирекціонную коммиссію. По утвержденіи плана дирекціонною коммиссіею члены частныхъ коммиссій собирали все, относящееся къ ихъ предмету, изъ законовъ и правительственныхъ распоряженій, а также изъ депутатскихъ наказовъ, отчасти даже изъ иностранныхъ законодательствъ. Общій трудъ членовъ каждой коммиссіи снова представляемъ былъ на разсмотрѣніе дирекціонной коммиссіи, которая точно обозначала, что̀ въ представленномъ проэктѣ заслуживаетъ особеннаго одобренія и что̀ должно быть измѣнено. Многія и существенныя постановленія сдѣланы дирекціонною коммиссіею гораздо ранѣе, нежели поступили въ нее своды изъ депутатскихъ наказовъ. Въ сентябрѣ 1767 года дирекціонная коммиссія утвердила форму, по которой члены коммиссіи для разбора депутатскихъ наказовъ должны были дѣлать выписки изъ наказовъ, а спустя болѣе семи мѣсяцевъ, въ апрѣлѣ 1768 года членъ коммиссіи о наказахъ, графъ Строгановъ, призванный въ дирекціонную коммиссію для объясненія, заявилъ, что работы надъ сводами продолжаются и идутъ успѣшно. Замѣчательное наставленіе дирекціонной коммиссіи, въ которомъ разграничиваются области суда и администраціи, послѣдовало не только до окончанія сводовъ, но и до объясненія съ графомъ Строгановымъ.

Впрочемъ депутатскіе наказы не связывали и не могли связывать членовъ законодательной коммиссіи, которымъ само правительство предоставило выбирать изо всего, даже изъ дѣйствующихъ законовъ, только то, что вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ русскаго государства и народа. Въ наставленіи, разосланномъ во всѣ коммиссіи, сказано, что для депутатовъ нѣтъ другаго руководства кромѣ Наказа, здраваго разсудка и любви къ отечеству. Хотя депутатскіе наказы были весьма важнымъ матеріаломъ при составленіи проекта, но дожидаться ихъ окончательнаго свода значило бы затянуть дѣло, которое и безъ того требовало чрезвычайно много времени. А руководителямъ этого дѣла надобно отдать честь въ томъ, что они избѣгали мелочныхъ формальностей и безполезной траты времени. Во многихъ случаяхъ они допускали устныя объясненія вмѣсто письменныхъ, и соглашаясь, что новое свѣдѣніе можетъ иногда раждать новую мысль и нѣсколько измѣнить прежній планъ, утверждали, что подобныя перемѣны неизбѣжны, и что составленіе плана нужно вовсе не для того, чтобы разъ навсегда связать депутатовъ, а для того, чтобы держаться опредѣленнаго порядка, въ которомъ весьма возможны постепенныя усовершенствованія. На этомъ основаніи коммиссіямъ предложено было начать свои работы до полученія полныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ законовъ, депутатскихъ наказовъ и другихъ источниковъ. Всѣ коммиссіи, несмотря на различіе предметовъ каждой изъ нихъ, сближались между собою единствомъ общей цѣли; они нуждались во взаимной помощи; для нихъ — говоря словами наставленія — «согласіе и единодушіе столькожъ нужны, какъ и самая ревность и прилежаніе: изъ самыхъ драгоцѣнныхъ вещей разнообразно сооруженное зданіе будетъ чудовище». При такомъ общеніи между депутатами весьма трудно, почти невозможно опредѣлить съ математическою точностью, кому именно изъ депутатовъ принадлежитъ, т. е. кѣмъ изъ нихъ высказана впервые та или другая мысль, получившая свой окончательный видъ въ документѣ, скрѣпленномъ общею подписью членовъ коммиссіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти документы,

сохранившіеся въ огромномъ количествѣ, даютъ твердую основу для заключеній о большемъ или меньшемъ участіи того или другаго лица въ общемъ трудѣ депутатовъ.

Дневныя записки и опредѣленія дирекціонной и другихъ коммиссій, а также и общаго собранія депутатовъ, положительно удостовѣряютъ, что ревностное участіе въ законодательныхъ работахъ принималъ Гавріилъ. Отнюдь не приписывая ему исключительнаго вліянія и почина, мы обязаны, на основаніи несомнѣнныхъ фактовъ, признать Гавріила однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ депутатовъ, трудившихся надъ составленіемъ проекта новаго уложенія.

17 марта 1768 года получено маршаломъ офиціальное извѣстіе объ избраніи Гавріила депутатомъ отъ синода на мѣсто Димитрія Сѣченова, а 20 марта Гавріилъ въ первый разъ присутствовалъ въ дирекціонной коммиссіи. Въ теченіе трехъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ, съ 20 марта 1768 года по 25 октября 1771 года, дирекціонная коммисія имѣла 298 засѣданій, и Гавріилъ былъ въ 246 засѣданіяхъ; 35 разъ онъ одинъ занимался разсмотрѣніемъ дѣлъ въ коммиссіи за отсутствіемъ въ засѣданіяхъ ея всѣхъ другихъ сочленовъ [85]).

Предметы занятій дирекціонной коммиссіи, согласно съ ея назначеніемъ, были самые разнообразные, обнимая собою всю совокупность русской государственной жизни. Въ совѣщаніяхъ и постановленіяхъ дирекціонной коммиссіи выражаются возникавшія въ умахъ лучшихъ людей того времени идеи о законѣ и его истинномъ значеніи, о строгомъ различіи между судомъ и администраціей, о народномъ образованіи, о развитіи торговли и промышленности, и т. д.

«Несравненно важнѣе, — сказано въ запискѣ, подписанной однимъ Гавріиломъ — прилежать къ тому, чтобъ сочиняемые законы были весьма точны, ясны и одинакоразумительны, нежели къ тому, чтобъ придумать превеликое множество могущихъ быть случаевъ. Оскорбительно человѣчеству такое мнѣніе, якобы люди отъ природы склонны стремиться противу законовъ, — какіе бы

писатели сіе мнѣніе ни утверждали. Но то подлинно, что крайне стремятся люди ухищреніями убѣгать отъ исполненія закона, почему — чѣмъ меньше законовъ, тѣмъ меньше ухищреній, слѣдовательно и всеобщаго въ народѣ поврежденія, такъ что еслибъ и то подлинно было, что люди рождены съ склонностію стремиться противу законовъ, то и тогда стараться надлежитъ, чтобъ оныхъ было сколько можно меньше».

Одинъ изъ существенныхъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію коммиссіи, заключался въ образованіи самостоятельныхъ судебныхъ мѣстъ, руководимыхъ единственно закономъ и свободныхъ отъ всякаго посторонняго вмѣшательства и давленія. Мысль о независимости суда занимала умы европейскихъ публицистовъ восьмнадцатаго столѣтія; она выразилась и въ сочиненіи Монтескье о духѣ законовъ, которое послужило такимъ обильнымъ матеріаломъ при составленіи Екатерининскаго наказа. По замѣчанію Монтескье (кн. VI, гл. 5 и 6), если монархъ или — что̀ еще хуже — его министры присвоятъ себѣ право суда, то произойдетъ большое неудобство, ибо правительство явится въ одно и тоже время и истцемъ и судьею. Въ первоначальной редакціи наказа Екатерины читаемъ слѣдующее: «тамъ нѣтъ гражданской свободы и безопасности, гдѣ судебная власть не отдѣлена отъ законодательной; и Петръ Великій поступилъ весьма премудро, предоставивъ сенату, коллегіямъ и другимъ мѣстамъ судить на основаніи законовъ, и чрезвычайно затруднивъ переносъ судебныхъ дѣлъ къ самому государю». Въ обнародованной редакціи это мѣсто смягчено: требованіе отдѣленія судебной власти отъ законодательной опущено, и вмѣсто этого поставлено замѣчаніе, что власть судей состоитъ въ одномъ исполненіи законовъ. Такою замѣною нарушена связь предыдущаго съ послѣдующимъ, и затемненъ смыслъ статей наказа, которыми начинается глава о судопроизводствѣ. Въ офиціальной редакціи соотвѣтствующее мѣсто читается въ такомъ видѣ: «Власть судейская состоитъ въ одномъ исполненіи законовъ, и то для того, чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопасности гражданъ. Для сего Петръ Ве-

ликій премудро учредилъ сенатъ, коллегіи и низшія правительства» и т. д. Возлагая судопроизводство на коллегіи и «нижнія правительства», наказъ тѣмъ самымъ признавалъ право суда за учрежденіями, по существу своему административными.

Въ депутатскихъ наказахъ хотя и довольно часто говорится объ устройствѣ судовъ, но суть всѣхъ требованій заключается не въ рѣзкой грани между судомъ и администрацій, а въ принятіи выборнаго начала: депутаты настаивали на томъ, чтобы судьи выбираемы были сословіемъ, къ которому они принадлежали, а не назначались правительственною властью. Въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ наказовъ депутатамъ, въ наказѣ дмитровскаго уѣзда, предлагается учрежденіе земскихъ судовъ съ правомъ мѣстнаго дворянства выбирать членовъ суда изъ своей собственной среды. Главная задача земскаго судьи состояла въ словесномъ разбирательствѣ тяжбъ, преимущественно поземельныхъ, какъ между помѣщиками, такъ и между крестьянами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ возлагалъ на судью и другія обязанности, какъ напримѣръ: надзоръ за земледѣліемъ, наблюденіе, чтобы въ округѣ не было лицъ подозрительныхъ и безпаспортныхъ, уговариванье дворянъ обучать дѣтей разнымъ полезнымъ наукамъ и языкамъ и въ особенности правильному знанію русскаго языка, и т. п. Земскіе суды должны были заботиться также о томъ, чтобы и дѣти крестьянъ обучались грамотѣ и простымъ ариѳметическимъ правиламъ; при этомъ имѣлось въ виду, что «не для одной сохи крестьянинъ надобенъ государству, грамота же пахать не помѣшаетъ». Подобныя требованія, при всей ихъ прекрасной сторонѣ, отвлекали судей отъ ихъ прямаго призванія. Притомъ кругъ дѣятельности земскихъ судей проектъ ограничивалъ исключительно словеснымъ разбирательствомъ; если же къ нимъ поступало дѣло, требующее письменнаго производства, то оно передавалось въ присутственныя мѣста, въ которыхъ вѣдались какъ судебныя, такъ и административныя дѣла.

При самомъ учрежденіи «юстицкой» коммиссіи, переимено-

ванной потомъ въ коммиссію «о правосудіи», на нее возложено было разсмотрѣть и расположить уголовное и гражданское судопроизводство. Все же остальное, относящееся къ правосудію, предполагалось разсмотрѣть впослѣдствіи, чтобы не вдругъ обременить эту коммиссію. Въ сообщенныхъ депутатамъ наказахъ присутственныхъ мѣстъ также говорится преимущественно о судопроизводствѣ. Форма суда — сказано въ наказѣ сената — сначала была дѣйствительно лучшимъ способомъ къ скорому изысканію истины, но разными злоупотребленіями какъ со стороны судей, такъ и со стороны тяжущихся она доведена до того, что «никакое почти дѣло не можетъ окончанія своего получить въ настоящее время». Наказы различныхъ присутственныхъ мѣстъ входятъ въ подробности судопроизводства, толкуютъ о соблюденіи на судѣ приличія и благочинія, объ исковыхъ прошеніяхъ, о стряпчихъ, о гербовой бумагѣ, и т. п., и не затрогивая вопроса объ отдѣленіи суда отъ администраціи, требуютъ усиленія штатовъ по множеству дѣлъ судебныхъ и административныхъ, соединенныхъ въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ. Съ изданіемъ Начертанія расширялся кругъ занятій коммиссіи, и въ него вводился новый и самый важный предметъ—учрежденіе судебныхъ мѣстъ. Въ начертаніи указана только краткая программа въ видѣ нѣсколькихъ вопросовъ: сколько родовъ и степеней судебныхъ мѣстъ должно быть учреждено для отправленія правосудія? какія дѣла отнести къ различнымъ судебнымъ мѣстамъ? сколько въ нихъ членовъ? въ какой срокъ дѣло должно быть рѣшено, и т. п. То, что намѣчено Начертаніемъ, развито дирекціонною коммиссіею въ довольно подробномъ наставленіи, обнимающемъ самую существенную сторону предмета [86]).

Дирекціонная коммиссія настойчиво говоритъ объ отдѣленіи суда отъ администраціи и объ учрежденіи независимыхъ судебныхъ мѣстъ, убѣждая не останавливаться ни передъ какими препятствіями въ виду того, что самое горшее общественное зло происходитъ отъ смѣшенія двухъ, по существу своему раздѣльныхъ, областей—суда и администраціи. Для доказательства этой

истины берутся примѣры самые близкіе и убѣдительные — изъ русской судебной и административной практики. Главнымъ затрудненіемъ въ этомъ дѣлѣ — замѣчаетъ дирекціонная коммиссія — представляется огромное пространство Россіи и различіе ея обитателей, но съ другой стороны, если допустить хотя нѣкоторую зависимость суда отъ какихъ бы то ни было правительственныхъ учрежденій, то какими бы законами ни обставить и ни ограничить ея, все таки на дѣлѣ произойдетъ страшное замѣшательство, и всякое административное мѣсто неизбѣжно и къ общему вреду обратится въ судебное. Живой примѣръ былъ передъ глазами у депутатовъ: по замѣчанію коммиссіи, вслѣдствіе смѣси разнородныхъ началъ все обратилось у насъ въ судебныя мѣста: и коллегіи, и магистраты, и ратуши, и губернскія и воеводскія канцеляріи.

Опредѣляя различныя причины убыли народонаселенія, коммиссія «о размноженіи народа» вскользь упоминаетъ о расколѣ, и болѣе подробно говоритъ о томъ, что масса народа покидаетъ свои семейства и стремится въ столицы для заработковъ, торговъ и промысловъ. Всего невыгоднѣе для страны, по мнѣнію коммиссіи, скопленіе въ Петербургѣ и Москвѣ огромнаго количества разносчиковъ и извозчиковъ, дѣлающее подрывъ какъ земледѣлію, такъ и лѣсоводству, потому что на всѣхъ этихъ людей другіе должны не только напахать хлѣба, но и привести его, особенно въ Петербургъ, на баркахъ.

Разсмотрѣвъ планъ коммиссіи о размноженіи народа, дирекціонная коммиссія сдѣлала слѣдующія замѣчанія: «Не одинъ расколъ бываетъ причиною побѣговъ, а чрезъ то и уменьшенія народа; но и самые по разнымъ обстоятельствамъ на оный издаваемые указы или законы. Хотя и само безразсудное и посмѣятельное основаніе раскола и однихъ жадность къ имѣнію и обманъ, а другихъ невѣжество и суевѣріе бѣжать или еще сожигаться побуждаетъ, но и гоненіе всемѣрно до всякой крайности доводить можетъ. Если гражданскій законъ весь распоряженъ такъ будетъ, что вся цѣль его обращена на гражданскія жъ токмо всѣхъ со-

граждан̣ъ должности, а духовная власть поступаетъ по правиламъ человѣколюбія, то если нельзя надѣяться совершеннаго единомыслія, по меньшей мѣрѣ вышеупомянутое зло избѣгнуто будетъ.... Весьма остерегаться надобно, чтобъ полезный частному человѣку промыслъ не запретить одного силою закона, но (должно) показать ему другой, столькожъ полезный для него, а несравненно полезнѣйшій для всего государства. Что особенно принадлежитъ до яблочниковъ и тому подобныхъ разносчиковъ, то подлинно стыдно, чтс прекрѣпкіе мужики продаютъ иногда землянику и орѣхи: такіе плоды можно присвоить одному женскому полу. Но съ разносчиками ягодъ и тому подобнаго не слѣдуетъ смѣшать извозчиковъ, ниже извозчиковъ нашей лѣни и прихотей съ извозчиками необходимо нужными: великое государство и великая коммерція больше требуетъ здѣсь извозчиковъ, нежели Англія матросовъ. Не надобно также считать, чтобъ умноженіе людей въ Петербургѣ было умаленіемъ хлѣбопашества и служило ко истребленію лѣсовъ. Вредно населить Петербургъ на иждивеніи провинцій, но петербургская цѣна на хлѣбъ долженствуетъ быть повсемѣстное хлѣбопашеству поощреніе, а лѣсъ, на барки употребленный, должно почитать за принесенный въ пріятную жертву всему обществу: по меньшей мѣрѣ нельзя изъ лѣсу лучшаго и полезнѣйшаго сдѣлать употребленія, и ниже Петербургъ безъ онаго обойтиться можетъ» [87]).

Депутатскіе наказы требовали учрежденія училищъ, приспособленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ и пригодныхъ для воспитанія и обученія дѣтей различныхъ сословій: дворянскаго, купеческаго и крестьянскаго. Депутаты отъ дворянства, заявляя, что многіе дворяне, по бѣдности и отдаленности отъ школъ, возрастаютъ въ косности и невѣжествѣ, не имѣя «ни малѣйшаго вида дворянскаго» въ своей жизни и поведеніи, предлагали завести по губернскимъ и провинціальнымъ городамъ школы или семинаріи для обученія грамотѣ, первымъ основаніямъ математики и чужестраннымъ языкамъ, а всего болѣе для пристойнаго воспитанія дѣтей. Нѣкоторые депутаты предлагали основать въ каждомъ «средин-

номъ городѣ» провинціи школу, въ которой учить закону Божію, французскому и нѣмецкому языкамъ, рисованью, фехтованью, ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи, артиллеріи и фортификаціи. Малороссійская коллегія находила, что хотя и существуютъ академія въ Кіевѣ и гимназіи въ Черниговѣ и Переяславлѣ, но онѣ «не на тѣхъ основаны правилахъ, каковы ея величеству угодно подавать для исправленія народа», и поэтому совѣтовала четыре монастыря, два мужскихъ и два женскихъ, обратить для обученія и воспитанія дѣтей обоего пола «благородныхъ и сирыхъ». Депутаты малороссійскихъ полковъ предлагали учредить университетъ въ Кіевѣ или въ Переяславлѣ на счетъ малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ; Переяславль избрали потому, что это одинъ изъ видныхъ городовъ малороссіи и въ немъ совершилось подданство Богдана Хмѣльницкаго великой Россіи. Въ наказѣ тверскаго депутата предполагалось для купецкихъ дѣтей училище, въ которомъ обучать на русскомъ языкѣ грамматикѣ, ариѳметикѣ, исторіи, географіи, риторикѣ, философіи съ юриспруденціей и священной догматической богословіи, но такимъ способомъ, который бы званію купца соотвѣтствовалъ, т. е. былъ бы для купца доволенъ и не требовалъ бы весьма долгаго времени, чтобъ купецкія дѣти, обучаясь наукамъ, имѣли время обучаться и купечеству. Опочецкая воеводская канцелярія выражаетъ сожалѣніе, что русскіе крестьяне остаются безъ школъ между тѣмъ какъ «въ прочихъ европейскихъ государствахъ не точію полированные иноземцы, но и чухны, грамотѣ умѣющіе, каждый по ихъ вѣрѣ въ кирхѣ читаютъ и поютъ» и предлагаетъ завести училища для крестьянскихъ дѣтей мужескаго и женскаго пола при церквахъ и при погостахъ, въ селахъ и деревняхъ, во всемъ государствѣ; въ учителя опредѣлять изъ церковниковъ, отставныхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; дѣтей принимать отъ шестилѣтняго до десятилѣтняго возраста, т. е. покуда они не требуются ни на какія крестьянскія работы, и т. д.

Въ наказѣ академіи наукъ предлагается только два рода училищъ: низшія или гимназіи и высшія или университеты, и не

говорится о начальныхъ народныхъ училищахъ. Въ данномъ Екатериною Начертаніи, въ главѣ «о устроеніи полезнаго» прежде всего въ числѣ полезныхъ и необходимыхъ учрежденій названы училища, и принято раздѣленіе ихъ на три рода: нижнія училища или общественныя школы, среднія или гимназіи и верховныя или университеты.

На этомъ основаніи и дирекціонная коммиссія раздѣляетъ всѣ училища на три рода:

Школы или нижнія училища суть тѣ мѣста, гдѣ учатъ дѣтей читать, писать, ариѳметикѣ и катехизису. Они могутъ быть учреждаемы не только въ городахъ по приходамъ, но и въ селахъ и деревняхъ; сверхъ того вольные учителя могутъ заводить школы вездѣ, гдѣ пожелаютъ, и въ нихъ учить не только начальнымъ основаніямъ наукъ, но также иностраннымъ языкамъ: нѣмецкому, французскому и другимъ. Грамотѣ надо учить «то по церковнымъ книгамъ, то по гражданскимъ законамъ, откуда происходитъ, что мы въ обыкновенныхъ разговорахъ иное ободряемъ, иное хулимъ цѣлыми стихами изъ псаломника; откуда же произойдетъ, что мы при всякомъ дѣяніи тотчасъ слѣдствія онаго видѣть будемъ». Въ этомъ случаѣ дирекціонная коммиссія руководствовалась ст. 158-ой наказа, въ которой сказано, что уложеніе должно быть общедоступною для народа книжкою въ родѣ букваря; чѣмъ болѣе станутъ читать и разумѣть уложеніе, тѣмъ менѣе будетъ преступленій, поэтому учить грамотѣ слѣдуетъ попеременно — то изъ церковныхъ книгъ, то изъ тѣхъ, которыя содержатъ въ себѣ законодательство.

Гимназіи и семинаріи суть среднія училища. Тутъ учатся, по классамъ, переходя изъ одного въ другой, латинскому и греческому языкамъ, исторіи, географіи, философіи, математикѣ и богословію,—главнымъ и употребительнѣйшимъ правиламъ этихъ наукъ съ доказательствами. Такимъ училищамъ слѣдуетъ быть по городамъ, и при нѣкоторыхъ архіерейскихъ домахъ уже есть семинаріи.

Университеты, въ иныхъ мѣстахъ называемыя академіями,

суть верховныя училища, которыя обыкновенно содержатъ въ себѣ всѣ четыре факультета: богословскій, юридическій, медицинскій и философскій, въ который включаются всѣ науки, невходящія въ составъ первыхъ трехъ факультетовъ. Въ университетъ поступаютъ изъ гимназій и семинарій, и выборъ наукъ предоставляется желанію каждаго за исключеніемъ философіи, обязательной для всѣхъ университетскихъ слушателей. Университетамъ «надлежитъ быть только въ знатныхъ городахъ [88]).

Въ планѣ дирекціонной коммиссіи замѣчательно сближеніе духовныхъ училищъ съ свѣтскими и мысль объ учрежденіи въ русскихъ университетахъ богословскаго факультета. Незадолго до открытія законодательной коммиссіи Екатерина поручила Гавріилу «потрудиться объ учрежденіи полезнѣйшихъ духовныхъ училищъ», и онъ съ своими сотрудниками представилъ мнѣніе объ открытіи въ Москвѣ богословскаго факультета; на каѳедры его предполагалось назначить бывшихъ воспитанниковъ семинарій, посланныхъ заграницу для приготовленія къ профессорскому званію и довершившихъ свое образованіе въ Геттингенѣ, Оксфордѣ и Лейденѣ [89]).

Одною изъ главнѣйшихъ цѣлей обученія въ училищахъ коммиссія полагала развитіе въ учащихся чувства долга, познаніе обязанностей, лежащихъ на человѣкѣ какъ на членѣ общества. Въ отношеніи всей массы населенія, при ея разнородномъ и разноплеменномъ составѣ, дирекціонная коммиссія считала необходимымъ распространеніе грамотности и свѣта истинной вѣры. Посредствомъ сознательнаго чтенія раскольники всего скорѣе могутъ уразумѣть истину и отказаться отъ заблужденій. Начало терпимости должно быть положено въ основу просвѣтительной пропаганды. По убѣжденію дирекціонной коммиссіи, не разность вѣры, всегда основанной на благоговѣніи къ Божеству и человѣколюбіи, бываетъ причиною раздоровъ и несогласій, а то обстоятельство, что сами законы подаютъ иногда поводъ думать, что дозволяется дѣлать насиліе совѣсти. Гонимые за вѣру ожесточаются и еще болѣе упорствуютъ въ своихъ заблужденіяхъ, а

гонители еще сильнѣе раздражаются отъ сопротивленія. Отсюда выходитъ, что тò, чтò началось изъ ревности къ Богу, становится дѣломъ взаимной ненависти между гражданами [90]). Къ истинной вѣрѣ должно привлекать однимъ только увѣщаніемъ и вразумленіемъ, отнюдь не прибѣгая ни къ какимъ принудительнымъ мѣрамъ и не дозволяя себѣ ни единаго неосторожнаго слова, которое могло бы оскорбить иновѣрцовъ: надобно только сожалѣть о ихъ заблужденіи и доказывать происходящія отъ него для нихъ самихъ вредъ въ настоящей жизни и пагубу въ будущей [91]).

Наставленія законодательной коммиссіи не остались мертвою буквою, а переходили въ жизнь, какъ свидѣтельствуютъ несомнѣнные факты. Но примѣненіе высокихъ истинъ въ средѣ, неприготовленной для ихъ воспріятія, сопряжено было съ большими трудностями и требовало чрезвычайной находчивости и такта отъ миссіонеровъ. Имъ приходилось говорить на разные лады — отъ возвышеннаго и угрожающаго до ироническаго. Подробныя описанія ихъ долгихъ бесѣдъ съ иновѣрцами, особенно съ магометанами, въ высшей степени любопытны во многихъ отношеніяхъ и всего болѣе по яркой противоположности между торжественнымъ тономъ проповѣдниковъ и наивными, но часто мѣткими, отвѣтами ихъ несговорчивыхъ слушателей. Въ бумагахъ митрополита Гавріила сохранились подобныя описанія, и мы позволяемъ себѣ привести изъ нихъ нѣсколько данныхъ, записанныхъ по горячимъ слѣдамъ.

Миссіонеры объясняли иновѣрцамъ тайну міровозданія, происхожденіе всего изъ несущаго, начало всякаго бытія, и получили такой отвѣтъ: «Богъ создалъ землю отъ пѣны морской, а небо — отъ пара воднаго».

По поводу божественности корана, отстаиваемой его почитателями, загробной судьбы праведныхъ и грѣшныхъ, и другихъ предметовъ вѣры происходили между миссіонерами и магометанами подобные разговоры:

Кому вы будете вѣрить и въ чемъ?—спрашивали миссіонеры.

— Мы вѣримъ всему, въ коранѣ написанному, — отвѣчали татары.

Только знаете ль, кто его писалъ?

— Какъ не знаемъ: самъ Богъ послалъ его чрезъ ангела Гавріила. Магометъ какъ пришелъ на небо за кораномъ, то засталъ его недописаннымъ у секретаря, который и извинялся предъ нимъ, что другими, нужнѣйшими, дѣлами былъ затрудненъ.

Это и правда: свѣтъ великъ, дѣла много всегда, а можетъ оный секретарь немногихъ имѣлъ въ повытьи своемъ подъячихъ?

— Такъ, бачко, такъ.

Глупы вы: не только, что все по земному разсуждаете, но и вѣдѣніе всѣхъ нашихъ, еще несодѣянныхъ, дѣлъ отъ Бога ока всевидящаго безумно отнимаете; эдакой вы бреднѣ удобно вѣрите, а пророческому писанію, которое самъ Духъ Святый провѣщевати повелѣлъ, не вѣрите.... Что вамъ пользуетъ частое омытіе рукъ, ногъ и всѣхъ частей тѣла?

— Мы очищаемся не только отъ тѣлесной нечистоты, но и отъ грѣховъ. Для того и запретилъ намъ Магометъ исповѣдываться, а вмѣсто того приказалъ намъ часто омываться, и оно ко очищенію грѣховъ болѣе нужно, нежель ваша исповѣдь. На что намъ абызу сказывать грѣхи: онъ и самъ такъже грѣшитъ, какъ мы, и какъ можетъ насъ простить въ грѣхахъ, окромѣ одного безгрѣшнаго Бога?

Нѣтъ, у насъ эдакую власть Богъ попамъ далъ, чтобъ они кающимся Его именемъ отпущали грѣхи, и если кого они простятъ, того и Богъ проститъ, а кого не простятъ, того и Богъ не проститъ.

— Мы не знаемъ про эдакое дѣло великое, а увидимъ на томъ свѣтѣ, кто правъ и кто виноватъ явится въ вѣрѣ своей.

Довольно ли къ душевному спасенію пятикратной молитвы вашей и частаго омовенія тѣлъ? Хорошо не только пять разъ въ день молиться, но и безпрестанно, да вѣдь надобно имѣть вѣру правую и дѣла добрыя, а безъ вѣры и добрыхъ дѣлъ спастися человѣку вовсе не можно.

— Мы, кажется, право вѣруемъ въ единаго Бога, создавшаго небо и землю. Также и добрыя дѣла имѣемъ: постимся, подаемъ милостыню, никого напрасно не обидимъ, не крадимъ, не убиваемъ, къ чужимъ женамъ не ходимъ.

Скажите вы намъ о своемъ пророкѣ, дѣлалъ ли онъ какія чудеса?

— Когда Магометъ родился, въ то самое время, кто пошелъ по воду, воды не принесъ; кто поѣхалъ по сѣно, тотъ сѣна не привезъ; кто по дрова, дровъ не привезъ; а какъ уже былъ пророкомъ, то на двое мѣсяцъ переломилъ; опять же часть жаренаго мяса съ нимъ говорила, сказала ему: ядомъ есмь напоенна.

Великое и немалое это чудо, что пророкъ вашъ луну переломилъ; развѣ онъ ходилъ на небо разсѣкать ее: вѣдь луна на небѣ, или руки у него были долгія, что онъ досталъ луну?

— Онъ не руками переламывалъ, но просилъ Бога, чтобъ она разступилась надвое, онъ только рукою махнулъ, и Богъ повелѣлъ ей надвое разступиться, и такъ по повелѣнію Божію она разступилась, а послѣ опять вмѣсто сошлась.

Истинно вамъ сказываю, жалѣя о погибели душъ вашихъ, что безъ воспріятія святаго крещенія въ рай васъ не впустятъ.

— Что намъ дѣлать! когда въ рай насъ не впустятъ, то станемъ съ діаволомъ въ аду жить.

Однакъ изъ ада выйти невозможно: будете въ немъ плакать вѣчно; станете скрежетать зубами безпрестанно; червь безусыпно будетъ плоть вашу терзать; огонь никогда не угаснетъ, а вы горѣть въ немъ будете вѣчно.

— Быть такъ; вѣдь кому ни есть жить же въ аду: не пустому стоять.

Дьяволу съ товарищами въ немъ жить опредѣлилъ Богъ, а не человѣку.

— Одному дьяволу жить будетъ скучно: надобно и такихъ людей, которые бъ въ адъ дрова носили. — »

На всѣ доводы миссіонеровъ о превосходствѣ христіанской вѣры и увѣщанія принять ее, магометане отвѣчали въ одинъ

голосъ: «мы желаемъ умереть въ своей вѣрѣ, а что Богъ дастъ — царство или муку, это — въ его волѣ; всякъ за свои дѣла будетъ отвѣчать; креститься мы не хотимъ, а кто изъ нашихъ пожелаетъ, того не унимаемъ: у всякаго своя воля» [92]).

Заботясь о распространеніи вѣры и образованія въ народѣ, дирекціонная коммиссія вмѣстѣ съ тѣмъ изыскивала средства къ развитію его матеріальнаго благосостоянія. «Начертаніе», составляющее одно цѣлое съ наказомъ, признаетъ особенно полезнымъ, подобно открытію училищъ, учрежденіе больницъ, исправительныхъ домовъ, почтъ, постоялыхъ дворовъ и т. п. Дирекціонная коммиссія съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ работъ всѣхъ частныхъ коммиссій и содѣйствовала имъ сообщеніемъ важныхъ матеріаловъ и основательными совѣтами и указаніями. Гавріилъ сообщилъ въ духовногражданскую коммиссію рядъ правительственныхъ распоряженій о раскольникахъ въ исторической послѣдовательности, а также постановленія и отдѣльные случаи по дѣламъ брачнымъ, сколько было возможно собрать, и т. д. Дирекціонная коммиссія признавала, что разумнымъ основаніямъ для дѣленія городовъ на степени должно служить ихъ состояніе «паче въ разумѣ физическомъ, нежели моральномъ», т. е. ихъ естественное положеніе, а не административная кличка. Какъ бы городъ ни назывался: губернскій, провинціальный или уѣздный, — говоритъ коммиссія — имя не много способствуетъ цвѣтущему состоянію города: Алáтырь, хотя и называется городомъ провинціальнымъ, но никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ Чебоксарами, городомъ приписнымъ и уѣзднымъ, — такую разность дѣлаетъ его физическое положеніе. Какъ ни необходимо, чтобы всякій городъ пользовался всѣми выгодами, свойственными его положенію и состоянію; но всего нужнѣе стараться о томъ, чтобы города, лежащіе внутри хлѣбородныхъ провинцій и удаленные отъ всякихъ пристаней, поставлены были въ самыя выгодныя условія, чтобы посредствомъ этого содѣйствовать развитію земледѣлія и хлѣбопашества. Касательно торговли дирекціонная коммисія старается устранить

мысль о томъ, что Россія не имѣетъ ни нужды, ни возможности сдѣлаться такою же торговою державою, какъ въ древности Тиръ и Карѳагенъ, потомъ Венеція, а въ наше время Англія и Голландія: ни у одной изъ этихъ державъ не было и нѣтъ и сотой доли тѣхъ выгодъ и способовъ, какими располагаетъ Россія. На возраженіе, что Россія богата и сильна сама собою, коммиссія отвѣчаетъ, что про Испанію также можно сказать, что она, относительно, не менѣе сильна и гораздо болѣе богата, но совершенно однакоже истощена чужою торговлею. По замѣчанію коммиссіи, русская торговля всего болѣе терпитъ отъ того, что по сей часъ главное наше стремленье было обращено къ сѣверу и западу и на такіе предметы, что мы сами содѣйствовали иностранцамъ, обходящимъ вокругъ свѣта, торговать у восточныхъ и южныхъ границъ имперіи, и не старались удержать эту торговлю въ нашихъ рукахъ, и т. д. [93]).

Предметомъ весьма долгихъ совѣщаній и въ коммиссіяхъ и въ общемъ собраніи депутатовъ было раздѣленіе гражданъ на роды или сословія. Въ наказѣ допускается три рода, различіе между которыми опредѣляется отчасти по мѣсту жительства гражданъ, отчасти по ихъ правамъ и преимуществамъ. Земледѣльцы живутъ въ селахъ и деревняхъ, мѣщане въ городахъ;— говорится въ наказѣ—добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства. Сообразно съ наказомъ и законодательная коммиссія раздѣляетъ всѣхъ жителей государства на три рода: благородный, средній или мѣщанскій, и нижній, заключающій себѣ всѣхъ, питающихся отъ земледѣлія, скотоводства и разныхъ ловитвъ. Эти три рода, обнимающіе собою все населеніе страны, коммиссія о государственныхъ родахъ подраздѣляетъ на четырнадцать частей: родъ благородныхъ — на четыре части: на князей, графовъ, бароновъ и дворянъ; средній или мѣщанскій родъ — на восемь частей: на бѣлое духовенство, ученыхъ, художниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, приказныхъ служителей, разночинцевъ и освобожденныхъ; нижній родъ—на двѣ части: свободныхъ и крѣпостныхъ.

Коммиссія о государственныхъ родахъ, по ея собственному свидѣтельству, со всевозможнымъ стараніемъ и отчетливостью обработывала проектъ о правахъ «благороднаго» сословія: пользовалась наказомъ и сообщеніями дирекціонной коммиссіи, и подробно изучала права, предоставленныя благороднымъ въ различныхъ европейскихъ государствахъ. При обсужденіи этого проекта въ общемъ собраніи высказано было много мнѣній, замѣчательныхъ и по содержанію своему и по основной мысли. Проектъ удерживалъ за женщиной благороднаго происхожденія ея права только въ томъ случаѣ, если она или оставалась дѣвушкой или выходила замужъ за благороднаго; въ противномъ случаѣ она лишалась своего благородства. Такое ограниченіе вызвало сильный протестъ со стороны депутатовъ, утверждавшихъ, что принятіе подобнаго закона было бы нарушеніемъ естественнаго права, отнимающимъ у женщины то, что ей дано самимъ рожденіемъ, самою природою.

Естественное право было краеугольнымъ камнемъ, на которомъ основывались доводы многихъ изъ депутатовъ, приводимые по различнымъ вопросамъ общественной жизни. На этомъ основаніи дирекціонная коммиссія противилась учрежденію особеннаго заведенія для кормилицъ: она находила, что такъ какъ кормилицы введены въ употребленіе обычаемъ, совершенно противнымъ естественному праву, то гораздо лучше предоставить дѣло обычаю же, который можетъ измѣниться, при нравственномъ развитіи общества, нежели утвердить закономъ злоупотребленіе, противное естественному праву. Депутатъ, отстаивавшій права женщины, принадлежащія ей по рожденію, графъ Григорій Орловъ заявилъ въ собраніи, что, по его убѣжденію, самые лучшіе законы гражданскіе суть тѣ, которые всего менѣе отступаютъ отъ закона естественнаго, и что основаніемъ всѣхъ законовъ должно служить естественное право [94]).

Предоставляя другимъ отстаивать права высшаго, благороднаго, сословія, и не пытаясь умалить или ограничить ихъ, Гавріилъ сосредоточилъ свои усилія на защитѣ и возвышеніи

правъ духовенства. Къ этому побуждали его и мѣсто, занимаемое имъ въ законодательной коммиссіи, гдѣ онъ былъ депутатомъ отъ всего русскаго духовенства, и его внутреннее убѣжденіе, и его собственное знакомство съ бытомъ сословія, изъ котораго онъ происходилъ, и многочисленныя и настойчивыя заявленія со стороны самаго духовенства. Трудная задача выпала на долю Гавріила: онъ долженъ былъ выдержать сильную борьбу, идти въ разрѣзъ съ порядкомъ вещей, укоренившимся въ нашей администраціи и правительственныхъ сферахъ, и стараться согласить двѣ цѣли, издавна поставленныя у насъ во враждебное отношеніе. Справедливо замѣчено, что чувства чистой совѣсти достаточно для смерти; но для жизни необходимо сверхъ того чувство нравственнаго достоинства [95]), т. е. другими словами — сознаніе человѣческихъ и общественныхъ правъ и обязанностей. Эти двѣ цѣли, земная и небесная, поняты были у насъ такимъ образомъ, что духовенству предоставлено преимущественно то, что нужно для неба, и презрѣны и полузабыты условія земнаго существованія. Такая замкнутость, такое отчужденіе духовенства отъ жизни общественной отчасти перешло къ намъ какъ византійское наслѣдство, отчасти возникло отъ неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій. Существенное различіе между восточною и западною церковью представляется въ томъ, что восточная девизомъ своимъ избрала: «Божіе Богу», а западная — «кесарево кесарю», т. е. земное земному, и на основаніи этого принимала участіе въ треволненіяхъ политической жизни и добилась земныхъ, политическихъ правъ. Опираясь на несомнѣнное свидѣтельство исторіи, нельзя и у нашего духовенства отрицать стремленія къ участію, порою рѣшительному, въ событіяхъ общественной и государственной жизни; но бюрократическое начало, съ такою щедростью внесенное въ церковное управленіе, поставило для дѣятельности подвѣдомыхъ ему лицъ такіе замкнутые предѣлы, для выхода изъ которыхъ требовалось большаго гражданскаго мужества. Даже въ эпоху всеобщаго возбужденія умовъ слышалась готовность примириться съ печальною, земною, судьбою людей не отъ міра

сего. Одинъ изъ іерарховъ екатерининскаго времени писалъ Гавріилу: «Въ причисленіи къ мѣщанству духовенства, de quo olim obiter et paucis, труда много, чтобъ отстоять; однако не будетъ ли годиться предложеніе такое, что мѣщанамъ дозволены способы многихъ выгодъ и корыстей, какъ-то: торги, откупы и прочее, почему и государственныя тягости имъ сносны. А какъ духовные мѣщанскихъ выгодъ по указамъ не имѣютъ и имѣть правилами возбраняются, такъ и въ тягостяхъ общества соучастны быть или ex naturâ statûs sui не могутъ, какова поставка рекрутъ въ солдатство, складка рекрутская и проч., или что и могутъ vi facultatum suarum, отъ всего того, по правиламъ и примѣру всѣхъ вѣковъ церкви да и самихъ иновѣрческихъ державъ, свободны. А буде смѣшать духовенство съ мѣщанствомъ, то надо дать ему и корыстей средства, чего однимъ дать не хочется, другимъ имѣть не можно: такъ останутся только тягости мѣщанскія на духовныхъ безвыгодно. Но если то идетъ къ уравненію только въ разсужденіи чести одной духовныхъ съ мѣщанами praecise отъ тягостей и корыстей, въ такомъ случаѣ мы, не требуя разбору почестей своихъ, готовы остаться въ глухѣ попрежнему, какъ и предки наши и другихъ державъ наша братья, ибо царство Христово нѣсть отъ міра сего» и т. д. [96]).

Печальными красками рисуютъ очевидцы беззащитное положеніе низшаго духовенства. Многіе помѣщики и обыватели подвергаютъ священниковъ всевозможнымъ оскорбленіямъ и даже побоямъ, и священники не рѣшаются прибѣгнуть къ суду какъ потому, что не надѣются на успѣхъ судебнаго разбирательства, такъ и потому, что боятся пропустить службы въ высокоторжественные и викторіальные дни, а за подобное упущеніе имъ угрожаетъ неминуемое взысканіе. Служители алтаря принуждены сами ходить за сохою, косить сѣно и вывозить навозъ на пашни. За оскорбленіе духовныхъ лицъ въ иныхъ мѣстахъ нѣтъ опредѣленнаго наказанія, въ другихъ назначенъ самый ничтожный денежный штрафъ въ сравненіи со всѣми другими обывателями, и потому многіе изъ свѣтскихъ людей «отваживаются попамъ и

дьяконамъ не только словами причинять безчестье, но и бить ихъ немилосердо, но и многія чинить ругательства, какъ то неоднократно таковые экземпели по дѣламъ оказались», и т. п.[97]).

Чтобы оградить духовенство отъ насилія и оскорбленій, духовногражданская коммиссія предлагала постановить опредѣленныя взысканія, сравнивъ, въ отношеніи наказуемости за наносимыя духовнымъ лицамъ обиды, митрополитовъ съ фельдмаршалами, архіепископовъ съ генералъ-аншефами, епископовъ съ генералъ-поручиками, іеромонаховъ и протопоповъ соборныхъ съ секундъ-маіорами, бѣлыхъ священниковъ съ поручиками, дьяконовъ съ прапорщиками, и т. д. При этомъ коммиссія сочла нужнымъ оговориться, что такое соотвѣтствіе допущено только для большей точности, но что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ между чинами свѣтскими и саномъ духовнымъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства, ни подобія[98]).

Для возведенія духовенства на подобающую ему высоту общественнаго положенія св. синодъ и его депутатъ признавали необходимымъ исключить духовенство изъ такъ называемаго средняго или мѣщанскаго класса и поставить наряду съ дворянствомъ. Въ состоявшемся по этому поводу постановленіи св. синода сказано, что духовные, по самому званію своему, суть пастыри и учители народа, и потому должны пользоваться особеннымъ почетомъ и уваженіемъ; византійскими императорами духовные поставлены въ число благородныхъ; указомъ Петра Великаго дозволено вступать въ духовное званіе дворянамъ; малороссійское духовенство, подобно духовенству въ иностранныхъ христіанскихъ державахъ, считается наравнѣ съ чиновными шляхетнаго чина людьми. Духовенство тѣмъ болѣе ожидаетъ утвержденія своихъ правъ и преимуществъ, что въ наказѣ выражено богоподобное желаніе видѣть русскій народъ на возможной степени благосостоянія[99]). Копія съ этого постановленія сообщена коммиссіи о государственныхъ родахъ и синодальному депутату съ тѣмъ, чтобы онъ всякое прилагалъ стараніе о приведеніи въ дѣйствіе того, что постановлено св. синодомъ.

Находя несправедливымъ и несогласнымъ съ достоинствомъ духовенства причисленіе его къ среднему классу, Гавріилъ говоритъ, что мнѣніе свое онъ основываетъ на св. писаніи, на премудромъ наказѣ, данномъ законодательной коммиссіи, и на прямой пользѣ церкви и государству. Доводы его и другихъ лицъ того сословія, котораго онъ былъ представителемъ, заключаются въ слѣдующемъ. Призваніе духовныхъ — быть служителями Бога и наставниками и просвѣтителями народа: они должны предупреждать и исправлять пороки, дѣйствовать на умы и сердца людей, обращаться къ ихъ совѣсти и водворять въ обществѣ нравственныя начала. Вѣра и законъ христіанскій признаются въ наказѣ главными основаніями славы, спокойствія и блаженства Россіи. Духовный санъ не пріобрѣтается происками и докуками: онъ дается избраннымъ по ихъ личному достоинству. Поэтому лица, облеченныя священнымъ саномъ, имѣютъ неоспоримое право на общее уваженіе. Не честолюбіе, не тщеславіе заставляютъ духовенство добиваться общественныхъ правъ и преимуществъ, а прямая, житейская необходимость. Какъ ни желательно, чтобы всякій постоянно помышлялъ о томъ, что онъ сынъ церкви и обязанъ чтить своихъ духовныхъ пастырей, но опытъ показываетъ, какъ далеки бываютъ люди отъ подобнаго настроенія, особенно когда въ нихъ дѣйствуетъ страсть, и духовному лицу, въ отвѣтъ на слово увѣщанія и назиданія, не разъ придется услышать: да ты тоже, что кузнецъ, что рыболовъ, и т. п. «Униженіе, съ которой стороны ни будь, всегда унижаетъ», и подавленные духомъ теряютъ нравственную силу и не могутъ приносить обществу той пользы, которой оно въ правѣ было бы ожидать при другихъ, болѣе благопріятныхъ, условіяхъ. Помѣщеніе духовныхъ въ одинъ разрядъ съ ремесленниками и торговцами не оправдывается ни нравственными, ни юридическими соображеніями. Поэтому и въ премудромъ наказѣ духовные не поставлены въ число лицъ, отнесенныхъ къ среднему или мѣщанскому классу. Духовенство не обладаетъ ни наслѣдственными, ни имущественными правами, не живетъ исключительно въ городахъ, не поль-

зуется и по самому званію своему не можетъ пользоваться правами, предоставленными городскимъ обывателямъ. Духовное званіе не наслѣдственно: для того, чтобы сынъ священника получилъ духовный санъ и занялъ священническое мѣсто, недостаточно одного того, что онъ сынъ священника: для этого требуется личное достоинство, а не право, переходящее по наслѣдству; необходимо дозволить вступать въ духовное званіе людямъ всѣхъ сословій, и дѣти духовныхъ должны имѣть на это отнюдь не болѣе правъ, какъ и лица всѣхъ другихъ сословій. Земля, на которой живутъ священники, принадлежитъ церкви, а не имъ и не можетъ быть ими продана. Да и самые домы, въ которыхъ живутъ священнослужители, довольно часто содержатся церковью на добровольныя пожертвованія прихожанъ. Притомъ слѣдуетъ возбудить вопросъ, не сопряжено ли съ нравственнымъ вредомъ для церкви дозволеніе духовенству строить и содержать дома, ибо по этому поводу возникаетъ много затрудненій и неурядицъ съ самыми печальными слѣдствіями: подъ видомъ торга домами скрывается продажа духовныхъ мѣстъ, и зажиточные невѣжи похищаютъ званіе, на которое они не имѣютъ ни малѣйшаго нравственнаго права. Въ наказѣ отличительнымъ признакомъ средняго класса поставлено то, что онъ живетъ въ городахъ; (отсюда, прибавимъ мы, и названіе средняго класса *мѣщанскимъ*, ибо въ старинномъ языкѣ *мѣсто* значило *городъ*, а *мѣщанинъ*—*горожанинъ*, *городской обыватель;* въ словарѣ россійской академіи слово *мѣщанинъ* опредѣлено такъ: «*городовой* обыватель средняго состоянія») [100]). Духовенство же находится не только въ городахъ, но въ огромномъ количествѣ и въ селахъ, а также при полкахъ и заграницею при нашихъ миссіяхъ. Въ городахъ живутъ архіереи, но ихъ нельзя же приписать къ ремесленному и торговому сословію, а между тѣмъ, по существу своего званія, высшіе іерархи не могутъ быть отдѣляемы отъ священнослужителей вообще. Нельзя допустить раздѣленіе духовенства на бѣлое и черное: основаніемъ для дѣленія надо избрать не цвѣтъ платья, а совокупность другихъ, болѣе существенныхъ, признаковъ. Духовенство не можетъ

заниматься ни ремеслами, ни торговлею, ни мореплаваніемъ, которыя законъ предоставляетъ среднему классу и въ которыхъ заключается источникъ его благосостоянія[101]). Всѣ доказательства и соображенія Гавріила сводятся къ тому, что духовенство никоимъ образомъ не можетъ существовать въ видѣ восьмой части средняго класса, а дожно получить гражданскую самостоятельность, что̀ вполнѣ согласно съ его нравственнымъ значеніемъ для христіанскаго міра, которое признается какъ церковными, такъ и государственными законами.

Въ связи съ заботами о возвышеніи гражданскихъ правъ духовнаго сословія находится участіе Гавріила въ одномъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ по отношенію къ этому сословію — въ освобожденіи духовенства, въ случаѣ уголовнаго суда, отъ тѣлеснаго наказанія. Вопросъ объ этомъ поднятъ былъ при Екатеринѣ, и Гавріилъ является главнымъ ходатаемъ и двигателемъ въ дѣлѣ, исходъ котораго послѣдовалъ при ея преемникѣ. Законами постановлено, — говорится въ докладѣ св. синода императрицѣ Екатеринѣ II — чтобы виновныхъ священно-и церковно-служителей «вмѣсто наказанія тѣлеснаго исправлять приличными духовенству трудами, лишеніемъ дохода и отрѣшеніемъ по разсмотрѣнію отъ мѣста. Но свѣтскія правительства, какъ видно изъ донесеній епархіальныхъ архіереевъ, по случающимся дѣламъ о кражѣ, въ коихъ оказываются иногда виновными священнослужители, требуютъ, чтобъ оные по лишеніи священства были отсылаемы къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ вѣчно въ работу. Синодъ, разсуждая, что, по безприкладному вашего императорскаго величества милосердію, и свѣтскихъ людей, въ преступленіе впадшихъ, повелѣно отъ онаго отвращать болѣе снисхожденіемъ, нежели кровопролитіемъ; съ другой же стороны великій былъ бы соблазнъ и презрѣніе къ духовенству, ежелибы предстоящіе олтарю Господню были наравнѣ съ преступниками изъ подлаго народа наказываемы тѣлесно, осмѣливается всеподданнѣйше испрашивать: не благоугодно ли будетъ изъ высокоматерняго усердія повелѣть, чтобъ оказавшихся впредь по дѣ-

ламъ татебнымъ священнослужителей лишать только ихъ чиновъ и, изъ уваженія къ сану священства, не чиня имъ наказанія тѣлеснаго, отсылать потомъ смотря по важности вины въ работу вѣчно или на время». Екатерина одобрила докладъ синода, и для того, чтобы этотъ актъ получилъ силу закона приказала предварительно снестись съ генералъ-прокуроромъ. Вслѣдствіе этого оберъ-прокуроръ синода А. И. Мусинъ-Пушкинъ сообщилъ, 13 февраля 1796 года, генералъ-прокурору графу Самойлову всѣ документы по этому дѣлу и сверхъ того «особенныя митрополита новгородскаго (Гавріила) разсужденія»[102]).

Докладъ синода, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, утвержденъ уже по вступленіи на престолъ императора Павла I. Въ прежней редакціи рѣчь шла исключительно о дѣлахъ татебныхъ, въ позднѣйшей — законъ распространенъ на уголовныя преступленія вообще. «Св. правительствующій синодъ,—сказано въ протоколѣ синода — усматривая изъ многократныхъ отъ епархіальныхъ архіереевъ донесеній, что приличившіеся въ уголовныхъ преступленіяхъ священники и дьяконы, сверхъ лишенія чиновъ ихъ, наказываются тѣлесно кнутомъ наравнѣ съ преступниками изъ подлаго народа, несообразно съ правилами церковными, отъ двойнаго наказанія ихъ освобождающими, — приговорили: поднесть его императорскому величеству всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержанія: «Приличившіеся въ уголовныхъ преступленіяхъ священники и дьяконы, по лишеніи чиновъ ихъ, наказываются кнутомъ наравнѣ съ преступниками изъ подлаго народа. Но церковныя правила отъ двойнаго наказанія ихъ освобождаютъ. По высочайшимъ же граматамъ дворянству и городамъ, впадшіе въ уголовное преступленіе не только дворяне, но и купечество, тѣлесно не наказываются. Почему синодъ смѣлость пріемлетъ всеподданнѣйше просить, не благоугодно ли будетъ вашему императорскому величеству изъ высочайшаго милосердія повелѣть, чтобъ таковыхъ, изъ священнаго сана судимыхъ въ преступленіяхъ уголовныхъ, тѣлесно впредь не наказывать, а отсылать по лишеніи чиновъ въ работу вѣчно или на время,

смотря по важности вины, ибо чинимое имъ наказаніе въ виду самыхъ тѣхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя тайны, располагаютъ народныя мысли къ презрѣнію священнаго сана» [103]).

Докладу этому дано весьма быстрое движеніе. Между тѣмъ какъ другіе протоколы подписывались черезъ нѣсколько дней и даже недѣль послѣ ихъ составленія или послѣ того, когда состоялось постановленіе, докладъ объ освобожденіи духовенства отъ тѣлеснаго наказанія, составленный 8 декабря 1796 года, подписанъ того же 8 декабря, а 9 декабря уже послѣдовало высочайшее утвержденіе [104]). По всему видно, что Гавріилъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы при новомъ порядкѣ вещей не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, и старался воспользоваться первою счастливою минутою. Но успѣхъ, достигнутый по этому дѣлу, оказался весьма непрочнымъ. Въ концѣ 1796 года дано было духовенству желаемое право, а въ началѣ 1797 года оно отнято по слѣдующему обстоятельству. Судился отставной прапорщикъ за дерзкія слова о владѣтельныхъ государяхъ, и признанъ заслуживающимъ смертной казни, но она уничтожена Елисаветой; его приговорили къ наказанію кнутомъ, но тѣлесное наказаніе отмѣнено екатерининскою грамотою дворянству; оставалось еще ослабить наказаніе, и недовольный этимъ Павелъ I написалъ: «какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается, *по чему и впредь поступать*». Послѣднія слова были зловѣщими для духовенства: въ нихъ заключалось уничтоженіе дарованнаго ему права. 9 декабря 1796 года вышелъ указъ «о *ненаказываніи* священниковъ и дьяконовъ за уголовныя преступленія тѣлесно», а 13 апрѣля 1797 года — «о *наказаніи* дворянъ, гильдейскихъ гражданъ, священниковъ и дьяконовъ тѣлесно за уголовныя преступленія» [105]).

Біографы митрополита Гавріила прославляютъ его за составленіе доклада, достойнаго «быть начертаннымъ золотыми письменами», которымъ онъ оказалъ величайшую услугу отечеству, церкви и ея служителямъ [106]). Современники Гавірила, какъ рус-

скіе, такъ и иностранцы, ставятъ ему, при высокомъ достоинствѣ его характера и образа дѣйствій, въ особенную заслугу его благотворное вліяніе на своихъ собратовъ и его просвѣщенную заботливость о поднятіи нравственнаго уровня духовенства [107]).

II.

Независимо отъ многочисленныхъ и сложныхъ обязанностей, лежавшихъ на Гавріилѣ какъ на одномъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ законодательной и дирекціонной коммиссіи, къ нему постоянно обращались въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось основательное знаніе отечественнаго языка и литературная обработка слога. Требованія въ отношеніи языка признаваемы были самимъ правительствомъ важными и существенными. Наказъ говоритъ: «Законы должны быть писаны простымъ языкомъ. Всѣ люди должны по онымъ поступать, слѣдовательно надобно, чтобы всѣ люди оные и разумѣть могли. Надлежитъ убѣгать выраженій витіеватыхъ, гордыхъ или пышныхъ, и не прибавлять въ составленіи закона ни одного слова лишняго, чтобъ легко можно было понять вещь закономъ установляемую. Неопредѣленными рѣчьми законовъ писать не должно, чему здѣсь прописывается примѣръ. Законъ одного императора греческаго наказывать велитъ смертію того, кто купитъ освобожденнаго какъ будто раба, или кто такого человѣка станетъ *тревожить* и *безпокоить*. Не должно было употреблять выраженія такъ неопредѣленнаго и неизвѣстнаго: *безпокойство* и *тревожсные*, причиняемое человѣку, зависитъ вовсе отъ того, какую кто степень чувствительности имѣетъ. Слогъ уложенія царя Алексѣя Михайловича по большей части ясенъ, простъ и кратокъ; съ удовольствіемъ слушаешь, гдѣ бываютъ изъ онаго выписи: никто не ошибается въ разумѣніи того, что слышитъ; слова въ немъ внятны и самому посредственному уму». Главнѣйшая изъ всѣхъ частныхъ коммиссій, занимавшая послѣ дирекціонной первое мѣсто — коммиссія экспедиціонная образована была собственно съ тою цѣлью, чтобы всѣ законодательныя постановленія были

написаны «по правиламъ языка и слога», не заключая въ себѣ двусмысленныхъ, темныхъ, неопредѣленныхъ или невразумительныхъ словъ и выраженій[108]). Гавріилъ славился въ свое время какъ глубокій знатокъ языка, занимавшій видное мѣсто въ ряду извѣстнѣйшихъ русскихъ стилистовъ. Въ редакціи многихъ вещей, вышедшихъ изъ законодательной коммиссіи, замѣтно большее или меньшее участіе Гавріила. Къ нему же прибѣгали и тогда, когда нужно было живымъ словомъ выразить мысли и чувства, одушевлявшія законодательное собраніе. Нѣсколько разъ приходилось Гавріилу говорить отъ лица законодательной коммиссіи, и при самомъ открытіи ея Гавріилъ обратился къ депутатамъ съ словомъ привѣта и назиданія.

Торжественное открытіе коммиссіи происходило 30 іюля 1767 года въ Москвѣ. Въ этотъ день совершена была въ Кремлѣ въ успенскомъ соборѣ литургія въ присутствіи императрицы и депутатовъ христіанскаго исповѣданія; депутаты некрещеные стояли внѣ церкви. Молебствіе совершалъ депутатъ отъ синода митрополитъ Димитрій Сѣченовъ съ пятью архіереями. По окончаніи церковной пѣсни: «Тебѣ Бога хвалимъ», передъ принесеніемъ депутатами присяги, Гавріилъ произнесъ рѣчь, въ которой развивалъ ту мысль, что основаніе общественныхъ законовъ лежитъ въ самомъ существѣ общества, подобно тому какъ основаніе нравственнаго закона таится во глубинѣ души человѣка, и что призваніе депутатовъ — стремиться къ водворенію въ русскомъ обществѣ нравственныхъ началъ и уваженія къ закону и законности. Приводимъ эту рѣчь вполнѣ:

«Преславное и божественное нынѣ совершается дѣло. Богъ милосердый свой промыслъ, каковой доселѣ къ возвышенію Россіи устроивалъ, къ прежеланному концу приводитъ: Россія восходитъ на верхъ своего благополучія; Христова церковь твердость своего благочестія получаетъ; въ семъ любезномъ Богу обществѣ спокойство, тишина, безопасность и достойная его любовь насаждается. И можетъ ли быть что преславнѣе и божественнѣе?

«Всемилостивѣйшая Государыня! симъ Россія одолжена вашему императорскому величеству; всѣ ваши дѣла, которыя насъ удивляютъ, доказываютъ ваше попеченіе о насъ. Ты, дрожайшая отечества мать, оградила отвсюду Россію миромъ; но нынѣ ваша о христіанскомъ благочестіи ревность; ваше призрѣніе, которое простирается и къ послѣднему изъ подданныхъ; ваше сострадаціе, которымъ участіе берете въ ихъ бѣдностяхъ; ваше безпримѣрное снисхожденіе, которымъ даете имъ смѣлость, прибѣгая къ вашему величеству, предлагать свои нужды, и удовольствіе, которое полагаете въ безкорыстномъ и нелицепріятномъ правосудіи; ваша любовь, которая объемлетъ всю Россію, чтобъ привесть ее въ цвѣтущее состояніе, чтобъ оградить невинность отъ всякой опасности и утѣсненія, чтобъ дать твердость добродѣтели, возбудить во всѣхъ къ ней любовь и сдѣлать отвращеніе отъ пороковъ, чтобъ снабдить всѣхъ законами, полагающими предѣлы всякому состоянію; ваша премудрость, которая изобрѣла пристойныя къ достиженію сего средства; ваше неусыпное попеченіе и труды, которые великому сему дѣлу въ краткое время полагаютъ начало, — производятъ въ Россіи внутренное спокойство и тишину. Сіе дѣло преславное, ибо возбуждаетъ и возбудитъ всѣхъ къ удивленію и къ вѣчному прославленію вашего имени и Россіи. Сіе дѣло божественное, ибо къ славѣ Божія имени, къ исполненію его воли, и по содѣйствію его благодати исполняется. Благословенна ты Богомъ вышнимъ, творящимъ таковая тобою.

«Почтенные слушатели! вы, которые готовите себя къ исполненію сихъ великой и несравненной нашей самодержицы о возвышеніи благополучія Россіи намѣреній, и разсуждаете о великости сего дѣла; вы, которые готовитесь слѣдовать премудрымъ ея предписаніямъ и споспѣшествовать благополучію Россіи, не почитаете ль святость законодавца и не воображаете ль той радости, которою Творецъ веселится, управляя, премудрымъ своимъ промысломъ и святостію законовъ, сей міръ къ достойному его благости концу. Вы знаете, что законъ есть то правило, которому Творецъ основаніе положилъ въ самомъ человѣчествѣ и которымъ

показываетъ, какъ человѣку достигнуть своего совершенства; но когда вы въ разсужденіе пріемлете общество, то можете ли вы законы общества принять подъ инымъ именемъ, какъ подъ именемъ правила, которое основаніе свое имѣетъ въ существѣ общества и показываетъ, какъ тому обществу своего совершенства достигнуть. Всякое общество составляютъ тѣ люди, въ которыхъ основаніе свое имѣетъ законъ Божій и къ которыхъ совершенству онъ предписанъ. Такъ законъ общества, хотя ко всякому обществу клонится, но какъ простирается и къ благополучію всякаго, то онъ по всѣмъ обстоятельствамъ общества есть изъясненіе того закона, который во всѣхъ насъ вліянъ отъ Бога. И такъ соглашать законъ общества съ закономъ Божіимъ есть возставлять человѣчество, приводить его въ полное благополучіе и прославлять самого законодавца. Одно основаніе законовъ — любовь и почтеніе Божіе и истинное благополучіе человѣка во всякомъ состояніи.

«Сіе-то подвигло сердце благочестивѣйшія нашей государыни, чтобъ законы поставить въ полной мѣрѣ правосудія и удаляющееся приближить къ нимъ благополучіе.

«Способы къ достиженію сего прозорливости нашея государыни открыты: мы знаемъ, что получимъ отъ нея законы святые. Счастлива Россія, что премудрую и попечительную монархиню имѣетъ; счастливы вы, которые удостоены предлагать ей свои изобрѣтенія. Ваша, почтенные господа, честь и избраніе на великое сіе дѣло суть тѣ превосходныя качества, которыя въ васъ находитъ монархиня, почитаетъ общество и которыми одарилъ васъ Богъ. Соотвѣтствуйте премудрымъ и полезнымъ ея предписаніямъ и докажите ей подданническую свою вѣрность; напитайте надежду и ожиданіе любезнаго вашего отечества, которое столько васъ почитаетъ; усугубите талантъ, который вы получили отъ Бога; посвятите его Всевышнему точнымъ наблюденіемъ и сообразованіемъ его закона, и отдайте тѣмъ достойную честь законодавцу. Выведите любовь вашу изъ тѣсныхъ вашихъ границъ и распространите ко всѣмъ; пріимите чувство, и возымѣйте состра-

даніе бѣдности другихъ; почтите благополучіе всякаго въ обществѣ благополучіемъ своимъ, и признайте, что несчастіе и послѣдняго въ обществѣ должно почитать несчастіемъ всего общества; устремите силы ваши на такія изобрѣтенія, чтобъ вкоренить во всѣхъ человѣколюбіе и благонравіе, отвратить ихъ отъ пороковъ и удержать отъ продерзости на законъ: такъ добродѣтель и вѣра останутся въ покоѣ, такъ процвѣтетъ благополучіе Россіи.

«Я радости и ужаса исполняюся, когда въ разсужденіе пріемлю, что вы въ семъ преславномъ дѣлѣ имѣете предстать предъ Господа, и клятвою подтвердить, что вы въ сихъ святыхъ вашихъ намѣреніяхъ неизмѣнны.

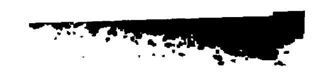
«Господи! открой завѣсу, которая преграждаетъ насъ отъ Тебя, чтобы мы могли яснѣе увидѣть величество Твое, воодушевить себя чувствомъ Твоего правосудія, и при исполненіи сихъ нашихъ клятвъ насладиться Твоею благостію.

«Почтенные слушатели! вы знаете, что Богъ, которымъ мы живемъ, движемся и есмы, наполняетъ вся; вы знаете, сколь онъ скоръ услышать всякаго призывающаго его. Здѣсь дѣло о благополучіи всей Россіи: вы, которые стоите въ семъ освященномъ мѣстѣ, которое Всевышній наполняетъ присутствіемъ своимъ, и которые чувствительно дознаете столь пекущагося о Россіи Бога, вы теперь сами на себя дѣлаете судъ и опредѣленіе. Дѣло ужасное! Вспомните оныя Божія слова: клятва внидетъ въ домъ кленущагося именемъ моимъ во лжу, глаголетъ Господь Вседержитель, и вселится посредѣ дому его, и скончаетъ его (Захаріи V, ст. 4); вспомните, что правда и судьба — исправленіе престола Божія. Вы теперь приступаете клясться Богу всевѣдущему, который не только слова ваши услышитъ, но знаетъ всѣ малѣйшія движенія вашего сердца и мыслей, согласны ли они сему дѣлу. Вы имѣете клясться Богу Всемогущему, котораго сила такъ велика, что никѣмъ преодолѣна быть не можетъ. Вы имѣете клясться Богу вѣчному, въ котораго жизни не сыщете той минуты, въ которой бы онъ не былъ, или позабылъ сіи ваша клятвы, или не видѣлъ, исполняете ль вы ихъ. Вы имѣете клясться жизнію ва-

шею тому, въ котораго рукахъ она такъ, какъ прахъ въ рукахъ сильнаго. Вы имѣете клясться спасеніемъ вашимъ тому, который клятвопреступниковъ лишаетъ его, предая ихъ вѣчнымъ несчастіямъ. Подлинно ужасное дѣло, но должно сказать и преславное. Что дражае жизни, что дражае благополучія вѣчнаго? Человѣкъ, теряя ихъ, теряетъ все на вѣкъ. Но вы тѣмъ совѣсть вашу, находя ее непорочною, открываете предъ Богомъ и предъ всѣмъ свѣтомъ. Усердные патріоты, истинные сыны отечества, ваши слова представляютъ намъ, что всякъ изъ васъ предъ симъ Богомъ будетъ говорить такъ: Боже! есть ли я, отринувъ Твой страхъ и позабывъ подданническую вѣрность нашей самодержицѣ, поступлю противъ сей моей клятвы, и убѣжденъ будучи или корыстію, или дружбою, или враждою, или завистію, или другимъ пристрастіемъ, къ какому-нибудь урону хотя одного въ семъ обществѣ подамъ собою случай, то за его честь мою честь, за его имѣніе мое имѣніе, за его благополучіе мое благополучіе, за его жизнь мою жизнь, и самое мое спасеніе Тебѣ праведному судіи предаю. Я сколько почитаю Тебе Бога моего, и какъ Ты сихъ моихъ клятвъ свидѣтель и судія за неисполненіе ихъ, Твоему суду вѣчному всего себя предаю, и сколько мнѣ сіе страшно, столько любезна истина Твоего евангелія и закона Господа! Я своимъ чистосердечіемъ и Твоимъ судомъ себя утѣшаю.

«Сіи ужасныя ваши слова суть похвала вашего безпристрастія, искренности и любви къ отечеству.

«Подумать не можно, чтобъ сія клятва не наполнена была въ васъ должнымъ почтеніемъ вашего Творца. Его величество и ваша собственная польза суть сильныя побужденія, которыя васъ располагаютъ столь свято, ибо не на то себя готовить или не то думать, что клятвою подтверждать, есть обманывать Бога и все общество. Сіе безсовѣстіе ужасное! Въ такомъ обманѣ клясться есть представлять Бога какъ бы потатчикомъ лжи. Сіе досада Божеству несносная! Призывать за клятвопреступство Бога къ отмщенію есть позабыть самого себя и ввергать во всѣ несчастія. Сіе состояніе горестнѣйшее!

«Ваши мысли, наполненныя чистѣйшими понятіями о Богѣ, ваше сердце, распаляющееся къ нему и къ отечеству любовію, ваша искренняя преданность монархинѣ, ваши добрыя склонности потерпятъ ли сіе?

«Подлинно въ такомъ ужасѣ, въ какой можетъ смертнаго ввергнуть сія ваша клятва, вы довольныя въ себѣ находите ободренія.

«Вы хотя будете такой судъ и такія давать на себя клятвы предъ Богомъ Всемогущимъ, предъ Богомъ, котораго правосудія никакой клятвопреступникъ избѣжать не можетъ, котораго мщеніе есть мщеніе вѣчное; но святость вашихъ мыслей представляетъ вамъ его милосердымъ; исполненія вашей клятвы суть тѣ способы, которые премудрость Божія избираетъ, чтобъ увѣнчать васъ вѣчно. Васъ тѣ общества, отъ которыхъ вы избраны, почтутъ всегда людьми честными и истинными патріотами; васъ послѣ сей жизни примутъ тѣ обители, которыя населены людьми вѣрными и несолгавшими Богу. Сія слава ваша!

«Приступите къ Богу премудрому, всесильному, вѣчному и нелицемѣрному судіи: онъ теперь готовъ слушать ваши клятвы и смотрѣть на ваши сердца; ужаситесь его суда и утѣшьтесь благостію его, которая будетъ слѣдствіемъ исполненія вашихъ обѣщаній, вашея клятвы [109])».

Наказъ данъ Екатериною въ самый день открытія законодательной коммиссіи, а нѣсколько времени спустя даны два дополненія къ наказу; второе дополненіе, а равно и «начертаніе» о приведеніи коммиссіи къ окончанію присланы въ законодательную коммиссію черезъ графа Григорія Орлова 8 апрѣля 1768 года. Собраніе постановило выбрать благодарственную депутацію, и наибольшее число избирательныхъ голосовъ досталось на долю Гавріила. Рѣчь его императрицѣ, произнесенную отъ имени всего собранія депутатовъ, мы приводимъ въ приложеніяхъ по рукописи, хранящейся въ архивѣ втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, въ которомъ сосредоточено все богатство матеріаловъ, относящихся къ исторіи

екатерининской коммиссіи о новомъ уложеніи. Благодарственная рѣчь Гавріила была въ свое время напечатана и въ петербургскихъ вѣдомостяхъ [110]).

Сильное впечатлѣніе на тогдашнее общество произвела рѣшимость Екатерины на самой себѣ испытать дѣйствіе оспопрививанія. Въ поступкѣ Екатерины видѣли самоотверженіе, своего рода подвигъ, совершенный во имя общаго блага. Поэтому сенатъ и законодательная коммиссія поставили себѣ «за первѣйшій долгъ» принести государынѣ «благодареніе за толь отмѣнную ко своимъ вѣрноподданнымъ милость». Законодательная коммиссія постановила составить депутацію изъ выборныхъ изъ среды депутатовъ: отъ мѣстъ правительственныхъ; отъ дворянства; городовъ; однодворцевъ; пахатныхъ солдатъ и разныхъ службъ служилыхъ людей; государственныхъ, черносошныхъ и ясашныхъ крестьянъ; некочующихъ разныхъ, крещеныхъ или некрещеныхъ, народовъ и отъ казацкихъ войскъ. Изъ депутатовъ отъ правительственныхъ и присутственныхъ мѣстъ: сената, синода, коллегій и канцелярій, наибольшее число голосовъ подано въ пользу Гавріила. Рѣчь, произнесенная имъ при принятіи Екатериною депутаціи, 22 ноября 1768 года, находится въ архивѣ втораго отдѣленія и помѣщена въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ. Въ отвѣтъ на эту рѣчь Екатерина сказала, что она не сомнѣвается въ искренности принесеннаго поздравленія, ибо ежедневно видитъ, съ какимъ усердіемъ и ревностью трудятся депутаты, и труды ихъ считаетъ самыми полезными для всѣхъ и каждаго [111]).

III.

Громкая извѣстность Гавріила въ тогдашнемъ обществѣ и въ литературномъ мірѣ основывалась преимущественно на словахъ и рѣчахъ, пріобрѣвшихъ автору уваженіе со стороны самыхъ строгихъ и безпристрастныхъ критиковъ. Сумароковъ, слывшій въ свое время первымъ судьею въ литературныхъ вопросахъ, даетъ весьма вѣрное понятіе о нашемъ писателѣ, говоря: «Гавріилъ, архіепископъ петербургскій, есть больше сочинитель разум-

нѣйшихъ философическихъ диссертацій, нежели публичныхъ словъ, а потому что стремленіе его больше въ диссертаціи, нежели въ фигуры риторскія. Такъ его сравнивати съ другими проповѣдниками никакъ не можно. То только скажу я о немъ, что красота плавнаго и важнаго его склада приноситъ ему предъ всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ достойную любезнаго имени его похвалу, и что будетъ онъ всегда честію нашего вѣка и въ потомствѣ. Гавріилъ подобенъ рѣкѣ, безъ шума наполняющей брега свои, и порядочнымъ теченіемъ невыходящей никогда изъ границъ своихъ». Такой отзывъ тѣмъ замѣчательнѣе, что Сумароковъ вообще не отличался щедростью на похвалы литераторамъ, не только свѣтскимъ, но и духовнымъ. Восхваляя Гавріила и немногихъ другихъ, Сумароковъ издѣвается надъ бездарными риторами, рѣчи которыхъ не говорятъ ни уму, ни сердцу, и сами они оказываются никѣмъ инымъ, какъ глубокомудрыми пустомелями. Незаслуженная извѣстность иныхъ проповѣдниковъ возникаетъ вслѣдствіе невѣжества слушателей и поддерживается неприкосновенностью сана духовныхъ ораторовъ и предмета ихъ рѣчей. Но по убѣжденію Сумарокова, религія не будетъ поругана, какъ бы ни были порицаемы ея недостойные истолкователи, взбирающіеся на парнасъ окольными путями: слава всегда останется славою, а врали—вралями.... Разительную противоположность съ бездарными и напыщенными витіями составляютъ свѣтила духовнаго ораторства; такихъ свѣтилъ Сумароковъ насчитываетъ у насъ пять въ соотвѣтствіе съ пятью знаменитостями французской литературы: Боссюетъ, Бурдалу, Флешье, Масиліонъ и Соренъ во Франціи; Ѳеофанъ, Гедеонъ, Гавріилъ, Платонъ и Амвросій — въ Россіи. Гедеонъ трогаетъ сердца, Платонъ восхищаетъ ихъ, а Гавріилъ плѣняетъ разумъ [112]).

Не велико число произведеній Гавріила; иныя изъ его словъ и рѣчей вовсе не появлялись въ печати, другія хотя и были въ свое время изданы, но составляютъ теперь библіографическую рѣдкость [113]). При всей ихъ немногочисленности нельзя не при-

знать за ними виднаго мѣста и значенія въ исторіи не только духовной, но и свѣтской русской литературы, ибо въ нихъ выражаются идеи и воззрѣнія, господствовавшія въ умахъ образованныхъ людей русскаго общества восьмнадцатаго столѣтія. Гавріилъ былъ живымъ членомъ общества, зналъ о его нуждахъ и настроеніи не по наслышкѣ, а по ежедневному собственному опыту и наблюденію; представители свѣтской литературы дорожили обществомъ Гавріила и отдавали полную справедливость его просвѣщенному взгляду на всѣ вопросы умственной и общественной жизни, дѣлающему честь писателю и его вѣку. При обозрѣніи трудовъ Гавріила въ области духовнаго краснорѣчія надо имѣть въ виду три рода произведеній, вышедшихъ изъ-подъ его пера, а именно: панегирики, болѣе или менѣе обязательные; поучительныя слова, произнесенныя по разному поводу, и собраніе поученій на воскресные и праздничные дни, составленные подъ редакціею Гавріила.

Въ своихъ панегирикахъ Гавріилъ не вполнѣ избѣжалъ риторической колеи того времени; въ нихъ логическое развитіе мысли заключается иногда неожиданнымъ и произвольнымъ ея примѣненіемъ, подобно тому какъ въ одахъ Ломоносова искреннее чувство и одушевленныя изображенія природы не разъ сталкиваются съ надутою и безсодержательною похвалою высокопоставленому лицу. Строго держась литературной точки зрѣнія, т. е. не касаясь религіознаго начала въ проповѣди и ограничиваясь оцѣнкою ея литературныхъ свойствъ, нельзя не замѣтить общей черты между торжественными рѣчами и похвальными одами восьмнадцатаго столѣтія. Нѣкоторые панегирики, написанные духовными витіями, также безцвѣтны, какъ и похвальныя оды, о которыхъ Крыловъ весьма остроумно замѣтилъ, что они — словно шелковый чулокъ, натягивающійся на какую угодно ногу. Въ иныхъ случаяхъ рѣчи Гавріила были невольною данью его времени и его официальному положенію, и къ нимъ могутъ быть примѣнены слова рукописи, сохранившейся въ бумагахъ Гавріила: «прости мнѣ, Всевышній, если я по обычаю людскому приносилъ желанія,

въ которыхъ сердце мое не имѣло ни малѣйшаго участія»[114]). Только по нѣкоторымъ намекамъ можно иногда догадываться, что̀ именно имѣетъ въ виду проповѣдникъ.

Въ пространномъ словѣ Гавріила на день рожденія Петра III нѣтъ ни одной яркой черты, которая бы знакомила съ характеромъ этого государя и съ его образомъ дѣйствій: развѣ только упоминаніе объ Іосифѣ имѣетъ нѣсколько болѣе отношенія къ герою слова, нежели другіе историческіе примѣры, вставленные для красоты и наполненія рѣчи. Гавріилъ говоритъ, что промыслъ Божій иногда ввѣряетъ судьбу народовъ лицамъ, неполучившимъ должнаго образованія и воспитанія и не отличающимся особенными блестящими способностями, и въ примѣръ приводитъ Іосифа, человѣка простаго, но который оказался премудрѣе и разумнѣе всѣхъ ученыхъ умниковъ. Самъ Петръ III такъ отзывался о себѣ въ откровенномъ разговорѣ съ Дашковою: «гораздо безопаснѣе водить хлѣбъ-соль съ такими честными простаками, какъ я и ваша сестра, чѣмъ съ тѣми великими умниками, которые выжмутъ изъ апельсина сокъ, и выбросятъ корку»[115]).

Въ томъ же словѣ Гавріилъ говоритъ: «Лучше всего посмотрите на нынѣшнее время, время преблагополучное! Нынѣ мы видимъ возведеннаго на всероссійской престолъ великаго нашего государя императора Петра Ѳедоровича, возведеннаго Богомъ, по его премудрому совѣту. Не признаемъ ли, какого мы имѣемъ монарха, видя настоящія обстоятельства? не уразумѣемъ ли, къ какому нашему благополучію Богъ его возвелъ? Онъ достойныя великаго монарха имѣетъ добродѣтели: Богъ его толь великаго званія и удостоилъ. Богъ прежде вѣкъ предвидѣлъ, сколь добродѣтельный, сколь милостивый, сколь великодушный, сколь справедливый, сколь храбрый сей мужъ будетъ; какой по благочестію христіанскому ревнитель, что мы и сами, наслаждаясь его благодѣяніями, чувствительно дознае́мъ: для того на толь великое дѣло его и призвалъ»[116]).

Странными могутъ показаться подобныя похвалы лицу, которое, по словамъ манифеста, потрясло основы православной

вѣры и угрожало введеніемъ иновѣрнаго закона, и о которомъ представитель русскаго духовенства, Димитрій Сѣченовъ, сказалъ: «если бы всесильный Богъ не отклонилъ вовремя того великаго удара, который готовилъ намъ Петръ, то мы лишились бы и праваго и лѣваго уха — не могли бы слышать рѣчей о нашей вѣрѣ»[117]). Но манифестъ Екатерины обнародованъ въ іюнѣ, а Гавріилъ произносилъ свое слово въ февралѣ; удары же, наносимые Петромъ русскому религіозному и народному чувству, слѣдовали одинъ за другимъ съ чрезвычайной быстротой, и личность самаго Петра и его нелюбовь къ Россіи выяснялась съ каждымъ днемъ все ярче и ярче. Похвалы, расточаемыя Гавріиломъ, являются довольно скромными и умѣренными, если сравнить ихъ съ увлеченіями свѣтскихъ панегиристовъ Петра. Сумароковъ, Барковъ и самъ Ломоносовъ не щадили похвалъ для прославленія небывалыхъ достоинствъ Петра III: называли его Петромъ Великимъ, Сампсономъ, Соломономъ, Давыдомъ, чудомъ природы, и по добродѣтели уподобляли самому Творцу:

Великолѣпно облекися,
Россійскій радостный Сіонъ,
Главой до облакъ вознесися:
Сампсонъ, Давидъ и Саломонъ
Въ Петрѣ тобою обладаютъ,
И Голіаѳовъ презираютъ....[118])

Единъ монархъ — судья и воинъ,
Единъ въ двухъ лицахъ просіялъ.
Петра Великаго — геройствомъ;
Щедротой, кротостью, спокойствомъ
Являешь ты Елисаветъ.
Натура чудо днесь открыла,
Въ тебѣ сліянны два свѣтила
Даютъ Россіи большій свѣтъ....[119]).

Исполнится, чего желаемъ —
Уже его таланты зримъ;
Сердцами всѣ къ нему пылаемъ
И всѣ любовію горимъ.

Премудрый учредилъ Содѣтель
Въ миръ корень сей произвести,
Дабы въ вѣнцѣ могла цвѣсти
Подобна Творчей добродѣтель.... [120])

Правда, что въ одѣ Ломоносова, не смотря на ея крайности и цвѣтистый наборъ словъ, изъ тѣхъ строфъ, которыя имѣютъ содержаніе, несомнѣнно обнаруживается, что по мнѣнію Ломоносова, Россія столько же имѣла поводовъ радоваться, какъ и зефиры, моря, горы, лѣса и т. п.; истинная же радость принесена Петромъ III не Россіи, а Голштиніи и Германіи: «Голстинія возвеселися», восклицаетъ Ломоносовъ, и рисуетъ картину счастливой Германіи, успокоенной отъ кровавыхъ бурь въ тихой пристани Петра III. Смѣлый отзывъ о Петрѣ III въ одѣ Ломоносова на восшествіе на престолъ Екатерины составляетъ собственно переложеніе словъ самой Екатерины изъ прозы въ стихи.

Въ манифестѣ 28 іюня 1762 года сказано: «Всѣмъ прямымъ сынамъ отечества россійскаго явно оказалось, какая опасность всему россійскому государству начиналася самымъ дѣломъ. Законъ нашъ православный перво всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій, такъ что церковь наша крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона. Слава россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира самимъ ея злодѣямъ отдана въ совершенное порабощеніе» [121]). Ломоносовъ въ своей одѣ говоритъ [122]):

Слыхалъ ли кто изъ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О стыдъ, о странный оборотъ!
Чтобъ кровью куплены трофеи
И побѣдителей — злодѣи
Пріобрѣли въ напрасный даръ,
И данную залогомъ вѣру, —

Въ тебѣ, Россія, нѣтъ примѣру.
И нынѣ отвращенъ ударъ....

Хотя панегирики Гавріила скроены на общую мѣрку, но если вникнуть не въ ихъ нарядную оболочку, а въ самую суть содержанія, то ихъ едва ли придется упрекнуть въ умышленной лести и раболѣпствѣ. О Гавріилѣ утвердилось преданіе, что онъ умѣлъ дорожить своимъ человѣческимъ достоинствомъ, и отличался независимостью своего образа мыслей и дѣйствій въ сравненіи со многими изъ его духовныхъ и свѣтскихъ современниковъ. Разсказываютъ, что когда Екатерина собрала совѣтъ для разсужденія о свободѣ всѣхъ состояній, и въ совѣтъ прибыла сама, то Гавріилъ медлилъ явиться, и явясь разсказалъ, какъ мужикъ гналъ хворостиною цѣлое стадо гусей съ подвязанными крыльями. Выслушавъ разсказъ Екатерина объявила засѣданіе оконченнымъ [123]). Не къ сильнымъ міра, а къ обездоленному, работящему, нижнему роду людей, какъ называется онъ въ наказѣ, обращалось сочувственное слово Гавріила. По его убѣжденію, несчастіе самаго послѣдняго изъ членовъ общества есть несчастіе цѣлаго общества. Въ особенную заслугу Екатеринѣ нашъ писатель ставитъ то, что она умѣетъ цѣнить трудъ земледѣльцовъ, орошающихъ землю потомъ своимъ. Гавріилъ былъ проникнутъ сознаніемъ нравственной неправды крѣпостнаго права; прямо изъ души вылились слова негодованія, напоминающія честные порывы Новикова и людей его закала: «представимъ—говоритъ Гавріилъ—сто или тысячу человѣкъ, которыхъ счастіе, имѣніе, словомъ сказать, все рѣшитъ одна карта, или которые, изливая потъ чрезъ все теченіе года, должны ожидать, чтобъ сей трудъ оцѣненъ былъ частію минуты. Боже праведный! сіе ли есть цѣна добродѣтели и трудовъ» [124]).

Произведенія Гавріила отличаются логическою послѣдовательностью развиваемыхъ идей, и будучи чужды ораторскихъ выходокъ и порывовъ, представляютъ собою стройный рядъ выводовъ и соображеній мыслящаго человѣка. Въ его словахъ слышится преобладающее направленіе умственной жизни его

вѣка; его мораль отзывается идеями естественнаго права, а въ вопросахъ общественныхъ онъ является поборникомъ началъ, положенныхъ въ основу наказа Екатерины, который находится въ такой близкой, внутренней связи съ твореніями знаменитыхъ мыслителей и публицистовъ Европы восьмнадцатаго столѣтія. У Гавріила, какъ духовнаго оратора, на первомъ планѣ выступаютъ идеи: о необходимости вдумываться въ религіозныя истины; о ихъ согласіи съ истинами, открываемыми разумомъ; объ уваженіи къ закону; о долгѣ гражданина и о признаніи въ ближнемъ его человѣческихъ правъ.

«Какъ мы только вообразимъ сіе имя Богъ, — говоритъ Гавріилъ — то и представляется намъ существо пресовершенное, слѣдовательно и обязаны мы искать путей его премудрости.... На что̀ разумъ, когда не къ чему человѣку себя клонить и править? На что̀ воля, когда нечего избирать? На что̀ чувства, когда нечего понимать?»

«Разумъ и евангеліе насъ научаетъ, чтобъ мы надъ порокомъ добродѣтелію восторжествовали.... Вникая въ обстоятельства общества, дѣлаемъ нѣкоторыя уравненія состояній. Уравненіе святое! Оно тѣмъ святѣе, чѣмъ согласнѣе съ человѣчествомъ; оно тѣмъ святѣе, чѣмъ согласнѣе съ намѣреніемъ Творца. Приказанія, которыя несродны человѣчеству, рѣдко исполняемы бываютъ. Ибо какъ они въ человѣкѣ человѣчества перемѣнить не могутъ, такъ если и понудятъ человѣка ихъ исполнить, сдѣлаютъ одно только насиліе: и затѣмъ то всѣ должны поступать по закону Божію, дабы чрезъ то самое сохранить порядокъ, основанный на человѣчествѣ» [125]).

Въ словѣ о правосудіи Гавріилъ послѣдовательно разсматриваетъ сущность, идею преступленія и смыслъ и цѣль наказанія. Всѣ преступленія — замѣчаетъ онъ — суть нарушеніе закона. Законъ предписываетъ дѣйствія, служащія къ благополучію всѣхъ и каждаго; понятія закона основаны на внутреннемъ чувствѣ человѣка; поэтому, и судія, и претерпѣвшій обиду и преступникъ не могутъ не имѣть внутренняго отвращенія отъ порока. Долгъ

мудраго судьи — хранить умѣренность, чтобы не ослабить требованій закона и чтобы жестокостію не превысить мѣры заслуженнаго наказанія. Цѣль наказанія — истребить зло; поверженнымъ въ несчастіе возвратить счастіе; уврачевать общество; пресѣчь худые примѣры; привесть въ должное почтеніе законъ, избавивъ его отъ презрѣнія; поддержать отвращеніе отъ порока и любовь къ добродѣтели. Всякое преступленіе должно считать болѣзнью общества, а болѣзнь требуетъ лѣкарства и изысканія способовъ къ ея уврачеванію. Опасно оставлять порокъ безъ вниманія, но не менѣе бѣдственно врачевать его истребленіемъ человѣка. Обращаясь къ лицу, въ рукахъ котораго и правосудіе и власть, Гавріилъ говоритъ: «Уврачуй болѣзнь, но не истребляй человѣка. Довольно наказанъ человѣкъ, когда приведенъ въ чувство, и находитъ въ себѣ отвращеніе отъ порока. Не думай, чтобъ Богъ, производя людей въ свѣтъ и начертывая въ души ихъ законъ, тебѣ одному оставилъ изыскивать способы, какъ наказывать порокъ: Онъ вложилъ въ человѣка совѣсть — судію и мстителя за преступленіе. Наложи такое наказаніе, которое бъ довольно было умножить ему совѣсти такъ, чтобъ внутреннее чувствованіе закона и отвращеніе отъ зла возбуждено было» и т. д. [126]).

Подобныя мысли представляютъ поразительное сходство съ тѣми, которыя проводятся въ наказѣ, а именно: Для нерушимаго сохраненія законовъ надлежало бы дать имъ всѣ средства къ достиженію людьми самаго высшаго блага. Умѣренность управляетъ людьми, а не выступленіе изъ мѣры. Чтобы наказанія не казались насиліемъ, они должны соотвѣтствовать преступленію виновнаго и нуждамъ общества; наказанія установлены для того, чтобы виновный не могъ вредить обществу и чтобы отвратить согражданъ отъ совершенія подобныхъ преступленій. Самое надежное обузданіе отъ преступленій заключается не въ строгости наказаній, а въ твердой увѣренности всѣхъ и каждаго, что преступника неизбѣжно постигнетъ справедливая кара закона. Все, что въ законѣ называется наказаніемъ, есть не иное что, какъ трудъ и болѣзнь. Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку

стыдъ вмѣсто бича. Человѣкъ не долженъ дѣлать насилія человѣку, и наказаніе должно происходить не отъ прихоти законодателя, а отъ свойства самаго преступленія, и т. п.[127]).

Въ одномъ только писатель нашъ расходился съ авторомъ наказа. Посвящая долю трудовъ своихъ языку и словесности, привыкши давать себѣ отчетъ въ составѣ и значеніи словъ, Гавріилъ требовалъ и отъ представителей суда, чтобы они, не ограничиваясь буквой закона, вникали въ оживляющій ея духъ. Кто не столько просвѣщенъ,—говоритъ онъ—чтобы уразумѣть мысль закона или кто принимаетъ слова закона, не вникая въ намѣреніе законодателя и думаетъ оправдать себя одною буквою закона, тотъ при всемъ своемъ безпристрастіи вреденъ. Но наказъ находитъ, что принимать во вниманіе смыслъ закона, а не его слова — значитъ сломить преграду стремительному потоку людскихъ мнѣній, и предоставить судьбу гражданъ, ихъ жизнь и свободу, не силѣ непреложнаго закона, а обманчивому непостоянству самопроизвольныхъ толкованій.

Разъясняя взаимныя отношенія людей, составляющихъ гражданское общество, Гавріилъ говоритъ: «Два кратчайшія предписанія: любить Бога и ближняго. Ежелибъ они исполняемы были отъ всѣхъ, спокойство и удовольствіе былобъ общее; осталась ли бы минута въ жизни и одного человѣка, въ которую бы онъ не былъ радостенъ и спокоенъ? Но какъ обыкновенія отъ того отвлекаютъ, то надобнымъ для себя почитаемъ, чтобъ себя извинять. Чувствіе же добродѣтели и порока во всякомъ живо, то, ежели что-нибудь извиняемъ, извиняемъ только для себя, но въ другомъ сего не терпимъ. Поверженный въ пороки ищетъ добродѣтельнаго. Изъ сего-то мы можемъ понять, что порядокъ, установленный Творцемъ, есть всеобщій. Ежели бы всѣ поставили себя въ ономъ, мы бъ здѣсь начинали узнавать, для чего намъ Богъ даетъ жизнь. Но одинъ не узнаетъ затѣмъ, что утѣсняетъ; другой—что утѣсняется. Одинъ, что преданъ самонравію; другой, что отъ сего терпитъ. Одинъ, что объятъ корыстолюбіемъ и роскошью, а другой, что подвергается неправосудію.... Твоему суду подвергаться

будетъ человѣкъ такой же, какъ и ты; вспомни, не обязанъ ли ты человѣчеству, которое есть свойственно тебѣ; не въ томъ ли положеніи ты долженъ быть для другихъ, въ какомъ бы желалъ быть другимъ для себя. Ты поставленъ между людьми; предѣлъ твоихъ силъ не такъ далеко простирается, чтобъ ты одинъ могъ безъ помощи другихъ составить удовольствія свои. Воззри на подобныхъ тебѣ во всемъ; затѣмъ ли они составляютъ счастіе твое, чтобъ тебѣ не составлять счастія ихъ. Твое время составляется твоею жизнію, то твоя жизнь должна ли быть временемъ несчастія другихъ, и ты—та ли цѣль, чтобъ все въ свѣтѣ только клонилось къ тебѣ? Все — въ жизни, но жизнь другихъ для тоголь, чтобъ ты не жилъ для нихъ? Ежели они для тебя, то и ты для нихъ [128])».

Невольно вспоминаются при этомъ знаменитыя слова Екатерининскаго наказа: «земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены; однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа [129])».

IV.

Обычай произносить слова и рѣчи все болѣе и болѣе распространялся въ восьмнадцатомъ столѣтіи, а между тѣмъ въ числѣ духовныхъ лицъ въ различныхъ краяхъ Россіи было еще немного такихъ, которыя могли бы вполнѣ достойнымъ образомъ удовлетворять возникавшей общественной потребности. Нельзя было и требовать авторскаго таланта отъ всѣхъ и каждаго посвятившихъ себя духовному званію: многіе изъ нихъ нуждались въ пособіи и руководствѣ, а его-то и не доставало въ то время нашей духовной литературѣ. Чтобы восполнить такой важный пробѣлъ, предпринято было изданіе поучительныхъ словъ на всѣ тѣ дни, когда храмы особенно посѣщаются. Мысль этого изданія принадлежитъ Екатеринѣ, выполненіе — преимущественно Гавріилу.

Въ мартѣ 1772 года синодальный оберъ-прокуроръ Чебышовъ заявилъ, что императрица повелѣла ему предложить св.

синоду озаботиться составленіемъ или выборомъ лучшихъ и назидательнѣйшихъ словъ на всѣ воскресные и праздничные дни. Вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина выразила увѣренность, что и нѣкоторые изъ членовъ синода примутъ участіе въ такомъ общеполезномъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого св. синодъ постановилъ сдѣлать выборъ изъ напечатанныхъ уже проповѣдей, а въ случаѣ недостатка нужныхъ и приличныхъ сочинить вновь; трудъ этотъ приняли на себя: Гавріилъ, архіепископъ петербургскій, и Платонъ, архіепископъ тверскій [130]). Участіе Платона выразилось преимущественно въ количествѣ, а участіе Гавріила — въ качествѣ, т. е. въ выборѣ произведеній. По большинству помѣщенныхъ сочиненій первое мѣсто между всѣми авторами принадлежитъ Платону. Выборъ, измѣненія, переработка, редакція принадлежатъ Гавріилу.

Литературное достоинство труда Гавріила, исполненнаго имъ при содѣйствіи Платона, опредѣляется содержаніемъ изданнаго, его изложеніемъ и источниками.

Выборъ произведеній направленъ былъ къ тому, чтобы содѣйствовать развитію чувства нравственнаго долга, сознанію общественныхъ обязанностей, искорененію суевѣрія и лицемѣрія, обмана, взяточничества, жестокаго обращенія съ рабами, и т. п. Для приданія книгѣ жизненнаго значенія требовалось, чтобы излагаемыя истины облечены были въ форму простую и общедоступную, которая бы не отталкивала слушателей, не нагоняла на нихъ скуки, а напротивъ того, привлекала бы вниманіе живостію и ясностію изложенія. Источниками и пособіями должны были служить лучшія творенія духовныхъ писателей, древнихъ и новыхъ, отечественныхъ и иностранныхъ.

Литературная образованность Гавріила открывала ему доступъ къ памятникамъ духовной словесности различныхъ странъ и народовъ; онъ пользовался писателями греческими, французскими и нѣмецкими; на страницахъ его изданія помѣщены произведенія Златоуста, Миніата, Сорена, Бурдалу, Мосгейма, Геснера [131]).

Изъ твореній отцовъ церкви въ составъ собранія, издавае-

маго для русскаго общества, вошли только поучительныя слова Златоуста. Въ подобномъ выборѣ Гавріилъ оставался вѣренъ преданію, утвердившемуся въ нашей словесности еще до введенія книгопечатанія. Іоаннъ Златоустъ (354—407), краса и живой памятникъ лучшей поры византійской литературы, находилъ ревностныхъ почитателей въ грамотной средѣ русскаго народа втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Имя знаменитаго писателя сдѣлалось у насъ нарицательнымъ: сочиненія и сборники, въ которыхъ старинные книжники видѣли верхъ литературнаго искусства, назывались златоустами. Еще болѣе обильнымъ источникомъ послужили Гавріилу сочиненія соплеменника Златоуста, — литературной знаменитости Греціи конца семнадцатаго и начала восьмнадцатаго столѣтія, Ильи Миніата.

Илья Миніатъ (Ἡλίας Μηνιάτης, Илія Минятій, 1669—1714), родомъ изъ Кефалоніи, въ началѣ своего поприща преподаватель философіи и филологіи, впослѣдствіи проповѣдникъ великой церкви и наконецъ епископъ, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ современной ему греческой литературѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе и въ общественной жизни: былъ совѣтникомъ при послѣ венеціанской республики въ Константинополѣ, а молдавскій господарь Дмитрій Кантемиръ посылалъ его съ дипломатическими порученіями къ императору австрійскому Леопольду. Важнѣйшимъ произведеніемъ Миніата считается «Камень соблазна»,—одна изъ самыхъ основательныхъ догматическихъ книгъ во всемъ православномъ мірѣ: въ ней подробно изложены и выяснены главныя различія между восточною церковью и западною, а равно и причины и поводы ихъ раздѣленія. Для греческой литературы «Камень соблазна» былъ до нѣкоторой степени тѣмъ же, чѣмъ «Камень вѣры» Стефана Яворскаго былъ въ свое время для литературы русской. Любимымъ чтеніемъ грековъ служили поученія Миніата, выдержавшія множество изданій съ начала восьмнадцатаго и до второй половины девятнадцатаго столѣтія. Одинъ изъ ученѣйшихъ и умнѣйшихъ современниковъ Миніата, Зина (Ζῆνος), грекъ по происхожденію, хотя

ученая и поэтическая дѣятельность его принадлежитъ литературѣ итальянской, такими чертами изображаетъ занимающаго насъ писателя: «Въ живомъ лицѣ Миніата соединялись серьезность съ благодушіемъ; въ наружности его отражались находчивость и проницательность, мягкосердіе, честность и строгость его нравовъ. Въ бесѣдѣ былъ онъ остроуменъ; въ дружбѣ вѣренъ; то былъ человѣкъ непоколебимой любви и неподдѣльнаго благочестія.... Философія и богословіе образовали то серьезное краснорѣчіе, которое онъ почерпнулъ изъ природы и усовершенствовалъ искусствомъ. Сверхъ того онъ владѣлъ языками еврейскимъ и нѣмецкимъ, и хорошо говорилъ и писалъ по итальянски. Славы его не погубятъ вѣка». Залогомъ его славы и причиною популярности его поученій служитъ сила его таланта, искренность убѣжденія, простота и живая наглядность рѣчи и народность языка съ оттѣнками мѣстнаго говора. По внутреннему свойству своихъ произведеній, по оживляющему ихъ духу и по дѣйствію ихъ на умы и сердца его соплеменниковъ, Миніатъ принадлежитъ къ избранному кругу писателей, которыхъ называютъ предтечами умственнаго и политическаго возрожденія Грековъ [132]).

По случайному совпаденію обстоятельствъ, появленіе книги Миніата въ русскомъ переводѣ послужило однимъ изъ признаковъ поворота къ лучшему въ умственной жизни русскаго общества, у котораго во времена бироновщины отнята была возможность печатно выражать сочувствіе къ своей религіи и народности. Трудъ Миніата — говоритъ русскій переводчикъ — по содержащемуся въ немъ духовному свѣту, давно уже требовалъ появленія въ свѣтъ на пользу народа русскаго, подобно тому какъ появился онъ въ другихъ европейскихъ государствахъ; но у насъ онъ достался было въ темныя руки тѣхъ, которые желали не распространять, а истреблять все то, что укрѣпляло въ народѣ его вѣру, а вслѣдствіе того ненавидѣли и самый языкъ, на которомъ впервые заговорила православная вѣра. Переводчикъ выражаетъ увѣренность, что творенія Миніата «по витійственному красно-

рѣчію слога и ясному разуму» будутъ имѣть большой успѣхъ у русскихъ читателей, и что даже тѣ изъ нихъ, которые забавляютъ себя романами, не откажутъ себѣ въ удовольствіи «поуслаждиться» чтеніемъ издаваемой книги. Надежда эта оправдалась: при выпускѣ втораго тома выражается несказанная радость о томъ, что читатели не могутъ довольно насладиться и нахвалиться книгою Миніата [133]).

Неутомимымъ переводчикомъ сочиненій Миніата, какъ съ греческаго, такъ и съ итальянскаго, на русскій языкъ былъ Степанъ Ивановичъ Писаревъ (1706—1773), служившій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а впослѣдствіи оберъ-секретаремъ въ св. синодѣ [134]). Переводъ Писарева выдержалъ довольно много изданій не только въ восьмнадцатомъ, но и въ девятнадцатомъ вѣкѣ: въ 1842 году вышло *седьмое* изданіе поучительныхъ словъ Миніата. Въ 1854 году изданъ «камень соблазна» въ новомъ переводѣ, принадлежащемъ профессору петербургской духовной академіи г. Ловягину [135]).

При выборѣ иностранныхъ писателей для перевода Гавріилъ руководствовался ихъ литературною извѣстностью, основанною на внутреннемъ достоинствѣ ихъ произведеній. Избранные имъ писатели занимаютъ высокое мѣсто въ кругу той отрасли словесности, которой они посвятили свои дарованія. Соренъ (1677—1730), протестантскій проповѣдникъ, изгнанный въ самой ранней юности изъ Франціи вслѣдствіе уничтоженія нантскаго эдикта и преслѣдуемый піэтистати, прославился своею проповѣдническою дѣятельностью въ Голландіи, ставшей для него новымъ отечествомъ: по приговору критиковъ, нѣтъ писателя болѣе схожаго съ Боссюетомъ по свойству своего литературнаго таланта. Мосгеймъ (1694 — 1755) пользовался громкою извѣстностью, какъ проповѣдникъ и ученый, произведшій важную реформу въ области церковной исторіи и гомилетики. Отличительная черта литературной знаменитости временъ Людовика XIV Бурдалу (1632—1704) заключается въ стремленіи дѣйствовать не на чувство, а на умы слушателей и убѣждать ихъ посредствомъ логическихъ

доказательствъ. Силою слова Бурдалу разрушалъ преграды, которыя не уступали ни правительственнымъ указамъ, ни вооруженному давленію [136]).

Изъ русскихъ духовныхъ писателей въ составъ собранія вошли произведенія Платона, Гедеона и самого Гавріила.

Платонъ Левшинъ (1737—1812), архіепископъ и впослѣдствіи митрополитъ московскій, почитался въ свое время такимъ же свѣтиломъ русской духовной словесности, какъ Державинъ — свѣтской. Ученые превозносили блестящія ораторскія дарованія Платона; литераторы писали ему оды, мадригалы, стансы, называя его желаннымъ мужемъ, несущимъ немерцающій свѣтъ науки на просвѣщеніе и назиданіе русскаго общества. Извѣстность Платона не ограничивалась предѣлами отечества: «его немолчно имя нынѣ и чуждыхъ странъ языкъ гласитъ» говорили стихотворцы; сочиненія его переводились на иностранные языки [137]). О Платонѣ, какъ о замѣчательномъ проповѣдникѣ своего времени, упоминаетъ Вольтеръ, и не только въ письмахъ къ Екатеринѣ, что̀ могло быть простою любезностью, но и въ сочиненіяхъ своихъ, предназначаемыхъ для обширнаго круга читателей всей образованной Европы. По словамъ Вольтера, Россія обладаетъ въ Платонѣ проповѣдникомъ, творенія котораго достойны соименнаго ему древняго Платона, всесвѣтной литературной знаменитости [138]). Изъ всего числа поученій, помѣщенныхъ въ собраніи, болѣе одной трети принадлежитъ исключительно Платону.

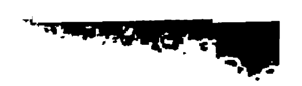
Какъ Платона называютъ русскимъ Златоустомъ, такъ Гедеону Криновскому (или Кринову, 1726—1763), епископу псковскому, даютъ названіе русскаго Миніата. Такое сближеніе допускаютъ не поверхностные судьи, а основательные знатоки дѣла, видящіе въ русскомъ писателѣ какъ достоинства, такъ и недостатки избраннаго имъ образца. Еще Карамзинъ въ пантеонѣ русскихъ авторовъ замѣтилъ, что̀ Гедеонъ отмѣнно любилъ брать примѣры изъ исторіи и натуры: видно, что онъ зналъ хорошо древнихъ историковъ и Плинія. Митрополитъ Евгеній въ своемъ словарѣ духовныхъ писателей (I, 87—88) говоритъ: «Критики

упрекали Гедеона въ томъ, что у него много приводовъ изъ исторіи языческой и языческихъ писателей; но въ семъ прежде надобно винить Илію Минятія, котораго Гедеонъ избралъ себѣ для подраженія почти единственнымъ образцомъ. Впрочемъ примѣтно, что подражая образцу своему, онъ въ изобрѣтеніи доводовъ, въ оборотахъ изъясненія и въ изображеніи движеній сердца, вездѣ съ нимъ равнялся своимъ собственнымъ дарованіемъ, такъ что можно его справедливо наименовать россійскимъ Минятіемъ. Проповѣди его имѣютъ то преимущество, что онѣ не затмены никакими безполезными умозрѣніями, и всегда могутъ занимать вмѣстѣ и просвѣщенныхъ слушателей и простой народъ ясными и разительными изображеніями, а въ дарѣ сказыванія долго послѣ его никто не могъ съ нимъ сравниться, и онъ доселѣ еще почитается первымъ и превосходнѣйшимъ россійскимъ проповѣдникомъ». На долю Гедеона приходится около $1/_5$ всего количества поученій, помѣщенныхъ въ собраніи.

Самому Гавріилу принадлежитъ въ этомъ собраніи восемь поучительныхъ словъ; сверхъ того имъ же составлено еще пять, но съ весьма значительными заимствованіями изъ Златоуста, Миніата, Сорена и Геснера. Изъ восьми первыхъ словъ два служатъ болѣе или менѣе близкимъ повтореніемъ его же словъ, уже прежде появившихся въ печати: слово въ недѣлю третью по пятидесятницѣ извлечено изъ проповѣди на рожденіе Петра III, а поученіе въ недѣлю седьмую по пасхѣ почти дословно сходно съ словомъ на коронованіе Екатерины, произнесеннымъ и напечатаннымъ въ 1773 году [139]).

V.

Знаменательнымъ событіемъ въ умственной жизни Гавріила и яркою чертою для его характеристики какъ писателя и мыслителя служитъ то обстоятельство, что Гавріилу посвященъ переводъ книги Мармонтеля «Велисарій»—произведенія, которое считалось въ свое время смѣлымъ протестомъ противъ нетерпимости и фанатизма. Такъ какъ посвященіе это свидѣтельствуетъ

о литературной образованности Гавріила и о его свѣтломъ умѣ, то мы считаемъ нужнымъ привести нѣсколько данныхъ, знакомящихъ съ судьбою произведенія, которому суждено было играть роль и въ русской литературѣ [140]).

Счастливый случай послужилъ поводомъ къ написанію книги, прославившей ея автора. Всматриваясь въ подаренный ему снимокъ съ картины Вандика, изображающей Велисарія, Мармонтель удивлялся, какимъ образомъ никто изъ писателей не воспользовался такимъ прекраснымъ сюжетомъ, какъ судьба Велисарія, и рѣшился пополнить этотъ пробѣлъ въ литературѣ. Чѣмъ болѣе думалъ Мармонтель о своемъ идеальномъ героѣ, тѣмъ сильнѣе поддавался обаянію его привлекательнаго образа, черты котораго все болѣе и болѣе удалялись отъ исторической истины подъ вліяніемъ работавшаго безъ устали воображенія автора. Слѣпой, странствующій Велисарій раскрываетъ свою душу, свои понятія и наблюденія лицамъ, съ которыми его сталкиваетъ судьба, и его мудрыя рѣчи даютъ смыслъ и значеніе написанной авторомъ философско-назидательной повѣсти. Человѣку дарованы Богомъ два вождя: — говоритъ Велисарій — свѣтъ вѣры и свѣтъ естественнаго чувства; въ чемъ удостовѣряетъ насъ природное и непреоборимое чувство, того не можетъ отрицать и вѣра. Голосъ, слышимый съ высоты небесъ, есть тотъ же самый, который исходитъ изъ глубины человѣческой души: невозможно, чтобы онъ самому себѣ противорѣчилъ. Все, что противно человѣческому чувству и уму, — несообразно и съ истинною вѣрою. Любить Бога и любить ближнихъ — говоритъ и вѣра и сердце наше. Богъ есть существо любящее и созидающее, но порочные люди подъ вліяніемъ страстей искажаютъ образъ Божій, представляя Бога, по своему подобію, жестокимъ властелиномъ, поражающимъ рабовъ своихъ несчастіями и казнями. Царство Божіе есть царство истины и добра, открытое и доступное для всѣхъ, кто заслужилъ его своею жизнію. Въ дому отца небеснаго обителей много, и я не могу себѣ представить, — замѣчаетъ Велисарій — чтобы между моею душою и душою Аристида,

Марка Аврелія и Катона была вѣчная пропасть; да если бы я и повѣрилъ этому, то сталъ бы менѣе любить создавшее насъ существо. Ожесточенное преслѣдованіе за вѣру недостойно истинной вѣры: оно исходитъ изъ нечистаго, своекорыстнаго источника. Пускай отнимутъ всѣ земныя выгоды у воюющихъ за наслѣдіе небесное; пускай ревность о чужомъ спасеніи перестанетъ быть средствомъ къ погибели соперника или врага и къ обогащенію земными благами, и огонь, пылающій въ душѣ ревнителей, весьма скоро угаснетъ. Въ дѣлахъ вѣры безсильны указы и предписанія, безполезно вооруженное вмѣшательство. Въ силу ли человѣческихъ указовъ восходитъ солнце, освѣщая міры, и звѣзды блещутъ на высотѣ небесной? Истина сіяетъ своимъ собственнымъ свѣтомъ, и пламя костровъ, сожигающихъ гонимыхъ за вѣру, не въ состояніи просвѣтить душу человѣка, и т. д.

Такія мысли показались сорбоннѣ въ высшей степени опасными: она извлекла изъ книги Мармонтеля тридцать семь нечестивыхъ, по ея мнѣнію, положеній и обнародовала ихъ подъ именемъ *indiculus*. Вольтеръ прибавилъ къ этому названію эпитетъ *ridiculus*, и слова *indiculus ridiculus* сдѣлались неразлучными къ сильной досадѣ сорбонскихъ доктринеровъ. Но еще нестерпимѣе для нихъ была злая насмѣшка со стороны Тюрго: рядомъ съ положеніями, осужденными сорбонной, онъ напечаталъ мнѣнія совершенно противоположныя, поражающія своею нелѣпостью, но тѣмъ не менѣе вытекающія изъ первыхъ въ силу логической необходимости, ибо изъ двухъ противорѣчащихъ одно другому положеній, если одно ложно, то другое неизбѣжно должно быть справедливо. На опасеніе Юстиніана, чтобы дѣло Божіе не осталось безъ защиты, Велисарій возражаетъ: Богъ не требуетъ вашей защиты и ходатайства въ его дѣлѣ; въ силу ли вашихъ указовъ восходитъ солнце и т. д. Возраженіе это отвергнуто сорбонной, и Тюрго видоизмѣняетъ его такимъ образомъ: Богъ имѣетъ нужду въ земныхъ владыкахъ для ходатайства о своемъ дѣлѣ, ибо по ихъ распоряженію восходитъ солнце и зажигаются звѣз-

ды, и т. д. Такимъ же путемъ отрицательнаго вывода добыты слѣдующія положенія: властямъ принадлежитъ право судить не только дѣйствія, но и помыслы людей; мечъ есть исключительное орудіе истины; пускай вѣра сойдетъ съ небесъ, и она никого не привлечетъ къ себѣ кромѣ мятежниковъ и негодяевъ; вводите ее указами, и она найдетъ себѣ множество приверженцевъ, и т. п. Раздраженіе противниковъ Велисарія достигло такихъ размѣровъ, что потребовало вмѣшательства со стороны правительственной власти, и королевскимъ декретомъ было предписано прекратить всякія пререканія и споры по поводу книги Мармонтеля.

Въ то время, когда во Франціи сужденія идеальнаго Велисарія признаны были чрезвычайно опасными, совершенно иначе относились къ нимъ образованные люди въ Россіи и во главѣ ихъ сама Екатерина. Получивши черезъ Бецкаго экземпляръ Велисарія, присланный ей Мармонтелемъ, Екатерина писала автору, что его произведеніе заслуживаетъ перевода на всѣ языки и что она вполнѣ сочувствуетъ началамъ и воззрѣніямъ, которыя излагаетъ Велисарій. Въ письмѣ къ Мармонтелю отъ 7 мая 1767 года проглядываетъ намѣреніе Екатерины перевести Велисарія на русскій языкъ, а въ письмѣ къ Вольтеру теру отъ 29 мая 1767 года она извѣщаетъ, что мысль эта уже приведена въ исполненіе. Переводомъ Велисарія Екатерина занималась вмѣстѣ со своими спутниками во время путешестія по Волгѣ, что̀ обозначено и въ самомъ заглавіи книги. Оригиналъ былъ раздѣленъ, по числу сотрудниковъ, на одиннадцать частей, а двѣнадцатому, прибывшему нѣсколько позже, поручено написать посвященіе Гавріилу. Въ переводѣ принимали участіе слѣдующія лица: Екатерина, графъ Андрей Шуваловъ, Елагинъ, графъ Чернышевъ, Козьминъ, графы Григорій и Владиміръ Орловы, Волковъ, Нарышкинъ, Бибиковъ, князь Семенъ Мещерскій и Козицкій. Нѣкоторые изъ нихъ извѣстны и въ литературѣ, какъ напр. Елагинъ, Козицкій, Нарышкинъ, Кузьминъ, Шуваловъ, болѣе французскій, нежели русскій писатель, стихами котораго восхищался

Вольтеръ [141]). Александръ Ильичъ Бибиковъ, по словамъ Державина, занимался словесностью и весьма хорошо писалъ на природномъ языкѣ [142]). Дмитрій Васильевичъ Волковъ, бывшій довѣреннымъ лицомъ при Петрѣ III, извѣстенъ между прочимъ тѣмъ, что имъ написанъ манифестъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи. Шуваловъ, Козицкій и Владиміръ Орловъ были, какъ мы видѣли выше, членами коммиссіи для перевода иностранныхъ книгъ на русскій языкъ. Нѣкоторые изъ переводчиковъ (Елагинъ, Козицкій, Нарышкинъ) были впослѣдствіи членами россійской академіи, и почти всѣ принимали бо̀льшее или меньшее участіе въ трудахъ законодательной коммиссіи, открытой вскорѣ по возвращеніи Екатерины изъ путешествія по Волгѣ. При переводѣ Велисарія всего болѣе досталось на долю Волкова: имъ переведены четыре главы, что̀ составляетъ около четверти всей книги. Екатерина перевела девятую главу, небольшую по объему, но замѣчательную по содержанію [143]). Мармонтель не хотѣлъ вѣрить, чтобы императрица сама перевела цѣлую главу и притомъ такую, въ которой самовластіе подвергается безпощадному осужденію, а безусловныя права приписываются единственно закону. Посвященіе Гавріилу написано графомъ Шуваловымъ. Въ иностранныхъ извѣстіяхъ Гавріила ошибочно называютъ переводчикомъ Велисарія, а слова посвященія приписываютъ великому князю Павлу Петровичу [144]).

Въ библіотекѣ академіи наукъ есть экземпляръ русскаго перевода Велисарія съ точнымъ и подробнымъ обозначеніемъ переводчика каждой главы и предисловія, скрѣпленнымъ по листамъ подписью Орлова. На первомъ листѣ находится слѣдующая замѣтка того же графа Владиміра Григорьевича Орлова, бывшаго тогда директоромъ академіи наукъ: «Въ числѣ тѣхъ, кои въ путешествіи Ея Императорскаго Величества по Волгѣ отъ Твери до Синбирска находилися, и я имѣлъ честь быть и видѣть кто которую главу переводилъ, также и тому свидѣтелемъ былъ, что сіи переведенныя главы были читаны въ собраніи трудившихся въ семъ переводѣ. Графъ В. Орловъ» [145]).

Раздѣленіе труда обнаружилось не только въ слогѣ перевода, но и въ самомъ имени главнаго дѣйствующаго лица; оно пишется на пять ладовъ: Велизеръ, Велизаръ, Веліазаръ, Велизарій, Велисарій. Екатерина писала *Веліазаръ*, а въ заглавіи удержано *Велизеръ*, какъ писалъ это имя Елагинъ. Хотя Екатерина приняла на себя общую редакцію перевода, но, по свидѣтельству самихъ переводчиковъ, особенности слога съ умысломъ остались нетронутыми, ибо они ясно указывали, съ какою цѣлью люди, въ жизнь свою не занимавшіеся переводами, рѣшились перевести Велисарія. По собственнымъ словамъ Екатерины, она старалась распространить свой переводъ въ русскомъ обществѣ съ тою цѣлью, чтобы подданные ея знали связь, которая соединяетъ ее съ ними — afin que mes sujets sachent des liens qui nous unissent ensemble. Главная забота была не о слогѣ переводимой книги, а о впечатлѣніи, которое она произведетъ. Въ видѣ опыта, еще не отдавая въ печать, читали переводъ людямъ, незнающимъ подлинника, и одинъ изъ слушателей сказалъ: «пусть мнѣ выколютъ глаза, лишь бы я былъ Велисаріемъ» [146]).

Чѣмъ выше цѣнилось достоинство книги, тѣмъ съ большею разборчивостью избрано лицо, которому она посвящена. Изъ свидѣтельства самихъ переводчиковъ объясняются причины, почему выборъ палъ на Гавріила. Путешествіе по Волгѣ начато съ Твери, гдѣ Екатерина провела нѣсколько дней въ обществѣ Гавріила, бывшаго тогда тверскимъ епископомъ; она останавливалась въ его городскомъ домѣ, и посѣтила его въ его загородномъ помѣщеніи; онъ видѣлся съ нею и на дальнѣйшемъ пути, встрѣтивъ ея въ Колязинѣ монастырѣ [147]). Въ присутствіи Екатерины Гавріилъ произнесъ поучительное слово, которое произвело глубокое впечатлѣніе на слушателей, будучи проникнуто такими же «чистыми нравственными началами, какъ и книга Мармонтеля». Къ сожалѣнію, нѣтъ точнаго указанія, какое именно слово имѣла въ виду Екатерина. Во время пребыванія Екатерины въ Твери Гавріилъ въ день преполовенія «говорилъ приличное тому дню и высокому Ея Величества присутствію поучительное слово, кото-

раго какъ содержаніе, такъ и пріятное краснорѣчіе достойную пріобрѣло, въ началѣ отъ Ея Величества, а потомъ общую и отъ всѣхъ слушателей похвалу». Но самой проповѣди не помѣщено въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ [148]). Изъ другихъ словъ, произнесенныхъ Гавріиломъ въ 1767 году, наиболѣе выдается приведенная нами выше рѣчь его при открытіи законодательной коммиссіи. Въ лицѣ Гавріила переводчики почтили просвѣщеннаго пастыря русской церкви, обладавшаго прекрасными свойствами ума и сердца и сходнаго съ Велисаріемъ по своей добродѣтели и—что особенно замѣчательно—по своему образу мыслей.

«Древніе хранили обычай — говорится въ посвященіи — приносить свои сочиненія людямъ, коихъ они искренно почитали. Мы слѣдуемъ ихъ примѣру, принося нашъ переводъ вашему преосвященству. Добродѣтели ваши намъ извѣстны, а особливо кротость, смиреніе, умѣренность, *просвѣщенное набожество,* которыя въ васъ обитаютъ и которыми бы долженствовало украшаться душѣ каждаго христіанина, а паче пастыря вашего чина. Нравоученіе нужно всѣмъ народамъ и во всѣхъ состояніяхъ жизни. Блаженство общества зависимо отъ добраго поведенія членовъ онаго: и такъ полезно имъ часто напоминать *о долгѣ человѣка и гражданина*, и представляя примѣры добродѣтели, воспламенять сердца ихъ ревностію подражать достойнымъ лицамъ, кои прежде ихъ жили. Велизаръ такого рода сочиненіе. Герой, гонимый Юстиніаномъ, окруженный всѣми возможными злополучіями, непоколебимое мужество и безпримѣрное великодушіе оказываетъ. Изъ устъ его исходящія слова столь *премудры*, сколь поведеніе его славно. Наставленія Тиверію можно именовать наставленіями *всѣмъ государямъ* и всему роду человѣческому. Мы чистосердечно признаёмся, что Велизаръ обладалъ нашими сердцами, и мы увѣрены, что сіе сочиненіе вашему преосвященству понравится, потому что вы *мыслями*, какъ добродѣтелію, *съ Велизаромъ сходны*».

Мармонтель благодарилъ Екатерину за посвященіе его труда одному изъ достойнѣйшихъ іерарховъ имперіи, напоминающему

своимъ нравственнымъ величіемъ тѣ счастливыя времена, когда святыя вещи находились въ святыхъ рукахъ. Тоже самое утверждали и лица, близко знавшіе Гавріила и чуткіе въ распознаваніи людскихъ достоинствъ и недостатковъ. Въ лицѣ Гавріила, Иннокентія и Платона—говоритъ Сумароковъ—«мы имѣемъ таковыхъ пастырей, которые, проповѣдуя намъ добродѣтель, первые своему проповѣдыванію слѣдуютъ. Я особы ихъ не по слуху и не по виду единому знаю; но имѣя съ ними откровенное обхожденіе, знаю и качества ихъ, желая, дабы таковыя духовныхъ поведенія не были въ Россіи никогда исторженны, ибо мы по исторіи довольно вѣдаемъ то, что нѣтъ ничего вреднѣе обществу духовныхъ особъ, наполненныхъ суевѣріемъ и лицемѣріемъ, и что нѣтъ ничего полезнѣе благочестія, оберегаемаго духовными и сохраняемаго обществомъ. Мечъ и огонь не предписаны роду человѣческому къ обращенію на путь истины, ниже страхъ, но проповѣдь и увѣщаніе:

Блаженно общество и твердъ монаршій тронъ,
Безъ лицемѣрія хранится гдѣ законъ:
Тамъ ближнимъ ближній милъ и тамо чтимъ Содѣтель,
Почтенна истина, почтенна добродѣтель» [149]).

Въ произведеніяхъ Гавріила встрѣчаются черты, сходныя съ тѣми мыслями, которыя придали книгѣ Мармонтеля особенную цѣну и просвѣтительное значеніе для своего времени, признанное за нею не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ Европы. Согласіе и единодушіе гражданъ, на которомъ зиждется общество,—говоритъ Гавріилъ,—«не есть плодъ страстей тѣхъ, которые приводятъ въ непорядокъ жизнь человѣческую, ибо непорядочныхъ началъ непорядочныя суть и слѣдствія. Оно не есть согласіе тѣхъ, которые сами страшатся открыть мысли свои свѣту. Оно не есть состояніе тѣхъ людей, которые, превыся степень самолюбія, только думаютъ о себѣ. Оно есть соединеніе сердецъ тѣхъ, которые основываютъ жизнь свою на любви людей, невышедшихъ изъ человѣчества, но покаряющихся своему Творцу, и понимающихъ прямо себя и другихъ. Богъ предписы-

ваетъ всѣмъ любовь и единодушіе. Таковыя предписанія странны бы были для насъ, ежели бы мы не къ тому были созданы. Мы въ самомъ человѣчествѣ находимъ ему основаніе. Человѣкъ не есть ли животное дружелюбное? Единообразное расположеніе дарованій тѣлесныхъ, качества души, представляющія одного другому способнѣйшимъ и надежнѣйшимъ помощникомъ, не суть ли начала, положенныя въ человѣчествѣ отъ самого Творца, чтобъ согласить нашу природу, и чтобъ всякій человѣкъ, на котораго мы взираемъ, не иное что представлялъ намъ, какъ насъ самихъ въ себѣ. И такъ кажется надобно напередъ человѣку возненавидѣть самого себя, если кто хочетъ возненавидѣть другаго. Добродѣтельный человѣкъ ни отъ кого не отвращается: онъ отвращается только отъ порока, однако не отвращается отъ человѣка. Онъ его видя въ человѣкѣ жалѣетъ, отвращается отъ его несчастія, и старается только истинное его счастіе составить, и весьма далекъ отъ того, чтобъ и беззаконника сокрушить и погубить. Но тотъ, котораго страсти привязали къ собственнымъ пользамъ и удалили отъ пользъ общества, уже тѣмъ самымъ началъ себя ненавидѣть, ибо онъ уже теряетъ способы, какіе общество готовило умножать его счастіе. Онъ радуется, что имѣетъ случай другаго въ трепетъ привесть; онъ, какъ уже такимъ образомъ оторвалъ себя отъ союза другихъ, силится себя поставить центромъ всѣхъ. Сіе слово *я* сколь пріятно и радостно во устахъ человѣка добродѣтельнаго, ибо оно обѣщаетъ всякому безопасность и спокойствіе, столь отвратительно во устахъ презирающаго другихъ, ибо оно дѣлаетъ ужасъ, и сходно ль то съ природою человѣка и закономъ!» [150])

VI.

Литературная и общественная дѣятельность митрополита Гавріила пріобрѣла ему особенное уваженіе въ кругу ученыхъ и писателей, которое выразилось и въ оцѣнкѣ его произведеній и въ сочувственныхъ заявленіяхъ ему со стороны ученыхъ обществъ. Въ 1776 году академія наукъ избрала Гавріила сво-

имъ почетнымъ членомъ, а въ 1783 году онъ избранъ членомъ россійской академіи при самомъ ея основаніи. Гавріилъ провозглашенъ былъ почетнымъ членомъ академіи наукъ въ торжественномъ ея собраніи 29 декабря 1776 года, въ день пятидесятилѣтняго юбилея академіи [151]). Мы остановились съ особенною подробностью на Гавріилѣ, какъ на лицѣ, втеченіе нѣкотораго времени стоявшемъ во главѣ россійской академіи, и постоянно служившемъ связью между ея живыми силами. Ни одно изъ предпріятій академіи не было приводимо въ исполненіе, ни одинъ изъ крупныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ ея средѣ, не былъ окончательно рѣшаемъ безъ содѣйствія и участія Гавріила. Обширный кругъ занятій Гавріила не позволялъ ему часто посѣщать академическія собранія, въ которыхъ онъ былъ всего 32 раза: первый разъ 21 октября 1783 года, послѣдній — 29 апрѣля 1788 года. Но тѣмъ не менѣе участіе его сказывалось осязательно: къ нему посылались извѣстія объ академическихъ совѣщаніяхъ; во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, по всѣмъ спорнымъ вопросамъ обращались къ нему съ полнымъ довѣріемъ къ его правдивому и просвѣщенному суду, и ни одинъ призывъ сочленовъ не остался безъ внимательнаго и дѣльнаго отвѣта со стороны Гавріила. Работы его по академіи и дѣятельныя сношенія съ нею продолжались втеченіе всего Екатерининскаго періода. Первенствующій членъ академіи руководилъ учено-литературными работами и предпріятіями; разсматривалъ труды академиковъ и постороннихъ лицъ; вносилъ собранные имъ матеріалы; сообщалъ свои замѣчанія, выводы и соображенія; участвовалъ въ составленіи и обработкѣ словаря россійской академіи, и заботился о развитіи академической дѣятельности посредствомъ выбора лицъ, готовыхъ и способныхъ содѣйствовать своими трудами достиженію цѣли, для которой учреждена академія. Гавріилу вмѣстѣ съ Дашковой россійская академія обязана образованіемъ своего личнаго состава: изъ общаго числа членовъ, простиравшагося почти до восьмидесяти, только шесть предложены не Дашковою и не Гавріиломъ. Боль-

шая часть духовныхъ лицъ, избранныхъ въ академики, предложены Гавріиломъ. Имъ же вмѣстѣ съ Дашковою предложены въ члены россійской академіи: Капнистъ, Веревкинъ и Стахіевъ. Капнистъ и Веревкинъ — громкія имена тогдашней нашей литературы, Стахіевъ пріобрѣлъ почетную извѣстность на дипломатическомъ поприщѣ.

По свидѣтельству протоколовъ и отчетовъ россійской академіи о трудахъ Гавріила, его «совѣтамъ и усердію одолжена академія успѣхами въ сочиненіи словаря; онъ руководствовалъ въ началѣ трудящихся въ объясненіи словъ; склонилъ нѣкоторыхъ, въ россійскомъ языкѣ искусныхъ и въ академіи участія неимѣющихъ, мужей къ приведенію въ словопроизводный порядокъ словъ на буквы *и*, *і*, *к*, и принималъ трудъ разсматривать оныя. Совѣты его въ собраніяхъ академіи при разсматриваніи словаря много способствовали къ совершенству онаго. Немалое также приращеніе получила аналогическая словъ роспись. Онъ же участвовалъ въ составленіи правилъ, служащихъ къ сочиненію словаря. Въ сомнительныхъ случаяхъ сообщалъ свои мнѣнія; къ рѣшенію сомнительныхъ знаменованій словъ присылалъ свои полезныя объясненія», и т. д. [152]).

Гавріилъ былъ въ сущности вице-президентомъ россійской академіи, хотя и не назывался этимъ именемъ въ офиціальныхъ актахъ. Въ академическихъ протоколахъ онъ называется обыкновенно первенствующимъ членомъ, и во время отсутствія предсѣдателя занималъ его мѣсто не случайно, а на основаніи состоявшагося постановленія. Когда объявлена была высочайшая воля о томъ, чтобы въ отсутствіе Дашковой предсѣдательствовалъ старшій изъ членовъ, то общее собраніе академиковъ признало, что митрополиту Гавріилу «по всѣмъ правамъ и преимуществамъ принадлежитъ предсѣдательствовать въ академіи». Даже въ то время, когда Гавріилъ, находившійся въ опалѣ, вовсе пересталъ посѣщать академическія собранія, къ нему обращались съ дѣловыми бумагами, и подпись его имѣла значеніе подписи предсѣдателя. Требованіе процентныхъ денегъ на суммы, принадлежащія

академіи, посылалось въ ломбардъ не за подписью старшаго изъ наличныхъ членовъ, какъ полагалось по уставу, а за подписью митрополита Гавріила. Равнымъ образомъ отъ его имени послано сообщеніе въ ассигнаціонный банкъ о размѣнѣ билета на покрытіе расходовъ по перестройкѣ академическаго дома, и т. п. [153]).

Въ собраніи академіи возбужденъ былъ вопросъ о томъ, какія слѣдуетъ принятъ буквы, — тѣ ли, которыя употребляются въ гражданской азбукѣ или же держаться азбуки славянской. Всѣ члены единогласно утвердили, чтобы удержать всѣ славянскія буквы, способствующія намъ къ достаточному и правильному выговору на всѣхъ языкахъ. Не смотря однакоже на единогласіе, всѣми признано необходимымъ просить объ этомъ совѣта у митрополита Гавріила. Производство слова *воскресеніе* отъ иллирскаго корня *кресъ* въ нѣкоторыхъ членахъ возбудило недоумѣніе, и потому собраніе постановило просить разъясненія загодочнаго слова у своего первенствующаго члена. Поводомъ къ преніямъ послужило также толкованіе смысла слова *литія*, и также точно «собраніе, не входя въ положительное сея при рѣшеніе, опредѣлило отнестись въ семъ случаѣ къ первенствующему члену академіи». Вникая въ значеніе важнаго во многихъ отношеніяхъ слова *помазанія* въ смыслѣ поставленія царемъ, возведенія на царство, собраніе положило для лучшаго и яснѣйшаго истолкованія испросить свѣдѣнія у Гавріила. При составленіи русской грамматики академія также обращалась къ совѣтамъ Гавріила [154]).

При участіи и руководствѣ Гавріила положено первое основаніе труду, принадлежащему къ числу самыхъ капитальныхъ произведеній академіи за все время его существованія, именно— словарю россійской академіи. Приступая къ такому важному и обширному предпріятію, академія признала необходимымъ выработать для него основныя начала и общій планъ, и съ этою цѣлью образовала особый отдѣлъ изъ членовъ академіи: Гавріила, Фонъ-Визина, Лепехина, Румовскаго и Леонтьева. На избранныхъ въ этотъ отдѣлъ академиковъ возложено было составить,

подъ руководствомъ Гавріила, начертаніе порядка и правилъ, которыхъ должны держаться всѣ, участвующіе въ составленіи словаря[155]).

При обработкѣ словаря обнаружилась большая неточность въ опредѣленіи словъ, употребляемыхъ безразлично, изъ которыхъ одни означаютъ дѣйствіе еще продолжающееся, а другія — дѣйствіе оконченное или совершенное, какъ напримѣръ: разбираніе и разобраніе, прибираніе и прибраніе, и т. п. Гавріилъ далъ совѣтъ, чтобы при объясненіи словъ наиболѣе вникать во времена глаголовъ, отъ которыхъ они происходятъ, что поведетъ къ точнѣйшему опредѣленію объясняемыхъ словъ. Въ отношеніи глаголовъ *емлю* и *имаю* Гавріилъ высказалъ мнѣніе, чтобы глаголы эти соединить, и форму *имаю* считать производною отъ *емлю*. Согласно съ замѣчаніемъ Гавріила, въ словарѣ академіи глаголъ *имаю* поставленъ въ совершенно такую же зависимость отъ *емлю*, какъ и глаголъ *вземлю*, и т. п.[156]).

Гавріилъ предложилъ собранію, чтобы при объясненіи словъ, означающихъ душевныя качества и движенія, не ограничиваться словами, имѣющими повидимому одинъ и тотъ же смыслъ, а дѣлать точныя опредѣленія. Такія слова, какъ *боязнь*, *трепетъ*, *страхъ*, *ужасъ* и подобныя, не могутъ считаться синонимами, а слѣдовательно не должны быть одни другими объясняемы. Для объясненія подобныхъ словъ надо обращаться къ книгамъ философскаго содержанія. Собраніе, находя предложеніе Гавріила необходимо нужнымъ и полезнымъ, постановило сообщить его всѣмъ, принявшимъ на себя трудъ составленія словаря[157]).

Много хлопотъ надѣлало академикамъ слово *свузы*, которому они никакъ не могли придумать объясненія. Оно занесено въ академическій словарь изъ словаря церковнаго, въ которомъ приведенъ и примѣръ изъ пророка Іезекіиля. Но въ переводахъ библіи: латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, нѣтъ соотвѣтствующаго слова, а опредѣленіе, данное ему въ церковномъ словарѣ, вовсе не подходитъ къ приведенному тексту. Для рѣшенія возникшаго недоумѣнія положено обратиться къ Гавріилу, неза-

медлившему прислать свое мнѣніе, которое состояло въ слѣдующемъ: «Пророка Іезекіиля, въ гл. XIII, ст. 11, напечатано: *дамъ каменіе стрѣлное въ свузы ихъ* (т. е. стѣнъ), *и падутся*. Св. Іеронимъ въ переводѣ семидесяти толковниковъ тако пишетъ: et dabo lapides magnos in juncturas eorum et cadent. Слово *свузы* показываетъ погрѣшность или писца или типографа. Должно напечатать *въ связи* или *въ соузы*». Поэтому издатели положили слово *свузы*, какъ испорченное и въ церковномъ словарѣ опредѣленное невѣрно, изъ состава издаваемаго словаря исключить. Выписки, сообщенныя А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ изъ старинныхъ изданій библіи подтвердили справедливость мнѣнія Гавріила, что вмѣсто *свузы* слѣдуетъ читать *соузы*[158]).

По изданіи словаря словопроизводнаго академія приступила къ новому труду — къ составленію «словаря, азбучнымъ порядкомъ расположеннаго, съ прибавленіемъ иностранныхъ языковъ», и для объясненія русскихъ словъ предложено употреблять три языка: латинскій, французскій и нѣмецкій. По этому поводу митрополитъ Гавріилъ сообщилъ свое мнѣніе слѣдующаго содержанія: объясненія дѣлать на одномъ латинскомъ языкѣ, какъ общемъ для всего ученаго міра; примѣровъ не переводить, ибо передача ихъ на другомъ языкѣ можетъ дать другой смыслъ слову; иностранныхъ словъ не толковать, ибо они яснѣе на своемъ языкѣ, нежели на русскомъ; изъясненія, относящіяся къ нашей церкви, оставить; прилагательныхъ, производныхъ отъ иностранныхъ словъ, не объяснять, а ограничиться однимъ примѣромъ; пословицы и присловья помѣстить только тѣ, которыя сходны съ пословицами другихъ языковъ[159]).

Гавріилъ неоднократно принималъ на себя разсмотрѣніе трудовъ, представленныхъ въ академію, и самъ представлялъ труды лицъ, непринадлежащихъ къ академической корпораціи. Онъ принялъ на себя разсмотрѣніе двухъ частей, о производствѣ и сочиненіи словъ, грамматики, составляемой о. Сидоровскимъ, и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими академиками разсматривалъ слова и рѣченія, собранныя и приведенныя въ словопроизводный

составъ студентами академіи Дмитріемъ и Петромъ Соколовыми. По совѣту Гавріила нѣкто протоіерей Іаковъ и священникъ Филиппъ привели въ словопроизводный составъ и представили въ академію слова на буквы *и*, *і*, *к:* разсмотрѣніе ихъ принялъ на себя Гавріилъ вмѣстѣ съ тремя своими сочленами.

Доставляя академіи матеріалы для предпринимаемыхъ его научныхъ работъ, Гавріилъ приносилъ въ даръ академіи рукописи и книги, находящіяся въ связи съ предметомъ задуманныхъ работъ, какъ напримѣръ, рукопись подъ заглавіемъ: Лексиконъ, сирѣчь недовѣдомыя рѣчи, переводъ Максима Грека отъ иновѣрныхъ на русскій языкъ правый, писанъ вкратцѣ; лексиконъ славенороссій Памвы Берынды, напечатанный въ 1653 году; трехъязычный словарь Поликарпова, и др.[160]).

Много личнаго труда положено Гавріиломъ для достиженія цѣли, къ которой стремилась академія. Будучи однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ предпріятіяхъ академіи, Гавріилъ охотно принималъ на себя научныя работы, приготовлялъ необходимые матеріалы, вникалъ во всѣ подробности ихъ обработки, и старался ихъ осмыслить и освѣтить. При оцѣнкѣ его мыслей и объясненій необходимо имѣть въ виду современное ему состояніе филологіи и общій уровень какъ филологической, такъ и вообще научной образованности его сочленовъ.

Гавріилъ принялъ на себя выборъ для академическаго словаря словъ изъ бесѣдъ Іоанна Златоуста и составленіе сборника словъ, расположенныхъ по количеству слоговъ, для утвержденія правилъ ударенія. Онъ сообщилъ академіи два опыта этимологической таблицы и рукописное собраніе словъ для дополненія таблицы аналогической. Однимъ изъ замѣчательныхъ вкладовъ Гавріила было сообщенное имъ въ академію собраніе словъ, употребляемыхъ простымъ народомъ въ Малороссіи[161]).

Академиковъ затруднило объясненіе слова *воробей*, и по этому поводу возникъ вопросъ, считать ли подобныя слова производными или же помѣщать ихъ какъ самостоятельныя по азбучному порядку. Порѣшили, что слово *воробей* происходитъ отъ

бью, *бію*, и поставили его при этомъ глаголѣ. Но Гавріилъ далъ совѣтъ, чтобы названія естественныхъ произведеній считать самостоятельными, ибо они большею частью народныя, иногда составныя, и притомъ неизвѣстнаго происхожденія. Совѣту Гавріила послѣдовали въ окончательной редакціи словаря, гдѣ слово *воробей* помѣщено какъ самостоятельное вслѣдъ за словомъ *ворвань*. Гавріилъ поставилъ вопросъ, какіе имена и глаголы считать коренными и какіе производными, и самъ же предложилъ такое рѣшеніе своего вопроса. Коренными должно считать тѣ имена существительныя, которыя заключаютъ въ себѣ значеніе начала или причины какого-либо дѣйствія, какъ напримѣръ *рука*, *слухъ:* отъ существительнаго *рука* происходитъ глаголъ *ручаюсь*, отъ существительнаго *слухъ* глаголъ *слушаю*, и пр. Напротивъ того, тѣ имена существительныя, которыя означаютъ самое дѣйствіе, слѣдуетъ считать производными отъ ихъ глаголовъ: отъ *читаю* — *чтеніе*, отъ *хожу* — *хожденіе* и пр. Мнѣніе Гавріила принято академіею, и въ словахъ ея существительныя *рука*, *слухъ* и т. п. признаны словами коренными, а *чтеніе*, *хожденіе* и пр. — производными; глаголъ *хожу* въ свою очередь признанъ производнымъ и поставленъ въ зависимость отъ глагола *иду* [162]).

Гавріилъ представилъ слѣдующія мнѣнія свои по поводу спорныхъ вопросовъ о происхожденіи и значеніи словъ: *воскресеніе*, *литія* и *память:*

«Если слова *воскресеніе* и пр. были въ употребленіи до принятія въ Россіи христіанства, можно изыскивать особливое начало сихъ словъ. Но если они вошли въ употребленіе по принятіи христіанства, то разсуждаю положить кореннымъ слово *крестъ*, яко вина смерти полагается вмѣсто дѣйствія ея: и такъ, *воскресаю* будетъ значить *освобождаюся отъ смерти*. Если сіе отринуть, трудно будетъ изъяснить слова *крещеніе* и *креститель*.... Хотя нѣкоторые изъ гг. членовъ происхожденіе слова *воскресеніе* и выводятъ изъ неизвѣстныхъ въ Россіи началъ, какъ-то отъ иллирическихъ, сербскихъ и другихъ словъ; но сей выводъ, кажется, весьма натянутъ, такъ, какъ и произведеніе онаго слова

отъ *крою* или *крыю* очень далековато. Ближе всего производить можнò сіе слово отъ слова *крестъ*, разумѣя подъ онымъ единственно тотъ самый крестъ, на которомъ распятъ былъ Спаситель нашъ, ибо въ церковныхъ книгахъ слова, означающія крестъ Христовъ и Его воскресеніе, пишутся подъ одинакими титлами такъ *кртъ*, *воскрніе*, и собственно воскресеніе разумѣется только о бывшемъ послѣ крестной смерти возстаніи единаго Спасителя нашего. А что и прочихъ, пророками и апостолами оживленныхъ, мертвецовъ, такожъ и самое въ послѣдній день общее возстаніе всѣхъ мертвыхъ называется воскресеніемъ, то сіе названіе переводчиками взято отъ подобія единаго Христова, послѣ крестной смерти бывшаго, возстанія или ожитія, а собственно ожитіе прочихъ мертвецовъ надлежало бы имъ называть только возстаніемъ, а не воскресеніемъ изъ мертвыхъ. До принятія вѣры христіанской, въ Россіи неизвѣстно было воскресеніе изъ мертвыхъ, а со введеніемъ вѣры вопервыхъ нашимъ предкамъ извѣстно стало какъ имя Спасителя Христа, такъ вмѣстѣ и его крестъ и воскресеніе. Почему и ко ожитію другихъ мертвецовъ удобно могло быть приложено слово *воскресеніе*, дабы симъ, яко уже извѣстнѣйшимъ, объяснить и лучше протолковать прочихъ людей возстаніе изъ мертвыхъ» [163]).

«*Литія* на греческомъ языкѣ значитъ горячее или теплѣйшее моленіе. Вторая эктенія послѣ входу на вечерни называется сугубая, поелику въ ней повторяется моленіе первой; она называется прилежное моленіе, почему и *Господи помилуй* возглашается потрижды. Но какъ въ великіе праздники, а особливо въ случаѣ каковыхъ-либо печальныхъ приключеній, сверхъ оныхъ эктеній исходили изъ церкви, обходили монастыри, а индѣ и грады, въ которомъ обхожденіи въ третій разъ съ дополненіями читалась эктенія, и положено *Господи помилуй* возглашать многажды, и поелику сей образъ уставленъ для молитвъ внѣ церкви, — нынѣ, особливо по темнотѣ ночной, вмѣсто исхожденія изъ церкви исходятъ въ притворъ» [164]).

«Опредѣлено всѣ имена дарованій, яко причинъ дѣйствія,

полагать коренными. *Память* есть тогоже рода, какъ *умъ*, *слухъ*, *чувство* и проч. И какъ неимѣющій ума не умствуетъ, неимѣющій слуха не слышитъ, неимѣющій чувства не чувствуетъ, такъ и неимѣющій памяти не помнитъ. Слѣдовательно, сіе имя *память*— коренное. *Мнѣніе* есть соображеніе простыхъ идей и есть предметъ памяти, равно какъ другія предложенія и простыя идеи. Если память отнести только къ мнѣнію, то сіе имя несвойственно будетъ животнымъ. *Помню* можно относить къ памяти человѣка, но потому только, что мнѣнія суть ея предметъ. Хотя производству словъ и открывалося бы другое положеніе, но сіе положеніе истинно, что не *вещи для словъ, а слова для вещей*» [165]).

Нѣтъ сомнѣнія, что филологическія понятія Гавріила не соотвѣтствуютъ требованіямъ современной лингвистики. Но никакой законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія, и произнося приговоръ надъ писателемъ, должно взвѣсить и оцѣнить тѣ условія, среди которыхъ слагались и высказывались его убѣжденія. Филологическое образованіе Гавріила восходитъ къ половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Языкознанію не доставало тогда разработки двухъ существенныхъ началъ: сравнительнаго и историческаго. Довольно вспомнить труды даровитѣйшаго изъ дилеттантовъ филологіи, Сумарокова, и замѣчательнѣйшаго изъ тогдашнихъ ученыхъ, Тредьяковскаго, чтобы увидѣть, на какомъ шаткомъ основаніи стояло у насъ сравнительное языкознаніе. Объ исторіи языка не было и помину; взаимное отношеніе языковъ церковно-славянскаго и русскаго представлялось весьма неопредѣленнымъ образомъ. При такомъ состояніи научныхъ свѣдѣній нельзя и предполагать особеннаго довѣрія къ нимъ у человѣка съ такимъ положительнымъ умомъ какъ Гавріилъ. Въ замѣткахъ его ясно видна мысль, что для вѣрныхъ выводовъ еще не добыто прочнаго матеріала, а пробиваться догадками — не благоразумно. Гавріилъ, какъ можно заключить изъ совокупности фактовъ, заботился всего болѣе о собираніи и тщательной провѣркѣ матеріаловъ: съ этою цѣлью онъ дѣлалъ выборки изъ книгъ образцовыхъ писателей, вызывалъ другихъ на эту же

работу, вносилъ собраніе словъ не только книжныхъ, но и народныхъ, и т. д. Представляя въ академію собраніе словъ малороссійскихъ, онъ тѣмъ самымъ показывалъ, что признаетъ за мѣстными нарѣчіями право участія въ образованіи литературнаго языка. Если онъ и выражалъ нѣкоторое недовѣріе къ сближенію русскаго языка съ родственными, напр. съ сербскимъ и другими, то очевидно потому, что связь между славянскими языками еще не была выяснена, и самые пріемы сравненія не заключали въ себѣ такой убѣдительности, которая могла бы подѣйствовать на умъ, неспособный къ увлеченіямъ и непривыкшій вѣрить на слово. По самому свойству своего ума Гавріилъ требовалъ отъ выводовъ логической послѣдовательности, и въ силу этого требованія ставилъ на первомъ планѣ мысль, а слову давалъ значеніе настолько, насколько оно служитъ орудіемъ мысли. Подобное воззрѣніе, подчиняя языкъ отвлеченному логическому началу, ведетъ къ исключительности и односторонности; но тѣмъ не менѣе оно господствовало въ семнадцатомъ и восьмнадцатомъ столѣтіяхъ, и отразилось въ большей или меньшей степени въ сочиненіяхъ замѣчательныхъ писателей этой эпохи. Всеобщія или философскія грамматики, являвшіяся преимущественно во Франціи, сочиненія Кондильяка, Бросса, даже самого Локка представляютъ много доказательствъ того, къ какимъ выводамъ приводитъ теорія языка, построенная исключительно на отвлеченномъ, философскомъ началѣ. Мы коснемся этого вопроса при разборѣ словопроизводнаго словаря, составленнаго членами россійской академіи. Теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что филологическія понятія Гавріила находятъ достаточное объясненіе въ складѣ его ума и въ тогдашнемъ состояніи науки о языкѣ, какъ выразилось оно въ трудахъ русскихъ ученыхъ и писателей, предшествовавшихъ и современныхъ Гавріилу.

Труды Гавріила на пользу академіи увѣнчаны были золотою медалью въ торжественномъ собраніи россійской академіи 25 ноября 1786 года. Выборъ кандидатовъ всѣ члены предоставили предсѣдателю, которому ближе извѣстны труды каждаго

члена. Дашкова предложила двухъ кандидатовъ: митрополита Гавріила и И. Н. Болтина, и собраніе единогласно утвердило увѣнчать золотою медалью труды и усердіе членовъ, предложенныхъ предсѣдателемъ[166]).

Государственный дѣятель Екатерининскаго времени, избранникъ Екатерины и исполнитель ея предначертаній, Гавріилъ не могъ надѣяться на особенное расположеніе ея преемника. Подобно весьма многимъ, Гавріилъ подвергся опалѣ, причины которой до сихъ поръ остаются необъясненными и даютъ поводъ къ различнымъ догадкамъ и предположеніямъ. Въ концѣ 1799 года митрополитъ Гавріилъ уволенъ былъ отъ управленія петербургскою епархіею и переименованъ митрополитомъ новгородскимъ и олонецкимъ. Изнуренныя силы заставили его отказаться и отъ новгородской епархіи и просить о перемѣнѣ своего мѣстопребыванія. Маститый іерархъ, первенствующій членъ синода, представитель всего русскаго духовенства въ законодательной коммиссіи, втеченіе почти полувѣка честно и ревностно служившій церкви и отечеству, проситъ одной и послѣдней милости—дозволенія дожить остатокъ дней своихъ въ московскомъ симоновѣ монастырѣ, и получаетъ лаконическое повелѣніе — остаться въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ. Преданіе говоритъ, что немилость Павла I произошла будто бы оттого, что Гавріилъ рѣшительно отказался принять малтійскій орденъ, и возставалъ противъ награжденія духовныхъ лицъ орденами и звѣздами: Гавріилъ первый изъ русскаго духовенства получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, но принялъ его скрѣпя сердце, и даже на панихиду по Екатеринѣ явился безъ ордена[167]). Если вѣрить другому преданію, то источникъ непріязни скрывается въ томъ обстоятельствѣ, что митрополитъ Гавріилъ, вмѣстѣ съ Суворовымъ и Румянцовымъ, былъ свидѣтелемъ на завѣщаніи Екатерины II, которое устраняло Павла отъ престола. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что и Гавріилъ, и Суворовъ, и Румянцовъ подверглись опалѣ по смерти Екатерины.

Митрополитъ Гавріилъ скончался въ Новгородѣ 26 января

1801 года, и погребенъ въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ. Въ собраніи россійской академіи 16 февраля 1801 года возвѣщено было «о кончинѣ первенствующаго и достойнѣйшаго академіи члена, митрополита Гавріила, который въ бытность свою въ С.Петербургѣ никогда не оставлялъ вспомоществовать, по отличному знанію языка отечественнаго, полезными своими совѣтами въ общихъ академіи трудахъ и упражненіяхъ, и когда душевныя качества и добродѣтели не токмо у тѣхъ, которые лично его знали, но и у потомковъ останутся незабвенны» [168]).

Память о трудахъ и заслугахъ Гавріила неизмѣнно хранилась въ россійской академіи. Дорожа воспоминаніемъ о своемъ первенствующемъ членѣ, академія постановила «украсить» его портретомъ залу академическихъ засѣданій. Еще въ 1804 положено было заказать живописцу Попову «живописныя изображенія членовъ академіи, трудами своими въ пользу россійскаго языка отличившихся и другихъ, особеннымъ знаніемъ и сочиненіями въ россійской словесности знаменитыхъ особъ», и въ числѣ ихъ портреты Кантемира, Ломоносова и Гавріила. Но эта мысль приведена въ исполненіе только въ 1808 году и другимъ художникомъ. Въ засѣданіи 29 августа 1808 года было заявлено, что живописецъ П. Алькининъ представилъ въ академію портреты трехъ старѣйшихъ ея членовъ: митрополита Гавріила, Лепехина и Озерецковскаго [169]).

Литературнымъ выраженіемъ сочувствія Гавріилу въ послѣдующихъ поколѣніяхъ академиковъ служитъ жизнеописаніе Гавріила, помѣщенное В. А. Полѣновымъ въ первомъ выпускѣ Трудовъ россійской академіи, вышедшемъ въ 1840 году. По плану этого изданія, одинъ изъ главныхъ отдѣловъ его должны были составлять жизнеописанія членовъ россійской академіи и извѣстнѣйшихъ отечественныхъ писателей, и первая біографія, появившаяся на страницахъ академическаго изданія, была біографія митрополита Гавріила.

Весьма усердными вкладчиками въ общій академическій трудъ были лица духовныя, составлявшія четвертую долю всего числа академиковъ: изъ общаго числа 78 членовъ россійской академіи 19 принадлежали къ духовному сословію. Къ чести нашего духовенства надобно сказать, что изъ среды его являлось много дѣльныхъ тружениковъ въ различныхъ ученыхъ обществахъ. Когда вольное россійское собраніе задумало собирать областныя слова и письменные памятники древности и старины, оно обратилось къ содѣйствію духовенства: «писаны были ко всѣмъ архіереямъ россійскимъ и къ другимъ духовнымъ особамъ письма о сообщеніи собранію рѣдкихъ словъ, въ ихъ вѣдомствахъ употребительныхъ, а въ Москвѣ мало извѣстныхъ, такожъ лѣтописей и другихъ извѣстій историческихъ; почему отъ многихъ изъ оныхъ таковыя сообщенія и получены» [170]). Подобно вольному россійскому собранію, и родственная съ нимъ по цѣлямъ и стремленіямъ россійская академія искала въ средѣ духовенства знатоковъ дѣла и надежныхъ исполнителей задуманнаго научнаго труда. При выборѣ духовныхъ лицъ академія имѣла въ виду не только почтить заслуги, оказанныя русской литературѣ и духовному краснорѣчію, но въ большинствѣ случаевъ главнымъ образомъ — пріобрѣсти въ новыхъ членахъ дѣйствительныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ. Съ этою цѣлью выбрано нѣсколько духовныхъ лицъ въ самую горячую пору, когда приступлено было къ составленію словаря, а многіе изъ членовъ отказались отъ участія въ трудѣ подъ разными предлогами, кто по служебнымъ обязанностямъ, кто по другимъ какимъ-либо обстоятельствамъ. Благодаря содѣйствію духовныхъ членовъ произошло то, что академія, по свидѣтельству протоколовъ и отчета, могла во время «приступить къ главному своему предмету, т. е. къ сочиненію словаря съ объясненіемъ словъ, рѣчей, рѣченій и разнаго образа вѣщаній, съ утвержденіемъ точнаго ихъ знаменованія и употребленія какъ въ языкѣ славенскомъ, такъ и россійскомъ» [171]). Нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ принадлежали къ числу наиболѣе ревностныхъ посѣтителей академи-

ческихъ собраній; нерѣдко случалось, что половину, а иногда и болѣе половины присутствующихъ членовъ составляли лица духовнаго сословія.

ДАМАСКИНЪ СЕМЕНОВЪ-РУДНЕВЪ.

Пребываніе въ Геттингенѣ, университетскіе курсы и ученыя занятія.—Произведенія Дамаскина. — Изданіе сочиненій русскихъ писателей. — Библіотека россійская. — Краткое описаніе россійской ученой исторіи. — Избраніе Дамаскина членомъ россійской академіи.

I.

Въ ряду духовныхъ лицъ, вошедшихъ въ составъ россійской академіи, почетное мѣсто занимаетъ епископъ Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ (1737—1795) какъ по его обширной образованности, такъ и по научному характеру его трудовъ и ихъ прямому отношенію къ исторіи русской литературы [172]).

Дамаскинъ, въ мірянахъ Дмитрій, Семеновъ-Рудневъ получилъ образованіе въ московской духовной академіи въ тотъ ея періодъ, который, по словамъ ея историка, отличался преимущественно «характеромъ образованія латинскаго», и сама академія называлась латинскою или славяно-латинскою. По окончаніи курса Семеновъ-Рудневъ опредѣленъ былъ учителемъ риторики и греческаго языка въ крутицкую семинарію. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія правительство сдѣлало распоряженіе, чтобы нѣсколько человѣкъ изъ наиболѣе даровитыхъ и наиболѣе подготовленныхъ семинаристовъ отправлены были заграницу для довершенія своего образованія. Возрастъ для избираемыхъ опредѣленъ былъ отъ 16 до 18 лѣтъ, и только въ томъ случаѣ, когда «усмотрится особливая острота и къ наукамъ охота», дозволялось выбирать и двадцатилѣтнихъ. Семенову-Рудневу было въ то время уже около 30 лѣтъ, но онъ выразилъ горячее желаніе снова сѣсть на школьную скамью, и съ великою охотою вызвался быть инспекторомъ при молодыхъ людяхъ, отправляемыхъ за

границу, и вмѣстѣ съ ними слушать лекціи у иностранныхъ профессоровъ. Увлекаемый любознательностью Семеновъ-Рудневъ втеченіе своего долгаго пребыванія въ Геттингенѣ весь погруженъ былъ въ научныя занятія и изысканія, работалъ подъ руководствомъ тогдашнихъ знаменитостей, посѣщалъ спеціальные курсы и ученыя собранія университета и историческаго общества, являясь туда не съ пустыми руками, а съ запасомъ данныхъ, добытыхъ внимательнымъ и добросовѣстнымъ изученіемъ.

Геттингенскій университетъ, основанный въ 1734 году, возникъ при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, что съ самаго начала своего существованія занялъ не только видное, но и блестящее положеніе въ ряду нѣмецкихъ университетовъ. Владѣтель Ганновера, англійскій король Георгъ II ознаменовалъ свою горячую любовь къ родному краю учрежденіемъ въ немъ университета. Честь осуществленія прекрасной мысли Георга II принадлежитъ ганноверскому министру Мюнхгаузену. Сознавая всю важность учрежденія университета, видя въ немъ притягательную силу какъ для умственнаго, такъ и для матеріальнаго богатства, король и его министръ не щадили ничего, чтобы придать и внутреннее достоинство и наружный блескъ новому разсаднику высшей образованности. Какъ только разнеслась вѣсть о предпріятіи, задуманномъ Георгомъ II, стали высказываться различныя предположенія, совѣты и надежды. Одни желали бы дать преобладаніе факультету богословскому, другіе — философскому, третьи — юридическому, утверждая, что одинъ графъ или баронъ между юристами выгоднѣе для мѣстныхъ жителей, чѣмъ цѣлая сотня бѣдныхъ теологовъ, и т. п. Но не смотря на всѣ толки и совѣты, болѣе или менѣе пристрастные, на всѣ приманки тщеславія и матеріальныхъ выгодъ, въ основу университета положено вѣрное и разумное начало, чуждое односторонности и мелкихъ разсчетовъ. Учредители старались создать прочное и дѣйствительно полезное учрежденіе для развитія образованности въ краѣ и приготовленія просвѣщенныхъ дѣятелей по всѣмъ отрас-

лямъ государственной жизни. Одну изъ самыхъ яркихъ, существенныхъ и дорогихъ особенностей новаго университета составляла свобода преподаванія: каждый профессоръ воленъ былъ преподавать свой предметъ въ томъ духѣ и объемѣ, въ какомъ признавалъ необходимымъ по своему убѣжденію; ничье постороннее вмѣшательство не прерывало нити преподаванія; никакія цензурныя преслѣдованія не стѣсняли учено-литературной дѣятельности профессоровъ. Зато и дѣятельность эта достигла такихъ размѣровъ, что ея неистощимая плодовитость вошла въ пословицу; однихъ учебниковъ по разнымъ предметамъ явилось несмѣтное количество, и втеченіе весьма долгаго времени они пользовались общимъ уваженіемъ и служили руководствами не только въ геттингенскомъ, но и во всѣхъ другихъ нѣмецкихъ университетахъ. Съ водвореніемъ въ геттингенскомъ университетѣ духа терпимости и научной равноправности между всѣми отраслями знаній, университетская наука впервые въ Германіи освобождена была отъ преобладающаго вліянія и надзора со стороны богословскаго факультета. Быть можетъ въ связи съ этою особенностью находится то обстоятельство, что русскій питомецъ геттингенскаго университета, усвоившій себѣ до нѣкоторой степени его духъ и направленіе, отличался независимостью въ сужденіяхъ своихъ о предметахъ, касающихся церкви и духовенства: Семеновъ-Рудневъ, и по вступленіи своемъ въ духовное званіе, не стѣснялся высказывать горькія истины въ отношеніи какъ католическаго, такъ и православнаго духовенства, преимущественно византійскаго, отчасти также и русскаго.

Семеновъ-Рудневъ провелъ въ Геттингенѣ болѣе шести лѣтъ, съ 1766 до конца 1772 года. Въ то время геттингенскій университетъ гордился именами Гаттерера, Ахенваля, Гейне, Михаелиса и другихъ ученыхъ [178]). Въ біографической запискѣ, помѣщенной въ древней россійской вивліоѳикѣ, сказано, что Семеновъ-Рудневъ «имѣлъ счастіе посланъ быть въ Германію въ геттингской университетъ, гдѣ у тамошнихъ профессоровъ не только повторилъ тѣ языки и науки, коимъ обучался въ москов-

ской академіи, и еще сверхъ оныхъ обучился нѣмецкому и французскому языку, слушавъ толкованіе библіи ветхаго завѣта на еврейскомъ, а новаго на греческомъ языкѣ; упражнялся въ краткой богословіи какъ догматической, такъ и нравоучительной, въ церковной исторіи, въ експериментальной физикѣ, въ универсальной и европейской исторіи, въ статистикѣ и въ первыхъ частяхъ математики»[174]). Въ свѣдѣніяхъ, представленныхъ св. синоду, Семеновъ-Рудневъ говоритъ слѣдующее о своихъ занятіяхъ въ геттингенскомъ университетѣ:

«Отправившись я въ 1766 году іюня 7 дня изъ С. Петербурга въ геттингской университетъ инспекторомъ съ посланными туда четырьмя студентами для обученія разнымъ языкамъ и наукамъ, находился съ ними въ ономъ по окончаніи 1772 года. Гдѣ шесть лѣтъ я бывши, кромѣ того, что здѣсь въ Россіи по латыни и гречески уже зналъ, изъ наукъ: риторику, философію, теоретическую физику и богословію по обыкновенному у насъ методу выслушалъ, обучался еще —

изъ языковъ:

1) *Нѣмецкому* — изъ лекцій профессорскихъ и обхожденія.

2) *Французскому* — у профессора французскаго языка *Колона дю Клоса* и у шпрахмейстеровъ.

3) *Еврейскому* — у надворнаго совѣтника и восточныхъ языковъ профессора *Михаелиса*, выслушавъ на сей конецъ у него еврейскую грамматику, толкованіе псалмовъ Давыдовыхъ, притчей Соломоновыхъ, Іова, Судей, Исаіи пророка и бытія Моисеева, — съ еврейскаго языка.

4) *Греческому* — у тогожъ профессора *Михаелиса*, когда онъ толковалъ притчи Соломоновы по переводу седмидесять толковниковъ; посланіе къ Римляномъ; оба посланія къ Коринѳяномъ; три первые евангелиста и дѣянія апостольскія, — съ греческаго подлинника.

5) *Латинскому* — у профессора краснорѣчія *Гейне*, слушая у него толкованіе Гораціевыхъ одъ, Цицероновыхъ книгъ

о должностяхъ и о законахъ, лекціи литеральныя и критическія на классическихъ авторовъ.

Изъ наукъ:

1) *Географіи* — у профессора *Муррая*, по *Бишингову* сокращенію — полгода.

2) *Исторіи универсальной* — у надворнаго совѣтника и исторіи профессора *Гаттерера, по собственному его сокращенію*, — цѣлый годъ.

3) *Дипломатикѣ* — у тогожъ профессора *Гаттерера, по его сокращенію*, — полгода.

4) *Исторіи европейской* — у профессора *Муррая, по сокращенію Ахенвалову*, — полгода.

5) *Исторіи литеральной*, или о свѣдѣніи знатнѣйшихъ книгъ — у профессора *Гамбергера*, въ геттингской библіотекѣ, — полгода.

6) *Философіи*, то есть введенію во всю философскую исторію, логикѣ и метафизикѣ, — у профессора *Гольмана, по его системѣ и сокращенію*, — цѣлый годъ.

7) *Физикѣ експериментальной* — у тогожъ профессора *Гольмана, по собственному его сокращенію*, — цѣлый годъ.

8) *Философіи практической и моральной* — у профессора *Федера, по собственному его сокращенію*, — полгода.

9) *Праву естественному и народному* — у профессора *Ахенваля, по его сокращенію*, — полгода.

10) *Статистикѣ*, или наукѣ о состояніи европейскихъ государствъ, — у тогожъ *Ахенваля, по собственной его книгѣ*, — полгода.

11) *Математикѣ чистой* — у профессора *Мейстера*, по *сокращенію Вендлерову*, — полгода.

12) *Прикладной математикѣ* — у профессора *Бекмана, по сокращенію Кестнерову*, — полгода.

13) *Экономіи сельской* — у профессора *Бекмана, по собственному его сочиненію*, — полгода.

Что касается до математики и экономіи, то я слушалъ сіи науки для общаго только о нихъ понятія, а особливо къ нимъ прилежать я не имѣлъ времени.

14) Богословію, т. е. *догматикѣ богословской* — у доктора и профессора *Лесса* — по *сокращенію Геиманову*, — цѣлый годъ.

15) Морали или *нравоученію богословскому* — у тогожъ доктора *Лесса*, по *его сокращенію*, — полгода.

16) Доказательствамъ *о истинѣ христіанской религіи* — у тогожъ *Лесса*, по *книгѣ имъ сочиненной*.

17) *Исторіи церковной* — у доктора и профессора *Вальха*, — цѣлый годъ, по *его собственному сокращенію*» [175]).

Профессоръ исторіи Гаттереръ (1727—1799) въ изложеніи своего предмета не ограничивался одними политическими событіями, но обращалъ вниманіе и на внутреннюю жизнь народа, на судьбу религіи и образованности. Гаттереръ былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ ученыхъ писателей: имъ напечатано болѣе ста сочиненій, преимущественно по исторіи, а также по дипломатикѣ, геральдикѣ, нумизматикѣ, генеалогіи, хронологіи, географіи, литературѣ, философіи и даже физикѣ. Сверхъ того въ рукописяхъ его найдено довольно много совершенно оконченныхъ имъ сочиненій по разнымъ предметамъ [176]).

Гаттереръ выражалъ твердую надежду, что труды Семенова-Руднева будутъ способствовать развитію русской дипломатики, и свидѣтельствовалъ о его учености, историческихъ познаніяхъ и праводушіи (rechtschaffenes herz). Приводимъ отзывъ Гаттерера въ современномъ подлиннику русскомъ переводѣ. «По справедливости сказать,—замѣчаетъ Гаттереръ—г. Семеновъ не имѣлъ бы нужды ни въ какомъ аттестатѣ. Его ученость, его хорошій характеръ, его добрые нравы, служатъ ему больше, нежели всѣ посторонніе аттестаты. Всегда смотрѣлъ я съ сердечнымъ увлеченіемъ на его прилежность въ предлагаемой мною универсальной исторіи и дипломатикѣ. Также и когда онъ меня особливо посѣщалъ, что мнѣ всегда весьма пріятно было, и чрезъ цѣлый полгодъ, какъ онъ въ моемъ домѣ жилъ, спознаѣлъ я еще лучше его

праводушное сердце и чрезвычайную ревность къ отчасу большему распространенію своего къ намъ съ собою уже изъ С. Петербурга привезеннаго знанія. *Во время частаго съ нимъ обхожденія имѣлъ я случай и самъ отъ него успѣть во многомъ, а наипаче въ знаніи россійскаго языка, въ которомъ я подъ его предводительствомъ нѣсколько времени упражнялся.* Наконецъ искусствомъ его въ исторіи и королевскій историческій институтъ возбужденъ принять его въ число своихъ корреспондентовъ». По просьбѣ Гаттерера Семеновъ-Рудневъ перевелъ на нѣмецкій языкъ древнѣйшую часть несторовой лѣтописи, отъ начала ея до извѣстій о Константинѣ и Меѳодіи, пользуясь главнымъ образомъ радзивиловскимъ спискомъ и приводя варіанты изъ списка никоновскаго [177]).

Имя Михаэлиса (1717 — 1791) было однимъ изъ громкихъ именъ въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ. По случайному совпаденію обстоятельствъ филологическая метода Михаэлиса примѣнена была къ русскому языку въ одномъ изъ первыхъ опытовъ научнаго сравненія его съ другими языками. Михаэлисъ утверждалъ, что если какое-либо слово встрѣчается въ еврейскомъ текстѣ изрѣдка или только однажды, то объясненія загадочному слову надо искать въ другихъ языкахъ; основою для сравненія служило ему сходство корней какъ по звуку, такъ и по смыслу. При помощи этой методы ученикъ Михаэлила Шлецеръ находилъ сходство въ словахъ: *ночь*, *nox*, *nacht*, *notte; in-venio* и *на-ити; мил* и *mild;* милости *вѣйшій* и clement*issimus*, и т. д. Печатаніе русской грамматики Шлецера задержано было, по свидѣтельству автора, вслѣдствіе того, что онъ доказывалъ, по методѣ Михаэлиса, возможность перехода словъ въ разныхъ языкахъ отъ одного смысла къ другому, и на этомъ основаніи сближалъ слово: *князь* съ нѣмецкимъ словомъ *knecht* въ его старинномъ значеніи: des heil. reichs knecht; англійск: knight baronet, и т. д. [178]).

Подобно Гаттереру и Михаэлисъ заявилъ, что Семеновъ-Рудневъ не только усердно посѣщалъ его лекціи, но работалъ

самостоятельно, и много содѣйствовалъ критическому объясненію библейскихъ книгъ посредствомъ сравненія греческаго текста съ русскимъ переводомъ. Семеновъ-Рудневъ слушалъ у Михаэлиса еврейскую грамматику, начала арабскаго языка, объясненіе книгъ св. писанія еврейскихъ и греческихъ. «Не хочу я — говоритъ Михаэлисъ — безъ почтенія достойнаго напамянутія (sine honorifica mentione), пропустить, что когда я переводъ притчей греческій толковалъ, то Дмитрій Семеновъ, снося русской библіи переводъ, который съ седмидесяти толковниковъ сдѣланъ, съ помянутымъ греческимъ переводомъ, въ тожъ самое время многія, знанія достойныя и къ критическому перевода седмидесятъ толковниковъ свѣдѣнію надлежащія, наблюденія съ похвальнымъ остроуміемъ и прилежаніемъ чинилъ»[179]).

Философію въ геттингенскомъ университетѣ читалъ профессоръ Федеръ (1740—1821), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ свое время представителей такъ называемой популярной философіи. Въ лекціяхъ своихъ по различнымъ отраслямъ философіи онъ затрогивалъ многіе вопросы, относящіеся къ области религіи, нравственности, политическаго устройства обществъ, и т. п. Религію онъ считалъ основаніемъ и могущественнымъ двигателемъ добродѣтели; допуская стремленіе къ добру и въ душѣ людей, совершенно чуждыхъ религіи, и возможность добродѣтели, основанной на однихъ соображеніяхъ благоразумія, онъ утверждалъ, что высота нравственнаго совершенства недостижима безъ религіи, которая своею благотворною силою удерживаетъ отъ зла, и укрѣпляетъ и возвышаетъ тѣ начала добра, слѣдовать которымъ призываетъ человѣка его разумъ. Всѣ люди равны между собою, и равны въ особенности потому, что никто не имѣетъ права никого сдѣлать своимъ рабомъ. Основное начало нравственности заключается въ словахъ: не дѣлай другому того, чего не желаешь, чтобы онъ тебѣ сдѣлалъ. Что бы ни толковали о началѣ обществъ, — говоритъ Федеръ — во всякомъ случаѣ вѣрно то, что они образовались не такъ методически, какъ представляется это въ системахъ философовъ. Не только вѣроятно,

но и положительно подтверждается исторіею, что часто, уступая грубой силѣ, свободные люди, семейства и цѣлые народы признавали надъ собою власть завоевателя. Но также извѣстно, что многіе, будучи увлечены и ослѣплены надеждами и заслугами, дѣйствительными или только кажущимися, или же вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, жертвовали своею независимостью для водворенія у себя благоустроеннаго правительства. Весьма трудно рѣшить теоретически, какой формѣ правленія должно отдать преимущество: съ одной стороны наиболѣе совершенною представляется форма монархіи ограниченной, при которой права подданыхъ обезпечены положительными законами; но съ другой стороны можно сказать, что для удержанія правителя отъ противозаконныхъ поступковъ нѣтъ болѣе вѣрнаго средства, какъ предоставить все его неограниченной власти. Выводъ тотъ, что нѣтъ общей нормы и что образъ правленія, какъ и государственное устройство вообще, зависитъ отъ свойствъ и особенностей каждой страны. Правители по отношенію въ подданымъ обязаны постоянно имѣть въ мысляхъ, что подвластные не суть творенія своихъ владыкъ, а что всѣ люди — творенія Божіи, и придетъ время, когда исчезнетъ всякое различіе сословій, и каждому человѣку воздается должное и не по высотѣ его званія, а по его достоинствамъ и по нравственной высотѣ его безсмертнаго духа. Главная обязанность подданныхъ—повиноваться. При исполненіи этой, порою тяжелой, обязанности, надо сдерживать себя мыслію, что управлять государствомъ чрезвычайно трудно, и что порицатели управляли бы имъ еще хуже, если бы въ руки ихъ отдана была власть. Какъ ни дурно какое бы то ни было правительство, но анархія во всякомъ случаѣ хуже; какъ бы ни угнетала страну господствующая правительственная система, долгъ гражданина—подчиняться временному злу, и для избавленія отъ него отнюдь не прибѣгать къ мѣрамъ, которыя нарушили бы общее благо, спокойствіе и безопасность государства, и т. п.

Федеръ знакомилъ слушателей своихъ съ идеями Локка, Юма, Руссо, Монтескье и другихъ представителей литературы

вѣка просвѣщенія. То, что вышло изъ подъ пера главнѣйшихъ поборниковъ свободы мысли и человѣческихъ правъ, оказало свою долю на убѣжденія Федера. Но французская революція сильно на него подѣйствовала, и онъ открылъ особый курсъ, въ которомъ вооружался противъ ученія революціонеровъ, и преимущественно опровергалъ теоретическія заблужденія Руссо. Были у Федера, по его собственному признанію, убѣжденія завѣтныя, которымъ онъ оставался вѣренъ постоянно—во время французской революціи, какъ и прежде и послѣ нея: это—личная свобода человѣка и свобода книгопечатанія. Правда не боится печатнаго слова — говоритъ онъ — и свобода его развиваетъ народное самосознаніе и любовь къ отечеству; самое зло, высказавшись печатно, теряетъ свою силу, открывая возможность противной сторонѣ разоблачить весь его вредъ и всю его несостоятельность, и т. д.[180]).

Содержаніе философскихъ лекцій Федера знакомитъ съ тѣмъ кругомъ понятій, въ которомъ обращалась мысль русскаго ученаго во время его геттингенской жизни. По духу того времени и по господствовавшему тогда направленію русской литературы, Семенову-Рудневу приходилось иногда говорить съ церковной каѳедры о такихъ предметахъ, изложеніе которыхъ входило въ курсъ практической философіи и естественнаго права. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о буквальномъ заимствованіи, и еще менѣе возможно считать Семенова-Руднева послѣдователемъ Федера, у котораго едва ли и могли быть послѣдователи, ибо онъ не обладалъ тою силою, глубиною и оригинальностью мышленія, которая необходима для основателя школы. Федеръ даже не былъ въ строгомъ слыслѣ слова философомъ, хотя его называютъ мыслящею головою по преимуществу, и признаютъ его превосходство надъ современными ему философами-эклектиками, сбиравшими съ міру по ниткѣ для составленія своихъ эфемерныхъ системъ.

Допуская образованіе гражданскихъ обществъ посредствомъ *договора*, Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ такъ объясняетъ цѣль

ихъ и обязанности гражданина: «Хотя свобода или независимость отъ другихъ каждому человѣку по природѣ и первобытному состоянію свойственна, однако благоразумный гражданинъ вѣдаетъ совершенно, что люди, сошедшіеся въ общежительство, добровольно отъ оной отказались, и взаимнымъ отношеніемъ другъ къ другу себя обязали. Для того наблюдаетъ онъ свободу въ благопристойномъ только равенствѣ гражданъ, въ безпрепятственномъ и спокойномъ употребленіи своего имущества, въ свободномъ обращеніи своихъ талантовъ и заслугъ ко всеобщему благоденствію. Кромѣ жъ сего во всемъ прочемъ подвергаетъ себя общественнымъ законамъ. Слѣдовательно, которымъ поручено храненіе сихъ законовъ и правленіе всего общества, отъ тѣхъ зависѣть и имъ повиноваться, почитаетъ онъ за необходимую свою должность; и хотя бы они тиранское надъ обществомъ имѣли правленіе, хотя бы угнетали его и разоряли, то и тогда не находитъ онъ права возставать противъ своихъ властей. Понеже спокойное и безмятежное состояніе общества почитаетъ онъ гораздо большимъ добромъ, нежели междоусобную брань. Для того ненавидитъ онъ крайне общественныхъ мятежей, и, яко зловреднѣйшихъ, не только самъ уклоняется, но и другимъ, которые о томъ помышлять начинаютъ, всегда отсовѣтываетъ.... О сладчайшее имя: спокойствіе! для него сошлися мы въ общежитіе; для него взяли мы на себя взаимныя обязательства, чтобъ помогать другъ другу; для него утвердили себя взаимными правами, оградили себя законами; для него подвергли мы себя добровольному правленію другихъ нашихъ согражданъ; для него должны и они съ своей стороны хранить тѣже обязательства и права.... Дѣлай другимъ то, чего желаешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали. Сей внутренній гласъ Божій, сей естественный и каждому человѣку врожденный законъ подаетъ основаніе всѣмъ должностямъ, какія мы въ разсужденіи другихъ исправлять обязаны, и есть источникомъ всего нашего блаженства. Ибо на который мы конецъ и въ общежитіе сошлися, какъ не на тотъ, чтобы другъ другу помогали».

Противъ Руссо направлено слѣдующее мѣсто въ проповѣди Дамаскина о чаяніи будущей жизни: «Коль жалко первое вступленіе человѣка въ свѣтъ, и коль бѣдно проводитъ онъ первыя свои лѣта! Ежели бы оставить его въ семъ состояніи безъ всякаго призрѣнія и помощи на произволъ натурѣ, какъ нѣкоторые нынѣшняго свѣта мудрецы сего хотятъ, что̀, говорю, было бы изъ него? Они учатъ: пусти человѣка на свой произволъ, собственный де опытъ всему его научитъ. О какъ безчеловѣчны сіи мудрецы! надѣются ли они, чтобъ человѣкъ взросъ самъ собою? я не надѣюсь; но пускай бы взросъ, только имѣлъ ли бы онъ хоть видъ человѣческій? Можетъ быть походилъ бы онъ нѣсколько на человѣка; но подлиннымъ и совершеннымъ человѣкомъ назвать бы его нельзя было, какъ то̀ доказываютъ очевидные примѣры между звѣрьми воспитанныхъ людей. А сіе все не убѣждаетъ ли насъ признать ту истину, что человѣкъ требуетъ великаго попеченія, чтобъ одѣлаться человѣкомъ?» [181]).

Профессоръ *Гамбергеръ* (1726—1773) излагалъ исторію литературы или «литеральную исторію», какъ называлъ ее Семеновъ-Рудневъ, и библіографію. Въ лекціяхъ своихъ Гамбергеръ знакомилъ слушателей съ судьбою наукъ и изящныхъ искусствъ, съ ихъ постепеннымъ видоизмѣненіемъ и усовершенствованіемъ, и сообщалъ свѣдѣнія о рѣдкихъ книгахъ, а также біографическія извѣстія объ ученыхъ. Изъ сочиненій его особенную цѣну въ библіографическомъ отношеніи придаютъ труду, вышедшему подъ названіемъ «обстоятельныя извѣстія о главнѣйшихъ писателяхъ отъ начала міра до 1500 года» [182]).

Библіографія была однимъ изъ любимыхъ предметовъ занятій Семенова-Руднева, доказательствомъ чему служитъ его превосходный трудъ, заключающій въ себѣ обзоръ литературной производительности въ Россіи отъ начала книгопечатанія до исхода восьмнадцатаго столѣтія. Сверхъ того, въ біографической, и по всей вѣроятности, автобіографической, запискѣ Семенова-Руднева замѣчено, что онъ «будучи въ московской академіи, всю академическую библіотеку, бывшую тогда въ безпорядкѣ, при-

велъ въ порядокъ, соображаясь иностранныхъ библіотекъ примѣру, и сочинилъ обстоятельный онымъ книгамъ каталогъ»[183]).

Внимательнымъ слушаніемъ разнообразныхъ курсовъ и спеціальными занятіями подъ руководствомъ профессоровъ не исчерпывался кругъ научной дѣятельности русскаго ученаго. Онъ работалъ самостоятельно надъ вопросами, всего болѣе привлекавшими его любознательность и по самому своему свойству и по отношенію къ Россіи. Сознавая, что исторія Россіи нуждается въ научной разработкѣ, Семеновъ-Рудневъ занимался изученіемъ источниковъ и литературы русской исторіи. «Въ послѣднемъ году передъ выѣздомъ изъ университета — говоритъ Семеновъ-Рудневъ — упражнялся я по большей части въ россійской исторіи, пріискавъ, а многихъ и перечитавъ, авкторовъ до россійской исторіи надлежащихъ, какъ иностранныхъ: на нѣмецкомъ, французскомъ, аглинскомъ и латинскомъ языкахъ, такъ и на русскомъ, о свѣдѣніи коихъ почти совсѣмъ готова уже у меня и книжка, которую я со временемъ выдать въ свѣтъ намѣренъ»[184]).

Историческія занятія Семенова-Руднева обратили на него вниманіе ученыхъ, почтившихъ его избраніемъ въ члены геттингенскаго института историческихъ наукъ.

По мысли Гаттерера образовалось въ Геттингенѣ ученое общество для разработки исторіи и родственныхъ ей наукъ: географіи, нумизматики, и т. д., получившее названіе «историческаго института» или «института историческихъ наукъ». Поводомъ къ этому учрежденію послужило тогдашнее состояніе нѣмецкой исторіографіи, сравнительно весьма незавидное. Между тѣмъ какъ въ изложеніи другихъ отраслей знаній обнаруживалось присутствіе новаго, живаго начала, историческое искусство было невѣдомо въ Германіи, а потому на знатокахъ и любителяхъ исторіи лежала, по мнѣнію Гаттерера, обязанность позаботиться о развитіи историческаго вкуса, о введеніи въ исторію художественнаго начала. Въ литературномъ органѣ историческаго института—въ журналѣ, издаваемомъ его членами, помѣщались статьи о задачахъ исторіографіи, а въ рецензіяхъ, изъ которыхъ пре-

имущественно и состояло изданіе, книги разсматривались какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны изящества въ изложеніи. Впослѣдствіи Гаттереръ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на историографію, и главнымъ требованіемъ ея признавалъ чистую истину фактовъ, называя изящную оболочку желательною, но не существенною придачею. Времена измѣнились,—замѣчаетъ Гаттереръ — наползли насѣкомыя, появились ходульные Юмики, Робертсоники, Волтерики, считающіе безцвѣтнымъ все то, что основательно, и готовые издѣваться надъ Ксенофонтомъ и Тацитомъ, обзывая ихъ сухими и вялыми историками, и т. п.

Журналъ историческаго института издавался около пятнадцати лѣтъ, втеченіе которыхъ вышло тридцать двѣ книжки. Содержаніе журнала почти исключительно библіографическое; книги разсматриваются по спеціальностямъ и по народамъ. Много есть извѣстій, относящихся къ русской исторической литературѣ: сообщаются свѣдѣнія объ исторіи Ломоносова, объ исторіи Татищева, о запискахъ Манштейна; весьма подробно говорится о никоновской лѣтописи, и т. п. Въ ряду писемъ изъ Петербурга, появлявшихся въ значительномъ количествѣ на страницахъ геттингенскаго журнала, замѣчательно обширное письмо, въ которомъ помѣщена рѣчь Миллера о происхожденіи русскаго народа, надѣлавшая въ свое время столько шума въ петербургскомъ обществѣ. Авторъ письма смѣется надъ заблужденіемъ иностранцевъ, полагающихъ, что русскіе дѣлаютъ изъ отечественной исторіи государственную тайну, и утверждаетъ, что въ Екатерининскія времена свобода думать и писать господствуетъ въ Петербургѣ въ такой же степени, какъ и въ Лондонѣ, Берлинѣ и Геттингенѣ. Вопросъ, затронутый Миллеромъ, — продолжаетъ авторъ письма — давно уже разсмотрѣнъ съ той же точки зрѣнія Байеромъ, и мемуаръ его напечатанъ; но иное дѣло ученый мемуаръ, а иное — торжественная рѣчь въ день тезоименитства: всѣмъ извѣстно, что Францискъ I взятъ въ плѣнъ при Павіи, и объ этомъ свободно говорится и печатается въ Парижѣ; но что сказали бы, если бы парижская академія избрала это событіе

темою для торжественной рѣчи въ день рожденія Людовика XV?, и т. д. [185]).

Членами историческаго института были преимущественно профессора геттингенскаго университета. Въ трудахъ и засѣданіяхъ института участвовали также и студенты, имѣвшіе право быть избранными въ пріобщники (beisitzer) или экстраординарные члены. Въ дипломѣ, выданномъ Семенову-Рудневу за подписью трехъ лицъ: президента, директора и непремѣннаго секретаря института, сказано, что ученое собраніе «пріобщило къ числу своихъ корреспондентовъ или внѣрядовыхъ членовъ презнатнаго и преученаго мужа, Димитрія Семенова, россіянина, человѣка въ разныхъ наукахъ, а наипаче въ историческихъ, хорошее свѣдѣніе имѣющаго» [186]).

Въ собраніи геттингенскаго историческаго института Семеновъ-Рудневъ прочелъ свое разсужденіе: «о слѣдахъ славенскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ». Сочиненіе это не появлялось въ печати, и всѣ попытки разыскать его оказываются напрасными; въ самомъ Геттингенѣ ничего неизвѣстно о томъ, что сталось съ рукописями института, давнымъ давно прекратившаго свое существованіе [187]).

Университетская жизнь того времени, нравы и обычаи геттингенскихъ студентовъ не мало содѣйствовали той доброй славѣ, которая утвердилась за университетомъ со времени его основанія. Всякое уклоненіе отъ требованій нравственности, всякій поступокъ несогласный съ достоинствомъ ученой корпораціи строго преслѣдовался уставомъ и отдѣльными законоположеніями. Участникамъ въ дуэляхъ грозило безпощадное наказаніе: за поединокъ, неповлекшій за собою смерти кого-либо изъ противниковъ, виновные осуждаемы были на крѣпостныя работы или на четырехлѣтнее тюремное заключеніе; если же послѣдовала смерть, то убившій на поединкѣ подвергался смертной казни, и т. п. Главнѣйшимъ условіемъ пребыванія въ университетѣ поставлялось прилежаніе, любовь къ труду и научнымъ занятіямъ. Члены ученаго сословія съ гордостью говорили, что

трудолюбіе и прилежаніе составляютъ отличительную черту геттингенскихъ профессоровъ и студентовъ. Дорожа этимъ отличіемъ, университетъ не терпѣлъ въ средѣ учащейся молодежи такихъ лицъ, о которыхъ было доказано, что они не посѣщаютъ лекцій, не пользуются библіотекой и не занимаются въ находящихся при университетѣ научныхъ учрежденіяхъ. По какому бы поводу студентъ ни являлся передъ университетскимъ судомъ, первый вопросъ былъ о степени прилежанія, и если оказывалось, что подсудимый не отличался прилежаніемъ, то это неизбѣжно вело къ большей мѣрѣ наказанія, а иногда даже и къ удаленію изъ университета [188]).

Находясь въ средѣ геттингенскихъ студентовъ, Семеновъ-Рудневъ умѣлъ заслужить общее уваженіе своимъ трудолюбіемъ и прилежаніемъ, какъ и своимъ образомъ жизни вообще. Мы привели уже сочувственный отзывъ Гаттерера о нравственныхъ свойствахъ Семенова-Руднева; тоже подтверждаютъ и профессоръ Муррай (Johann Philipp Murray), надзору котораго ввѣрены были русскіе студенты, и профессоръ Питтеръ. По свидѣтельству Муррая, Семеновъ-Рудневъ своимъ примѣрнымъ поведеніемъ дѣлаетъ истинную честь геттингенскому университету. Проректоръ Питтеръ удостовѣрялъ, что Семеновъ-Рудневъ жилъ въ Геттингенѣ такъ «честно и препохвально, что всѣмъ добрымъ былъ пріятенъ, и никому никакой досады не учинилъ».

По возвращеніи изъ Геттингена въ Петербургъ Семеновъ-Рудневъ и студенты, бывшіе подъ его надзоромъ, должны были явиться на экзаменъ въ присутствіи членовъ св. синода. Для производства экзамена академія наукъ назначила академиковъ: Крафта и Лаксмана, инспектора академической гимназіи Бакмейстера и конректора Штриттера. Испытаніе «съ довольною экзаминующихъ строгостію» происходило изъ слѣдующихъ предметовъ: изъ философіи, математики, исторіи, физики, химіи, естественной исторіи, и изъ языковъ: латинскаго, греческаго, еврейскаго, нѣмецкаго и французскаго. Испытательная коммиссія нашла, что Семеновъ-Рудневъ оказалъ совершенное искусство въ язы-

кахъ: греческомъ, еврейскомъ и особенно латинскомъ, а языки нѣмецкій и французскій «хотя не произношеніемъ, однакожъ разумѣніемъ силы ихъ» усвоены имъ до такой степени, что могутъ служить ему несомнѣннымъ орудіемъ для достиженія глубокихъ научныхъ свѣдѣній; въ однихъ наукахъ онъ имѣетъ совершенное понятіе, а въ другихъ и довольное искусство, а сверхъ того обнаружилъ намѣреніе написать русскую исторію съ цѣлью опровергнуть многія невѣрныя извѣстія о Россіи, встрѣчающіяся въ иностранныхъ сочиненіяхъ на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Коммиссія удостоила Семенова-Руднева званія профессора словесныхъ наукъ и церковной исторіи. Но положеніе его было крайне стѣснительно: не имѣя никакихъ средствъ, онъ оставался безъ одежды и безъ дневнаго пропитанія. Желая удержать Семенова-Руднева на ученомъ поприщѣ, св. синодъ ходатайствовалъ о назначеніи ему опредѣленнаго жалованья до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ призванъ на каѳедру богословскаго факультета, который предполагали открыть въ Москвѣ. Но мысль объ учрежденіи богословскаго факультета не осуществилась, и Семеновъ-Рудневъ назначенъ былъ профессоромъ философіи въ славяно-греко-латинскую академію. По вступленіи въ монашество онъ былъ ректоромъ академіи, а впослѣдствіи возведенъ въ санъ епископа въ сѣвскую епархію; оттуда переведенъ въ епархію нижегородскую, которою управлялъ втеченіе десяти лѣтъ. Въ началѣ 1794 года Дамаскинъ удалился на покой въ московскій покровскій монастырь, гдѣ и оставался до самой кончины своей, послѣдовавшей въ декабрѣ 1795 года.

II.

Памятниками литературной дѣятельности Дамаскина Семенова-Руднева служатъ: поученія, произнесенныя имъ въ разное время по различному поводу; изданіе произведеній отечественныхъ писателей и обширный библіографическій трудъ по русской литературѣ.

Рядъ поученій Дамаскина начинается со времени вступленія

его въ духовное званіе. Будучи ректоромъ московской академіи, Дамаскинъ, по свидѣтельству біографической записки, «по воскреснымъ днямъ толковалъ священное писаніе въ богословской аудиторіи предъ собраніемъ множества народа». Въ поученіяхъ своихъ Дамаскинъ выражаетъ тѣ идеи и стремленія, указываетъ на тѣ требованія нравственной и разумной жизни, которыя заявляемы были въ сочиненіяхъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей восьмнадцатаго столѣтія. Подобно этимъ писателямъ Дамаскинъ рѣзко осуждаетъ уклоненія отъ нравственнаго достоинства, замѣчаемыя въ русскомъ обществѣ. Темными красками изображаетъ онъ тогдашнее состояніе воспитанія, отданнаго въ руки людей невѣжественныхъ и своекорыстныхъ: съ первыхъ лѣтъ жизни окружаютъ дѣтей раболѣпныя няньки и мамки, угождающія всѣмъ прихотямъ баричей, пріучая ихъ къ своеволію и самоуправству; затѣмъ дѣти поручаются иностранцамъ, незнающимъ ни свойствъ нашего народа, ни обычаевъ нашего отечества, и самоувѣренно толкующимъ о томъ, о чемъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Спасеніе общества заключается въ просвѣщеніи разума и въ развитіи нравственнаго чувства. Истинный гражданинъ — говоритъ нашъ писатель — почитаетъ и любитъ науки какъ «драгоцѣннѣйшій даръ съ небесъ ниспосланный; ему нѣтъ ничего несноснѣе, какъ видѣть свое отечество покрываемое тьмою глубокаго невѣжества и прегрубаго варварства». Гдѣ процвѣтаютъ науки, тамъ не могутъ имѣть мѣста своеволіе, корыстолюбіе, неправосудіе, роскошь и другія «вопль народный исторгающія» явленія; тамъ всѣ слѣдуютъ внушеніямъ здравомыслящаго разума: «всѣ ему одному повинуются, всѣ имъ однимъ управляемы бываютъ». Для водворенія въ общественной жизни началъ истины и добра необходимо, чтобы вожди народа, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, прониклись сознаніемъ лежащихъ на нихъ обязанностей, и чтобы представители власти отказались отъ того кореннаго заблужденія, что невѣжество массъ есть лучшее средство управлять ими. Мысли эти выражены Дамаскинымъ слѣдующимъ образомъ:

«Духовныя особы тогда вспомоществуютъ къ возвышенію общества, когда ни дикости, ни звѣрообразія, ни суевѣрія, ни возмущенія бываютъ непричастны; когда закону учатъ народъ съ кротостію, снисхожденіемъ, долготерпѣніемъ, и хотя находятъ иныхъ правому ихъ ученію противоборствующихъ, однако отвратить ихъ отъ того и къ своему мнѣнію привлещи стараются не строгостію, не тяжкимъ мученіемъ, не изгнаніемъ изъ общества, что уменьшаетъ паче народъ, а не умножаетъ; но съ сожалѣніемъ, но убѣжденіемъ, сильнѣйшими доводами, но оставленіемъ на волю, ежели не убѣдятъ; когда распространенію благочестія и поправленію нравовъ въ народѣ не употребляютъ мечъ тѣлесный, а мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій; когда еще при всемъ томъ и сами между собою согласны и некорыстолюбивы, и другихъ къ согласію и миролюбію пріучаютъ; а отъ корыстолюбія и жадности отводятъ какъ здравымъ ученіемъ, такъ и примѣромъ. Но когда напротивъ того поступаютъ строго и нечеловѣколюбиво; когда вперяютъ въ народъ возмутительныя мысли и звѣрообразные нравы, когда кесарево кесареви, а божіе Богови воздавать не совѣтуютъ: тогда нельзя ожидать отъ нихъ возвышенія народа, но паче пониженія и уменьшенія».

«Но не тогоже ли ожидать надобно и отъ свѣтскихъ властей, ежели они не наблюдаютъ правды? Тогоже всенепремѣнно. Ибо ежели своенравію только угодить, исполнить свои прихоти, пользу свою, а не общую соблюсти стараются; ежели власть свою не къ распространенію общаго блага, но къ возвышенію своея только чести и умноженію своего прибытка употребляютъ; ежели ни обиженному руку помощи не подаютъ, ни обидящаго не укрощаютъ; ежели богатымъ только дѣлаютъ удовольствіе, а на бѣднаго и смотрѣть не хотятъ: то не могутъ оттуду не произойти въ народѣ жалобы, отъ жалобъ ненависти, отъ ненавистей вражда, отъ вражды несогласія, отъ несогласій раздоры, отъ раздоровъ всецѣлое разрушеніе общества».

«Весьма несправедливо и безчеловѣчно нѣкоторые политики умствуютъ, что простаго народа или нижняго состоянія людей

просвѣщать не надобно. Они, де, такъ покорны не будутъ, и управлять, де, ими трудно. Напрасно, говорю, такъ думаютъ. Ибо откуду непокорства нынѣ? откуду бунтъ и мятежи? откуду человѣкоубивства и похищенія чуждыхъ имѣній? Не отъ невѣжества ли и непросвѣщенія? Не отъ остатковъ ли варварства еще дикихъ народовъ? Гдѣ, кто и въ какомъ народѣ когда слыхалъ, чтобы подлинно просвѣщенный человѣкъ былъ мятежникомъ или разбойникомъ и душегубцемъ? Дикій же и въ варварствѣ взросшій человѣкъ, *получа случай къ освобожденію себя отъ утѣсненія*, всегда грубѣйшіе и безчеловѣчнѣйшіе къ тому употребляетъ способы. О коль бы безопасно, *коль бы цвѣтущее было состояніе народовъ, когда бы половина только тѣхъ дарованій, которыя истощены бываютъ ко удержанію въ нихъ невѣжества, скудости и рабства, употреблена была на доставленіе имъ просвѣщенія, достаточнаго пропитанія и благоразумной вольности!*... Не лучше ли управлять такими людьми, которые пріобыкли правильно думать, которые знаютъ различать добро отъ худа, нежели такими, которые, не умѣя бѣлаго отъ чернаго отличить, однимъ только дикимъ и необузданнымъ послѣдуютъ страстямъ? Благоразумнаго и человѣколюбиваго правительства знакъ есть стараться дать пристойное просвѣщеніе и простому народу»[189]).

III.

Русская литература обязана Дамаскину изданіемъ сочиненій Ломоносова, Θеофана Прокоповича и митрополита Платона.

Издавая сочиненія Ломоносова, Дамаскинъ объясняетъ причину своего выбора, и это объясненіе любопытно потому, что показываетъ тогдашнія понятія о свойствахъ и требованіяхъ литературнаго языка. Основываясь на своемъ знакомствѣ съ иностранными литературами и на личныхъ бесѣдахъ съ иностранными учеными, Дамаскинъ утверждаетъ, что самое вѣрное средство для усовершенствованія языка заключается въ изученіи знаменитыхъ отечественныхъ писателей и образцовыхъ

переводовъ съ языковъ греческаго и латинскаго. Исторія европейскихъ литературъ убѣждаетъ въ томъ, что лучшіе писатели различныхъ народовъ: французовъ, нѣмцовъ, англичанъ, итальянцевъ, выработали свой языкъ подъ вліяніемъ образцовъ классическаго міра, примѣняясь къ греческимъ и римскимъ писателямъ и переводя изъ нихъ сколько возможно ближе къ подлиннику и сообразнѣе съ духомъ своего языка. Нашъ языкъ до самаго восьмнадцатаго столѣтія заимствовалъ красоту и богатство преимущественно изъ греческихъ книгъ религіознаго содержанія. Для дальнѣйшаго развитія языка не доставало переводовъ такихъ писателей, какъ Гомеръ, Пиндаръ, Исократъ, Димосѳенъ въ греческой литературѣ, и Цицеронъ, Титъ Ливій, Горацій, Овидій — въ римской. Къ восполненію этого важнаго пробѣла стремилась учрежденная Екатериною коммиссія, издавшая множество переводовъ съ иностранныхъ языковъ. Ею же изданъ и трудъ Дамаскина — переводъ книги «славнаго берлинскаго академика Сульцера: о полезномъ чтеніи древнихъ классическихъ авторовъ». Существенный недостатокъ многихъ изданій коммиссіи заключался, по мнѣнію Дамаскина, въ томъ, что большинство переводчиковъ почти вовсе не были знакомы съ церковными книгами и не слѣдовали тѣмъ изъ русскихъ писателей, сочиненія которыхъ, по суду просвѣщенныхъ людей, представляютъ лучшій образецъ литературнаго языка. Къ числу такихъ писателей безспорно принадлежитъ Ломоносовъ, обогатившій и украсившій русскую рѣчь при помощи основательнаго знанія греческаго, латинскаго и нѣкоторыхъ новыхъ языковъ и посредствомъ внимательнаго чтенія церковныхъ книгъ. Сочиненія Ломоносова издаются съ тою цѣлію, чтобы русскіе писатели и переводчики, а также и учащееся юношество, могли «удобнѣе достать и для подражанія въ правописаніи и красотѣ слога всегда предъ очами имѣть самаго лучшаго россійскаго писателя» [190]).

Изданіе посвящено членамъ вольнаго россійскаго собранія, и вслѣдъ за посвященіемъ напечатано краткое жизнеописаніе Ломоносова. Рядъ сочиненій Ломоносова начинается статьею

о пользѣ книгъ церковныхъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ взгляду издателя на значеніе славянскаго языка для русскаго. Эта статья помѣщена въ видѣ введенія и въ собраніи сочиненій Ломоносова, изданномъ при жизни автора. Дамаскинъ строго держался текста, напечатаннаго подъ личнымъ смотрѣніемъ Ломоносова, и при этомъ пользовался какъ отдѣльно вышедшими сочиненіями, такъ и двумя собраніями ихъ, современными автору. Стихотворенія Ломоносова Дамаскинъ печаталъ по изданію 1751 года, и вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно отмѣчалъ варіанты по изданію 1757 года, въ которомъ многое исправлено самимъ Ломоносовымъ. Стихотворенія размѣщены по тѣмъ же отдѣламъ, что и въ прежнихъ изданіяхъ: оды духовныя, оды торжественныя и похвальныя и надписи; но въ расположеніи пьесъ принятъ хронологическій порядокъ. Ученыя сочиненія Ломоносова, состоящія преимущественно изъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ торжественныхъ собраніяхъ академіи, напечатаны съ латинскимъ переводомъ. Рѣчи о пользѣ химіи и о происхожденіи свѣта помѣщены съ переводомъ Козицкаго, а похвальное слово Елисаветѣ—съ латинскимъ переводомъ самого Ломоносова. Благодаря Дамаскину сохранилось разсужденіе Ломоносова о твердости и жидкости тѣлъ (meditationes de solido et fluido), невошедшее въ другія изданія. «Странная участь постигла это произведеніе, — говоритъ Пекарскій — его забыли внесть въ наиболѣе распространенныя изданія собраній сочиненій, такъ что оно было потомъ перепечатано только одинъ разъ въ изданіи 1778 года, приготовленномъ Дамаскиномъ и которое нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость. Неудивительно поэтому, что о разсужденіи Ломоносова касательно твердости и жидкости тѣлъ не встрѣчается упоминанія ни въ одномъ отзывѣ позднѣйшихъ русскихъ ученыхъ». Здѣсь Ломоносовъ отвергаетъ существованіе притягательной силы, говоря, что ея не принималъ при жизни и самъ Ньютонъ, и что только по смерти своей онъ явился невольнымъ представителемъ этой силы вслѣдствіе излишняго усердія своихъ послѣдователей [191]). Сочиненіе Ломоносова: «явленіе Венеры на солнцѣ» издано въ подлинникѣ и въ нѣмецкомъ

переводѣ; похвальное слово Петру Великому — въ подлинникѣ и во французскомъ переводѣ барона Чуди, исполненномъ весьма плохо и вопреки желанію автора [192]). Мѣста, приводимыя въ риторикѣ Ломоносова изъ древнихъ писателей: Цицерона, Еліана, Курція, Амміана, Горація, Виргилія, Овидія, Марціала, Сенеки и Лукіана напечатаны у Дамаскина съ латинскимъ текстомъ, а отрывокъ изъ Иліады Гомера — съ греческимъ.

Собирая матеріалы для своего труда, Дамаскинъ обращался, кромѣ главныхъ источниковъ, и къ періодическимъ изданіямъ, современнымъ Ломоносову, и къ словарю Новикова, откуда заимствовалъ и біографію Ломоносова. Она перепечатана Дамаскиномъ безъ всякихъ измѣненій и даже безъ поправки, сдѣланной самимъ Новиковымъ касательно автора надписи къ портрету Ломоносова, приложенной вмѣстѣ съ портретомъ и къ изданію Дамаскина, которое, какъ и прежнее 1757 года, вышло въ Москвѣ:

Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ — Ломоносовъ.

Дамаскинъ, слѣдуя показанію словаря Новикова въ статьѣ о Ломоносовѣ, приписываетъ эту надпись Поповскому. Но въ статьѣ словаря объ Ив. Ив. Шуваловѣ Новиковъ говоритъ: «стихи къ портрету г. Ломоносова хотя изданы мною подъ именемъ г. Поповскаго; но по отпечатаніи того листа получилъ я отъ нѣкоторой особы достовѣрное извѣстіе, что они сочинены г. графомъ Шуваловымъ» [193]). Въ другомъ мѣстѣ Дамаскинъ воспользовался исправленіемъ, которое также сдѣлалъ самъ Новиковъ: въ словарѣ, на основаніи надписи, сочиненной Ломоносовымъ, сказано было, что св. Димитрій Ростовскій родился въ 1651 году, а въ другомъ своемъ изданіи «древней россійской вивліоѳикѣ» Новиковъ, основываясь на собственноручной дневной

запискѣ Димитрія Ростовскаго, говоритъ, что онъ родился не въ 1651, а въ 1671 году[194]).

Дамаскиномъ впервые напечатано по рукописи, доставленной ему изъ Петербурга, письмо Ломоносова «о правилахъ россійскаго стихотворства», имѣющее большое значеніе по связи съ преобразованіемъ русскаго стиха въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. На основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ этого письма Дамаскинъ полагаетъ, что оно писано вскорѣ послѣ оды на побѣды надъ Турками и Татарами, т. е. въ 1739 году.

Объ изданіи сочиненій Ломоносова біографическая записка о Дамаскинѣ говоритъ слѣдующее: «при всѣхъ въ московской академіи трудахъ издалъ подъ своимъ смотрѣніемъ покойнаго Михайла Васильевича Ломоносова всѣ сочиненія въ стихахъ и прозѣ, какъ прежде печатанныя такъ и рукописныя, сколько ихъ отыскать могъ, съ переводами и съ своимъ предисловіемъ, прибавя и variantes lectiones подъ текстомъ, въ трехъ томахъ въ 8 долю. За что отъ прещедрой десницы премудрыя монархини великія Екатерины вторыя получилъ въ награжденіе пять сотъ рублей»[195]).

Изданіе Дамаскина, по научности пріемовъ, превосходитъ какъ прежнія, такъ и послѣдующія изданія сочиненій Ломоносова. Замѣчаютъ, что оно было бы самымъ лучшимъ ихъ всѣхъ изданій, если бы въ составъ его вошли письма Ломоносова[196]).

Дамаскиномъ издано одно изъ капитальныхъ произведеній богословской литературы, сочиненіе Θеофана Прокоповича объ исхожденіи св. Духа — tractatus de processione Spiritus Sancti. Издатель не позволялъ себѣ ни малѣйшаго уклоненія отъ подлинника, сохранившагося въ собственноручной рукописи Θеофана. Книга Θеофана, по самому своему предмету, отличается полемическимъ характеромъ, вслѣдствіе чего, а также и по духу того времени, въ ней встрѣчаются мѣста довольно рѣзкія, жосткія, не вполнѣ соотвѣтствующія требованіямъ литературнаго приличія, какъ понималось оно во второй половинѣ восьмнадцатаго столѣтія. Несмотря на это, Дамаскинъ считалъ себя не въ правѣ сглаживать подобныя неровности и передѣлывать старинныхъ

писателей по вкусу своего вѣка. Единственное измѣненіе, которое Дамаскинъ находилъ необходимымъ допустить въ текстѣ издаваемаго имъ автора, состояло въ томъ, что мѣста, приводимыя Ѳеофаномъ изъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства, напечатаны Дамаскинымъ по тексту болѣе исправному, нежели тотъ, который былъ въ рукахъ у Ѳеофана. Внимательное сравненіе приводимыхъ мѣстъ въ различныхъ ихъ редакціяхъ убѣдило Дамаскина, что Ѳеофанъ пользовался изданіями весьма неудовлетворительными, а богатства геттингенской библіотеки давали возможность возстановить текстъ и тѣмъ возвысить научное достоинство издаваемаго труда. Особенную цѣну изданію придаютъ многочисленныя примѣчанія Дамаскина и составленный имъ, въ хронологическомъ порядкѣ, обширный указатель литературы излагаемаго предмета, обнимающій собою цѣлый рядъ столѣтій. Сочиненіе Ѳеофана, обработанное Дамаскиномъ, напечатано въ Готѣ, на латинскомъ языкѣ, въ 1772 году. Въ началѣ изданія Дамаскинъ помѣстилъ краткую біографію Ѳеофана неизвѣстнаго автора, сдѣлавши въ ней небольшія измѣненія: она служитъ до настоящаго времени однимъ изъ источниковъ свѣдѣній о Ѳеофанѣ, и извѣстна въ нашей литературѣ подъ именемъ готской біографіи Ѳеофана [197]).

IV.

Дамаскину принадлежитъ одинъ изъ первыхъ по времени и научныхъ по духу трудовъ въ области русской библіографіи. Составленное Дамаскиномъ описаніе книгъ названо самимъ авторомъ: «библіотека россійская, по годамъ расположенная, отъ начала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена». Оно хранится въ рукописи въ московской духовной академіи. Трудъ Дамаскина обнимаетъ собою книги, появлявшіяся въ печати съ начала XVI вѣка, именно съ 1518 и до 1785 года [198])

Первая въ спискѣ его книгъ: «доктора Франциска Скорины на первыя книги царствъ сказанія, въ Вильнѣ, 1518, въ 4-ть: по начатіи книгопечатанія въ Европѣ — говоритъ Дамаскинъ —

около 1440 года прошло восемьдесятъ почти лѣтъ какъ начали печатать книги на славянскомъ языкѣ въ Вильнѣ, ибо древнѣе книги, на славенскомъ языкѣ напечатанной, я не нашелъ; но въ Великой Россіи началось печатаніе книжное въ 1553 году, и первая книга Апостолъ напечатана въ 1562 году, слѣдовательно, послѣ изобрѣтенія типографіи въ Европѣ сто двадцать два года спустя». Вторая книга: «вивлія руска, выложена докторомъ Франциском Скориною» 1519 года, и т. д. Послѣдняя книга, которою и заканчивается описаніе: «краткое руководство къ геометріи для народныхъ училищъ», изданное въ 1785 году.

Дамаскинъ въ описаніи своемъ обозначаетъ, какія книги онъ самъ читалъ или только просматривалъ, о какихъ получилъ свѣдѣніе изъ другихъ источниковъ, и гдѣ находится та или другая изъ наиболѣе замѣчательныхъ книгъ. Ему доступны были и общественныя и частныя собранія книгъ; онъ пользовался библіотеками: патріаршею, типографскою, академическою, нижегородской семинаріи; бралъ книги изъ библіотеки Петра Петровича Курбатова и у раскольниковъ, и т. д.

Во многихъ случаяхъ Дамаскинъ не ограничивается однимъ перечнемъ книгъ, а разсматриваетъ содержаніе и составъ произведеній, отмѣчаетъ въ нихъ черты особенно важныя и приводитъ болѣе или менѣе подробныя выписки. Чѣмъ рѣже книга, тѣмъ пространнѣе излагается ея содержаніе. Если одно и тоже сочиненіе находится въ нѣсколькихъ изданіяхъ и редакціяхъ, то нашъ библіографъ сравниваетъ ихъ между собою; при разсмотрѣніи составныхъ частей сочиненія онъ показываетъ, какія изъ нихъ встрѣчаются въ книгахъ другаго содержанія. Жизнеописанія святыхъ за сентябрь, октябрь и ноябрь Дамаскинъ тщательно сравниваетъ по московскому и по могилевскому изданіямъ, отмѣчая всѣ отличія одного изданія отъ другаго.

Въ составъ описанія входятъ преимущественно печатныя книги, но упоминается и довольно значительное число рукописей: описано двадцать рукописей нижегородской семинаріи, и одна рукопись нижегородскаго печерскаго монастыря, и т. д. Отмѣ-

чено и нѣсколько книгъ *кавычныхъ:* «регламентъ или указъ како содержать себя чинно и послушно всегда въ академіи школьникомъ, одна печатная кавычная 1716 года, другая такаяжъ письменная; двѣ вѣдомости письменныя да съ нихъ кавычныя двѣжъ 1717 года». Къ объясненію малоизвѣстнаго слова «кавычная» могутъ служить нѣкоторыя данныя, находящіяся въ дѣлахъ архива св. синода. Такъ въ 1785 году (№ 8) св. синодъ потребовалъ отъ московской типографской конторы вѣдомость о числѣ остающихся отъ «печатаемыхъ такъ называемыхъ *кавычныхъ* и особо правленныхъ *общимъ чтеніемъ* книгъ». Такое требованіе повторено и въ 1789 году. Московская типографская контора прислала какъ образецъ кавычной книги Слѣдованную Псалтырь въ переплетѣ, и полагала; чтобы «изъ кавычныхъ книгъ оставить въ библіотекѣ типографской такія, которыя по древности ихъ и по многимъ рукописнымъ приправкамъ должны быть въ храненіи; книги каждаго названія послѣднихъ выходовъ для оригиналовъ; прочія кавычныя книги употреблять на обертку нововыходящихъ изъ печати книгъ», и т. д.

Говоря о произведеніяхъ переводныхъ, Дамаскинъ указываетъ ихъ источники, руководствуясь для византійской литературы классическимъ трудомъ Фабриція: bibliòtheca graeca. При помощи этого пособія объяснено нашимъ библіографомъ происхожденіе діоптры, лимонаря и пчелы.

При описаніи древнѣйшихъ памятниковъ славянской печати Дамаскинъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: — Апостолъ самаго перваго изданія при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и при митрополитѣ Макаріи, въ Москвѣ, въ лѣто 7072 (1562),— въ академической библіотекѣ; другой экземпляръ въ типографской библіотекѣ въ Москвѣ. Книга очень рѣдкая, о которой ученый мужъ Петръ Колій (Kohlius in introductione in historiam et rem litterariam Slavorum § 5) не зная думалъ, что отъ заводу сей типографіи не осталось, но всѣ во время разоренія Москвы отъ поляковъ погорѣли. Объявленіе наипаче, при концѣ сего апостола обрѣтающееся, весьма достопамятно. Изъ него видно, что при царѣ Иванѣ Васильевичѣ

много церквей построено въ Москвѣ и по другимъ мѣстамъ и городамъ, преимущественно въ Казани и предѣлахъ ея; что онъ повелѣлъ для новопостроенныхъ церквей покупать книги на торжищахъ: псалтыри, евангелія, апостолы и другія; что исправныхъ книгъ на торгу тогда нашлось немного; что эта неисправность побудила царя думать о заведеніи въ Москвѣ книгопечатанія; что къ этому употреблялись не чужестранцы, а свои: дьяконъ Иванъ Өедоровъ да Петръ Матвѣевъ Мстиславецъ; слѣдовательно несправедливо Николай Бергій (Nic. Bergius libro de statu ecclesiae et religionis moscoviticae. Holmiae, an 1704, pag. 152, ubi tota haec praefatio germanice sed male conversa inserta est) изъ Өедорова сына сдѣлалъ голландца Тедерсона.... Можетъ быть помянутые мастеры посыланы были въ чужія страны для обученія печатному художеству. Только безпристрастно сказать можно, что дѣло сіе удачно начато, ибо и литеры хорошія и бумага самая тонкая голландская къ тому употреблена.... О семъ апостолѣ то̀ еще для критиковъ примѣчать надобно, что апокалипсиса при немъ не имѣется и стиха I Іоан. гл. V, ст. 7 нѣтъ. Старый ли переводъ сего апостола или вновь сдѣланный съ подлинника, и кѣмъ печати преданъ, того не объявлено. Однако думать можно, что переводъ сей повѣренъ былъ съ подлинникомъ греческимъ прежде, нежели въ печать отданъ, ибо Макарій митрополитъ былъ самый ученый человѣкъ и по гречески зналъ хорошо, о чемъ свидѣтельствуетъ трудъ его, въ собраніи четьихъ миней употребленный, и т. д.

— Канониκъ на старинномъ славенскомъ языкѣ, напечатанный въ 1547 году въ 12 долю, — въ академической библіотекѣ. Подробно перечислены всѣ 46 статей, изъ коихъ составлена книга, и въ числѣ ихъ: монашескія бредни, т. е. имена Господня числомъ 72, да иже ихъ имать и носить съ собою честно, отъ всякаго зла избавленъ будетъ.... Пускай кто хочетъ снесетъ съ нашими канониками, то много между ними различія найдетъ. Однако въ языкѣ малымъ чѣмъ отъ нащихъ различествуетъ, выключая одинъ выговоръ, гдѣ согласныя по большей части

выпущены, а иныя слова сокращенно подъ титлами напечатаны. Священникъ не называется по нашему іерей, но просто попъ. Къ критическому разысканію славенскаго и простаго россійскаго языка не мало послужить можетъ сія книжица.

Весьма подробно описана, съ пространными выписками, книга: Вѣра православная или служеніе церкви восточныя; московской печати 7156 (1648), въ патріаршей библіотекѣ (vide Bergium, p. 25). «Сія книга есть та самая, которую уважаютъ раскольники: я у нихъ ее бралъ и читалъ, и не нашелъ ничего на ихъ сторону написаннаго; но она вся нарочно издана противъ римской папежской церкви. Для того подалъ я здѣсь разсужденіе о сей книгѣ обстоятельнѣе», и т. д.

Въ библіотекѣ нижегородской семинаріи — говоритъ Дамаскинъ — «достопамятную книгу я нашелъ подъ заглавіемъ: Сказаніе о новоявлейшейся ереси новгородскихъ еретиковъ, Алексѣя протопопа, и Дениса попа, и Ѳедора Курицына, и инѣхъ такожде мудрствующихъ. Сія книга написана противу принявшихъ жидовскую вѣру новгородцевъ и нѣкоторыхъ московитянъ въ 6979 году или отъ Р. Х. 1471 до 85 году, гдѣ какъ начало и распространеніе ереси, такъ и искорененіе ея описано, и противъ всякаго ихъ ученія отвѣтствовано изъ святаго писанія и святыхъ отецъ. Кто сію книгу писалъ, тутъ не показано, но въ степенной книгѣ, печатанной въ Москвѣ 1775 года во второй части на стр. 155 написано, что сію книгу писалъ преподобный Іосифъ, игуменъ Волока Ламскаго монастыря. Въ сей же книгѣ, при концѣ, слова: Исаіи инока, Никона, Златоустаго, Василія Великаго о иноческомъ житіи».

Съ большою похвалою отзывается Дамаскинъ о книгѣ черниговскаго архіепископа, Іоанна Максимовича «Ѳеатронъ» и о проповѣдяхъ Симеона Полоцкаго.

Книгу Максимовича — говоритъ Дамаскинъ — «я видѣлъ и читалъ въ библіотекѣ нижегородской семинаріи, гдѣ полный ея титулъ есть такой: Позоръ нравоучительный царемъ, княземъ, владыкамъ и всѣмъ спасительный, въ немже что имать творити и

соблюдати начальникъ, и чего устранятися, прилежно описася трудолюбнымъ тщаніемъ Іоанна Максимовича, архіепископа черниговскаго; въ типографіи ильинскаго монастыря, при архимандритѣ Варлаамѣ Василевичѣ, року отъ Р. Х. 1708. Сія книга и словомъ вразумительна, и наставленія подаетъ преизрядныя царямъ и всѣмъ начальникамъ, въ 30 главахъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хвалитъ римскую церковь, а Лютера, Звинглія и прочихъ не похваляетъ въ послѣдней главѣ».

О книгахъ Симеона Полоцкаго «Обѣдъ душевный» и «Вечеря душевная» Дамаскинъ замѣчаетъ: «обѣ сіи книги я видѣлъ и читалъ въ библіотекѣ нижегородской семинаріи и усмотрѣлъ, что Симеонъ Полоцкій былъ преученый человѣкъ; проповѣди его, въ книгахъ на весь годъ содержащіяся, такъ хороши, что и нынѣ съ поправкою словъ не уступятъ самымъ лучшимъ проповѣдникамъ».

Желая сообщить свѣдѣнія о литературной производительности во всемъ ея объемѣ, Дамаскинъ вносилъ въ свое обозрѣніе книги самаго разнообразнаго содержанія. Въ числѣ ихъ упоминаются:

Собраніе разныхъ комедій и интермедій, переведенныхъ съ итальянскаго языка [199]).

Сила любви и ненависти, — дѣйствіе драматическое; въ С. Петербургѣ 1736 г.

Притворный Нинъ или Семирамида познанная, на россійскомъ и итальянскомъ языкахъ, — дѣйствіе драматическое. 1737 г., въ 4-ть.

Ивана Хемнитцера, оберъ-офицера при горныхъ дѣлахъ, напечатана въ С. Петербургѣ 1769 и 1776 г.

Ядро россійской исторіи, сочиненное ближнимъ стольникомъ и бывшимъ въ Швеціи резидентомъ княземъ Андреемъ Яковлевичемъ Шилковымъ (sic). При московскомъ университетѣ. 1770.

Дримеля: Опытъ историческаго доказательства о происхожденіи россіянъ отъ араратцевъ, какъ перваго народа послѣ всемірнаго потопа. 1785. и мн. др.

Въ высшей степени замѣчательна характеристика русской литературы и образованности, помѣщенная авторомъ въ началѣ его библіографическаго труда подъ названіемъ: «краткое описаніе россійской ученой исторіи». Исторію литературы или письменности Дамаскинъ тѣсно связываетъ съ исторіею просвѣщенія и даже сливаетъ ихъ въ одно понятіе. То, что въ наше время относится къ области библіографіи и исторіи литературы, онъ включаетъ въ кругъ «ученой исторіи», слѣдуя общепринятому тогда въ ученомъ мірѣ обычаю и названію «Ученую исторію» Россіи Дамаскинъ раздѣляетъ на три періода: первый — отъ начала письменности въ Россіи до начала книгопечатанія или отъ Владиміра св. до Ивана Грознаго; второй — отъ начала книгопечатанія до введенія гражданскаго шрифта или отъ Ивана Грознаго до Петра Великаго, и третій — отъ введенія гражданской печати до нашего времени, т. е. до 1785 года. Принимаемое Дамаскиномъ дѣленіе на періоды имѣетъ преимущество передъ тѣмъ, которое находится въ рѣчи профессора Баузе, и въ первомъ опытѣ исторіи русской литературы. Доказывая, что древняя Россія не была чужда образованности, Баузе допускаетъ три періода въ исторіи просвѣщенія въ древней Россіи: отъ Рюрика до Владиміра св.; отъ Владиміра св. до Ивана III и отъ Ивана III до Петра Великаго. Гречъ принимаетъ въ первомъ, т. е. древнемъ, періодѣ исторіи русской литературы три отдѣленія: до введенія въ Россію христіанства, до сверженія татарскаго ига и до единодержавія Петра Великаго. Дѣленію Греча послѣдовалъ и Шафарикъ въ своей исторіи славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ. Признавая, что гдѣ нѣтъ письменъ, тамъ нѣтъ и не можетъ быть просвѣщенія, Дамаскинъ считаетъ главнѣйшія измѣненія въ письменности яркими признаками новыхъ началъ и въ народной образованности. Подобно Дамаскину, и новѣйшіе историки русской литературы считаютъ появленіе письменъ началомъ ея перваго періода [200]).

Дамаскинъ доводитъ свое обозрѣніе до шестнадцатаго столѣтія. Живыми и смѣлыми красками рисуетъ онъ умственное

состоянiе тогдашней Россiи и степень участiя духовенства въ просвѣщенiи русскаго общества и народа. Очеркъ Дамаскина, по своему содержанiю и основной мысли, представляетъ до того выдающееся явленiе въ нашей литературѣ восьмнадцатаго вѣка, что мы считаемъ нужнымъ привести вполнѣ это произведенiе одного изъ образованнѣйшихъ русскихъ библiографовъ.

V.

Краткое описанiе россiйской ученой исторiи.

§ 1.

Ученая исторiя всякаго народа начинается съ начатiя письменъ или буквъ. Гдѣ нѣтъ письменъ, тамъ не умѣютъ ни читать, ни писать. А гдѣ не умѣютъ ни читать, ни писать, тамъ нѣтъ способа и удобства къ изученiю наукъ. Слѣдовательно, гдѣ нѣтъ письменъ, тамъ нѣтъ и быть не можетъ повѣсти о наукахъ и ученiи.

§ 2.

Русскаго народа предки или славяне имѣли ли, прежде изобрѣтенiя нынѣшняго рода письменъ, какiя буквы и знали ли писать и читать, подлинно сказать не могу, хотя то господинъ Татищевъ въ введенiи своемъ въ русскую исторiю въ первой части главѣ 1-й утвердить старался: только все его утвержденiе основано на однихъ догадкахъ. Имовѣрные писатели не предали намъ о томъ ничего.

§ 3.

Нынѣшнiй видъ письменъ или буквъ, употребляемый у насъ въ печати книгъ церковныхъ, изобрѣтенъ въ девятомъ стѣ лѣтъ по Рождествѣ Христовѣ. О семъ увѣряютъ насъ и наши домашнiе и иностранные писатели [a]); да и никто никогда не усомнѣвался

[a]) Изъ домашнихъ имѣемъ мы одного только Нестора старѣе прочихъ. А другiе всѣ что о семъ ни писали, все взяли изъ Нестора. Несторъ же говоритъ о томъ послѣ 898 года на стран. 20 и 21. Изъ иностранныхъ приведу я одного только вмѣсто многихъ, то есть Iоан. Георг. Стредовскаго, который,

и не усомнѣвается. Одно только то примѣчено мною между писателями разногласіе, что наши домашніе изобрѣтеніе оныхъ приписываютъ двоимъ братамъ Меѳодію и Константину, селунскимъ или ѳессалонитскимъ уроженцамъ, а иностранные одному изъ нихъ, и то иные Меѳодію, а иные Константину, который въ монащескій чинъ вступя переименованъ былъ Кирилломъ, того ради по большей части называютъ ихъ кирилловыми буквами (litterae cyrullicae pro cyrillicae) [б]).

§ 4.

Изъ предрѣченнаго явствуетъ, что славяне начали учиться читать и писать въ девятомъ уже столѣтіи. И сіе разумѣть надобно только о славянахъ моравахъ и болгарахъ, по Дунаѣ рѣкѣ жившихъ; но кіевскіе и новгородскіе славяне когда и чрезъ кого приняли вышепоказанныя греческихъ мудрецовъ письмена, о томъ нѣтъ ни въ нашихъ, ни въ иностранныхъ писателяхъ никакого извѣстія. Несторъ въ помянутомъ мѣстѣ упомянулъ о томъ очень коротко слѣдующимъ образомъ: *симъ* (славянамъ) *бо первое преложена книга въ Моравѣ, яже прозвася грамота словенская, яже грамота есть въ Руси.* Изъ сего видно, что во время Несторово, т. е. въ одиннадцатомъ столѣтіи былъ тотъ же родъ письма въ Россіи, который и въ Моравіи. Но когда и какимъ образомъ перешелъ онъ изъ Моравіи въ Россію, того не примѣтилъ Несторъ. И такъ, во время ли Ольги, Игоревой супруги, когда она была крещена и имѣла у себя священниковъ, или во время Владиміра, крестившаго всю Россію, взято изъ Моравіи славенское письмо, — заподлинно сказать не можно, не имѣя на то свидѣтельства достовѣрныхъ писателей. Чего ради подлиннаго времени начала письма въ Россіи опредѣлить нельзя.

описывая житіе Кирилла и Меѳодія, приводитъ многихъ старинныхъ писателей, о вышеписанномъ свидѣтельствующихъ. Исторія его о Кириллѣ и Меѳодіи, моравскихъ первыхъ учителяхъ, выпечатана въ Солисбахѣ 1710 года въ 4 ть на латинскомъ языкѣ.

[б]) Смотри о семъ Joh. Leonhard. Friech. dissert. de origine characteris slavonici vulgo dicti Cirulici. Berol. 1727 года. in-4[0].

§ 5.

Вообще примѣчено учеными людьми, что у всѣхъ сѣверныхъ народовъ искусство писанія началось вмѣстѣ съ принятіемъ Христова ученія. Напримѣръ поляки и шилезцы обращены къ вѣрѣ Христовой въ 965 году, венгерцы въ 975-мъ, норвежцы 996, шведы въ 1000, исляндцы въ 1000, датчане въ 1021 году. Немногіе нѣкоторые сѣверные и славянскіе народы ученіемъ евангельскимъ просвѣщены или прежде или послѣ сего десятаго столѣтія; какъ-то южные венды еще въ 7-мъ, а сѣверные въ началѣ 9-го вѣку; болгары и моравляне по 856 годѣ, богемцы въ 894-мъ; напротивъ сего гораздо позже финны 1157-мъ, ливонцы въ 1186-мъ, естляндцы въ 1196-мъ, прусаки 1210-мъ, пермяне въ 1372-мъ, а литвяне уже въ 1386-мъ году. Но всѣ сіи народы какъ скоро крещены были, такъ скоро начали обучаться писать и читать. Такимъ образомъ и руссы или славяне кіевскіе и новогородскіе, просвѣтясь евангельскимъ ученіемъ въ 988 году при великомъ Владимирѣ, за нужное почли имѣть у себя искусство писанія. О семъ долго думать имъ было не для чего. Они знали, что ихъ одноязычники моравляне и болгары имѣли уже у себя буквы славенскія, и на ихъ языкъ переведенныя не только книги священнаго писанія, но и премногія или почти всѣ до церковной службы касающіяся книги. Чего ради или у нихъ выпросили себѣ искусныхъ писцовъ для переписки книгъ, къ богослуженію христіанскому нужныхъ, или пославъ туда своихъ людей, приказали имъ и научиться писать, и, переписавъ нѣкоторыя книги, привести съ собою. И то и другое случиться могло. Но какъ бы то ни было, только прежде принятія вѣры христіанской не имѣли еще россіяне у себя ни письменъ, ни книгъ.

§ 6.

Съ сего самаго времени, то есть съ 988 году, начинается исторія ученая россіянъ и продолжается по наши времена. Въ сіе толь долгое теченіе времени, то есть въ восемь почти столѣтій, коль много успѣли россіяне въ наукахъ, увидимъ изъ про-

долженія сея исторіи. Она пристойно и удобно раздѣлена быть можетъ на три періода. Первый начинается съ начала письма въ Россіи, и продолжается по начало книгопечатанія, или — отъ Владимира до Ів. Вас. Грознаго, то есть съ 988 года по 1560 годъ. Второй — отъ Ів. Вас. по времена Петра Великаго, или съ заведенія типографіи въ Москвѣ по заведеніе гражданской печати, то есть съ 1560 года по 1700 годъ. Третій — съ начатія гражданской печати по нынѣшнее время, то есть съ 1700 по 1788 годъ. Во всякомъ изъ сихъ періодовъ было ученіе въ Россіи разнаго вида и состоянія, получая себѣ разные способы къ своему распространенію.

§ 7.

Что касается до перваго періода исторіи ученой въ Россіи, то пространнаго онъ не требуетъ описанія, ибо если всякаго дѣла начало всегда бываетъ несовершенно, то кольми паче ученіе въ своемъ начатіи не вдругъ оказываетъ желаемые успѣхи. Хотя Володимиръ великій горячо было принялся за просвѣщеніе своихъ подданныхъ ученіемъ, однако тьму варварства ихъ и невѣжества скоро прогнать не могъ. Закоснѣлыя мнѣнія въ народѣ не скоро истребляются: къ тому потребны цѣлые вѣки. Онъ, истребя идоловъ, поставилъ было по многимъ городамъ и селамъ церкви, опредѣля къ нимъ поповъ для приведенія людей къ крещенію; завелъ было книжное ученіе, то есть русскія школы, гдѣ обучали только читать и писать; и, пославъ къ нарочитымъ особамъ, началъ было брать туда дѣтей ихъ для наученія. Но слѣпота матерей ихъ препятствовала ему въ томъ много: онѣ плакали по дѣтямъ своимъ какъ по мертвымъ, когда брали ихъ въ училища. (О семъ объявляетъ намъ Несторъ въ своей лѣтописи противъ 988 г. на стран. 84 изданія по кенигсбергскому списку).

§ 8.

Чему въ помянутыхъ училищахъ дѣтей обучали, и кто таковы были учители: греки ли или славяне родомъ, ученные ли въ греческихъ училищахъ или только писать и читать по славенски

умѣющіе, — сего ни откуду не видно. Почему и о состояніи тогдашнихъ училищъ достовѣрнаго извѣстія имѣть не можно. Несторъ тогдашнія училища называетъ *книжнымъ ученіемъ*. Но сіе названіе по тогдашнему разумѣнію различно толковать можно. Оно можетъ значить и ученіе какъ читать и писать должно, и ученіе какъ разумѣть тò, чтò написано, и обученіе наконецъ наукамъ и художествамъ. Что до перваго и втораго касается, о томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Дѣйствительно обучали въ тѣхъ училищахъ по славенски читать и писать, да и разумѣть, по крайней мѣрѣ нѣсколько, часословъ, псалтырь, евангеліе, апостолъ и нѣкоторыя до службы церковной принадлежащія книги, — въ чемъ заправляли наипаче тѣхъ, кои готовились къ священству и къ отправленію церковной службы. Но о третьемъ родѣ *книжнаго ученія*, то есть обучали ли тогда нѣкоторымъ иностраннымъ языкамъ или по крайней мѣрѣ одному греческому и высшимъ наукамъ, какъ-то: богословіи и философіи, исторіи и другимъ знаніямъ, каковы тогда въ Греціи преподавались, — о семъ, говорю, нѣтъ нигдѣ обстоятельнаго извѣстія. Изъ того, что Володимиръ по принятіи крещенія въ Корсунѣ, возвращаясь оттуду, взялъ съ собою Анастаса грека и поповъ корсунскихъ, заключить бы можно было, что были помянутые попы ученые и въ заведеніи училищъ въ Россіи много Володимиру пособляли; но сіе заключеніе основывается только на одних догадкахъ. Ибо можетъ быть помянутыхъ поповъ знаніе не въ иномъ чемъ состояло, какъ только въ умѣніи читать, писать и службу церковную отправлять, а о высшихъ наукахъ можетъ быть они и понятія не имѣли. Или хотя кто изъ нихъ и обучался въ греческихъ тогдашнихъ училищахъ, но, зная только по гречески, а не по славенски, не былъ въ состояніи преподавать высшія науки россійскому юношеству. И такъ съ большимъ вѣроятіемъ сказать можно о заведенныхъ Владимиромъ училищахъ, что въ нихъ обучали только по славенски читать, писать и церковныя книги разумѣть. Можетъ быть индѣ и греческому языку учили для переведенія книгъ съ греческаго на русскій. Слѣдовательно, толкована была грамма-

тика, также первыя начала христіанскаго ученія или краткій катихизисъ, или по крайней мѣрѣ часословъ и псалтырь, которыя книги и нынѣ еще у насъ при обученіи русской грамотѣ употребляются, съ юношествомъ читаны были. Но высшимъ наукамъ обучать россіянъ тогда некогда еще было, да и некому.

§ 9.

Думать надобно, что заведенныя Владиміромъ великимъ училища были въ одномъ состояніи даже до временъ царя Івана Васильевича Грознаго, ибо россійскимъ князьямъ и владѣльцамъ о поправленіи ихъ и помышлять почти некогда было. По смерти Владиміра раздѣлясь они по своимъ княжествамъ, старались только одинъ у другаго взять первенство. Великіе князья кіевскіе требовали себѣ отъ другихъ повиновенія; другіе князья не хотѣли отъ нихъ зависѣть: для того происходили у нихъ безпрестанныя почти между собою ссоры и драки, даже до нашествія татаръ. Какъ скоро сіи подъ предводительствомъ Батыя, сына Тузы, внука Чингисханова, въ 1237 году ворвались въ Россію и сдѣлалися главными владѣтелями, то и земли ихъ, и помѣстья, и самая ихъ жизнь стала зависѣть отъ милости сихъ варваровъ. Они и сажали на княжества и ссаживали россійскихъ князей по своему произволенію. Они требовали ихъ къ себѣ на судъ, звали ихъ часто на кровопролитіе. Кромѣ ихъ между тѣмъ съ другой стороны утѣсняемы были наши князья отъ поляковъ, литвы, ливонянъ и шведовъ, такъ что въ 1241 году должны были на Невѣ драться съ нѣмецкими кавалерами, въ 1320-мъ съ литвою, гдѣ и столицу свою, Кіевъ, потеряли, а потомъ съ поляками и шведами. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ будучи, князья россійскіе могли ли думать о распространеніи въ своемъ отечествѣ ученія?

§ 10.

Кромѣ междоусобныхъ браней и наносимыхъ часто отъ безпокойныхъ сосѣдовъ утѣсненій, едва ли имѣли россійскіе князья поощреніе къ заведенію хорошихъ училищъ отъ духовенства.

Съ самыхъ временъ Владимировыхъ по дни почти Іоанна Васильевича и далѣе заступали мѣста епископскія и митрополичьи вызываемые или сами пріѣзжавшіе изъ Греціи митрополиты и епископы; да и своихъ природныхъ россіянъ не смѣли князья производить въ митрополиты, не посылая ихъ для посвященія въ Грецію. Но каково было тогда высокое духовенство въ Греціи, пускай всякъ прочтетъ цареградскую исторію тогдашнихъ временъ, то увидитъ, что оно пеклося только о распространеніи своея власти, о умноженіи доходовъ, о удовлетвореніи своимъ страстямъ; словомъ гордое, любостяжательное, роскошное и ссорливое. Таковы по большей части присыланы были и въ Россію митрополиты, епископы и архимандриты! Сожалѣтельно, что наши исторіографы упоминаютъ объ нихъ очень коротко, объявляя только, кто и куда поставленъ былъ митрополитомъ или епископомъ, и когда кто скончался. Но какъ и гдѣ они учены, какъ правили свою паству, какое житіе имѣли, какихъ были нравовъ, и что въ пользу или убытокъ церкви и общества сдѣлали, о томъ молчатъ великодушно. Изъ нѣкоторыхъ однако ихъ повѣстей усмотрѣть можно: 1) что они были въ великомъ у нашихъ князей и народа почтеніи: часто употреблялись и въ важныхъ политическихъ дѣлахъ, какъ-то къ примиренію самихъ князей, ко увѣщанію народа, ко отвращенію его отъ мятежей и проч.; 2) что были они очень попечительны о построеніи и украшеніи церквей, о заведеніи монастырей, о размноженіи монаховъ, о праздновании праздниковъ великолѣпно, о удержаніи народа въ благочестіи строгимъ исполненіемъ устава церковнаго. Но чтобъ проповѣдывали они слово Божіе простому народу, или толковали священное писаніе въ церквахъ, или обучали прилежно и особливымъ образомъ готовящихся въ священство,—сего изъ исторіи нашей не примѣчаемъ ни мало. Почему думать можно, что тогдашнія духовныя особы ни сами не старались завести въ своихъ епархіяхъ хорошія училища, по крайней мѣрѣ такія, каковы тогда въ Греціи были, ни князей къ тому не поощряли.

§ 11.

Несмотря на то однако были изъ князей россійскихъ многіе, которые желали дать просвѣщеніе своимъ подданнымъ. Примѣромъ тому, кромѣ Володимира великаго, перваго въ Россіи просвѣтителя, служитъ Ярославъ Володимировичъ, о которомъ Несторъ противъ 1037 года пишетъ, что онъ не только самъ прилежалъ къ книгамъ и читалъ ихъ денно и нощно; но еще собралъ писцовъ многихъ, и, прелагая съ греческаго на славенскій языкъ, списалъ многія книги, по которымъ училися вѣрные люди. Сіи книги, чтобъ не распропали, положилъ онъ ихъ въ церкви святыя Софіи, что самое показываетъ желаніе его къ заведенію библіотеки. Были можетъ быть и другіе, Ярославу подобные, князья, но историки того объ нихъ не объявляютъ. Ибо если рѣдкій изъ нихъ былъ, какъ изъ исторіи видно, который бы или не построилъ вновь города, или не соорудилъ церкви, или не украсилъ утварью церковною монастыря, или не опредѣлилъ чего на пропитаніе бѣлыхъ поповъ и монаховъ, то изъ толь великаго ихъ числа не нашлися ль бы иные, которые бы и о заведеніи хорошихъ училищъ стараніе приложили, когда бы имъ духовныя особы нужду того и пользу ясно протолковали. Кромѣ сего видно еще изъ исторіи, что многіе митрополиты и епископы сами въ состояніи были основать въ своихъ епархіяхъ хорошія школы, поелику многіе изъ нихъ построили своимъ коштомъ каменныя церкви, укрѣпили великолѣпнымъ строеніемъ монастыри, снабдили ихъ богатыми сосудами, образами и другою утварью; однако перваго и для общества полезнѣйшаго дѣла не сдѣлали, то есть ни училища такого, каковы были тогда въ Греціи, не завели, ни инаковымъ образомъ о просвѣщеніи россійскаго народа не старались, хотя впрочемъ многіе изъ нихъ сами въ греческихъ училищахъ были обучены. Что сему было причиною, оставляю всякому читателю на разсужденіе. (Здѣсь желалъ бы я, чтобъ кто рѣшилъ мнѣ слѣдующій вопросъ: для чего ученые Греки не пришли въ Россію, но въ Италію въ то время, когда турки овла-

дѣли Константинополемъ и всѣмъ греческимъ царствомъ, т. е. въ 1452 году). Довольно для меня того, что я показалъ, что заведенныя Владиміромъ великимъ училища состояли только въ обученіи почти одной русской грамотѣ, и въ такомъ состояніи были до временъ царя Іоанна Васильевича Грознаго.

§ 12.

Несмотря на то однако были въ семъ періодѣ многіе ученые люди въ Россіи. О митрополитахъ и епископахъ, присыланныхъ изъ Греціи, я не упоминаю. Они, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, были ученые. О нѣкоторыхъ изъ нихъ и исторіографы наши упоминаютъ, что они были учительны и сильны въ книгахъ божественнаго писанія. Таковымъ объявляется Михаилъ, первый митрополитъ кіевскій, противъ 988 года; Іоаннъ митрополитъ противъ 1089 года; Кириллъ митрополитъ противъ 1224 года; Симеонъ, епископъ тверскій, противъ 1286 года; Петръ, митрополитъ кіевскій, противъ 1325 года; Кипріанъ, митрополитъ кіевскій, противъ 1407 года; Макарій митрополитъ противъ 1555 года, который и иконное живописство зналъ.

§ 13.

Кромѣ объявленныхъ митрополитовъ и епископовъ были другіе, кои исторію россійскую писали и продолжали, напримѣръ: 1) Іоакимъ корсунянинъ, первый архіепископъ новгородскій, противъ 1000 года, по свидѣтельству г. Татищева. — 2) Несторъ преподобный, первый извѣстный россійскій лѣтописецъ, около 1096 и 1114 годовъ. — 3) Сильвестръ, игуменъ кіевскаго михайлова выдубецкаго монастыря, отъ 1115 по 1123 годъ. — 4) Второй неизвѣстный продолжатель Несторова лѣтописца, отъ 1123 по 1157 годъ. — 5) Третій неизвѣстный продолжатель Несторова лѣтописца, отъ 1157 по 1203 годъ. — 6) Суздальскій епископъ Симеонъ, отъ 1203 по 1226: въ семъ году онъ умеръ. — 7) Священникъ Іоаннъ новгородскій, жившій около 1230 года. — 8) Тимоѳей, пономарь, жившій около 1230 года; и прочіе продолжа-

тели лѣтописей и описатели бываемыхъ въ ихъ времена дѣяній россійскихъ, коихъ труды поелику еще на свѣтъ не изданы, то и знать ихъ нельзя, а иныхъ имена и совсѣмъ утратились.

§ 14.

Гдѣ помянутые писатели обучались, и какъ каждый изъ нихъ ученъ былъ, и который изъ нихъ знаніемъ и остроуміемъ прочихъ превосходилъ, того совершенно опредѣлить не можно, не имѣя въ рукахъ ихъ сочиненій и другихъ свидѣтельствъ. Что до грековъ родомъ касается, то нѣтъ сомнѣнія, что они дѣйствительно обучались въ греческихъ училищахъ, а пришедъ въ Россію научились только россійскому языку. Но о природныхъ россіянахъ, какъ о преподобномъ Несторѣ, Сильвестрѣ игуменѣ, Симеонѣ суздальскомъ епископѣ, Іоаннѣ священникѣ новгородскомъ и Тимоѳеѣ пономарѣ,—неизвѣстно, гдѣ обучались. Ѣздили ли они въ Грецію или въ Россіи отъ приходившихъ грековъ обучались по гречески, ничего ни откуду не видно. Толькожъ и того сказать не можно, чтобъ нѣкоторые изъ нихъ не знали по гречески, ибо изъ лѣтописи Несторовой видно, что соображалъ онъ себя въ сочиненіи лѣтописца съ Кедриномъ, Зонаромъ и Синкелломъ, писателями греческими, да и начало своего лѣтописца взялъ почти слово до слова изъ Синкелла. Слѣдовательно, зналъ онъ по гречески. Откуду заключить можно, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ обучали тогда иныхъ монаховъ по гречески; но заключить только можно, а за подлинно сказать нельзя. Можетъ быть нѣкоторые только россіяне, получа охоту знать по-гречески, старалися сыскать случай познакомиться съ какимъ ни есть грекомъ и отъ него приватно научиться по гречески. Могло и то и другое сдѣлаться, только чтобъ въ школахъ, Владиміромъ заведенныхъ, обучали по гречески, того ни откуду доказать не можно.

§ 15.

Изъ лѣтописцовъ россійскихъ оказывается, что были въ сіе время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книгохранительницы или библіо-

теки. Напримѣръ о князѣ Ярославѣ противъ 1037 года объявляется, что онъ, переведши съ греческаго на славенскій языкъ много книгъ, положилъ во святѣй Софіи или софійской кіевской церквѣ. Противъ 1168 года упоминается, что пограблены были въ Кіевѣ изъ церквей и монастырей иконы и книги. Противъ 1185 года пишется, что въ Володимерѣ погорѣло церквей числомъ 32, и соборная церковь золотоверхая, преисполненная богатыми одеждами, чудными иконами и многими книгами. Противъ 1203: Рурикъ и Олговичи съ половцами, взявши Кіевъ, разграбили митрополію софійскую и десятинную церковь и монастыри, гдѣ побрали не только сосуды и ризы церковныя, но и книги. Да и въ послѣдующихъ вѣкахъ упоминается въ лѣтописцахъ часто о книгахъ, храненныхъ въ церквахъ, но или отъ пожаровъ или отъ раззореній непріятельскихъ погибшихъ. Слѣдовательно, были тогда въ Россіи книги и библіотеки, но по несчастію отъ разныхъ приключеній распропали. Однако въ нѣкоторыхъ книгохранительницахъ и архивахъ обрѣтаются и нынѣ самые древніе рукописные списки, каковъ есть *сборникъ*, обрѣтающійся въ библіотекѣ князь Мих. Мих. Щербатова, писанный въ 6554 или въ 1046 году полууставомъ на пергаменѣ. Имѣются граматы старинныя въ архивѣ иностранной коллегіи въ Москвѣ, о коихъ древности видѣть можно изъ древней россійской вивліоѳики, втораго изданія въ Москвѣ 1788 года.

§ 16.

Только безъ закрытія сказать можно, что храненныя въ помянутыхъ церквахъ или монастыряхъ книги были по большей части церковныя, то есть: библія, уставы, требники, канонники и другія службы церковныя, да еще хронографы и лѣтописцы. Также и святыхъ отцевъ нѣкоторыя сочиненія переведены были, а паче Іоанна Златоустаго бесѣды, Василія великаго, Григорія богослова или назіанзена, Дамаскина книга о вѣрѣ, и проч. Только не уповательно, чтобы тамъ были до высокихъ наукъ принадлежащія книги, потому что тогда имъ не обучали въ Рос-

сіи. И такъ довольно о первомъ періодѣ ученія въ Россіи вообще. Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію состоянія наукъ и художествъ, въ какомъ каждая изъ нихъ была въ сіе время во особенности.

VI.

Въ собраніи академіи 28 октября 1783 года, второмъ со времени ея учрежденія, заявлено было объ отзывѣ Дамаскина, епископа нижегородскаго и алатырскаго, изъявившаго согласіе принять званіе академика. Россійская академія, избирая Дамаскина, бывшаго въ то время членомъ вольнаго россійскаго собранія и геттингенскаго историческаго общества, отдавала должное ученому, имя котораго было извѣстно и пользовалось уваженіемъ какъ въ Россіи, такъ и заграницею. Дамаскинъ имѣлъ тѣмъ болѣе правъ на избраніе въ академики, что имъ превосходно изданы произведенія классическаго русскаго писателя, высоко цѣнимыя россійскою академіею, хранившею въ себѣ преданія ломоносовской эпохи и относившейся съ благоговѣйнымъ довѣріемъ къ трудамъ Ломоносова въ области русскаго языка и словесности. Многосторонняя образованность Дамаскина выдвигала его изъ ряда тогдашнихъ любителей словесности, большинство которыхъ не отличалось ни разнообразіемъ, ни глубиною своихъ познаній. Дамаскинъ былъ въ ученыхъ сношеніяхъ съ членами академіи наукъ; онъ доставлялъ матеріалы для задуманнаго Екатериной сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій; сообщилъ переводы образцовъ на языки: мордовскій, чувашскій, татарскій и т. д. Если участіе Дамаскина въ дѣятельности россійской академіи обнаружилось несравненно слабѣе, нежели можно было ожидать, то это произошло отчасти оттого, что онъ отвлекаемъ былъ другими, безусловно обязательными дѣлами, находясь во главѣ епархіи, отчасти же отъ пребыванія его вдали отъ столицы, въ которой находилась академія. Россійская академія постоянно сносилась съ своими иногородными членами, но слѣдовъ этихъ сношеній чрезвычайно мало, особенно для перваго

ея періода. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть несомнѣнное свидѣтельство, что получено то или другое извѣстіе, какъ напримѣръ отъ Дамаскина, при его избраніи, самихъ извѣстій не сохранилось въ бумагахъ академическаго архива. Свѣдѣнія, находящіяся въ рукописяхъ академіи, относятся преимущественно къ наличнымъ членамъ, посѣщавшимъ засѣданія академіи. Не только то, что сообщено Дамаскинымъ, но даже и то, что собственноручно писано Екатериною и должно было, по опредѣленію академіи, храниться въ ней на вѣчныя времена, въ дѣйствительности не оказывается ни въ архивѣ, ни въ библіотекѣ академіи. Быть можетъ многое оставлено было Дашковою до поры до времени у себя или передано ею лицамъ близкимъ и перешло теперь въ сотыя руки, или же погибло навсегда во время преслѣдованій, постигшихъ Дашкову и заставлявшихъ ее заботиться не столько о сохраненіи, сколько объ уничтоженіи своихъ бумагъ, за которыми зорко слѣдили во все время ея опалы и ссылки. Какъ бы то ни было, главнѣйшими и во многихъ случахъ единственными источниками для свѣдѣнія о дѣятельности членовъ россійской академіи остаются журналы, или записки академическихъ засѣданій.

Изъ этого источника узнаемъ, что, будучи временно въ Петербургѣ, Дамаскинъ посѣщалъ собранія россійской академіи и участвовалъ въ обсужденіи состава четвертой части словопроизводнаго словаря, вызвавшей въ академической средѣ весьма оживленныя пренія. Особенно долго спорили академики о словѣ *память:* одни изъ членовъ доказывали самостоятельность этого слова, другіе производили его отъ глагола *мню*, и т. п. Дамаскинъ, не ограничиваясь устными замѣчаніями, представилъ академіи свое письменное мнѣніе, въ которомъ утверждаетъ слѣдующее: «*Память* не есть коренное, но сложенное изъ предлога *по* или *послѣ* и глагола *мню*. А сей глаголъ есть тотъ же самый, что и греческій μνάω, сокращенно μνῶ, и значитъ собственно *memoro*, *commemoro*, помню, вспоминаю, которое значеніе удержало и въ славенскомъ сложенномъ *помню:* сей же глаголъ сложенъ изъ *по* или *послѣ* и *мню*. Что же *мню* въ славенскомъ

имѣетъ значеніе другое, т. е. *мышлю*, *помышляю*, *думаю*, то сіе произошло отъ разномысленнаго употребленія сего глагола μνῶ у грековъ и славянъ. Греки стали употреблять въ смыслѣ *припамятованія*, а славяне—*помышленія*, однако и они въ глаголѣ *помню*, отъ коего и *память*, удержали тоже значеніе греческое. Слѣдовательно *помню* происходитъ отъ *по* и *мню*, а *память* отъ *помню*, не смотря на то, что въ словѣ *память о* перемѣняется на *а*: сіе часто въ произведеніи и сложеніи словъ случается не только въ славенскомъ, но и въ греческомъ, латинскомъ и прочихъ языкахъ». Нѣкоторымъ изъ членовъ академіи показалось весьма смѣлымъ сближеніе кореннаго русскаго слова съ греческимъ, и въ возраженіяхъ своихъ они ссылались на то, что славяне заимствовали отъ грековъ только свои буквы, а отнюдь не свой языкъ, и поэтому нѣтъ основанія производить славянскія слова отъ греческихъ. Послѣ весьма продолжительныхъ споровъ академики остановились на соображеніяхъ, болѣе сходныхъ съ мнѣніемъ Дамаскина, нежели съ доводами его противниковъ[201]).

ДУХОВНЫЕ ЧЛЕНЫ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Иннокентій Нечаевъ.—Самуилъ Миславскій.—Амвросій Серебряковъ (Серебренниковъ).—Аполлосъ Байбаковъ.—Павелъ Пономаревъ.—Иннокентій Полянскій.—Ириней Клементьевскій.—Меѳодій Смирновъ.—Анастасій Романенко-Братановскій.—И. И. Красовскій.—И. И. Сидоровскій.—Г. М. Покорскій.—В. Г. Григорьевъ.—С. И. Исаевъ.—И. И. Панфиловъ.—В. С. Данковъ.

I.

Изъ общаго числа духовныхъ членовъ россійской академіи одиннадцать принадлежало къ высшему, монашествующему, духовенству и восемь — къ бѣлому. За исключеніемъ Гавріила, призваннаго къ разработкѣ государственныхъ вопросовъ по различнымъ отраслямъ управленія, и Дамаскина, довершившаго свое образованіе заграницею, духовныя лица, избранныя въ академики, представляютъ много общаго и по условіямъ своего вос-

питанія и по своей дальнѣйшей судьбѣ. Восемь изъ нихъ были питомцами московской духовной академіи и одинъ — кіевской; остальные обучались въ семинаріяхъ, преимущественно петербургской и костромской, а также рязанской, переяславской, вятской и вологодской. Двое изъ воспитанниковъ московской духовной академіи слушали курсы и въ московскомъ университетѣ. По окончаніи курса въ томъ или другомъ заведеніи, лица, посвящающія себя духовному званію, вступали обыкновенно на педагогическое поприще: были назначаемы преподавателями, а затѣмъ префектами или ректорами духовно-учебныхъ заведеній, и т. д.[202]).

Высокое мѣсто въ духовной іерархіи занимали два члена россійской академіи: Иннокентій Нечаевъ, архіепископъ псковскій, и Самуилъ Миславскій, митрополитъ кіевскій. Первый изъ нихъ получилъ окончательное образованіе въ московской славянолатинской академіи, второй — въ кіевской.

Иннокентій Нечаевъ (1722—1799) провозглашенъ членомъ россійской академіи въ самый день ея открытія. Имя Иннокентія постоянно встрѣчается наряду съ именами Гавріила и Платона.

Этимъ тремъ свѣтиламъ тогдашняго духовнаго міра Екатерина поручала разсмотрѣть свой наказъ; обществомъ ихъ дорожили лучшіе люди того времени, отдавая справедливость ихъ свѣтлому уму и разностороннему образованію. Проповѣди Иннокентія считались образцовыми, но онъ говорилъ ихъ довольно рѣдко, а печаталъ еще гораздо рѣже. Новиковъ такъ отзывается объ этомъ духовномъ писателѣ: «Иннокентій—мужъ преискусный въ богословскихъ разсужденіяхъ и проповѣдываніи слова Божія, чему доказательствомъ служатъ многія сочиненныя имъ поучительныя слова, заслуживающія похвалу; но изъ нихъ ни одного нѣтъ напечатаннаго. Желательно, чтобы оныя были напечатаны для принесенія справедливой похвалы ихъ сочинителю». Въ духовной литературѣ извѣстно нѣсколько трудовъ Иннокентія, относящихся преимущественно къ области пастырскихъ наставленій; проповѣди же его до сихъ поръ остаются большею частью

въ рукописи, а если нѣкоторыя изъ нихъ и изданы, то составляютъ библіографическую рѣдкость. Въ проповѣдяхъ Иннокентія замѣчательно сближеніе требованій религіи съ существомъ человѣческаго разума и естественнаго чувства или, говоря его словами, голоса Бога съ голосомъ человѣчества. Приводя изъ св. писанія свидѣтельство о томъ, что лучшее счастье человѣка заключается въ исполненіи семейныхъ обязанностей, въ заботахъ о воспитаніи дѣтей, Иннокентій говоритъ: «Вонмемъ гласу Бога, изъясняющаго сіе въ своемъ законѣ. Сильно сіе слово въ душѣ всякаго человѣка, ибо есть слово Бога, повелѣвающаго человѣку. Но не сильно ли оно и тѣмъ, что впечатлѣнно въ совѣсти всякаго человѣка, что самое человѣчество налагаетъ необходимость на всѣхъ слѣдовать сему.... Имѣть склонность, наполненную нѣжнѣйшими побужденіями къ человѣку, не только неимѣющему способности промышлять о себѣ, но и нечувствующему какъ тѣхъ своихъ недостатковъ, такъ и самыхъ оказываемыхъ ему благодѣяній; содержать въ объятіяхъ сострадания, любить искренно и раздѣлять съ нимъ свое счастіе,—сіе представляетъ Богу добродѣтель человѣколюбія въ высочайшемъ степени. Представлять плоды рожденія своего полезными свѣту, угодными Богу; сдѣлать въ нихъ такія расположенія, чтобъ они, служа другихъ благополучію, тѣмъ самымъ составляли и умножали свое счастіе, — нѣтъ ничего, чтобъ больше могло прославить Творца и показать сколь величественны намѣренія Его о человѣкѣ» и т. д. [203]).

Несмотря на то, что Иннокентій избранъ, собственно говоря, почетнымъ членомъ академіи, онъ принималъ дѣятельное участіе въ главномъ трудѣ, занимавшемъ въ то время россійскую академію; былъ усерднымъ посѣтителемъ академическихъ собраній, особенно при составленіи первой части словаря; сообщалъ письменныя дополненія и замѣчанія на листы словаря, посылаемые къ нему для предварительнаго просмотра, и представилъ свои соображенія касательно плана задуманнаго академіею толковаго словаря славянорусскаго языка. Иннокентій былъ однимъ изъ

немногихъ академиковъ, участвовавшихъ въ составленіи *всѣхъ* частей словопроизводнаго словаря [204]).

II.

Сочувствіе къ занятіямъ академіи другаго почетнаго члена ея изъ среды духовенства, митрополита Самуила Миславскаго (1731—1796), выразилось присылкою имъ въ даръ россійской академіи всѣхъ книгъ, напечатанныхъ въ типографіи кіевопечерской лавры [205]). Объ участіи его въ трудахъ и засѣданіяхъ академіи не сохранилось никакихъ указаній. Избирая Самуила, россійская академія выражала свое уваженіе къ просвѣщенному іерарху, заявившему всею своею дѣятельностію свою любовь къ наукѣ и заботы о распространеніи ея въ средѣ людей, ввѣренныхъ его руководству и управленію. Академія русскаго языка и словесности не осталась равнодушною къ заслугамъ писателя, признаваемымъ и цѣнимымъ образованнѣйшими изъ его современниковъ. По отзыву Новикова «Самуилъ Миславскій — мужъ острый, ученый, просвѣщенный и искусный въ греческомъ, латинскомъ, французскомъ и природномъ языкѣ, также въ богословіи, философіи, краснорѣчіи и стихотворствѣ. Слова поучительныя и рѣчи, симъ епископомъ сказанныя, показываютъ, сколь изобиленъ онъ въ знаніи россійскаго слова. Слогъ его твердъ, чистъ, текущъ и пріятенъ, а свободное выраженіе хорошихъ мыслей дѣлаетъ честь его сочиненіямъ, и онъ по справедливости занимаетъ мѣсто въ числѣ хорошихъ нашихъ проповѣдниковъ. Сверхъ того трудился онъ нѣсколько лѣтъ въ преподаваніи словесныхъ наукъ при кіевской академіи. Тамъ сочинилъ онъ латинскую грамматику и много другихъ на томъ языкѣ сочиненій. Сей епископъ имѣетъ переписку со многими учеными людьми въ Европѣ».

Труды Самуила, богословскаго содержанія, извѣстны были и въ Россіи и заграницею: они печатались въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Лейпцигѣ, Кенигсбергѣ. Богословскія лекціи Ѳеофана Прокоповича, отысканныя и приготовленныя къ изданію

Самуиломъ Миславскимъ, напечатаны въ Кенигсбергѣ, а продолженіе этихъ лекцій, обнимающихъ весь курсъ догматическаго богословія, составлено самимъ Самуиломъ и издано въ Лейпцигѣ. На Самуила возложено было озаботиться составленіемъ научнаго описанія греческихъ рукописей синодальной библіотеки, и по приглашенію Самуила трудъ этотъ принялъ на себя Маттеи, занимающій высокое мѣсто въ ряду ученыхъ эллинистовъ того времени [206]). Нѣкоторыя изъ словъ Самуила напечатаны при московскомъ университетѣ, съ греческимъ и латинскимъ переводомъ.

Подобно Гавріилу и Иннокентію Самуилъ проводитъ ту мысль, что истины, открываемыя вѣрою, не отрицаютъ правъ разума и человѣческой природы, но дѣйствуютъ на всего человѣка, возвышая и освящая его. «Ничто не можетъ быть столь оскорбительно для человѣческаго рода, — говоритъ Самуилъ — какъ законъ обязующій къ невозможному. Чѣмъ далѣ узаконенія отъ природы относятся, тѣмъ съ вящшею трудностью исполненіе оныхъ соединено, тѣмъ скорѣе нарушаются, тѣмъ паче служатъ въ тягость душѣ и тѣлу. Напротивъ того ничто не дѣлаетъ столько чести человѣчеству и здравому разсудку, какъ законы, почерпнутые изъ хранилищъ самого естества. Входя прилежно въ разсматриваніе всѣхъ частей закона Божія, не находимъ мы ничего въ немъ, съ истинными выгодами человѣчества несовмѣстнаго. Богъ закона есть купно Богъ и Творецъ естества: Онъ вліялъ чувствованія естественныя, Онъ самъ предалъ и правила своея вѣры. Правда, что сверхъ ясныхъ нравственныхъ положеній, въ законѣ Божіемъ заключающихся, обязаны мы вѣрить и таинствамъ, въ немъ содержащимся, кои суть истины, превосходящія наше понятіе. Но сіе ничего оскорбительнаго въ себѣ не предполагаетъ. Такія истины суть согласны съ разумомъ здравымъ, освобожденнымъ отъ власти чувствъ и страстей. И для того разумъ ни мало не теряетъ своихъ правъ, подвергнувъ себя непреложности откровенія божественнаго. Онъ только повинуется власти заблужденію непричастной. Онъ, будучи увѣренъ

о непостижимости таинствъ, не простирается далѣе предѣловъ, за которые выступить не можетъ. Онъ довольствуется ясностію побужденій, ко увѣренію его преклоняющихъ.... Изъ всѣхъ напастей, обременяющихъ человѣчество, нѣтъ пагубнѣе безпорядка. Опытъ доказываетъ, что добрый порядокъ есть душа всѣхъ вещей и что посредствомъ онаго всѣ части политическаго тѣла и всѣ отрасли гражданскаго правленія содержатся въ непрерывномъ согласіи. Совершенства, которое состоитъ въ сходствѣ нашей воли со всеобщимъ порядкомъ, ничто въ такомъ пространствѣ не изображаетъ, какъ законъ Божій. Отыми узду совѣсти, вѣрою и закономъ подкрѣпляемой, то всѣ общества возчувствуютъ свое потрясеніе, то вдругъ откроется свободный входъ всѣмъ неустройствамъ. И для того основательно правиломъ вѣры поставляется сіе, что Богъ любитъ порядокъ и что ничего Онъ не повелѣваетъ, чтобы могло оный нарушить. Безспорно, что общества суть связаны внѣшними узами гражданскихъ законовъ; но сіи узы готовы всегда разрѣшиться корыстію страстей, и по стеченію обстоятельствъ раждаются, перемѣняются, и одни заступаютъ мѣсто другихъ. А законъ Божій въ существѣ своемъ неперемѣняемъ; онъ одинъ и тотъ же во всѣхъ временахъ и мѣстахъ; онъ данъ всѣмъ безъизъятно людямъ, и вездѣ имъ вѣщаетъ однимъ и тѣмъ же образомъ» и т. д. [207]).

Находясь во главѣ епархіальнаго управленія, Самуилъ заботился о возвышеніи научнаго уровня въ подвѣдомыхъ ему училищахъ, расширялъ кругъ преподаванія и въ значительной степени содѣйствовалъ его успѣхамъ. Самъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей своего времени. По свидѣтельству историка кіевской академіи, Самуилъ Миславскій отличался «основательнѣйшими знаніями во всѣхъ наукахъ, кои онъ преподавалъ; любовь питомцевъ и слава сопровождали его во всѣхъ классахъ, кои поочереди оглашалъ онъ своими уроками» [208]). Особенное вниманіе обращалъ онъ на преподаваніе русскаго языка. Самуилъ признавалъ образцовымъ русскимъ писателемъ Ломоносова и предлагалъ ученикамъ учить его оды наизусть, а учителямъ

совѣтовалъ вмѣстѣ съ учениками упражняться въ сочиненіи стиховъ, наблюдая «остроту въ эпиграммахъ, нѣжность въ мадригалахъ, простоту въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіяхъ, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, ужасъ и жалость въ трагедіи, смѣхъ и обманы въ комедіи». Но подобныя упражненія отнюдь не должны быть искусственнымъ подражаніемъ, лишеннымъ всякой самостоятельности: «того всемѣрно беречься, чтобъ стремящіеся ученики къ стихотворенію не были холодными риѳмотворцами и невольными подражателями, имѣющими сухія разсужденія, или такими, кои перемѣняютъ только мысли древнихъ, повторяютъ выраженія новыхъ, и могутъ продолжать одни общія матеріи, не производя ничего новаго и важнаго. Таковые стихотворцы хотя непрестанно стараются взойти на парнасскую гору, но рѣдко туда достигаютъ, а меньше того находятъ золотую и серебряную въ ней руду»[209]).

III.

Литературныя понятія того времени, требованія теоріи прозы и теоріи поэзіи выражаются въ трудахъ двухъ изъ духовныхъ членовъ россійской академіи: Амвросія Серебрякова и Аполлоса Байбакова.

Амвросій Серебряковъ (1745—1792), при избраніи въ академики епископъ олонецкій, впослѣдствіи архіепископъ екатеринославскій, пользовался въ свое время извѣстностью какъ духовный писатель, какъ авторъ руководства къ ораторіи и переводчикъ Мильтона. Амвросій былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Потемкинымъ, любившимъ бесѣдовать съ просвѣщеннымъ архипастыремъ и отчасти вызывавшимъ его на литературные труды: по предложенію Потемкина онъ составилъ сравненіе истинъ христіанства съ началами магометанской религіи. Одно изъ лучшихъ произведеній Амвросія — надгробное слово Потемкину, произнесенное въ Яссахъ, въ монастырѣ Голіи, 13 октября 1791 года. «Истинная скорбь — говоритъ ораторъ — чужда витійства; и когда самъ Спаситель плакалъ надъ умершими, то вотъ и все,

что укрѣпляюсь вамъ нынѣ сказать. Соедините ваши сѣтованія, вашу скорбь и слезы съ моими. Прости, свѣтлѣйшій и любезнѣйшій князь! Долго не перестанутъ искать тебя очи наши, долго не перестанутъ при исканіи томъ слезы проливать, долго и самое сердце почитать тебя потеряннымъ. Мысли наши подобны нынѣ ручью, жестокою бурею возмущенному; когда успокоятся, ты паки изобразишься на нихъ ясно, и какъ видѣніе тогда наше, такъ благодарность пребудутъ неизмѣнны. Прости и еще прости въ послѣдній разъ» [210]).

Составленное Амвросіемъ «краткое руководство къ ораторіи росссійской» написано подъ сильнымъ вліяніемъ риторики Ломоносова, которая въ свою очередь представляетъ много сходнаго съ школьными риториками конца семнадцатаго и начала восьмнадцатаго столѣтія [211]). Высокимъ образцомъ краснорѣчія Амвросій признавалъ ораторскія произведенія Ломоносова, и въ большинствѣ случаевъ строго держался его риторики. Въ главѣ объ изобрѣтеніи доказательствъ имя Ломоносова сближается съ именемъ перваго мудреца, и въ примѣръ анаграммы приводится: Ломоносовъ — Соломоновъ. Уклоненія отъ авторитета, для многихъ непогрѣшимаго, указаны отчасти самимъ авторомъ. Такъ у Ломоносова разговоры раздѣляются на натуральные, ненатуральные и смѣшенные: въ натуральныхъ говорятъ люди—у Виргилія и Теокрита пастухи бесѣдуютъ о любви и другихъ предметахъ; въ ненатуральныхъ разговорахъ представляются звѣри и неодушевленныя вещи—мышь съ попугаемъ или муха съ лошадью толкуютъ о нравахъ человѣческихъ; смѣшенный разговоръ происходитъ между человѣкомъ и животнымъ—у Лукіана пѣтухъ разсуждаетъ съ сапожникомъ о переселеніи душъ, подсмѣиваясь надъ Пиѳагоромъ [212]). Амвросій, принимая за основаніе не предметъ, а форму, дѣлитъ разговоры на историческіе и комическіе. Историческими называетъ тѣ, въ которыхъ что-либо излагается «повѣствовательно», а комическими тѣ, въ которыхъ «что-либо предлагается не повѣствовательно, а прямымъ словомъ». Примѣры первыхъ: разговоры Цицерона объ ораторѣ, эклоги Сумарокова

и др. Примѣры вторыхъ: разговоры Эразма, Лукіана и Сумарокова—въ царствѣ мертвыхъ. Слово *комическій* употреблено здѣсь въ смыслѣ *драматическій*, какъ употреблялось оно и въ семнадцатомъ вѣкѣ[213]).

Сознавая невозможность исчерпать все разнообразіе отдѣльныхъ случаевъ, условій и обстоятельствъ и на каждое изъ нихъ предложить соотвѣтствующее правило, Амвросій отсылаетъ желающихъ усовершенствоваться въ ораторскомъ искусствѣ къ его вѣковѣчнымъ образцамъ и лучшимъ руководителямъ въ этомъ дѣлѣ — ораторамъ классической древности. Преклоняясь передъ древними авторитетами, онъ жертвуетъ имъ требованіями, вытекающими изъ условій современной жизни и русскаго общества. Онъ предлагаетъ заниматься составленіемъ такого рода рѣчей, которыя не только не соотвѣтствуютъ, но рѣзко противорѣчатъ общественному и политическому складу русской жизни. Хотя онъ и замѣчаетъ, что греко-римскій обычай публично совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ «у насъ не въ употребленіи», тѣмъ не менѣе входитъ въ подробности, пригодныя для ораторовъ, имѣющихъ дѣло съ республиканцами. «При похвалѣ чиновъ, управляющихъ республикою, можно имѣть большую свободу мыслей, но менѣе великолѣпія; а особливо, если одному только говорится похвальное слово, то надлежитъ великую имѣть осторожность, ибо весьма удобно можемъ оскорбить соправителей его; чего ради надобно пристойнымъ образомъ и къ ихъ похвалѣ обращать слово» и т. д. Въ панегирикахъ вообще авторъ ораторіи совѣтуетъ держаться благоразумной середины между монархическими и республиканскими обычаями, чтобы «не показаться излишно ласкательнымъ или до подлости раболѣпнымъ, *чего премногіе писатели не наблюдаютъ;* но паче стараться наблюдать посредство между республиканскою вольностію и подданствомъ раболѣпнымъ».

Право на панегирики принадлежитъ исключительно знати. «Лица — говоритъ авторъ — бываютъ или знаменитыя или подлыя. Знаменитые суть самовластные государи, въ республикахъ

чины или сенатъ, и прочіе славные мужи. Подлыхъ лицъ хвалить почти не можно и не должно, развѣ вообще» [214]).

Какъ содержаніе произведеній должно было, по требованію теоріи, относиться къ высшему слою общества, такъ и языкъ ихъ долженъ быть сколкомъ съ языка высшаго общества въ противоположность съ живымъ говоромъ народа. Такое воззрѣніе, основываясь отчасти на древнихъ писателяхъ, видоизмѣнилось и получило особенную окраску во Франціи во времена господства ложноклассической теоріи, и изъ французской литературы перешло и въ русскую. Законодателемъ языка всѣ теоретики признавали *употребленіе*, но спорный вопросъ заключался въ томъ, что именно разумѣть подъ словомъ *употребленіе*.

Первый судья въ дѣлѣ языка и словесности, по убѣжденію ученыхъ цѣлаго ряда вѣковъ, краса римской литературы, Квинтиліанъ замѣчаетъ, что образованіе языка совершается при участіи четырехъ началъ: разума, времени, хорошихъ писателей и употребленія. Самый надежный руководитель — установившееся употребленіе: имъ можно пользоваться также смѣло, какъ монетою установленнаго чекана, общепринятою въ государствѣ. Но прежде всего надо опредѣлить что̀ называется употребленіемъ. Признавать что-либо законнымъ и правильнымъ единственно потому, что оно употребляется большинствомъ, значитъ допустить начало весьма опасное не только для языка, но — что̀ еще хуже — для самой жизни. Въ большинствѣ, въ массахъ часто обнаруживаются крайности, излишества: обычай и употребленіе выраждаются иногда въ злоупотребленіе. Поэтому употребленіемъ, имѣющимъ обязательную силу, должно признать — въ языкѣ то̀, что̀ принято людьми просвѣщенными, а въ жизни — то̀, что соблюдается людьми благомыслящими: consuetudinem sermonis vocabo consensum eruditorum, sicut vivendi consensum bonorum [215]).

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ теоретиковъ Вожла (Vaugelas, 1585—1650), баронъ, служившій при дворѣ, ограничиваетъ предѣлы *употребленія*, заключая его въ рамки

придворной жизни и принятыхъ въ ней обычаевъ. Въ языкѣ — говоритъ Вожла — господствуютъ два употребленія: дурное и хорошое; первое принадлежитъ большинству, второе — избраннымъ; эти избранные — лучшая, здоровая часть придворныхъ (la partie la plus saine de la Cour) и лучшіе изъ современныхъ писателей. Подъ именемъ двора и придворныхъ надо понимать и мужчинъ и женщинъ, а равно и особъ, живущихъ въ столицѣ, бывающихъ при дворѣ и усвоившихъ его этикетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дворъ служитъ источникомъ, откуда языкъ получаетъ множество прекрасныхъ чертъ и выраженій, и что вся прелесть какъ въ духовномъ, такъ и въ судебномъ краснорѣчіи заимствуется почти исключительно отъ двора. Языкъ двора выше языка образцовыхъ писателей, ибо живое слово всегда выше слова письменнаго, которое служитъ ему внѣшнею оболочкою, и т. п. [216]).

Подобно Вожла, другой французскій писатель Бюфье утверждаетъ, что лучшее употребленіе должно основываться на языкѣ лицъ, наиболѣе выдающихся или по своему общественному положенію, вліянію и власти, или по своимъ литературнымъ дарованіямъ и умѣнью и навыку владѣть письменнымъ словомъ. Для избѣжанія неточности, онъ совѣтуетъ считать образцомъ языкъ *большинства придворныхъ*, ибо *большинство* — понятіе болѣе опредѣленное, нежели лучшая или здоровая часть, по терминологіи Вожла [217]).

Въ вопросѣ о языкѣ сужденія и взгляды Вожла пользовались большимъ авторитетомъ какъ у его современниковъ, такъ и у послѣдующихъ поколѣній. «Французскихъ риѳмачей суровый судія», поражавшій ихъ своими здравыми приговорами, строгій и ѣдкій Буало называетъ Вожла умнѣйшимъ писателемъ своего времени—le plus sage des écrivains de notre langue [218]).

Тредьяковскій, питомецъ парижскаго университета, усердный почитатель всего французскаго, преклоняясь передъ авторитетами Вожла и Бюфье, пытался даже передѣлывать ихъ на русскіе нравы. У насъ всѣ кричатъ объ употребленіи, — гово-

ритъ Тредьяковскій — а на сколько оно должно господствовать въ языкѣ, этого никто не опредѣляетъ: «ежели твердить одно только употребленіе, то и блинниково употребленіе долженствуетъ быть важно. Въ каждомъ языкѣ живущемъ есть два способа, какъ имъ говорить: первый употребляютъ люди, знающіе силу въ своемъ языкѣ, а другой въ употребленіи у подлости и крестьянъ. Лучше полагаться на знающихъ и обходительствомъ выцвѣченыхъ людей, нежели на нестройную и безразсудную чернь». Тредьяковскій высказываетъ надежду, что русскій языкъ процвѣтетъ и разовьется, утверждаясь на употребленіи, принятомъ отъ всѣхъ «разумныхъ», къ числу которыхъ относитъ онъ многихъ изъ нашихъ духовныхъ писателей, представляющихъ въ своихъ произведеніяхъ богатѣйшій матеріалъ для грамматики и для риторики, а также знатнѣйшее дворянство, министровъ и и придворныхъ — на томъ основаніи, что «дворъ ея величества въ словѣ наиучтивѣйшій». Идя по стопамъ французскихъ писателей, Тредьяковскій увлекается ими до того, что не видитъ различія въ литературной образованности и изяществѣ языка между версальскимъ дворомъ Людовика XIV и петербургскимъ дворомъ временъ Анны Іоанновны [219]).

Подъ вліяніемъ теоріи Тредьяковскаго и господствовавшаго въ то время понятія о взаимномъ отношеніи языковъ церковнославянскаго и русскаго, авторъ россійской ораторіи излагаетъ свое ученіе о чистотѣ слога: «Чистота штиля требуетъ чистыхъ рѣченій и употребительныхъ выраженій. Чистыя рѣченія суть тѣ, которыя всѣми одобрены, вразумительны и употребляются въ важныхъ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ писателей. Одобренныя всѣми рѣченія и выраженія суть тѣ, которыя *столичныхъ городовъ лучшими лицами* въ общихъ разговорахъ употребляются. Повреждаютъ чистоту штиля рѣченія грубыя, невразумительныя. Грубыя рѣченія и выраженія суть тѣ, которыя странны ученому слуху и употребительны только между простымъ народомъ; которыхъ сочиненіе противно общему нарѣчію или грамматическимъ правиламъ; и которыя изъ чистыхъ рѣченій новымъ образомъ или со-

ставляются или оканчиваются, напр. *швыряю*, т. е. бросаю; *притча* вмѣсто случая; *получить убытокъ*, *потерять человѣка* вмѣсто убить; *презирать къмъ* вмѣсто кого; *предвержение*, *раболѣпность* и проч. Но нѣтъ ничего противнѣе, какъ читать нѣкоторые съ иностранныхъ сочиненій переводы, въ которыхъ собственныя онымъ языкамъ нарѣчія, по незнанію переводчиковъ, въ россійскій языкъ вносятся противу правилъ грамматическихъ. Невразумительныя рѣченія бываютъ, которыя или весьма древни, нововымышлены, въ отмѣнномъ значеніи положены или изъ иностранныхъ языковъ заимствованы, напр. *тіунъ*, *горволь*, *слана*, *самостоятельность*, *шамадъ*, *брешъ*» [220]).

Лучшею школою для выработки слога служатъ произведенія первостепенныхъ русскихъ писателей: таковы всѣ произведенія Ломоносова. Никто лучше его не умѣлъ соединять русскаго языка съ церковно-славянскимъ, а въ этомъ соединеніи и заключается красота и важность — два необходимыя условія литературнаго языка и слога. Примѣры, приводимые Амвросіемъ, заимствованы большею частью изъ поучительныхъ словъ Платона, стихотвореній и торжественныхъ рѣчей Ломоносова, изъ трагедій и одъ Сумарокова.

Теоретическія требованія, выраженныя въ руководствѣ къ ораторіи, примѣнялись авторомъ къ его собственнымъ трудамъ, оригинальнымъ и переводнымъ. Выбирая для перевода знаменитое произведеніе Мильтона, Амвросій имѣлъ въ виду какъ его литературное достоинство, такъ и многія стороны его содержанія, вводящія въ глубь нравственныхъ и религіозныхъ вопросовъ. Переводчика увлекали, по его собственнымъ словамъ, глубина мыслей, величіе образовъ, живость описаній въ поэмѣ, вдохновенной чтеніемъ библіи и классическихъ твореній древняго міра: у Мильтона особенно ярки слѣды живаго знакомства съ писаніями пророка Исаія, съ поэмами Гомера и метаморфозами Овидія. Одна изъ существенныхъ причинъ для перевода заключалась въ томъ, что въ поэмѣ Мильтона развивается мысль о непреложной справедливости путей Промысла и о неправотѣ тѣхъ, кото-

рые вину свою возлагають на его судьбы. Трудность, съ которою пришлось бороться переводчику, состояла въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ «Потеряннаго рая» высказывалъ мысли и допускалъ образы, не вполнѣ согласные съ библейскимъ повѣствованіемъ. Иное прямо бросалось въ глаза, другое было непримѣтно для человѣка непосвященнаго въ область богословскихъ наукъ. Наиболѣе крупное по существу, но мало замѣтное для непривычнаго глаза, уклоненіе отъ догматической истины заключалось въ томъ, что Мильтонъ — какъ выражается Амвросій—«придерживался аріанской ереси». Описывая бесѣду Адама съ ангеломъ, изъявившимъ готовность вкусить отъ земныхъ плодовъ, предложенныхъ ему гостепріимнымъ хозяиномъ, Мильтонъ, по словамъ переводчика, влагаетъ въ уста ангела разговоръ матеріалиста — доказываетъ, что и ангелы могутъ вкушать человѣческую пищу, которая превращается въ ихъ плоть и кровь. Англійскій поэтъ нигдѣ не говоритъ, что міръ созданъ изъ ничего, но всегда полагаетъ какое-то вещество, которое будто бы существовало до сотворенія міра. Такія и подобныя вещи опущены или только сглажены въ русскомъ переводѣ. Но рѣшаясь на такого рода измѣненія, Амвросій далекъ былъ отъ мысли передѣлывать подлинникъ по своему, и вообще обходился съ нимъ весьма бережно, безо всякой нетерпимости и фанатизма, удерживая многое даже изъ того, что шло въ разрѣзъ съ общепринятымъ мнѣніемъ. Такимъ образомъ онъ передаетъ поэтическую картину супружеской любви, не уничтожая въ ней и тѣхъ чертъ, которыя прямо направлены противъ безбрачія и монашества. Слова Мильтона о святости супружества сохранены и въ русскомъ переводѣ: «Можно ли почитать нечистымъ, что очистилъ самъ Богъ. Создатель самъ уставилъ сіе святое сообщество. Кто же повелѣваетъ отвергать его? То развѣ лишенные ума, враги Богу и человѣку, могутъ осуждати толь священныя узы. Лобзаю тебя, супружеская любовь: тобою человѣкъ отмѣненъ отъ скотовъ безсловесныхъ; ты—не въ смѣхѣ лживомъ и наемномъ блудницы, и т. д.». Не дозволяя себѣ умышленнаго искаженія подлин-

ника, Амвросій ограничился такою замѣткою: «что съ толикимъ жаромъ одобряетъ сіе дѣйствіе (т. е. бракъ) и порочитъ отвергающихъ его какъ нѣчто беззаконное, то не удивительно, ибо трижды былъ женатъ». Въ отвѣтъ на это объясненіе можно бы замѣтить, что собственныя брачныя узы едва ли казались Мильтону райскими: въ сочиненіи о бракѣ, которое написано подъ вліяніемъ личнаго горькаго опыта, Мильтонъ говоритъ, что не слѣдуетъ хвалиться своею гражданскою свободою тому, кто дома находится подъ вѣчнымъ и унизительнымъ гнетомъ слабѣйшаго существа. При сужденіи о переводѣ Амвросія и его вѣрности, нельзя забывать и того обстоятельства, что онъ сдѣланъ не съ англійскаго подлинника, а, по обычаю того времени, съ французскаго перевода. Тогдашняя литература наша изобиловала переводами съ переводовъ, преимущественно французскихъ. Дорожа точностью при передачѣ образовъ и выраженій чужаго языка, Амвросій счелъ нужнымъ оговориться, что слѣдуя англійскому подлиннику, въ которомъ грѣхъ (Sin) олицетворенъ въ видѣ женщины, а смерть (Death) въ видѣ мужчины, онъ въ переводѣ своемъ, согласно со свойствомъ англійскаго языка, называетъ грѣхъ дочерью сатаны, а смерть — сыномъ грѣха, а не на оборотъ, какъ бы слѣдовало по духу языка русскаго, и т. п. [221]).

Амвросій, какъ членъ россійской академіи, принималъ участіе въ ея работахъ, будучи со времени своего избранія и до отъѣзда изъ Петербурга «рачительнымъ соучастникомъ въ собраніяхъ академіи». По отпечатаніи первыхъ листовъ этимологическаго словаря, Амвросій изъявилъ готовность сообщить относительно ихъ свои замѣчанія и дополненія. Вмѣстѣ съ тремя другими членами Амвросій разсматривалъ составленное студентами Дмитріемъ и Петромъ Соколовыми собраніе словъ и рѣченій на букву *в*, расположенное въ этимологическомъ порядкѣ, а также слова на буквы *и*, *і*, *к*, собранныя лицами, непринадлежащими къ составу академіи. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ, подвергавшихся обсужденію въ академическихъ собраніяхъ, Амвросій являлся противникомъ Болтина. Амвросій утверждалъ, что изъ словъ, начинаю-

щихся съ отрицательной частицы *не*, только тѣ должны быть вносимы въ словарь, которыя или вовсе неупотребительны безъ отрицательной частицы, какъ напримѣръ: *ненастье*, *нечестивый* и т. п.; или же въ соединеніи съ нею получаютъ другой смыслъ, напримѣръ: *глаголанный* и *неизглаголанный*. Возражая Амвросію, Болтинъ доказывалъ, что если держаться приведеннаго основанія, то придется исключить цѣлый рядъ словъ, которыя необходимо должны быть помѣщены въ словарѣ. Въ отчетѣ о трудахъ академіи, читанномъ 25 ноября 1786 года, заявлено было, что Амвросій «отъ вступленія своего въ академію, въ собраніяхъ академіи много споспѣшествовалъ къ совершенству словаря своими совѣтами и примѣчаніями, и участвовалъ въ разсматриваніи словъ, въ составъ словопроизводный приведенныхъ»[222]).

IV.

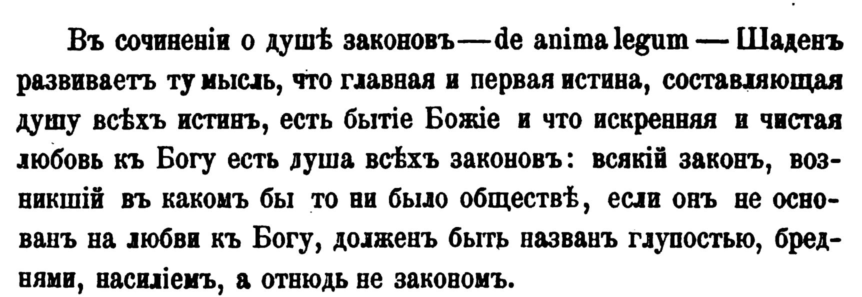
Аполлосъ Байбаковъ*(1745—1801), уроженецъ Малороссіи, питомецъ московской духовной академіи, довершилъ свое образованіе въ московскомъ университетѣ, въ которомъ пробылъ все время, опредѣленное уставомъ для выслушанія полнаго университетскаго курса. По вступленіи на педагогическое поприще, Аполлосъ былъ учителемъ піитики и риторики, ректоромъ академіи, и т. д., а впослѣдствіи—епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ и, наконецъ, архіепископомъ архангельскимъ.

Любовь къ наукѣ и литературѣ, одушевлявшая Аполлоса съ ранней молодости, не покидала его во всю его жизнь. Независимо отъ проповѣдей, толкованія различныхъ книгъ св. писанія и вообще сочиненій богословскаго содержанія, Аполлосъ извѣстенъ и другаго рода трудами, относящимися большею частью къ области языка и словесности. Во время пребыванія своего въ московскомъ университетѣ Байбаковъ обработалъ курсъ статистики по лекціямъ профессора Рейхеля. Будучи преподавателемъ словесности, онъ составилъ піитику, выдержавшую много изданій и болѣе полувѣка служившую учебнымъ руководствомъ. Ему же принадлежитъ и одинъ изъ немногихъ опытовъ русской грамматики, являвшихся

въ прошломъ столѣтіи; грамматика издана авторомъ въ то время, когда онъ былъ въ санѣ епископа. Аполлосъ писалъ и произведенія чисто литературныя—повѣсти аллегорическаго и назидательнаго содержанія, и переводилъ стихотворенія иностранныхъ поэтовъ.

Байбаковъ былъ студентомъ философскаго факультета въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ тѣ времена общее число университетскихъ каѳедръ не превышало десяти; изъ нихъ на долю философскаго факультета приходились слѣдующія четыре: философіи, словесности, исторіи и физики Профессоръ философіи—сказано въ уставѣ—долженъ обучать логикѣ, метафизикѣ и нравоученію; профессоръ краснорѣчія—для обученія ораторіи и стихотворству; профессоръ исторіи—для показанія исторіи универсальной и россійской, также древности и геральдики; профессоръ физики — обучать долженъ физикѣ экспериментальной и теоретической. Университетскій курсъ продолжался три года. Со времени открытія коммисіи для составленія проекта новаго уложенія, т. е. съ 1767 года, началось чтеніе лекцій, особенно юридическихъ, на русскомъ языкѣ; но въ философскомъ факультетѣ большая часть лекцій читалась по латыни [223]).

Философія преподавалась по системѣ Вольфа, господствовавшей тогда въ ученомъ мірѣ. Въ изложеніи логики и метафизики слѣдовали Винклеру и Баумейстеру, а нравственная философія излагалась въ духѣ Геллерта, произведенія котораго Гете называетъ основаніемъ нравственной культуры Германіи. Въ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія каѳедру философіи въ московскомъ университетѣ занимали два лица: Шаденъ, наставникъ и воспитатель Карамзина, и Аничковъ, который, подобно Байбакову, началъ образованіе свое въ троицкой семинаріи и довершилъ его въ московскомъ университетѣ. О свойствѣ и направленіи преподаванія можно судить по рѣчамъ и разсужденіямъ, вышедшимъ изъ подъ пера тогдашнихъ представителей философской каѳедры.

Въ сочиненіи о душѣ законовъ — de anima legum — Шаденъ развиваетъ ту мысль, что главная и первая истина, составляющая душу всѣхъ истинъ, есть бытіе Божіе и что искренняя и чистая любовь къ Богу есть душа всѣхъ законовъ: всякій законъ, возникшій въ какомъ бы то ни было обществѣ, если онъ не основанъ на любви къ Богу, долженъ быть названъ глупостью, бреднями, насиліемъ, а отнюдь не закономъ.

Профессоръ Аничковъ писалъ о происхожденіи и развитіи религіи у различныхъ народовъ; о томъ, что міръ сей есть явнымъ доказательствомъ премудрости Божіей, и что въ немъ ничего не бываетъ по случаю; о свойствахъ познанія человѣческаго и средствахъ, предохраняющихъ умъ смертнаго отъ различныхъ заблужденій, и т. д.

Несмотря на то, что въ трудахъ и лекціяхъ Аничкова, по господствующему въ нихъ направленію, всего менѣе можно было ожидать чего-либо вреднаго и предосудительнаго, піетисты нашли поводъ обвинить его въ опасной свободѣ мыслей. Дѣло это принадлежитъ къ числу выдающихся явленій тогдашней университетской жизни. Оно принимало весьма неблагопріятный оборотъ, и только настойчивый протестъ со стороны синодальнаго оберъ-прокурора, вступившагося за представителя науки и достоинство университета, отклонили угрожающія послѣдствія упорно поддерживаемаго обвиненія. Магистръ Аничковъ написалъ «разсужденіе изъ натуральной богословіи о началѣ и произшествіи натуральнаго богопочитанія». Противъ этого сочиненія возстали архіепископъ Амвросій и профессоръ московскаго университета Рейхель. Рейхель изложилъ свои возраженія въ рѣчи, въ которой доказывалъ, что Аничковъ основывается на мнѣніи писателей, слывшихъ безбожниками даже у язычниковъ, и что «чрезъ таковое сочиненіе онъ, Аничковъ, ничего, кромѣ худаго мнѣнія, не заслуживаетъ». Архіепископъ Амвросій находилъ сочиненіе Аничкова соблазнительнымъ и вреднымъ для христіанскаго закона, и требовалъ уничтоженія брошюры и наложенія церковнаго наказанія на ея автора. По выслушаніи доклада объ этомъ дѣлѣ постановлено слѣдующее:

«Хотя св. синодъ и не можетъ думать, чтобъ оный Аничковъ имѣлъ дерзновенное намѣреніе что-нибудь прямо говорить противъ православнаго закона, однако тѣмъ не менѣе признаетъ, что въ нѣкоторыхъ помянутаго сочиненія мѣстахъ онъ, Аничковъ, употребилъ выраженія неосторожныя, кои могли показаться другимъ соблазнительными. Въ разсужденіи чего св. синодъ полагаетъ сообщить правительствующему сенату вѣдѣніе, коимъ требовать, чтобъ благоволено было московскому университету подтвердить, дабы таковыхъ, вѣры касающихся, неосторожныхъ сочиненій, кольми же паче до напечатанія ихъ допускаемо не было, а не меньше бъ притомъ было наблюдаемо, дабы и въ преподаваемыхъ лекціяхъ ничего бъ таковаго примѣшиваемо не было, чѣмъ законъ какимъ-либо соблазнительнымъ образомъ могъ бы тронутъ быть. А чтобъ, сверхъ чаянія, и въ другихъ мѣстахъ таковыхъ неосторожныхъ сочиненій печатаемо быть не могло, то и въ другія типографіи учинить о томъ же отъ правительствующаго сената подтвержденіе, чтобъ, въ сходственность духовнаго регламента и имяннаго 1743 года указа, сочиненій и переводовъ, вѣры касающихся, безъ апробаціи св. синода печатано не было, дабы чрезъ сіе сохраненъ былъ законный порядокъ и покой общій. А чтобъ оный магистръ Аничковъ могъ каковымъ-либо образомъ приведенъ быть въ чувствіе своея погрѣшности, оное св. синодъ оставляетъ на благоусмотрѣніе правительствующаго сената». Но исправлявшій должность оберъ-прокурора св. синода, бригадиръ Чебышовъ заявилъ, что «въ томъ сочиненіи таковыхъ закону православному противностей имъ не усматривается, да и сочиненіе де оное, какъ и самъ преосвященный въ своемъ доношеніи пишетъ, перепечатано, и во второмъ изданіи всего того, что ему, преосвященному, соблазнительнымъ и вреднымъ казалось, болѣе уже не напечатано; притомъ и то, что тѣмъ, Аничковымъ, оное сочиненіе читано было въ мѣстѣ государственномъ и ученомъ, гдѣ никакой соблазнъ и непристойность терпимы быть не могутъ. Того бъ ради св. синодъ, не вступая въ подробное о томъ сочиненіи разбирательство, оставилъ оное безъ дѣйствія, дабы сохранена была та

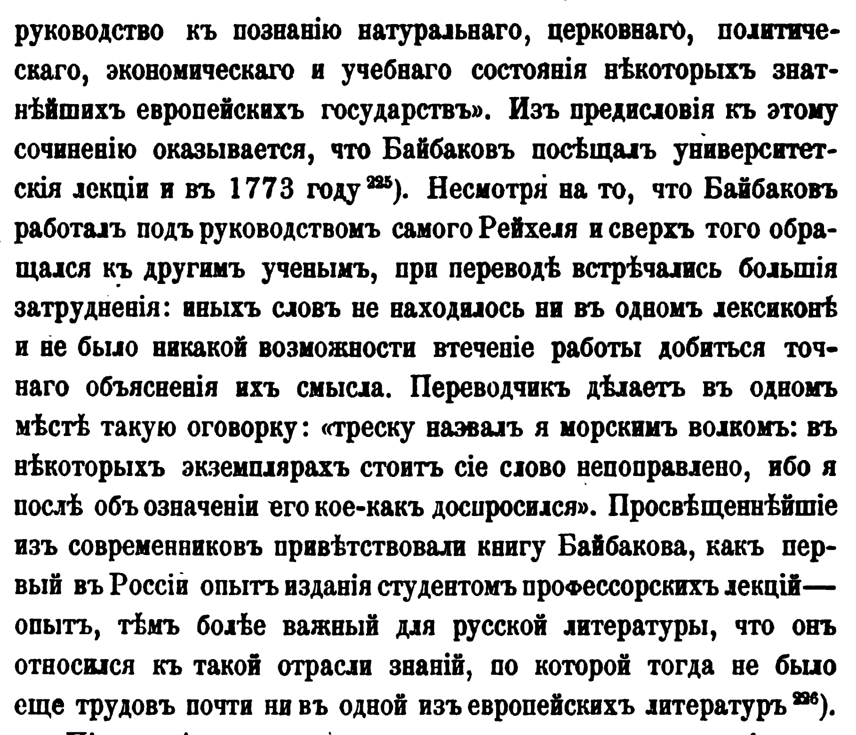
благопристойность, посредствомъ бы которой былъ отвращенъ могущій произойти каковый-либо въ простыхъ людѣхъ соблазнъ». Члены синода не обратили вниманія на это заявленіе, и подписали протоколъ о передачѣ дѣла въ сенатъ. Тогда исправляющій должность оберъ-прокурора вынужденъ былъ письменно предложить то, что предлагалъ словесно, но «съ тѣмъ прибавленіемъ, что де онаго опредѣленія пропустить ему не можно для вышеобъявленныхъ имъ резоновъ, а паче, что ни въ доношеніи преосвященнаго московскаго, ни въ опредѣленіи св. синода не изъяснено, въ чемъ и какимъ догматамъ нашего православнаго закона оное Аничково сочиненіе противно, вредно и соблазнительно, безъ чего де правительствующему сенату, какъ московскому университету и другимъ типографіямъ, чтобъ таковыхъ и подобныхъ сочиненій печатаемо не было, повелѣнія предписать, такъ и упоминаемаго магистра Аничкова, по требованію св. синода, въ чувство приводить будетъ не можно, ибо де по государственнымъ правамъ никто безъ изысканія точной вины сужденъ и штрафованъ быть не долженъ». Дѣло о сочиненіи Аничкова, начавшееся во времена пребыванія Байбакова въ московскомъ университетѣ, именно въ 1769 году, весьма долго оставалось нерѣшеннымъ, и только въ 1787 году состоялось постановленіе о прекращеніи дѣла и сдачѣ его въ архивъ [224]).

Профессоръ краснорѣчія Барсовъ, ученикъ Тредьяковскаго, излагалъ правила риторики по Эрнестію, объяснялъ римскихъ писателей: Цицерона, Горація, Виргилія, Плавта, Теренція; изъ греческихъ: Ксенофонта и Продиково сказаніе о Геркулесѣ и т. д.; изъ русскихъ: оды и похвальныя слова Ломоносова, и показывалъ употребительнѣйшіе размѣры русскихъ и латинскихъ стиховъ. Для показанія слушателямъ примѣровъ во всѣхъ главныхъ родахъ стихотворныхъ и прозаическихъ сочиненій онъ обращался къ различнымъ латинскимъ писателямъ, сообщая предварительно свѣдѣнія какъ о самихъ писателяхъ, такъ и о ихъ вѣкѣ, а «въ россійскомъ языкѣ слѣдовалъ Ломоносову и его за образецъ предлагалъ, хотя и другихъ россійскихъ писателей употреблять не оста-

влялъ. Сверхъ сего къ переводамъ съ латинскаго на россійскій языкъ и обратно руководствовалъ, особливо почасту задавая слушателямъ своимъ сочиненія въ стихахъ и прозѣ». Такимъ образомъ писаніе стиховъ признавалось обязательнымъ и въ университетѣ, подобно тому, какъ оно вошло въ обычай во всѣхъ духовныхъ училищахъ того времени.

Прикладная математика излагалась профессоромъ Ростомъ по руководству Вейдлера, которое заключаетъ въ себѣ, по отзыву спеціалистовъ, изложеніе современной ему науки хотя краткое, но вмѣстѣ съ тѣмъ «преудовлетворительное, а потому и презамѣчательное». Преподаватель любилъ разнообразить свой курсъ, вводя въ него, сверхъ экспериментальной физики, которую читалъ ежегодно, и геодезію, и артиллерію, и подземную геометрію, и т. п. Въ лекціяхъ своихъ профессоръ Ростъ, по свидѣтельству его біографа, умѣлъ «соединять логическую ясность съ пріятною живостію, временемъ даже съ шутливостію».

Каѳедру исторіи занималъ профессоръ Рейхель, вызванный по рекомендаціи извѣстнаго писателя Готшеда. Поселившись въ Россіи, Рейхель сталъ изучать русскій языкъ и стремился сблизиться съ своею новою средою; подъ его руководствомъ студенты переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій. Въ числѣ этихъ студентовъ былъ и Фонъ-Визинъ. Въ лекціяхъ своихъ Рейхель связывалъ всеобщую исторію съ исторіею литературы и образованности, а при изложеніи новой исторіи представлялъ статистическій обзоръ европейскихъ государствъ. Курсъ Рейхеля, знакомя съ состояніемъ просвѣщенія, съ религіею, нравами, обычаями и законами различныхъ народовъ, давалъ богатую пищу для воспріимчивыхъ умовъ, соединяя въ себѣ и научное достоинство и занимательность. Слушая лекціи Рейхеля по статистикѣ, читанныя на латинскомъ языкѣ, Байбаковъ, по его собственному свидѣтельству, записывалъ все то, что ему казалось заслуживающимъ вниманія, и какъ въ этой наукѣ находилъ много нужнаго, полезнаго и пріятнаго, то и рѣшился издать свои записки въ свѣтъ. Онѣ напечатаны на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Краткое

руководство къ познанію натуральнаго, церковнаго, политическаго, экономическаго и учебнаго состоянія нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ». Изъ предисловія къ этому сочиненію оказывается, что Байбаковъ посѣщалъ университетскія лекціи и въ 1773 году [225]). Несмотря на то, что Байбаковъ работалъ подъ руководствомъ самого Рейхеля и сверхъ того обращался къ другимъ ученымъ, при переводѣ встрѣчались большія затрудненія: иныхъ словъ не находилось ни въ одномъ лексиконѣ и не было никакой возможности втеченіе работы добиться точнаго объясненія ихъ смысла. Переводчикъ дѣлаетъ въ одномъ мѣстѣ такую оговорку: «треску назвалъ я морскимъ волкомъ: въ нѣкоторыхъ экземплярахъ стоитъ сіе слово непоправлено, ибо я послѣ объ означеніи его кое-какъ доспросился». Просвѣщеннѣйшіе изъ современниковъ привѣтствовали книгу Байбакова, какъ первый въ Россіи опытъ изданія студентомъ профессорскихъ лекцій— опытъ, тѣмъ болѣе важный для русской литературы, что онъ относился къ такой отрасли знаній, по которой тогда не было еще трудовъ почти ни въ одной изъ европейскихъ литературъ [226]).

Піитика Аполлоса, названная имъ самимъ: «правила піитическія о стихотвореніи россійскомъ и латинскомъ», написана подъ вліяніемъ двухъ образцовъ: съ одной стороны—сочиненій Тредьяковскаго, основанныхъ на знакомствѣ ихъ автора съ западноевропейскими литературами и на его собственныхъ, весьма замѣчательныхъ наблюденіяхъ; съ другой — старинныхъ латинскихъ піитикъ, переходившихъ по преданію отъ поколѣнія къ поколѣнію въ нашихъ духовныхъ училищахъ [227]). Аполлосъ руководствовался главнымъ образомъ статьями Тредьяковскаго: Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ и Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще. Слѣдуя Тредьяковскому, Аполлосъ возводитъ начало поэзіи ко временамъ библейскаго Ювала, нашедшаго пѣвницу и гусли, т. е. поэзію и музыку: они хранились преимущественно между пастухами, и отъ сыновей Ноя распространились по всему свѣту. Стихъ возникъ вслѣдствіе потребности вывести людей изъ дикаго и звѣрскаго состоянія посредствомъ дѣйствія на слухъ ихъ пріят-

ностью плавной, размѣренной рѣчи: говоря это, авторъ имѣетъ въ виду преданія объ Орфеѣ и Амфіонѣ. Понятія о строфѣ, риѳмѣ, стихотворческой вольности, различныя опредѣленія и раздѣленія, а также терминологія и самые примѣры, заимствованы Аполлосомъ у Тредьяковскаго съ нѣкоторыми добавками изъ статьи Кантемира о русскомъ стихосложеніи. Отступленія состоятъ въ едва примѣтной замѣнѣ кое-какого слова или оборота. Тредьяковскій говоритъ: «имѣющія чотку стиховъ называются правильными строфами; неправильными же, въ коихъ нечотка». Аполлосъ: «ежели строфа состоитъ чоткою стиховъ, называется правильная; ежели нечоткою, неправильною», и т. п. Подобно Кантемиру Аполлосъ совѣтуетъ избѣгать глагольныхъ риѳмъ съ окончаніемъ *ати*. «Наипаче — говоритъ Кантемиръ — совѣтую оставлять подлымъ стихотворцамъ риѳму неопредѣльныхъ на *ати*, понеже она уху весьма непріятна, развѣ когда одна рѣчь есть имя, а другое—слово, каковы напримѣръ: *мати*, *спати*; *тетрати*, *писати*;» и проч. Аполлосъ замѣчаетъ: «остерегаться въ риѳмахъ должно окончанія на *ати*, напр. *читати*, *писати*, ибо площадныя вирши и чрезмѣрная легкость ими писать, также и простонародное употребленіе, привели такое окончаніе въ презрѣніе», и т. д.

Ученіе о родахъ и видахъ поэзіи является въ совершенно схоластической формѣ какъ у Тредьяковскаго, такъ и у его послѣдователя. Понятія рода и вида смѣшивались въ тогдашней теоріи поэзіи, и признаки для ихъ опредѣленія выбирались чисто внѣшніе и случайные. Тредьяковскій насчитываетъ двадцать три рода или вида, въ числѣ которыхъ помѣщаетъ какъ *эпическую*, *лирическую* и *драматическую* поэзію, такъ и *генетліаческую*, привѣтствующую со днемъ рожденія, *эпиталамическую*, поздравляющую съ бракосочетаніемъ, *сотерическую*, привѣтствующую съ выздоровленьемъ, и др. Тотъ же перечень находимъ и у Аполлоса, распредѣляющаго вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ виды и подвиды на три группы. «Поэзія есть троякая:—говоритъ Аполлосъ—*Повѣствовательная*, въ которой піита говоритъ одинъ, другихъ лицъ не вводя, размѣромъ стихотворческимъ съ вѣроятною выдумкою; содержитъ въ себѣ: еле-

гіаческую, лирическую и епиграмматическую. *Драматическая*, въ которой стихотворецъ, самъ какъ бы ничего не говоря, вводитъ въ разговоры другихъ лицъ или со всѣмъ ихъ дѣйствіемъ, тѣлодвиженіемъ и одѣяніемъ или вообразительно: содержитъ въ себѣ комическую и трагическую. *Смѣшанная* содержитъ въ себѣ повѣствовательную и драматическую, т. е. когда и самъ стихотворецъ говоритъ и другихъ вводитъ разглагольствующихъ: такая напримѣръ есть героическая, буколическая, сатирическая и проч.». Принимая три главные рода поэзіи, которымъ подчиняются всѣ другіе виды и подвиды, и основывая это дѣленіе на внѣшней формѣ, авторъ слѣдовалъ школьному руководству, сохранившемуся въ рукописи подъ заглавіемъ: institutiones artis poeticae; оно служило для преподаванія піитики въ троицкой лаврской семинаріи въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія [228]).

Сила привычки такъ велика, что несмотря на близкое знакомство съ теоріею Тредьяковскаго, нашъ авторъ отступаетъ отъ нея и жертвуетъ ею ради старинныхъ учебниковъ именно тамъ, гдѣ всего необходимѣе было держаться ея потому, что въ ней и только въ ней заключалось наиболѣе вѣрное для того времени понятіе о сущности поэзіи. Съ давнихъ поръ школьная піитика подчиняла поэзію ея внѣшней формѣ, т. е. стиху, и считала поэзію и стихотворство понятіями совершенно тожественными. Но Тредьяковскій возставалъ противъ подобнаго смѣшенія, утверждая, что поэзія—совсѣмъ иное, чѣмъ стихосложеніе; что писать стихи не значитъ еще быть поэтомъ, и что стихъ для поэзіи тоже, что краска для живописи, и какъ краска не есть то, что изображается ею, такъ и «поэзія всеконечно есть не стихъ». Въ самомъ существенномъ вопросѣ, въ основномъ взглядѣ на поэзію, Аполлосъ уклоняется отъ своего лучшаго руководителя и вопреки ему опредѣляетъ поэзію такъ: «поэзія или стихотворство есть наука всякую вещь или данную матерію метрически или по мѣрѣ стопъ описывать съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ къ пользѣ и увеселенію слушающихъ или читающихъ». Опредѣленіе, принятое Аполлосомъ, есть буквальный переводъ изъ латинскаго учеб-

ника, о которомъ мы упомянули: poesis est ars oratione metrica rem quamlibet per imitationem effingens ad utilitatem et delectationem audientium.

Примѣры въ піитикѣ Аполлоса приводятся изъ сочиненій Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и другихъ писателей, а также изъ собственныхъ стихотвореній автора. Замѣчательно, что онъ обращался и къ народнымъ пѣснямъ, считая ихъ вполнѣ заслуживающими вниманія теоріи, хотя, по духу вѣка, иногда смѣшивалъ ихъ съ виршами, написанными будто бы въ народномъ духѣ. По склонности россійскаго языка къ стихамъ дактило-хореическимъ — говоритъ онъ — есть также у насъ четырестопные, тристопные и двустопные дактило-хореическіе. И къ обогащенію россійскаго стихотворенія полезно было бы, ежели бы кто изъ славнѣйшихъ въ учености мужей постарался дать имъ новый въ правилахъ видъ и привести въ силу. Я изъ невинныхъ пѣсень предлагаю примѣры:

У дороднаго добраго молодца
Пріуныло да ретиво сердце,
Службу послышавъ государеву....

Стукнуло, грянуло въ лѣсѣ,
Комаръ съ дубу свалился,
Великій громъ учинился....

Ельникъ, мой ельникъ,
Частый березникъ....

«Какое примѣчаніе сдѣлано мною — продолжаетъ онъ — на дактило-хореическіе, тоже самое можетъ служить и на анапесто-ямбическіе, т. е. что по склонности нашего языка къ анапесту могло бы стихотвореніе россійское болѣе быть обогащено, если бы привести ихъ въ правила. Примѣры изъ историческихъ пѣсень:

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Вы, буйные вѣтры, осенніе....

Какъ по край моря синяго,
Среди поля широкаго,
Какъ стоялъ тутъ Кистринъ городъ....

Вы, разстани мои,
Вы, разстани солдатски:
Съ роднымъ батюшкомъ
Я разстался....

Къ піитикѣ приложенъ авторомъ краткій «словарь піитико-историческихъ примѣчаній», въ которомъ лица и событія, принадлежащія къ области миѳологіи, объясняются какъ иносказанія, имѣющія назидательный смыслъ. Толкованія миѳовъ въ слѣдующемъ родѣ. Евмениды или фуріи означаютъ мученіе совѣсти: всѣ три фуріи родились ночью за однимъ разомъ—въ означеніе трехъ начальныхъ страстей, т. е. сластолюбія, честолюбія и корыстолюбія, которыя происходятъ отъ помраченнаго разума. Грацій три, ибо одна даетъ, другая принимаетъ, третья благодаритъ; онѣ молоды, ибо память о благодѣяніяхъ не должна состарѣваться; онѣ изображаются смѣющимися и съ сплетенными руками, потому что благотворить должно съ веселымъ духомъ и что благодарность должна соединяться съ благодѣяніями. Сказаніе о Прометеѣ, осужденномъ за похищеніе небеснаго огня, означаетъ паденіе перваго человѣка. Неисчерпаемый смыслъ миѳа о Прометеѣ послужилъ поводомъ къ множеству болѣе или менѣе остроумныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произвольныхъ примѣненій и догадокъ. Въ сравненіи съ приведеннымъ толкованіемъ пріобрѣтаетъ особенный вѣсъ предположеніе Ломоносова, рисующее его образъ мыслей о правахъ разума и науки. Въ основѣ сказанія о Прометеѣ Ломоносовъ видитъ не паденіе человѣка, а его умственную побѣду, торжество его разума надъ врагами свѣта и истины. Подъ вліяніемъ своихъ научныхъ работъ и наблюденій, Ломоносовъ спрашиваетъ въ посланіи о пользѣ стекла:

Не свергла ль въ пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него, невѣждъ свирѣпыхъ полкъ

На знатны вымыслы сложилъ неправый толкъ?
Не наблюдалъ ли звѣздъ тогда сквозь телескопы,
Что нынѣ воскресилъ трудъ счастливой Европы?
Не огнь ли онъ стекломъ умѣлъ сводить съ небесъ,
И пагубу себѣ отъ варваровъ нанесъ,
Что предали на казнь, обнесши чародѣемъ?

Механическій взглядъ на поэзію, какъ на искусство писать стихи съ опредѣленнымъ числомъ стопъ и слоговъ, выразился и въ способѣ перевода иностранныхъ стихотвореній, усвоенномъ Аполлосомъ. Если сравнить стихотворные его переводы съ оригиналомъ, то окажется, что они не болѣе какъ вольный пересказъ и подражаніе вообще довольно далекое отъ подлинника. Но за тѣ въ высшей степени точно соблюдена внѣшняя форма. Передавая русскими стихами содержаніе духовныхъ пѣсень Геллерта, переводчикъ съ величайшею точностью удерживаетъ число строкъ въ куплетѣ, порядокъ риѳмъ, даже число слоговъ въ каждомъ стихѣ. Приведемъ два-три примѣра [229]):

Besitz' ich nur	Моя когда
Ein ruhiges gewissen,	Пребудетъ мысль спокойна,
So ist für mich, wenn andre zagen müssen,	Вся зла напасть въ природѣ недостойна,
Nichts schreckliches in der natur....	Содрогнулся чтобъ я тогда....
Er, unser freund,	Любви съ тобой
Mit uns vereint,	Залогъ такой
Zur zeit da wir noch seine feinde waren,	Кладетъ, какъ мы его врагами были,
Es wird uns gleich,	Небесъ Господь
Um Gottes reich	Пріемлетъ плоть,
Und seine lieb'im fleisch zu offenbaren....	Дабы въ его во вѣкъ покровѣ жили....
Auf, christen, die ihr ihm vertraut,	Благій и вѣрный рабъ Христовъ,
Lasst euch kein drohn erschrecken;	Престань ты ужасаться,
Der Gott, der von dem himmel schaut,	Богъ помощь подавать готовъ,
Wird uns gewiss bedecken.	Престань всего бояться:

Der Herr Herr Zebaoth	Хранитъ онъ свой завѣтъ,
Hält über sein gebot,	Отъ бѣдъ тебя изметъ,
Gibt uns geduld in noth	Во тьмѣ и въ смерти свѣтъ,
Und kraft und muth im tod:	Онъ милость изліетъ;
Was will uns denn erschrecken?	Престани устрашаться.

Изъ приведенныхъ примѣровъ очевидно, что главная забота переводчика состояла въ томъ, чтобы сблизить переводъ съ подлинникомъ по ихъ внѣшнему виду, и въ этомъ отношеніи цѣль вполнѣ достигнута: число слоговъ въ соотвѣтствующихъ стихахъ одно и тоже, и риѳмы чередуются одинаковымъ образомъ. Въ переводѣ, точно также какъ и въ подлинникѣ: Въ первомъ примѣрѣ — въ первомъ стихѣ 4 слога, во второмъ 7, въ третьемъ 11, въ четвертомъ 8; риѳмуютъ стихи: первый съ четвертымъ и второй съ третьимъ. Во второмъ примѣрѣ—въ стихахъ: первомъ, второмъ, четвертомъ и пятомъ 4 слога, въ третьемъ и шестомъ 11; риѳмуютъ стихи: первый со вторымъ, третій съ шестымъ и и четвертый съ пятымъ. Въ третьемъ примѣрѣ еще замѣтнѣе игра риѳмъ: первый стихъ риѳмуетъ съ третьимъ, второй съ четвертымъ и девятымъ, пятый съ шестымъ, седьмымъ и восьмымъ, и т. д.

Аполлосъ былъ большой любитель стихотворства, прибѣгая къ нему и въ преподаваніи словесности и въ бесѣдѣ съ читателями. Имъ составлена цѣлая книжка въ стихахъ, состоящая изъ увеселительныхъ загадокъ съ назидательными отгадками [230]). Загадки и отгадки въ такомъ родѣ:

Не пища я людей, однакъ ихъ насыщаю,
Любителей моихъ могу такъ возвышать,
Что самому Творцу ихъ умъ уподобляю;
Презрителей своихъ обыкла унижать,
И изъ людей могу я дѣлать ихъ скотами;
Чрезмѣрную вражду имѣю съ дураками — ?
Наука пищею всѣхъ души насыщаетъ,
Любителей Творцу подобными творитъ,

Презрителей своихъ скотами поставляетъ, —
Блаженъ, ученіемъ кто умъ свой просвѣтитъ.

Безгласной будучи, другихъ я научаю,
Не знаю ничего, а разумъ всѣмъ даю,
И дѣлъ и словъ въ себѣ премного заключаю,
Но часто безъ вины погибель зрю свою:
Одѣвши кожею, смочивъ, куютъ съ мукою,
А послѣ послужу я моли и червямъ;
Дерутъ и жгутъ меня, но не моей виною, —
Сему мой господинъ всему виновенъ самъ — ?
Что *книга* намъ даетъ и умъ и просвѣщенье,
Безгласной будучи; что можетъ просвѣщать;
Что почерпаемъ въ ней мы мудрость и ученье, —
О томъ нѣтъ нужды мнѣ здѣсь часто повторять.
За глупость автора когда ее сжигаютъ,
То знакъ, что люди трудъ сверхъ силы принимаютъ.

Повѣсти Аполлоса, по своему аллегорическому содержанію, отчасти напоминаютъ произведенія масонской литературы. Съ другой стороны въ нихъ замѣчаются, до нѣкоторой степени, тѣ же просвѣтительныя стремленія, то же признаніе правъ науки и изслѣдованія силъ природы, которое съ такою яркостью обнаруживается во многихъ сочиненіяхъ Ломоносова. Въ одной изъ повѣстей олицетворены два начала въ человѣческомъ существѣ: духовное и физическое, неразрывно связанныя между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ осужденныя на постоянную борьбу. Другая повѣсть подъ видомъ лишеннаго зрѣнія Уранія изображаетъ судьбу человѣка—существа слѣпаго въ дѣлѣ своего спасенія и обрѣтающаго свѣтъ въ предвѣчномъ Отцѣ, и т. д. Въ повѣсти *Евгеонитъ*, т. е. рожденный для блага, раскрывается та мысль, что истинное благо проистекаетъ изъ созерцанія Божіихъ дѣлъ или, другими словами, что Творца должно изучать въ его твореніяхъ [231]). Названіе *Евгеонитъ* (ср. εὐγενής, εὐγενέτης) самъ авторъ объясняетъ такимъ образомъ: «благопроизведенный человѣкъ въ свѣтъ для своего благополучія, которое почерпнуть можетъ изъ созерцанія Бо-

жіихъ дѣлъ». Подавляемый разнообразіемъ и непостижимостью силъ и явленій природы, Евгеонитъ падаетъ духомъ, но на помощь ему является Діакрисъ, и своими разумными рѣчами разрѣшаетъ сомнѣнія и недоумѣнія своего собесѣдника. Призваніе и свойство Діакриса выражается въ самомъ его имени: διάκρισις— распознаваніе, сужденіе, разрѣшеніе—dissolutio, противоположн. σύγκρισις; въ новогреческомъ διάκρισις употребляется въ смыслѣ разсудка вообще. Въ Діакрисѣ олицетворена сила человѣческаго разума и науки; онъ называетъ себя небеснымъ посланникомъ самого Бога, другомъ смертныхъ: такое названіе Цицеронъ и Сенека даютъ философіи. Довѣрься мнѣ,—говоритъ Діакрисъ— и я разгоню мракъ твоего невѣдѣнія; я докажу тебѣ, что въ природѣ нѣтъ слѣпаго случая, а существуютъ разумныя причины, и что при всемъ разнообразіи созданнаго, ты можешь познавать его, изслѣдовать его законы и наслаждаться имъ. Влагая въ уста олицетворенной науки объясненіе законовъ и явленій природы, авторъ пользовался сочиненіями: Фонтенеля — entretiens sur la pluralité des mondes; Фенелона—de l'existence de Dieu; Ейлера — lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie; академика Крафта — руководство къ математической и физической географіи, и т. д. При изложеніи научныхъ истинъ Аполлосъ старался, какъ самъ говоритъ, соединить полезное съ пріятнымъ; къ этому располагали его въ большей или меньшей степени какъ потребности тогдашняго читающаго общества, такъ и самые образцы, которыми онъ руководствовался. Сочиненіе Фонтенеля, имѣвшее немалый успѣхъ и въ нашей зараждающейся литературѣ, должно было, по свидѣтельству самаго автора, просвѣщать и вмѣстѣ съ тѣмъ увеселять читателей, служа пріятнымъ развлеченіемъ для лицъ знающихъ физику — les divertir en leur présentant d'une manière un peu plus agréable et plus égayée ce qu'ils savent déjà plus solidement. Одинъ изъ лучшихъ профессоровъ московскаго университета временъ Аполлоса находилъ, какъ мы видѣли, весьма умѣстнымъ прибѣгать къ шуткамъ при чтеніи лекцій по физикѣ и математи-

кѣ. Для большей живости и занимательности Аполлосъ также придаетъ въ иныхъ мѣстахъ шутливый оттѣнокъ своему изложенію. Ученіе о планетной системѣ и о движеніи земли излагается такимъ образомъ: «Земля также вертится и около солнца и вкругъ самой себя, какъ колесо около своей оси. Я изъясняю тебѣ обращеніе съ разными толками людей, которые къ землѣ нашей то слишкомъ почтительны были, то унижали, то ставили въ срединѣ міра, то отталкивали. Одинъ уроженецъ Египта (Птоломей) выдумалъ премножество круговъ, такъ что обезобразилъ было прелзящную красоту міра. Уподобилъ ихъ луковицѣ своими обводами. Въ самой его срединѣ поставилъ онъ землю. По прошествіи больше полуторы тысячи лѣтъ одинъ прусакъ (Коперникъ), наказуя землю за долговременный покой, который было она себѣ присвоила, отягчаетъ ее сколько можно больше всѣми тѣми движеніями, которыя она планетамъ и небесамъ налагала. Онъ отталкиваетъ ее отъ средней точки міра, и напослѣдокъ изъ всего небеснаго прибору, который земля за собою водила; одна только луна при ней осталась, которая еще около ея вертится. Наконецъ нѣкоторый датскій дворянинъ (Тихобраге) умилосердился надъ землею, и сдѣлалъ ее опять неподвижною.... Хотя земля и велика, но съ другими планетами сравниться не можетъ. Нѣсколько солнечныхъ лучей, разливаясь въ продолженіи десяти минутъ, освѣщаютъ обширнѣйшую землю. Изъ сего явствуетъ, что солнце несравненно больше нашей земли. Потому и честь, дабы около его другимъ планетамъ двигаться, ему больше приличествуетъ: когда бы де ты, напримѣръ, хотѣлъ у огня согрѣть свои руки, то огонь ли вертѣть около рукъ должно или руки около огня». Слова эти напоминаютъ извѣстные стихи Ломоносова, приведенные имъ по поводу доказательствъ обращенія земли вокругъ солнца:

Кто видѣлъ простяка изъ поваровъ такова,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова.

Въ книгѣ Аполлоса затрогиваются различные вопросы физики, астрономіи, геологіи, и т. д.; говорится о планетахъ и ко-

метахъ, объ общихъ свойствахъ тѣлъ, о свѣтѣ и звукѣ, объ атмосферѣ, о слояхъ земли, о физическомъ составѣ человѣка и т. п. Вся книга раздѣлена на семь дней и на семь вечеровъ, втеченіе которыхъ Діакрисъ бесѣдуетъ съ Евгеонитомъ, подобно тому, какъ Фонтенель раздѣлилъ свою книгу на шесть вечеровъ: разговоры его съ маркизою о множествѣ міровъ происходили по вечерамъ. Въ заключеніе каждаго вечера и дня, составляющихъ особыя главы, помѣщены Аполлосомъ нравственные выводы въ стихахъ, представляющихъ въ формѣ элегіи, сонета, мадригала и т. д. образцы различныхъ размѣровъ. При этомъ авторъ имѣетъ въ виду вмѣсто однообразныхъ ямбовъ и хореевъ, ввести въ употребленіе другіе роды стиховъ, преимущественно дактило-хореическіе и анапесто-ямбическіе, которые, вполнѣ соотвѣтствуя греческому и латинскому, весьма сродны и русскому языку.

Знакомя читателей въ общихъ очеркахъ съ предметами изъ области различныхъ наукъ, Аполлосъ касался и вопроса о воспитаніи, приготовляющемъ къ воспринятію научныхъ истинъ и къ общественной дѣятельности. Воспитаніе было любимою темою бесѣдъ Аполлоса съ княземъ Николаемъ Ивановичемъ Трубецкимъ, которому и посвящена брошюра: «Общій способъ ученія для всякаго состоянія свободныхъ людей нужный», изданная Аполлосомъ съ тою цѣлью, какъ онъ самъ говоритъ, чтобы «сею малою хартіею услужить своимъ соотечественникамъ». Въ брошюрѣ авторъ высказывалъ не свои личныя мысли, а главнымъ образомъ мнѣнія писателей «знаменитыхъ въ свѣтѣ умомъ и ученостію, каковъ напримѣръ Карачіоли, также Канзій и Лангій».

Французскій литераторъ маркизъ Карачіоли (Louis-Antoine Caraccioli) пользовался большимъ сочувствіемъ современнаго ему образованнаго общества. Онъ много видѣлъ и испыталъ на своемъ долгомъ вѣку (1721—1803), живя какъ во Франціи, такъ и внѣ ея предѣловъ — въ Италіи, въ Германіи, въ Польшѣ, гдѣ былъ полковникомъ въ войскахъ короля польскаго, курфирста саксонскаго. Въ литературѣ Карачіоли извѣстенъ цѣлымъ рядомъ нравоописательныхъ и назидательныхъ сочиненій, которыя имѣли

многочисленный кругъ читателей, и переводились на иностранные языки: нѣмецкій, англійскій, итальянскій, русскій. На русскомъ языкѣ изданы: Истинный менторъ, Гласъ вѣры, Гласъ разума, Величіе души, Разговоръ съ самимъ собою, О веселости нравственной и физической, О свойствахъ дружества и др. Русскіе переводы появлялись втеченіе нѣсколькихъ десятилѣтій — съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка до двадцатыхъ настоящаго; въ числѣ переводчиковъ были и священники, и дьяконы, и семинаристы, и князья и воеводы. Нѣкоторыя изъ сочиненій переведены на русскій не съ французскаго подлинника, а съ нѣмецкаго перевода.

Сочиненіе Карачіоли, послужившее источникомъ для брошюры, о которой мы упомянули, издано подъ заглавіемъ: Le véritable Mentor ou l'éducation de la noblesse. Авторъ поясняетъ, что названіе «истинный» дано имъ идеальному ментору потому, чтобы выдѣлить его изъ массы наемниковъ, сдѣлавшихъ изъ воспитанія ремесло, которымъ они занимаются также механически, какъ сапожникъ шьетъ сапоги. Истинный менторъ—говоритъ авторъ—становится другомъ своихъ питомцевъ, переживаетъ въ нихъ свою молодость, вполнѣ входитъ въ ихъ положеніе, и ведетъ ихъ по вѣрному пути къ благой и разумной цѣли. Онъ не стѣсняетъ свободнаго роста молодыхъ силъ, а содѣйствуетъ ихъ правильному и постепенному развитію. Умственное образованіе должно идти рука объ руку съ нравственнымъ, безостановочно и послѣдовательно. Познаніе Бога должно предшествовать познанію самого себя, которое въ свою очередь должно предшествовать познанію другихъ; сперва надо изучать книги, а потомъ людей. Учить слѣдуетъ всему по немногу: не дѣлая изъ своего питомца ни поэта, ни оратора, ни геометра, менторъ обязанъ ознакомить его и съ поэзіею, и съ краснорѣчіемъ, и съ философіею, и украсить разнообразными свѣдѣніями его внутреннюю храмину, откуда юноша, бесѣдуя съ самимъ собою, извлекаетъ начала, которыми необходимо руководствоваться въ различныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ составъ умственнаго образованія входятъ слѣдующія

науки: логика, метафизика, богословіе, исторія, географія, математика и медицина. Здравая логика необходима для здраваго ума, и если кто обдѣленъ ею, тотъ производитъ въ обществѣ впечатлѣніе, подобное звуку треснувшаго колокола. Но преподавателямъ логики пора позаботиться о томъ, чтобы освободить ее отъ школьнаго педантизма, пріучающаго не мыслить, а разглагольствовать. Курсъ богословія долженъ ознакомить съ догматами вѣры, съ постановленіями соборовъ и съ исторіею церкви. Всеобщую исторію слѣдуетъ преподавать въ духѣ знаменитаго творенія Боссюета. Касательно науки права нельзя не замѣтить двухъ крайностей: итальянцы занимаются ею черезчуръ много, а французы черезчуръ мало; всего лучше держаться благоразумной середины. Каждому образованному человѣку возможно быть болѣе или менѣе врачемъ своей собственной особы, изучая свойства своего организма, и принимая домашнія, общедоступныя средства для борьбы съ первыми приступами болѣзни. Что касается до поэзіи и стихотворства, то въ извѣстномъ возрастѣ просто даже стыдно не читать Виргилія, Горація, Буало: надо не только прочесть ихъ, но и заучить нѣкоторые стихи, чтобы кстати привести ихъ въ обществѣ не съ видомъ педанта, а для оживленія свѣтской бесѣды, и т. п. Для довершенія образованія лучшее средство — путешествіе. Всего долѣе совѣтуетъ оставаться въ Парижѣ, а остальное время раздѣлить между Римомъ, Венеціей, Вѣной и другими городами. Въ числѣ ихъ не забыты и русскія столицы: въ Петербургъ, прославившійся со времени Петра Великаго и еще болѣе со времени Елисаветы, стоитъ ѣхать потому, чтобы увидѣть, что̀ можетъ сдѣлать воспитаніе; петербургскій дворъ великолѣпенъ, а тамошняя знать вмѣняетъ себѣ въ честь оказывать радушный пріемъ иностранцамъ; хорошо побывать и въ Москвѣ, чтобы получить понятіе о восточной церкви, славной по своей древности, и подивиться на новый университетъ: on fera bien de voir Moscou pour y admirer la nouvelle université et pour y prendre connaissance du rit grec, célèbre par son antiquité. Для того, чтобы путевыя впечатлѣнія не исчезали безслѣдно, менторъ предлагаетъ

юному путешественнику вести дневникъ и отмѣчать все заслуживающее вниманія: особенности народныхъ нравовъ и обычаевъ, встрѣчи съ замѣчательными людьми, преимущественно съ учеными, и т. д.; къ дневнику полезно прилагать планы, чертежи, рисунки и т. п.

Въ 1769 году книга Карачіоли вышла въ русскомъ переводѣ подъ названіемъ: «Истинной манторъ или воспитаніе дворянства». Перевелъ ее города Вереи воевода Ѳедоръ Полунинъ, авторъ географическаго словаря, изданнаго академикомъ Миллеромъ. Переводъ Полунина не принадлежитъ къ числу образцовыхъ: logique de Port-Royal переведено «логика портъ-рокальская»; on ne doit plus s'étonner si les sages manquent: la source en est tarie — «не должно больше удивляться, когда нѣтъ разумныхъ: ключъ оныхъ сотворенъ», и т. п. Впрочемъ современники были довольны переводами Полунина, какъ видно изъ того, что его переводъ «вавилонской принцессы» Вольтера, выдержалъ въ прошломъ столѣтіи нѣсколько изданій.

Руководствуясь книгою Карачіоли и другими пособіями, Аполлосъ предлагаетъ нѣсколько совѣтовъ о томъ, какъ вести воспитаніе съ первыхъ лѣтъ жизни питомца до вступленія его на поприще общественной дѣятельности. «Съ самаго начала — говоритъ Аполлосъ — для младенца всего нужнѣе изучить *языкъ*. И потому надобно стараться, дабы въ самой скорости чрезъ непрерывное употребленіе научиться языку природному и латинскому, хотя при томъ и не будетъ нужды въ изученіи наименованій простыхъ, какія напримѣръ суть имена травъ, деревъ, животныхъ и проч., о которыхъ не столь часто говорить случается, долго заниматься. Оный успѣхъ въ языкѣ можно будетъ такъ пріобрѣсть: ежели въ извѣстную пору дня, напр. по утру съ учителемъ и сверстниками говорить по латыни, а послѣ обѣда съ матерью или служанками по русски. Вступивъ въ шестой годъ, долженъ вступить и въ публичное училище. При родителяхъ долженъ быть мало, дабы чрезъ то заблаговременно пріобучаться жить своимъ собственнымъ разумомъ. Пусть привыкаетъ къ разнымъ упраж-

неніямъ, какъ-то: играть на музыкѣ, танцовать, фехтовать, стрѣлять, рисовать и другимъ, а прежде всего — узнавать свойство и чистоту языка и во первыхъ природнаго. Многіе изъ людей свободныхъ безъ всякаго правописанія пишутъ, и говорятъ, что это де мелочь, а то-то и стыднѣе, чтобы мелочи не знать. Отъ двѣнадцатаго до осьмнадцатаго года надобно отроку давать по нѣскольку свободности, дабы онъ не яко учителямъ, но какъ друзьямъ въ наставленіяхъ повиновался. Желать надобно, да и нужно, чтобы всякій человѣкъ былъ хотя сколько нибудь врачемъ, въ законахъ искуснымъ и богословомъ. Въ училищахъ должно говорить публично рѣчи и въ комедіяхъ также брать роли. Остальное время, отъ восьмнадцатаго или двадцатаго года, надобно посвятить на путешествіе по государствамъ. Записывать долженъ, какіе найдетъ примѣчанія достойные законы и обыкновенія, достопамятныя исторіи, малоизвѣстныя произведенія натуры или какія отмѣнныя изобрѣтенія въ наукахъ. Такимъ образомъ не одни разсказы о театрахъ, охотѣ, играхъ, мотовствѣ, не одни бездѣлицы и пустяки изъ государства въ государство переходить; но вывозить путешествующіе въ свое отечество будутъ полезныя науки, и къ благоустройству государства служащія изобрѣтенія» [232]).

Литературная образованность Аполлоса сближала его съ кругомъ людей, дорожившихъ успѣхами отечественной словесности. Въ числѣ первыхъ членовъ вольнаго россійскаго собранія, упоминаемыхъ въ первомъ выпускѣ его трудовъ, находится и имя Андрея Дмитріевича Байбакова вмѣстѣ съ именами Дашковой, Новикова, Барсова и другихъ писателей. Въ собраніи 14 марта 1786 года Аполлосъ, бывшій въ то время архимандритомъ воскресенскаго новоіерусалимскаго монастыря, единогласно избранъ членомъ россійской академіи. Избравши Аполлоса, академія пріобрѣла въ немъ дѣйствительнаго члена, внесшаго существенный вкладъ въ общую работу академиковъ [233]). Во время пребыванія своего въ Петербургѣ исправно посѣщая академическія собранія, Аполлосъ не только участвовалъ вмѣстѣ съ другими сочленами въ приготовле-

ніи словарнаго матеріала, но и принималъ на себя обработку отдѣльныхъ предметовъ, требующихъ и запаса знаній и трудолюбія. Разсмотрѣвши слова, собранныя на букву *к*, Аполлосъ представилъ ихъ въ академію «съ замѣчаніемъ сомнительныхъ и малоупотребительныхъ словъ и рѣчей». По вызову академіи онъ занимался опредѣленіемъ и объясненіемъ словъ, начинающихся на буквы *г* и *е*. Предложенныя Аполлосомъ правила о мягкомъ и твердомъ выговорѣ звука *г* академія не только одобрила, но и признала нужнымъ помѣстить ихъ въ своемъ словарѣ. Имѣя въ виду это постановленіе академіи, Аполлосъ говоритъ въ своей грамматикѣ: «для распознанія, гдѣ *г* употреблять мягко и гдѣ жестко, особенныя правила положены въ словарѣ россійскомъ при началѣ буквы *г*». Но словопроизводный академическій словарь ограничивается въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ замѣткою, что *г* называется глаголемъ, означаетъ въ церковномъ счисленіи три, и произносится въ общеупотребительномъ языкѣ двоякимъ образомъ, иногда мягко, а иногда твердо. Таже замѣтка повторяется и въ академическомъ словарѣ, расположенномъ по азбучному порядку. Въ грамматикѣ же Аполлоса принимается такое разграниченіе: «Въ церковныхъ словахъ *г* произносится мягко, напримѣръ: Господи, гласъ грома твоего грядетъ; а въ просторѣчіи жестко, какъ латинское *g*, напримѣръ: громъ гремитъ. Въ произношеніи *г* должно смотрѣть на языкъ оригинальный, а потому и произносить, напримѣръ: гарнизонъ, герольдъ, гвардія, грекъ, галстукъ и проч. *Г* произносится жестко, ежели стоитъ предъ *р*, напримѣръ: грабли, грыбы; предъ *л*: глазъ, гладко. Когда соединится *г* съ гласными: *е*, *и*, *і*, *о*, *у*, произносится по большей части мягко: гибель, нагибаю, гости, гумно, и проч.». Продолжая свои наблюденія надъ звукомъ *г*, Аполлосъ прислалъ изъ Москвы въ академію «стихи, приписываемые покойному Михайлѣ Васильевичу Ломоносову о употребленіи твердаго и мягкаго глаголя». Въ бумагахъ Миллера они сохранились въ такомъ видѣ [234]):

Бугристы берега, благопріятны влаги,
О горы съ гроздами, гдѣ грѣетъ югъ ягнятъ;
О грады, гдѣ торги, гдѣ мозгокружны браги,
И деньги, и гостей, и годы ихъ губятъ,
Драгіе ангелы, пригожія богини,
Бѣгущія всегда отъ гадкія гордыни,
Пугливы голуби изъ мягкаго гнѣзда,
Угодность съ нѣгою, огромные чертоги,
Недуги наглые и гнусные остроги,
Богатство, нагота, слуги и господа,
Угрюмы взглядами, игрени, пѣги, смуглы,
Багровые глаза, продолговаты, круглы,
И кто гораздъ гадать и лгать, да не мигать,
Играть, гулять, рыгать, и ногти огрызать
Нагаи, Болгары, *Г*уроны, *Г*оты, *Г*унны,
Тугіе головы, о иготи чугунны,
*Г*нѣвливые враги и гладкословный другъ,
Толпыги, щеголи, когда вамъ есть досугъ,
Отъ васъ совѣта жду; я вамъ даю на волю:
Скажите, гдѣ быть *га* и гдѣ стоять *глаголю?*

Академія обращалась къ Аполлосу для разъясненія различныхъ грамматическихъ вопросовъ. Не ограничиваясь разработкою отдѣльныхъ частей, какъ напримѣръ правилъ образованія причастій, и т. п., онъ предпринялъ трудъ весьма важный, особенно для того времени,—составленіе грамматики въ ея полномъ объемѣ. Въ одномъ изъ академическихъ собраній, въ концѣ 1786 года, заявлено было, что избранный въ этомъ году членъ россійской академіи архимандритъ Аполлосъ «предпріявъ сдѣлать объясненіе на слова съ буквы г начинающіяся, совершилъ, и взялъ на себя сочиненіе грамматики словенской и россійской». Первыя основаніи грамматики — сказано тамъ же — положены о. Сидоровскимъ: «въ совершенство же привести оныя предпріялъ архимандритъ Аполлосъ». Около восьми лѣтъ употреблено авторомъ на составленіе грамматики.

Трудъ Аполлоса изданъ въ 1794 году подъ названіемъ: «Грамматика, руководствующая къ познанію славено-россійскаго

языка»[235]). Самъ авторъ говоритъ: «Были побужденія приступить къ сочиненію сея грамматики. И повиновеніе было искреннее, и намѣреніе мое всегда стремилось къ тому, дабы пожертвовать общему благу посильнымъ трудомъ, и напечатать собственнымъ иждивеніемъ. Благодушныхъ любителей учености усердно прошу вознаградить трудившагося благосклоннымъ книги сея принятіемъ, и простить недостатки, которые покажутъ, можетъ быть, охотнымъ путь то же намѣреніе или распространить или въ большее совершенство привести».

При составленіи грамматики главнымъ пособіемъ служилъ Аполлосу трудъ Мелетія Смотрицкаго, имѣвшій рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую обработку не только славянскаго, но и русскаго языка. Самъ Ломоносовъ многое заимствовалъ у Смотрицкаго въ своей грамматикѣ, которая въ свою очередь послужила образцомъ для послѣдующихъ русскихъ грамматикъ. Аполлосъ, какъ видно по ссылкамъ, пользовался грамматикою Смотрицкаго по московскому изданію 1648 года, вслѣдствіе чего и называетъ ее «грамматикой Максима Грека»: такое названіе давали ей потому, что къ московскому изданію приложенъ отвѣтъ *Максима Грека* вопросившему его о грамматикѣ, риторикѣ и философіи. Болѣе четверти книги занимаютъ у Аполлоса парадигмы спряженій, дословно взятыя изъ Смотрицкаго; оттуда же заимствовано и многое другое, отчасти цѣликомъ, отчасти съ незначительными измѣненіями. Они сдѣланы большею частью на основаніи руководства, составленнаго Ѳедоромъ Максимовымъ и изданнаго въ 1723 году подъ названіемъ: «Грамматика словенская, вкратцѣ собранная въ грекославенской школѣ, яже въ великомъ Новѣ-градѣ при домѣ архіерейскомъ». Такъ какъ составитель ея — «ученикъ великоновоградскія школы», и написана она для питомцовъ новгородской школы, то Аполлосъ и называетъ ее «новгородской» грамматикой. Въ выборѣ пособій для своего труда Аполлосъ вполнѣ сходился съ своими сочленами. Общее мнѣніе академиковъ было то, что «неутвердившіеся въ языкѣ славенскомъ могутъ доста-

точныя почерпать правила въ славенскихъ грамматикахъ: Максима Грека и новгородской».

Какъ для славянскаго языка авторитетомъ служилъ Смотрицкій, такъ для русскаго — Ломоносовъ. Нашъ авторъ заимствовалъ изъ грамматики Ломоносова нѣкоторыя существенныя особенности, выдѣляющія ее изъ ряда трудовъ, посвященныхъ тому же предмету, и возвышающія ея значеніе въ нашей литературѣ. На основаніи грамматики Ломоносова съ добавленіями изъ грамматики Ададурова, напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ при лексиконѣ Вейсмана, составлены Барсовымъ «Краткія правила россійской грамматики, въ пользу обучающагося юношества въ гимназіяхъ московскаго университета». Аполлосъ пользовался и этимъ трудомъ, преимущественно въ отдѣлѣ о правописаніи.

Были и другія пособія въ рукахъ у нашего автора, какъ можно судить по слѣдующему извѣстію академической записки 16 января 1787 года: «архимандритъ Аполлосъ, предпріявшій на себя трудъ сочинить россійскую грамматику купно со славенскою, взялъ изъ академіи слѣдующія книги: славенскую грамматику Максима Грека, съ рукописнымъ сочиненіемъ отца Іоанна Сидоровскаго; грамматику краинскую и кроатскую». Касательно отношенія между грамматическими трудами Аполлоса и Сидоровскаго, заслуживаетъ вниманія свидѣтельство той же самой записки, въ которой заявлено о томъ, что Аполлосъ принялъ на себя составленіе грамматики. Въ офиціальной запискѣ академическаго засѣданія 25 ноября 1786 года сказано: «честнѣйшій отецъ Іоаннъ Сидоровскій положилъ первыя основанія грамматики: въ совершенство же привести оныя предпріялъ его высокопреподобіе архимандритъ Аполлосъ». А ранѣе, въ засѣданіи 10 января 1786 заявлено было, что Сидоровскій представилъ въ академію двѣ части своей грамматики, т. е. о производствѣ и сочиненіи словъ.

Въ грамматикѣ Аполлоса разсматриваются свойства какъ церковно-славянскаго языка въ его позднѣйшемъ періодѣ, такъ и книжнаго русскаго, а изрѣдка указываются выраженія и обо-

роты, употребляемые въ живомъ, разговорномъ языкѣ и въ народныхъ пѣсняхъ. Нѣкоторыя правила и примѣры, приводимые Аполлосомъ, любопытны въ смыслѣ матеріала для исторіи русскаго языка.

Опредѣленіе грамматики и ея составныхъ частей заимствовано у Барсова съ небольшими добавками изъ Смотрицкаго. У Аполлоса, также точно какъ и у Барсова, употребляются русскія названія: правописаніе, удареніе, словопроизведеніе, сочиненіе словъ, — вмѣсто греческихъ, удержанныхъ Смотрицкимъ: ороографія, этимологія, синтаксисъ, просодія; грамматика и ея части опредѣляются такимъ образомъ: «грамматика есть наука чисто говорить и правильно писать; словопроизведеніе показываетъ свойство и употребительныя измѣненія каждаго слова», и т. д. По Барсову, «удареніе словъ состоитъ въ возвышеніи предъ прочими одного склада въ каждомъ рѣченіи». По Смотрицкому, «просодія учитъ метромъ или мѣрою количества стихи слагати». У Аполлоса: «удареніе показываетъ въ каждомъ рѣченіи возвышеніе одного склада предъ прочими, также мѣру и количество словъ къ сложенію стиховъ».

У Ломоносова заимствовано дѣленіе согласныхъ звуковъ по органамъ, и — что̀ всего важнѣе — удержано раздѣленіе частей рѣчи на главныя и служебныя, впервые предложенное Ломоносовымъ и принятое въ трудахъ современныхъ намъ филологовъ. Дословно повторяя Ломоносова, Аполлосъ говоритъ: «имя, которымъ изображаются вещи, и глаголъ, которымъ изображаются дѣянія, суть *главныя* и необходимо нужныя человѣческаго слова части. Прочія шесть называются *служебными*, ибо употребляются: мѣстоименіе — для сокращенія наименованій; причастіе — для сокращенія имени и глагола въ одно рѣченіе; нарѣчіе — для краткаго изображенія обстоятельствъ; предлогъ — для показанія принадлежности обстоятельствъ къ вещамъ или дѣяніямъ; союзъ — для изображенія взаимности нашихъ понятій; междометіе — для краткаго изъявленія движеній духа». Въ другихъ грамматикахъ того времени не обращено вниманія на различіе между главными

и служебными частями рѣчи, и принимается дѣленіе ихъ по внѣшнимъ признакамъ — на измѣняемыя и неизмѣняемыя.

Вполнѣ соглашаясь съ замѣчаніями Ломоносова относительно излишества нѣкоторыхъ буквъ, надстрочныхъ знаковъ и наклоненій глагола, Аполлосъ расходится съ Ломоносовымъ въ вопросѣ о временахъ глагола. Ломоносовъ, какъ извѣстно, насчитываетъ десять временъ въ русскомъ глаголѣ: настоящее — бросаю; прошедшее неопредѣленное — бросалъ; прошедшее однократное — бросилъ; давнопрошедшее первое — брасывалъ; давнопрошедшее второе — бывало бросалъ; давнопрошедшее третье — бывало брасывалъ; будущее неопредѣленное — буду бросать; будущее однократное — брошу; прошедшее совершенное — написалъ; будущее совершенное — напишу. Тоже число временъ съ тѣми же примѣрами находимъ и у Барсова. Смотрицкій, допускающій въ глаголѣ кромѣ временъ и виды, принимаетъ только шесть временъ: настоящее — біюся; преходящее — бихся; прешедшее — біяхся; мимошедшее — біяахся; неопредѣленное — побихся; будущее — побіюся. Авторъ новгородской грамматики признаетъ въ глаголѣ всего четыре времени: настоящее — бію; преходящее — бихъ; прешедшее — побихъ; будущее — побію. Введеніе десяти временъ въ русскую грамматику Аполлосъ, не принимая видовъ, объясняетъ вліяніемъ греческаго образца, и говоритъ: «Сочинитель новгородской грамматики, къ немалому облегченію учащихся, оное излишество сократилъ, положивъ только время: настоящее, преходящее, прешедшее и будущее. По мнѣнію моему нужно къ симъ четыремъ прибавить пятое: давнопрошедшее. Давнопрошедшее можно сократить въ одно, ибо напр. брасывано бывало, брасывалъ, бывало брасывалъ, — все давно прошло. Равнымъ образомъ и въ латинскомъ языкѣ docuerunt и docuere не особенныя времена, но только изобиліе языка означаетъ; а притомъ многіе глаголы сихъ временъ никакъ и имѣть не могутъ. Будущаго довольно одного: брошу и буду бросать — не различаются; буду, стану, яко вспомогательные глаголы, и въ другихъ языкахъ употребляются; а и меньше нужно будущее отъ слож-

ныхъ, какъ-то: напишу, наведу. Когда глаголъ первообразный недоволенъ дѣйствіе свое въ будущемъ отъ себя изъяснить, тогда онъ занимаетъ силы отъ производнаго. Вмѣсто того, что болтливый много сказалъ или скажетъ, говорится: насказалъ, наскажетъ, и проч.».

Отдѣлы объ именахъ прилагательныхъ и нарѣчіяхъ составлены по грамматикѣ Смотрицкаго и по новгородской. Смотрицкій принимаетъ девять родовъ именъ прилагательныхъ; Максимовъ, авторъ новгородской грамматики — восемь; Аполлосъ — одиннадцать. Смотрицкій: «прилагательное есть девятогубо: совершенное — святый; отъименное —желѣзный; числительное — два; чинительное — вторый; вопросительное — каковъ; отвѣщательное — таковъ; притяжательное — аннинъ; языческое — россійскій». Максимовъ: «производныя имена суть: отчеименное или притяжательное — петровъ, петровичъ; отечественное — московскій, москвитинъ; властелинное — царевичъ; языческое — римлянинъ, римскъ; глагольное — слышаніе, слышатель; отъименное — златый, желѣзный; умалительное — сосудецъ, ножичекъ; уничижительное—полчище». Аполлосъ раздѣляетъ «прилагательное имя» на слѣдующія: «Совершенное, которое ни отъ чего не производится — святый, благій. Отъименное, которое отъ имени происходитъ — желѣзный, отъ желѣза. Числительное число знаменуетъ просто — единъ, два, три. Чинительное, коимъ число располагается — вторыйнадесять, третійнадесять. Вопросительное, о качествѣ или количествѣ вещи — каковъ. Отвѣщательное, коимъ отвѣщаемъ о качествѣ вещи, — таковъ, толикъ. Притяжательное, которое значитъ притяженіе вещи, — петровъ, отчій, Божій. Отечественное, кое берется отъ отечества, — римлянинъ, москвичъ. Языческое, отъ народа—литовскій, греческій, персидскій. Еще раздѣляетъ имя на умалительное: отъ солнца — солнышко, отъ слова — словцо. Уничижительное: отъ Ивана — Ванька, отъ денегъ — деньжонки». У Аполлоса неясно обозначено, къ какому разряду словъ относитъ онъ имена умалительныя и уничижительныя: судя по примѣрамъ, онъ считаетъ ихъ суще-

ствительными, а по связи ихъ съ предъидущимъ и послѣдующимъ можно бы подумать, что они принадлежатъ къ прилагательнымъ. Вслѣдъ за приведенными строками авторъ говоритъ: «другое раздѣленіе имѣютъ прилагательныя имена по своимъ окончаніямъ и уравненіямъ» и т. д. Во многихъ старинныхъ грамматикахъ имя прилагательное не вполнѣ отчетливо отдѣлено отъ существительнаго: въ грамматикѣ Смотрицкаго имя раздѣляется на существительное, собирательное и прилагательное, и т. д.

Число различныхъ видовъ нарѣчій опредѣляется болѣе или менѣе произвольно. Основаніемъ для классификаціи нарѣчій служитъ обыкновенно ихъ значеніе; какъ обстоятельства—говорятъ грамматики — бываютъ различны, такъ и нарѣчія, выражающія обстоятельства, имѣютъ разныя значенія. Смотрицкій исчисляетъ двадцать четыре вида нарѣчій. Изъ нихъ Ломоносовъ удерживаетъ только семнадцать, опуская такія, какъ напримѣръ нарѣчія: случая — по случаю; ослабленія — едва, и т. д. Максимовъ увеличиваетъ число различныхъ значеній нарѣчій до тридцати. Аполлосъ приводитъ ихъ въ числѣ двадцати восьми въ слѣдующемъ порядкѣ: времени, мѣста, качества, количества, числа, чина, случая, увѣщанія, отрицанія, прещенія, напряженія, ослабленія, разсужденія, уподобленія, разнства, недоумѣнія, вопрошенія, отвѣщанія, собранія, отдѣленія, избранія или исправленія, ускоренія, количества непредѣльнаго и качества, орудія, языческая, сокровенія, указанія, поротства или клятвы. Въ числѣ двадцати восьми нарѣчій, упоминаемыхъ Аполлосомъ, заключаются всѣ находящіяся у Смотрицкаго за исключеніемъ нарѣчія «повелѣнія—принеси, приведи», очевидно непринадлежащаго къ этой части рѣчи, хотя отнесеннаго къ ней и въ грамматикѣ Максимова. Слѣдуя этой грамматикѣ, Аполлосъ вводитъ новыя, сравнительно съ Смотрицкимъ, нарѣчія: непредѣльнаго, количества и качества — нѣкакимъ образомъ, нѣсколько разовъ; орудія — зубами, локтями; языческая—по гречески, по римски, по французски; сокровенія—тайно, тихонько, тихомолкомъ, воровски; поротства, роты — ей, аминь. Пропущены нарѣчія повелѣнія — ступай, вставай, и на-

рѣчіе изъявленія — безсомнѣнно, сирѣчь, то есть. Формы существительныя: «зубами, локтями» названы нарѣчіями единственно для соотвѣтствія съ славянскими формами: «зубно, лакотно», встрѣчающимися въ новгородской грамматикѣ. Въ примѣръ нарѣчія ослабленія приведено: «чуть-чуть, помаленьку, не прытко, не спѣшно, не борзо»; въ примѣръ нарѣчія прещенія: «цыть, не трогай, не замай».

Въ указаніи различныхъ неправильностей въ произношеніи и написаніи Аполлосъ руководствовался преимущественно грамматикою Барсова. Для избѣжанія погрѣшностей предлагается не писать: чванитца, читашь, малинькой братицъ, пишитъ, доволно ползы, мокъ вмѣсто могъ, и т. п. Буква *з* измѣняется въ *с* передъ *к*, *п*, *т*, *х*, *ч*, *ш*: искупитель, воскресеніе, воспаленіе, источникъ, происходитъ, исчезаю, восшествіе. При переносѣ на другую строку надо оканчивать слогъ на гласную: за-втра, тру-дно. Въ спорныхъ вопросахъ касательно правописанія авторъ совѣтуетъ обращаться къ словопроизводству, къ лексиконамъ и къ церковнымъ книгамъ. «Для исправнаго произношенія или начертанія буквъ — говоритъ Аполлосъ — должно смотрѣть на слова первообразныя, напримѣръ: *лекарь* пишется не чрезъ *ѣ*, понеже происходитъ отъ *легко; робенокъ*, а не рябенокъ, понеже происходитъ отъ *робѣю; ручагъ*, а не *рычагъ* и не рачагъ, ибо происходитъ отъ *руки*. Въ сомнительныхъ случаяхъ бѣгать мыслію въ церковныя книги, напримѣръ, не зная какъ написать *надѣжда* или *надежда*, должно вспомнить псал. и писать *надежда*».

Приведемъ нѣсколько синтаксическихъ замѣтокъ изъ славянской грамматики Аполлоса.

— Глиголы *есмь* и *бываю*, также *называюсь*, *почитаюсь*, *кажусь*, *живу* и симъ подобные требуютъ именительнаго падежа: *Богъ есть отецъ всѣхъ. — Онъ первый бывалъ герой. — Первый почитается благодѣтель. — Кажется мнѣ честенъ.*

Прилагательныя, значащія обиліе, скудость, требованіе, желаніе, достоинство принимаютъ родительный падежъ: *Полонъ денегъ мѣшокъ. — Тощъ ума и умомъ.*

15*

Страдательные глаголы требуютъ иногда родительнаго съ предлогомъ *отъ: отъ роскоши и отъ нѣжности поврежденъ; — отъ воды напился.*

Имена царствъ, мѣстъ, городовъ иногда въ творительномъ, а болѣе въ тѣхъ падежахъ поставляются, коихъ требуютъ глаголы, напримѣръ: *Китаемъ проѣхалъ. — Москвою прошелъ.*

Неопредѣленное наклоненіе, положенное съ *было*, имѣетъ силу начинательнаго глагола: *мнѣ было говорить.* А когда *было* поставится назади, то значитъ раскаяніе: *говорить было;—взять было, когда давали.*

Быть, неопредѣленное, съ приложеніемъ другаго значитъ принужденіе: *быть писать; — быть платить.* Такую же силу и причастія имѣютъ: *быть обвинену, обмануту.*

Дѣепричастія должно согласовать въ лицѣ съ главнымъ глаголомъ личнымъ, на которомъ всей рѣчи стоитъ сила, напримѣръ: *идучи въ школу, встрѣтился съ другомъ;—написавъ письмо, пошлю къ отцу.* А худо такъ сказать: *идучи я въ школу, встрѣтился со мною пріятель.*

Много, коль, *далеко* означаютъ иногда степень уравнительный и превосходительный; коль благъ! — *далеко лучшій.*

Межъ или *между* сочиняются съ творительнымъ: *между горами*, а иногда и съ родительнымъ: *между горъ.* Нерѣдко соединяясь съ предлогомъ *про*, тужъ силу имѣетъ: *промежъ людьми слышать.* Для изображенія движенія съ мѣста на мѣсто винительнаго не отвергаетъ: *вступить межъ разговоры.*

Союзы условные *ежели, когда*, а по славенски *аще*, два разсужденія въ одну заимность совокупляютъ, изъ которыхъ въ каждомъ свои имена и глаголы свое сочиненіе имѣютъ: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе; — ежели смотрѣть на всѣ людскія рѣчи, то придетъ и осла взвалить на плечи.* Въ грамматикѣ Ломоносова примѣръ этотъ приведенъ въ такомъ видѣ:

Какъ стану я смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,
То буду принужденъ осла взвалить на плечи.

Винословныхъ союзовъ сила есть въ сопряженіи причинъ предложенной мысли; таковы частицы: *потому*, *ибо* и послѣ полагаемая *бо*. *Бо* въ церковныхъ токмо книгахъ употребляется, а весьма бы нужно ввести и въ россійскій слогъ.

Иногда для красоты слова два мѣстоименія существительныя связываются: *что мнѣ и тебѣ нужды*.

Ежели случится при существительномъ и прилагательномъ родительный, то для краснорѣчія полагается онъ въ ихъ срединѣ, напримѣръ: *огнемъ божества невещественнымъ; — трудолюбивый вертограда дѣлатель*.

Вспомогательный глаголъ *бывало* въ просторѣчіи присовокупляетъ къ себѣ будущее, напримѣръ: *бывало, какъ онъ станетъ сказывать, а мы смѣемся*. Давнопрошедшее и два будущихъ значатъ дѣло прошедшее; равнымъ образомъ говорятъ: *бывало придетъ, и что нибудь скажетъ*.

Въ просторѣчіи предлоги обыкновенно повторяютъ предъ существительнымъ и прилагательнымъ: *подъ тѣмъ подъ дубомъ; — по морю по синему*. — Это правило, равно и примѣръ, заимствовано изъ слѣдующаго мѣста въ грамматикѣ Ломоносова: «въ просторѣчіи предлоги обыкновенно повторяютъ предъ существительнымъ и прилагательнымъ, особливо въ простыхъ пѣсняхъ: *на горѣ на высокой, по морю по синему*». Многія другія правила синтаксиса, какъ очевидно и изъ приведенныхъ замѣтокъ, заимствованы нашимъ авторомъ также у Ломоносова.

При переводѣ съ русскаго языка на иностранный или съ иностраннаго на русскій Аполлосъ предлагаетъ держаться слѣдующихъ правилъ: «Должно прочитать весь параграфъ или статью до точки, и разсуждать о каждомъ словѣ, смотря на свойство языка. Когда рѣчь начинается частицею: *ежели*, *хотя* и проч., то прежде надобно ее сочинить съ глаголомъ. Если болѣе одного глагола будетъ въ запятой, то поставить неокончательное наклоненіе настоящимъ образомъ. Особливо наблюдать, чтобы не погрѣшить въ именахъ и глаголахъ, которые особливый падежъ принимаютъ, напр. *достоинъ награды, достоитъ ему*, и проч.

Смотрѣть выраженій россійскаго языка, которыя съ другими языками не сходны. Причемъ не предаваться излишнему попеченію о сочиненіи словъ, дабы не умалить красоту языка» и т. д.

V.

Въ одно время съ Байбаковымъ посѣщалъ лекціи московскаго университета и другой питомецъ московской духовной академіи, Петръ, въ монашествѣ Павелъ Пономаревъ (1745—1806), начавшій свою общественную дѣятельность преподавателемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, а окончившій ее архіепископомъ ярославскимъ. Въ 1768 году онъ посланъ былъ въ московскій университетъ для изученія французскаго и нѣмецкаго языковъ, и слушалъ тамъ лекціи впродолженіе четырехъ лѣтъ. Преподавателями французскаго языка и словесности были въ то время въ университетѣ, одинъ за другимъ: Лави, Сенъ-Никола и Бордельеръ, а нѣмецкую грамматику, стилистику и словесность читалъ магистръ философіи Гельтергофъ, дожившій почти до ста лѣтъ и подвергавшійся различнымъ превратностямъ судьбы. Обвиняемый въ тайныхъ связяхъ съ гернгутерами и во вмѣшательствѣ въ политическія дѣла, Гельтергофъ перевезенъ былъ съ острова Эзеля, гдѣ былъ пасторомъ, въ Петербургъ, и посаженъ въ крѣпость, въ которой содержался около двѣнадцати лѣтъ. По освобожденіи изъ крѣпости и по возвращеніи изъ послѣдовавшей затѣмъ ссылки, онъ пробылъ семнадцать лѣтъ лекторомъ въ московскомъ университетѣ, а по выходѣ въ отставку поселился въ сарептской колоніи, гдѣ и оставался до самой смерти, исполняя обязанности проповѣдника и давая уроки русскаго языка. Пономаревъ и по вступленіи въ монашество и даже будучи намѣстникомъ лавры продолжалъ преподавать французскій и нѣмецкій языки въ троицкой семинаріи. Впрочемъ не однимъ изученіемъ новыхъ языковъ ограничивались его занятія въ университетѣ, какъ видно изъ синодальной вѣдомости, въ которой сказано, что «архимандритъ Павелъ, природою изъ великороссіянъ, обучался въ университетѣ и въ семинаріи троицкія лавры: философіи, богословіи, матема-

тикѣ, экспериментальной физикѣ, и языкамъ: латинскому, нѣмецкому и французскому» [236]).

Что касается литературныхъ трудовъ Пономарева, то сверхъ поученій, изъ которыхъ изданы весьма немногія, и историческаго описанія троицко-сергіевой лавры, онъ извѣстенъ какъ переводчикъ съ французскаго языка. Онъ перевелъ на русскій языкъ сочиненіе Серана и—что̀ весьма замѣчательно-обширный, многотомный и въ высшей степени важный по содержанію трудъ Тильемона. Французскій писатель восьмнадцатаго вѣка Серанъ, (Seran de la Tour) весьма удачно пользовался своими источниками, и труды его, несмотря на то, что имѣютъ видъ компиляціи, отличаются какъ точностью сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній, такъ и вѣрнымъ пониманіемъ политической жизни древнихъ народовъ. Сочиненіе его: Histoire d'Épaminondas pour servir de suite aux Hommes illustres de Plutarque переведено Пономаревымъ и издано въ 1774 году подъ заглавіемъ: Исторія о Епаминондѣ, ѳивскомъ полководцѣ, съ примѣчаніями историческими и критическими. Тильемонъ (Le Nain de Tillemont, 1637 — 1698), питомецъ Port-royal — разсадника добросовѣстныхъ тружениковъ науки, принадлежитъ къ числу первостепенныхъ ученыхъ Франціи семнадцатаго столѣтія. Капитальный трудъ его, посвященный одной изъ главнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣчества—первымъ вѣкамъ христіанства, вышелъ въ свѣтъ въ 1693—1712 г., въ шестнадцати томахъ, подъ заглавіемъ: Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique des six premiers siècles, justifiés par les citations des auteurs originaux. Обращаясь постоянно къ первымъ источникамъ, ученый авторъ относится критически ко всякому свидѣтельству, и признаетъ его справедливость не иначе какъ послѣ тщательной провѣрки. Вслѣдствіе этого онъ не признаетъ достовѣрными такихъ извѣстій, которыя не доказаны исторической критикою. Заподозривая событія, въ честь которыхъ учреждены церковныя празднества, полагая, что и нѣкоторыя имена, какъ напримѣръ Іоакима и Анны, придуманы впослѣдствіи, онъ выражаетъ недовѣріе ко многимъ сказаніямъ о жизни

святыхъ, находящимися въ греческихъ минеяхъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, истина смѣшана съ народными преданіями, и отчасти даже искажена намѣренными вымыслами. Подобный взглядъ и пріемы автора, вызвавшіе цензурныя затрудненія при изданіи его труда во Франціи, послужили препятствіемъ и къ появленію его въ русскомъ переводѣ. Переводъ Пономарева церковной исторіи Тильемона, не пропущенный въ свое время цензурою, до сихъ поръ остается въ рукописи.

Павелъ Пономаревъ избранъ членомъ россійской академіи вскорѣ послѣ ея основанія, въ февралѣ 1784 года, въ одномъ засѣданіи съ Хемницеромъ. Въ извѣстіи о трудахъ академиковъ, участвовавшихъ въ составленіи двухъ послѣднихъ частей словопроизводнаго словаря, упоминается и имя Павла, епископа нижегородскаго, который во время пребыванія своего въ Петербургѣ «рачительно участвуя въ собраніяхъ академіи, примѣчаніями своими вспомоществовалъ въ общемъ трудѣ». Онъ посѣщалъ академическія засѣданія въ 1784 году и за тѣмъ въ 1793 и въ началѣ 1794 года. Особенный трудъ, принятый на себя Павломъ, заключался въ опредѣленіи правилъ ударенія въ русскомъ языкѣ, отсутствіе которыхъ составляло важный пробѣлъ въ изданныхъ до того времени грамматикахъ. Утверждая, что ударенія находятся въ прямой связи съ числомъ слоговъ и различнымъ соединеніемъ буквъ, вслѣдствіе чего производныя слова измѣняютъ свое удареніе сравнительно съ коренными, какъ напр. вóскъ, восковы́й; царь, царéвый; кóрень, коренéніе, коренáстый, и т. д., академики признали необходимымъ при печатаніи словаря отмѣчать число слоговъ каждаго слова съ цѣлію вывести общія правила ударенiй. Въ запискѣ академическаго засѣданія 6 іюля 1784 года читаемъ: «архимандритъ Павелъ, пріявшій на себя трудъ въ составленіи правилъ ударенія словъ, возвратя первые четыре листа аналогической таблицы съ надписаніемъ количества слоговъ въ каждомъ словѣ, объявилъ, что онъ несомнѣнно надѣется симъ способомъ дойтить до правилъ ударенія словъ, каковыхъ по сіе время языку россійскому не доставало». Предпріятію

Павла академики придавали особенное значеніе, ставили его наравнѣ съ обработкою грамматики и назначали автору, въ случаѣ успѣшнаго окончанія его работы, высшую награду, опредѣленную за ученые труды. При обсужденіи вопроса о наградахъ, митрополитъ Гавріилъ подалъ мнѣніе, что такъ какъ занятія академиковъ состояли «въ общемъ упражненіи надъ продолженіемъ словаря, то трудно будетъ опредѣлить отличившагося; но нѣкоторые изъ членовъ приняли на себя трудъ упражняться въ частныхъ академіи предпріятіяхъ, каковы суть россійская грамматика и россійское слогоудареніе, которыя, если по желанію академіи совершены будетъ, то и могутъ вознаграждены быть почестію золотой медали». Мнѣніе Гавріила поддерживали Дашкова и Болтинъ. Оно подано было въ засѣданіи, происходившемъ въ концѣ 1787 года, и съ тѣхъ поръ нѣтъ извѣстій о дальнѣйшемъ ходѣ предпринятаго Павломъ труда. Онъ не былъ приведенъ къ окончанію и въ 1789 году, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста предисловія къ вышедшей въ этомъ году первой части академическаго словаря: «Различное произношеніе и удареніе словъ по разности областей академія тщилася соображать по выговору въ столицахъ употребляемому, наблюдая удареніе въ книгахъ славенскихъ принятое, *доколѣ не будетъ открыты точныя и на сіе правила*».

VI.

Въ числѣ духовныхъ лицъ, избранныхъ въ члены россійской академіи въ первый годъ ея существованія, былъ архимандритъ Иннокентій Полянскій (1751—1794), впослѣдствіи епископъ воронежскій. Единственнымъ памятникомъ его литературной дѣятельности служатъ его поученія, заслуживающія вниманія уже по самому имени издателя [237]). Они изданы протоіереемъ Евѳиміемъ Болховитиновымъ, принявшимъ въ монашествѣ имя Евгенія, подъ которымъ онъ и извѣстенъ въ нашей ученой литературѣ какъ одинъ изъ первостепенныхъ ея представителей. Издавна одушевляемый стремленіемъ сберегать все, что знакомитъ съ жизнью и трудами лицъ, сколько-бы то ни было замѣчательныхъ, Болховитиновъ,

бывшій въ то время префектомъ воронежской семинаріи, собралъ поученія своего архипастыря, уцѣлѣвшія въ рукописи, и присоединилъ къ нимъ краткое извѣстіе о жизни автора. Надгробное слово при погребеніи Иннокентія и рѣчь при сорокодневномъ его поминовеніи произнесены также Болховитиновымъ, который, печатая ихъ, приложилъ къ нимъ краткое начертаніе жизни и кончины покойнаго и свѣдѣнія о всѣхъ его предшественникахъ съ самаго учрежденія воронежской епархіи [233]). О свойствахъ Иннокентія Болховитиновъ отзывается такъ: «Мы находили въ немъ все то, что составляетъ истиннаго и примѣрнаго пастыря. Скромность украшала всѣ его поступки; любовь къ добру управляла движеніями его души. Пастырь будучи въ церкви, гражданинъ въ обществѣ, человѣкъ въ отношеніи къ самому себѣ, онъ всѣ сіи виды умѣлъ смѣшивать такъ, что всѣ они оказывались вмѣстѣ. Вѣра его была просвѣщенная и непримѣшанная суевѣрію, но притомъ чужда была и обыкновенному въ мірѣ хладнокровію въ оной. Въ самыхъ уединенныхъ собесѣдованіяхъ, въ коихъ многіе другими представляются, нежели предъ собраніемъ, уста его то же повторяли, что каждый слыхалъ отъ него на мѣстахъ проповѣданія. Лучшими часами въ жизни своей почиталъ сіи часы уединенныхъ и откровенныхъ собесѣдованій. Душа его тогда на свободѣ раскрывалась во всей своей чистотѣ».

Иннокеннтій довольно часто говорилъ поученія: втеченіе пятилѣтняго пребыванія своего въ воронежской епархіи онъ произнесъ и написалъ около ста поученій; но, по своей чрезвычайной скромности, не рѣшался ихъ печатать. Издателю пришлось выбирать ихъ изъ черновыхъ рукописей, до того испещренныхъ варіантами, что стоило большаго труда отгадывать настоящій текстъ поученій. При обнародованіи ихъ имѣлось въ виду дать хорошую книжку тѣмъ изъ духовныхъ лицъ, которыя не владѣли навыкомъ или дарованіемъ для того, чтобы произносить проповѣди собственнаго сочиненія. «Со времени какъ возстановилось въ Россіи просвѣщеніе, — говоритъ Болховитиновъ — въ отече-

ствѣ нашемъ оказалось много уже знаменитыхъ мужей и въ искусствѣ проповѣдыванія слова Божія. Но, судя по малому количеству имѣющихъ сіе дарованіе въ сравненіи со множествомъ еще такихъ въ Россіи церковнослужителей, которые, такъ сказать, чужимъ свѣтомъ принуждены освѣщать умы вѣрующихъ, желать надобно, чтобы имѣющіе талантъ сообщали плоды онаго неимѣющимъ его, дабы они, хотя чужимъ ученіемъ, но съ собственною своею ревностію совокупленнымъ, имѣли болѣе способовъ споспѣшествовать назиданію своихъ ближнихъ. Съ такимъ намѣреніемъ издаются въ свѣтъ и сіи поученія покойнаго преосвященнаго Иннокентія». Болховитиновъ издалъ только небольшую часть поученій; сверхъ того напечатано ранѣе два слова, произнесенныя Иннокентіемъ въ придворной церкви, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія: одно — въ день рожденія великаго князя Александра Павловича, другое — въ день его тезоименитства. Чтобы сколько-нибудь ознакомиться съ произведеніями духовнаго писателя, которыя счелъ нужнымъ издавать такой замѣчательный ученый, какъ Болховитиновъ, приведемъ изъ нихъ нѣсколько строкъ: «Міръ сей подобенъ театральному позорищу, а люди, проходящія въ немъ разныя должности, — дѣйствующимъ лицамъ. На позорищи одинъ, напримѣръ, представляетъ знаменитаго вельможу, а другой подлаго раба; одинъ судію, другой подсудимаго, и такъ далѣе. Однако не тотъ паче всѣхъ на себя вниманіе зрителей привлекаетъ, кто представляетъ вельможу, но кто принятое на себя лицо въ естественныхъ и характеру своему соотвѣтствующихъ чертахъ представляетъ. И потому не рѣдко случается, что больше хвалятъ на ѳеатрѣ представляющаго лице раба, нежели вельможи. Подобно поступитъ съ нами Царь царствующихъ: не будетъ онъ смотрѣть на лице, какое ты въ семъ мірѣ представлялъ; но такъ ли, какъ надлежало, проходилъ званіе, въ которое былъ призванъ....... Возразитъ кто-нибудь: не прилично де всякому лицу обличать пороки во всѣхъ, а особливо въ высшихъ. Поэтому ни неправедный судья, ни своенравный предводитель и вообще всякій начальникъ совсѣмъ не должны

слышать отъ подчиненныхъ о своихъ порокахъ? Поэтому, говорю, всѣмъ имъ должно оставаться при своихъ худыхъ дѣлахъ и худыхъ привычкахъ непререкаемыми? Да такъ по большей части и бываетъ въ свѣтѣ. Но, послушайте: не каждый ли начальникъ имѣетъ у себя довѣренныхъ особъ? Такъ вотъ кому, имъто, говорю, долгъ належитъ при замѣчаніи слабостей и пороковъ владыкъ оказывать ревность Иліину. Да не будутъ они подлыми льстецами, чешущими только струпы властей своихъ. Да не будутъ они временщиками, для удовлетворенія только своихъ страстей, своего корыстолюбія, своего тщеславія употребляющими во зло довѣренность начальниковъ своихъ. Скажутъ ли намъ они: мы де боимся раздражить и прогнѣвать своихъ господей. Безстыдные, подъ видомъ уваженія властей вы не боитесь взирать на страждущее отъ васъ человѣчество.... Что пользы дѣтищу изучить многіе языки, но ни на одномъ не умѣть славословить Бога, ни однимъ не умѣть утѣшить несчастнаго, ни однимъ не умѣть наставить заблуждающаго и поучить другаго на добро. И такъ языку благочестія, языку страха Божія и добродѣтели, должны родители прежде всего обучать чадъ своихъ, и сіе обученіе не всякому лицу ввѣрять, кто именуется только учителемъ», и т. д. [239]).

Достоинства Иннокентія, нежелавшаго выставлять ихъ напоказъ, цѣнилъ, подобно Болховитинову, другой замѣчательный человѣкъ своего времени—митрополитъ Гавріилъ. По предложенію Гавріила Иннокентій «по общему присутствовавшихъ членовъ согласію» избранъ былъ членомъ россійской академіи. Со времени своего избранія въ академики, въ іюлѣ 1784 года, и до посвященія въ санъ епископа, въ іюлѣ 1788 года, оставаясь постоянно въ Петербургѣ, въ званіи ректора александроневской семинаріи и катихизатора въ пажескомъ корпусѣ и въ «петровскомъ училищѣ, что при нѣмецкой киркѣ», Иннокентій былъ однимъ изъ усердныхъ посѣтителей академическихъ засѣданій. Онъ принималъ на себя, подобно другимъ членамъ, предварительный просмотръ листовъ академическаго словаря, и вмѣстѣ съ другими разсматривалъ собранія словъ и рѣченій на буквы: в, и, і, к, и правила правопи-

санія, составленныя о. Григорьевымъ. Въ ноябрьскомъ засѣданіи 1786 года, въ общемъ отчетѣ о трудахъ академиковъ заявлено было, что «архимандритъ Иннокентій сообщалъ примѣчанія свои на словарь и участвовалъ въ разсматриваніи таблицъ, въ словопроизводный составъ приведенныхъ». Въ краткомъ извѣстіи о трудахъ членовъ россійской академіи отъ ея учрежденія до изданія второй части словаря, читанномъ въ засѣданіи 14 декабря 1790 года, сказано: «Иннокентій, епископъ воронежскій, отъ вступленія его въ академію до отбытія своего, рачительно соучаствовалъ въ собраніяхъ академіи, и полезныя сообщалъ примѣчанія».

VII.

Въ послѣдніе годы екатеринскаго періода избраны въ члены россійской академіи изъ духовныхъ лицъ: Ириней Клементьевскій, Меѳодій Смирновъ и Анастасій Романенко-Братановскій.

Ириней Клементьевскій (1751 — 1818), епископъ тверскій, впослѣдствіи архіепископъ псковскій, былъ, по отзыву весьма требовательныхъ цѣнителей и знатоковъ духовной словесности, однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ пастырей своего времени [240]). Его толкованія библейскихъ книгъ и его переводы писаній отцевъ церкви и другихъ произведеній назидательнаго содержанія составляютъ украшеніе нашей богословской литературы. Въ проповѣдяхъ своихъ онъ касается иногда внутренней, затаенной стороны различныхъ дѣйствій и отношеній, обнаруживая и знаніе человѣческой души и привычку вдумываться въ явленія жизни, доискиваясь ихъ настоящаго источника. Въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ разсматриваетъ, какимъ образомъ должно обходиться съ людьми, постигнутыми горемъ и бѣдствіями, и потому имѣющими всѣ права на человѣческое участіе. Это участіе должно быть свободно отъ всякой грубой примѣси и проявляться въ такомъ видѣ, чтобы ни нанести на малѣйшаго оскорбленія сердцу несчастныхъ и не дать имъ почувствовать того подавляющаго неравенства, которое такъ рѣзко выступаетъ иногда въ сноше-

ніяхъ счастливцевъ съ несчастными. «Въ свѣтѣ надобно только сдѣлаться несчастливымъ, чтобъ быть отъ всѣхъ презрѣннымъ; стоитъ только подпасть бѣдствію, чтобъ стать предметомъ всенароднаго злословія. Не презирать, но нѣкоторымъ образомъ почитать должны мы людей несчастливыхъ, какимъ бы случаемъ ни довели себя до сего несчастія. Почтеніе не состоитъ въ споможеніяхъ и услужностяхъ, ибо исполненіе сего долга насъ не унижаетъ предъ ними, но повышаетъ. Не надобно также сливать сіе почтеніе съ жалостію, ибо сіе чувствіе часто бываетъ дѣйствіемъ нашего самолюбія. Мы не убѣгаемъ, но ищемъ иногда такихъ случаевъ, кои бъ могли извлещи изъ насъ сіе сожалѣніе, дабы чрезъ то сдѣлать себѣ чувствительнѣйшимъ свое собственное благополучіе. Въ чемъ же состоитъ сіе почтеніе? Одна благоразумная осторожность, дабы ничего не дѣлать и не говорить предъ несчастливымъ человѣкомъ, чтобъ могло растворить его рану; часто одинъ ласковый пріемъ, одно благосклонное слово или мудрая молчаливость составляютъ сіе почтеніе. Чтобъ почитать несчастливыхъ людей, надо согласовать себя съ ихъ сложеніемъ и вкусомъ. Есть люди, кои безпрестанно жалуются на свои несчастія, надѣясь чрезъ то получить нѣкоторое, хотя слабое, облегченіе: не открыть для нихъ утѣшенія своего сострадательнаго сердца было бы раздражить ихъ чувствительность. Другіе хотѣли бы погребсти вѣчно печаль свою во внутренности сердца; они тѣмъ терпѣливѣе сносятъ зло, чѣмъ оно менѣе извѣстно: тотъ вмѣсто утѣшенія огорчилъ бы ихъ самымъ чувствительнѣйшимъ образомъ, ежели бъ кто по неосторожности открылся, что всѣ о несчастіи ихъ знаютъ, и сердечно жалѣютъ, только помочь не могутъ. Слово сказано не съ умыслу, только возымѣло все свое дѣйствіе, и несчастливый доведенъ до отчаянія».

Говоря о необходимости свято исполнять нравственныя и общественныя обязанности, авторъ утверждаетъ, что для познанія ихъ стоитъ только внимать голосу разума, и что никто не можетъ обманываться ни въ качествѣ, ни въ количествѣ своихъ обязанностей, а потому неосновательны доводы людей, доказывающихъ,

что разумъ—плохой руководитель въ этомъ случаѣ, ибо разумъ большинства есть ничто иное, какъ собраніе предразсудковъ и заблужденій, а разумъ меньшинства затемненъ системами и духомъ вѣка. Исполненію общественныхъ обязанностей всего болѣе мѣшаютъ своекорыстные разсчеты: «Есть люди, кои домогаются занимать не тѣ должности, въ которыхъ они могли бы быть полезнѣе, но которыя болѣе ласкаютъ ихъ самолюбію и гордости. Церковь и отечество давно уже терпятъ великіе ущербы отъ сего предразсужденія человѣческаго». Иные «будучи чрезъ мѣру жадны къ корыстямъ, не иначе судятъ о должностяхъ церковныхъ и гражданскихъ, какъ бы они установлены были единственно къ ихъ обогащенію, нимало не разсуждая, способны ли они быть въ томъ или другомъ званіи; но разбираютъ болѣе, много ли въ такомъ-то мѣстѣ производится жалованья, какіе тамъ доходы, есть ли изрядный случай поналиться, а потому не успѣютъ они опредѣлиться къ одному мѣсту, какъ думаютъ перейти въ другое» и т. д.

Нашъ авторъ любилъ ссылаться на исторію древнихъ народовъ, приводя примѣры изъ временъ Юлія Цезаря, Александра Македонскаго и другихъ историческихъ лицъ. «Юлій Кесарь—говоритъ онъ—единственнымъ правиломъ себѣ взялъ, чтобъ почитать, что онъ ничего еще не сдѣлалъ въ жизни, ежели ему оставалось хотя малое что дѣлать, и не отлагать до другаго дня то, что можно было ему исправить въ первый. Помощію сей-то политики положилъ онъ основаніе римской имперіи, покорилъ безчисленные и самые сильные народы державѣ римской, и наконецъ до такого достигъ могущества и силы, что стоило ему только притти, видѣть и побѣдить» и т. п.

Сжатость и вслѣдствіе ея сила выраженія составляетъ одну изъ особенностей языка и слога Иринея. У него часто встрѣчаются подобныя мѣста: «въ пути добродѣтели кто не простирается далѣе, тотъ назадъ возвращается; свѣтъ есть поле сраженія, гдѣ надобно побѣдить или умереть» и т. п. Другая особенность заключается въ употребленіи иностранныхъ словъ, какъ

напримѣръ: Радость, вкушаемая среди печальныхъ *фамилій*; промышлять о благосостояніи дома, дѣтей и *фамиліи*. — Что̀ сіе общество, какъ развѣ такая *компанія* людей, кои собрались для препровожденія времени.—Павелъ, сей *атлетъ* христіанскій, въ подвигѣ проповѣди слова, и т. д. — Едина есть дорога, коею мы можемъ вытти изъ сего *лабиринта*.—Одинъ *критикуетъ*, хулитъ и ропщетъ на судьбы Бога потому, что иные выше его.— Выводя *резонъ* равенства изъ своихъ мечтаній, тѣмъ самымъ разрушаетъ его, и т. д. [241]). Употребленіемъ иностранныхъ словъ Ириней отличается отъ многихъ изъ своихъ сочленовъ по россійской академіи, которые, въ видахъ охраненія чистоты отечественнаго языка, упорно избѣгали иностранныхъ словъ, замѣняя ихъ иногда словами собственнаго изобрѣтенія.

Въ засѣданіи россійской академіи 24 сентября 1793 года академикъ Озерецковскій «предложилъ собранію для избранія въ члены его преосвященства Иринея, епископа тверскаго и кашинскаго, на что̀ пресѣдатель академіи и всѣ присутствованіе члены безпрекословно согласились по извѣстному его отличному знанію и любленію россійскаго слова, и возложено на секретаря, извѣстя его преосвященство о семъ избраніи, пригласить къ будущему собранію» [242]). Въ числѣ академиковъ, присутствовавшихъ въ академическихъ засѣданіяхъ 1793 и 1794 годовъ нерѣдко встрѣчается и имя Иринея. Онъ принималъ участіе въ составленіи пятой, а также и шестой части академическаго словаря. При изданіи пятой части сказано объ Иринеѣ: «отъ вступленія своего въ академію ревностно посѣщая собранія академіи, много вспомоществовалъ своими примѣчаніями»; при изданіи шестой части: «посѣщая собранія академіи, сообщалъ свои мнѣнія».

Въ россійской академіи находился портретъ Иринея въ числѣ немногихъ портретовъ духовныхъ членовъ академіи екатерининскаго періода. На этомъ портретѣ, принадлежащемъ въ настоящее время академіи наукъ, Ириней, получившій отъ императора Павла орденъ св. Александра Невскаго, изображенъ въ кавалерской мантіи ордена св. Александра Невскаго съ орденскою звѣз-

дою на ней; завязки мантіи, свитыя жгутомъ, приняты были за аксельбанты, и послужили поводомъ къ догадкамъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось извѣстіе, что архіерею пожалованъ былъ для ношенія на рясѣ генералъ-адъютантскій аксельбантъ. Подобный слухъ, напоминая нѣкоторыя своеобразныя распоряженія Павла I, основывался отчасти на томъ особенномъ вниманіи, которое Павелъ I оказывалъ Иринею, жалуя его командорствомъ и разнаго рода наградами, быстро слѣдовавшими одна за другою. Въ противоположность съ кратковременными успѣхами при Павлѣ I, Ириней въ царствованіе императора Александра I не получилъ втеченіе семнадцати лѣтъ ни одной награды [243]).

VIII.

Меѳодій Смирновъ (1761 — 1815), архимандритъ новоспасскій, впослѣдствіи архіепископъ псковскій, лифляндскій и курляндскій, извѣстенъ какъ писатель съ обширнымъ богословскимъ образованіемъ и знатокъ древнихъ языковъ [244]). Онъ изучалъ ихъ теоретически и практически: писалъ книги и читалъ лекціи по латыни; совершалъ богослуженіе и говорилъ съ природными греками по гречески. Богословіе онъ преподавалъ на латинскомъ языкѣ; на этомъ же языкѣ составлена имъ исторія первыхъ вѣковъ христіанства: liber historicus de rebus, in primitiva, sive trium primorum et quarti ineuntis seculorum, ecclesia christiana, gestis. Для усовершенствованія въ греческомъ языкѣ Смирновъ, будучи еще студентомъ московской славяно-греко-латинской академіи, жилъ въ греческомъ монастырѣ; по окончаніи курса въ академіи онъ былъ преподавателемъ греческаго языка, переводилъ книги съ греческаго на русскій, и издалъ Правила и словарь «простаго» греческаго языка. Въ дѣлѣ преподаванія и устройства училищъ Меѳодій считался лучшимъ совѣтникомъ и руководителемъ. Одинъ изъ умнѣйшихъ іерарховъ того времени писалъ: «Объ училищахъ должно разсуждать не по учрежденіямъ (т. е. не по уставамъ), но по успѣхамъ: успѣхъ хорошъ, то видно и учреж-

деніе хорошо; совѣтую въ сіе дѣло принять преосвященнаго Меѳодія: онъ на опытѣ ученость свою оказалъ»[245]).

Меѳодій отличался непоколебимостью своихъ убѣжденій и прямотою своего образа дѣйствій. Меѳодій — человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ, на сторону не глядитъ, а слѣдуетъ своему разсудку и чувству доброй совѣсти: такъ отзывались о Меѳодіи его современники, близко знавшіе его и находившіеся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Спустя болѣе полувѣка послѣ его кончины, при изображеніи историческаго прошлаго, составленномъ на основаніи данныхъ, сдѣлавшихся достояніемъ исторіи, находимъ слѣдующій отзывъ: «Меѳодій, въ мірѣ Михаилъ Алексѣевичъ Смирновъ, былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ архипастырей, хотя ни при жизни своей, ни по кончинѣ, громкой славы не имѣлъ. Скромность была главною, отличительною чертой характера этого глубоко-ученаго и вполнѣ благочестиваго архіерея. Неуклонный служитель законности, врагъ всякихъ интригъ и неправды, онъ въ особенности славился твердостію въ церковныхъ догматахъ»[246]).

Эта твердость и была причиною, что къ Меѳодію обращались въ случаяхъ затруднительныхъ съ полнымъ довѣріемъ и къ его знаніямъ, и къ справедливости его приговоровъ. Англійскіе богословы, черезъ посредство полномочнаго министра при великобританскомъ дворѣ, графа С. Р. Воронцова, просили сообщить имъ свѣдѣнія о догматахъ и обрядахъ, отличающихъ церковь восточную отъ западной. По вызову Платона, Меѳодій написалъ полные и удовлетворительные отвѣты на предложенные вопросы касательно раздѣленія церквей, и трудъ Меѳодія переведенъ на англійскій языкъ и принятъ въ Англіи съ отмѣннымъ уваженіемъ[247]). По приглашенію коммиссіи, учрежденной въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія для разсмотрѣнія «сомнительныхъ и подозрительныхъ печатныхъ и письменныхъ книгъ» Меѳодій дѣлалъ о нихъ «значительныя свои замѣчанія». Одною изъ побудительныхъ причинъ для изданія церковной исторіи послужило, по собственному свидѣтельству автора, то обстоятельство, что иностранные

писатели весьма часто искажаютъ историческіе факты касательно восточной церкви или по незнанію или по предубѣжденію, вовсе неумѣстному въ наукѣ. Сказавши это, Меѳодій, чтобы удалить всякую мысль о пристрастіи и чтобы слова его не показались наговоромъ на иностранцевъ, сейчасъ же приводитъ цѣлый рядъ фактическихъ доказательствъ. Въ сужденіяхъ о достоинствахъ и недостаткахъ различныхъ сочиненій онъ не щадилъ и своихъ соотечественниковъ: такъ онъ обвиняетъ Татищева въ томъ, что въ его исторіи глава объ іерархіи написана подъ вліяніемъ идей лютеранъ и кальвинистовъ—noster popularis D. Tatisczev, cujus caeteroquin expositio rerum ecclesiae nostrae prodit male affectum, lutheranisantem vel calvinisantem ipsius animum, и т. д. [248]).

Какъ ни уединенно держалъ себя нелюдимъ Меѳодій, его труды и участіе во многихъ научныхъ работахъ ни для кого не были тайною, особенно же въ средѣ образованнаго духовенства. Россійская академія имѣла въ составѣ своемъ много духовныхъ лицъ, а потому весьма естественно, что имя Меѳодія пользовалось въ ней почетною извѣстностью. Меѳодій былъ предложенъ въ члены россійской академіи митрополитомъ Гавріиломъ. Выборъ Гавріила одобренъ Дашковою, и, по согласію всѣхъ присутствовавшихъ, въ засѣданіи 10 августа 1794 года избранъ членомъ академіи Меѳодій, бывшій тогда архимандритомъ московскаго ново-спасскаго монастыря и членомъ св. синода. Желая немедленно воспользоваться новою научною силою, академія постановила: извѣщая Меѳодія о его избраніи, предложить ему «соучаствованіе въ отдѣлѣ грамматическомъ» [249]). Присутствуя въ первый разъ въ засѣданіи академіи, Меѳодій высказалъ мнѣніе, которое сочли нужнымъ внести въ дневныя записки. Приводимъ это мнѣніе особенно потому, что дневныя записки весьма рѣдко указываютъ доводы того или другаго члена, ограничиваясь самыми краткими замѣтками о предметахъ совѣщанія. Въ запискѣ засѣданія, происходившаго 16 сентября 1794 года, сказано: «Въ начертаніи о словарѣ, по чину буквенному располагаемомъ, упомянуто было, чтобы сложныя слова, въ церковныхъ книгахъ употребляемыя и

по свойству греческаго языка составленныя, буде не имѣютъ равносильныхъ словъ на другихъ языкахъ, академіею для объясненія принятыхъ, оставлять безъ переводу, изъясня тому причину въ предисловіи, что переводъ такихъ словъ можетъ родить каковый-нибудь неприличествующій толкъ. На сіе членъ академіи архимандритъ Мееодій и другіе предлагали: поелику всѣ таковыя слова, какъ напримѣръ: *благосѣннолиственный*, *вольнопитаемый*, *горохищный*, *тайноводимый* и многія другія, составлены по свойству языка греческаго, и имъ равносильныя на семъ языкѣ выраженія имѣются, то для вящшаго совершенства предпріемлемаго труда не безполезно будетъ при таковыхъ токмо словахъ употребить и языкъ греческій. И на сіе предложеніе всѣми присутствовавшими членами наконецъ дано было согласное мнѣніе». Мееодій избранъ былъ въ члены въ то время, когда первый важный трудъ академіи, словопроизводный словарь, былъ уже оконченъ, и академія предпринимала два новыхъ труда — грамматику и словарь по азбучному порядку. Мееодій усердно посѣщалъ академическія собранія въ 1794 и 1795 годахъ во время пребыванія своего въ Петербургѣ, куда онъ былъ призванъ для присутствованія въ синодѣ. Но и по отъѣздѣ изъ Петербурга Мееодій не прекращалъ своихъ сношеній съ академіею, и сообщалъ ей свои мнѣнія и отзывы о трудахъ, присылаемыхъ ему на разсмотрѣніе. Когда Евгеній Болховитиновъ, будучи уже членомъ россійской академіи, прислалъ для помѣщенія въ академическомъ изданіи изслѣдованіе свое о славянскомъ переводѣ св. писанія, академія поручила Мееодію разсмотрѣть представленный трудъ. Отзывъ Мееодія былъ въ такомъ родѣ, что статья Евгенія, неудобная для изданія по варіантамъ перевода, могущимъ будто-бы надѣлать шуму въ народѣ, по самому своему содержанію относится не къ литературѣ, а къ богословію. Разсматривая переводъ Тацита, представленный Румовскимъ, Мееодій указывалъ невѣрности и уклоненія русскаго перевода въ сравненіи съ подлинникомъ, и даже полагалъ, что Румовскій въ иныхъ случаяхъ пользовался не подлинникомъ, а французскимъ переводомъ. Мы обратимся къ этому предмету

впослѣдствіи, при обозрѣніи того періода академіи, къ которому относятся замѣчанія Меѳодія на труды Евгенія и Румовскаго.

IX.

Свѣтилами духовнаго краснорѣчія екатерининской эпохи, произведенія которыхъ имѣли наиболѣе обширный кругъ и слушателей и читателей, были два оратора: Платонъ Левшинъ и Анастасій Романенко-Братановскій. По своему таланту и по своему значенію въ исторіи русской литературы, оба писателя имѣли неоспоримое право на званіе членовъ учено-литературнаго общества, дорожившаго успѣхами какъ свѣтской, такъ и духовной словесности. Анастасій и былъ избранъ въ члены россійской академіи, но Платонъ отклонилъ отъ себя эту честь, предложенную ему Дашковою, которая выражала полное сочувствіе и уваженіе къ знаменитому оратору, и одну изъ рѣчей его лично передала Вольтеру [250]).

Анастасій Романенко-Братановскій (1761 — 1806), родомъ изъ малороссійскихъ дворянъ, былъ первоначально преподавателемъ въ александроневской семинаріи, впослѣдствіи законоучителемъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, архимандритомъ сергіевой пустыни, епископомъ бѣлорусскимъ, и наконецъ архіепископомъ астраханскимъ [251]). Какъ современники Анастасія, такъ и всѣ послѣдующіе критики признаютъ его однимъ изъ самыхъ блестящихъ представителей духовнаго ораторства въ Россіи. Въ первомъ опытѣ исторіи русской литературы имя Анастасія, какъ одного изъ «важнѣйшихъ писателей» докарамзинскаго періода, поставлено на ряду съ именами митрополита Платона, Ломоносова, Державина, фонъ-Визина и другихъ знаменитостей тогдашней литературы. «Сей пастырь — говоритъ Гречь — занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ россійскихъ проповѣдниковъ. Не принимая на себя смѣлости судить о собственномъ достоинствѣ словъ его, скажемъ, что слогомъ своимъ они превосходнѣе всѣхъ ораторскихъ произведеній того времени. Анастасій отступаетъ отъ суроваго языка, который до его времени почитался необхо-

димымъ для сочиненій сего рода, и приближается къ пріятности новѣйшаго русскаго краснорѣчія»[252]). Отзывъ Греча повторяется, иногда дословно, иногда съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, и въ позднѣйшихъ учебникахъ и сочиненіяхъ по русской словесности. Произведенія Анастасія, и въ особенности слово на погребеніе Бецкаго, помѣщались и помѣщаются до сихъ поръ во всѣхъ христоматіяхъ, какъ превосходные образцы русскаго духовнаго краснорѣчія[253]). Въ одномъ изъ лучшихъ трудовъ по исторіи русской литературы Анастасію отдается преимущество передъ Платономъ, и высказывается предположеніе, что самъ Державинъ подражалъ Анастасію. Почтенный авторъ говоритъ: «По внѣшней отдѣлкѣ, церковное слово Анастасія Братановскаго выше проповѣдей Платона. Оно представляетъ въ замѣтной степени художественный элементъ; воображеніе и чувство оратора высказываются въ немъ многими мѣстами». Ода Державина: Безсмертіе души «посвящена доказательствамъ безсмертія и опроверженію противной тому мысли: рядъ вопросовъ, наполняющихъ нѣсколько строфъ этого духовнаго стихотворенія, имѣютъ сходство съ рѣчью Братановскаго на погребеніе Бецкаго. Можетъ статься, Державинъ и подражалъ проповѣднику, который въ то время славился своимъ краснорѣчіемъ. Подражательность еще болѣе замѣтна въ Тлѣніи и Нетлѣніи—піесѣ, служащей какъ бы дополненіемъ оды на смерть Кутузова. Державинъ употребляетъ тотъ же оборотъ, которымъ пользовался упомянутый духовный ораторъ: онъ не можетъ помирить заслугъ героя съ мыслью о тлѣніи, какъ Братановскій изъ необходимости увѣнчать подвиги добродѣтели вывелъ необходимость нетлѣнія или безсмертія»[254]). Увлекательное слово проповѣдника тѣмъ скорѣе могло подѣйствовать на воспріимчивое чувство поэта, что имъ не разъ приходилось быть свидѣтелями однихъ и тѣхъ же событій и говорить о тѣхъ же самыхъ предметахъ. Впрочемъ сходство между проповѣдями Анастасія и одами Державина, представляющееся довольно близкимъ при первомъ впечатлѣніи, значительно сглаживается при сравненіи какъ подробностей, такъ и основныхъ мыслей, на

которыхъ построены доказательства у того и у другаго писателя. Безсмертіе души человѣческой Анастасій доказываетъ неотъемлемыми свойствами Божества, его благостію и правдою, которыя обнаруживаются въ наградѣ, ожидающей добродѣтельнаго человѣка въ вѣчности. Онъ говоритъ: «Для сего ли всемогущая благость призываетъ человѣка во страну сію отцевъ и матерей, дабы только родиться и умереть? Чтожъ будетъ онъ предъ злакомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельскомъ, или предъ мравіемъ, издыхающимъ подъ ногою путника скоротечнаго? Дѣламъ, совершаемымъ изъ любви Бога и его закона, остаться безъ воздаянія есть тоже, что душѣ богоподобной обратиться въ ничто. Для сего ли премудрость божія возвышаетъ человѣка до такія степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? Гдѣ же твоя, о добродѣтель, награда на землѣ? Ужели благость Божія ограничивается только вѣдѣніемъ твоея истины и вмѣстѣ твоихъ бѣдствованій, твоея непорочности и вмѣстѣ твоихъ страданій.... Ужели мысль, воспаряющая чрезъ предѣлы міра къ престолу Предвѣчнаго, созерцающая совершенства его, и на земли для служенія ему сооружающая духовный алтарь, мысль, обтекающая въ едино мгновеніе и небо и землю, прошедшіе вѣки и грядущіе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается со прахомъ? Ужели тотъ духъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Господня, погаснетъ подобно смертному факелу? Тѣ желанія святыя, тѣ надежды небесныя, исчезнутъ какъ дымъ, какъ мечта?»[255]). Такого же рода вопросы встрѣчаются и въ одѣ Державина «Безсмертіе души»[256]):

Духъ мудрый, тонкій, сильный, сущій
Въ единый мигъ и тамъ и здѣсь,
Быстрѣе молніи текущій,
Всегда, вездѣ и вкупѣ весь;
Неосязаемый, незримый,
Въ желаньи, въ памяти, въ умѣ

Непостижимо содержимый,
Живущій внутрь меня и внѣ.
Могущій время скоротечность,
Прошедше съ будущимъ вязать....
Сей духъ возможетъ ли косою
Пресѣчься смерти и не жить?
Но если нѣтъ души безсмертной,
Почто жъ живу въ семъ свѣтѣ я?
Что въ добродѣтели мнѣ тщетной,
Когда умретъ душа моя?

Державинъ ищетъ доказательствъ безсмертія преимущественно въ самомъ человѣкѣ, въ духовныхъ особенностяхъ его природы. Человѣкъ вѣчно стремится къ чему-то лучшему, замѣчаетъ поэтъ; добро дѣйствуетъ на душу живительно, а зло подавляетъ ее; если нѣтъ безсмертія, то нѣтъ и нравственнаго закона; нравственное начало въ человѣкѣ, заставляющее его бороться со зломъ и не страшиться сильныхъ міра, есть проявленіе безсмертной души:

Сей духъ и въ узахъ не боится
Тиранамъ правду говорить:
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить.

Въ числѣ доказательствъ безсмертія Державинъ указываетъ на дѣятельность духа, непрерывающуюся и во время сна:

Безсмертенъ я! — и увѣряетъ
Меня въ томъ даже самый сонъ:
Мои онъ чувства усыпляетъ,
Но дѣйствуетъ душа и въ немъ;
Оставя неподвижно тѣло,
Лежащее въ моемъ одрѣ,
Она свой путь свершаетъ смѣло,
Въ стихійной пролетая прѣ.
Сравнимъ ли и прошедши годы
Съ исчезнувшимъ, минувшимъ сномъ:
Не всѣ ли виды намъ природы
Лишь бывшихъ мечтъ явятся сонмъ?

Когда жъ оспорить то не можно,
Чтобъ въ прошломъ времѣ не жилъ я:
По смертномъ снѣ такъ непреложно
Жить будетъ и душа моя.

Подобное сравненіе и съ подобною же цѣлью находимъ въ одномъ изъ писемъ геніальнаго Ейлера, заключающемъ въ себѣ домыслы его о состояніи души по смерти тѣла. Письмами Ейлера, которыя такъ высоко цѣнились и цѣнятся въ Европѣ, пользовались, какъ мы видѣли, и русскіе писатели восьмнадцатаго столѣтія. Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о такомъ отвлеченномъ предметѣ, какъ существованіе духа по смерти тѣла, Ейлеръ прибѣгаетъ къ возможно болѣе наглядному уподобленію. «По смерти человѣка — говоритъ онъ — душа его, лишась содѣйствія чувствъ, не знаетъ болѣе что̀ происходитъ въ мірѣ внѣшнемъ; она приходитъ почти въ такое же состояніе, въ которомъ бы находился человѣкъ, мгновенно ослѣпшій, оглохшій, онѣмѣвшій и потерявшій употребленіе всѣхъ другихъ чувствъ. Въ сознаніи этого человѣка удержалось бы все то, что онъ пріобрѣлъ посредствомъ чувствъ; мыслительная способность дѣйствовала бы въ немъ по прежнему и собственныя его дѣйствія послужили бы для нея богатымъ матеріаломъ. Сонъ представляетъ прекрасный образецъ подобнаго состоянія, ибо во время сна въ весьма сильной степени разрывается связь души съ тѣломъ, но душа все-таки не перестаетъ дѣйствовать, занимаясь мечтами и грезами. По смерти мы будемъ въ состояніи совершеннѣйшаго сна, котораго ничто не можетъ нарушить; но сознаніе и мышленіе удержатъ всю свою силу» и т. д. [257]).

На ряду съ надгробнымъ словомъ Бецкому ставится другое образцовое произведеніе Анастасія — слово, произнесенное имъ при погребеніи Шувалова. По своему литературному достоинству оно выше оды Державина «Урна», написанной также по случаю смерти Шувалова [258]). Похвалы Шувалову въ одѣ Державина нѣсколько искусственны: сравненіе умершаго съ планетой, картиной и благовоннымъ кадиломъ; возлетающая муза и полки бла-

женныхъ душъ отзываются общими мѣстами старинной лирики. У Державина и Анастасія встрѣчаются сходные образы, но уподобляются не одни и тѣже вещи, и вообще сходство между этими двумя произведеніями ограничивается тѣмъ, что и въ томъ и въ другомъ говорится о благотворительности Шувалова и о его любви къ просвѣщенію. Въ одѣ Державина:

О, сколько юношей тобою
Познанія пріяли свѣтъ!
Какою пламенной струею
Сей свѣтъ въ потомство протечетъ!

Въ надгробномъ словѣ Анастасія: «Свидѣтели достоинствъ его (Шувалова) — академія художествъ и университетъ. О, если образуемое юношество можно нарещи обновляющеюся юностію человѣчества, яко орла, то въ обоихъ престольныхъ градахъ питомцы свободныхъ и художественныхъ наукъ соблюдутъ нестарѣющуюся память той его ревности, съ какою онъ тщился не менѣе о украшеніи науками умовъ, какъ и поступковъ благороднымъ учтивствомъ», и т. д. [259]).

Увлекательная сила проповѣдей Анастасія заключалась въ ихъ дѣйствіи на сердце и чувство, къ которымъ преимущественно обращалась одушевленная, сама проникнутая чувствомъ рѣчь проповѣдника. Подобно тому, какъ въ свѣтской литературѣ того времени сентиментальныя повѣсти, говорящія сердцу, привлекали къ себѣ читателей, такъ и проповѣди, дѣйствующія на сердце, скорѣе другихъ распространялись въ тогдашнемъ обществѣ, удовлетворяя его литературному вкусу. Проповѣди Анастасія служатъ памятникомъ своего вѣка и по своему содержанію, по тѣмъ истинамъ, которыя онъ стремился проводить въ умы своихъ современниковъ посредствомъ дѣйствія на ихъ нравственное чувство. Въ проповѣдяхъ Анастасія выражается до нѣкоторой степени тотъ переворотъ, который совершился въ мыслящей части русскаго общества вслѣдствіе политическихъ событій, пережитыхъ Европою въ концѣ восьмнадцатаго вѣка. Во второй поло-

винѣ этого столѣтія въ русской литературѣ весьма ярко обнаруживалось сочувствіе къ идеямъ энциклопедистовъ. Сочиненія Вольтера переводились на русскій языкъ въ огромномъ количествѣ. Вольтеръ находилъ поклонниковъ даже между нашимъ духовенствомъ; бывали случаи, что лютеранинъ дѣлалъ выговоръ русскому священнику за излишнее увлеченіе Вольтеромъ [260]). Но со времени французской революціи сочувствіе энциклопедистамъ уступило мѣсто другому настроенію. Эта перемѣна выразилась не только при дворѣ, не только въ образѣ мыслей и дѣйствій Екатерины, но въ кругу людей образованныхъ вообще, а также и въ литературѣ, какъ свѣтской, такъ и духовной. Вмѣсто доказательствъ о согласіи откровенія съ основными требованіями человѣческаго разума, вмѣсто развитія идей, сходныхъ съ началами естественнаго права, послышалось съ церковной каѳедры обличительное слово, направленное противъ ученія энциклопедистовъ. Однимъ изъ образованнѣйшихъ въ нашемъ обществѣ противниковъ энциклопедистовъ былъ Анастасій Братановскій, дѣйствовавшій самымъ чистымъ орудіемъ — силою слова и убѣжденія. Онъ перевелъ съ французскаго нѣсколько сочиненій, какъ напримѣръ: Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія, Истинный Мессія, Опытъ о совершенствѣ и др. Авторъ опыта о совершенствѣ—Essai sur la perfection pour servir au Système du vrai bonheur—Формей (Formey, 1711—1797), непремѣнный секретарь берлинской академіи, плодовитый писатель; между прочимъ онъ передѣлалъ Емиля Руссо, замѣнивши въ немъ многія мѣста вставками совершенно противоположнаго содержанія. Эта передѣлка, предпринятая для избѣжанія цензурныхъ затрудненій, издана подъ названіемъ: «Христіанскій Емиль» — Émile chretien, consacré à l'utilité publique. По волѣ императора Павла I, Анастасію поручено было разсмотрѣть и «исправить» книгу Гиббона о паденіи и разрушеніи римской имперіи. Въ концѣ восьмнадцатаго и въ самомъ началѣ девятнадцатаго вѣка, въ противоположность съ прежнимъ направленіемъ, въ русской литературѣ стали появляться переводы сочиненій, враждебныхъ энциклопедистамъ,

и русскіе переводчики брали иногда эпиграфы изъ проповѣдей Анастасія Братановскаго [261]).

Неистощимымъ матеріаломъ для проповѣдника служило увлеченье энциклопедистами, замѣчаемое въ русскомъ обществѣ. Видя въ энциклопедистахъ противниковъ откровенія, отвергающихъ единаго Творца вселенной, Анастасій говоритъ: «Явились новые творцы природы: они созидая оную, созидаютъ новый вавилонскій столпъ, а потому въ зданіи сего безбожнаго велемудрія ни зиждущіе что зиждутъ, ни кто изъ нихъ зодчій, другъ друга не понимаютъ. Но ежедневныя или лучше каждоминутныя дѣйствованія надъ нами, съ нами, внутрь насъ и окрестъ насъ промысла Божія столько содѣлались намъ обыкновенными, что или вовсе оныхъ не примѣчаемъ или если бы примѣчали, то мнимые свѣта сего мудрецы почли бы насъ суевѣрами. Такъ напримѣръ: я, употребляя въ пищу хлѣбъ, а въ питіе воду, признаю, что не хлѣбъ питаетъ, но сила Божія, давшая зерну питательную силу; не вода утоляетъ жажду, но сила Божія, каждую каплю растворяющая прохладою. Признаю сіе, говорю сіе, и боюсь, чтобъ не нарекли меня суевѣромъ.... Воззри на твое дитя и на прозябающее пшеничное зерно. Ты ли даешь ростъ костямъ и стеблю злака? Ты даже не можешь примѣтить движенія растенія ихъ: кто же ихъ ростить?... Не тѣ суть миротворцы, что созидаютъ новые міры и новыя системы и ипотезы; что воздвигаютъ царства на развалинахъ царствъ и зиждутъ домы кровьми сосѣдовъ. Кто ублажается именемъ миротворца? кто? Тотъ, кто, спящимъ полевымъ дѣлателямъ, не сѣетъ вредныхъ плевелъ на полѣ пшеницы сосѣда своего.... Премудрость Божія безъ нужды ни пророчествуетъ, ни чудотворитъ. Для книжника и фарисея пророкъ новый былъ бы нетерпимъ: для одного невѣрующаго чудо было бы также тщетнымъ. Іудеи хотѣли извлечь пророчество, а невѣрующій всегда будетъ говорить съ женевцемъ: это было бы чудо, чтобъ я повѣрилъ чудесамъ.... Вольтеръ, Даламбертъ и Дидеротъ потрясли тмочисленными умами и сердцами — умами къ безвѣрію, сердцами къ нечестію. Чудо нравственнаго растлѣнія! Не сіи ли

чудотворцы суть число оное человѣческое, тречастнѣ по количеству силы каждаго изъ дѣйствующихъ сложенное, но по мѣрѣ намѣреній составляющее едино: шестьсотъ—Вольтеръ, шестьдесятъ—Даламбертъ, шесть — Дидеротъ» и т. д. [262]).

Сочувствіе энциклопедистамъ и ихъ послѣдователямъ выражалось иногда въ нашемъ обществѣ однимъ либеральнымъ фразерствомъ, въ которомъ напрасно было бы искать глубины мысли, и тѣмъ менѣе — убѣжденія. Къ такого рода «самодовольнымъ болтунамъ» обращена слѣдующая замѣтка Анастасія: «И дикіе люди любятъ гремушки, и малые ребята любятъ гремушки, и великіе люди любятъ что-то около себя брящательное, шумящее. Видно чувство слуха превосходнѣе зрѣнія, съ тою только разностію: одни природно желаютъ слышать, чтобъ научиться; другіе модно желаютъ быть слышимы, чтобы гордиться. Но съ гремушкою дитя милѣе, чѣмъ гордый самовѣщунъ».

Съ тою же ироніею отзывается Анастасій о суевѣрныхъ обычаяхъ, подавляющихъ мысль человѣка и тѣмъ не менѣе господствующихъ не только у дикарей, презираемыхъ образованнымъ меньшинствомъ, но и въ странахъ, которыя гордятся своею высокою образованностію. «Познавая нравы далекихъ народовъ, видимъ тѣ же самыя во всемъ родѣ человѣческомъ глупости. Ревностный католикъ исповѣданія римскаго, видя индѣйцевъ, жителей береговъ рѣки Гангеса, умирающихъ съ достовѣрностію получить блаженство вѣчное, если зароютъ ихъ въ землю съ коровьимъ хвостомъ въ рукахъ, смѣется сумазбродству ихъ и суевѣрію. Не станутъ ли подобно же смѣяться и сіи индѣйцы, слушая, что есть въ самомъ сердцѣ Европы люди, думающіе снискать также вѣчное блаженство, когда умрутъ и погребутся въ деревянныхъ башмакахъ французскихъ монаховъ» [263]).

Слогъ проповѣдей Анастасія отличается большею свободою и легкостью, гораздо ближе къ языку разговорному, нежели слогъ многихъ предшествовавшихъ и современныхъ ему духовныхъ писателей. Вмѣсто тяжолыхъ періодовъ доломоносовской формаціи, мы встрѣчаемся въ проповѣдяхъ Анастасія съ выраженіями и

оборотами, напоминающими отчасти, по своей простотѣ и естественности, первыя произведенія Карамзина. Само собою разумѣется, что между языкомъ проповѣди, находящимся подъ неизбѣжнымъ церковно-славянскимъ вліяніемъ, и языкомъ свѣтской повѣсти не можетъ быть полнаго или чрезвычайно близкаго сходства. Тѣмъ не менѣе сходство возможно, и до нѣкоторой степени оно существуетъ и въ настоящемъ случаѣ. Самое употребленіе иностранныхъ словъ, какъ напримѣръ: *феноменъ*, *меланхоликъ*, выхожу на *театръ* просвѣщеннаго свѣта, и т. п. находится въ связи съ разговорнымъ языкомъ тогдашняго общества и съ галлицизмами, которые пуристы находили въ письмахъ русскаго путешественника. Разговорное начало въ проповѣдномъ словѣ Анастасія обнаруживается въ такомъ видѣ. Проповѣдникъ говоритъ: «День ручается за день; ночь порукою за ночь. Встаешь утро: могу ли я поручиться за твой вечеръ? ложусь спать: можешь ли быть порукою за мое утро? Благодѣтельные врачи! и въ вашихъ рецептахъ написана смерть, ибо вы или оную предвидите по знакамъ смерти или нѣсколько отдаляете, но съ такимъ же увѣреніемъ о больномъ, каковымъ питаетесь сами здоровые, т. е. съ сомнѣніемъ. Сей-то урокъ есть для насъ пренравоучительный. Былъ поутру, на другой день уже мертвъ. Гдѣ сего Феномена память? Онъ скрылся изъ глазъ, и имя его исчезаетъ изъ мыслей нашихъ скоро, скоро, скоро, ибо страсти не подпоры мыслей, а сами по себѣ совсѣмъ гнилыя основы. Сердце человѣческое! конечно въ движеніи твоемъ состоитъ жизнь, но съ остановленіемъ онаго движенія слѣдуетъ и смерть. Ежели бы мы не имѣли другаго еще сердца, кромѣ плотянаго, другаго легкаго, кромѣ плотянаго, мы бы и нужды не имѣли безпокоиться о разсвѣтѣ и вечерѣ нашего существованія, мы стали бы на ряду съ вранами, съ слонами, съ кедрами, съ дубами. По другому-то сердцу, чѣмъ въ вранѣ и слонѣ; по другому легкому, чѣмъ въ кедрѣ и дубѣ, мы не доживаемъ ихъ подлинныхъ вѣковъ, но живемъ для вѣчности. Намъ воздухъ есть вѣчность, наше сердце есть вѣчность.... Умремъ: кто о насъ вспоминать будетъ? Тѣже смертные, только

съ разными чувствами. Иные будутъ долго благодарить, иные за благодѣянія скоро забывать; иные когда либо и поплачутъ; иные тутъ же пронесутъ и зломъ; иные, что говорить? смертные остаются смертными и съ своими страстями.... Каждый пульсъ твоего сердца извѣщаетъ тебя, что ты живъ. Но кто движитель твоея жизни? Признай: ты не движешь твоимъ сердцемъ, ни твоей крови даешь по жиламъ токъ. Признай же, что каждое біеніе твоего сердца частитъ и повторяетъ сей пульсъ: Богъ, Богъ, Богъ. Ты покоишься сномъ: въ чьи ты объятія себя предаешь? По языческому выраженію, ты предаешь себя Морфею, божку сна. Язычники ко всякому нѣчему присвоивали и бога. Но ужели мы, христіане, вездѣ, во всемъ, всегда, и на небеси и на земли, и въ ангелахъ и въ человѣкахъ, и во дни и въ нощи, и въ трудѣ и въ покоѣ, не признаемъ единаго, единаго, единаго Бога?» [264]).

Къ числу недостатковъ слога Анастасія надо отнести нѣкоторую растянутость и излишнее употребленіе риторическихъ фигуръ вопрошенія и повторенія: цѣлыя страницы состоятъ иногда изъ ряда повторяемыхъ вопросовъ. Въ этомъ и едва ли не только въ этомъ выразилось въ проповѣдяхъ Анастасія вліяніе на нихъ господствовавшей въ то время схоластики. Какъ на исключенье изъ общаго свойства сравненій и образовъ, болѣе или менѣе изящныхъ, допускаемыхъ Анастасіемъ, можно указать на слѣдующее мѣсто, находящееся впрочемъ не въ проповѣдяхъ, а въ замѣткахъ автора: «Когда больна душа, въ то время и тѣлесное здоровье есть усугубленіе душевной немощи, доколѣ не принимется слабительный раскаянія порошокъ, не употребится куреніе жарчайшей молитвы, а потомъ крѣпительная благодать обновленія жизни». Полную дань схоластикѣ Анастасій заплатилъ въ своемъ руководствѣ «о расположеніи проповѣдей» — tractatus de concionum dispositionibus formandis, въ которомъ онъ оказался весьма плохимъ теоретикомъ. Дарованія его раскрываются во всемъ своемъ блескѣ въ его проповѣдяхъ, ибо въ нихъ онъ забывалъ о теоріи и отдавался свободному творчеству, насколько оно можетъ проявляться въ произведеніяхъ этого рода. Невозможно отрицать

присутствія живыхъ слѣдовъ таланта въ проповѣдяхъ Анастасія, имѣющихъ неоспоримое значеніе для исторіи русской литературы.

Однимъ изъ первыхъ цѣнителей дарованій Анастасія былъ митрополитъ Гавріилъ, вызвавшій его въ столицу и открывшій путь для его плодотворной дѣятельности. Блестящею порою для Анастасія было то время, когда онъ, находясь въ Петербургѣ, часто говорилъ поученія свои при дворѣ въ присутствіи самой Екатерины. Ей приписываютъ такой отзывъ: Анастасію должно или подражать или превзойти его, но и то и другое одинаково невозможно. Есть также извѣстіе, что Екатерина приказывала перечитывать ей вечеромъ тѣ поученія Анастасія, которыя слышала утромъ въ придворной церкви. Положительное свидѣтельство удостовѣряетъ, что Екатерина требовала иногда проповѣдей, произнесенныхъ Анастасіемъ не въ ея присутствіи, и что это обстоятельство оказало свое вліяніе на дальнѣйшую судьбу проповѣдника. 6 февраля 1795 года синодальный оберъ-прокуроръ Мусинъ-Пушкинъ сдѣлалъ св. синоду слѣдующее предложеніе: «Въ прошедшее сего февраля 3-го числа торжество, по неприсутствію ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни въ придворной церкви при отправленіи божественной службы, благоугодно было высочайше указать мнѣ представить ея величеству для прочтенія говоренную въ тотъ день зеленецкаго монастыря архимандритомъ Анастасіемъ проповѣдь, что мною и исполнено. Ея императорское величество, по прочтеніи проповѣди, соизволила повелѣть оную напечатать, а ему, архимандриту, изъявить высочайшее свое удовольствіе, которое мною и объявлено. Святѣйшему же синоду предлагаю, дабы, во исполненіе высочайшей воли, благоволилъ приказать означенную проповѣдь напечатать казеннымъ иждивеніемъ, и какъ помянутый архимандритъ Анастасій не только по сему случаю, но и прежде неоднократно удостоился за проповѣди свои заслуживать высочайшее ея императорскаго величества благоволеніе, то не угодно ли будетъ св. синоду оставить его на нынѣшній годъ на здѣшней чредѣ священнослуженія и сказыванія проповѣдей» [265]).

Ко времени громкой извѣстности Анастасія при дворѣ и въ обществѣ относится избраніе его въ члены россійской академіи. Въ академическомъ засѣданіи 4 марта 1794 года княгиня Дашкова «предложила собранію на избраніе въ члены архимандрита Анастасія, мужа въ россійской словесности съ похвалою знаемаго. Предложеніе сіе подтверждено было общимъ согласіемъ. Но поелику положенное число членовъ россійской академіи полно, то и опредѣлено избраніе сіе отложить до времени, и первое убылое мѣсто ему предоставить». Анастасію не долго пришлось ожидать убылаго мѣста: въ засѣданіи 29 апрѣля того же года объявлено о кончинѣ академика Стахіева, и подтверждено избраніе Анастасія въ члены россійской академіи. Въ новомъ своемъ званіи Анастасій не обнаружилъ впрочемъ особенной дѣятельности. Въ 1794 и 1795 годахъ, втеченіе десяти мѣсяцевъ, онъ былъ не болѣе шести разъ въ засѣданіяхъ академіи, и не принималъ выдающагося участія въ академическихъ трудахъ и занятіяхъ. Въ засѣданіяхъ, въ которыхъ присутствовалъ Анастасій, академики слушали замѣчанія, сообщаемыя членами, на послѣдніе листы шестой и послѣдней части словопроизводнаго словаря и разсматривали первые листы словаря, располагаемаго по азбучному порядку. Краткій перечень занятій академиковъ, помѣщенный въ шестой части словаря россійской академіи, заключается извѣстіемъ, что «архимандритъ Анастасій, со вступленія своего въ академію посѣщая иногда собранія академіи, участвовалъ въ общемъ трудѣ» [266]).

X.

Наиболѣе усердными тружениками, принимавшими самое полное и постоянное участіе въ научныхъ работахъ россійской академіи, были лица изъ бѣлаго духовенства. Они принадлежали къ числу самыхъ исправныхъ посѣтителей академическихъ засѣданій, дѣятельно занимались собираніемъ и объясненіемъ матеріаловъ для словаря въ его полномъ объемѣ, и трудились надъ составленіемъ русской грамматики.

При самомъ учрежденіи академіи избрано нѣсколько духовныхъ членовъ по слѣдующему поводу. Одною изъ главныхъ задачъ россійской академіи было изданіе сочиненій по теоріи прозы или поэзіи или, какъ называли тогда, правилъ витійства и стихотворенія. Полагая, что единственнымъ основаніемъ для нихъ должны служить древніе классическіе образцы, членъ академіи Елагинъ предложилъ составить словарь, въ которомъ изложены были бы «всѣ правила, до словесныхъ наукъ принадлежащія», и просить митрополита Гавріила указать духовныхъ особъ, обладающихъ свѣдѣніями, нужными для подобнаго труда. Вслѣдствіе этого Гавріилъ представилъ пять кандидатовъ, которые всѣ были избраны «безъ жеребьевъ (т. е. безъ балотировки) по извѣстному ихъ въ россійскомъ словѣ знанію». Что же касается до словаря, содержащаго въ себѣ правила словесныхъ наукъ, то положено прежде всего утвердить правила русскаго языка основательною грамматикою, на которой основываются всѣ прочія правила словесныхъ наукъ, и съ этою цѣлью «составить отрядъ изъ членовъ духовныхъ, какъ людей, имѣющихъ къ тому нужныя способности и время, которые бы, сдѣлавъ начертаніе къ сочиненію грамматики, представили академіи на разсмотрѣніе, а потомъ особенный трудъ къ оной приложили». Новоизбранные члены вошли въ составъ «грамматикальнаго» отдѣла, въ которомъ кромѣ нихъ было только два члена: Леонтьевъ и Янковичь-де-Миріево. Духовныя лица, избранныя по предложенію Гавріила въ академическомъ засѣданіи 28 октября 1783 года, были слѣдующія: протоіерей Красовскій и священники: Сидоровскій, Покорскій, Григорьевъ и Исаевъ. Трое изъ нихъ воспитывались въ костромской семинаріи и начали свое педагогическое поприще въ Костромѣ; два другихъ — питомцы александро-невской семинаріи.

Иванъ Ивановичъ Красовскій (1746 — 1811) по окончаніи курса въ костромской семинаріи преподавалъ въ ней богословіе, философію, риторику и греческій языкъ, а впослѣдствіи былъ протоіереемъ костромскаго троицкаго каѳедральнаго собора. По смерти отца своего, занимавшаго втеченіе долгаго времени мѣсто

протоіерея въ костромскомъ успенскомъ соборѣ, Красовскій желалъ занять это мѣсто—одно изъ самыхъ лучшихъ во всей епархіи. Успенскій соборъ славился и своею древностію, принадлежа къ замѣчательнымъ историческимъ памятникамъ края, и находящеюся въ немъ святынею — Θеодоровскою иконою Богоматери, привлекавшею многочисленныхъ богомольцевъ. Служба на явленіе этой иконы написана Красовскимъ. Права и преимущества успенскаго собора восходятъ ко временамъ царя Михаила Θеодоровича, для котораго Кострома и ея храмы и монастыри были дороги по воспоминаніямъ его первой молодости. Не получивши желаемаго мѣста, Красовскій покинулъ родной городъ, и поселился въ Петербургѣ, куда совершалось переселеніе бѣлаго духовенства изъ различныхъ мѣстностей Россіи впродолженіе всего восьмнадцатаго столѣтія. Петербургъ нуждался тогда въ духовныхъ лицахъ съ научнымъ образованіемъ, какъ это видно и изъ пріема, оказаннаго Красовскому. Онъ былъ опредѣленъ законоучителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и въ училищѣ ордена св. Екатерины. Впослѣдствіи онъ назначенъ сакелларіемъ большой придворной церкви. Въ самый годъ переселенія своего въ столицу Красовскій избранъ въ академики по предложенію первенствующаго члена св. синода и россійской академіи. Выборъ этотъ оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ: россійская академія пріобрѣла въ Красовскомъ одного изъ самыхъ дѣльныхъ тружениковъ, такую рабочую силу, присутствіе которой весьма много содѣйствовало успѣшному ходу академическихъ предпріятій.

Дѣятельность Красовскаго въ россійской академіи выразилась участіемъ его во всѣхъ безъ исключенія трудахъ и предпріятіяхъ академіи, а также и въ постоянномъ посѣщеніи академическихъ собраній.

Красовскій былъ однимъ изъ самымъ ревностнѣйшихъ посѣтителей засѣданій академіи; почти никто изъ академиковъ не могъ сравниться съ нимъ въ этомъ отношіи: Красовскій былъ въ 290 засѣданіяхъ россійской академіи, между тѣмъ какъ сама Дашкова,

особенно часто посѣщавшая академію, была только въ 263 засѣданіяхъ. Объ участіи Красовскаго въ научныхъ совѣщаніяхъ и о свойствѣ академическихъ преній вообще, можно судить по слѣдующимъ письменнымъ мнѣніямъ, которыя онъ представилъ по поводу одного изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ касательно словопроизводства.

«Вникая въ силу доказательствъ, утверждающихъ, что слова *помню* и *память* суть самостоятельны и отъ глагола *мню* не происходятъ, — говоритъ Красовскій — нахожу оныя слабыми въ разсужденіи слѣдующихъ моихъ замѣчаній:

1) Хотя подлинно глаголъ *помню* единъ есть изъ россійскихъ глаголовъ, которые, будучи сложены съ частицею *по*, не имѣютъ надъ нею ударенія, однако отсюда не слѣдуетъ, что онъ отъ глагола *мню* не происходитъ, ибо а) въ россійскомъ языкѣ много такихъ словъ, кои слагаемы будучи съ частицею *по*, имѣютъ надъ нею удареніе, какъ-то: *по́вѣсть*, *по́честь*, *по́другъ* и пр., однако никто не скажетъ, что сіи слова самостоятельны. Слѣдовательно, единое удареніе не доказываетъ, что слово, имѣющее надъ частицею *по* удареніе, есть коренное. И потому противъ правилъ логики и самой истины сказано, что въ россійскихъ словахъ нѣтъ примѣра, чтобы когда-нибудь надъ частицами сослагаемыми было удареніе. б) *Помню* по самому естественному знаменованію своему имѣетъ тѣсное сродство съ глаголомъ *мню*, ибо *мню* собственно значитъ *имѣю въ умѣ понятіе* или *мысли* объ извѣстныхъ вещахъ, или *мышлю и послѣ* тоже самое о нѣкоторомъ предметѣ, что и *прежде уже мнилъ* или *воображалъ* объ немъ. Слѣдовательно глаголъ *помню* и по самому естественному значенію своему является порожденіемъ глагола *мню*, а инако можно бы сказать, что и глаголъ *забываю* есть коренной, а не производный отъ глагола *бываю*, поелику между *бываю* и *забываю* гораздо меньше тѣни сходства въ естественномъ значеніи, нежели между *мню* и *помню* находится. Однакожъ россійская академія, не взирая на сіе, глаголъ *забываю* произвела отъ глагола *бываю*, такъ какъ и глаголы *добываю*, *из-*

быточествую и пр. вывела оттуда же безъ всякаго тогда прекословія.

2) Предложивъ сіе, мню, что и слово *память* надлежитъ производить отъ глагола *помню.* Ибо хотя *память* и есть особенное души дарованіе, однако по сему единому не заслуживаетъ мѣста въ словарѣ яко коренное. Инако и *разумъ*, превосходнѣйшее оное души дарованіе, имѣлъ бы право помѣщенъ быть самостоятельнымъ; но кто скажетъ, что слово сіе надлежитъ въ словарѣ поставить кореннымъ? Равнымъ образомъ тотъ же разумъ совѣтуетъ и слово *память* поставить производнымъ отъ глагола *помню*, ибо разумъ нашъ не прежде позналъ и наименовалъ дарованія и свойства душевныя, развѣ замѣтивши и извѣстными словами означивши ихъ дѣйствія. А какъ глаголомъ *помню* означается дѣйствіе того душевнаго дарованія, которое наконецъ подъ именемъ памяти стало быть извѣстно, то конечно и въ словарѣ — прежде того слова поставить, которымъ дѣйствіе памяти означено, а слово *память* положить производнымъ отъ глагола *помню.* Что самое подтверждаютъ и другихъ языковъ словопроизводные словари. Ибо въ греческомъ слово μνήμη — *память* произведено отъ глагола μνάω — *помню;* въ латинскомъ *memoria* отъ глагла *memini*, а въ нѣмецкомъ *gedächtniss* отъ глагола *gedanken.* Что же касается до того на сіе возраженіе, что поелику *помню* значитъ дѣйствіе *памяти* и предполагаетъ *память*, потолику и не должно де слова *память* производить отъ *помню*, то сіе возраженіе кажется нимало не важно, ибо словарь предметомъ своимъ имѣетъ слова, а не вещи, и разсуждается о словахъ по правиламъ филологіи, а не философіи, изслѣдывающія причины вещей и ихъ дѣйствія. Инако сочинители словаря могли бы и глаголъ *хочу* производить отъ слова *воля*, поелику оный глаголъ означаетъ дѣйствіе воли».

На возраженія члена россійской академіи Соколова Красовскій прислалъ такое объясненіе:

1) «Его высокоблагородіе Никита Петровичъ г. Соколовъ въ самомъ началѣ своего на мое мнѣніе возраженія изволитъ писать,

что самъ я, признавши глаголъ *помню* такимъ глаголомъ, надъ котораго частицею *по* стоитъ удареніе, противъ собственнаго моего признанія и истины произвожу оный отъ глагола *мню*. Но какъ сіе мое признаніе не убѣждало и не убѣждаетъ меня за то одно, что надъ первымъ онаго глагола слогомъ стоитъ удареніе, почитать глаголъ сей простымъ, ибо единое надъ сею частицею удареніе еще точно не доказываетъ того, что оный глаголъ есть не сложенный, ибо и *медлю*, хотя также есть одинъ изъ глаголовъ, который надъ первымъ слогомъ имѣетъ удареніе, но за сіе самое не признанъ глаголомъ простымъ: то въ разсужденіи онаго признанія моего кажется и не слѣдовало бы столь колко обо мнѣ заключать, что будто я, не уступая истинѣ, кою самъ почувствовалъ, говорю противъ оной.

2) Что надлежитъ до тѣхъ именъ существительныхъ, имѣющихъ надъ первымъ своимъ слогомъ *по* удареніе, каковы суть: *пóвѣсть, пóжня* и проч., то сіи имена для того въ моемъ мнѣніи были представлены, чтобы примѣромъ ихъ показать ошибку сего, въ прежнихъ г. Соколова доказательствахъ произнесеннаго вообще на всѣ слова, а не на одни глаголы мнѣнія, что въ россійскихъ де словахъ нѣтъ примѣра, чтобы когда-нибудь надъ частицами сослагаемыми было удареніе. Но какъ его высокоблагородіе въ нынѣшнемъ возраженіи своемъ самъ уже изволилъ признаться, что подъ общимъ названіемъ россійскихъ словъ разумѣлъ онъ токмо одни глаголы, то сего признанія въ разсужденіи помянутой погрѣшности было бы довольно, если бы при семъ и такихъ выраженій не присовокупилъ онъ, что слово *подругъ* отецъ протоіерей неправильно между прочими положилъ, ибо говорится *подрýгъ*, а не *пóдругъ*. Я на сіе ничего болѣе отвѣтствовать не могу, какъ только покорнѣйше просить академію, дабы благоволила она справиться съ второю частію словаря, гдѣ слово *подругъ* находится, и съ библіею славенскою, гдѣ у пророк. Аввак. гл. II, ст. 15, напечатано: горе напаяющему пóдруга своего развращеніемъ мутнымъ, и разсудить по сему и о томъ, кто изъ насъ правильно произноситъ слово сіе *подругъ*.

3) Приведенныя во мнѣніи моемъ для объясненія доказательствъ моихъ слова *умъ* и *разумъ* г. Соколовъ изволитъ почитать совершенными сословами; но поелику совершенныя сослова (pura puta sinonima) означаютъ едину и туже вещь, какъ-то: *благо* и *добро*, *быкъ* и *волъ*, *конь* и *лошадь*, а словами *умъ* и *разумъ* означаются такія мыслящаго существа качества, которыя какъ въ философіи, такъ и въ священной библіи между собою различаются. Ибо словомъ *умъ* иногда означается душевная способность различенно мыслить о вещахъ, что по латынѣ называется *intellectus*, и въ семъ значеніи говоритъ евангеліе: тогда отверзе имъ умъ разумѣти писанія. Лук. XXIV. 45; а иногда слово *умъ* берется за самое мыслящее существо, по латынѣ *mens*, а по гречески νȣ̃ς, какъ то̀ видно изъ сего апостольскаго изрѣченія: преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего. Римл. XII. 2. Слово же *разумъ* иногда значитъ такую мыслящаго существа способность, по которой оно въ союзъ истинъ вникать или изъ положеній, предварительно признанныхъ за справедливыя, соотвѣтственное качеству ихъ заключеніе выводить можетъ, что̀ по латынѣ *ratio*, а по гречески λόγος именуется; а иногда словомъ *разумъ* означается снисканное упражненіемъ въ наукахъ просвѣщеніе, какъ напр. разумъ разумныхъ отвергу. 1 Кор. I. 19. То по причинѣ толикаго различія значеній, которыя въ словахъ *умъ* и *разумъ* находятся, можно ли почитать сіи слова совершенными сословами, отдаю сіе на судъ академіи.

4) Прочія слова мои, какъ-то: разумъ нашъ не прежде позналъ и наименовалъ дарованія и свойства душевныя, развѣ замѣтивши и извѣстными словами означивши ихъ дѣйствія и проч., хотя сами по себѣ ясны для тѣхъ, которые упражнялися въ опытной (empirica) и умственной (rationalis) психологіи, ибо сія наука, руководствуя насъ къ познанію естества души, сперва ощущаемыя опытомъ душевныя дѣйствія показываетъ, и каждое изъ нихъ извѣстнымъ словомъ означаетъ, а потомъ изъ нихъ замѣчанія посредствомъ логическихъ умозаключеній выводитъ, и доказываетъ бытіе и сущность душевныхъ качествъ, означая оныя сло-

вами, сродными словамъ, знаменующимъ ихъ дѣйствія: однако его высокоблагородію г. Соколову угодно было назвать помянутыя слова мои странными выраженіями и положеніями, которыхъ де смыслъ поелику не вразумителенъ, потому и оставляетъ его высокоблагородіе безъ отвѣта. Чего ради и я, не распространяя болѣе о семъ предметѣ своего примѣчанія, предоставляю помянутыя слова мои судить основательно разумѣющимъ психологическое любомудріе.

5) На послѣднія рѣчи мои, что мы при сочиненіи словаря разсуждаемъ не яко философы, но яко филологи, а инако бы и глаголъ *хочу* надлежало производить отъ слова *воля* и проч., его высокоблагородіе изволитъ дѣлать такое возраженіе, что слова и примѣры такіе не только не доказываютъ истины, но болѣе сбиваютъ съ истины. Но если самая истина требуетъ, чтобъ мы при сочиненіи словаря были филологами или словоискусниками, имѣющими главнымъ предметомъ своимъ свойство однихъ словъ, а не естество вещей, и если посему о произведеніи словъ отъ ихъ корней судить мы обязаны примѣняяся наиболѣе къ существу и правильному употребленію языка, а не привязываяся къ единому естественному самыхъ словами означаемыхъ вещей порядку въ разсужденіи ихъ началъ и произведеній, ибо сіе принадлежитъ одному философическому, а не филологическому, какова есть россійская академія, факультету, — то въ разсужденіи сего и не было кажется довольной причины помянутыя слова мои толковать положеніями, сбивающими съ истины. Я написалъ оныя защищая истину противу сего, праву филологіи противнаго, умозаключенія, что поелику (*помню?*) де предполагаетъ *память*, то и въ словарѣ *память*, по всей справедливости, поставить должно прежде глагола *помню*, яко самостоятельное и проч. А что я, упомянувши означающее особливую души (способность?) слово *воля*, не сказалъ того, что отъ слова сего происходитъ славенскій глаголъ *волю*, но вмѣсто его положилъ *хочу*, то сіе не съ тѣмъ учинено, чтобы я, какъ его высокоблагородіе выражаетъ, не хотѣлъ истинѣ слѣдовать, но съ тѣмъ а) чтобы не отступать отъ словаря акаде-

мическаго, который не отъ имени *воля* глаголъ сей произвелъ, но отъ глагола *волю* сіе имя вывелъ, а б) и для того, чтобы приведеніемъ въ примѣръ глагола *хочу* ощутительнѣе показать замѣченное мною въ помянутомъ умозаключеніи уклоненіе отъ правилъ филологіи, которая одна должна быть главнымъ россійской академіи предметомъ.

6) Напослѣдокъ его высоблагородіе, уступая сему хотя и говоритъ, что *память* отъ *помню* производить онъ согласенъ, однако при томъ изволитъ изъясняться, что въ прежнемъ своемъ мнѣніи вопреки сему написалъ онъ для единой связи своихъ доказательствъ, а не для того, чтобы въ словарѣ дѣйствительно сему слѣдовать. Но сколь справедливо сіе объясненіе, оставляю судить россійской академіи, если только оная благоволитъ съ нынѣшнимъ его признаніемъ сличить послѣднія два мнѣнія его доказательства.

7) Въ заключеніе всего своего возраженія его высоблагородіе приводитъ еще два доказательства, силою бы которыхъ утвердить по крайней мѣрѣ то, что отъ глагола *мню* какъ *помню*, такъ и *память* не происходятъ. Но сколь сильны сіи доказательства, всякій удобно разсудить можетъ, если только представитъ нѣкоторые примѣры производныхъ словъ, какъ-то напримѣръ: *предѣлъ*, *пріемлю*, *полагаю* и проч., ибо сіи примѣры показываютъ, что хотя отъ помянутыхъ словъ и не меньшій какъ отъ глагола *помню* алфавитъ словъ происходитъ, и хотя они также принимаютъ обыкновенныя сложныхъ глаголовъ частицы, однакожъ россійская академія въ своемъ словарѣ безъ всякаго прекословія поставила ихъ коренными».

Будучи членомъ россійской академіи, Красовскій помѣстилъ много статей своихъ въ Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ — періодическомъ изданіи академіи наукъ, которое стало выходить черезъ два года послѣ прекращенія Собесѣдника. Многія статьи трудолюбиваго автора остались неизданными. Труды Красовскаго состоятъ преимущественно изъ переводовъ съ греческаго и латинскаго языка сочиненій древнихъ и новыхъ писателей, византійскихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ:

Исидора пилусіотскаго, Іеронима стридонскаго, Жирара, ле-Гранда, Зейдлица, Ернести, и т. д., и относятся къ области богословія и церковной исторіи, какъ напримѣръ: Аѳинагорово ходатайство за христіанъ къ Марку Аврелію Антонину, О праздновапіи христіанской пасхи, О ратныхъ упражненіяхъ древнихъ Евреевъ, Насмѣшка Ерміева надъ языческими философами, Мысли о существѣ и должностяхъ богопочитанія, Естественное любомудріе о Богѣ, Сокращеніе нравственной философіи, и многіе другіе.

Красовскій представилъ въ россійскую академію, какъ матеріалъ для словаря, собраніе словъ на букву *ж*, а также слова и примѣры, выбранные изъ Минеи праздничной, и изъ сочиненія Дамаскина о вѣрѣ. Сверхъ того онъ вносилъ въ академію свои объясненія и опредѣленія словъ, начинающихся на первыя три буквы, а также и многихъ другихъ, болѣе или менѣе затруднительныхъ и употребляемыхъ преимущественно въ св. писаніи. Дневныя записки россійской академіи, при всей своей краткости, заключаютъ въ себѣ много доказательствъ того, какъ неутомимо работалъ Красовскій, точно и внимательно исполняя всѣ научныя порученія, возлагаемыя на него академіею. Въ засѣданіи 9 сентября 1785 года составленъ былъ комитетъ для разсмотрѣнія начатыхъ Красовскимъ объясненій на слова и рѣчи съ буквы *б*. Въ дневной запискѣ засѣданія 10 января 1786 года отмѣчено, что о. Красовскій, ревностно продолжая начатой имъ трудъ въ объясненіи словъ и рѣчей, начинающихся съ буквы *б*, сообщилъ академіи свои объясненія до слова *бисеръ*. Для предварительнаго разсмотрѣнія ихъ составленъ комитетъ, собиравшійся въ домѣ предсѣдателя академіи, Дашковой, и положившій напечатать ихъ и разослать всѣмъ членамъ академіи для разсмотрѣнія. Въ октябрѣ 1786 года Красовскій представилъ собранію начало труда своего, положеннаго на объясненіе словъ, какъ коренныхъ, такъ и производныхъ отъ нихъ и сложныхъ, начинающихся съ буквы *в*. Въ ноябрѣ 1788 года заявлено было собранію, что о. Красовскій, принявшій на себя трудъ дѣлать опредѣленія «по чину сло-

вопроизводному» всѣмъ словамъ, рѣчамъ и рѣченіямъ, начинающимся съ буквы *в*, трудъ свой привелъ къ окончанію и представилъ въ академію.

Наибольшая доля труда при составленіи словопроизводнаго словаря россійской академіи принадлежитъ Красовскому и его сотруднику Сидоровскому. На нихъ возложена была предварительная редакція словаря, и прочіе члены дѣлали свои замѣчанія и измѣненія во многихъ случаяхъ на основаніи матеріала, выработаннаго Красовскимъ и Сидоровскимъ. Въ запискѣ академическаго засѣданія 5 октября 1784 года читаемъ: «Академіи предсѣдатель, княгиня Е. Р. Дашкова, предложила собранію, не угодно ли оному будетъ для лучшаго успѣха въ составленіи славено-россійскаго толковаго словаря избрать нѣсколькихъ членовъ, которые бы занималися единственно приведеніемъ словъ и рѣчей въ такой порядокъ, какой требуется по предписанію о толковомъ словарѣ начертанія. Сіе предложеніе принято собраніемъ съ должнымъ уваженіемъ, и по одобренію Гавріила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, избраны къ сему честнѣйшіе отцы: протоіерей Іоаннъ Красовскій и іерей Іоаннъ Сидоровскій». Иныя изъ опредѣленій и объясненій Красовскаго и Сидоровскаго приняты россійскою академіею, другія хотя и отвергнуты ею, но тѣмъ не менѣе она признала заслуживающимъ полнаго уваженія ихъ примѣрный и добросовѣстный трудъ. Благодаря этому труду устранена преграда къ осуществленію главнаго предпріятія академіи, словопроизводнаго словаря, представившаяся въ самомъ его началѣ. По свидѣтельству самой академіи, члены, первоначально принявшіе на себя трудъ «объяснять слова и пещись о изданіи словаря, не могли, по обязательствамъ къ службѣ, большая же часть находясь въ отсутствіи, исполнить своего благонамѣренія, и способы, изобрѣтенные академіею къ скорѣйшему преуспѣянію, осталися тщетными. Сіе обстоятельство заставило академію искать другихъ способовъ къ достиженію своего намѣренія, почему въ собраніи, бывшемъ 5 октября 1784 года, избраны были мужи, въ россійскомъ словѣ довольно искусившіеся: протоіерей Красов-

скій и іерей Сидоровскій. Отъ сего произошло, что благовременнѣе могла академія приступить къ главному своему предмету — къ сочиненію словаря съ объясненіемъ словъ, рѣчей, рѣченій и разнаго образа вѣщаній и съ утвержденіемъ точнаго ихъ знаменованія и употребленія какъ въ языкѣ славенскомъ, такъ и россійскомъ, рачительно наблюдая притомъ изысканіе, съ какого именно языка какое принято слово».

Значительную трудность представляло разногласіе въ употребленіи *з* и *с* въ предлогахъ, за которыми непосредственно слѣдуютъ буквы: твердыя *к*, *п*, *с*, *т*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*; мягкія *б*, *г*, *д*, *ж*, *з* и плавныя *в*, *л*, *м*, *н*, *р*. Для устраненія неопредѣленности и произвола россійская академія обратилась къ Красовскому, и поручила ему составить однажды навсегда основательныя правила для употребленія спорныхъ буквъ. При разсмотрѣніи словъ на букву *и* признано нужнымъ яснѣе опредѣлить слово *икосъ*, и объясненіе этого слова поручено Красовскому, и т. д.

По окончаніи словопроизводнаго словаря россійская академія принялась за другія работы, и Красовскій опять является на первомъ планѣ, какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ участниковъ въ научныхъ предпріятіяхъ. Признавая необходимымъ составленіе грамматики общеупотребительнаго русскаго языка, академія возложила этотъ трудъ на Красовскаго и на Соколовыхъ.

Цѣня труды дѣятельнаго члена, россійская академія много разъ свидѣтельствовала о его заслугахъ: въ каждомъ отчетѣ, при выходѣ каждой части академическаго словаря имя Красовскаго упоминалось съ уваженіемъ и признательностію. По уставу тѣ изъ академиковъ, которые признаваемы были «по большинству баловъ отличившимися трудомъ и пользою», получали въ торжественномъ собраніи академіи большую золотую медаль. Втеченіе всего екатерининскаго періода россійская академія присудила золотыя медали только десяти членамъ, и однимъ изъ нихъ былъ Красовскій. Въ засѣданіи 21 декабря 1790 года подвергались балотированію девять кандидатовъ на награду золотою медалью; изъ нихъ получили: Дашкова — всѣ безъ изъятія избирательные

балы; Румовскій — 11 одобрительныхъ и 1 отрицательный; Красовскій — 10 одобрительныхъ и 2 отрицательныхъ; остальные кандидаты получили отъ 8 до 4 избирательныхъ баловъ. На основаніи этого медали присуждены Дашковой и Румовскому. Изъ всѣхъ другихъ членовъ большинство голосовъ соединилъ въ свою пользу Красовскій. Поэтому въ засѣданіи 13 декабря 1791 года Дашкова, заявляя, что Красовскій и втеченіе нынѣшняго года съ равнымъ усердіемъ участвовалъ въ трудахъ академіи, предложила «не угодно ли будетъ собранію увѣнчать труды его почестію медали нынѣ безъ жеребья, дабы чрезъ то вящше произвесть впредь поощреніе». Съ этимъ предложеніемъ безпрекословно согласились всѣ члены, и въ собраніи 20 декабря 1791 года золотая медаль была вручена Красовскому княгинею Дашковою, какъ предсѣдателемъ россійской академіи. Находящійся въ академіи портретъ протоіерея Красовскаго служитъ также признакомъ сочувствія къ полезной дѣятельности человѣка, долго и усердно трудившагося на академическомъ поприщѣ [267]).

XI.

Товарищемъ Красовскаго по мѣсту воспитанія и первоначальной службы, а впослѣдствіи по преподаванію въ смольномъ монастырѣ и по званію члена россійской академіи, былъ священникъ Сидоровскій.

Иванъ Ивановичъ Сидоровскій (1748 — 1795) воспитывался въ костромской семинаріи, въ которой обучался слѣдующимъ предметамъ: грамматикѣ латинской, піитикѣ, первымъ частямъ ариѳметики, риторикѣ и вмѣстѣ греческой грамматикѣ, географіи математической и политической и исторіи универсальной, философіи и, наконецъ, священной богословіи. «Во всемъ означенномъ ученіи трудился съ отмѣннымъ прилежаніемъ и успѣхомъ, и нравственную должность во всемъ исправно наблюдалъ», какъ гласитъ аттестатъ, выданный Сидоровскому «въ разсужденіи его школьныхъ трудовъ и честныхъ поступковъ». По окончаніи курса онъ преподавалъ въ той же семинаріи греческую и латинскую грам-

матику. Крайняя недостаточность средствъ для содержанія своего семейства заставила Сидоровскаго просить объ увольненіи его отъ званія учителя и объ опредѣленіи священникомъ въ пригородъ Нерехту. Епархіальное начальство исполнило первую просьбу, но во второй отказало, и Сидоровскій очутился въ самомъ непріятномъ положеніи, и вопреки своему желанію вынужденъ былъ принять священническое мѣсто въ селѣ Сидоровскомъ, отъ котораго получилъ и свою фамилію. Но оставаться на этомъ мѣстѣ не представлялось никакой возможности. Между жителями села было чрезвычайно много раскольниковъ, которые стали во враждебное отношеніе къ ученому священнику, между тѣмъ какъ находящіеся въ томъ же селѣ «священники неученые, которые всегда предъ раскольниками пребывая безгласны, всякую благосклонность у нихъ получали». Другое затрудненіе состояло въ томъ, что для снисканія себѣ пропитанія онъ долженъ былъ самъ пахать себѣ землю, а «сельское для ученыхъ житіе — говоритъ онъ — по причинѣ пашенной работы не только не способно, но и, отнимая все почти время, немалый въ успѣхѣ уронъ производитъ, не упоминая о невозможномъ по причинѣ бѣдности стяжаніи тѣхъ средствъ, которыми наука совершаться можетъ». Положеніе Сидоровскаго было бы безвыходнымъ, если бы въ числѣ синодальныхъ членовъ не было тогда такихъ просвѣщенныхъ ходатаевъ за людей съ дарованіями и научными свѣдѣніями, какъ архіепископъ, впослѣдствіи митрополитъ, Гавріилъ. Въ прошеніяхъ, поданныхъ св. синоду, Сидоровскій умолялъ уволить его изъ костромской епархіи и опредѣлить въ Москвѣ хотя на самое послѣднее мѣсто. При докладѣ этого дѣла въ синодѣ Гавріилъ сдѣлалъ заявленіе, что онъ желаетъ принять Сидоровскаго «въ разсужденіи его ученія» въ свою епархію и дать ему священническое мѣсто. Несмотря на противодѣйствіе со стороны мѣстнаго епархіальнаго начальства, Сидоровскій переведенъ въ петербургскую епархію, и по пріѣздѣ въ Петербургъ переданъ въ распоряженіе Гавріила. Сидоровскій получилъ мѣсто законоучителя въ смольномъ монастырѣ, которое сохранилъ до самой своей смерти. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ под-

писывался: «священникъ воскресенскаго дѣвича монастыря» или «находящійся при воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ».

Литературные труды Сидоровскаго состояли преимущественно изъ переводовъ съ языковъ греческаго, латинскаго и французскаго, которому онъ научился въ смольномъ монастырѣ. Многія изъ произведеній лучшаго изъ византійскихъ писателей, Златоуста, впервые переведены на русскій языкъ Сидоровскимъ. Онъ же перевелъ съ греческаго хронику Кедрина, которая считалась въ то время главнѣйшимъ источникомъ для древней русской лѣтописи. Шлецеръ полагалъ, что начало временника Нестора, заключающее въ себѣ космографію, списана и переведена изъ хроники Кедрина. Такого мнѣнія держались и другіе ученые до открытія источника болѣе близкаго — хроники Георгія амартола. Къ переводу своему Сидоровскій присоединилъ много примѣчаній, преимущественно археологическихъ. Переводъ изданъ въ трехъ томахъ въ листъ, славянской печати, подъ названіемъ: «Дѣянія церковныя и гражданскія отъ Рождества Христова до половины пятнадцатаго столѣтія, собранныя Георгіемъ Кедриномъ и другими, переведенныя съ еллиногреческаго на россійскій языкъ; перевелъ с.-петербургскаго воскресенскаго дѣвича монастыря священникъ Иванъ Ивановъ». Эта подпись подала поводъ къ тому, что библіографы приписывали Сидоровскому труды, принадлежащіе другому лицу—священнику Ивану Иванову. Такъ переводъ «Политики» Боссюета, помѣщаемый въ спискѣ трудовъ Сидоровскаго, принадлежитъ не ему, а священнику морскаго богоявленскаго собора Іоанну Іоаннову. Переводъ Боссюета посвященъ императору Александру и изданъ въ 1802 году, когда Сидоровскаго не было уже въ живыхъ: въ засѣданіи россійской академіи 28 апрѣля 1795 года было заявлено о кончинѣ Сидоровскаго.

Вмѣстѣ съ сослуживцемъ своимъ по воспитательному обществу благородныхъ дѣвицъ, Пахомовымъ, Сидоровскій перевелъ съ греческаго сочиненія Платона, Павзанія и Лукіана. Переводъ

Платона издань въ четырехъ томахъ, изъ которыхъ первые два заключаютъ въ себѣ разговоры Платона, переведенные частью Сидоровскимъ, частью Пахомовымъ, а четвертый томъ, заключающій въ себѣ «Законы или о законоположеніи» переведенъ однимъ Сидоровскимъ. Къ труду этому переводчики вызваны были екатерининскою коммисіею для переводовъ, о которой мы упомянули въ началѣ нашего обозрѣнія. Въ предувѣдомленіи говорится, что Екатерина «къ достиженію благополучія избрала первѣйшимъ средствомъ просвѣщеніе своихъ подданныхъ, вѣдая совершенно, что добродѣтель, производительница благополучія, тогда токмо обитати можетъ въ сердцахъ человѣческихъ, когда души озарятся и просвѣтятся свѣтомъ ученія». Къ числу дѣяній для просвѣщенія Россіи принадлежитъ и учрежденіе общества для переводовъ съ древнихъ и новыхъ языковъ, которое въ короткое время «явило на россійскомъ языкѣ отечеству нашему уже многихъ чужестранныхъ писателей. Сего же общества отмѣннымъ раченіемъ открывается нынѣ и Платонъ Россіи, мужъ ради мудрости своея толико же въ настоящія времена, колико и въ древнія, всѣми учеными почитаемый». Поэтому сочиненія Платона и вышли въ русскомъ переводѣ подъ названіемъ «твореній велемудраго Платона».

Разговоры Лукіана самосатскаго изданы въ трехъ томахъ, изъ которыхъ третій, превосходящій объемомъ два первые, вмѣстѣ взятые, переведенъ однимъ Сидоровскимъ и снабженъ многочисленными примѣчаніями. О взглядѣ переводчиковъ на задачу предпринятаго ими труда можно судить по слѣдующимъ словамъ предувѣдомленія: «Извѣстно, что начертанный живописцемъ образъ тѣмъ совершеннѣе бываетъ въ своей сущности, чѣмъ ближе подходитъ къ своему первообразному предмету. Того ради при семъ нашемъ трудѣ и употребили мы всю прилежность изображать писателевы мысли егожъ почти самыми словами столько, сколько свойство россійскаго языка намъ въ томъ дозволяло».

Съ французскаго перевелъ Сидоровскій «опытъ о провидѣніи Божіемъ» и нѣсколько статей изъ словаря французской академіи.

По свидѣтельству рукописнаго извѣстія, въ бумагахъ Сидоровскаго осталось довольно значительное количество неизданныхъ вещей, какъ напримѣръ «сказыванныя имъ на разные случаи проповѣди; сочиненныя имъ правила россійскаго правописанія, и другія, впрочемъ мелочныя, творенія, однакоже показывающія усѣдливость и расторопность сего мужа, заслужившаго особенное на его умственную дѣятельность вниманіе покойнаго преосвященнаго Гавріила, митрополита новгородскаго, и всего с.-петербургскаго ученаго сословія. Въ разсужденіи таковаго уваженія и признательности къ его трудамъ нѣкоторыми изъ его друзей сочинена и на камнѣ гроба его высѣчена слѣдующая, справедливую похвалу содержащая, надпись:

Теченіе Іоаннъ окончилъ Сидоровскій,
Кой въ церкви расплодилъ языкъ славенороссскій;
Чѣмъ древле Златоустъ во Греціи гремѣлъ,
Онъ сдѣлалъ чтобы россъ легко то разумѣлъ.
Услуги къ обществу вмѣнялъ себѣ въ забаву,
И тѣми пріобрѣлъ любовь и честь и славу, и т. д.

О дѣятельности Сидоровскаго, какъ члена россійской академіи, можно судить уже по тѣмъ даннымъ, которыя сообщены нами о трудахъ, исполненныхъ имъ вмѣстѣ съ сочленомъ его Красовскимъ. Сверхъ того имъ однимъ предпринято и окончено много академическихъ работъ. Сидоровскій принялъ на себя выборъ словъ изъ цвѣтной тріоди, собраніе словъ на букву *о* и объясненія на другія буквы; толкованія и объясненія различныхъ словъ, представляемыя Сидоровскимъ, были однимъ изъ главныхъ предметовъ обсужденія въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ академіи. Въ августѣ 1785 года внесены въ академію «расположенныя слова съ зависящими отъ нихъ рѣченіями и рѣчьми», начинающимися съ буквы *б*, начало которымъ сдѣлано о. Сидоровскимъ, а въ августѣ 1786 года Лепехинъ представилъ собранію окончаніе объясненія словъ, рѣчей и рѣченій, сдѣланнаго о. Сидоровскимъ. Большая часть опредѣленій и объясненій, предложенныхъ Сидоров-

скимъ, приняты академіею; но многія греческія слова, употребляемыя въ церковныхъ книгахъ въ образномъ смыслѣ, отмѣнены. Сидоровскій сдѣлалъ первый опытъ объясненія словъ по плану, принятому россійскою академіею: такъ какъ съ буквы *а* начинается весьма мало глаголовъ, то онъ представилъ существительное *ангелъ*, обработанное по правиламъ толковаго словаря; оно утверждено академіею, признано ею примѣрнымъ и послужило образцомъ для послѣдующихъ объясненій.

По порученію россійской академіи Сидоровскій занимался составленіемъ русской грамматики. Въ іюлѣ 1784 года онъ представилъ начало своего грамматическаго труда, а въ январѣ 1786 года—двѣ, вполнѣ оконченныя, его части, заключающія въ себѣ изложеніе правилъ словопроизводства и словосочиненія. Грамматика Сидоровскаго взята была изъ академіи архимандритомъ Аполлосомъ, писавшимъ грамматику также по вызову академіи. Судя по способу пользоваться источниками, которому слѣдовалъ Аполлосъ въ своей грамматикѣ, должно полагать, что многое заимствовано въ ней изъ рукописной грамматики Сидоровскаго [268]).

XII.

Георгій Михайловичъ Покорскій (1740 — 1800) получилъ образованіе въ костромской семинаріи, и первый изъ ея воспитанниковъ началъ говорить проповѣди собственнаго сочиненія; по окончаніи курса онъ былъ преподавателемъ греческаго языка въ той же семинаріи. Переселясь въ 1764 году изъ Костромы въ Петербургъ, Покорскій поступилъ церковно-служителемъ въ академію художествъ, и обучалъ тамошнихъ воспитанниковъ русскому языку. Будучи дьякономъ, а потомъ и священникомъ при церкви Вознесенія, что при адмиралтейскихъ слободахъ, онъ завелъ въ своемъ приходѣ школу, въ которой обучалъ дѣтей катехизису, ариѳметикѣ и географіи, и обратилъ на себя вниманіе своими проповѣдями. Въ 1789 году Покорскій переведенъ въ исаакіевскій соборъ съ отправленіемъ должности благочиннаго, а въ

1800 году подалъ митрополиту прошеніе, въ которомъ говоритъ: «одиннадцать лѣтъ уже прошло, какъ одною болѣзнію одержимъ стражду, и до того дохожу, что въ церкви Божіей отправлять священнослуженіе не въ состояніи. Прошу и молю, милостивѣйшій архипастырь и отецъ, обрадуй слабый мой духъ чистою отставкою. да и не лиши дневнаго пропитанія до гроба». Въ томъ же году, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по полученіи желаемой отставки, протоіерей Покорскій скончался. Онъ оставилъ послѣ себя весьма значительную библіотеку, свидѣтельствующую о его занятіяхъ какъ богословскими науками, такъ и русскою словесностью, и заключающую въ себѣ много сочиненій полемическихъ и обличительныхъ, направленныхъ съ одной стороны противъ вольнодумства, съ другой — противъ раскола. Изданная имъ книга о церкви и таинствахъ назначена для увѣщанія старообрядцевъ.

Въ званіи члена россійской академіи Покорскій занимался выборомъ словъ изъ сочиненій Григорія Назіанзина, собираніемъ и объясненіемъ словъ на букву *д*, и т. д. Онъ принялъ на себя привести въ этимологическій порядокъ всѣ слова и рѣченія, начинающіяся съ буквы *д*, и сдѣлать имъ опредѣленія и объясненія по правиламъ, утвержденнымъ академіею. Въ академическихъ засѣданіяхъ Покорскій подавалъ устныя и письменныя мнѣнія по различнымъ спорнымъ вопросамъ. Онъ находилъ, что наполненіе словаря причастіями излишне, потому что производство ихъ основано на общеизвѣстныхъ правилахъ; тѣ же причастія, которыя уклоняются отъ общихъ правилъ, необходимо должны быть помѣщены въ академическомъ словарѣ. Мнѣнія, подаваемыя Покорскимъ, послужили поводомъ къ тому, что академія возложила на него окончательную выработку правилъ о глаголахъ учащательныхъ. По случаю замѣчаній, сдѣланныхъ членомъ россійской академіи графомъ Строгановымъ касательно глагольныхъ формъ *алчу* и *алкаю*, Покорскій приводилъ въ свидѣтельство грамматику Ломоносова, въ которой помѣщенъ одинъ глаголъ *алкаю*, въ древнихъ же грамматикахъ находятся какъ *алчу*, такъ и *алкаю*, а въ словарѣ семнадцатаго вѣка есть и третій глаголъ *алкну*. Притомъ

многіе славянскіе глаголы представляютъ такое же обиліе формъ, какъ-то:

вращу, ворочаю и *вращаю,*
жажду, жадаю и *жаждаю,*
нудю, нужду, нужу и *нуждаю.*

Наконецъ есть и такіе глаголы въ языкѣ славянскомъ, которые имѣютъ видъ учащательныхъ, а значеніе первообразныхъ, какъ-то: *купую, лишаю, прощаю, стяжаваю.* Тѣ же глаголы, которые произошли отъ первообразныхъ, а имѣютъ видъ и свойство учащательныхъ, тѣ къ славянскому языку ни мало не принадлежатъ. Мнѣніе свое Покорскій заключилъ образцомъ спряженія трехъ глаголовъ: *алчу, алкаю* и *алкну.* Въ словарѣ россійской академіи при словѣ *алкаю* замѣчено, что существенное различіе между *алчу* и *алкаю* состоитъ въ томъ, что *алчу* значитъ настоящій чувствую голодъ, *алкаю* — продолженіе онаго; *алчу* признано недостаточнымъ, *алкаю* — учащательнымъ глаголомъ.

По предложенію Дашковой, академія приступила къ точному опредѣленію правилъ правописанія, и трудъ этотъ приняли на себя члены россійской академіи, священники Покорскій и Григорьевъ [269]).

XIII.

Василій Григорьевичъ Григорьевъ († 1800), питомецъ александроневской семинаріи, былъ священникомъ при академіи наукъ, а потомъ при церкви мраморнаго дворца. Григорьевъ отличался особенною ревностію въ посѣщеніи академическихъ собраній впродолженіе всего своего академическаго поприща, съ ноября 1783 года до декабря 1799 года, когда онъ былъ въ послѣдній разъ въ академіи, незадолго до своей кончины, о которой заявлено въ засѣданіи 21 января 1800 года. Вмѣстѣ съ Красовскимъ, Дашковою и немногими другими Григорьевъ принадлежалъ къ числу самыхъ усердныхъ посѣтителей академіи: втеченіе екатерининскаго періода онъ былъ 247 разъ въ академическихъ засѣданіяхъ.

Имя Григорьева, какъ дѣятельнаго члена, упоминается при каждой части академическаго словаря. Для словопроизводнаго словаря онъ собралъ слова, начинающіяся на *п*, и занимался опредѣленіемъ и объясненіемъ словъ, начинающихся на букву *е* съ ихъ производными. Для академическаго словаря онъ выбиралъ слова и примѣры изъ четьихъ-миней. Хотя нѣкоторыя научныя работы предприняты Григорьевымъ вмѣстѣ съ другими членами, но видно, что главная часть труда, а иногда и весь трудъ исполненъ однимъ Григорьевымъ. Такъ собираніе словъ на букву *п* возложено на него и на академика Протасова, но большая часть собрана Григорьевымъ. Составленіе правилъ правописанія поручено ему вмѣстѣ съ Покорскимъ; но Лепехинъ, внося въ академію эти правила, заявилъ, что они составлены о. Григорьевымъ [270]).

XIV.

Савва Исаевичъ Исаевъ († 1799) по окончаніи курса въ александроневской семинаріи былъ придворнымъ священникомъ, а въ 1795 году произведенъ въ протоіереи московскаго благовѣщенскаго собора и назначенъ духовникомъ императрицы. Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ Павла I послѣдовалъ указъ о назначеніи новаго духовника, Исидора Петрова, а Исаева велѣно оставить на прежнемъ мѣстѣ протоіереемъ и «производить все его жалованье и прочее удовольствіе что̀ получалъ». При слушаніи этого указа Исаевъ, ссылаясь на свои преклонныя лѣта и слабость здоровья, просилъ св. синодъ исходатайствовать ему у государя увольненіе отъ служебныхъ обязанностей, которыя онъ не въ состояніи болѣе исполнять. Докладъ синода немедленно утвержденъ: Исаевъ уволенъ отъ всѣхъ должностей съ сохраненіемъ получаемыхъ окладовъ.

Довольно рѣдко посѣщая засѣданія академіи, Исаевъ тѣмъ не менѣе принималъ участіе въ академическихъ работахъ. Онъ собралъ слова, начинающіяся съ буквы *н*, и въ собираніи ихъ «всевозможное употребилъ раченіе», помѣстивъ даже тѣ слова, которыя начинаются съ отрицательной частицы *не*, пристав-

ленной къ словамъ, имѣющимъ самостоятельный смыслъ и употребляющимся и безъ отрицанія. Онъ дѣлалъ также замѣчанія и дополненія къ аналогической росписи словъ[271]).

XV.

Изъ восьми лицъ бѣлаго духовенства, избранныхъ въ члены россійской академіи, первымъ по времени избранія былъ протоіерей Панфиловъ, а послѣднимъ священникъ Данковъ.

Иванъ Ивановичъ Панфиловъ († 1794) началъ свое образованіе въ вологодской семинаріи, продолжалъ его въ александроневской, и не кончивши курса произведенъ въ дьяконы, а потомъ въ священники. Въ февралѣ 1770 года послѣдовалъ указъ Екатерины: «Богоявленскаго собора что въ Морской, протопопа Іоанна Памфилова, котораго мы опредѣлили быть нашимъ духовникомъ, перевести въ протопопы московскаго благовѣщенскаго собора». Въ 1774 году Екатерина назначила своего духовника членомъ св. синода. Панфиловъ первый изъ бѣлаго духовенства получилъ митру, вслѣдствіе чего митрополитъ Платонъ называлъ его въ насмѣшку митрованнымъ попомъ: hoc est mitratus popa. Панфиловъ, въ свою очередь нежаловавшій Платона, препятствовалъ возведенію его въ высшій духовный санъ; но, по волѣ императрицы, долженъ былъ первый провозгласить его митрополитомъ совершенно неожиданно для самаго Платона. Въ дневникѣ Храповицкаго подъ 29 ноября 1786 года записано: «надѣта архимандритская шапка на духовника ея величества». Въ томъ же дневникѣ подъ 9 февраля 1790 года находится слѣдующая замѣтка, касающаяся Панфилова и его духовной дочери: «Вопросъ на исповѣди странный, какого никогда не дѣлалъ: вѣруешь ли въ Бога? Я тотчасъ сказала tout le simbole, а ежели хотятъ доказательствъ, то такія дамъ, о которыхъ они и не думали. Я вѣрю всему, на семи соборахъ утвержденному, потому что св. отцы тѣхъ временъ были ближе къ апостоламъ и лучше насъ все разобрать могли». Екатерина часто ввѣряла своему духовни-

ку значительныя суммы для раздачи нуждающимся и пострадавшимъ отъ пожара, наводненія и другихъ несчастій.

Имя Панфилова встрѣчается въ спискѣ первыхъ членовъ, вошедшихъ въ составъ россійской академіи при самомъ ея учрежденіи, вслѣдъ за именами Гавріила и Иннокентія. По словамъ издателя портретовъ именитыхъ мужей россійской церкви, Панфиловъ «отличался строгою жизнію, умомъ возвышеннымъ и необыкновеннымъ краснорѣчіемъ: за его познанія въ русскомъ языкѣ россійская академія избрала его своимъ членомъ». По замѣчанію же историка петербургской духовной академіи, россійская академія приняла въ свои члены Панфилова по уваженію къ его почетнымъ званіямъ. Какъ бы то ни было, Панфиловъ хотя и не обнаруживалъ особенной дѣятельности въ званіи академика, тѣмъ не менѣе довольно усердно посѣщалъ академическія засѣданія втеченіе первыхъ шести лѣтъ со времени своего вступленія въ академію. Онъ участвовалъ въ составленіи первой и второй части словопроизводнаго словаря: по свидѣтельству отчетовъ, «способствовалъ къ совершенству словаря, доставлялъ пополненія къ аналогической таблицѣ; посѣщая академическія собранія, вспомоществовалъ въ разсматриваніи листовъ», т. е. предварительной росписи словъ, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ [272]).

XVI.

Василій Семеновичъ Данковъ († 1826), воспитанникъ александроневской семинаріи, былъ священникомъ приходской благовѣщенской церкви, а впослѣдствіи придворнымъ протоіереемъ. По предложенію ординарнаго академика академіи наукъ и члена россійской академіи, Н. П. Соколова, въ засѣданіи 10 января 1792 года «по согласію всѣхъ присутствовавшихъ избранъ іерей Василій, находящійся при церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что на Васильевскомъ островѣ». Въ званіи члена россійской академіи Данковъ весьма усердно посѣщалъ академическія засѣданія, выбиралъ слова и примѣры изъ пролога, и участвовалъ въ составленіи четырехъ частей словопроизводнаго словаря,

отъ третьей до послѣдней. Въ первоначальной редакціи третьей части слово *литія* опредѣлено было такъ: «исхожденіе въ притворъ церковный на молитву». Но Данковъ подалъ собранію записку, заключающую въ себѣ слѣдующее опредѣленіе: «*Литія*— 1) стихословіе съ молитвами, посредѣ церкви отправляемое во всѣ праздники; 2) краткое молитвословіе о усопшихъ, въ притворѣ церковномъ бывающее или индѣ; 3) молебныя пѣнія съ крестнымъ хожденіемъ или при крестныхъ ходахъ, по древнему разумѣнію церкви». Предложенное Данковымъ толкованіе вызвало возраженіе со стороны протоіерея Красовскаго, вслѣдствіе чего академія обратилась за разрѣшеніемъ спорнаго вопроса къ митрополиту Гавріилу. Отзывъ Гавріила содѣйствовалъ тому, что въ печатномъ изданіи удержано опредѣленіе спорнаго слова, находившееся въ первоначальной редакціи словаря [273]).

ПРОТОІЕРЕЙ П. А. АЛЕКСѢЕВЪ.

Образъ мыслей и дѣйствій Алексѣева; черты тогдашнихъ нравовъ. — Литературные труды. — Церковный словарь. — Избраніе Алексѣева членомъ россійской академіи.

I.

Почетное мѣсто въ ряду академиковъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, занимаетъ протоіерей Алексѣевъ. Его учено-литературные труды находятся въ непосредственной связи съ главнѣйшимъ предпріятіемъ россійской академіи екатерининскаго періода, и принадлежатъ къ числу выдающихся явленій литературы восьмнадцатаго столѣтія. Дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка, сближаясь нѣкоторыми чертами съ духомъ и направленіемъ эпохи преобразованія, знакомитъ со внутреннимъ состояніемъ русскаго общества, съ понятіями и стремленіями образованнаго русскаго духовенства [274]).

Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ (1727 — 1801) родился въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ пономаремъ при церкви св. Николая чудотворца, что̀ за Москвою рѣкою въ Кузнецкой. Образованіе свое Алексѣевъ получилъ въ московской славяно-латинской академіи, въ которой пробылъ болѣе двѣнадцати лѣтъ [275]). Общее число учащихся въ этомъ періодѣ достигало иногда до 460, и составъ ихъ не ограничивался лицами изъ духовнаго званія: въ одинъ годъ вступило въ академію болѣе полутораста учениковъ, въ числѣ которыхъ были князья Долгорукіе, Оболенскіе, Прозоровскіе, Мещерскіе и др.

Въ устройствѣ академіи и въ духѣ преподаванія господствовали начала, внесенныя въ русскую жизнь реформой Петра Великаго и съ такою опредѣленностью выраженныя въ духовномъ регламентѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ многое дѣлалось еще по старинѣ; новизна мѣшалась съ давними преданіями, и при изложеніи одного и того же предмета старинные школьные обычаи и пріемы уживались съ новыми требованіями, съ попытками освободить науку отъ стѣснительныхъ условій схоластики. Съ одной стороны толковали съ каѳедры о колдунахъ, обращающихся въ невидимокъ и переставляющихъ поля съ мѣста на мѣсто; занимались рѣшеніемъ вопросовъ о томъ, существуютъ ли сирены и роза безъ шиповъ, и похожъ ли земной рай на какое-нибудь царство, напримѣръ на Испанію или Польшу и т. п. Съ другой стороны, преподаватели, независимо отъ преобладающаго авторитета Аристотеля, знакомили своихъ слушателей съ идеями Бэкона, Декарта и Лейбница, и заявляли о необходимости свободы изслѣдованія, неподавляемой ничьимъ постороннимъ вліяніемъ. Одинъ изъ старѣйшихъ представителей философской каѳедры въ этомъ періодѣ, продолжающемся отъ временъ Палладія Роговскаго до временъ митрополита Платона, говоритъ: «Мы уважаемъ всѣхъ философовъ и преимущественно Аристотеля, однакоже не утверждаясь на древнихъ мнѣніяхъ, но желая узнать чистую истину, не полагаемся ни на чьи слова. Философу свойственно довѣрять болѣе разуму, нежели авторитету. Умъ былъ не у одного Платона или

Аристотеля. Учившіе прежде насъ должны быть не властелинами нашими, а только вождями; истина открывается для всѣхъ и еще не исчерпана: многое осталось отъ нея и для будущихъ поколѣній». Курсы философіи, читавшіеся въ академіи впродолженіе всего этого періода, представляютъ между собою чрезвычайное сходство и по духу и по буквѣ.

Согласно съ существовавшими требованіями и расположеніемъ учебныхъ предметовъ, питомцы академіи должны были довольно долго оставаться въ ней, и только немногіе успѣвали окончить полный курсъ втеченіе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ со времени поступленія въ училище. Студенты богословія и философіи имѣли право на священническія мѣста въ столицѣ; ученики же риторики опредѣлялись обыкновенно на мѣста дьяконскія [276]).

Алексѣевъ, вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ и личныхъ соображеній, не воспользовался принадлежащимъ ему правомъ, и ограничился дьяконскимъ мѣстомъ. Будучи студентомъ богословія, Алексѣевъ, за годъ до окончанія полнаго академическаго курса, былъ произведенъ въ діаконы при архангельскомъ соборѣ за свои «при московской академіи чрезъ двѣнадцатилѣтніе труды» съ обязательствомъ окончить курсъ въ академіи. Въ новомъ званіи своемъ Алексѣевъ занимался разборомъ и описаніемъ синодальной библіотеки, и въ награду за это получилъ мѣсто священника при той же церкви. Спустя около двухъ лѣтъ послѣ этого назначенія Алексѣевъ избранъ катихизаторомъ или преподавателемъ Закона Божія въ московскомъ университетѣ. Изъ архангельскаго собора онъ перешелъ въ успенскій, гдѣ былъ ключаремъ, а впослѣдствіи снова поступилъ въ архангельскій соборъ въ санѣ протоіерея, и оставался въ этомъ званіи и на этомъ мѣстѣ втеченіе тридцати лѣтъ, до самой кончины своей, послѣдовавшей 22 іюля 1801 года. Опредѣленіе Алексѣева протоіереемъ архангельскаго собора было однимъ изъ послѣднихъ распоряженій архіепископа московскаго Амвросія Зертисъ-Каменскаго. 16 сентября 1771 года убитъ Амвросій, а 15 сентября, наканунѣ своей смерти, онъ писалъ въ св. синодъ слѣдующее: «На про-

шедшей почтѣ представлено отъ меня о нынѣшнихъ здѣсь опасныхъ отъ заразительной болѣзни обстоятельствахъ. Къ сему въ дополненіе имѣю донести, что архангельскаго собора протопопъ Иванъ Комаровскій умре, почему теперь и осталось сіе мѣсто празднымъ. Успенскаго жъ собора ключарь Петръ Алексѣевъ объявилъ мнѣ къ тому свое желаніе, чтобъ я по опредѣленію его въ тотъ архангельскій соборъ протопопомъ представилъ вашему святѣйшеству. А какъ я нынѣ нахожу по консисторіи моей въ присутствующихъ крайнюю нужду, а его, ключаря, къ таковымъ дѣламъ способность, того ради прошу: онаго ключаря Алексѣева повелѣть произвесть и опредѣлить въ помянутый архангельскій соборъ протопопомъ, о чемъ и имѣю ожидать отъ вашего святѣйшества на сіе указа»[277]).

Общественная дѣятельность протоіерея Алексѣева представляетъ интересъ преимущественно въ томъ отношеніи, что въ ней выражается столкновеніе двухъ началъ въ мірѣ нашего духовенства, своего рода борьба патриціевъ и плебеевъ. Съ давнихъ поръ высшими представителями духовной власти были у насъ лица монашествующія; бѣлое же или низшее духовенство находилось въ полной зависимости отъ своихъ владыкъ, распоряжавшихся его судьбою по своему усмотрѣнію и произволу. Церковная реформа Петра Великаго, учрежденный имъ синодъ, въ которомъ наряду съ епископами засѣдали и священники, могъ служить орудіемъ для уничтоженія іерархической розни, пустившей глубокіе корни въ нравы и бытъ духовнаго сословія. Но сильное вліяніе бюрократіи, проникавшее во всѣ отрасли управленія, а также и другія причины содѣйствовали удержанію этой розни на нескончаемо-долгія времена. Тѣмъ не менѣе при всемъ долготерпѣніи низшаго духовенства, въ средѣ его являлись, хотя и чрезвычайно рѣдко, лица, обрекавшія себя на борьбу съ существующимъ порядкомъ вещей, вооружась противъ него доводами научными, свидѣтельствомъ историческихъ памятниковъ. Къ числу такихъ рѣдкихъ явленій принадлежитъ и протоіерей Алексѣевъ. Онъ оспоривалъ у монашества исключительное право на высшія духов-

ныя званія, и на вопросъ, можно ли священнику, минуя монашество, быть произведену въ епископа, не только отвѣчалъ утвердительно, но находилъ даже, что епископство должно быть удѣломъ только бѣлаго духовенства, ибо монашество, по самому своему существу и духу, несовмѣстимо съ пріобрѣтеніемъ почестей, отличій и власти. Отстаивая права достойныхъ епископскаго сана лицъ изъ бѣлаго духовенства, ведущихъ семейную жизнь, Алексѣевъ ссылается на то, что нѣкоторые изъ апостоловъ были женаты и съ женами своими ходили на проповѣдь евангелія, а также и на то, что въ первые вѣка христіанства многіе епископы были женаты. Григорій Богословъ родился отъ епископа, а Златоустъ положительно утверждаетъ, что женатые могутъ быть поставляемы въ епископы. Обычай избирать епископовъ изъ среды монаховъ есть явленіе позднѣйшее, и о причинахъ, вызвавшихъ его, Алексѣевъ отзывается съ ироніей, совѣтуя обратиться къ сочиненію Монтескье Considérations sur la grandeur et la décadence des Romains: «На Востокѣ вошло въ обычай избирать архіереевъ изъ отрекшихся міра людей, съ тѣмъ условіемъ, что они, ничѣмъ свѣтскимъ не занимаяся, будутъ единственно упражняться въ богословіи, въ ученіи, въ священнослуженіи и прочихъ, духовнымъ пастырямъ приличныхъ, дѣлахъ; что, не имѣючи своего семейства, не станутъ копить денегъ, а имѣютъ быть щедроподатливѣе къ нищимъ, безъ сребролюбія, правосуднѣе, безъ лицепріятія; что вседушно прилежа къ церкви, не будутъ мѣшаться въ государственныя и политическія дѣла. Сіе учрежденіе всегда ли и точно ли было исполняемо, можно справиться у Монтескю въ книгѣ: О великости и упадкѣ римлянъ» [278]). Это замѣчаніе Алексѣева напоминаетъ саркастическій отзывъ Ѳеофана Прокоповича по поводу восхваленій монашеской жизни со стороны его противника, который доказывалъ трудолюбіе монаховъ тѣмъ, что иные изъ нихъ муку сѣютъ, другіе хлѣбъ пекутъ, третьи варятъ и т. д. «Дивно, — замѣчаетъ Ѳеофанъ — что не придалъ, что и ножемъ рѣжутъ и ложками ѣдятъ, и ковшиками испиваютъ. Вину, для чего даны монастырямъ вотчины, означаетъ, дабы монахи всѣмъ по-

требная подавали: вдовицамъ, сирымъ, страннымъ, больнымъ и во всякихъ нуждахъ сущимъ. Да такъ ли полно дѣется? Мнится мнѣ, что онъ винословіе сіе написалъ не русскимъ людямъ, но индійцамъ или американамъ, которые отъ монастырей нашихъ весьма далеки».

Подобно Ѳеофану Прокоповичу, Алексѣевъ видѣлъ въ поступкахъ монаховъ-честолюбцевъ папскія замашки, и указывалъ на необходимость огражденія русской церкви отъ началъ, обнаружившихся на западѣ съ такою яркостью въ деспотизмѣ и корыстолюбіи римскихъ папъ. По мнѣнію Алексѣева, русская исторія представляетъ примѣръ проникнутаго папскимъ духомъ самодержавнаго монаха въ лицѣ патріарха Никона. Передавая разсказъ Петра Великаго о причинахъ нелюбья между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патріархомъ Никономъ, Алексѣевъ обвиняетъ Никона въ своекорыстіи и непомѣрномъ властолюбіи: во время польской войны, Никонъ, подкупленный поляками, выдумываетъ народный бунтъ, чтобы отвлечь царя отъ войска, а желая показать свою власть, приказываетъ царскому духовнику запретить своему духовному сыну причаститься св. таинъ, и тѣмъ подвергаетъ царя униженію и позору, и т. п. Дѣйствія Никона Алексѣевъ описываетъ императору Павлу съ тою цѣлью, какъ самъ говоритъ, что ихъ надобно имѣть въ виду при разсужденіи о настоящей и будущей участи нашей православной церкви. Приведя историческое свидѣтельство объ усвоеніи патріархами александрійскими титула «судіи вселенной», онъ выражаетъ въ заключеніи свою завѣтную мысль: «вотъ слѣдствія неосмотрительности государей, когда попустятъ чрезъ мѣру усилиться верховному духовенству» [279]).

При подобномъ взглядѣ на «верховное» духовенство Алексѣеву не мудрено было нажить себѣ недоброжелателей. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ враговъ его былъ его ближайшій начальникъ, московскій митрополитъ Платонъ, и Алексѣеву не разъ приходилось жаловаться и искать защиты отъ притѣсненій со стороны своего епархіальнаго начальства. «Здѣсь бѣлому священству житья нѣтъ отъ монаховъ; — писалъ Алексѣевъ — мнѣ грозитъ

владыка отрѣшеніемъ отъ мѣста: за тò, что не показался человѣкъ человѣку, идти отцу съ дѣтьми по міру, разориться домомъ и межу дворъ скитаться! Гораздо легче архіерею идти на обѣщаніе, оставя по своенравію епархію свою, ибо онъ, накопя денегъ, безбѣдно проживетъ въ монастырѣ вѣкъ свой, якоже Пахомія и прочіи. Послѣ того грозилъ мнѣ владыка таскатнею по консисторіи года три, и порицалъ гнуснымъ названіемъ доносчика». Алексѣевъ былъ возмущенъ этимъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ, и съ жаромъ доказывалъ, что онъ не опозорилъ себя доносами, а избралъ путь прямой и честный: дѣйствуя на точномъ основаніи духовнаго регламента, обнаруживалъ темныя стороны епархіальнаго управленія, раскрывалъ несправедливости совершаемыя втихомолку, и тѣмъ облегчалъ участь беззащитнаго бѣлаго духовенства. Лучшимъ оправданіемъ подобнаго образа дѣйствій служитъ то, что онъ находилъ поддержку въ самомъ синодѣ, и нѣкоторые изъ совѣтовъ и предложеній Алексѣева были не только сочувственно приняты св. синодомъ, но и приведены имъ въ исполненіе. Благодаря гражданскому мужеству Алексѣева, нежелавшему молчать въ угоду сильнымъ міра, уничтожены нѣкоторые налоги и поборы, обременявшіе бѣлое духовенство по произволу его «великихъ господъ».

Въ одномъ изъ писемъ своихъ Алексѣевъ говоритъ: «Хочу сообщить о недавно случившемся здѣсь чудномъ происшествіи. Минувшаго апрѣля (1788 года) св. правительствующаго синода членъ, *великій господинъ*, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ московскій и калужскій и Свято-Троицкія Сергіевы лавры священноархимандритъ Платонъ сдѣлалъ новое положеніе, и указы чрезъ консисторію къ благочиннымъ московскимъ и уѣзднымъ, такожъ въ духовныя свои правленія, разослалъ, чтобъ собирали они съ священноцерковнослужителей деньги, подъ видомъ добровольнаго подаянія, на содержаніе бурсаковъ отнынѣ и впредь ежегодно, и кто сколько дастъ, самъ бы датчикъ записывалъ въ особыя тетради, и вносили бы благочинные собранную сумму въ московскую академію съ полученіемъ оттуда росписокъ, что̀ здѣш-

ніе на прошедшей страстной седьмицѣ и исполнили дѣйствительно. А сего мая 4 ч. пронесся здѣсь слухъ, что главнокомандующій въ Москвѣ П. Д. Еропкинъ получилъ именное повелѣніе касательно до сего новозатѣяннаго съ бѣлаго священства побора, и сообщилъ московскому митрополиту, требуя отъ него отвѣта, съ какимъ намѣреніемъ онъ уставилъ съ клира церковнаго сію подать. Если бы подлинно оказался недостатокъ въ содержаніи бѣдныхъ учениковъ, то бы онъ долженъ представить о томъ ея императорскому величеству съ требованіемъ нужной на то суммы. А сего жъ мая 7 числа явилися у благочинныхъ другіе указы, изъ консисторіи насланные съ тѣмъ, чтобы они обратно взяли внесенныя въ академію деньги и роздали бы тѣмъ, отъ кого сколько получено, точно по ихъ своеручнымъ подпискамъ. Изъ таковыхъ вторичныхъ указовъ одинъ мнѣ самому читать удалось вчерась съ великимъ удивленіемъ, чрезъ кого бъ ея величество свѣдали о налогѣ, бѣлому священству учиненномъ отъ архипастыря. Ежели подъ колоколами такое происходитъ своеволіе, то чего уже лучше ожидать отъ прочихъ удаленныхъ отъ столицы епархій. Однако московскій владыко, по причинѣ случившейся ему осадки, теперь, кажется, изъ одной крайности прошелъ въ другую, то есть подобную папской пышность монашескимъ прикрылъ смиреніемъ. А что впредь будетъ, время окажетъ. При семъ на мысль пришло мнѣ утѣшительное для бѣлаго священства Христово слово: приближается избавленіе ваше и т. д. [280]).

По замѣчанію Алексѣева, слѣды униженія бѣлаго духовенства на счетъ монаховъ обнаруживаются въ самомъ языкѣ, въ словахъ и выраженіяхъ, къ которымъ прислушались и пригляделись. Таково названіе протоіереевъ «протопопами» допускаемое и въ офиціальныхъ бумагахъ, между тѣмъ какъ вполнѣ соотвѣтствующее, одинаковымъ образомъ составленное, слово «архипопъ» вмѣсто «архіерей» сочтено было бы величайшею дерзостью. Въ прошеніи, поданномъ митрополиту Платону, Алексѣевъ объяснялъ, что «посылаемыми указами московской консисторіи приписано ему названіе *протопопъ*, которое сложное рѣченіе по предшествую-

щей своей частицѣ *прото*, съ греческаго языка, значитъ *первый*, а вторая часть *попъ* ему, протопресвитеру, невразумительна. Ибо при производствѣ его въ московскій архангельскій соборъ настоятелемъ, священнодѣйствующій архіерей именовалъ его *протопресвитеромъ*, да и всѣ чины церковные, начавъ отъ епископа до діакона, тѣми именами называются въ православной церкви, какими они произведены, напримѣръ: никто не осмѣлится *архіерея* именовать *архипопъ*, понеже *попъ* есть рѣченіе варварское, въ грубыя времена вошедшее, ничего приличнаго къ христіанскому пресвитерству въ себѣ незаключающее и въ св. писаніи неупотребительное». На этомъ основаніи просилъ «гнусное прозваніе *протопопъ* вовсе уничтожить, и законно произведенныхъ протопресвитеровъ писать и называть свойственными ихъ званію именами». Прошеніе Алексѣева митрополитъ Платонъ призналъ и неосновательнымъ и неблагоразумнымъ. Въ резолюціи своей онъ написалъ: «рѣченіе *протопопъ* есть греческое, составлено изъ *прото*—первый и *папасъ*—отецъ, батюшка, коимъ малыя дѣти, по нѣжности выраженія, родителей своихъ именуютъ. Сіе тѣмъ доказательнѣе, что нынѣ въ греческой церкви священникъ называется *папасъ*, а протопопъ — *протопапасъ*, отчего произошло и наше россійское названіе *попъ* и *протопопъ*, а потому оно не варварское и не гнусное. Хотя бъ оно и подлинно было таково, но мнѣ его вовсе уничтожить и запретить общее въ Россіи онаго употребленіе никакъ невозможно». Дѣло передано на разсмотрѣніе консисторіи, и въ докладѣ своемъ, имѣющемъ видъ обвинительнаго акта, консисторія постановила: «кольми паче за написаніе, къ оскорбленію и поношенію всѣхъ преосвященныхъ архіереевъ, вымышленнымъ и неслыханнымъ вовсе въ Россіи наименованіемъ *архипопъ*, удержать у него, Алексѣева, чинъ протопопства на годъ, а потому и священнослуженіе въ оное годичное время исправлять безъ палицы и безъ набедренника»[281]).

Въ письмѣ къ своему доброжелателю Алексѣевъ жалуется на то, что его дѣлаютъ отвѣтчикомъ за поступки другихъ: онъ получилъ незаслуженный выговоръ за появленіе книги, переведенной

не имъ, а его покойнымъ братомъ, и изданной княгинею Дашковою на счетъ академіи наукъ. Книга, о которой идетъ рѣчь, напечатана въ 1784 году подъ названіемъ: «о благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола». Она есть переводъ сочиненія Корнелія Агриппы (1486 — 1535): De nobilitate et praecellentia foeminei sexus declamatio. Авторъ, весьма часто прибѣгавшій къ самымъ затѣйливымъ парадоксамъ, усиливается доказать избранную имъ тему посредствомъ разнаго рода натяжекъ и весьма наивныхъ сближеній и доводовъ. Изобрѣтательность его отчасти объясняется личными цѣлями: апотеоза женскаго пола написана имъ въ угоду Маргаритѣ австрійской, сестрѣ Карла V. Какъ авторъ имѣлъ въ виду Маргариту австрійскую, такъ русскій переводчикъ—Екатерину. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ заключительныхъ строкъ, лично ему принадлежащихъ. Къ словамъ автора о томъ, что превосходство женскаго пола доказывается множествомъ свидѣтельствъ, причинъ и примѣровъ, переводчикъ прибавляетъ: «для насъ, россіанъ, довольно одного безпримѣрнаго примѣра великія по всему Екатерины II; ея душевныя и тѣлесныя дарованія толь превосходны предъ царями земными, какъ солнечное въ сравненіи звѣздъ сіяніе» и т. п.

По мнѣнію Корнелія Агриппы, и названіе, данное первой женщинѣ, и мѣсто и время ея созданія, и вещество, изъ котораго она сотворена, и многія особенности ея природы, убѣждаютъ въ томъ, что женщина выше мужчины и по справедливости признается вѣнцомъ и красою творенія. Евва значитъ *жизнь*, а Адамъ *земля*, и насколько жизнь превосходнѣе земли, настолько женщина — мужчины. Евва сотворена въ раю, а Адамъ на простомъ полѣ, вмѣстѣ съ животными и звѣрьми. Истинная красота составляетъ удѣлъ женщины, а отнюдь не мужчины; у женщинъ менѣе зубовъ, нежели у мужчинъ, и потому женщины «не столько проѣстливы и грызливы», какъ мужчины. Дѣти обыкновенно бываютъ болѣе похожи на матерей, нежели на отцовъ: если матери глупы, то и дѣти глупы, и на оборотъ, между тѣмъ какъ у умныхъ отцовъ часто бываютъ глупыя дѣти, и напротивъ того, у

глупыхъ отцовъ умныя дѣти, если матери ихъ умны. Стыдливость служитъ неразлучнымъ спутникомъ женщины во время всей ея жизни, и не покидаетъ ея даже по смерти: вслѣдствіе этого утонувшая женщина всплываетъ на поверхность воды лицомъ внизъ, а мужчина лицомъ вверхъ и т. п. Подобныя вещи заставили русскаго переводчика дѣлать оговорки и выражать недовѣріе къ автору; въ иныхъ случаяхъ, гдѣ авторъ доказываетъ какую-нибудь диковинку тѣмъ, что такъ повѣствуютъ «естествословцы», переводчикъ прибавляетъ: «если только не суесловцы» и т. д. Алексѣевъ, по собственному его свидѣтельству, нашелъ переводъ этой книги въ бумагахъ умершаго своего брата, и переслалъ рукопись княгинѣ Дашковой «для одной куріозности и не только безъ одобренія, но еще со внушеніемъ о имѣющихся въ самомъ оригиналѣ нелѣпостяхъ».

Лицо, съ которымъ Алексѣевъ велъ дѣятельную и откровенную переписку, былъ членъ св. синода и россійской академіи, протоіерей И. И. Панфиловъ, личный врагъ митрополита Платона. Быть можетъ, враждебныя отношенія Платона къ двумъ духовнымъ членамъ россійской академіи, Панфилову и Алексѣеву, послужили прямымъ или косвеннымъ поводомъ къ тому, что знаменитый ораторъ не принялъ предложеннаго ему званія академика. Притомъ онъ не былъ расположенъ и къ первенствующему члену россійской академіи, митрополиту Гавріилу. По словамъ Платона, духовная власть въ Москвѣ раздвоилась вслѣдствіе того, что не всѣ церкви и монастыри подчинены митрополиту, а нѣкоторые монастыри и два собора находятся въ вѣдомствѣ св. синода, и эти «архимандриты и соборные попы митрополиту не токмо во многомъ не повиновались, но и досады разныя причиняли. Имъ наипаче содѣйствовали взошедшіе въ особую у императрицы довѣренность митрополитъ Гавріилъ и оберъ-прокуроръ Пушкинъ, кои два въ синодѣ дѣлали что хотѣли и явно властію синодскою и тайно ухищренными способы. А другіе, имъ угождая, хотя и не хотя, тому же послѣдовали» [282]).

Другимъ и несравненно болѣе вліятельнымъ лицомъ, къ кото-

рому довольно часто обращался Алексѣевъ съ своими просьбами, и которому описывалъ свое горе, былъ князь Потемкинъ, любившій общество образованныхъ духовныхъ особъ. По мысли Потемкина Алексѣевъ приступилъ къ сочиненію историческаго труда, важнаго какъ для духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ властей, которыя, почерпнувши изъ него «благоразумную осторожность, и сравнивая прошедшія дѣла съ нынѣшними и будущими, могутъ прямо судить о важныхъ въ церкви и государствѣ произшестіяхъ». Отвѣтомъ на одинъ изъ вопросовъ, предложенныхъ Потемкинымъ, служитъ трудъ Алексѣева подъ заглавіемъ: «для чего въ церковныхъ обыкновенныхъ канонахъ не полагается второй пѣсни ирмосовъ». Алексѣевъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Потемкинымъ, просилъ его защиты и ходатайства и лично о себѣ и о своемъ семействѣ. «Что въ древнія времена — писалъ Алексѣевъ Потемкину — одинъ ученикъ своему учителю, отгоняющему его отъ себя, сказалъ, то я осмѣлюся приложить къ себѣ: нѣтъ такой крѣпкой трости, коей бы могли вы меня отъ себя отогнать».

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Потемкину Алексѣевъ говоритъ: «Я сердечно желаю, дабы и въ потомкахъ моихъ превозносилося имя ваше, яко великаго милостивца. Для того покорнѣйше прошу вашу свѣтлость оказать на сынѣ моемъ Ѳедорѣ Алексѣевѣ, гвардейскомъ сержантѣ, ваше благоволеніе: выпустить его изъ полку съ награжденіемъ капитанскаго чина къ штатскимъ дѣламъ, ибо воинской службы ему продолжать неудобно за домашними моими обстоятельствами, да и пріобрѣтенныя имъ въ чужихъ краяхъ четырехлѣтними трудами науки учинили его способнѣе къ штатскому званію. О чемъ послана въ канцелярію преображенскаго полку челобитная». Письмо это писано въ концѣ 1783 года, а по исповѣдной росписи 1799 года при протоіереѣ Петрѣ Алексѣевѣ показанъ сынъ Ѳедоръ, 36 лѣтъ, ассессоръ гражданской палаты.

Въ другомъ письмѣ къ Потемкину Алексѣевъ такъ выражается о постигшей его судьбѣ: «сжальтесь надо мною, и избавьте отъ толь жестокаго гоненія, какого описать здѣсь не можно. Если

иного не осталося выгоднѣйшаго средства, а гнѣвъ сильнаго лица возгарается часъ отъ часу больше и для меня на будущее время опаснѣе, для того принужденъ буду при старости своей за тридцатипятилѣтнюю службу всеподданнѣйше просить у престола величества пропитанія съ малолѣтными дѣтьми, дабы можно было не ходя по міру остальные дни своей жизни проводить въ спокойствіи духа»[283]).

Гоненіе, которому подвергался одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени въ средѣ русскаго духовенства, сдѣлалось извѣстнымъ Екатеринѣ и вызвало въ ней участіе къ судьбѣ гонимаго. Она послала секретный указъ московскому главнокомандующему Еропкину, чтобъ онъ принялъ протоіерея Алексѣева «въ особенное защищеніе отъ могущихъ случиться московскимъ митрополитомъ притѣсненій, а чего онъ не въ силахъ отвратить, о томъ представлять къ самой монархинѣ».

Преемникъ Екатерины, не смотря на расположеніе къ своему бывшему наставнику Платону, оказывалъ, повидимому, вниманіе къ гонимому митрополитомъ Алексѣеву. По краней мѣрѣ Алексѣевъ писалъ къ императору Павлу, сообщилъ ему отзывъ Петра Великаго о дѣйствіяхъ патріарха Никона съ своими примѣчаніями, просилъ защиты отъ руки сильныхъ лицъ, и обѣщалъ доставлять свои мысли и замѣчанія о томъ, что требуетъ перемѣны и исправленія въ нашемъ церковномъ мірѣ. Примѣчанія, приложенныя Алексѣевымъ къ разсказу Петра Великаго, имѣютъ прямое отношеніе къ обстоятельствамъ, современнымъ автору письма, на которыя онъ желалъ обратить вниманіе государя. Въ заключеніи письма своего Алексѣевъ говоритъ: «у нынѣшняго оберъ-прокурора имѣется мой послужный списокъ съ нѣкоторымъ анекдотомъ, собственно до вашей высочайшей особы касающимся». Ксожалѣнію, послужнаго списка Алексѣева не сохранилось въ архивѣ св. синода, гдѣ находятся всѣ старинныя дѣла вѣдомства синодальнаго оберъ-прокурора. По приказанію императора Павла требуемы были послужные списки всѣхъ епархіальныхъ еписко-

повъ, а также и протоіереевъ, но въ архивѣ находятся списки одних архіереевъ и притомъ весьма неполные.

Подобно митрополиту Платону, родной братъ его, протоіерей московскаго успенскаго собора Александръ Левшинъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Алексѣеву, и непріязнь эта выражалась въ чрезвычайно рѣзкихъ и грубыхъ формахъ, дающихъ весьма невыгодное понятіе о нравахъ того времени. Во время крестныхъ ходовъ, не стѣсняясь ни множествомъ народа, ни уваженіемъ къ святынѣ, Левшинъ осыпалъ бранью Алексѣева, который долженъ былъ отказаться отъ участія въ церковныхъ процессіяхъ, чтобы избѣжать оскорбленій со стороны своего собрата, неумѣвшаго владѣть собою и дававшаго полную волю своему необузданному гнѣву. Особенно непріятное впечатлѣніе на общество и народъ произведено было столкновеніемъ, происшедшимъ во время крестнаго хода 23 іюня 1778 года. Обѣ стороны поспѣшили заявить о случившемся, и въ этихъ заявленіяхъ выражаются черты тогдашней общественной жизни.

Въ письмѣ къ члену св. синода духовнику И. И. Панфилову протоіерей Алексѣевъ излагаетъ дѣло слѣдующимъ образомъ: «Что до сего времени умедлилъ я благодареніемъ за милостивый вашъ обо мнѣ отзывъ, тому причиною, кромѣ другихъ недосуговъ по собору, духовенству и учебнымъ дѣламъ, печаль, которою Богу угодно посѣтить меня 23-го іюня, ибо въ крестномъ ходу публично обругалъ меня отецъ протоіерей успенскій безъ всякой съ моей стороны причины. На ивановской площади кричалъ во все свое громогласіе: поди, плѣшивый, отсюда прочь; я терпѣть тебя не могу. Потомъ приказывалъ своимъ сторожамъ, чтобъ толкали меня по шеѣ; того не довольно, тупинками меня потчивалъ, и какъ я, обратяся къ нему, просилъ его, дабы оставилъ меня съ покоемъ, и не дѣлалъ бы больше народу соблазна, то онъ, паче разсвирѣпѣвъ, грозилъ мнѣ большою своею палкою, чего убояся принужденъ я выступить вонъ изъ ряду, и удалиться отъ него подалѣе».

Въ свою очередь протоіерей Александръ Левшинъ послалъ

въ св. синодъ слѣдующее донесеніе: «Бывый успенскаго собора ключарь, а нынѣшній архангельскій протопопъ Петръ Алексѣевъ съ самого моего во оный успенскій соборъ вступленія несносныя мнѣ дѣлалъ огорченія, клеветы, подлоги и вымыслы, и по нѣкоторымъ домамъ язвительныя разсѣвая разгласки, и тѣмъ хотя привести меня въ обществѣ въ ненависть, и не только, по его своевольственнымъ и грубымъ поступкамъ, мнѣ причинялъ великія обиды и непочтенія, но и конторѣ св. синода:

«1) 1766 года августа 9 дня въ собраніи оной конторы во время чиненія ему, за произведенныя имъ по успенскому собору противныя командѣ и самовольныя дѣла, выговора, сдѣлался непослушнымъ, и поступилъ во освященномъ мѣстѣ неучтиво и продерзостно, да и господину прокурору сказалъ: вы де не знаете дѣла. За каковую его дерзость съ него, Алексѣева, въ тожъ время, не выпуская изъ присутствія, по силѣ 1724 года генваря 27 дня указа, дабы во освященномъ мѣстѣ поступалъ онъ съ подобающею учтивостію, взято штрафу десять рублевъ.

«2) 1768 года, будучи онъ, Алексѣевъ, успенскимъ ключаремъ, яко бы утратилъ съ перваго евангелія изумрудъ; но какъ отъ конторы св. синода учинено о непремѣнномъ того камня отысканіи понужденіе, то оный незнаемо какимъ образомъ и оказался отысканнымъ, почему и причтено конторою св. синода ему за слабое или совсѣмъ нерадивое по должности смотрѣніе и небреженіе.

«3) Того 1768 года самовольно онъ, Алексѣевъ, съ ризъ, стихарей и прочаго церковнаго содиралъ серебряныя сѣтки, кружева и золотые позументы, а сколько имъ именно содрано, того и изъ соборянъ никто не зналъ, и по сожженіи всего онаго самъ собою выжигу и продалъ, о которой выжигѣ, по производившемуся въ конторѣ св. синода, оказался онъ весьма виновнымъ, за что̀ и подлежалъ онъ къ поступленію съ нимъ по всей строгости св. отецъ правилъ и государственныхъ законовъ. Но контора св. синода, сообразуясь всемилостивѣйшему и высокомонаршему ея императорскаго величества ко всѣмъ впадшимъ въ преступленія человѣколюбію и милосердію, учинила ему, Алексѣеву, за ту сдѣ-

данную имъ противу своей должности и подписки продерзость, и за ложное о той выжигѣ св. синоду представленіе, и при слѣдствіи неправое показаніе, и самовольную той выжиги продажу, а командѣ противность и продерзство, — жестокій выговоръ. А чего онъ по законамъ за то достоинъ, со оныхъ даны ему впредь для свѣдѣнія за скрѣпою секретарскою копіи. Каково для него милосердіе, а сверхъ того, по ненапомянутію о прописанныхъ и другихъ кромѣ оныхъ многихъ подобныхъ имъ до него, Алексѣева, дѣлъ, опредѣленіе протопопскимъ мѣстомъ и могло бы ему послужить ко истребленію всѣхъ его вредныхъ вымысловъ и азартныхъ поступковъ.

«Но онъ, по врожденному небратолюбія свойству, и нынѣ всякія непринадлежащіе вымыслы, служащіе къ возмущенію и и здору, дѣлаетъ:

«1) Сего генваря 6 въ день Богоявленія Господня, во время шествія крестнаго ходу для освященія воды на Москву рѣку, не зная почему шелъ въ непринадлежащемъ ему мѣстѣ.

«2) Въ успенскомъ соборѣ въ недѣлю православія предъ самою божественною литургіею во святомъ олтарѣ сдѣлалъ великій крикъ о стояніи ему на томъ, гдѣ не подлежитъ, по желанію его, мѣстѣ, чѣмъ и причинилъ какъ бывымъ въ то время преосвященному архіерею и архимандритамъ, такъ и мнѣ и прочимъ духовнымъ, приготовящимся къ священнослуженію, великое возмущеніе, о чемъ, такожъ и о прописанномъ въ первомъ пунктѣ, и жалоба отъ меня на него, Алексѣева, произнесена синодальному члену преосвященному Платону, архіепископу московскому.

«3) Въ великій пятокъ на царственныхъ часахъ, во время пренесенія святыхъ мощей изъ благовѣщенскаго собора, по прочтеніи трехъ евангелій: перваго архіереомъ, втораго архимандритомъ, третьяго мною, четвертое въ заключеніи (которое слѣдовало читать преосвященному архіерею, чего для евангеліе и трикиріи вынесены были) по своему своевольству подбѣжавъ, прочелъ онъ, протопопъ Алексѣевъ, и тѣмъ служащему преосвящен-

ному Парѳенію, митрополиту патросскому, учинилъ обиду, а въ порядкѣ церковномъ неблагопристойнство и народу соблазнъ.

«4) Въ бываемыя во ономъ успенскомъ соборѣ и другія духовныя процессіи почасту онъ, Алексѣевъ, входитъ съ своимъ распоряженіемъ, и тѣмъ дѣлаетъ въ церемоніи помѣшательство, а сего 1778 года іюня 23 дня въ бывое въ московскій срѣтенскій монастырь крестное хожденіе означенный протопопъ Алексѣевъ, оставя образъ, несенный изъ того архангельскаго собора, и какъ за онымъ, такъ и съ своими соборяны, незнаемо чего ради не пошелъ, а пошелъ своевольствомъ своимъ за образомъ владимірскія Богородицы, чтò носится изъ успенскаго собора, въ рядъ со мною, гдѣ ему идти совсѣмъ не подлежало, и ниже его преждебывые архангельскіе протопопы, что и онъ знаетъ, во ономъ мѣстѣ, да и самъ онъ, Алексѣевъ, до сего времени не хаживали. А всякій протопопъ идетъ за образомъ своего собора и съ своими соборяны, что издревле и донынѣ наблюдаемо. Оный же протопопъ Алексѣевъ, идучи со мною, явныя къ возмущенію подавая причины, и дѣлая разныя противорѣчія, а чрезъ то желая имѣть случай, чтобъ ѣздя по разнымъ мѣстамъ и домамъ возмущать напрасными клеветами, и на мое ему объявленіе, чтобъ онъ шелъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему по распоряженію его епархіальнаго архіерея, синодальнаго члена, преосвященнаго Платона, архіепископа московскаго, учреждено, съ своими соборяны, на чтò онъ, Алексѣевъ, отвѣчая весьма дерзко и очень гласно, не устыдясь и многочисленнаго народа собранія, я де тебя не слушаю и не гляжу на тебя, производя притомъ разныя язвительныя произношенія, и наконецъ, имѣвши въ рукахъ палку, побѣжалъ къ шествующему въ крестномъ ходу синодальному члену преосвященному Самуилу, архіепископу ростовскому, и кричалъ азартно: я представлю, я представлю. Отъ котораго преосвященнаго возвратясь, видно получа въ его азартѣ усмиреніе, уже шелъ за образомъ донскія Богородицы, что носится изъ благовѣщенскаго собора, гдѣ тожъ ему идти не подлежало. И тѣмъ онъ азартнымъ поступкомъ и своевольствомъ учинилъ духовной процессіи въ порядкѣ неустрой-

ство, а мнѣ въ крайную обиду. О каковомъ его, Алексѣева, крайне безобразномъ поступкѣ представлено отъ меня въ контору св. синода, о чемъ онъ, Алексѣевъ, увѣдомясь и въ затьменіе того его противнаго поступка подалъ онъ, Алексѣевъ, въ контору св. синода доношеніе съ веьма поносительными и въ крайную мнѣ обиду служащими словами, а въ заключеніи и проситъ, чтобъ меня отъ присутствія въ конторѣ св. синода отрѣшить» и т. д.

При слушаніи этого дѣла въ св. синодѣ члены синода: Гавріилъ, архіепископъ новгородскій, и Платонъ, архіепископъ московскій, объявили, что оно уже рѣшено [284]). Оказывается, что оно рѣшено самою императрицею, принявшею Алексѣева подъ свою защиту. Екатерина писала московскому главнокомандующему князю Волконскому: «Доходятъ ко мнѣ свѣдѣнія о неблагопристойныхъ поступкахъ успенскаго собора протоіерея Александра Левшина, во многихъ случаяхъ противу духовенства и другихъ оказанныхъ, а особливо что онъ въ крестныхъ ходахъ дѣлаетъ самъ собою учрежденіе мимо первенствующаго тамъ архіерея; а 23 іюня, при таковомъ ходѣ, архангельскаго собора протоіерея Петра Алексѣева обругалъ, сторожамъ приказывалъ вытолкать, грозилъ ему не только словами, но и палкою; да и когда упомянутый архангельскаго собора протоіерей приносилъ жалобу преосвященному архіерею ростовскому, то онъ и по его увѣщанію не укротился. Я желаю, чтобъ вы отъ упомянутаго архіерея и отъ другихъ навѣдались о подлинности всего сего, и ежели что подобное тому окажется, то, призвавъ его къ себѣ, дайте ему знать, что мнѣ тѣ его поступки извѣстны; но на сей случай дальнее взысканіе не дѣлается изъ уваженія къ его заслугамъ, по коимъ онъ въ настоящій санъ возведенъ и къ нынѣшнему мѣсту опредѣленъ, въ чаяніи, что онъ перемѣнитъ свое поведеніе, воздержась оказывать грубости не только въ степени ему предпочтеннымъ или равнымъ, но и съ меньшими и подчиненными поступая съ должною вѣжливостію и кротостію, званію духовному приличною, въ отвращеніе всякихъ непріятныхъ изъ противнаго тому послѣдствій» [285]).

Заслуги протоіерея Левшина, о которыхъ упоминаетъ Екатерина, заключаются въ дѣйствіяхъ его во время моровой язвы, когда онъ, вмѣстѣ съ генералъ-поручикомъ Еропкинымъ и пятью врачами, былъ членомъ коммиссіи для предохраненія и врачеванія отъ заразительной болѣзни. Левшинъ былъ пожалованъ членомъ св. синода и другими знаками вниманія къ нему императрицы. Въ литературѣ онъ извѣстенъ своими проповѣдями, изъ которыхъ особенно выдается слово о предосторожностяхъ отъ чумы, и своимъ трудомъ: Историческое описаніе московскаго успенскаго собора и возобновленія первыхъ трехъ соборовъ, не потерявшимъ до сихъ поръ своей цѣны по многимъ находящимся въ немъ даннымъ, болѣе или менѣе любопытнымъ въ археологическомъ отношеніи.

Протоіерея Александра Левшина нѣкоторые смѣшиваютъ съ его младшимъ братомъ, протоіереемъ Алексѣемъ Левшинымъ (или Левшиновымъ), получившимъ окончательное образованіе заграницею, въ Оксфордѣ. Въ то время, когда Александръ Левшинъ былъ уже протоіереемъ успенскаго собора, Алексѣй Левшинъ едва только возвратился изъ своего заграничнаго путешествія; за оказанные успѣхи онъ опредѣленъ былъ священникомъ и ключаремъ въ тотъ же соборъ, въ которомъ находился и его старшій братъ. Въ прошеніи, поданномъ въ св. синодъ въ январѣ 1776 года, Алексѣй Левшинъ говоритъ: «Во время обученія моего въ московской греко-латинской академіи, въ силу св. правительствующаго синода указа, а по усмотрѣнію во мнѣ склонныхъ къ понятію наукъ качествъ, для обученія оныхъ въ прошломъ 1765 году отправленъ я съ прочими студентами въ Англію, гдѣ и продолжалъ оное по 1771 годъ; коихъ по изученіи въ томъ же году отъ иностранной коллегіи св. синоду съ рекомендаціей и представленъ, и онымъ за понесенные мои въ тѣхъ наукахъ труды опредѣленъ во оный успенскій соборъ ключаремъ, кою должность съ сочиненіемъ и сказываніемъ при публикѣ проповѣдей и исправлялъ я по день приключившейся мнѣ болѣзни добропорядочно и безъ всякой остановки. Какъ же я, именованный, по при-

чинѣ моего, какъ выше значитъ, въ иностранномъ государствѣ обученія, чрезъ шестилѣтнее странствованіе и особливо во время мореплаванія, частые чувствую въ здоровьи моемъ припадки, то потому возложенныхъ на меня къ сохраненію въ томъ соборѣ ризницы и другихъ утварей и вещей, при коихъ быть надлежитъ мнѣ непрестанно, я исправить и не могу. Того ради святѣйшаго правительствующаго синода всепокорнѣйше прошу за вышепоказанными моими резоны отъ большаго успенскаго собора меня уволить, а за понесенные мои въ иностранномъ государствѣ въ наукахъ и при ономъ соборѣ труды опредѣлить мнѣ въ Москвѣ пристойное по званію и степени моему мѣсто». На основаніи этого прошенія, св. синодъ постановилъ: священника Алексѣя Левшина, уволивъ отъ должности ключаря успенскаго собора, произвести протоіереемъ въ спасскій соборъ, что въ кремлевскомъ дворцѣ [286]).

Вслѣдъ за донесеніемъ о безпорядкахъ, произшедшихъ во время крестнаго хода 23 іюня, въ св. синодъ поступила жалоба на одного изъ преемниковъ Алексѣя Левшина въ должности ключаря успенскаго собора. Эта жалоба проливаетъ свѣтъ на образъ дѣйствій протоіерея Александра Левшина и его противника. 16 іюля 1778 года членъ св. синода архіепископъ ростовскій Самуилъ предложилъ синодальной конторѣ, что «его свѣтлость генералъ-аншефъ и кавалеръ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, присланнымъ къ его преосвященству своимъ письмомъ изъяснялъ, что нѣкто изъ ключарей успенскаго собора несносно обидѣлъ грубымъ и непристойнымъ выговоромъ преосвященнаго митрополита палеопатрскаго, а онъ, митрополитъ, носитъ санъ высокій, и жертвовалъ жизнію, имѣніемъ своимъ и всея паствы своея, службѣ ея императорскаго величества». По поводу этого произшествія состоялось слѣдующее опредѣленіе: «успенскаго собора ключарей и синодальныхъ иподіаконовъ, призвавъ въ контору св. синода предъ собраніе, подтвердить имъ, чтобы они какъ преосвященнымъ архіереямъ, такъ архимандритамъ и прочимъ духовнымъ персонамъ никакихъ грубыхъ и досадительныхъ рѣчей, а кольми паче выговоровъ чинить не отваживались, но ока-

зывали бы имъ всякое соотвѣтствующее санамъ ихъ почтеніе и вѣжливость»[287]).

II.

Учено-литературные труды протоіерея Алексѣева привлекали къ нему вниманіе и уваженіе образованнѣйшей части русскаго общества. Современники цѣнили въ Алексѣевѣ его литературныя дарованія, его знаніе славянскаго и русскаго языка и обширныя свѣдѣнія въ области церковныхъ древностей и отечественной исторіи.

Протоіерей Алексѣевъ, какъ писатель, впервые упоминается въ словарѣ Новикова, являясь тамъ въ качествѣ замѣчательнаго проповѣдника и стихотворца. Новиковъ говоритъ: «Алексѣевъ Петръ, московскаго успенскаго собора ключарь и императорскаго университета учитель катихизиса, писалъ стихи, изъ которыхъ много внесено въ переведенную имъ книгу: Истинное благочестіе христіанской вѣры, напечатанную въ Москвѣ 1768 года. Есть много и другихъ его стихотвореній; но оныя такъ, какъ и нѣкоторыя изрядныя его поучительныя слова, не напечатаны»[288]). О стихотвореніяхъ Алексѣева могутъ дать понятіе его переложенія ирмосовъ св. Іоанна Дамаскина[289]):

Любезно, правда, есть молчанье,
  Что всѣмъ легко и безъ вреда;
А наше точно въ томъ желанье,
  Чтобъ, Дѣво, пѣть тебѣ всегда
Хвалы въ стихахъ сколь можно стройныхъ.
  Любовь моя велика, Мать,
Но нѣтъ словесъ тебя достойныхъ:
  Изволь сама мнѣ помощь дать....

Безумный царь, создавъ бездушную статую
Изъ злата, повелѣлъ всѣмъ чествовати тую,
И гласну изъ органъ музыку ей придать.
Но свѣтоносная отъ Духа благодать
Велитъ намъ восклицать днесь пѣсни Тройцѣ славной,
Что безначальна есть, притомъ и силы равной....

Памятниками трудолюбія и образованности протоіерея Алексѣева служатъ слѣдующія произведенія: Церковный словарь, Исторія грекороссійской церкви, Словарь еретиковъ и раскольниковъ, а также изданіе «Православнаго исповѣданія» Петра Могилы съ многочисленными примѣчаніями, переводъ сочиненія Гуго-Грація de veritate religionis, рѣчь при открытіи чтеній по Закону Божію въ московскомъ университетѣ, поучительныя слова и рѣчи, произнесенныя при различныхъ случаяхъ, и т. д. Многіе изъ его трудовъ остаются до сихъ поръ неизданными, и въ числѣ ихъ два особенно замѣчательные: Исторія церкви и Словарь еретиковъ.

Первый трудъ находится въ библіотекѣ Черткова въ рукописи подъ заглавіемъ: «Краткое начертаніе исторіи грекороссійскія церкве, на пять частей раздѣленное». Первая часть обнимаетъ періодъ отъ Рождества Христова до Константина Великаго; вторая — до великаго князя Владиміра; третья — до великаго князя Ивана Васильевича; четвертая—до Петра Великаго, и пятая—до временъ Екатерины II. Въ рукописи Алексѣева, по указанію ея владѣльца, особенно замѣчательны слѣдующія статьи[290]:

1) О соборѣ на еретика Мартина, бывшемъ въ Кіевѣ въ 1157 году.

2) Исторія о флорентинскомъ соборѣ касательно до митрополита Исидора, съ предшествовавшими и послѣдовавшими обстоятельствами.

3) О арменехъ.

4) Recensio libri Photiani: посланіе къ Михаилу, в. к. болгарскому.

5) О вѣнцѣ Мономаховѣ.

6) О раскольникахъ въ Россіи изъ монашества.

7) О спасскихъ воротахъ: тутъ помѣщена латинская надпись, находящаяся подъ образомъ св. Спаса, и объясняется причина, по которой снимаютъ шапки, проходя подъ спасскими воротами.

8) Газофилакіонъ, т. е. сокровищное хранилище московскаго архангельскаго собора, съ планомъ онаго.

9) Анекдотъ о патріархѣ Никонѣ.

10) Описаніе московскаго бунта 1771 года.

На основаніи этого перечня можно заключить, что рукопись имѣетъ видъ сборника статей историческаго содержанія. Нѣкоторыя изъ нихъ появились и въ печати. Въ Русскомъ архивѣ помѣщены: Описаніе московскаго бунта 1771 года сентября 15 дня, составленное протоіереемъ Петромъ Алексѣевымъ, и «Анекдотъ о святѣйшемъ Никонѣ, московскомъ и всея Россіи патріархѣ», слышанный Алексѣевымъ отъ сенатора Козлова, отецъ котораго былъ при Петрѣ Великомъ прокуроромъ въ адмиралтейской коллегіи [291]). Авторъ обзора русской духовной литературы, имѣвшій возможность пользоваться рукописью Алексѣева, находитъ ее мало интересною для нынѣшняго времени, и признаетъ болѣе заслуживающимъ вниманія другой трудъ его — словарь еретиковъ и раскольниковъ, въ томъ числѣ и русскихъ.

О происхожденіи этого труда есть указаніе въ предисловіи къ церковному словарю, гдѣ говорится, что Алексѣевъ «имена всѣхъ противныхъ православной церкви толковъ, со внесеніемъ краткой о нихъ исторіи, расположилъ нѣкогда образцомъ азбучнымъ единственно для себя, чтобъ заняту ему быть пристойнымъ своему званію дѣломъ». По указанію библіографовъ, составленный Алексѣевымъ словарь еретиковъ и раскольниковъ находится въ библіотекѣ петербургской духовной академіи; но всѣ старанія отыскать его тамъ оказались напрасными: не только его нѣтъ въ настоящее время, но ни въ одной описи не сохранилось ни малѣйшаго слѣда того, чтобы рукопись когда-либо находилась въ академіи. Единственный извѣстный доселѣ списокъ этого любопытнаго словаря находится не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, въ библіотекѣ Черткова. Въ рукописи Черткова насчитываютъ болѣе пятидесяти статей, относящихся къ главному предмету «всеобщей библіотеки Россіи», т. е. къ изученію нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ, а именно:

Аввакумовщина, Аврамієвщина, Акулиновщина, Акиндинъ, Андреевщина, Асафовщина. —

Безпоповщина, Бичующіеся (Хлыстовщина), Богомилы. —

Волосатовщина. —

Діаконовщина (Лысиновщина), Досиѳеевщина, Духоборцы.—

Евфросиновщина, Ерофеевщина. —

Жидовщина. —

Іаковщина, Іевлевщина, Іосифовщина. —

Иларіоновщина, Исидоръ, Иконоборщина. —

Кузминщина. —

Лазаревщина. —

Менонисты, Мысленники, Морилщики. —

Наговщина, Никитовщина, Нифонтовщина, Нѣтовщина. —

Онуфріевщина. —

Павлиновщина, Подрѣшетники. —

Разниковщина, Раскольники, Разстиговщина. —

Самокрещенцы, Серапіоновщина, Софонтіевщина (Стариновщина), Стефановщина, Сожигатели, Субботники, Стригольники, Старообрядцы. —

Титловщина, Турки (Мухамедане). —

Уніаты. —

Чувственники. —

Ѳедоровщина. —

Христовщина. —

На первой страницѣ рукописи находится слѣдующая замѣтка: «Таковъ словарь переписанъ набѣло, и подъ росписку отданъ московскому купцу Матвѣю Петрову Глазунову, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ св. синоду на разсмотрѣніе. Ноября 10 числа 1794 года»[292]). Но въ дѣлахъ архива св. синода не сохранилось никакихъ указаній и извѣстій касательно того, что словарь Алексѣева представленъ былъ на разсмотрѣніе членовъ св. синода. Другой трудъ Алексѣева, именно катихизисъ, былъ дѣйствительно представленъ въ св. синодъ на разсмотрѣніе купцомъ Иваномъ (а не Матвѣемъ) Петровымъ Глазуновымъ.

Занимаясь русскими древностями, Алексѣевъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ учеными обществами и отдѣльными лицами, извѣстными въ наукѣ и литературѣ, и сообщалъ имъ бо-

лѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія и замѣчанія, относящіяся къ области археологіи, русской исторіи и словесности.

Въ исторіи русскаго языка и литературы имѣютъ значеніе труды доктора медицины Франциска Скорины, занимавшагося въ началѣ шестнадцатаго столѣтія переводомъ библейскихъ книгъ на русскій языкъ по его мѣстному употребленію въ западной окраинѣ Россіи. Алексѣевъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, ознакомившихъ любителей книжной старины съ переводомъ Скорины. Въ трудахъ вольнаго россійскаго собранія Алексѣевъ помѣстилъ описаніе книги Апостола, т. е. дѣяній и посланій апостольскихъ, переведенныхъ Скориною и изданныхъ въ Вильнѣ въ 1525 году. Въ описаніи указываются отличія въ словахъ и расположеніи статей сравнительно съ позднѣйшею редакціею перевода библіи, и объясняются нѣкоторыя слова и выраженія, какъ напримѣръ: предмова—предисловіе; Францискъ Скорина называется «доктором въ лѣкарствѣ и въ наукахъ вызволенныхъ: вызволенныхъ значитъ свободныхъ, liberalium», и т. д. [293]).

Алексѣевъ велъ ученую переписку съ однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ писателей своего времени, Василіемъ Григорьевичемъ Рубаномъ. Уроженецъ Малороссіи, Рубанъ (1739 — 1795) началъ свое образованіе въ кіевской академіи, а продолжалъ и окончилъ его въ московской славяно-латинской академіи и въ московскомъ университетѣ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ нѣсколькими періодическими изданіями и многими трудами историческаго, статистическаго и литературнаго содержанія, оригинальными и переводными. Онъ издавалъ журналы: Старина и новизна; Трудолюбивый муравей; Ни то ни сё; много писалъ по исторіи и статистикѣ малороссіи, и т. д.

Видное мѣсто въ ряду періодическихъ изданій того времени занимаютъ Любопытные мѣсяцесловы Рубана, отличавшіеся разнообразіемъ и дѣльностью содержанія. Въ нихъ помѣщалось много весьма цѣнныхъ матеріаловъ для знакомства съ прошедшимъ и настоящимъ состояніемъ различныхъ краевъ Россіи; матеріалы эти заключаются преимущественно въ росписяхъ, имѣющихъ видъ

частью краткихъ перечней, частью довольно подробныхъ свѣдѣній, расположенныхъ по порядку времени. Въ любопытныхъ мѣсяцесловахъ Рубана находятся росписи: великихъ князей и царей русскихъ; губерній или намѣстничествъ съ показаніемъ числа провинцій и городовъ; епархій съ показаніемъ находящихся въ нихъ церквей и монастырей, и т. д. Тамъ же помѣщены: извѣстія о числѣ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ коломенскаго уѣзда и о количествѣ получаемаго съ нихъ дохода; описаніе пути отъ Оренбурга къ Хивѣ и Бухарамъ въ 1753 году, при отправленномъ въ тѣ мѣста купеческомъ караванѣ, самарскаго купца Данилы Рукавкина, и т. д.

Роспись «великихъ князей, царей и императоровъ россійскихъ, учиненная съ вырѣзанныхъ медалей съ ихъ портретами и историческими извѣстіями о времени ихъ вступленія на престолъ, владѣнія и жизни» состоитъ изъ такого рода данныхъ:

— Великій князь Василій Іоанновичъ возшелъ на престолъ великаго княженія россійскаго 1505 году; первый началъ писаться царемъ и самодержцемъ всероссійскимъ; владѣлъ 28 лѣтъ; жилъ 55 лѣтъ и 8 мѣсяцей (sic).

— Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ возшелъ на царство 1645 году; взялъ Смоленскъ, побѣдилъ Крымцовъ; при немъ сочинено уложеніе; владѣлъ 31 годъ; жилъ 47 лѣтъ.

— Царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ вѣнчанъ на царство купно съ братомъ, государемъ Петромъ Алексѣевичемъ, въ правленіе не вступая; жилъ 29 лѣтъ.

— Великій князь Юрье (sic) Даниловичъ московскій, женясь въ ордѣ на сестрѣ царевой, пришелъ на великое княженіе 1317 года; ходилъ на шведовъ къ Выборгу, на устье Невы рѣки, построилъ Орѣшекъ и усмирялъ двинянъ; владѣлъ 9 лѣтъ и т. п.

Приведенныя нами извѣстія находятся въ любопытномъ мѣсяцесловѣ на 1776 годъ: они повторялись, съ краткими дополненіями и незначительными измѣненіями, и въ послѣдующихъ годахъ. Замѣчанія Алексѣева, которыя сейчасъ приведемъ, относятся къ росписи, или степеннику, помѣщенному въ одномъ изъ любопыт-

ныхъ мѣсяцеслововъ и вышедшему или приготовленному къ изданію въ 1785 году, какъ можно полагать по времени, обозначенному въ письмѣ Алексѣева къ Рубану.

Рубаномъ составленъ и изданъ Россійскій царскій памятникъ, содержащій въ себѣ расположенныя въ азбучномъ порядкѣ краткія свѣдѣнія о жизни русскихъ государей, ихъ женъ и дѣтей, съ показаніемъ времени и мѣста ихъ рожденія, пребыванія, кончины и погребенія. Въ 1785 году вышло шестое изданіе царскаго памятника. Онъ обнимаетъ всѣ тѣ лица, которыя внесены въ церковные реестры царскихъ панихидъ. Издатель имѣлъ въ виду главнымъ образомъ священно и церковно-служителей и монаховъ, желая сообщить имъ хотя нѣкоторое понятіе о лицахъ, по которымъ они служатъ панихиды. Къ книжкѣ приложены, также для пользы ея духовныхъ читателей, росписи русскихъ владѣтельныхъ князей, губерній, намѣстничествъ, областей и епархій. Рубанъ насчитываетъ въ Россіи 35 епархій, и говоритъ: «московская учреждена въ 1303 — 1742 году; въ ней нынѣ 27 монастырей и 814 церквей». Послѣсловіе свое онъ заключаетъ такъ: «Писано въ столичномъ, губернскомъ и епаршескомъ городѣ св. Петра, іюля 4 дня 1785 года».

По поводу росписи или степенника въ мѣсяцесловѣ и царскаго памятника Алексѣевъ написалъ изъ Москвы 1 сентября 1785 года слѣдующее письмо В. Г. Рубану, любопытное во многихъ отношеніяхъ [294]):

Государь мой Василій Григорьевичъ,

Я привыкъ съ вами чистосердечно обходиться, то и не могу пропустить въ вашемъ краткомъ степенникѣ нѣкоторыхъ ошибочекъ, которыя очень маловажны, но мнѣ показалися достойны замѣчанія, а именно:

Объ царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ написано, что онъ скончался 1612 году; но на гробницѣ его въ М. А. соборѣ значитъ: лѣта ,зрка, изъ которыхъ изключа 5508 лѣтъ выдетъ отъ Р. Х. 1613. Да намъ же Россіанамъ можно въ степенникахъ обой-

тися безъ сего изъясненія, что царь нашъ былъ нѣкогда погребенъ близъ Варшавы на распутіи, а только бы написать, что въ М. А. соборѣ, ибо тѣло его перенесено лѣта 7143, то есть 1635 году, такъ какъ вы пишете о Годуновыхъ что пренесены изъ московскаго варсонофьевскаго монастыря въ Троицко-Сергіеву лавру, умолчавъ о первомъ погребеніи ихъ въ М. А. соборѣ, и изверженіи изъ онаго, яко недостойныхъ почивать обще съ правильными царями, въ убогій монастырь варсонофьевскій.

Подъ числомъ государей 43, якобы великій князь Василій Іоановичь скончался и погребенъ въ 1533 году, но по сношенію лѣтъ міробытія 7042 будетъ отъ Р. Х. годъ 1534.

О царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что онъ скончался и погребенъ въ 1675 году, но 7184 лѣто соотвѣтствуетъ 1676 году отъ Р. Х.

На гробницѣ царя Іоанна Алексѣевича въ надписи значитъ, что онъ преставился лѣта 7204, т. е. въ 1696 году, а вы написали въ 1690 году, а шесть лѣтъ въ лѣтосчисленіи пропустить многова стоитъ.

Подъ числомъ государей 33, Орій III (видно, что опечатка вмѣсто Юрій (Георгій) Даниловичъ Московскій.... убитъ въ Твери татарами 1326 году, погребенъ въ Московскомъ Даниловѣ монастырѣ; 45 лѣтъ. А по старинному лѣтописцу значится, что лѣта 6831, отъ Р. Х. 1323 (а не 26 году) князь Дмитрій Михайловичъ Тферскій уби во ордѣ великаго князя Юрья Даниловича Московскаго. Тогожъ лѣта привезоша изъ орды тѣло в. князя Юрья Даниловича, и погребе его Петръ митрополитъ въ церкви с. архангела Михаила на Москвѣ. А хотя подписи нѣтъ такой въ Ар. соборѣ, но три гробницы великокняжескія имѣются безъ подписей, то и надобно заключить, что одна изъ нихъ есть в. к. Юрья Даниловича.

Болше я ничего не примѣтилъ въ степенникѣ вашемъ, а въ книжкѣ новоисправленной, т. е. въ Царскомъ памятникѣ на стр. 29 стоитъ: писано въ столичномъ, *губернскомъ* и *епаршескомъ* городѣ св. Петра. Здѣсь два реченія подчеркнутыя въ какой силѣ

приданы: ежели для увеличенія города столичнаго? но много есть городовъ губернскихъ, а столичныхъ толко два во всей имперіи; епаршескихъ также 35 по вашей росписи. Это мнѣ кажется похоже, какъ сказать: царствующій С.-Петербургъ, въ которомъ живетъ губернаторъ и архіерей.

Въ росписи епархіи пишете вы, якобы московская епархія учреждена въ 1303 году. Сіе мнѣ кажется сумнително, ибо около того времени пренесена каѳедра всероссійскаго митрополита изъ Владиміра въ Москву, однако митрополитъ тотъ былъ кіевскій и всея Руссіи, а послѣ мѣсто его занялъ патріархъ; вмѣсто патріарха же святѣйшій синодъ, а не одинъ архіерей. И Москва тогда съ прочими многими городами составляла область патріаршу, изъ которой произошло нѣсколко епархій, въ томъ числѣ московская. И такъ справедливо относится учрежденіе московской епархіи къ 1742 году, ибо съ того времени производимые въ Москву архіереи не могутъ сидѣть на каѳедрѣ всероссійскихъ митрополитовъ, въ болшомъ успенскомъ соборѣ имѣющейся, т. е. на горнемъ мѣстѣ. Почему великая разнота между тѣми и епаршескими архіереями примѣчается. Однако я сіе вамъ толко какъ пріятелю открываю, и то не утвердително, а не для публики, понеже мнѣ неизвѣстно учрежденіе московской епархіи въ 742 году, на какомъ оно основаніи: можетъ быть первый здѣшній архіерей Іосифъ и намѣстникомъ патріарху послѣднему Адріану, какъ Дилтей въ единой своей книжкѣ считаетъ. Симъ окончa, прошу увѣдомить меня о свѣтл: князѣ, гдѣ онъ теперь, въ Петербургѣ или выѣхалъ? Здѣсь говорятъ розно. Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ есмь вашего высокоблагородія

послушникъ Петръ протоіерей Арханг.

III.

Самый замѣчательный и важный трудъ протоіерея Алексѣева есть его «Церковный словарь или истолкованіе рѣченій славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положен-

ныхъ, въ священномъ писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ». Онъ изданъ въ 1773 году въ Москвѣ вольнымъ россійскимъ собраніемъ при московскомъ университетѣ, а въ 1794 году вышло въ Петербургѣ новое изданіе съ весьма значительными и существенными дополненіями [295]).

Церковный словарь есть плодъ неутомимой любознательности и трудолюбія автора, его обширной начитанности и добросовѣстныхъ приготовительныхъ работъ для научнаго изложенія преподаваемаго имъ предмета.

Любовь къ ученымъ занятіямъ была первою причиною, заставившею почтеннаго автора взяться за перо, а желаніе принести посильную пользу обществу и университстскимъ слушателямъ содѣйствовало успѣшному ходу предпріятія и повліяло на самый его характеръ. Составитель словаря, приступивъ къ своему дѣлу «по одной своей склонности, для собственнаго свѣдѣнія собиралъ отвсюду невразумительныя и изъ употребленія разглагольственнаго вышедшія рѣченія, пріискивая по возможности изъ разныхъ книгъ онымъ толкованія, и, при преподаваніи университетскимъ ученикамъ катихизиса, объ оныхъ по надлежащему сообщая».

Общую пользу предпочитая «единоличной», авторъ рѣшился обнародовать свой кабинетный трудъ. Главная цѣль обнародованія состояла въ томъ, чтобы дать въ руки русскихъ читателей, не вполнѣ знакомыхъ съ славянскимъ языкомъ и богословскими науками, дѣльное пособіе къ пониманію библейскихъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ или его сочлены по вольному россійскому собранію имѣли въ виду и другую цѣль, чисто литературную — удовлетворить возникшему у насъ стремленію къ усовершенствованію языка и проложить путь русскимъ писателямъ къ изученію отечественнаго слова въ самомъ его источникѣ. «По нынѣшнему, общевоспріятому отъ ученыхъ людей, старанію о чистотѣ россійскаго слога и почтенной древности изъ подспуда на свѣтъ произведенію, не преминутъ съ надлежащимъ приготовленіемъ охотно читать священную библію, и прямый оныя разумъ постигать на природномъ языкѣ и тѣ люди, кои доселѣ отъ того удалялися за

встрѣчающимися тамъ темнопереведенными славянскими или безъ перевода оставленными рѣченіями. И такъ кромѣ собственной высшаго рода пользы, какую истинный христіанинъ получаетъ отъ прилежнаго чтенія и подражанія книгъ церковныхъ, въ разсужденіи общества есть та, что любезное наше отечество въ скоромъ времени увидитъ на своемъ коренномъ языкѣ достойныхъ витіевъ, стихотворцевъ и исторіи писателей, кои оставя иноязычные для насъ незнакомые выговоры, собственную красоту россійскаго слога искажающіе, и при частой перемѣнѣ къ осязательному упадку его наклоняющіе, россійскимъ чистымъ словомъ прославятъ громкія дѣла нынѣшняго знаменитаго вѣка».

Въ приведенныхъ словахъ выражается общепринятое тогда мнѣніе о тожествѣ двухъ, хотя и родственныхъ между собою, но тѣмъ не менѣе отдѣльныхъ другъ отъ друга языковъ: церковно-славянскаго и русскаго. Различіе между ними допускалось не иначе, какъ въ смыслѣ двухъ началъ или даже двухъ оттѣнковъ слога одного и того же языка. Слѣдуя такому воззрѣнію, Алексѣевъ называетъ чисто русскія, употребительныя въ разговорномъ языкѣ слова и выраженія *простыми* въ сравненіи съ формами и оборотами церковно-славянскими:

Аки, нарѣчіе — якобы: просто же *будто*.

Еле, нарѣчіе: просто же говорится *чуть, едва*.

Кощунникъ — тоже, что шутъ или балагуръ: просто *смѣхотворъ*.

Забытливъ — тоже, что просто *забывчивъ*.

Отрѣяти—отбросить, откинуть, или попросту *отпихнуть*.

Брада — просто же *борода*.

Бразда — просто же *борозда*.

Есень — попросту *осень*.

Араждь — вмѣсто того просто говорится *дай*.

Маій мѣсяцъ просто называется *май*, на что поселяне имѣютъ и резонъ свой.

Лавиринѳосъ — просто же называется *лабиринтъ*.

Будуществовати—откладывать на будущее время: просто же *кормить завтраками.*

Въ той же степени онъ остается вѣренъ духу своего времени и въ понятіи о вліяніи греческаго языка на русскій посредствомъ перевода священныхъ книгъ. По мнѣнію Ломоносова, богатство «рѣченій и выраженій разума» пріобрѣтено славянами вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, когда церковныя книги переведены съ греческаго языка на славянскій: «ясно видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на славянскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцовъ кановъ видимъ въ славенскомъ языкѣ греческаго изобилія, и оттуду умножаемъ довольство россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славенскаго сродно». Та же мысль высказана и въ предисловіи къ церковному словарю: «Примѣчено учеными людьми, что какъ прочіе европейскіе языки обогатилися наипаче отъ переводу священныхъ книгъ, такъ россійскій, будучи обширенъ по своей природѣ, отмѣнную получилъ красоту, изобиліе и важность съ того времени, когда церковныя книги переведены съ еллиногреческаго языка на славенскій, и неподражаемое витійство древнихъ христіанскія церкве учителей пересаждено въ вертоградъ россійскаго слова, кое, воспріявши на себя греческія великолѣпности посредствомъ славенскаго выговора, весьма къ тому способнаго, возвысилося несказаннымъ образомъ. Что̀ сказано о богодуховенномъ писаніи, то же съ нѣкоторою отмѣною приличествуетъ и другимъ церковнымъ книгамъ, съ греческаго языка на нашъ преложеннымъ, въ коихъ прилежному читателю откроется безпримѣрная красота слога, а особливо, что сложными рѣченіями не въ образецъ другимъ изобилующій языкъ еллиногреческій придаетъ славенскому способность къ изъясненію краткими словами великихъ мыслей, чего на другихъ европейскихъ языкахъ безъ пространнаго описанія выразить не можно».

Достоинство и значеніе разсматриваемаго труда опредѣляется

его содержаніемъ, выборомъ источниковъ и пособій, способомъ пользоваться богатымъ матеріаломъ, цѣлью и свойствомъ предлагаемыхъ объясненій, опирающихся на различныхъ свидѣтельствахъ, соображеніяхъ и примѣрахъ.

Содержаніе церковнаго словаря не ограничивается объясненіями непонятныхъ словъ въ библейскихъ и церковныхъ книгахъ. Въ составъ его вошло много разнообразныхъ предметовъ, что придало ему до нѣкоторой степени видъ энциклопедическаго словаря, напоминающаго собою въ общихъ чертахъ старинные наши азбуковники. Подобно тому какъ азбуковники, составлявшіеся собственно для толкованія «неудобь разумѣваемыхъ рѣчей», входятъ въ объясненіе самихъ предметовъ, заимствуя эти объясненія изъ круга знаній, доступныхъ тогдашнимъ книжникамъ, такъ и словарь Алексѣева сообщаетъ читателямъ не только значеніе того или другаго слова, но объясняетъ имъ смыслъ и свойство различныхъ понятій и предметовъ, находящихся въ большей или меньшей связи съ библейскими и византійскими повѣствованіями, выраженіями и образами.

Независимо отъ главнаго своего содержанія — объясненія словъ, понятій и предметовъ, находящихся въ библейскихъ и церковныхъ книгахъ, словарь Алексѣева заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, относящихся къ міру классической древности, къ Византіи и средневѣковой Европѣ вообще, а также къ древнему и старинному русскому быту.

Источниками и пособіями при составленіи словаря служили: книги св. писанія и отцевъ церкви, церковныя пѣсни и службы, сочиненія знаменитыхъ писателей древняго и новаго міра, и богатая богословская литература у разныхъ европейскихъ народовъ, преимущественно семнадцатаго и восьмнадцатаго вѣка, пользоваться которою было тѣмъ удобнѣе, что общеевропейскимъ языкомъ науки весьма долгое время служилъ языкъ латинскій. Огромное большинство цитатъ и ссылокъ приходится, какъ и слѣдовало ожидать, на долю книгъ библейскихъ и твореній первыхъ вѣковъ христіанства; но много мѣстъ и указаній приведено изъ произве-

деній: Плинія, Цицерона, Сенеки, Страбона, Плутарха, Діодора Сицилійскаго, Іосифа Флавія, Филона; византійскихъ писателей: Зонары, Зигадены (XII вѣка), Вальсамона (XIII вѣка), Властаря (XIV вѣка); нѣмецкаго ученаго Кирхера († 1680), автора Oedipus egyptiacus и другихъ сочиненій, славившихся въ свое время; французскаго эллениста Гоара (Goar, † 1653); англійскаго богослова Лайтфута (Lightfoot, † 1676); голландскаго филолога Меурсіуса († 1639), автора glossarium graeco-barbarum; итальянскаго историка Бароніо († 1607), и весьма многихъ другихъ. Не исчисляя всѣхъ писателей и сочиненій, которыми пользовался нашъ авторъ, замѣтимъ, что онъ имѣлъ привычку точно указывать свои источники и пособія, приводя выписки и дѣлая ссылки. При массѣ накопившагося матеріала обозначеніе его при каждомъ отдѣльномъ словѣ требовало немалаго труда, отчетливости и вниманія. Полною искренностію дышатъ слова, вылившіяся какъ бы невольно изъ подъ пера труженика, находящагося подъ живымъ впечатлѣніемъ побѣжденной трудности: «коликаго труда стоило вѣрное книжныхъ главъ и стиховъ, а индѣ и страницъ числительными знаками (цифрою) выписаніе къ каждому рѣченію и съ подлинниками сведеніе, тому, кромѣ упражнявшихся въ сочиненіи такого рода, никто не повѣритъ».

При объясненіи событій и предметовъ, о которыхъ упоминается въ книгахъ св. писанія, авторъ старается какъ бы перенести читателей въ міръ давноминувшій, знакомитъ ихъ съ тѣми особенностями быта и природы, которыя, будучи не похожи на наши, препятствуютъ вѣрному пониманію библейскихъ сказаній, выраженій и образовъ. Чтобы дать болѣе или менѣе наглядное понятіе о тѣхъ или другихъ чертахъ, онъ беретъ иногда общедоступныя сравненія изъ быта и языка позднѣйшихъ временъ, какъ напримѣръ различные говоры народнаго русскаго языка и т. п. Обстоятельство, что ветхозавѣтный пророкъ могъ отдыхать подъ тѣнью дерева, имѣющаго въ нашихъ странахъ видъ мелкаго кустарника, объясняется условіями растительности не одинаковыми на востокѣ и у насъ; соображенія гигіеническаго свойства по-

служили поводомъ къ тому, что употребленіе нѣкоторыхъ животныхъ въ пищу было строго запрещено евреямъ и т. п. Объясненія Алексѣева въ такомъ родѣ:

— Бесѣда — разговоръ между двумя или многими людьми. Псал. CIII, 34: да усладится ему бесѣда моя; I Кор. 15: тлятъ обычаи благи бесѣды злы. Однимъ словомъ: разглагольствіе. Иногда значитъ: свойство языка, рѣчь особливая странѣ какой или народу обыкновенная, что съ греческ. діалектъ, Матѳ. XXVI, 73: ибо бесѣда твоя явѣ тя творитъ; Марк. XIV, 70: галилеанинъ еси, и бесѣда твоя подобится. Рабыня по рѣчи узнала, что св. Петръ былъ галилеанинъ, а не іерусалимлянинъ, хотя галилейская и іерусалимская рѣчь была одного еврейскаго языка, а только различествовала въ произношеніи. Какъ у насъ въ Россіи новогородская прежняя рѣчь отлична бывала отъ московской, или какъ малороссійская отъ великороссійской, такъ и галилеане тогда говорили испорченнымъ и смѣшеннымъ халдеосирскимъ языкомъ, отмѣннымъ отъ чистаго еврейскаго, по различному выговору, или по различному наклоненію словъ, или по разному рѣченій сложенію, или по иной какой отмѣнитости въ языкѣ; однако не имѣли особенной галилейской азбуки. A. Pfeist. dub. script. pag. 206.

— Волъ молотящъ. I Кор. IX, 9: да не заградиши устну вола молотяща; Второзак. XXV, 4 и I Тим. V, 18. Прежде обыкновенно молачивали хлѣбъ быками не только у жидовъ, но и у римлянъ, у грековъ и у другихъ, особливо азіатскихъ древнихъ народовъ, какъ видно: у Варрона кн. 1 о деревен. дѣлѣ гл. 52; у Колумеллы кн. 2 о томъ же гл. 21; Палладія кн. 1, гл. 36; Омира Иліад. V и Аѳинея кн. 12. Да и по сіе время на канарскихъ островахъ такъ молотьба отправляется. Но у жидовъ иные нежалостливые хозяева на губу воловъ молотящихъ надѣвали деревянную оброть, коя имъ мѣшала подбирать класы: для того издано означенное во второзаконіи запрещеніе. А въ иносказательномъ смыслѣ апостолъ приводитъ сей законъ о служителяхъ слова Божія, дабы они, трудяся въ проповѣди, не лишаемы были надлежащаго пропитанія.

— Зерцала постницъ. Исход. XXXVIII, 8: сотвори умывальницу мѣдяну изъ зерцалъ постницъ. А на другихъ переводахъ: изъ зеркалъ женъ, кои пребывали у скиніи свидѣнія. Былъ большой сосудъ мѣдный, наполненный водою, которою іереи омывали жертвы, также руки и ноги свои, ибо для почтенія къ святому храму они необувенными ногами служили въ скиніи. Слита же была сія умывальница изъ зеркалъ не стеклянныхъ, но изъ мѣдныхъ, по свидѣтельству Филонову кн. 3 о жизни Моис. Раввинъ Аврамъ утверждаетъ, что обыкновенно жидовки головы свои убирали по утрамъ предъ мѣдными зеркалами. То же было во употребленіи и у другихъ народовъ, по повѣствованію Витрувіеву кн. 7, гл. 3 и Плиніеву кн. 33, гл. 9 и кн. 34, гл. 17. А Зонара сказуетъ, что Архимедъ съ стѣнъ сиракузскихъ, по его же примѣру Проклъ съ стѣнъ византійскикъ, при морскомъ сраженіи такія зеркала мѣдныя наставивши, зажгли солнечными лучами корабли непріятельскіе. Да и нынѣ видимъ, что изъ стали, съ нѣкоторыми вещьми растворенной и послѣ весьма гладко выглаженной, дѣлаются чистѣйшія зеркала: то и не удивительно еврейскимъ женамъ, перенявши у египтянъ, изъ металла составленныя имѣть зеркала, кои вмѣсто головной уборки посвящены на службу Богу отъ набожныхъ женщинъ, присѣдѣвшихъ скиніи, а съ арабскаго — молившихся, съ греческаго же — поствившихся, или постницъ.

— Смерчіе. 3 Цар. XIX, ст. 4 и 5. Кустъ, просто называемый можжевельникъ. Не понятно намъ покажется, какъ Илія пророкъ могъ уснуть подъ тѣнію толь низкаго растенія. Но, по свидѣтельству естесловцевъ, смерчіе въ восточныхъ странахъ возрастаетъ великимъ и толстымъ древомъ, а въ Испаніи выше Сеговіи по дорогѣ къ Мадриту изъ смерчія дѣлаются брусья и стропила кровельныя. Клузій по истор. Пни можжевеловые бываютъ толщиною въ человѣческое тѣло, Слоан. истор. Ямайк. том. II, стр. 2, табл. 157. Раій истор. том. III, стр. 12. Обстоятельное смерчія древа описаніе зри in physica sacra tomo III pag. 592, гдѣ сказано, что ягоды можжевеловыя у лапонцевъ и другихъ нѣмецкихъ народовъ приготовляются въ питіе и употре-

бляются вмѣсто чаю или кофе. Тѣнь можжевельникова для головы тяжестна есть и сонъ наводящая, по сказанію Вирг. екл. X, ст. 75 и 76.

— Заяцъ, извѣстное всѣмъ животное, коего по ветхому закону не дозволено употреблять въ снѣдь: см. книгу Левитскую. Для чего же? Естественныя тому причины объявлены врачами какъ греческими, такъ и арабскими, что заячье мясо раждаетъ кровь густую и меланхолическую, хотя вина сія и опорочена людьми разумнѣйшими, ибо у римлянъ заяцъ былъ въ частомъ употребленіи и со вкусомъ, какъ видно изъ Марціал. епигр. 13. Смѣху достойная выдумка Плутархова, симпоз. кн. 4, вопр. 5, что заяцъ всѣмъ тѣла станомъ похожъ на осла, котораго жиды почитали за показаніе имъ источника воды во время жажды: для того зайца они и не ѣли. Нѣкоторые толкователи писанія приписуютъ зайцу чрезмѣрную похотливость, иные мужеженское естество, и къ симъ нравственнымъ причинамъ относятъ запрещеніе Моисеево. Но извѣстно испытателямъ природы, что у зайца одинакій желудокъ пищу варитъ не хорошо, и кровь производитъ непохвальную, какъ у другихъ животныхъ, отрыгающихъ жваніе. Phys. sacr. 110, pag. 283.

Изъ предметовъ, относящихся ко внутренней исторіи церкви и религіозныхъ вѣрованій, особенно много извѣстій о ересяхъ въ разные вѣка и у разныхъ народовъ. Но извѣстія эти большею частью весьма кратки, вѣроятно, вслѣдствіе того, что авторъ составилъ особый трудъ о ересяхъ и расколахъ, которымъ и пользовался при университетскомъ преподаваніи. Въ церковномъ словарѣ находимъ такія указанія:

— Павліане или Павликіане, отъ Павла самосатскаго произшедшіе еретики. Епиф. ерес. 65; Евс. ист. кн. 7. Началася въ третьемъ вѣкѣ Павліанская ересь: смотри въ Кормчей книгѣ листъ 40.

— Менандріане, еретики, ученики Менандра самарянина, жившаго въ 80 году отъ Р. X. Евсев. кн. III, 20; Ирин. I, глава 21.

— Гугоноты: названы такъ во Франціи реформаты для того, что они сбиралися тайно по ночамъ на молитву въ тѣхъ за городомъ мѣстахъ, гдѣ будто король Гугонъ, давно умершій, ѣздилъ, и попадавшихся ему людей билъ и грабилъ. Они въ 1688 году при Лудвикѣ XIV выгнаны изъ Франціи и перешли въ Брандебурію. Ихъ инакъ называютъ цвингліанами, кальвиніанами, таинственниками (sacramentarii) въ Голландіи, пуританы въ Англіи, Пикарды, supra et infralapsarii.

— Давидцы или Давид-Жоржане, еретики, коимъ начальникъ былъ Давидъ-Жорже, живописецъ по стеклу, который около 1527 года при Карлѣ V заблужденія Гофманскія, въ нижней Германіи начавшіяся, утверждалъ и размножалъ. Сходенъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ съ адамитами, и какъ по смерти открылось его нечестіе, т. е. 1559 года, то, по сенатскому приказанію, тѣло его вырыто изъ земли и палачемъ сожжено вмѣстѣ съ изображеніемъ его и съ письмами. Stockmann.

— Аввакумовщина, особый толкъ раскольническій, по имени лжеучителя ихъ названный. Розыск. лист. 26.

— Волосатовщина, особливый скитъ брынскихъ раскольниковъ. Розыскъ 26 л. и на обор.

— Морельщики, особливый толкъ раскольническій, по злодѣйству такъ названный. Розыск. л. 26.

— Богомилская ересь таже, что Месаліанская. Кормчая 295.

— Богомилые, еретики происшедшіе отъ нѣкоего врача, именемъ Василія, который при царѣ греческомъ Алексіи сожженъ. Такъ назвались якобы Богу милы или просящіе у Бога о милости. Арменопулъ о ересяхъ стр. 7. — Въ рукописной статьѣ Алексѣева о русскихъ раскольникахъ сказано, что богомилы происходятъ отъ старца Боголѣпа и что «сего толка держатся безпоновщина».

Такъ какъ христіанство водворялось на развалинахъ міра древняго, и христіанскія понятія при первомъ ихъ распространеніи встрѣчались съ понятіями греко-римскаго язычества, то и въ св. писаніи и особенно въ произведеніяхъ отцевъ церкви нахо-

дятся черты, относящіяся къ міру языческому и его миѳологіи, противъ которой возставали представители новаго ученія. Слѣды древнихъ вѣрованій и понятій удержались въ языкѣ, не смотря на всѣ нравственныя и политическія измѣненія въ судьбѣ народовъ. Поэтому при изученіи первыхъ вѣковъ христіанства изслѣдователи должны были обращаться къ литературѣ языческой древности. Къ ней неоднократно обращался и авторъ церковнаго словаря при объясненіи нѣкоторыхъ мѣстъ ветхаго и новаго завѣта, какъ напримѣръ:

— Ключъ. Индѣ значитъ держава или царство. Исаіи XVII, 22: дамъ ему ключъ дому Давидова. Въ такой силѣ предвѣчная премудрость Божія о себѣ сказуетъ въ Апок. I, 18: имамъ ключи аду и смерти. Такъ же язычники приписывали своей богинѣ премудрости, сирѣчь Аѳинѣ или Минервѣ, называя ключарицею и градоначальницею. Spanheim. commentar in Callimach. Hymn. in Pall. ver. 15.

— Амалѳеевъ рогъ. Іов. XLII, 14 (Родишажеся ему сынове седмь и дщери три, и нарече: первую убо День, вторую же Кассію, третію же Амалѳеевъ рогъ). Имя третьей жены іовлевой, съ греческаго языка на славенскій переложенное, примѣняяся къ баснотворному рогу изобилія, Амалѳеи козы, воспитавшей Дія млекомъ своимъ. Сей рогъ имѣвши человѣкъ можетъ все получить, чего бъ ни пожелалъ.

Шипковый. Прем. Солом. II, 8: увѣнчаимъ насъ шипковыми цвѣты прежде неже увянутъ. Сія рѣчь, по толкованію учителей церковныхъ, относится къ сладострастнымъ людямъ, кои украшаютъ себя вѣнками розовыми, чтобъ лучше понравиться женскому полу. Ибо цвѣтъ роза посвященъ былъ у язычниковъ студной богинѣ Венерѣ, т. е. Афродитѣ, яко бы роза любовь и ласку производитъ: Аристоф. въ Птиц.; Плиній кн. 16, и кн. 21, 3; Аѳиней кн. 15; Родигинъ кн. 27, 26. Но какъ роза безъ острыхъ иглъ не бываетъ, такъ всѣ мірскія утѣхи не могутъ быть безъ колющихъ раскаяній и мученій, по описанію Георгія Камерарія въ любовн. надпис.:

Ut rosa per medias efflorest roscida spinas,
Si Veneris nunquam gaudia felle carent.

т. е.

Какъ шипокъ цвѣтъ всегда между иголъ цвѣтетъ,
Такъ сладостей плотскихъ безъ огорченья нѣтъ.

Въ такой же силѣ св. Амвросій кн. 6 шестодн. гл. II и Алціатъ эмбл. 107 изобразилъ купидона, держащаго въ рукѣ розу и рыбу, разумѣя подъ тѣмъ женскую прелесть. А Гугонъ къ другу, хотящему жениться, такъ пишетъ: любитъ жена, чтобъ уловить; уловляютъ, чтобъ похитить; не тебя прямо любитъ, но что̀ ты имѣешь. Сіе разумѣется не о всѣхъ женахъ, но точію о злыхъ.

— Мужъ въ писаніи не всегда значитъ женатаго человѣка, но по большей части мужчину, холостой ли онъ, или женатый, или вдовый. По греч. ἀνήρ, а употребительнѣе ἀνδρός. Да и у языческихъ творцевъ мужъ берется въ такой же силѣ, какъ-то у Димосѳена и Платона.

Панъ. Имя языческаго божка, который, по баснословію, родился отъ Ермія, т. е. Меркурія, а иные думаютъ отъ Дія и Пенелопы, другіе же изъ воздуха и Нереиды. Пишутъ и вырѣзываютъ Пана видомъ козьимъ, съ ногами козловыми и лицомъ краснымъ, почему Омиръ именуетъ его двоерожнымъ и козлоногимъ, а Лукіанъ придаетъ ему въ руку свирѣлку, въ другую палку кривую. Ему изъ деревъ посвящена была сосна. Виргил. кн. I. георгик. назвалъ Пана стражемъ овецъ и представителемъ пастуховъ. Аркадскіе жители почитали его яко бога охотниковъ, и какъ благосклоненъ имъ являлся, то его почитали, а ежели ничего не добывали на ловлѣ, то пепелъ на него бросали. Григ. наз. 25 на обор.; Бесѣд. Злат. ч. II. 1646.

Въ словарѣ Алексѣева находится не мало данныхъ, относящихся къ средневѣковому быту и внутренней исторіи Европы позднѣйшаго времени; объясняются слова: *друиды*, *барды*, *іезуиты*, *иллюминаты*, и т. п. Объ іезуитахъ словарь ограничивается замѣчаніемъ, что подъ этимъ именемъ существуетъ съ шестнадцатаго вѣка общество римскихъ монаховъ, всѣмъ извѣстное и не-

требующее объясненія. Объ иллюминатахъ говоритъ: «такъ за честь поставляютъ называться нынѣшняго вѣка новые философы, яко бы одни они точно суть *просвѣщенные*, а прочіе, не участвующіе въ ихъ сонмищѣ, невѣжды. Въ самомъ же дѣлѣ они государственные бунтовщики и возмутители, такъ какъ и нарочитый изъ нихъ Каліостро по слѣдственному дѣлу въ Римѣ открылся; также французскіе якобинцы и мартинисты. Многіе противники православія придавали себѣ подобныя сему пышныя названія, какъ-то: гностики, т. е. умники». Алексѣевъ весьма не жаловалъ произведеній масонской литературы и съ большимъ неудовольствіемъ и прискорбіемъ смотрѣлъ на распространеніе въ обществѣ книгъ въ родѣ «братскихъ увѣщаній свободнымъ каменщикамъ», и т. п.

Въ свѣдѣніяхъ о различныхъ предметахъ изъ области естествознанія замѣтны нѣкоторые слѣды понятій, господствовавшихъ въ школахъ семнадцатаго и начала восьмнадцатаго вѣка и образовавшихся подъ вліяніемъ сочиненій Аристотеля и его средневѣковыхъ и позднѣйшихъ толкователей. Особенно часто встрѣчаются ссылки на пользовавшееся въ свое время громкою извѣстностью сочиненіе швейцарскаго писателя Шейхцера (J. Jacob. Scheuchzer, 1672—1733): Physica sacra iconibus aeneis illustrata.

Какъ на образцы тогдашнихъ понятій о зоологіи, минералогіи, астрономіи, медицинѣ и т. п. можно указать на статьи: *алкіонъ*, *единорогъ*, *крокодилъ*, *еѳера*, *комита*, *климатъ*, *жемчугъ*, *іасписъ*, *антоновъ огонь*, *апоплексія*, и т. п.

— Крокодилъ. Чет. Мин. іюл. 14. Звѣрь или змій, не только въ водѣ, но и на землѣ живущій, чрезвычайной величины, такъ что длиною бываетъ иногда ста стопъ, по свидѣтельству бытописателей; имѣетъ въ хвостѣ великую силу, ибо однимъ онымъ поражаетъ всякаго большаго и сильнаго животнаго, потому и ловля крокодиловъ есть самая труднѣйшая и опаснѣйшая: ловятъ ихъ желѣзными сѣтьми по сказанію Діодора. Въ Каирѣ и доднесь уставъ наблюдается, если кто изловитъ крокодила, хотя бы небольшаго, тому дается изъ казны награжденіе десять золотыхъ или червон-

ныхъ. У крокодила голова непосредственно сопряжена со спиною, почти безъ шеи, и на стороны не ворочается; зѣвъ же челюстей его весьма страшенъ, такъ что когда оный растворитъ, то ничего головы не видно, а только одна пасть въ 7 стопъ величиною; зубовъ во рту у него 60. Еліанъ, кн. X, гл. 22, сказуетъ, что якобы онъ 60 дней бываетъ въ чревоношеніи; 60 дней кладетъ яица, и высиживаетъ въ 60 дней; позвонковъ въ спинѣ у него 60. Чихаетъ такъ сильно, что какъ искры сыплетъ, притомъ часто, потому что нерѣдко на солнце смотритъ. Глаза его подобный зарницѣ блескъ издаютъ, и прежде ихъ человѣкъ увидитъ издали въ водѣ, нежели тѣло крокодилово. А на чистомъ воздухѣ крокодилъ еще острѣе имѣетъ зрѣніе. Сказываютъ, что крокодилъ, поимавши человѣка и оторвавши голову отъ тѣла, плачетъ надъ нею, почему крокодиловы слезы вошли и въ пословицу, яко притворныя; и будто отъ слезъ его развалится черепъ головной, и онъ выѣстъ мозгъ изъ головы; однако нынѣшніе естествословцы за баснь сіе считаютъ. Phys. sacr. tom. III, pag. 844 et sequ., гдѣ между прочимъ сказано, что крокодилъ есть роду ящерицъ. Крокодиловъ много въ Египтѣ, особливо въ Нилѣ рѣкѣ, которыхъ переводитъ небольшой звѣрокъ ихнеумонъ двумя способами: 1) Усмотря, что нѣтъ крокодила на своемъ мѣстѣ, разбиваетъ его яица. 2) Когда спитъ крокодилъ на Ниловыхъ берегахъ, а спитъ онъ всегда зѣвъ растворивши, то сіе животное вскакиваетъ въ его пасть, и повредивши внутреннія его части, прогрызаетъ ему чрево, и выходитъ оттуда безвредно. Древ. Рол. ист. том. I.

— Климатъ, греч. заимствованное отъ слова κλιμα, т. е. наклонность неба. А по географическому смыслу климатъ есть пространство земли, заключенное въ двухъ параллелахъ, т. е. въ кругахъ между собою равно отстоящихъ, отъ запада къ востоку проведенныхъ и на такое разстояніе разлученныхъ, что въ одномъ день бываетъ долѣе или кратчае другаго получасомъ. Витрув. кн. V, гл. 1. Филиппа Клуверія географія, кн. I, гл. 6. Иногда значитъ особую отъ другихъ дальнихъ страну, какъ взято въ указѣ 724 года 31 генв., гдѣ показано, что климатъ нашея сѣверныя

страны не дозволяетъ монахамъ такъ жить, какъ древніе въ теплыхъ странахъ живали.

— Іасписъ есть драгоцѣнный камень, кой вставленъ былъ въ нагрудникъ ветхозаконнаго первосвященника во второмъ ряду, Исход. XXVIII, 20. Іаспису уподобляется градъ Божій, новый Іерусалимъ, Апок. XXI, 18. Цвѣтомъ іасписъ походитъ на хрусталь чистый Орф. о камн. стр. 207; Діоск. кн. V, гл. 160; Плин. кн. XXXVII, гл. 8. Цѣна сего камня, такъ какъ и другихъ вещей, зависитъ отъ произволенія человѣческаго. Въ старину онъ бывалъ дороже золота, какъ видно изъ древняго двоестишія: Что лучше злата? Іасписъ. Что̀ іасписа? Добродѣтель. Что добродѣтели? Богъ. Что божества? Ничто.

— Антоновъ огонь. Папежцы утушеніе огня приписываютъ св. Антонію, и въ случаѣ пожара молятся сему отцу, примѣняяся къ согласію италіанскаго нарѣчія sant tonio, кое значитъ святой огонь. Onomast. theolog. voce Anton. Лучшее на сію рѣчь зависитъ изъясненіе отъ врачей.

— Апоплексія: греч., толк. ударъ, пострѣлъ. Барон. ч. 2, л. 107 об. По мнѣнію врачей есть недугъ, когда пораженъ бываетъ весь мозгъ у человѣка, и не доставляетъ духовъ спинному можжечку, жиламъ и мышцамъ, хотя они сами и не повреждены остаются. Сей болѣзни подверженный человѣкъ нечаянно упадаетъ, лишившись всѣхъ чувствъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и всякаго движенія, кромѣ одного воздыханія (respiratio) и то весьма тяжелаго съ храпленіемъ. Casp. Hoffman. inst. med. lib. III, cap. 91.

Въ статьяхъ, относящихся къ Россіи и составленныхъ по русскимъ источникамъ, говорится объ историческихъ событіяхъ русской земли, о правительственныхъ распоряженіяхъ преимущественно въ кругу церковныхъ дѣлъ, о нравахъ и обычаяхъ народа, о старинной одеждѣ, о примѣтахъ, суевѣріяхъ и повѣрьяхъ, и т. п.

Дохристіанскія вѣрованія русскаго народа авторъ сближаетъ, по общепринятому тогда въ литературѣ обычаю, съ греческою и

римскою миѳологіею: Коледа—богъ мира, подобно римскому Яну; Купало, богъ плодовъ земныхъ, почитался также, какъ у древнихъ Мангута, богиня зрѣющихъ плодовъ; Позвиздъ былъ у славянъ тоже, что у древнихъ Эолъ, и т. п.

— Поле, по образцу стариннаго русскаго языка, значитъ поединокъ, коимъ между собою разбирались истецъ съ отвѣтчикомъ въ случаѣ неимѣнія свидѣтелей и послуховъ, какъ видно въ 67 главѣ книги Стоглавъ, сочиненной при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ 7059 года: управу чинятъ безъ цѣлованія (присяги) и безъ поля. И еще далѣе сказано: крестному цѣлованію и поль священническому чину и иноческому не присужати. И въ другихъ мѣстахъ тоже. Притомъ есть древнее преданіе, что въ городѣ Китаѣ, что въ Москвѣ близъ никольскихъ воротъ, напредь сего были три полянки съ нарочною канавою, у которой по сторонамъ ставши соперники и наклонивши головы, хватали другъ друга за волосы, и кто кого перетянетъ, тотъ и былъ правъ. Отъ чего яко бы до днесь осталось урочищу прозваніе: у Троицы въ поляхъ. Однако бывали тамъ и другія побоища, такъ что тяжавшіеся до крови дрались, а иногда другъ друга и до смерти убивали, какъ въ той же книгѣ значится въ главѣ 41 подъ 17 вопросомъ: поклепца и и ябедникъ не мирится и крестъ цѣлуетъ, и на поли бьются, и поклепавъ убиваетъ.

Не останавливаясь на статьяхъ, относящихся къ русской исторіи и этнографіи, какъ напримѣръ: *Ольгино крещеніе*, *мѣстничество*, *однорядокъ*, *охобенъ*, *несудимая грамота*, *память*, *встрѣчи примѣчать*, и др., укажемъ на статью, которая хотя относится къ памятнику нерусскаго происхожденія, но имѣетъ связь съ настроеніемъ и общимъ складомъ понятій, господствовавшихъ въ нѣкоторой части нашего общества восьмнадцатаго столѣтія. Изъ статьи «люди и народъ» видно, что сословная рознь пустила до того глубокіе корни, что даже въ молитвѣ не допускалось равенства и родъ человѣческій дѣлился на двѣ разнородныя части: благородныхъ и простолюдиновъ. Гдѣ бы ни возникло приводимое толко-

ваніе, свое оно или чужое, самая возможность его появленія есть черта, имѣющая свой смыслъ для внутренней исторіи общества.

— Люди и народъ: рѣченія сіи въ молитвѣ, что о побѣдѣ на сопостаты, хотя положены вмѣстѣ, но имѣютъ разныя значенія. Нѣкоторые пристрастные толкователи думаютъ, что подъ словомъ *люди* разумѣются благородные и дворяне, а подъ словомъ *народъ* чернь понимается; однако несправедливо, ибо извѣстно, что сія молитва сперва сочинена на греческомъ языкѣ, а потомъ переведена и на россійскій въ одинаковой силѣ. Люди въ св. писаніи новаго завѣта взяты за православныхъ христіанъ: Дѣян. XV, 14. А народъ значитъ всѣхъ безъ различія подданныхъ государства, какого бы они закона ни были: магометане, жиды, чуваши, мордва, раскольники и пр. Въ такомъ разумѣ *народъ* имѣетъ сходство съ рѣченіемъ славенскимъ *языки* или *язычники*, и церковь св. молится, дабы не токмо *люди* христіанскаго исповѣданія, но и *народы* разныхъ вѣръ, подъ единою державою состоящіе, пребывали въ цѣломудріи и мирѣ, т. е. чтобы не бунтовали.

При обработкѣ своего словаря Алексѣевъ пользовался и тѣми пособіями, которыя представляла ему предшествовавшая и современная ему русская литература: дѣлалъ извлеченія изъ весьма значительнаго количества книгъ церковной и гражданской печати, и обращался также и къ рукописямъ, съ которыми имѣлъ случай внимательно ознакомиться, занимаясь описаніемъ синодальной библіотеки. Особенно часто встрѣчаются ссылки на слѣдующія произведенія: четьи-минеи; пращица; увѣтъ духовный; розыскъ о брынской вѣрѣ; грамматика Мелетія Смотрицкаго; словарь Памвы Берынды; лексиконъ треязычный Ѳедора Поликарпова; духовный регламентъ; правительственные акты временъ Петра Великаго, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны; степенныя книги; исторія Татищева; путешествіе Григоровича ко святымъ мѣстамъ Европы, Азіи и Африки; описаніе древняго славянскаго баснословія, Попова; словарь русскихъ писателей, Новикова, и др. Кромѣ старопечатныхъ книгъ и позднѣйшихъ изданій пособіемъ для словаря служили и рукописи, а именно: палея; пчела; русская лѣ-

топись; рукопись № 525 синодальной библіотеки; букварь дулярный; алфавитъ; записки по успенскому собору, и т. д.

О византійско-русскомъ сборникѣ «пчелѣ» Алексѣевъ замѣтилъ: «подъ такимъ наименованіемъ есть книга церковная, названная такъ потому, что, по примѣру пчелы, собирающей сладость медовную съ разныхъ цвѣтовъ и растеній, въ книгѣ сей собраны любопытства достойныя вещи. Она есть рукописн. въ синод. библ. въ полдест.».

Ссылка на синодальную рукопись № 525 находится при статьѣ: «Космосъ, греч., толкуется міръ. Такая надпись видится на древнихъ греческаго художества иконахъ при изображеніи сошествія св. Духа. Пишется человѣкъ, сѣдяй въ темнѣ мѣстѣ, старостію одержимъ: для того, что міръ въ невѣріи прежде бяше и состарѣлся преступленіемъ адамовымъ. А что на немъ риза червлена, значитъ приношеніе кровныхъ жертвъ бѣсовскихъ. А что на главѣ его вѣнецъ царскій, понеже царствова грѣхъ въ мірѣ. А что въ рукахъ его убрусъ бѣлъ и въ немъ написано 12 свитковъ, знаменуетъ 12 апостолъ, ученіемъ своимъ весь міръ просвѣтившихъ».

Изъ рукописи «букварь *дулярный*» заимствованы статьи, относящіяся къ нотному пѣнію: «*Леженъ* — такій изъ ирмосовъ, котораго въ церкви пѣть не случается или рѣдко поется и аки подъ спудомъ лежитъ въ ирмологіи оной, какъ видно по всѣмъ осьми гласамъ. Еще *леженъ* называется низкій голосъ, употребляемый вмѣсто высокаго. — *Ми*, названіе въ нотной азбукѣ, употребляемое на извѣстной линейкѣ.—*Ля*, названіе, употребляемое въ нотной азбукѣ и на извѣстныхъ чертежахъ поставляемое.— *Ѣѳа*, шестой знакъ, въ пѣніи нотномъ для распознанія употребляемый. — *Чвартка*, знакъ, въ нотномъ пѣніи употребляемый, составляющій четвертую часть такты.—*Басъ* есть самый нижній, толстый голосъ въ нотномъ пѣніи: противополагается *альту*, т. е. высокому голосу».

Изъ рукописныхъ источниковъ авторъ дѣлалъ почти дослов-

ныя извлеченія, мѣстами только подновляя слогъ. Такого рода заимствованія изъ рукописнаго алфавита или азбуковника [296]):

Азбуковникъ.	Словарь Алексѣева.
Тристаты. Египтяне имать обычай творити брань на колесницахъ ѣздяще, всѣдающа на колесницу по 8 воинъ, и къ коеждо колесницѣ приставляху 3 воина искуснѣйшихъ таковому дѣлу, иже тристаты нарицаху, да направляютъ конями и колесницею, третій уготовляетъ оружіе.	*Тристаты египетскія*. Древніе египтяне имѣли обычай брань воинскую, на колесницахъ ѣздяще, творити, всѣдающе на колесницу по 50 воиновъ, и къ каждой колесницѣ приставлены были по три воина искусныхъ къ такому дѣлу, кои и тристаты назывались; изъ нихъ одинъ управлялъ колесницею, другій коньми, а третій уготовлялъ оружіе.
Діоптра — зерцало. Сію книгу написалъ Филиппъ философъ, во градѣ Смоленскѣ, въ лѣто 6603. Филиппа объявлены буквы осмью буквы иже содержитъ число цп; ихъ слогъ сицевъ: Філіппос, а ера въ грецѣхъ нѣтъ. По греческой бо пословицѣ имя его объявлено, ибо грецы ко многимъ словамъ прикладаютъ *осъ*, якоже: Васіліосъ, Петросъ, Филиппосъ.	*Діоптра*, греч.,—орудіе зрительное. Подъ симъ именемъ есть также книга, которую написалъ Филиппъ философъ во градѣ Смоленскѣ въ лѣто 6603. Сего творца книги имя объявлено осьмью буквами, содержащее въ себѣ число 960, ихъ же слогъ сицевъ: 500 + 10 + 30 + 10 + 80 + 80 + 70 + 200 = Ф + і + л + і + п + п + о + с.
Гликизмю — вино вареное, а варятъ сице. Вливаютъ въ сосудъ вина краснаго, и запечатлѣвши топятъ толико, яко бы точію третей части остатися въ	*Гликизма*, съ греч., толкуется густой сладкій взварецъ, который дѣлается слѣдующимъ образомъ. Влей въ глиняный сосудъ краснаго вина, и замазавъ

сосудѣ, и то оставшее толико бываетъ густо, яко застудивъ мочно кроити, якоже у насъ творятъ пастилу и леваши, и нарицается гликизмю. Сице творятъ въ Бастрѣ и Романіи.

крѣпко держи въ печи столько, чтобъ третія часть въ сосудѣ только осталась, и сіе оставшееся сдѣлается густо какъ пастила, что и словетъ гликизмо, въ Бастріи и Романіи употребляемое.

Грамматическіе термины и ихъ опредѣленіе заимствованы Алексѣевымъ, съ небольшими перемѣнами и добавками, изъ славянской грамматики Мелетія Смотрицкаго, раздѣляющейся на четыре части: орѳографію, этимологію, синтаксисъ и просодію.

Грамматика Смотрицкаго.	Словарь Алексѣева.
Грамматика есть извѣстное художество, благо и глаголати и писати учащее.	*Грамматика*, греч., — извѣстное художество, которое учитъ хорошо говорить и писать. А по Аристотелю, грамматика есть вѣдѣніе, еже писати и познавати читаемое. По Полидору же Виргилію, она есть дражайшее паче иныхъ свободныхъ наукъ знаніе.
Междометіе есть часть слова несклоняемая, содержащая въ себѣ словеса, смысла страсть изъявляющая, и между прочими слова частьми вметаемая.	*Междометіе* — едина изъ осьми частей слова, несклоняемая и изъявляющая нѣкоторую страсть смысла. По лат. interjectio.
Стихъ есть правильное степеней во извѣстномъ родѣ сочиненіе. Единнадесяте роди суть стиховъ; мы же здѣ о седьми изряднѣйшихъ сказаніе предложимъ, иже суть: ексаметръ или иройскій, пентаметръ или еле-	*Стихъ* или *виршъ* есть правильное степеней во извѣстномъ родѣ сочиненіе. Стихъ иной есть ексаметръ, т. е. шестимѣрный, онъ же и иройскій; иной пентаметръ, т. е. пятомѣрный, онъ же елегійскій; иной ямвійскій,

гійскій, ямвійскій, сапфійскій, фалейскій, гликонскій, хоріамвійскій (асклипіадскій).

сапфійскій, фалейскій, гликонскій, хоріамвійскій. Но въ нашемъ языкѣ немногіе стихи употребительны.

Върш, т. е. стихъ по мѣрѣ стопъ устроенный. По лат. carmen, versus. Въ множ. числѣ *върши*, а для отличности отъ рыболовнаго извѣстнаго орудія пишутъ *вирши*.

Опредѣленіе *этимологіи* взято изъ Мелетія Смотрицкаго и азбуковника. У Смотрицкаго: «етимологія есть часть грамматики вторая, рѣченія раздѣляти и ко своей коеждо слово части со разсужденіемъ относити учащая». Въ азбуковникѣ: «етимологія, истиннословіе, а по грамматикіи наричется се: еже разумѣти четцу, гдѣ достоитъ во чтеніи стати, или гдѣ кая рѣчь въ тайнѣ пораздвоити и соединити; а въ письмѣ етимологія — разумѣніе, еже знати, гдѣ и како точку ставить достоитъ. Етимологія дѣлится трояко: воеже раздѣлити, воеже совершити, воеже соединити. Сія етимологія изъясняется точками: запятая, срока, двоесрочіе, подстолія, соединительная точка». Въ словарѣ Алексѣева: «этимологія, греч., толкуется произведеніе словъ или истиннословіе, вторая часть грамматики, коя учитъ точно возносить рѣченія въ свои части. По этимологіи знаетъ чтецъ, гдѣ должно остановиться въ чтеніи и возгласити или гдѣ которую рѣчь въ тайнѣ пораздвоити и соединити».

Опредѣленіе *піитики* у Алексѣева такое же, какъ и въ піитическихъ правилахъ Аполлоса Байбакова, а именно: «піитикіа есть наука описывать всякую вещь по мѣрѣ стопъ съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ, къ пользѣ и увеселенію слушающихъ или читающихъ».

Филологическія понятія автора видны изъ допускаемаго имъ производства словъ, какъ коренныхъ русскихъ, такъ и иностран-

ныхъ, вошедшихъ въ общее употребленіе и болѣе или менѣе обрусѣвшихъ:

— *Инокъ*, тоже что монахъ, старецъ, чернецъ: названіе имѣетъ отъ того, что *инакъ* долженъ вести жизнь свою отъ мірскаго поведенія.

— *Куль* заимствовано отъ латинскаго слова culeus, т. е. мѣшокъ, кулекъ, пира, мѣра у древнихъ извѣстная; ученые въ римскомъ кулѣ считаютъ 26.960 великихъ кубическихъ перстовъ— digitos cubicos.

— *Руга*, окладъ денежный или хлѣбный, выдаваемый отъ государя священно- и церковно-служителямъ вмѣсто жалованья годоваго за ихъ службу. Почему и церкви, въ коихъ они служатъ, называются ружныя для различія отъ приходскихъ церквей, въ коихъ на содержаніи своихъ прихожанъ священникъ съ причетники состоятъ. Руга, кажется, что происходитъ отъ греч. ῥογός т. е. житница, ибо напредь сего ругу получали отсыпнымъ хлѣбомъ вмѣсто всего; или отъ греч. ῥυγα т. е. плата.

— *Колонча*, прозваніе, съѣзжей стрѣлецкой избѣ данное послѣ того времени какъ стрѣльцы, взбунтовавшись въ 190 году, съ съѣзжихъ избъ на копье людей метали, какъ видно въ древнихъ граматахъ, посыланныхъ по ратныхъ людей въ разные городы 191 года. И такъ колонча, по мнѣнію нѣкоторыхъ, произошла отъ *колонья* людей; но сіе очень сумнительно, ибо колонча и до возмущенія стрѣлецкаго называлась колончею. А вѣроятнѣе всего, что сіе рѣченіе есть татарское и означаетъ высокій на столбахъ маякъ, для надзору непріятелей дѣланный.

— *Бука*, страшилище несуществующее, а точію въ воображеніи по пустымъ разсказамъ представляемое. Сергій, папа римскій втораго вѣка, прежде папства назывался *букка*, т. е. свиное рыло, и былъ не токмо безобразенъ, но и страшенъ съ лица. Для того, можетъ быть, глупыя няньки тамошнія пугали и младенцевъ букою, а послѣ изъ Италіи перешло сіе слово бука и сюда.

Но не производство словъ, а объясненіе понятій и предметовъ было главною задачею предпринятаго авторомъ труда. Это обна-

руживается особенно ярко въ тѣхъ случаяхъ, когда по поводу слова, которое достаточно ясно само по себѣ, авторъ вдается въ толкованіе мѣста, гдѣ встрѣчается это слово, хотя бы какъ второстепенная и даже случайная часть объясняемаго выраженія. По поводу одного мѣста въ старинномъ требникѣ Алексѣевъ говоритъ: «*Полегку*, т. е. слегка, не сильно, не жестоко: и ты жезломъ наказывай полегку. Такое напредь сего новобрачному давалось наставленіе отъ іерея въ церкви, чтобы онъ свою жену билъ палкою въ случаѣ ослушанія ея. Кажется, сіе обыкновеніе произошло отъ варварскихъ народовъ, каковы суть магометане, у коихъ въ 9 главѣ алкорана написано: ежели жена не станетъ слушать приказовъ твоихъ, то исправляй ее, и запершись въ домѣ, бей ее до тѣхъ поръ, чтобы помаанія твои, не только приказы наблюдала. Но такое варварство въ христіанствѣ не терпимо, ибо жена по слову Божію хотя и подчинена мужу, однако не узами невольничества или скотства, но любезнымъ брака союзомъ: для того законъ нашъ повелѣваетъ человѣку, оставя отца и матерь, прилѣпитися къ женѣ своей. Что же сказано: а жена да боится своего мужа, подъ симъ не разумѣется страхъ рабскій, но почитаніе супружеское, чтобъ не прогнѣвать или не оскорбить любимаго человѣка» и т. д.

Одна изъ особенностей разсматриваемаго словаря заключается въ томъ, что въ немъ помѣщены въ азбучномъ порядкѣ не только слова, но и цѣлыя предложенія и различные обороты рѣчи, употребляемые въ памятникахъ большею частью въ иносказательномъ смыслѣ. Таковы выраженія: *Богъ видитъ; кровь вопіетъ; умерый еще глаголетъ; нѣсть мнѣ дати; взять крестъ свой; вложити древо въ хлѣбъ; око избости; жадати правды; богатѣти въ Бога; слову Божію рости; возлежати со Авраамомъ; мужа не знати; сжати руку*, и т. д. Выраженіе *вложити древо въ хлѣбъ* Алексѣевъ объясняетъ такимъ образомъ: «еврейская пословица, кою употребляли злодѣи въ намѣреніи человѣкоубійства: вложимъ древо въ хлѣбъ его, т. е. вмѣсто пищи накормимъ его дубиною или распнемъ его на древѣ».

Изъ многихъ мѣстъ словаря очевидно, что авторъ имѣлъ въ виду своихъ университетскихъ слушателей. При изложеніи различныхъ предметовъ онъ старался не только сообщать научныя свѣдѣнія, но и дѣйствовать на нравственное чувство учащейся молодежи. Сообразно съ этою цѣлію въ словарѣ весьма обычны нравственныя примѣненія и выводы: историкъ часто говоритъ тономъ моралиста. Въ такомъ духѣ написаны статьи: *деисты; гордость; лесть богатства; монополія; пардусъ; пятница; первое апрѣля; наученія странна; пища крѣпкая; вскиптѣти жезлу; вестися на совершеніе*, и т. д. Въ заключеніи послѣдней статьи говорится: «Какъ отрокъ малый не долженъ во всю свою жизнь въ азбукѣ вязнуть, но и къ твердѣйшимъ ученіямъ простираться: такъ вѣрующимъ во Христа, обучася началамъ благочестія христіанскаго, надлежитъ восходить къ высшимъ догматамъ вѣры, дабы могли быть способны защищать свое исповѣданіе православное и другихъ научать оному». О монополіи замѣчено: «значитъ откупщичество, особливо въ съѣстныхъ запасахъ; противно любви къ ближнему, для того запрещено закономъ Божіимъ и гражданскимъ». Въ статьѣ о гаданіи жезломъ указывается, до чего доводитъ человѣка суевѣріе, располагая его вѣрить чистымъ случайностямъ и допускать для различныхъ явленій причины, отъ которыхъ они нисколько не зависятъ.

Въ самомъ способѣ изложенія отзываются пріемы катихизатора, приспособляющагося къ понятіямъ своихъ питомцевъ и нетеряющаго изъ виду перваго впечатлѣнія, которое всего естественнѣе можетъ быть произведено на нихъ тѣмъ или другимъ словомъ и предметомъ. Напримѣръ: «Домашняя церковь (I Кор. XVI, 19) не значитъ особеннаго храма, въ домѣ нарочно устроеннаго; но тѣхъ домашнихъ, кои вѣруютъ во Христа и составляютъ собою церковь. Многоженство не то значитъ, чтобъ повторить бракъ законнымъ образомъ по кончинѣ супруги; но если кто вдругъ и въ одно время много женъ имѣетъ: такое многоженство противно заповѣди Господней» и т. д.

При господствѣ поучительнаго направленія въ словарѣ вмѣ-

стѣ съ тѣмъ нашли мѣсто и нѣкоторые разсказы, приведенные не для назиданія, а для развлеченія и забавы читателей. Такъ въ статьѣ объ обезьянѣ, сообщивши названія этого животнаго у разныхъ народовъ: евреевъ, персовъ, турковъ, венгерцовъ, римлянъ, англичанъ и французовъ, авторъ говоритъ: «Хитрость и переимчивость обезьяны видны изъ многихъ повѣстей, изъ повсядневныхъ искусовъ. Довольно одинъ смѣшной случай для забавы читателямъ представить о лукавой обезьянѣ при дворѣ Сикста II, папы римскаго, бывшей, коя примѣтила, что служители въ зимнія ночи пекутъ подъ угольями каштаны, и вынимая по одному желѣзными щипцами изъ камина, ѣдятъ. Въ одно время случилось, что служекъ вдругъ спросили и они ушли, оставя подъ пепломъ недопеклые каштаны. Тогда обезьяна, нашедъ благовременный случай ѣсть каштаны, за неимѣніемъ щипцовъ схватила кошку близъ камина сидѣвшую, и употребила ея лапку на выниманіе каштановъ. Отсюда вышла италіанская пословица: cavar la castagna con la zampa del gatto, сходная съ нашею: хорошо чужими руками жаръ загребать».

Отъ содержанія и состава церковнаго словаря обращаясь къ расположенію словарнаго матеріала и выбору грамматическихъ формъ и категорій въ ихъ взаимной связи, мы должны замѣтить, что трудъ Алексѣева не представляетъ строгой системы въ этомъ отношеніи. Слова слѣдуютъ одно за другимъ въ азбучномъ порядкѣ. Имена помѣщены большею частью въ формѣ именительнаго падежа единственнаго числа, а глаголы—въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія. Но весьма нерѣдко имена приводятся и въ косвенныхъ падежахъ: *Господу; дню* (т. е. двухъ дней); *сусѣ* (по сухой землѣ), а глаголы — въ прошедшемъ времени изъявительнаго наклоненія и въ повелительномъ наклоненіи или въ «повелительномъ образѣ», по терминологіи Алексѣева, какъ напримѣръ: *бѣяху*, *бяху*, *бяше*, *побараху*, *даждь*, и т. д. Многія слова вносились въ той формѣ, т. е. въ томъ падежѣ или времени, въ которомъ стояли, по связи рѣчи, въ приводимомъ мѣстѣ памятника.

Вѣрность памятнику простиралась до того, что удерживались даже ошибки: *гординалъ* вм. кардиналъ, *логоварди* вм. лонгобарди, *своузы* вм. союзы и т. п. Въ прилагательныхъ и причастіяхъ при мужескомъ родѣ указывается окончаніе женскаго и средняго, а въ глаголахъ при неопредѣленномъ наклоненіи — окончаніе перваго и втораго лица единственнаго числа настоящаго времени. Мѣстоименія приводятся иногда не только въ косвенныхъ падежахъ, но и съ находящимися при нихъ предлогами: *мя, мя самого, вонь, на ны*, и т. д.

Особенно тщательно отмѣчается форма двойственнаго числа съ неизбѣжною добавкою, что эта, ненужная для русскаго языка, форма заимствована изъ греческаго языка. Въ этомъ отношеніи Алексѣевъ обнаружилъ менѣе сдержанности въ выводахъ, нежели Ломоносовъ. По замѣчанію Ломоносова «въ славенскомъ языкѣ двойственное число его ли есть свойственное или съ греческаго насильно введенное, о томъ еще изслѣдовать должно». Вопросъ, предоставленный Ломоносовымъ пытливости будущихъ филологовъ, Алексѣевъ считалъ окончательно рѣшеннымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ его замѣтокъ:

— *Нама*, намъ, дательный падежъ двойственнаго числа, по примѣру еллиногреческаго языка.

— *Ваю*, родительный падежъ двойственнаго числа, вмѣсто: васъ; происходитъ отъ мѣстоимѣнія: вы. Вошли такія склоненія въ россійскій языкъ отъ еллино-греческаго.

— *Впадетася*, глаголъ, двойственнаго числа, вмѣсто *впадутъ*, по примѣру составленія греческаго.

— *Просива*, двойственнаго числа, будущаго времени, отъ глагола: прошу. Просто сказать: *попросимъ*. Такимъ образомъ и другіе глаголы спрягаются въ св. писаніи по образцу еллиногреческаго языка, что въ нашемъ почти не нужно.

— *Не вѣстася*, двойственное число изъявительнаго образа настоящаго времени отъ глагола: вѣмъ. Не вѣстася чесо просита, т. е. сами *не знаете* о чемъ просите. Такимъ образомъ и другіе

глаголы сопрягаются въ св. писаніи по образцу еллино-греческаго языка, хотя въ нашемъ то и не весьма нужно, и т. д.

Объясненія собственно словъ, а не понятій или предметовъ, обыкновенно весьма коротки, ограничиваясь двумя-тремя одно-значащими словами, иногда съ какимъ либо примѣромъ:

— *Мольба* — прошеніе, покорная просьба.

— *Могила* — яма, выкопанная для погребенія тѣла человѣческаго мертваго.

— *Митушати* — прилаживать, приплясывать: трясутъ руками и митушаютъ ногами (Прол. 16 ноября), и т. п.

При нѣкоторыхъ словахъ приведены однозначащія съ ними слова греческія и латинскія:

— *Аки*, нарѣчіе, яко бы. Греч. οἱονεὶ, ὡσεὶ. Лат. quasi. Просто же: будто.

— *Аще како* — можетъ быть, можетъ статься, авось либо, негли. По лат. forte, fortasse.

— *Залогъ*, въ славенскомъ языкѣ иногда значитъ *мысль*, что по еллински διάθεσις; по лат. affectus, dispositio, mens, affectio, animus, habitus. Смотря по различію смысловъ употребляется. Отсюда происходитъ глаголъ *залогствовати*—мыслію убѣдиться, возбудить чувство.

— *Крастовый* — который красту, т. е. коросту на тѣлѣ имѣетъ, въ чесоткѣ, въ сверботѣ. По греч. κνισαλέος, κνισμόδης; по лат. pruriens.

— *Злохитричъ* — злокозненный, злохитрый, до худаго надлежащій умысла. По греч. κακομύσχανος; по лат. perversus, depravatus, т. е. такій, который во зло употребляетъ хитрость, и т. д.

Изъ предложеннаго обзора очевидны какъ достоинства, такъ и недостатки церковнаго словаря протоіерея Алексѣева. Для своего времени трудъ этотъ былъ явленіемъ въ высшей степени замѣчательнымъ; онъ и доселѣ не потерялъ своей цѣны и пригодности при изученіи многихъ памятниковъ русскаго языка и словесности. Писатели восьмнадцатаго столѣтія привѣтствовали трудъ

Алексѣева хвалебными стихотвореніями. При второмъ изданіи помѣщены слѣдующія двѣ надписи къ церковному словарю, изъ которыхъ одна принадлежитъ извѣстному литератору того времени В. Г. Рубану, а другая неизвѣстному автору:

I.

Церковныхъ пользу книгъ, въ нихъ важность слова россовъ
Пространно доказалъ великій Ломоносовъ,
Стихотворенія россійскаго отецъ,
Оставившій на вѣкъ витійства образецъ
Для подражанія потомкамъ просвѣщеннымъ:
И се реченіямъ, изъ книгъ тѣхъ извлеченнымъ,
Со изъясненіемъ зримъ полный алфавитъ.
Симъ благомъ общество священный мужъ даритъ;
Ученый свѣтъ его за трудъ сей почитаетъ,
И славну тѣмъ себѣ онъ память оставляетъ.

II.

Не тщетный вымыселъ, ни гнусна свойствомъ лесть
Здѣсь Алексѣева даетъ талантамъ честь;
Но всѣ россійскихъ странъ ученыя свѣтила
Гласятъ, что словъ его толкъ справедливъ и сила.

Современникъ Алексѣева, профессоръ Баузе называлъ сло- словарь его liber doctissimus и utilissimus [297]). Съ такимъ же уваженіемъ относились къ нему и послѣдующіе ученые, посвящавшіе труды свои разработкѣ русской исторіи, исторіи русской церкви, древней русской словесности и филологіи. Доказательствомъ этому служатъ какъ отзывы представителей науки, такъ и повторявшіяся изданія книги: со времени своего появленія словарь выдержалъ четыре изданія; четвертое, вышедшее въ 1817 году, приготовлено двумя членами россійской академіи. Словарь Алексѣева — говоритъ академикъ И. И. Срезневскій— «и въ первоначальномъ своемъ видѣ представилъ отвѣты на всѣ вопросы, которыхъ рѣшенія можно было отъ него ожидать. Исправляемый и дополняемый онъ дожилъ до четвертаго изданія,

служилъ источникомъ для самыхъ лучшихъ словарей послѣдующаго времени, и до сихъ поръ не потерялъ своего достоинства не какъ памятникъ литературно-историческій, а какъ пособіе полезное дло справокъ. Жаль, если его четвертое изданіе будетъ послѣднее: словарь этого рода, улучшенный сообразно современнымъ требованіямъ, — словарь, въ которомъ было бы вполнѣ объяснено содержаніе книжнаго русско-славянскаго языка вмѣстѣ съ понятіями учеными и церковными, выраженными этимъ языкомъ, есть книга необходимая теперь едва ли не болѣе, чѣмъ прежде»[298]).

IV.

Несомнѣнныя заслуги Алексѣева, какъ ученаго и писателя, утвердили его извѣстность въ кругу людей, дорожившихъ успѣхами науки и литературы въ Россіи. Отдѣльныя лица и цѣлыя общества и учрежденія выражали свое сочувствіе къ полезной дѣятельности просвѣщеннаго труженика. Московскій университетъ, вольное россійское собраніе и россійская академія, цѣня труды и знанія Алексѣева, избрали его своимъ дѣйствительнымъ членомъ.

Въ первые года существованія московскаго университета Алексѣевъ былъ приглашенъ преподавателемъ закона Божія въ университетскихъ гимназіяхъ, составлявшихъ одно цѣлое съ университетомъ: многіе и извѣстнѣйшіе профессора, какъ напримѣръ Шаденъ, Маттеи и другіе, преподавали и въ университетѣ и въ его гимназіяхъ; слушатели Алексѣева назывались въ офиціальныхъ актахъ «обучающимися въ университетѣ». Въ іюнѣ 1759 года кураторъ московскаго университета, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, будущій сочленъ Алексѣева по россійской академіи, представилъ св. синоду: «Находящійся въ Москвѣ при архангельскомъ соборѣ священникъ Петръ Алексѣевъ усмотрѣнъ императорскимъ московскимъ университетомъ быть способнымъ къ истолкованію катихизиса обучающимся въ означенномъ университетѣ ученикамъ. Того ради императорскій московскій университетъ симъ

святѣйшему правительствующему синоду доноситъ, чтобъ для пользы того юношества указано было означенному священнику читать съ толкованіемъ катихизисъ въ предписанное ему время отъ онаго университета, оставя всѣ ему отъ онаго собора принадлежащіе доходы съ освобожденіемъ отъ очередной проповѣди и съ уменьшеніемъ другихъ, до него касающихся, требъ». Св. синодъ немедленно утвердилъ Алексѣева катихизаторомъ со всѣми тѣми условіями, которыя изложены въ представленіи университета [299]).

Университетъ дорожилъ Алексѣевымъ, какъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей, и желаніе удержать его въ университетской средѣ послужило поводомъ къ отказу Алексѣева отъ должности ключаря большаго успенскаго собора. Въ 1762 году священникъ Алексѣевъ «въ разсужденіи его исправнаго въ должности своей состоянія» опредѣленъ былъ, по распоряженію св. синода, ключаремъ московскаго успенскаго собора. Какъ только университетъ получилъ объ этомъ извѣстіе, кураторъ Шуваловъ вошелъ въ св. синодъ съ слѣдующимъ представленіемъ: «Прошлаго 1759 года опредѣленъ въ университетъ московскаго архангельскаго собора священникъ Петръ Алексѣевъ къ толкованію благородному юношеству катихизиса, гдѣ по сіе время находится и исправляетъ свою должность съ прилежнымъ раченіемъ и добропорядочными поступками. А нынѣ поданнымъ доношеніемъ объявляетъ, что святѣйшій правительствующій синодъ удостоилъ его быть ключаремъ большаго успенскаго собора, которой яко многотрудной должности, требующей свободнаго человѣка и другими званіями необязаннаго, ему, священнику Алексіеву, по три дни въ каждой седьмицѣ катихизисъ толкующему, исправить не можно будетъ. Того ради святѣйшему правительствующему синоду канцелярія императорскаго московскаго университета покорнѣйше представляетъ, чтобъ соблаговолено было означеннаго священника Алексѣева отъ показаннаго ключарства уволить и оставить въ московскомъ архангельскомъ соборѣ попрежнему священникомъ, чтобъ онъ могъ впредь въ императорскомъ московскомъ университетѣ

безпрепятственно продолжать катихизическое ученіе». Св. синодъ освободилъ Алексѣева отъ должности ключаря, но потребовалъ перехода его въ успенскій соборъ, «гдѣ онъ будучи, равно какъ и въ архангельскомъ соборѣ, катихизическое ученіе въ московскомъ университетѣ безпрепятственно преподавать можетъ»[300]).

Алексѣевъ оставался преподавателемъ закона Божія въ московскомъ университетѣ втеченіе сорока двухъ лѣтъ, до самой своей смерти. О дѣльности преподаванія его можно судить по трудамъ его, которыми онъ пользовался при изложеніи своего предмета и при составленіи и разработкѣ которыхъ (какъ напр. церковнаго словаря и словаря еретиковъ и раскольниковъ) онъ имѣлъ въ виду своихъ университетскихъ слушателей. Для нихъ же онъ издалъ книгу Петра Могилы, извѣстную подъ именемъ «православнаго исповѣданія», со многими примѣчаніями, относящимися къ области догматики, исторіи, географіи и литературы. При вступленіи въ должность катихизатора онъ говорилъ въ университетѣ рѣчь о достоинствѣ и пользѣ катихизиса. Изъ выходившихъ ежегодно на русскомъ и латинскомъ языкѣ «объявленій о публичныхъ ученіяхъ въ императорскомъ московскомъ университетѣ и обѣихъ гимназіяхъ онаго» видно, что протоіерей Алексѣевъ обучалъ катихизису «по печатнымъ книгамъ» митрополита Платона, а впослѣдствіи по пространному катихизису, изданному для народныхъ училищъ, и старался «не только о просвѣщеніи разума истиннымъ благочестіемъ, но такожъ и объ исправленіи сердца христіанскимъ нравоученіемъ». Алексѣевъ читалъ въ высшихъ классахъ, а въ низшихъ преподавали подъ его надзоромъ его помощники. Какъ ни важны труды Петра Могилы и митрополита Платона, но любознательный Алексѣевъ, стремясь къ болѣе или менѣе самостоятельной разработкѣ предмета, не могъ ограничиться тѣмъ, что сдѣлано другими, и нѣсколько разъ принимался за составленіе собственнаго руководства. Къ сожалѣнію предпріятію его не суждено было осуществиться ни въ цѣломъ, ни даже въ частяхъ. Научное изданіе капитальнаго произведенія Петра Могилы, предпринятое Алексѣевымъ, было остановлено за «нѣкоторыя смѣлыя

присовокупленныя примѣчанія». Такой же участи подвергся и собственный трудъ Алексѣева. Въ 1798 году протоіерей Алексѣевъ послалъ въ св. синодъ «покорнѣйшее доношеніе» слѣдующаго содержанія: «Хотя имѣются у насъ, по благости Господней, преизрядные катихизисы печатные; но такихъ книгъ, гдѣ бы обстоятельно описаны были должности огласителя въ разсужденіи младыхъ дѣтей, имъ обучаемыхъ, и потребныя къ сему его званію качества, на россійскомъ языкѣ не видно, а на другихъ діалектахъ не всякому достать можно. Того ради я, будучи съ 759 года въ гимназіяхъ императорскаго московскаго университета огласителемъ доселѣ, примѣтилъ изъ опыта недостатки въ преподаваніи сего толь важнаго и полезнаго наставленія, а паче заимствовавъ отъ благоразумныхъ творцовъ правила, какимъ порядкомъ должно преподавать начальныя истины благочестія христіанскаго дѣтемъ, пріемлю смѣлость все то съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ представить святѣйшему правительствующему синоду на разсмотрѣніе, а ежели удостоится, и на изданіе въ печать». Св. синодъ препроводилъ рукопись Алексѣева на разсмотрѣніе духовной цензуры, учрежденной въ Москвѣ для свидѣтельства и разсматриванія сочиняемыхъ и переводимыхъ книгъ, касающихся до церкви и ученій церковныхъ. Духовная цензура донесла св. синоду, что она «присланную книгу подъ названіемъ: Катихизисъ, содержащій въ себѣ правила, какимъ порядкомъ должно преподавать дѣтямъ начальныя истины христіанскаго благочестія, должнымъ образомъ свидѣтельствовала и разсматривала. Но, при разсматриваніи ея, нашла въ ней много излишностей, недостатка, неисправностей, противорѣчій и прочаго подобнаго. А какъ высочайше конфирмованнымъ е. и. в. указомъ отъ 13 марта прошлаго 1799 года предписано духовной цензурѣ: книгамъ дѣлая замѣчанія о недостаткахъ или излишностяхъ, вовсе обращать оныя въ то мѣсто, отколь присланы, для приведенія въ надлежащій порядокъ, вразумивъ упражняющагося въ несовершенствѣ трудовъ его, дабы онъ съ пользою продолжалъ тѣ упражненія. Почему духовною цензурою и опредѣлено: на основаніи вышеписаннаго указа, отослать помянутую

книгу къ сочинителю, московскаго архангельскаго собора протоіерею и кавалеру Петру Алексѣевичу, для должнаго исправленія, которая и возвращена ему съ надлежащими, цензурою учиненными, отмѣтками, гдѣ и что исправить онъ долженъ»[301]). Подобно катихизису, и церковный словарь Алексѣева подвергался обвиненію въ излишествахъ и слишкомъ вольныхъ объясненіяхъ многихъ церковныхъ предметовъ, несмотря на то, что изданія словаря, вышедшія при жизни автора, одобрены синодальною конторою и митрополитомъ Платономъ, личнымъ врагомъ Алексѣева[302]).

Алексѣевъ былъ членомъ вольнаго россійскаго собранія со времени его учрежденія. По вызову этого литературнаго общества и на предложенную отъ него задачу Алексѣевъ написалъ свою статью о соборѣ кіевскомъ, бывшемъ въ 1157 году, на Мартина еретика. Въ трудахъ общества помѣщались статьи Алексѣева, какъ напримѣръ описаніе старопечатной книги, заключающей въ себѣ переводъ Франциска Скорины. Самый важный трудъ, изданный вольнымъ россійскимъ собраніемъ во все время его существованія, есть безспорно церковный словарь Алексѣева. Въ заглавіи словаря и въ извѣстіи о немъ сказано, что онъ разсматривался въ засѣданіяхъ общества и составлялся подъ его смотрѣніемъ. Но нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы обнаруживали въ содержаніи или формѣ словаря постороннее участіе, и единственная заслуга вольнаго россійскаго собранія заключается, по всей вѣроятности, въ томъ, что оно оцѣнило и издало трудъ, составляющій украшеніе тогдашней литературы.

При учрежденіи россійской академіи въ составъ ея вошли многіе изъ членовъ вольнаго россійскаго собранія, и въ числѣ ихъ и протоіерей Алексѣевъ. Предсѣдатель академіи, княгиня Дашкова тѣмъ скорѣе могла остановить свой выборъ на Алексѣевѣ, своемъ давнемъ сочленѣ по вольному россійскому собранію, что онъ пользовался въ то время громкою литературною извѣстностью, которая служила ему сильною поддержкою въ борьбѣ его съ духовными властями. Предложеніе Дашковой принято было протоіереемъ Алексѣевымъ; но отвѣтъ его, по всей вѣроятности,

не дошелъ ко дню открытія академіи, чѣмъ и можно объяснить то обстоятельство, что хотя онъ и не провозглашенъ членомъ академіи въ самый день ея торжественнаго открытія, но тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ Потемкинымъ и Болтинымъ, считался избраннымъ именно съ этого времени, т. е. съ 21 октября 1783 года. Обыкновенно иногородные члены письменно увѣдомляли княгиню Дашкову о своей готовности принять званіе академика, и считались избранными съ тѣхъ поръ, когда объ отвѣтѣ ихъ заявлено было въ академическомъ засѣданіи.

Находясь вдали отъ академіи, Алексѣевъ не могъ участвовать въ ея собраніяхъ и въ тѣхъ специальныхъ, требующихъ частыхъ совѣщаній, работахъ, которыя возлагались исключительно на членовъ, имѣвшихъ свое пребываніе въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе званіе академика, которымъ такъ дорожилъ Алексѣевъ, выставляя его и въ заглавіяхъ своихъ сочиненій и въ объявленіяхъ о своихъ лекціяхъ, не было для него однимъ почетнымъ именемъ. Въ одномъ изъ первыхъ академическихъ собраній заявлено было, что протоіерей Алексѣевъ принялъ на себя выборъ словъ изъ Трудовъ вольнаго россійскаго собранія и прислалъ рукописное дополненіе къ церковному словарю[303]).

Присланная Алексѣевымъ рукопись, какъ и его церковный словарь вообще, былъ дорогимъ вкладомъ, съ которымъ могли сравниться въ научномъ отношеніи немногіе вклады другихъ членовъ россійской академіи. Церковный словарь Алексѣева съ дополненіями, сдѣланными самимъ авторомъ, служилъ настольною книгою у лицъ, принимавшихъ участіе въ составленіи академическаго словаря. Въ объясненіи многихъ словъ, въ самомъ выборѣ примѣровъ и въ ссылкахъ на библейскіе источники, ясно обнаруживается вліяніе церковнаго словаря. Само собою разумѣется, что рѣчь идетъ не о буквальномъ сходствѣ и выпискахъ, а о сознательномъ заимствованіи; иныя изъ соотвѣтствующихъ статей пространнѣе изложены у Алексѣева, нежели въ словарѣ академіи и наоборотъ; при сходствѣ нѣкоторыхъ чертъ есть много существенныхъ отличій въ содержаніи и характерѣ того и другаго

словаря и т. д. Приведемъ два-три примѣра соотвѣтствующихъ статей.

Въ словарѣ Алексѣева читаемъ: «*Адмиралъ* есть слово арабское, которое значитъ начальника, властелина или князя. Всѣ калифы и другіе князья мусульманскіе въ титлахъ своихъ именуются *амира;* окончаніе жъ *алъ* не иное что есть какъ придаточная частица языка арабскаго, которую европейцы поставили назади, а у нихъ она напереди бываетъ, какъ напримѣръ: *ал-жиръ*, *ал-каиръ*, *ал-коранъ* и пр. Начальники морскихъ силъ у нихъ также то слово въ титлахъ своихъ имѣютъ» и т. д. Этому толкованію Алексѣевъ отдаетъ предпочтеніе передъ тѣмъ, по которому слово *адмиралъ* происходитъ отъ admirans или admirabilis—титула, даннаго Колумбу Фердинандомъ и Изабеллою. Статья занимаетъ цѣлую страницу, и авторъ ссылается на глоссарій Меурсіуса, на acta eruditorum и др. Въ словарѣ академическомъ сказано только слѣдующее: «*Адмиралъ* — слово, происходящее отъ аравитскаго имени *эмиръ*, что значитъ *князь*; у насъ же симъ именемъ называется начальникъ морской силы или ополченія, имѣющій чинъ вторыя степени».

Словарь Алексѣева.	Словарь россійской академіи.
Ересь — греч., толкъ, ученіе. Дѣян. V, 17 и XV, 5; I Кор. XI, 19. По большей части берется за такое мудрованіе, которое противно православію.	*Ересь* — греч. Лживое толкованіе, противоученіе; мнѣніе противное истинному благочестію, заблужденіе въ догматахъ вѣры. Восташа нѣцыи отъ ереси фарисейскія: Дѣян. XV, 5.
Отсюда *еретикъ*, съ греч., значитъ человѣка, непослѣдующаго правому ученію. Тит. III, 10: еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся.	*Еретикъ* — непослѣдующій правому ученію, противящійся истинному благочестію, заблуждающій въ догматахъ вѣры. Еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся: Тит. III, 10.

Уподіаконъ — греч., толкуется подслужитель алтарный, который облачаетъ архіерея, подаетъ трикиріе и дикиріе и прочія нижнія служенія отправляетъ. Матѳ. Власт. и Кормч.	*Уподіаконъ* — просто подъдьяконъ. Въ духовномъ состояніи называется тотъ, который облачаетъ и разоблачаетъ архіерея въ священнослуженіи, подаетъ свѣщи, и другія подобныя симъ должности отправляетъ.
Обоняти — воню или запахъ чувствовать. Псал. CXIII, 14: ноздри имутъ и не обонаютъ. Индѣ употреблено вмѣсто: провѣдать, прознать; попросту пронюхать. Аполлод. стр. 306.	*Обоняю* — посредствомъ чувственныхъ жилъ, въ носу расположенныхъ, исходящія тонкія изъ тѣлъ выдохновенія ощущаю. Ноздри имутъ и не обоняютъ: Псал. CXIII, 14. Обонять благоуханіе розы.

Мы не входимъ здѣсь въ подробное разсмотрѣніе связи между двумя словарями, ибо для характеристики Алексѣева, какъ ученаго и писателя, важно уже то обстоятельство, что словарь его служилъ однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ и пособій для капитальнаго труда академіи русскаго языка и словесности. Дальнѣйшая же судьба словаря Алексѣева въ нашей литературѣ и способъ, какимъ пользовались имъ послѣдующіе ученые, имѣютъ значеніе не столько для характеристики этого добросовѣстнаго и перваго въ своемъ родѣ опыта, сколько для вѣрной оцѣнки произведеній, на которыхъ въ большей или меньшей степени отразилось его вліяніе. Поэтому, при подробномъ разборѣ словаря россійской академіи, мы должны будемъ обратиться и къ словарю Алексѣева съ цѣлію опредѣлить взаимное отношеніе этихъ двухъ памятниковъ, занимающихъ почетное мѣсто въ русской литературѣ восьмнадцатаго столѣтія.

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Татищева: Лексиконъ россійской исторической, географической, политической и гражданской. I, стр. 18.

2) Рѣчь, которую въ санктпетербургской императорской академіи наукъ къ членамъ *россійскаго собранія* во время *перваго* оныхъ *засѣданія марта 14 дня 1735 года* говорилъ Василій Тредіаковскій. Въ первый разъ напечатана въ 1735 году при академіи наукъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи императорской академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ; издалъ А. Куникъ. 1865. Часть I. стр. 9—11.

3) Архивъ академической канцеляріи. Книга № 16. 1735. Мартъ. Копія № 256.

4) Пекарскаго: Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ. 1870. Т. I, 639—641.

5) Записки засѣданій Императорской Россійской Академіи 1798—1800 г. Засѣданіе 27 октября 1800. Ст. III:

«Членъ академіи г. Мальгинъ произнесъ краткое слово, въ коемъ частію исчислялъ бывшія заведенія въ пользу россійской словесности». Это исчисленіе заключается въ слѣдующихъ строкахъ изъ рѣчи Мальгина, приложенной къ журналу засѣданія: «Безсмертный великими дѣяніями и любовію къ отечеству императоръ Петръ I, учредивъ въ Россіи двѣ академіи — первую въ 1702 году адмиралтейскую, переименованную послѣ морскимъ кадетскимъ корпусомъ, и вторую наукъ въ 1716 году, особливое имѣлъ попеченіе и объ очищеніи россійскаго слова, что дѣйствительно можно и должно почесть первымъ семенемъ къ зачатію

россійской академіи. Потомъ императрица Анна Іоанновна также двѣ академіи учреждала—одну ремеслъ въ 1730 году, а другую россійскую въ 1735 году для исправленія языка русскаго, сочиненія грамматики и словарей на такомъ же основаніи какъ во Франціи. Но къ несчастію дѣйствіе первой, какъ знаменитый ученостію и полезными трудами покойный г. тайный совѣтникъ Василій Никитичъ Татищевъ, яко современный того бытія свидѣтель, говоритъ, Остерманъ по нѣкоей ненависти удержалъ, и указъ изготовленный къ подписанію уничтожилъ, а видно что и россійская академія такимъ же или подобнымъ образомъ при самомъ своемъ рожденіи исчезла и уничтожилась».

Татищевъ въ своемъ, выше названномъ, лексиконѣ говоритъ (I, 19—20): «Академія ремеслъ; въ 1730 году вѣчнодостойныя памяти императрица Анна Іоанновна ко устроенію оной соизволеніе объявить и на содержаніе ея по 12.000 рублей въ годъ дать изволила; въ которой быть ремесламъ: 1) архитектурѣ, 2) живописи, 3) образозщества, 4) механики, и людей: главнымъ Татищева въ архитектурѣ, Еропкина въ живописи, Каравака въ скулптурѣ, Рятрелія въ механикѣ, изъ профессоровъ искуснѣйшаго; но Остерманъ по нѣкоей ненависти удержалъ, и указъ, изготовленный къ подпискѣ, уничтожилъ, и тако сіе весьма государству полезное дѣло въ забвеніи осталось».

Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія. 1845. Т. II, стр. 211.

6) Санктпетербургскія вѣдомости. 1768 года, 4 ноября. № 89. Изъ Царскаго Села, октября 28 дня:

«Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая наша государыня, пекущаяся непрерывно о блаженствѣ своего народа, третьяго дня, по богато изливающимся отъ престола ея, премудростію огражденнаго, на распространеніе въ Россіи наукъ щедротамъ, благоизволила на первый случай пожаловать ежегодно по пяти тысячъ рублей на россійскіе переводы хорошихъ иноязычныхъ книгъ, и смотрѣніе надъ употребленіемъ сея казны въ пользу общества и въ награжденіе желающихъ въ переводахъ тру-

ѵиться высочайше препоручила ихъ сіятельствамъ графу Владиміру Григорьевичу Орлову, графу Андрею Петровичу Шувалову и коллежскому совѣтнику Григорью Козицкому».

7) Собраніе, старающееся о переводѣ чужестранныхъ книгъ на россійскій языкъ, обществу чрезъ сіе объявляетъ, что

1) Разсужденіе его величества короля прусскаго о причинахъ установленія или уничтоженія законовъ, переведенное съ французскаго, находится уже въ печати.

2) Кандидъ г. Вольтера, переведенный съ французскаго, тоже отданъ уже въ печать.

3) Переводятся: изъ Плутарха съ латинскаго житіе Кимона и Лукулла да житіе Кинеи и Марка Красса со сравненіями ихъ.

4) Храмъ книдійскій г. Монтескіеу, съ французскаго.

5) Сочиненіе о добродѣтеляхъ и о награжденіяхъ, съ французскаго.

6) Нѣкоторыя статьи изъ словаря, называемаго енциклопедія, спрѣчь *кругъ ученія*, какъ-то Grecs. Sparte. Turquie.

7) Размышленія о причинахъ великости и упадка Римлянъ, г. Монтескіеу.

(Санктпетербургскія вѣдомости. 1769 года, 16 января. № 5.—Тоже: 20 января № 6 и 23 января № 7).

Собраніе, старающееся о переводѣ чужестранныхъ книгъ на россійскій языкъ, обществу чрезъ сіе объявляетъ, что въ переводѣ находятся книги слѣдующія:

1) О прививаніи оспы г. барона Ѳомы Димсдаля.

2) Начертаніе о воспитаніи Chalotais.

3) Voyages de Guliver.

4) Lettres persannes.

5) Revolutions romaines par Vertot.

6) Французской академіи лексиконъ, котораго переводъ порученъ особливо приглашенному для того нѣкоторому обществу.

(Санктпетербургскія вѣдомости. 1769 года, 17 февраля. № 14. — Тоже: 20 февраля, № 15 и 24 февраля № 16).

8) Санктпетербургскія вѣдомости. 1781 года, 1 января, № 1:

I. *Книги напечатанныя:*

1) Омирова ватрахоміомахія, т. е. брань лягушекъ и мышей.

2) Ѳеофраста о свойствѣ человѣческихъ нравовъ.

3) Еліана различныхъ повѣстей ч. 1-я.

4) Продіонова исторія римская его времени.

5—10) Діодора Сицилійскаго историческая вивліоѳика, ч. I—VI.

11 и 12) Терентіевыхъ забавныхъ зрѣлищъ т. I и II.

13) Марка Туллія Цицерона о совершенномъ добрѣ и крайнемъ злѣ.

14) Егожъ о утѣшеніи.

15) Егожъ о естествѣ боговъ.

16) Іюлія Кесаря записки о походахъ въ Галлію.

17) Публ. Овидія Насона двѣ ироиды.

18 и 19) Егожъ превращеній кн. 1 и 2.

20) Корнилія Тацита о положеніи, обычаяхъ и народахъ Германіи.

21 и 22) Светонія Жизни первыхъ XII кесарей римскихъ, ч. 1.

23) Виргиліевой Енеиды три книги.

24) Веллей Патеркулъ.

25 и 26) Валерія Максима изрѣченій и дѣлъ достопамятныхъ 2 части.

27 — 30) Извѣстія византійскихъ писателей о славянахъ, готѳахъ, россахъ, варягахъ, болгарахъ, уцахъ и печенѣгахъ, 4 части.

31) О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ.

32) Гмелина путешествіе по Россіи 1768 и 1769.

33) Палласа путешествіе по Россіи.

34) Разсужденіе Е. В. короля прусскаго о причинахъ установленія и отрѣшенія законовъ.

35) Размышленія о величествѣ и упадкѣ римлянъ.
36) Лисимахъ, разговоръ Суллы съ Евкратомъ, и опытъ о вкусѣ.
37) Храмъ книдійскій.
38) О разумѣ законовъ.
} г. Монтескю.

39) Барона Димсдаля о прививаніи оспы.

40) Опытъ народнаго воспитанія.

41) Исторія и записки учрежденнаго въ Амстердамѣ общества въ пользу утопшихъ.

42) О строеніи міра.

43) Османское государство и республика рагузская.
44) Аглинское государство или Великобританія.
45) Португаллія.
46) Прусское королевство.
47) Польша.
48) Венгрія.
49) Испанія.
50) Италія.
51) Малая Азія или Азіа и Аравія.
52) Швейцарія.
} изъ Бишинговой географіи.

53) Кандитъ Вольтера.

54) Разговоръ трехъ разнонравныхъ людей Сен. Евремона.

55) Морея или Пелопонисъ со всѣми древними и новыми въ ней мѣстами.

56) Спарта.

57) Грецiя.

58) Турцiя.

59 и 60) Статьи до Турцiи принадлежащiя, 2 части.

61) О государственномъ правленiи.

62) Статьи о времени.

63) О клеветѣ, презрѣнiи и несчастiи.

64) О любопытствѣ и гаданiи.

65) О любви.

66) О ласкательствѣ.

67) О надзирателяхъ при воспитанiи.

68) О философскихъ толкахъ.

69) Статьи: порокъ и добродѣтель.

70) О роскоши.

изъ Энциклопедiи.

71—74) Юстiя основанiя силы и благосостоянiя царствъ, ч. I—IV.

75 и 76) Каллiера, какимъ образомъ договариваться съ государями, ч. I и II.

77) Сокращенiе изъ Сен. Пiера о вѣчномъ мiрѣ чрезъ г. Руссо.

78) Аббата Сен. Реаля исторiя заговоровъ испанцовъ противъ Венецiи.

79—81) Вертота о перемѣнахъ римскихъ, ч. I—III.

82) Мабли размышленiя о греческой исторiи.

83) Китайскiя мысли съ манжурскаго языка.

84) Свѣтъ зримый въ лицахъ.

85) Маркизы де Ламбертъ разсужденiе о дружбѣ.

86 и 87) Торквата Тасса Освобожденный Iерусалимъ, 2 части.

88—91) Свифта Гуливеровы путешествiя въ Лилипутъ, Бородинягу, въ Лапуту, въ Гуингмскую землю.

92 и 93) Приключенiя Iосифа Андревса и Авраама Адамса.

94 и 95) Дѣянiя Вилда великаго.

96 и 97) Повѣсть Амелiя.

изъ Филдинговыхъ романовъ.

98) Выписка о чревовѣщателяхъ.

99) Геллертово забавное зрѣлище: богомолка.

100) Егожъ забавное зрѣлище: нѣжная любовь двухъ сестеръ.

101) Егожъ женская хворость.

102 и 103) Егожъ басни и сказки.

104) Наука учтивымъ быть.

105 и 106) Писемъ о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ ч. I и II.

107 и 108) Макеровой химіи 2 тома.

109—112) Офицерскихъ упражненій 2 части.

113) Словаря французской академіи буква А.

114) О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей.

115—120) Роллена: Способъ какъ учить и учиться словеснымъ наукамъ, ч. I—VI.

121—123) Белевыхъ путешествій чрезъ Россію.

124 и 125) Дюгальда описаніе Китая.

126) Корнелія печальное зрѣлище: смерть Помпеева.

127) Егожъ позорище: Цинна.

128) Егожъ позорище: Цидъ.

129 и 130) Шесть писателей исторіи о Августахъ.

131 и 132) Робертсонова исторія о Карлѣ V.

133—136) Лусанны Неаполитанскія перемѣны.

137 и 138) Лукіана Самосатянина разговоровъ ч. I и II.

139) Разговоры о хлѣбномъ торгѣ.

140 и 141) Омирова Иліада.

142) Маллетова Датская исторія.

143) Статья о вѣрѣ, изъ енциклопедіи.

144) О государственномъ строительствѣ—оттудаже.

145) Ахенвалла Начертаніе исторіи нынѣшнихъ европейскихъ державъ.

146 и 147) Китайское уложенье.

148) Сокращенная китайская географія.

149) Исчисленіе пороковъ и добродѣтелей.

150) Іосифа Флавія древностей іудейскихъ часть I.

151) Волтерова Генріада.

152) Твореній велемудраго Платона ч. I.

153) Швитена о болѣзняхъ, случающихся въ арміяхъ, ч. I.

154) Исіода твореній.

II. *Книги, отданныя къ тисненію.*

1) Лактантій.

2) Нѣмецкая земля,—изъ Бишинговой географіи.

3) Приключенія Сюлліевы.

4) Плюшева исторія неба съ лицами.
5) Геснера Авелева смерть.
6) Мечты маршала де Сакса съ чертежами.
7) Корнеліевы позорища: a) Гораціи, b) Лжецъ.
8) Избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ—Маринова піима.
9) Краткое понятіе о всѣхъ наукахъ, Сульцера.
10) Тиссотъ, о сохраненіи здоровья въ народѣ.
11) Клавдіанъ.
12) Маріанны всеобщая исторія Испаніи.
13) Апулей.
14) Лукана фарсальская брань.
15) Димитрія Кантемира исторія османскаго государства.
16) Франція,—изъ Бишинговой географіи.
17) Робертсоновой исторіи о Карлѣ V ч. III и слѣд.
18) Авла Геллія Ночи аттическія.
19) Брукерова исторія философіи.
20) Іосифъ Флавій, ч. II.
21) Твореній велемудраго Платона слѣдующія части.
22) Амміанъ Маркеллинъ.
23) Даламберта разныя словесныя сочиненія.
24) Макеровой химіи т. III.
25) Еркслебенова химія.
26) Егожъ Натуральная исторія.
27) Гражданское исповѣданіе вѣры Дюваль—Пиро.
28) Плутарховы нравственныя сочиненія.
29) Робертсонова исторія о Америкѣ.

30) Лжеученый.
31) Хитрая вдова.
32) Поскоряй пока не провѣдали.
33) Побѣжденное предразсужденіе.
34) Тюркаре.
35) Свѣтской человѣкъ.
36) Слуга и лжецъ.
37) Соперники.
38) Послушная дочь.
39) Солиманъ вторый.
40) Лотерейной билетъ.
41) Оловянишникъ политикъ.
42) Мужикъ и стряпчіе.
43) Проѣзжіе.

} комедіи (30–43).

44) Вестъиндецъ.
45) Слуга двухъ господъ. } комедіи.
46) Сынъ расточительный.
47) Устережешься ли всего—комическая опера.

III. *Книги, взятыя къ переводу.*

1) Ѳукидидъ.
2) Ксенофонтова исторія о Грекахъ и другія части.
3) Омирова Одиссея.
4) Димосѳеновы рѣчи.
5) Аристотелева риторика.
6) Діогена Лаертія Жизни философовъ.
7) Лонгина о высокости мыслей.
8) Нѣкоторыя житія со сравненіями изъ Плутарха.
9) Овидія пѣсни печалей.
10) Тита Ливія исторія римская.
11) Юлія кесаря о междоусобныхъ Римлянъ мятежахъ: ч. II его записокъ.
12) Сенеки нѣкоторыя сочиненія.
13) Старшій Плиній.
14) Младшій Плиній.
15) Тацитова исторія и лѣтопись.
16) Флора исторія римская.
17) Монтескю о разумѣ законовъ, ч. II и слѣд.
18) Вѣкъ Лудовиковъ XIV и XV.
19) Начало къ географіи, Данія и Норвегія.
20) Швеція.
21) Голландія.
22) Остальныя сочиненія аббата сен-Реаля.
23) Помея храмъ баснословія.
24) Мысли г. Рошефукольда.
25) Лаксмана Сибирскіе свободные часы.
26) Характеры де ла Брюера.
27) Егожъ Исторія общихъ между европейскими державами дѣлъ.
28) Житіе Густава Адольфа, короля шведскаго.
29) Ботинова исторія шведская.
30) Волтера роспись писателей, жившихъ при Лудовикѣ XIV.
31) Иконологія.
32) Географическій Вожіеровъ словарь.

33) Ленгнихова исторія польская.

34) Дю Гальда описаніе Китая, ч. III и IV.

35) Аглинскій зритель.

36) Политическія сочиненія аббата сен. Піера.

37) Волтера опытъ о епическихъ писателяхъ.

38) Камоенсова Лусіада.

39) Изъ Корнелія Радогуна.

40) Изъ Расина Миөридатъ.

41) Изъ Кребиллона Плектра.

42) Изъ Вольтера Тріумвиратъ.

43) Печальное зрѣлище: графъ Варвикъ.

44) Детушевъ өеатръ.

45) Моліеровъ өеатръ.

46) Юстія систима государственнаго строительства.

47) Пуфендорфова исторія Швеціи.

48) Егожъ о должностяхъ гражданина и человѣка.

49) Исторія Генрика IV, чрезъ Перефикса.

50) Сардина путешествіе въ Персіи.

51) Путешествіе Француза въ Италіи въ лѣто 1765 и 1766, въ Парижѣ 1769.

52) Аріоста разъяренный Роландъ.

53) Геллерта нравоученіе.

54) Батте кругъ словесныхъ наукъ.

55) Бургавова химія.

56) Дю Клоса разсужденіе о нравахъ.

57) Аполлодоръ аөинскій о богахъ и ихъ дѣлахъ.

58) Графа Бинава исторія нѣмецкая.

59) Бишинга латинское сочиненіе въ пользу юношества, учащагося латинскому языку.

60) Аврелій Викторъ.

61) Цицерона тускуланскіе вопросы.

62) Основаніе всеобщей древней и новой исторіи, аббата Милота.

63) Изъясненіе на аглинскіе законы, г. Блакстона.

64) О натуральной исторіи, изъ Бишинга.

65) Нравы, обычаи и обыкновенія древнихъ народовъ, г. Саббатіа.

66) Ніепорта о нравахъ и обыкновеніяхъ римскихъ.

67) Нравы и обычаи грековъ.

68) Словарь изображеній и отличительныхъ свойствъ всѣхъ знаменитыхъ мужей, въ разныхъ родахъ дарованіями прославившихся.

69) Изображеніе перемѣнъ, бывшихъ въ Европѣ.

70) Павсаній.

71) Поливій.

72) Бурнстова исторія аглинская.

73) Варенієва физическая географія.

74) Исторія критическая философіи г. де Лаланда.

75) Локка опытъ о человѣческомъ разумѣ.

76) Іосифа Флавія о послѣдней войнѣ съ Римлянами.

77) Всеобщая исторія для малолѣтныхъ дѣтей, Шрека.

78) О воспитаніи мѣщанъ Резевица.

79) Введеніе въ россійскую исторію отъ Рурика до времёнъ государыни императрицы Анны Ивановны, Шмида.

80) Житіе Іисуса Христа, сочиненное для малолѣтныхъ дѣтей Феддерсеномъ.

81) Егожъ поученія для малолѣтныхъ дѣтей изъ библейской исторіи.

82) Другъ дѣтей или книжка, сочиненная для обученія дѣтей чтенію, Рохова, 2 части.

83) Такогожъ содержанія книжка для употребленія въ сельскихъ училищахъ, Рохова.

84) Книжка для родителей и учителей всякаго состоянія, сочиненія Базедо.

85) Естественная исторія, сочиненная для малолѣтныхъ дѣтей Раффомъ.

86) Собраніе разнаго рода сочиненій или дѣтская вивліоѳика, Кампе.

87) Начертаніе новой европейской политической исторіи Мангелсдорфа.

88) Раффова географія.

(77–88: Книги, рекомендованныя комитетомъ, разсматривавшимъ училища.)

89) Сокращеніе исторіи, президента Генота.

90) Словарь для художниковъ рукомесленныхъ.

91) Словарь физической.

92) Словарь физіологической.

93) Словарь минералогической.

94) Словарь анатомической.

95) Словарь естественной исторіи.

IV. *Книги, означенныя къ переводу.*

1) Діонъ Кассій.

2) Есхилъ.

3) Софоклъ.

4) Еврипидъ.
5) Аристофанъ.
6) Исократъ.
7) Өеокритовы идилліи.
8) Фокилидовы стихи.
9) Стравонъ.
10) Горацій.
11) Овидій.
12) Плавтъ.
13) Сенека
14) Всеобщая исторія путешествій, сокращенная славнымъ г. ла Гарпомъ.
15) Исторія натуральная пшеницы г. Понселета.
16) Собраніе похвальныхъ словъ г. Томаса.
17) Триссино.

Сверхъ того лучшія драматическія сочиненія изъ Корнелія, Расина, Вольтера, Кребильона, Калдерона, Лопеца, Шакеспира и прочихъ аглинскихъ и другихъ знаменитыхъ творцовъ въ стихахъ и прозѣ. Но о сихъ должно предувѣдомлять цензора и издателя сихъ переводовъ г. академика Лепехина съ приложеніемъ опыта въ переводѣ — съ стихотворцовъ стихами, а съ прозаическихъ писателей прозою. Наконецъ собраніе за нужное почитаетъ паки напомянуть всѣмъ взявшимъ переводить книги отъ онаго, чтобы они благоволили по прошествіи шести мѣсяцовъ увѣдомлять о успѣхѣ или и остановкѣ, если оная послѣдуетъ въ ихъ переводахъ, помянутаго цензора г. Лепехина, дабы собраніе могло принимать надлежащія мѣры къ удобнѣйшему исполненію намѣренія Ея Императорскаго Величества, пекущейся всѣми средствами о просвѣщеніи своего народа и къ скорѣйшему удовлетворенію любящимъ россійское чтеніе. Иначе собраніе принуждено будетъ самыя тѣ же книги отдавать другимъ для переводу.

9) Академическія извѣстія 1779 года, январь, стр. 42 — 47. Матеріалы для исторіи русской литературы, изданіе П. А. Ефремова. 1867, стр. 198.

10) Письмо отъ $^{7}/_{18}$ октября 1770 г. Recueil des lettres de m. de Voltaire et de l'imperatrice de Russie. стр. 115—116.

11) Memoirs of the princess Daschkaw. London. 1840. vol. I, p. 320—321).

Дашкова говоритъ: «Я сказала ея величеству, что я, какъ директоръ академіи наукъ и художествъ (academy of arts and

sciences), имѣю уже въ своемъ распоряженіи достаточныя суммы для содержанія новаго учрежденія, для котораго въ настоящее время ей не прійдется сдѣлать никакихъ издержекъ кромѣ покупки дома. Эти деньги — прибавила я въ объясненіе — можно будетъ взять изъ тѣхъ пяти тысячъ рублей, которыя она ежегодно давала изъ собственнаго кошелька (from her private purse) на переводы классическихъ писателей. Переводы будутъ продолжаться и, я надѣюсь, въ большихъ размѣрахъ при участіи студентовъ академіи наукъ; разсматривать и исправлять переводы будутъ профессора. И такъ эти пять тысячъ рублей, о которыхъ директора никогда не давали никакого отчета, и которыя вѣроятно, судя по весьма малому числу появившихся переводовъ, клали себѣ въ карманъ, могутъ быть употреблены теперь на полезное предпріятіе».

12) Записки засѣданій императорской россійской академіи 1783 — 1792 годовъ. Засѣданіе 21 октября 1783 г. Указъ на имя Дашковой, данный 30 сентября 1783 года.

13) Записки засѣданій россійской академіи. Засѣданіе 18 января 1802 года. Лепехинъ представилъ слѣдующіе переводы:

1) Опытъ учебной книги для крестьянскихъ дѣтей, соч. Фридриха Эбергарда фонъ Рохау.

2) Наставленіе исторіи философической, соч. Яковомъ Бруккеромъ, пер. Михайла Ильинскаго.

3) Изъясненіе Линнеевой системы о растѣніяхъ, пер. Мейера.

4) Дезидерія Эразма Ротердамскаго Энхиридіонъ.

5) Древняя и новѣйшихъ временъ географія турецкой имперіи — не полная.

6) Описаніе Молдавіи, князя Кантемира.

7) Сокращенная всеобщая исторія путешествій, кн. I-я.

8) Трагедія Родогуна Корнеліева, перев. Княжнина.

9) Омирова Одиссея (не достаетъ четвертой и пятой пѣсни).

14) Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія при московскомъ университетѣ. 1774. Ч. I. Предувѣдомленіе.

15) Исторія московскаго университета, написанная Шевыревымъ. 1855, стр. 241.

16) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. Ч. II, стр. 11, 8. — Ч. I, стр. 160.

17) Memoirs of the princess Daschkaw. I, 318—320.

18) Сборникъ матеріаловъ для исторіи академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. 1865, стр. 11.

19) Записки засѣданій россійской академіи. Т. I. л. 3 об. — 4. Всеподданнѣйшій докладъ директора санктпетербургской академіи наукъ княгини Дашковой.

20) Самымъ важнымъ матеріаломъ при изложеніи исторіи россійской академіи служатъ рукописныя «Записки россійской императорской академіи» или «Записки засѣданій императорской россійской академіи», хранящіяся въ архивѣ академіи наукъ вмѣстѣ съ другими дѣлами бывшей россійской академіи. Къ Екатерининскому періоду относятся два первые тома рукописныхъ записокъ: первый заключаетъ въ себѣ журналы засѣданій академіи за 1783, 1784, 1785, 1786, 1787, 1788, 1789, 1790 и 1791 годы; второй — за 1792, 1793, 1794, 1795, 1796 и 1797 годы. Журналъ перваго засѣданія подписанъ почти всѣми присутствовавшими членами; журналы слѣдующихъ засѣданій подписывались обыкновенно только двумя членами: предсѣдателемъ россійской академіи Дашковою и непремѣннымъ секретаремъ россійской академіи Лепехинымъ.

Извлеченіе изъ рукописныхъ записокъ академіи помѣщено въ періодическомъ изданіи, выходившемъ подъ названіемъ: *Сочиненія и переводы, издаваемыя россійскою академіею*. Изданіе это предпринято главнымъ образомъ для того, чтобы основательными сужденіями о русскомъ языкѣ показывать его коренныя силы и красоты. Но чтобы книга наполнялась не одними только сужденіями о языкѣ, положено помѣщать при каждой части извѣстія объ учрежденіи и занятіяхъ россійской академіи. Первая часть сочиненій и переводовъ, вышедшая въ 1805 году, открывается статьею: *Извѣстія о учрежденіи и упражненіяхъ императорской россійской академіи* (стр. 1 — 21). Начало статьи заимствовано отчасти изъ предисловія къ первому тому словаря россійской академіи. Въ предисловіи къ словарю говорится о Екатеринѣ: «Отъ прозорливости ея не сокрылось, что насажденія сіи обильнѣйшіе принесутъ плоды, когда науки на природномъ языкѣ юношеству

преподаваемы будутъ, и дабы наивящше въ томъ предуспѣть, благоволила дать россійскому слову не токмо отличное свое покровительство учрежденіемъ россійскія академіи, но и удѣляя часы отъ трудовъ своихъ, отверзла намъ двери къ самымъ сокровеннымъ и первобытнымъ источникамъ онаго». Въ Извѣстіяхъ: «Отъ прозорливости ея не могло сокрыться, что десницею ея насажденное древо просвѣщенія въ кратчайшее время распространитъ благосѣнныя вѣтви, и тѣмъ обильнѣйшіе, тѣмъ сладчайшіе принесетъ плоды, когда науки на природномъ языкѣ преподаваемы будутъ. По сей то причинѣ.... воздвигла храмъ россійскому слову, учредивъ академію россійскую», и т. д. За краткимъ введеніемъ въ такомъ родѣ напечатанъ журналъ перваго засѣданія россійской академіи, происходившаго 21 октября 1783 года; различіе съ рукописнымъ журналомъ заключается въ измѣненіи порядка статей. Въ рукописи статьи слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: рѣчь Дашковой, докладъ ея, указъ объ учрежденіи академіи, уставъ ея, и списокъ членовъ; а напечатаны они въ слѣдующемъ порядкѣ: списокъ членовъ, рѣчь Дашковой, указъ, докладъ и наконецъ уставъ.

Въ слѣдующихъ частяхъ *Сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ россійскою академіею:* второй, вышедшей въ 1806 г. (стр. 1—34); третьей, вышедшей въ 1808 году (стр. 1—80), и четвертой, вышедшей въ 1810 году (стр. 1 — 7), помѣщены болѣе или менѣе подробныя извлеченія изъ записокъ засѣданій академіи съ 28 октября 1783 года по 1 ноября 1796 года. Нѣкоторыя засѣданія пропущены вовсе; о другихъ сказано нѣсколько словъ; объ иныхъ приводятся подробныя свѣдѣнія, напечатаны даже отдѣльныя мнѣнія членовъ.

Извлеченія, находящіяся на страницахъ *Сочиненій и переводовъ* послужили основаніемъ, откуда почти исключительно заимствовались свѣдѣнія объ академіи, появлявшіяся въ послѣдующее время.

Въ первой части *Трудовъ россійской академіи*, вышедшей въ 1840 году, помѣщено *Краткое извѣстіе о россійской академіи*,

составленное Д. И. Языковымъ (стр. 13—91). Онъ раздѣляетъ исторію россійской академіи на четыре періода по предсѣдателямъ: первый періодъ съ 21 октября 1783 года по 12 ноября 1796 г., предсѣдатель княгиня Дашкова; второй — съ 12 ноября 1796 г. по 29 мая 1801 года, управляющій камеръ-юнкеръ Бакунинъ; третій—отъ 20 мая 1801 года по 2 апрѣля 1813 года, предсѣдатель Нартовъ; четвертый—съ 3 апрѣля 1813 года по 1840 г., президентъ Шишковъ. О первомъ періодѣ сообщены весьма краткія извѣстія (стр. 15—21), заимствованныя изъ *Сочиненій и переводовъ*. Причину краткости самъ авторъ объясняетъ такимъ образомъ: «Подробное описаніе учрежденія россійской академіи напечатано въ первой части *Сочиненій и переводовъ* оной, изданной въ 1805 году. Дальнѣйшія извѣстія о упражненіяхъ академіи сообщены были публикѣ въ извлеченіяхъ изъ ея дневниковъ, помѣщавшихся въ послѣдующихъ частяхъ сказанныхъ Сочиненій и переводовъ, также въ *Повременномъ* ея *изданіи*. Сіи извѣстія продолжаются по 1825 годъ, и потому, чтобы не повторять оныхъ здѣсь, мы, единственно для связи, бросимъ бѣглый взоръ на упражненія россійской академіи по сказанный годъ, и войдемъ въ нѣкоторыя подробности о занятіяхъ ея съ сего года по 1840 годъ» (стр. 13—14). Вслѣдъ за статьею Языкова помѣщенъ *Именный списокъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членамъ императорской россійской академіи со дня основанія оной по 1840 годъ* (стр. 91 — 102).

Нѣсколькими годами раньше изданъ *Имянный списокъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членамъ императорской россійской академіи со дня основанія оной по 1836 годъ*. Въ концѣ списка приложена Алфавитная роспись членамъ академіи, которой не достаетъ списку 1840 года.

Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1848 года №№ 11 и 12, помѣщенъ написанный еще въ 1839 году и вышедшій въ 1849 году отдѣльнымъ оттискомъ *Опытъ исторіи императорской россійской академіи*, составленный бывшимъ членомъ россійской академіи А. И. *Красовскимъ*. Трудъ Красовскаго

ограничивается первымъ періодомъ россійской академіи, отъ 21 октября 1783 по 12 ноября 1796 года, когда предсѣдателемъ академіи была Дашкова, и представляетъ извлеченіе хотя и недословное, изъ *Сочиненій и переводовъ*, расположенное въ томъ же погодномъ порядкѣ. Въ приложеніяхъ помѣщены между прочимъ списки академиковъ, участвовавшихъ въ составленіи словаря, составленные на основаніи свѣдѣній, печатавшихся при каждомъ выпускѣ словаря, а также сравнительныя вѣдомости о числѣ словъ въ словопроизводномъ словарѣ и въ словаряхъ предшествовавшихъ ему и слѣдовавшихъ за нимъ. Въ лексиконѣ Памвы Берынды, напечатанномъ въ 1627 году, число словъ 4.981. — Въ лексиконѣ треязычномъ, изданномъ въ 1704 году, 18.801.—Въ словопроизводномъ словарѣ россійской академіи 43.257, и т. д. Отъ напечатанія лексикона Зизанія до церковнаго словаря протоіерея Алексѣева прошло почти два столѣтія; россійская же академія издала словарь свой, въ шести частяхъ, втеченіе одного десятилѣтія. Превосходствомъ въ количествѣ словъ и временемъ, употребленнымъ на составленіе труда, опредѣляется, по мнѣнію автора, два существенныя достоинства академическаго словаря. Третье его достоинство заключается въ его отношеніи къ послѣдующимъ однороднымъ трудамъ, именно въ томъ, что «этотъ словарь скоро сдѣлался отцемъ множества другихъ русскихъ словарей, и уже болѣе полувѣка не перестаетъ служить руководствомъ и пособіемъ въ составленіи подобныхъ сочиненій». — Въ концѣ статьи авторъ помѣстилъ списокъ книгъ, служившихъ ему пособіемъ, и на первомъ планѣ поставлены *Сочиненія и переводы*, издаваемыя россійскою академіею. Въ этомъ спискѣ не забыты и такія вещи, какъ составленное въ хвалебномъ тонѣ и до крайности поверхностное, на нѣсколькихъ страницахъ, *Обозрѣніе трудовъ россійской академіи со времени ея учрежденія по 1833 годъ* Б. М. Өедорова, помѣщенное въ апрѣльской книжкѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія; но оставлены безъ вниманія рукописныя записки академіи — пособіе самое важное и существенное.

— Краткія и общія свѣдѣнія о россійской академіи за все время ея существованія находятся въ статьяхъ академиковъ *Языкова* и *Пекарскаго*. Статья Д. И. Языкова въ *Энциклопедическомъ лексиконѣ* 1835 года, т. I, стр. 327—328; статья Пекарскаго въ *Энциклопедическомъ словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами*, 1861 года, т. II, стр. 286—290. Вторая статья нѣсколько подробнѣе первой, не ограничиваясь сообщеніемъ однихъ фактовъ; замѣчанія автора сводятся къ тому, что академія, за исключеньемъ ея перваго періода, оставалась совершенно чуждою и отчасти даже враждебною движенію русской литературы и умственной жизни.

21) Записки россійской академіи. Засѣданіе 21 октября 1783 года, л. 5—7. Краткое начертаніе императорской россійской академіи состоитъ изъ слѣдующихъ 19 статей:

1.

Императорская россійская академія состоять имѣетъ единственно подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества.

2.

Императорская россійская академія долженствуетъ имѣть предметомъ своимъ вычищеніе и обогащеніе россійскаго языка, общее установленіе употребленія словъ онаго, свойственное оному витійство и стихотвореніе.

3.

Къ достиженію сего предмета должно сочинить прежде всего россійскую грамматику, россійской словарь, риторику и правила стихотворенія.

4.

Какъ таковаго рода книги не могутъ быть сочинены однимъ человѣкомъ, то и нужно общество. Учрежденія таковыхъ добровольныхъ обществъ до сего времени частію или по недостатку средствъ или по несогласію членовъ никогда существовать не

могли. А посему и должны члены императорской россійской академіи зависѣть отъ вышней власти, утверждающей существованіе и распространенію оной способствующей.

5.

Число членовъ императорской россійской академіи долженствуетъ быть опредѣленное.

6.

Кажется 60-ти человѣкъ къ составленію россійской императорской академіи весьма достаточно, въ числѣ коихъ должно имѣть двухъ непремѣнныхъ секретарей.

7.

Должность двухъ непремѣнныхъ секретарей состоитъ въ сочиненіи протоколовъ и въ храненіи оныхъ, также и въ храненіи рукописныхъ подлинниковъ. Сверхъ же того они имѣютъ какъ почести, такъ и голосъ равные съ прочими членами академіи.

8.

Кромѣ членовъ имѣетъ быть предсѣдатель, имѣющій и почести и голосъ равные каждому члену кромѣ предсѣдательства.

9.

Собраніямъ быть каждую недѣлю одинъ разъ, а по окончаніи каждаго да дáстся присутствующему члену жетонъ. А признанные по большинству баловъ отличившимися трудомъ и пользою имѣютъ получить по окончаніи года въ собраніи, празднуемомъ (т. е. празднующемъ) учрежденіе академіи, большую золотую медаль, каковою снабжаетъ ежегодно раздѣляющая награжденія верховная власть.

10.

Въ первое собраніе долженствуетъ быть открытіе академіи.

11.

Во второе собраніе должно разсуждать о расположеніи сей академіи и сочинить обстоятельное начертаніе оному.

12.

На первый случай выборъ членовъ будетъ изъ извѣстныхъ людей, знающихъ россійскій языкъ, коихъ числомъ не менѣе 35-ти быть должно.

13.

Прочіе члены и впредь выбираются балотированіемъ на убылыя мѣста.

14.

Убылое мѣсто иначе сдѣлаться не можетъ какъ смертію какого-либо члена.

15.

Въ кандидаты представляетъ каждый членъ и предсѣдатель одного.

16.

Въ секретари предлагаетъ предсѣдатель, а не члены, на каждое мѣсто двухъ кандидатовъ, и они избираются балотированіемъ же; но предсѣдатель баловъ не кладетъ, потому что онъ воленъ избраннаго не признать, а предложить къ балотированію другаго.

17.

Жалованья, по мнѣнію моему, производить должно: двумъ секретарямъ, каждому по 800 рублей; переводчику 500 рублей; четыремъ писцамъ, каждому по 200 рублей; одному расходчику, у котораго храниться будутъ деньги, жетоны и расходныя книги, по 300 рублей.

— —

18.

На учрежденіе и содержаніе сего новаго основанія, какъ жалованьемъ служащихъ оному, такъ канцелярскіе и прочіе расходы, не надобно болѣе пяти тысячъ рублей.

19.

Что же касается до жетоновъ, на сіе достаточно будетъ тысячи рублей ежегодно производимыхъ. И такъ годовыя на императорскую россійскую академію издержки состоять будутъ въ шести тысячахъ рубляхъ, кромѣ дома, который имѣетъ быть казенный. Мѣсто собранія на первое мѣсто время имѣть въ строеніяхъ, академіи наукъ принадлежащихъ.

На подлинномъ подписано: Княгиня Катерина Дашкава.

22) Записки россійской академіи. 1801 года. Засѣданіе 5 іюня. Рѣчь непремѣннаго секретаря Лепехина.

23) Записки россійской академіи. Засѣданія: 2 октября 1787 года, л. 129. — 5 іюля 1791, л. 231. — 7 октября 1785, л. 77. — 8 августа 1786, л. 98.—24 сентября 1793, л. 50.—4 марта 1794, л. 56 об.

24)

Въ	1783	году	избрано	членовъ	48;	умерло	1.	наличн	47.
»	1784	»	»	»	8	»	2	»	53.
»	1785	»	»	»	4	»	—	»	57.
»	1786	»	»	»	3	»	1	»	59.
»	1787	»	»	»	1	»	—	»	60.
»	1788	»	»	»	—	»	1	»	59.
»	1789	»	»	»	1	»	1	»	59.
»	1790	»	»	»	—	»	—	»	59.
»	1791	»	»	»	2	»	4	»	57.
»	1792	»	»	»	2	»	3	»	56.
»	1793	»	»	»	4	»	1	»	59.
»	1794	»	»	»	4	»	3	»	60.
»	1795	»	»	»	1	»	5	»	56.
»	1796	»		»	—	»	2	»	54.

Умерли: въ 1783 году графъ Воронцовъ.
» » 1784 » Хемницеръ и Олсуфьевъ.
» » 1786 » Бакунинъ.
» » 1788 » Ушаковъ.
» » 1789 » Десницкій.
» » 1791 » Щербатовъ, Потемкинъ, Княжнинъ и Барсовъ.
» » 1792 » Болтинъ, архіепископъ Амвросій и фонъ-Визинъ.
» » 1793 » Елагинъ.
» » 1794 » Стахіевъ, еписк. Иннокентій, прот. Панфиловъ.
» » 1795 » Мелиссино, Веревкинъ, Н. П. Соколовъ, свящ. Сидоровскій, еписк. Дамаскинъ.
» » 1796 » митрополитъ Самуилъ и Протасовъ.

25) Главнымъ матеріаломъ для біографіи Дашковой служатъ ея *Записки*, заключающія въ себѣ множество данныхъ о ея семейной и общественной жизни, а также и о ея литературныхъ трудахъ: Memoirs of the princess Daschkaw, lady of honour to Catherine II empress of all the Russias, written by herself, comprising letters of the empress and other correspondence. Edited from the originals, by mrs. W. Bradford. Jn two volumes. London. 1840. Извлеченія изъ записокъ Дашковой являлись у насъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ; полный русскій переводъ этихъ записокъ изданъ въ Лондонѣ въ 1859 году; новый переводъ ихъ печатается въ настоящее время въ Русской старинѣ. Во введеніи къ переводу, начало котораго помѣщено въ мартовской книжкѣ Русской старины 1874 года, представлена характеристика и указаны матеріалы для біографіи княгини Дашковой.

На основаніи преимущественно записокъ Дашковой составленъ Д. И. *Иловайскимъ* біографическій очеркъ: *Екатерина Романовна Дашкова*, помѣщенный въ четырехъ статьяхъ, въ Оте-

чественныхъ Запискахъ 1859 года, т. CXXVI, стр. 195—260 и 391—434; т. CXXVII, стр. 271—338 и 507—554.

О *литературныхъ трудахъ Дашковой* говорится въ словаряхъ Дмитревскаго, Новикова, митрополита Евгенія, и, всего полнѣе, въ монографіи Аѳанасьева.

Въ извѣстіи о русскихъ писателяхъ, помѣщенномъ въ 1768 году въ Neue bibliothek der schönen wissenschaften, современникъ Дашковой Дмитревскій (1736—1821) говоритъ: «Нѣкоторыя изъ нашихъ дамъ тоже оказали отечеству услуги, заслуживающія похвалы. Нѣсколько очень удачныхъ вещей (wohlgerathene stücke) княгини Екатерины Дашковой помѣщено въ московскомъ журналѣ: Невинное препровожденіе времени—unschuldige zeitvertreib». (Матеріалы для исторіи русской литературы, изд. П. А Ефремова. 1867. стр. 141 — 142, 158).

Другой современникъ Дашковой Новиковъ (1744 — 1818) такъ отзывается о ней въ своемъ словарѣ 1772 года: «Дашкова, княгиня Екатерина Романовна, двора ея императорскаго величества штатсъ-дама и ордена святыя Екатерины кавалера, писала стихи; изъ нихъ нѣкоторыя весьма изрядныя напечатаны въ ежемѣсячномъ сочиненіи: *Невинное упражненіе* 1763 года, въ Москвѣ. Въ протчемъ она почитается за одну изъ ученыхъ россійскихъ дамъ и любительницу свободныхъ наукъ». (Матеріалы для исторіи русской литературы, изд. Ефремова, стр. 31).

Въ словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія (1845 г., т. I, стр. 157—159) указаны слѣдующія произведенія Дашковой:

1) Переводъ *опыта объ эпической поэзіи, Вольтера*—первое произведеніе ѐя пера; помѣщ. въ Невинномъ упражненіи 1762 и 1763 годовъ, и отдѣльною книжкою.

2) Много стиховъ, на русскомъ и французскихъ языкахъ — большею частью встрѣчаются въ письмахъ къ Екатеринѣ.

3) Много статей въ *Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова*.

4) Много статей въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ*, издававшихся академіею наукъ съ 1786 по 1796 годъ.

5) Нѣсколько статей въ *Другѣ просвѣщенія.*

6) Комедія: *Тоисіоковъ или человѣкъ безхарактерный.*

7) Комедія: *Свадьба Фабіана или алчность къ богатству наказанная*, написанная въ pendant къ комедіи Коцебу: *Бѣдность и благородство души*, но не изданная.

8) Небольшое сочиненіе: *Плугъ и соха*, напечатанное въ Москвѣ въ 1806 году.

Въ рукописныхъ матеріалахъ словаря митрополита Евгенія, хранящихся въ публичной библіотекѣ, въ біографіи Дашковой сообщенной Евгенію графомъ Д. И. Хвостовымъ, сказано, что въ Собесѣдникѣ помѣщено много сочиненій Дашковой, и въ томъ числѣ «надпись въ стихахъ къ портрету Екатерины II» и «въ шуточномъ слогѣ посланіе къ слову: *такъ*» (Матеріалы къ словарю писателей. II).

Въ Отечественныхъ Запискахъ 1860 года, т. CXXIX, стр. 181—218, помѣщена статья *Аѳанасьева*: *Литературные труды княгини Е. Р. Дашковой.* Авторъ руководствуется главнымъ образомъ указаніями словаря митрополита Евгенія, и дополняетъ ихъ новыми фактами и весьма основательными соображеніями. Онъ полагаетъ, что Дашковой принадлежатъ: въ Собесѣдникѣ статья о воспитаніи, а въ Другѣ Просвѣщенія статьи, подписанныя: *Россіянка.* Не соглашаясь съ словаремъ Евгенія, что брошюра: *Плугъ и соха* написана Дашковой, Аѳанасьевъ, слѣдуя г. Тихонравову, приписываетъ ее графу Ростопчину. Сверхъ названныхъ у Евгенія періодическихъ изданій, Аѳанасьевъ говоритъ о сотрудничествѣ Дашковой еще въ двухъ журналахъ:

8) Въ *Опытѣ трудовъ вольнаго россійскаго собранія* помѣщены записки Дашковой о ея заграничномъ путешествіи, и переводы ея съ англійскаго—изъ Юма и др.

9) Въ *Русскомъ вѣстникѣ* 1808 года — статьи за подписью *Россіянка*, какъ и въ Другѣ Просвѣщенія.

Аѳанасьевъ принимаетъ также свидѣтельство Керара, что Дашкова — авторъ книги:

10) *Antidote* — возраженіе на книгу аббата Шаппа: Voyage en Sibérie.

26) Другъ просвѣщенія, 1805 года, ч. IV, стр. 149. Стихи эти написаны, по словамъ автора, лѣтъ тридцать тому назадъ, слѣдовательно около 1775 года.

Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783, ч. I, стр. 14—23.

Матеріалы къ словарю митрополита Евгенія. II. Біографія Дашковой.

Невинное упражненіе. 1763, февраль, стр. 55—56.—До какой степени и Бребефъ и Дашкова уклоняются отъ оригинала и насколько справедливы отзывы современныхъ латинистовъ о ея переводѣ, очевидно изъ слѣдующаго сравненія: Ср. M. Annaei Lucani Pharsalia. Liber IX. v. 564—581:

....an liber in armis
Occubuisse velim potius, quam regna videre?
An sit vita nihil? Si longa, an differat aetas?
An noceat vis ulla bono, fortunaque perdat
Opposita virtute minas, laudandaque velle
Sit satis, et numquam successu crescat honestum?
Scimus, et haec nobis non altius inseret Hammon.
Haeremus cuncti Superis, temploque tacente,
Nil agimus non sponte Dei; nec vocibus ullis
Numen eget; dixitque semel nascentibus auctor
Quidquid scire licet. Sterilesne elegit arenas,
Ut caneret paucis, mersitque hoc pulvere verum?
Estne Dei sedes, nisi terra, et pontus, et aër,
Et coelum, et virtus? Superos quid quaerimus ultra?
Juppiter est quodcumque vides, quodcumque moveris.
Sortilegis egeant dubii, semperque futuris
Casibus ancipites: me non oracula certum,
Sed mors certa facit: pavido, fortique cadendum est....

Oeuvres completes de Voltaire. 1785. t. X. Essai sur la poésie épique, p. 366—367:

Ceux qui prennent les commencemens d'un art pour les	(Переводъ Дашковой): Тѣ, которые пріемлютъ начало

principes de l'art même, sont persuadés qu'un poème ne saurait subsister sans divinités, parce que l'Iliade en est pleine; mais ces divinités sont si peu essentielles au poème que le plus bel endroit qui soit dans *Lucain*, et peut-être dans aucun poète, est le discours de *Caton*, dans lequel ce stoïque ennemi des fables dédaigne d'aller voir le temple de *Jupiter Hammon*. Je me sers de la traduction de *Brebeuf*, malgré ses défauts.

искусства за правило искусства, увѣрены сами въ себѣ, что не можно въ епической пѣсни обойтись безъ боговъ единственно для того, что Иліада ими наполнена; но боги столь мало нужны для поэмы, что лучшее мѣсто въ *Лукіяновой*, а можетъ быть и во всякой другой, есть рѣчь *Катона*, въ коей сей стоикъ, врагъ басенъ, гнушается войти и видѣть храмъ *Юпитера Аммона*. Я прилагаю здѣсь переводъ *Бребефа*, не взирая на его погрѣшности.

Laissons, laissons, dit-il, un secours si honteux
A ces ames qu'agite un avenir douteux.
Pour être convaincu que la vie est à plaindre,
Que c'est un long combat dont l'issue est à craindre,
Qu'une mort glorieuse est préférable aux fers,
Je ne consulte point les dieux ni les enfers;
Alors que du néant nous passons jusqu'à l'être,
Le ciel met dans nos coeurs tout ce qu'il faut connaître;
Nous trouvons Dieu partout; partout il parle à nous.
Nous savons ce qui fait ou détruit son courroux;
Et chacun porte en soi ce conseil salutaire,
Si le charme des sens ne le force à se taire.
Pensez-vous qu'à ce temple un Dieu soit limité?
Qu'il ait dans ces déserts caché la vérité?
Faut-il d'autre séjour à ce monarque auguste,
Que les cieux, que la terre, et que le coeur du juste?
C'est lui qui nous soutient, c'est lui qui nous conduit;
C'est sa main qui nous guide, et son feu qui nous luit;
Tout ce que nous voyons est cet être suprême....
C'est bien assez, romains, de ces vives leçons
Qu'il grave dans notre âme au point que nous naissons.

Si nous n'y savons pas lire nos aventures,
Percer avant le temps dans les choses futures,
Loin d'appliquer en vain nos soins à les chercher,
Ignorons sans douleur ce qu'il veut nous cacher....

27) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783, ч. II, стр. 21 — 23.

28) Словарь академіи россійской. 1793, ч. IV, стр. 822, 823.

29) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. II, 25—27.

30) Руской вѣстникъ на 1808 годъ, издаваемый Сергѣемъ Глинкою. № II, стр. 227—232. Несмотря на похвалы русскому языку, въ статьѣ есть несвойственные русскому языку, иностранные обороты въ родѣ слѣдующаго: «Нынѣ многіе молодые люди *стыдятся* дурно *отечественный языкъ говорить*, неправильно выговаривать, неправильно и писать» и т. д.

Россійскій театръ или полное собраніе всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій. 1788. Ч. XIX, стр. 239—317.

Тонсіоковъ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. — Матеріалы къ словарю писателей митрополита Евгенія. II. Біографія Дашковой.

Memoirs of the princess Daschkaw. I, 356—358.

31) Сборникъ русскаго историческаго общества. 1873. Т. XII, стр. 199 — 200.

32) Графъ Григорій Кирилловичъ Разумовскій писалъ почти исключительно на французскомъ языкѣ. Сочиненія его исчисляются въ слѣдующихъ изданіяхъ: Fortsetzung und ergänzungen zu Chr. G. Jöchers allgemeinem gelehrten-lexico. Bremen. 1819. VI band, s. 1477;—Biographie universelle. Supplément. Paris. 1846. t. 78, p. 369.—Nouvelle biographie générale, publiée par mm. Firmin Didot frères sous la direction de m. le dr. Hoeffer. Paris. 1862. t. 41, p. 782—783, и др.—Въ иностранныхъ свѣдѣніяхъ о Разумовскомъ онъ смѣшивается иногда съ отцомъ своимъ и съ своими братьями. Изъ братьевъ Разумовскаго наиболѣе извѣстны: Алексѣй Кирилловичъ, бывшій при императорѣ Александрѣ I министромъ народнаго просвѣщенія, и Андрей Кирилловичъ, который былъ посломъ въ Вѣнѣ. Въ біографіи Андрея Кирилловича Разумовскаго, написанной Шницлеромъ, Григорій называется старшимъ братомъ Андрея (Raumer: Historisches tas-

chenbuch. 4 folge. 4 jahrgang. 1863, Fürst Andreas Kyrillowitsch Rasumovski. s. 17). Но Шлецеръ, воспитатель дѣтей гетмана Разумовскаго, упоминаетъ о трехъ старшихъ братьяхъ Григорія, которымъ въ 1762 году было: Алексѣю 12 лѣтъ, Петру 11 и Андрею 8 (Oeffentliches und privat-leben, s. 119). Тоже подтверждается и русскою родословною книгою, изданною редакціею Русской Старины.

Приводимъ нѣсколько данныхъ, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ, касательно замѣчательнаго для своего времени русскаго ученаго, жившаго на чужбинѣ.

Русская родословная книга. Изданіе Русской Старины. СПБ. 1873. стр. 71: Дѣти гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго (1724 — 1803), графы: Алексѣй Кирилловичъ (1748 — 1822); Петръ Кирилловичъ (1751—1823); князь Андрей Кирилловичъ (1752 — 1836); Иванъ Кирилловичъ (1756 — 1803); Левъ Кирилловичъ (1757—1818) и *Григорій Кирилловичъ, бригадиръ*, родился 10 ноября 1758 года, умеръ 1830 г.? Жены его: первая—баронесса Мальценъ; вторая—Шенкъ-де-Кастель: на ней женился при жизни первой жены и безъ развода, отчего дѣти отъ этого брака не были признаны въ Россіи.

Repertorium der gesammten deutschen literatur, von Gersdorf, Leipzig. 1837. Jahrgang 1837. Literarische miscellen. Todesfälle, s. 57: Am 3 juni zu Rudoletz in Mähren Greg. graf von Razoumowsky, mitglied mehrerer akademien der wissenschaften und als alterthumsforscher, wie als geognost, rühmlich bekannt.

Slovník naučný (redaktor Rieger): *Razumovský.* Ze šesti synôv jeho jest známější hrabě Řehoř († 1837 na Moravě); žil dlouhá léta v Jtálii a Švýcarech, byl členem rus. a švedské akademie, a sepsal franc. několik děl přirodovědeckých, vydaných hl. v Lausanně.... Sňatek hr. Řehoře nebyl uznan u Rusích, aniž synové jeho v Rakusku žijící.

Въ протоколѣ академіи наукъ 7-го января 1790 года, № 1, сказано, что княгиня Дашкова предложила въ почетные члены графа Григорія Разумовскаго — favorablement connu par son

histoire naturelle du Jorat et par plusieurs recherches interessantes dont il a enrichi les memoires de la société de Lausanne en Suisse, dont il est lui-même le fondateur. Toute l'assemblée applaudit à ce choix.

Въ протоколахъ академіи наукъ 18 февраля 1790 года, № 10: Le secrétaire rapporta être chargé par S. A. madame la princesse de Daschkaw de lire et d'enregistrer au protocolle présent ce qui suit: L'on a remis au secrétaire Euler de la part de m. le comte Gregoire de Razoumowski le diplome académique avec une lettre pour lui ainsi qu'une autre pour madame la princesse. Les sentimens et les expressions dont il se sert en parlant du païs ne prouvent que trop que sa démarche de se défaire d'un diplome, qu'il avait tant sauhaité, et sa résolution de s'expatrier provenait d'une malheureuse disposition d'esprit et d'humeur, qui n'a que trop donné de chagrin à toute sa famille; c'est pourquoi mad. la princesse croit que l'académie doit généreusement tirer un voile sur une démarche inconsiderée, qui ne peut faire aucun tort à l'académie et n'est détrimentale qu'à son fauteur, qui certainement regrettera d'avantage son diplome, que la société respectable qui l'avait associé ne le regrettera.

Coup d'oeil géognostique sur le nord de l'Europe en général et particulièrement de la Russie par le C-te G. de Razoumowsky. Berlin. 1819. Первое изданіе вышло въ Петербургѣ въ 1816 году. Въ avant-propos ко второму, т. е. берлинскому, изданію Разумовскій говоритъ, что горы, возвышенности и самыя равнины Россіи чрезвычайно любопытны въ геогностическомъ отношеніи, и что онъ сдѣлалъ бы болѣе для ихъ изслѣдованія, еслибы — les malheures d'une épouse adorée, qu'une mort violente effectuée par un crime atroce m'a trop tôt enlevée dans ces funestes contrées et les persécutions affreuses et sans nombre que j'ai essayé pendant près de cinq ans d'un séjour forcé à Pétersbourg ne m'eussent cruellement détourné des objets de mes études et de mes travaux. Mais l'état d'arrestation dans lequel on m'avait mis durant ce temps, comme si j'eusse été un prisonnier de guerre

ou un débiteur recalcitrant, sans aucun motif apparent ni légal d'une telle lèzion du droit des gens, ne m'a presque pu permettre de faire un pas hors de chez moi sans être environné d'entraves toujours renaissantes. Qu'ils sachent au reste ceux qui ont creusé la tombe de l'intéressante Elise, qu'elle vit encore et vit malgré eux dans les coeurs de tous les honnêtes gens et de beaucoup de malheureux abandonnés ou poursuivis par l'aveugle fortune... Elle n'était venue mourir en Russie qu'attirée par les promesses flatteuses du chef de l'empire que justice lui serait rendue... Un jour plus heureux que celui qui jette maintenent des lueurs si sombres sur toute une famille qu'on a plongé dans un abime d'infortunes vera paraître la defense de l'intéressante victime que pour l'honneur de l'humanité on n'eut pas du me mettre dans le cas défendre (p. V — X).

33) О дѣятельности Дашковой по академіи наукъ см. хранящіеся въ архивѣ академіи наукъ рукописные протоколы академическихъ засѣданій: 1783 года, № 13, № 19, № 45;—1784 г., № 9, № 10, № 16, № 17, № 18, № 55; — 1785 г., № 11; — 1786 г., № 2, № 14, № 62; — 1787 г., № 54, № 64, № 74; —1789 г., № 62; — 1790 г., № 1, № 8, № 9, № 10, № 71;—1792 г., № 47;—1793 г., № 1, № 2, № 21;—1794 г., № 45,—и Nova acta academiae scientiarum imperialis petropolitanae, томы I—XIII, гдѣ въ началѣ каждаго тома помѣщалось, подъ названіемъ: histoire de l'académie, извлеченіе изъ академическихъ протоколовъ, начиная съ 1783 года.—Ср. Memoirs of the princess Daschkaw. I, 307—308; 301—303.— Полное собраніе законовъ, т. XXIII, стр. 116, № 16.841, указъ 2 марта 1790 года, и др.

Ученыя записки императорской академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. 1852. Т. I. Выпускъ I. Объ ученыхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ императорской академіи наукъ съ 1726 по 1852 годъ и объ изданіи ученыхъ записокъ, стр. LXXXVI — LXXXVII, XVIII и др.

Мемуаръ академика Крафта помѣщенъ въ Acta academiae, 1786, ч. I, стр. 4 — 66, подъ названіемъ: Essai sur les tables des mariages, des naissances et des morts de la ville de St.-Petersbourg, dans la période de 17 ans, depuis 1764 jusqu'à 1780, precédé d'une exposition générale de l'utilité qu'auraient de pareilles tables, si elles s'étendaient sur des gouvernemens entiers de la Russie.

Статья Зуева, возбудившая толки, напечатана въ Nova acta, т. VII, стр. 296—301 подъ названіемъ: Biga muraenarum, novae species descriptae a Basilio Zuiew. — При извѣстіи о смерти Зуева сказано, что въ академическихъ изданіяхъ помѣщено много его мемуаровъ, и что *всѣ* они показываютъ талантъ автора и его обширную ученость.

Статья Зуева признается дѣльною и научною и въ наше время какъ русскими, такъ и иностранными учеными, удержавшими самое названіе, данное Зуевымъ: muraena *fusca*. Ср. Catalogue of the fishes in the British Museum. by Albert Günther. Volume eighth. London. 1870. p. 14: monopterus javanensis — muraena alba *Zuiew*; p. 85: ophichthys fuscus — *muraena fusca Zuiew.*

34) Записки россійской академіи. I, л. 41—41 об. Засѣданіе 12 марта 1784 года.

Записки россійской академіи. II, л. 70. Засѣданіе 10 августа 1794 г.

35) Тамъ же. II, л. 33—33 об. Засѣданіе 23 октября 1793 года.

36) Записки россійской академіи. I, л. 209 — 209 об. Засѣданіе 14 декабря 1790 года.—I, л. 23 об. Засѣданіе 18 ноября 1783 года.

37) Тамъ же, л. 13—14. Засѣданіе 28 октября 1783 года.

38) Тамъ же, л. 17 об.—18. Засѣданіе 11 ноября 1783 года.

39) Тамъ же, л. 24 об., 27 об., 108, 210 об. Засѣданія: 18 ноября 1783 года, 16 декабря 1783 г., 25 ноября 1786 г., 14 декабря 1790 г.

Словарь академіи россійской. 1790. Часть вторая, стр. VII. Свѣдѣнія, помѣщенныя въ началѣ третьей, четвертой, пятой и шестой, частей: «имена членовъ академіи, участвовавшихъ въ составленіи» каждой изъ частей словаря, № 1.

Опытъ исторіи императорской россійской академіи, А. Красовскаго, стр. 83. А.

40) Записки россійской академіи. I, л. 35 об.—36. Засѣданіе 30 января 1784 года.

41) Тамъ же, л. 22 об.—23. Засѣданіе 18 ноября 1783 года.

42) Тамъ же, л. 52. Засѣданіе 5 октября 1784 года.

43) Тамъ же, л. 108 и 210 об. Засѣданіе 25 ноября 1786 года и 14 декабря 1790 года.

Словарь академіи россійской. II, VII. Свѣдѣнія въ началѣ третьей, четвертой, пятой и шестой, частей словаря, подъ № 1.

44) Записки россійской академіи. I, л. 188 — 188 об. Засѣданіе 11 мая 1790 года.

Ср. Histoire de l'académie française par Pelisson et d'Olivet, avec une introduction, des éclaircissements et notes par M. Ch.-L. Livet. 1858. II, 175 — 176.

45) Le dictionnaire de l'académie française. 1694. t. I, p. 23 — 24: *ami*, *ie* — celuy, celle qui a de l'affection pour quelque personne et se porte a luy rendre toutes sortes de bons offices; *amitié*—affection mutuelle, reciproque entre deux personnes à peu près d'égale condition.—Le dictionnaire de l'académie française. 1762. t. I, p. 64 — 65: *ami*, *ie* — celui ou celle avec qui on est lié d'une affection réciproque; amitié — affection que l'on a pour quelqu'un et qui d'ordinaire est mutuelle.

46) Въ энциклопедіи Дидро и Даламбера: L'*amitié* n'est autre chose que l'habitude d'entretenir avec quelqu'un un commerce honnête et agréable. Въ объясненіи этого слова въ энциклопедіи, занимающемъ не болѣе страницы въ листъ, между прочимъ сказано: Aussi les hommes extremes capables de donner les plus fortes preuves de dévouement ne sont pas les plus capables d'une constante amitié; on ne la trouve nulle part si vive et si solide que dans les esprits timides et serieux.

47) Записки россійской академіи. I, л. 188 об. — 189. Засѣданіе 11 мая 1790 года.

48) Memoirs of the princess Daschkaw. I, 33—34.

49) Словарь академіи россійской. 1790. Ч. II, стр. 763 и 766.

50) Записки россійской академіи. I, л. 189 об. Засѣданіе 18 мая 1790 года.

51) Словарь академіи россійской. 1790. Ч. II, стр. 793.

52) Записки россійской академіи. I, л. 192 — 192 об. Засѣданіе 15 іюня 1790 года.

Опредѣленіе и объясненіе словъ: *дружба*, *задумчивость* и *добродѣтельный человѣкъ* напечатано въ 3-й части Сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ россійскою академіею (1808 года), стр. 38 — 42, но съ измѣненіями порядка словъ, подновленьемъ слога и замѣною однихъ словъ другими.

Въ рукописи.	Напечатано въ Сочиненіяхъ и переводахъ:
Неограниченная довѣренность *обнажаетъ* взаимно души друзей, а любовь и привязанность къ добру заставляетъ участвовать во всемъ до него касательномъ, такъ что горести его	Неограниченная довѣренность *обнаруживаетъ* взаимно души друзей, а любовь и привязанность къ другу заставляютъ участвовать во всемъ до него касательномъ, такъ что

раздѣляешь и чувствуешь какъ и онъ самъ, а иногда и сильнѣе. Многіе *про дружбу* говорятъ и дружбою кленутся... Она независима отъ *разности лѣтъ*, пола и обстоятельствъ... Заниматься только однимъ тѣмъ предметомъ, который *духъ нашъ терзаетъ* и ничѣмъ *оскорбительныхъ* воображеній не разбивать, и т. п.	горести его *раздѣляетъ и чувствуетъ какъ и онъ*, а иногда и сильнѣе. Многіе *о дружбѣ* говорятъ и дружбою клянутся... Она независима отъ *разномысленности*, пола и обстоятельствъ... Заниматься только однимъ тѣмъ предметомъ, *который терзаетъ духъ нашъ* и ничѣмъ *оскорбленныхъ* воображеній не разбивать, и т. п.

Въ напечатанномъ объясненіи слова *задумчивость* пропущена собственноручная приписка Дашковой, ограничивающая его смыслъ: «отъ пораженнаго *печалію* духа». Въ связи съ этою припискою находится предлагаемое Дашковою опредѣленіе: *задумчивость* есть склонность постоянно думать *о печали* своей. Безъ этой приписки опредѣленіе было бы одностороннимъ, и хотя оно удержано и въ словарѣ, но находящееся въ немъ опредѣленіе предъидущихъ словъ: *задумчивый* и *задумчиво* показываетъ, что объясненіе *задумчивости* относится только къ одному ея виду, именно къ тому, который происходитъ отъ пораженія духа печалью. Въ академическомъ словарѣ (II, 792): «*Задумчивый*—1) тотъ, который задумывается, подверженный задумчивости; 2) печальный, въ печали находящійся. *Задумчиво* — смущенно, *печально или углубясь въ размышленіе*».

53) Словарь академіи россійской. 1790. Ч. II, стр. 896—897.

54) Тамъ же, стр. 469—470.

55) Записки россійской академіи. I, л. 105 — 105 об. Засѣданіе 25 ноября 1876 года.

56) Recueil des lettres de M. de Voltaire et de l'impératrice de Russie. Lettres: 17 octobre 1769, 30 octobre 1769: Je supplie votre majesté impériale de lui ordonner d'assister a mon *te Deum* où plutôt à mon *te Deam*.... Je chantais: te Catarinam laudamus, te dominam confitemur.

Memoirs of the princess Daschkaw. II, 95.

57) Державинъ говоритъ о Дашковой: «всякій день имѣла она входъ къ императрицѣ послѣ обѣда, и была у ней съ четырехъ часовъ до седьмаго, и взошла было чрезъ то въ великую силу; но какъ при пожалованіи ея въ президенты россійской академіи говорила она въ той академіи рѣчь, не ею, а кѣмъ-то другимъ сочиненную, то императрица въ шутку въ собраніи *палаты съ чутьемъ* допустила передразнивать се смѣшнымъ тономъ и съ ея ухватками Льву Александровичу Нарышкину. Сіе было не въ бытность ея, но ей пересказали; она разсердилась, всѣхъ разбранила. Гр. Ив. Григ. Чернышевъ, согласясь съ Нарышкинымъ, вывели это тоже шуточнымъ образомъ; съ тѣхъ поръ императрица заперла двери княгинѣ Дашковой для входу ея послѣ обѣда къ упражненію словесности, а оставила пріѣздъ ея только по воскресеньямъ по ея должности. Симъ *Собесѣдникъ* сталъ упадать, ибо императрица не стала присылать въ него ничего, потому что все, присланное ею, княгиня, показывая свой разумъ, критиковала, переправляла, и даже шутила на счетъ сочинительницы не токмо при собраніи многихъ своихъ, но и чужестранныхъ». (Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1866. т. III. Объясненія Державина на его сочиненія, стр. 625).

58) Сочиненія Ломоносова; изд. Смирдина. 1850. Т. III, стр. 249—250.

59) Записки россійской академіи. I, л. I об.—3. Засѣданіе 21 октября 1783 года.

60) Ср. Memoirs of the princess Daschkaw. I, 307—308.

61) Тамъ же, I, 322.

62) Записки россійской академіи. II, л. 57 об. — 58. Засѣданіе 18 марта 1794 года.

63) Записки россійской академіи. I, л. 142 об.—143. Засѣданіе 4 декабря 1787 года.

64) Записки россійской академіи. I, л. 180 об. — 181. Засѣданіе 14 февраля 1790 года.

65) Записки россійской академіи. I, л. 57 об. Засѣданіе 25 ноября 1784 года.

66) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1784. Ч. XI, стр. 3—9.

67) Собраніе сочиненій Якова Княжнина. 1787. Т. I, стр. 161—164. Трагедія Росславъ.

68) Русская старина. 1871, іюнь, стр. 723—781. Вадимъ Новгородскій, сочиненіе Я. Б. Княжнина. Трагедія Княжнина перепечатана здѣсь съ изданія 1793 года, съ предисловіемъ П. А. Ефремова.

69) *Пекарскаго:* Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. 1863. Приложеніе къ третьему тому записокъ академіи наукъ. № 6, стр. 15—16.

70) Memoirs of the princess Daschkaw. I, 387.

71) Извѣстія о жизни митрополита Гавріила находятся въ запискахъ Антонія Знаменскаго, бывшаго при Гавріилѣ ректоромъ петербургской духовной академіи, хранящихся въ рукописи въ библіотекѣ новгородской семинаріи.

Записками Антонія Знаменскаго пользовался Я. Мартосъ, ректоръ академіи художествъ, въ составленной имъ біографіи: «Гавріилъ митрополитъ новгородскій», помѣщенной въ Сынѣ отечества и сѣверномъ архивѣ 1830 г., № XXVII, стр. 26 — 42.

Изъ Словаря духовныхъ писателей митрополита Евгенія заимствованы біографическія свѣдѣнія о Гавріилѣ, находящіяся въ Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли Бантышъ-Каменскаго, 1836, ч. II, стр. 1 — 5.

Наиболѣе полная и подробная біографія Гавріила составлена архимандритомъ Макаріемъ подъ заглавіемъ: Сказаніе о жизни и трудахъ преосвященѣйшаго Гавріила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, 1857 г. Авторъ пользовался рукописями новгородскаго софійскаго собора и новгородской семинаріи, записями, разсказами и другими источниками и пособіями.

Свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ Гавріила встрѣчаются преимущественно въ словаряхъ русскихъ писателей.

Новиковъ въ своемъ Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, 1772 г., говоритъ о Гавріилѣ: «Мужъ высокаго ума, остраго понятія, здраваго разсужденія и великаго просвѣщенія; искусный въ нѣкоторыхъ европейскихъ языкахъ и совершенный во своемъ природномъ, также въ богословіи, философіи и краснорѣчіи. Много сочинилъ поучительныхъ словъ, изъ коихъ нѣкоторыя напечатаны, много похваляются и знающими людьми полагаются въ число наилучшихъ проповѣдей. Онъ сочи-

нилъ также и нѣкоторыя полезныя книги для употребленія въ своей гимназіи, достойныя похвалы. Въ сочиненіяхъ его слогъ чистъ, важенъ и пріятенъ, мысли велики, изображенія сильны и ясны, слова же изрядны; и онъ по справедливости почитается однимъ изъ лучшихъ, первѣйшихъ и великихъ проповѣдниковъ. Въ протчемъ къ великой славѣ его имени должно сказать, что *Велисарій* на Волгѣ переведенный, въ которомъ наивеличайшая въ свѣтѣ Особа участіе имѣла и многіе знатные особы государства, приписанъ сему архіепископу» (Матеріалы для исторіи русской литературы, изд. П. А. Ефремова. 1867, стр. 27).

Точное указаніе трудовъ Гавріила, какъ напечатанныхъ, такъ и рукописныхъ, сдѣлано митрополитомъ Евгеніемъ въ его Словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. Изд. 2-е. 1827 г., т. I, стр. 81—85.

Свѣдѣнія, сообщаемыя Евгеніемъ, повторены В. А. Полѣновымъ въ его небольшой статьѣ: «Жизнеописаніе митрополита новогородскаго и с.-петербургскаго Гавріила», помѣщенной въ Трудахъ россійской академіи. 1840 г., ч. I, стр. 137 — 145. Указаны заглавія и время изданія нѣкоторыхъ словъ — съ 1762 по 1784 годъ, неназванныхъ отдѣльно въ словарѣ Евгенія, и латинскій переводъ Гавріила книги генералъ-фельдмаршала графа Бестужева-Рюмина: «Стихи, избранные изъ св. писанія, служащіе къ утѣшенію всякаго христіанина, неповинно претерпѣвшаго злоключеніе».

Наиболѣе полныя библіографическія указанія съ краткими отзывами о нѣкоторыхъ трудахъ—въ Обзорѣ русской духовной литературы, преосвященнаго Филарета, архіепископа черниговскаго 1863 года, книга вторая, стр. 143—145.

72) Прибавленіе къ № 6 с.-петербургскихъ вѣдомостей 1767 года, 19 января. Журналъ генералъ-полицiймеcтера Чичерина происхожденію о выборѣ отъ С.-Петербурга депутата въ коммисію о сочиненіи проекта новаго уложенія.

73) Рукопись с.-петербургской духовной академіи, въ листъ, № 415, озаглавленная такъ: Книга покойнаго преосвященнаго новогородскаго митрополита Гавріила, содержащая бумаги относящіяся до депутатства

его при законодательной коммисіи. Наказъ отъ св. синода избранному депутату и Пункты о общихъ церковныхъ нуждахъ къ наказу, данному отъ св. синода. (И наказъ и пункты подписаны Гавріиломъ, тогда еще не членомъ синода, вмѣстѣ съ членами синода).

74) Архивъ св. синода. Дѣла 1767—1768 года. Т. I. №45, л. 260—260 об. и др. Въ избраніи депутата участвовали: Димитрій Сѣченовъ, митрополитъ новгородскій; Гавріилъ (Кременецкій), архіепископъ петербургскій; Амвросій, архіепископъ крутицкій; Иннокентій, епископъ псковскій; Аѳанасій, епископъ ростовскій; Порфирій, епископъ бѣлгородскій; Сильвестръ, епископъ переяславскій; Палладій, епископъ рязанскій; Симонъ, архимандритъ ставропигіальнаго новоспасскаго монастыря и Гавріилъ, епископъ тверскій. — Докладъ синода 21 февраля 1768 года объ избраніи Гавріила на мѣсто умершаго Сѣченова подписанъ двумя, находившимися на лицо, членами синода: Гавріиломъ (Кременецкимъ), архіепископомъ петербургскимъ и Иннокентіемъ, епископомъ псковскимъ.

Въ изслѣдованіи своемъ я весьма часто обращаюсь къ рукописямъ св. синода. Считаю обязанностью выразить глубокую благодарность начальнику синодальнаго архива Николаю Ивановичу Григоровичу за его просвѣщенное содѣйствіе, оказанное мнѣ при пользованіи рукописями архива св. синода.

75) Жизнь московскаго митрополита Платона. И. М. Снегирева. 1856 года, часть I, стр. 30 и 116—121. Мнѣнія преосвященныхъ Иннокентія и Гавріила и іеромонаха Платона о наказѣ императрицы Екатерины II. Письмо къ графу Н. И. Панину? Вопросительный знакъ поставленъ авторомъ жизнеописанія, который выше (стр. 30) говоритъ, что замѣчанія представлены чрезъ графа Безбородко, и приняты Екатериною благосклонно.

76) **Замѣчанія Гавріила, Иннокентія и Платона.**	**Наказъ Екатерины.**
Написано (въ наказѣ), что *«всѣ политическіе пороки не суть пороки моральные»* и проч. Но какъ кажется, что нѣкоторые политическіе пороки вмѣстѣ суть и пороки моральные, то мнится, надобно ограничить всеобщее расширеніе сего правила,	Предложенное мною здѣсь не для того сказано, чтобы хотя на малую черту сократить безконечное разстояніе, находящееся между пороками и добродѣтелями: Боже сохрани! Мое намѣреніе было только показать, что *не всѣ политиче-*

и изъ числа моральныхъ пороковъ не всѣ политическіе пороки выключать (Жизнь Платона, стр. 119).

При семъ имени существительномъ: *святотатства* положено имя прилагательное: *простыя*. Сіе имя *простыя* хотя имѣетъ въ семъ мѣстѣ выраженіе самое сильное въ разсужденіи просвѣщеннаго человѣка; но какъ иному, дальнаго просвѣщенія неимѣющему, можетъ показаться, что симъ словомъ уменьшается великость святотатства, то разсуждается, чтобъ вмѣсто сего слова *простыя* положить *прямыя* или *явныя* святотатства (стр. 119).

На томъ же листѣ: «Святотатцы или богохульники наказываются изгнаніемъ изъ храмовъ, исключеніемъ изъ собранія вѣрныхъ» и проч. Сіи показанія подлинно производятся отъ естества вещи, и со стороны церкви иныя употреблены быть не могутъ. Но какъ разсуждается, что *святотатства* или *богохуленія* едва ли когда могутъ быть, чтобъ вмѣстѣ не нарушали покой общества, то

скіе пороки суть пороки моральные и что не всѣ пороки моральные суть политическіе пороки. (Сочиненія Екатерины II, изд. 1849 г. т. I, стр. 12, ст. 56).

Между преступленіями, касающимися до закона или вѣры, я не полагаю никакихъ другихъ, кромѣ стремящихся прямо противу закона, каковы суть *прямыя* и *явныя святотатства* (стр. 14, ст. 74).

Преступленія, которыя смущаютъ упражненіе въ законѣ, носятъ на себѣ свойство *преступленій, нарушающихъ спокойствіе или безопасность гражданъ, въ число которыхъ оныя и относить должно*. Чтобы наказаніе за святотатства производимо было изъ свойства самой вещи, то должно оное состояти въ лишеніи всѣхъ выгодъ, закономъ намъ даруемыхъ какъ-то: изгнаніе изъ храмовъ,

кажется, что святотатцы или богохульники, кромѣ оныхъ наказаній *привлекаютъ на себя и тѣ наказанія, какія въ третьемъ родѣ опредѣляются противъ нарушающихъ спокойство и тишину гражданъ* (стр. 120).

исключеніе изъ собранія вѣрныхъ на время или навсегда, удаленіе отъ ихъ присутствія.

Преступленія раздѣляются на четыре рода: перваго рода—противъ закона или вѣры, втораго—противъ нравовъ, третьяго—противъ тишины и спокойствія, четвертаго—противъ безопасности гражданъ, и т. д. (стр. 14, ст. 68—74).

77) Жизнь митрополита Платона. I, стр. 120—121.—Наказъ Екатерины: «Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя, но оныя дѣлаются предлогомъ, подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ; и весьма беречься надобно изысканіе о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество — опровергнетъ дарованія разума человѣческаго, и охоту писать отниметъ».

78) Дѣла архива св. синода. 1743 года. № 21, по синодальному журналу о книгѣ, именуемой «о истинномъ христіанствѣ», и т. д., л. 6—7. Вѣдѣніе сената, объявленное св. синоду 17 марта 1743 года.

79) Дѣло архива св. синода, 27 октября 1783 года, № 14, по доношенію коллежскаго ассессора Богдановича о дозволеніи ему перемѣнить штиль въ переведенной на россійскій языкъ книгѣ, сочиненной Іоанномъ Арндтомъ, и т. д.

80) **Замѣчанія Гавріила, Иннокентія и Платона.**

(Въ Наказѣ:) «Когда люди не воздерживаются инако, какъ только суровыми казнями,—сіе проистекаетъ отъ насильства правленія». Подлинно, насильственное правленіе, ожесточая

Наказъ Екатерины.

А ежели другая найдется страна, гдѣ люди инако не воздерживаются отъ пороковъ, какъ только суровыми казнями, — опять вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства

духъ, погашаетъ въ немъ чувствительность къ добру. Но какъ разсуждается, что нѣкоторые люди суть весьма ожесточены и столь внутреннее совѣсти чувствіе погасившіе, что иногда и кроткій государь въ печальной необходимости себя находитъ употребить наказанія противъ кроткой сердца своего склонности. Въ такомъ случаѣ сіи самые рода человѣческаго изверги будутъ причиною налагаемой имъ казни и своего неисправленія (стр. 120).

правленія, которое установило сіи казни за малыя погрѣшности (стр. 18, ст. 90).

81) Въ матеріалахъ для наказа — собственноручной рукописи Екатерины II находится слѣдующее мѣсто: Les empereurs Theodose, Arcadius et Honorius écrivirent à Rufin, prefet du pretoire: «si quelqu'un parle mal de notre personne ou du notre gouvernement, nous ne voulons point le punir: s'il a parlé par legereté, il faut le mepriser; si c'est par folie, il faut le plaindre; si c'est une injure, il faut lui pardonner. Ainsi laissant les choses dans leur entier, vous nous en donnerez connaissance, afin que nous jugions des paroles par les personnes, et que nous pensions bien, si nous devons les soumettre au jugemens ou les negliger». Рукопись Екатерины хранится въ библіотекѣ академіи наукъ. Приведенное мѣсто слѣдуетъ въ рукописи непосредственно за окончаніемъ ст. 480 наказа: «все превращаетъ и опровергаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе смертной казни достойное; слова должно почитать за знакъ только преступленія смертной достойнаго казни»,—и непосредственно предшествуетъ ст. 483, начинающейся такъ: «письма суть вещь не такъ скоро проходящая, какъ слова»—les écrits contiennent quelque chose de plus, и т. д.

82) Жизнь митрополита Платона. I, стр. 120.

83) Обрядъ управленія коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія. Ordnung, nach welcher die zu verfertigung des entwurfs zu einem neuen gesetzbuche verordnete commission verfahren soll. Gedruckt zu Moscau in der kaiserlichen universitäts-buchdruckerey. 1767. Ст. VI, VII, X, XI, XII; стр. 7—11, 14—15.

Дѣла архива втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Разр. IV, ч. I, отд. II, разд. 2, № 126—127. С. Дневная записка редакціонной коммиссіи 23 іюня 1768 года.

Полѣнова: Историческія свѣдѣнія о екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія. 1869. ч. I, стр. 43—51.

Прибавленіе къ № 35 с.-петербургскихъ вѣдомостей, 29 апрѣля 1768 г.

84) Дѣла архива втораго отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи 1768 года. Разр. IV, ч. I, отд. II, разд. 2, № 126—127. LX-я дневная записка.

Дневная записка дирекціонной коммиссіи, 20 августа 1767 года.

Историческія свѣдѣнія о екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія. Д. Полѣнова. 1869. Ч. I, стр. XIII, 242, 314 и др.

85) Исчисленіе составлено на основаніи дневныхъ записокъ редакціонной коммиссіи съ 1767 по 1771 годъ, находящихся въ архивѣ втораго отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи. Разр. IV, ч. I, отд. II, разд. 2, № 126—127.

86) Рукопись петербургской духовной академіи, озаглавленная: Собраніе бумагъ касательно дѣлъ редакціонной коммиссіи, № 418. Здѣсь помѣщена дневная записка дирекціонной коммиссіи 2 сентября 1770 года за подписью одного Гавріила. Она вошла въ собраніе дневныхъ записокъ, хранящихся во второмъ отдѣленіи, за исключеніемъ приведеннаго мѣста, при которомъ въ экземплярѣ Гавріила сдѣлана на поляхъ помѣтка: «отставлено».

Полѣнова: Историческія свѣдѣнія о екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія. Сборникъ русскаго историческаго общества. 1871. Т. VI, стр. 500—510.

Дѣла архива втораго отдѣленія. Наказы присутственныхъ мѣстъ.

87) Дѣла архива втораго отдѣленія: разр. IV, ч. I, отд. II, разд. 1: опредѣленія дирекціонной коммиссіи съ 1767 по 1770 годъ; постановленіе 11-го апрѣля 1768 года; наставленіе въ коммиссію о правосудіи. Тоже въ копіи въ рукописи петербургской духовной академіи № 418. — Опредѣленія дирекціонной коммиссіи, 29 января 1769 года.

88) Тамъ же. Наставленіе въ коммиссію о училищахъ и призрѣнія требующихъ. Тоже въ копіи—въ рукописи петерб. духовн. акад. № 418.

89) И. А. Чистовича: Исторія с.-петербургской духовной академіи. 1857, стр. 62 — 68.

Архимандрита Макарія: Сказаніе о жизни и трудахъ митрополита Гавріила. 1857, стр. 24—25.

90) Рукопись петербургской духовной академіи, № 418. Копія съ опредѣленія дирекціонной коммиссіи отъ 11 апрѣля 1768 года. Наставленіе въ коммиссію духовногражданскую, ст. 8.

91) Рукопись петербургской духовной академіи, № 415. Меморія изъ духовногражданской коммиссіи въ дирекціонную коммиссію. Предувѣдомленіе. IX предметъ.

92) Рукопись петербургской духовной академіи, № 422. Разныя записки и сочиненія, собранныя покойнымъ преосвященнымъ новогородскимъ митрополитомъ Гавріиломъ Петровымъ. Записка 1770 года, марта 15 дня. Записка бывшихъ разговоровъ съ иновѣрными магометаны. Особливая записка, въ двоекратное время проѣздовъ нашихъ, бывшихъ разговоровъ съ татарскимъ агуномъ, который у нихъ за перваго почитается махометанской вѣры учителя и съ прочими ихъ учеными абызами. 1770 года февраля съ 2 дня.

93) Дѣла архива втораго отдѣленія: Дневныя записки дирекціонной коммиссіи, 95-я и 131-я записки, 12 іюня и 9 сентября 1768 года и др.

94) Дѣла архива втораго отдѣленія: Дневныя записки большаго собранія коммиссіи, засѣданіе 25 сентября 1768 года; 166-я дневная записка дирекціонной коммиссіи, 20 января 1769 года.

95) Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу. Lettres d'Alexandre Tourgueneff à son frère Nicolas. Leipzig. 1872. стр. 21.

96) Рукопись петербургской духовной академіи. № 415. Письмо Сильвестра, епископа крутицкаго, изъ Москвы, отъ 12 апрѣля 1768 года.

97) Тамъ же. Св. синода члена, Порфирія, епископа бѣлгородскаго, разсужденіе ко внесенію депутату въ наказъ. — Пункты отъ синодальнаго члена Аѳанасія, епископа ростовскаго и ярославскаго, ко внесенію выбранному отъ св. синода депутату въ наказъ.

98) Тамъ же. Меморія духовногражданской коммиссіи. Предувѣдомленіе. Предметъ XXVIII.

99) Рукопись петербургской духовной академіи, № 418. Постановленіе 26 января 1769 года.

100) Въ такомъ смыслѣ Ломоносовъ употребляетъ слово *мѣ-*

щане въ своемъ знаменитомъ разсужденіи о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа: «въ каждомъ городѣ назначить постоянные ночлеги для прохожихъ и проѣзжихъ, и приказать, чтобы каждый хозяинъ на всякій день объявлялъ въ ратушѣ, кто у него былъ на ночлегѣ и сколько времени, а другіе бы *мѣщане* принимать къ себѣ въ домъ пріѣзжихъ и прохожихъ воли не имѣли подъ опасеніемъ наказанія.... Всѣ города укрѣпить валомъ и рвомъ и высокимъ полисадомъ, и не во многихъ мѣстахъ оставить ворота съ крѣпкими запорами и съ надежными *мѣщанскими* караулами, гдѣ нѣтъ гарнизоновъ» и т. д. (Сочиненія Ломоносова. 1847. I, стр. 650—651).

Словарь академіи россійской. 1793. ч. IV, стр. 418).

101) Рукопись петербургской духовной академіи, № 415. Двѣ редакціи мнѣнія со многими собственноручными поправками и приписками Гавріила.

102) Дѣла архива св. синода, 1796 года, № 497.

103) Дѣла архива св. синода; протоколы 1796 года, № 32, л. 365. Докладъ 8 декабря 1799 года подписали: Гавріилъ, митрополитъ новгородскій; Амвросій, архіепископъ казанскій; Иннокентій, архіепископъ псковскій; Исидоръ, протоіерей благовѣщенскій; Лукіанъ, протоіерей преображенскій.

104) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Т. XXIV. № 17,624, стр. 225.

105) Тамъ же. № 17.916, стр. 590—591.

Дѣло Гавріила увѣнчалось успѣхомъ уже по смерти архипастыря: 22 мая 1801 года послѣдовалъ указъ императора Александра св. синоду: «Желая дать примѣръ уваженія къ священному сану въ народѣ и вмѣстѣ укоренить въ немъ самомъ то чувство почтенія къ себѣ и ужаса къ пороку, каковое служителямъ Вышняго, приносящимъ безкровныя жертвы, должно быть паче другихъ свойственно, признали мы за благо высочайшую конфирмацію декабря 9 дня 1796 года на докладѣ св. синода положенную и вскорѣ потомъ оставленную безъ исполненія, привести навсегда въ полную ея силу и дѣйствіе, повелѣвая отнынѣ впредь священниковъ и дьяконовъ, въ уголовныя преступленія впадшихъ и су-

домъ обличенныхъ, отъ тѣлеснаго наказанія освободить». (Полн. собр. закон. т. XXVI. № 19. 885, стр. 655).

106) Такъ отзывается Мартосъ въ своей біографіи Гавріила (Сынъ отечества. 1830. № XVII, стр. 36 — 37), и слова его буквально повторяетъ позднѣйшій біографъ Гавріила, архимандритъ Макарій (Сказаніе о жизни и трудахъ Гавріила. 1857, стр. 103—104).

107) Mémoires secrets sur la Russie (Masson). Paris. 1804. T. II, p. 91. Platon et *Gabriel*, archevêques de Moscau et de Petersbourg, sont des hommes vénérables par leur caractère et par leur conduite, surtout par les soins qu'ils se sont donnés pour réformer les moeurs de leurs confrères.

108) Наказъ, ст. 158, 454 — 459. — Обрядъ управленія коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія. 1767, ст. IX, стр. 13—14.

109) Приведенная рѣчь помѣщена въ Московскихъ вѣдомостяхъ 1767 года, въ прибавленіи къ № 62: «въ пятницу августа 3 дня 1767 года», заключающемъ въ себѣ описаніе торжественнаго открытія коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія. Это прибавленіе напечатано на 17 ненумерованныхъ страницахъ: слово Гавріила начинается на срединѣ 5-й и оканчивается на 10-й страницѣ. Ни одного экземпляра московскихъ вѣдомостей за 1767 годъ нѣтъ ни въ публичной библіотекѣ, ни въ библіотекѣ академіи наукъ, ни даже въ библіотекѣ московскаго университета, и только въ библіотекѣ С. Д. Полтарацкаго находятся три экземпляра этого года различной полноты. Приношу живѣйшую благодарность профессору московскаго университета Н. С. Тихонравову, сообщившему мнѣ копію этой рѣчи по наиболѣе полному экземпляру изъ собранія Полтарацкаго.

Въ прибавленіи къ № 68 с.-петербургскихъ вѣдомостей 1767 года (пятница, 24 августа) въ видѣ извѣстія изъ «Москвы, отъ 10 августа» описано открытіе коммиссіи, и въ описаніи этомъ между прочимъ сказано: «преосвященный епископъ тверскій говорилъ поучительное слово, *которое впредь сообщено будетъ*, такъ какъ и подписанная депутатами присяга». Но слово Гавріила помѣщено не было, и слѣдующее прибавленіе къ с.-петербургскимъ вѣдомостямъ, къ № 69 (вторникъ, 27 августа 1767 года)

начинается уже описаніемъ представленія депутатовъ Екатеринѣ, и вслѣдъ затѣмъ помѣщена рѣчь Димитрія Сѣченова.

Прекратившіяся въ с.-петербугскихъ вѣдомостяхъ извѣстія о законодательной коммиссіи возобновляются подъ именемъ «дневной записки коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія» съ прибавленія къ № 95 с.-петерб. вѣдомостей (вторникъ, 27 ноября 1767 года), которое начинается такъ: «Торжественное открытіе коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія *со всѣми онаго подробностями* при Московскихъ вѣдомостяхъ подъ № 62 обнародовано, и съ великимъ желаніемъ и любопытствомъ отъ общества принято; изъ чего разсуждать должно, что не меньше любопытствуетъ оно знать, въ чемъ сія коммиссія по сіе время упражняется: для чего издадутся теперь съ открытія оной трехъ первыхъ мѣсяцевъ помѣсячно любопытнымъ извѣстія, въ чемъ важное сіе собраніе упражнялось, а впредь таковыя прилагаемы будутъ еженедѣльно при публичныхъ вѣдомостяхъ» и т. д.

Въ «журналѣ камеръ-фурьерскомъ» подъ 30 іюля 1767 года сказано: «преосвященный епископъ тверскій говорилъ поучительное слово депутатамъ, приступающимъ къ присягѣ; потомъ читана депутатская присяга, а по прочтеніи цѣловали депутаты живоначальный крестъ и слова Спасителя нашего, и подписывались къ присягѣ» (стр. 275—276).

110) Дневныя записки большаго собранія коммиссіи, 104-я и 105-я, 8 и 9 апрѣля 1768 года. Рѣчь Гавріила:

«Всепресвѣтлѣйшая и всемилостивѣйшая государыня!

«Собраніе гг. депутатовъ съ самыхъ первыхъ своихъ дней премудрыми вашего императорскаго величества наставленіями и сладчайшею надеждою благополучія всей Россіи несказанно обрадовано. Оно, получа отъ вашего величества столько полезныхъ предписаній, сколько иные не видали отъ своихъ государей, радовалось, прославляло Всевышняго, удивлялось твоей премудрости и попеченію, и истощало свои силы на изысканіе способовъ, которыми бъ открыть свѣту тѣ чувствованія, каковы остались во

всѣхъ, и принесть вашему императорскому величеству знаки, какіе оно могло только изобрѣсть, того усердія и благодарности, каковою на вѣкъ обязана вамъ Россія. Оно успокоивалось тѣмъ удивленіемъ, которое превосходили ваши труды и премудрость. Всѣ говорили: Россія преблагополучна, и наше ожиданіе тѣмъ пресѣкалось.

«Но какъ скоро сіе собраніе увидѣло новый плодъ вашей премудрости и попеченія о Россіи, сіе, умножая въ немъ удивленіе, привело въ нѣкоторый родъ восторга: то радость, то ожиданіе, чтобъ услышать предписывающую наше благополучіе монархиню, всѣхъ объяли; всѣ наполнялись любовію и усердіемъ къ вашему величеству, и трудили мысль, какъ бы тебѣ, несравненная монархиня, возблагодарить.

«Чтеніе даннаго отъ вашего имераторскаго величества коммиссіи начертанія и новаго къ наказу прибавленія, заключающаго въ себѣ всецѣлаго государства строительство, всѣ сіи усилія и размышленія въ насъ умножило. Оно намъ преживо представило, что то есть государь въ свѣтѣ, сколь велика и отмѣнна отъ всѣхъ ты, великая монархиня, и покоряло всякаго мысль и сердце къ вашему императорскому величеству покореніемъ сладчайшимъ. Оно открыло, коль велико благополучіе, которое отъ попеченія вашего величества истекаетъ всей Россіи, и обязало наши сердца къ вашему величеству обязательствомъ вѣчнымъ. Оно доказало, что твоя премудрость, превышающая жребій смертныхъ, есть даръ Бога, возведшаго тебе на всероссійскій престолъ и наполняло насъ къ тебѣ благоговѣніемъ. Оно научило насъ больше, нежели сколько мы разсуждали, о пользѣ и нуждѣ всякаго состоянія въ Россіи, и тѣмъ паче располагало сердца наши ко всѣмъ любовію. Земледѣльцы, орошая землю потомъ, возрадуются, когда услышатъ, что государыня милостивымъ и матернимъ уваженіемъ награждаетъ ихъ труды. Они симъ больше возбудятся къ трудолюбію. Въ немъ мы видѣли соображенія пользъ, взаимно всякому служащихъ въ великомъ твоемъ государствѣ. Трудящіися въ сочиненіи проектовъ, слыша оное на-

чертаніе, наполнились понятіями ясными и высокими о законѣ. Мы, сіе воображая и разсуждая, удивляемся, сколь проницательны ваши мысли, сколь великъ разумъ, сколь святы понятія ваши, сколь вы неусыпны въ трудахъ.

«Собраніе гг. депутатовъ нечувствительнѣйшимъ бы осталось въ свѣтѣ, ежели бъ не поспѣшило принесть вашему императорскому величеству всеподданнѣйшей своей благодарности, и не опредѣлило бъ себя на прославленіе премудрости вашей. Но признаться должны, что мы оскудѣваемъ въ изобрѣтеніи не только способовъ, но и словъ, которыя бъ достойны были возвеличить и прославить вашу премудрость и труды. Мы все сіе наичувствительнѣйше признавая, будемъ сколько можно прославлять твое имя въ свѣтѣ. Вся Россія и свѣтъ вѣчнымъ будетъ проповѣдникомъ твоего величества и славы.

«Богъ, избравый и предуготовавый ваше величество возставить благополучіе Россіи, да пребудетъ премудростію, силою и благодатію своею съ тобою вовѣкъ; да умножитъ наше благополучіе умноженіемъ твоей жизни.

«Мы долгъ нашъ признаемъ, чтобъ слѣдовать онымъ премудрымъ вашимъ предписаніямъ и исполнить ожиданіе ваше. Мы на сіе всѣхъ себя опредѣляемъ».

Рѣчь эта напечатана въ Прибавленіи къ № 40 с.-петербургскихъ вѣдомостей 16 мая 1768 года.

111) Дѣла архива втораго отдѣленія. Дневныя записки большаго собранія коммиссіи; 184-я, 185-я и 189-я записки, 10, 12 и 27 ноября 1768 года.

Прибавленіе къ № 103 с.-петербургскихъ вѣдомостей, 23 декабря 1768 года.

112) Полное собраніе сочиненій Сумарокова. 2-е изд. 1787. Часть VI. О россійскомъ духовномъ краснорѣчіи, стр. 282—283. 277—284.

113) Изъ словъ и рѣчей Гавріила извѣстны въ печати слѣдующія, помѣщаемыя нами въ хронологическомъ порядкѣ:

1) Проповѣдь въ день рожденія императора Петра III, произнесенная 10 февраля 1762 года въ московскомъ успенскомъ соборѣ архимандритомъ Гавріиломъ. Озаглавлена однимъ только

словомъ: «проповѣдь»; подписана: «московской академіи ректоръ архимандритъ Гавріилъ». Напечатана въ прибавленіи къ № 13 московскихъ вѣдомостей, вторникъ, 12 февраля 1762 года. Полѣновъ, въ жизнеописаніи Гавріила (стр. 144), а за нимъ и авторъ обзора русской духовной литературы (стр. 143) называютъ эту проповѣдь словомъ на день вступленія на престолъ императора Петра III.

2) Слово въ высокоторжественный день коронованія благочестивѣйшія великія государыни нашея, императрицы Екатерины Алексѣевны, проповѣданное синодальнымъ членомъ, московской академіи ректоромъ, архимандритомъ Гавріиломъ. Печатано при императорскомъ московскомъ университетѣ. Сентября дня 1763 года.

3) Слово на день тезоименитства императрицы Екатерины II. Напечатано въ 1766 году. (Полѣновъ, стр. 144, № 8).

4) Слово при открытіи коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія, произнесенное въ Москвѣ 30 іюля 1767 года. Напечатано въ прибавленіи къ № 62 московскихъ вѣдомостей за 1767 годъ.

5) Слово въ торжественный день возшествія на всероссійскій престолъ имератрицы Екатерины Алексѣевны, проповѣданное Гавріиломъ, епископомъ тверскимъ, въ придворной петергофской церкви. 1770. Спб. (4). Такъ оно означено въ «росписи» Смирдина (стр. 41, № 530). У Сопикова (ч. IV, стр. 406, № 10. 498) оно названо:

Слово въ день возшествія на престолъ императрицы Екатерины II, пропов. Гавріиломъ, архіепископомъ с.петербургскимъ. Спб. 1770. (4). А у Полѣнова (стр. 144, № 9) оно обозначено такъ:

Слово въ день возшествія на престолъ императрицы Екатерины II, проповѣданное въ придворной петергофской церкви 1770 года: о правосудіи. Напечатано особо въ С.Петербургѣ въ 4 д. и въ числѣ поученій на воскресные и праздничные дни.

Слово *о правосудіи* помѣщено во второй части «Собранія

разныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни» 1776 года подъ такимъ заглавіемъ: «въ недѣлю третіюнадесять по пятдесятницѣ, о правосудіи», л. 58 об.—63. Въ рукописи петерб. духовн. акад. № 99 рукою Гавріила проповѣдь эта помѣчена такъ: *ego.*

6) Слово на высокоторжественный день коронованія всепресвѣтлѣйшія великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійскія, проповѣданное синодальнымъ членомъ Гавріиломъ, архіепископомъ с.петербургскимъ и ревельскимъ и архимандритомъ святотроицкаго александровскаго монастыря въ придворной церкви 1773 года. Въ С.Петербургѣ при императорской академіи наукъ (4).

7) Поученіе въ недѣлю св. пасхи: о плодахъ воскресенія Христова. Въ рукописи петерб духовн. акад. помѣчено: *mea.* Напечатано въ Собраніи поученій, 1776 года, ч. I, л. 98—99 об.

8) Поученіе въ недѣлю седьмую по пасхѣ: о согласіи и единодушіи. Въ рукописи помѣчено: *mea.* Напечатано въ собраніи поученій, ч. I, л. 133—137.

9) Поученіе въ недѣлю третью по пятдесятницѣ: о промыслѣ. Въ рукописи помѣчено: *ego.* Напечатано въ собраніи поученій, ч. II, л. 14—18

10) Поученіе въ недѣлю пятую по пятдесятницѣ: о пьянствѣ, коль пагубно піянство. Въ рукописи помѣчено: *ego.* Напечатано въ собраніи поученій, ч. II, л. 23—25 об.

11) Поученіе въ недѣлю двадцать третію по пятдесятницѣ: о злобныхъ. Въ рукописи помѣчено: *ego.* Напечатано въ собраніи поученій, ч. II, л. 98 об.—101 об.

12) Поученіе въ день воздвиженія креста Господня: о страстяхъ Христовыхъ. Въ рукописи помѣчено: *ego.* Напечатано въ собраніи поученій, ч. III, л. 31—34. об.

13) Поученіе въ день возшествія Екатерины на престолъ. Въ рукописи: «на возшествіе, о почтеніи и повиновеніи государю: *ego*». Въ собраніи поученій: «въ день возшествія ея императорскаго

величества на всероссійскій престолъ: о должности подданныхъ государю», ч. III, л. 43 об.—47 об.

14) Рѣчь, которою привѣтствовалъ Ея Императорское Величество первенствующій св. правительствующаго синода членъ, преосвященный Гавріилъ, архіепископъ новгородскій и с.петербургскій на новый 1776 годъ.

15) Слово въ день тезоименитства благочестивѣйшія и самодержавнѣйшія великія государыни императрицы Екатерины Алексіевны всея Россіи, проповѣданное въ придворной церквѣ, при высочайшемъ ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ присудствіи, св. правительствующаго синода членомъ, Гавріиломъ архіепископомъ новгородскимъ и с.петербургскимъ 24 ноября 1777 года. Въ С Петербургѣ, 1777 г. (4).

16) Слово при начатіи открытія с.петербургской губерніи по высочайшимъ учрежденіямъ императрицы Екатерины II, проповѣданное въ соборной церкви Рождества пресвятыя Богородицы, что при Невской перспективѣ, маія въ 19 день 1780 года. Напечатано въ типографіи сухопутнаго кадетскаго корпуса (4).

17) Поучительное слово, говоренное преосвященѣйшимъ Гавріиломъ, архіепископомъ новогородскимъ и с.-петербургскимъ при освященіи храма, минувшаго августа 8 дня, въ учрежденномъ въ здѣшней столицѣ для богадѣльныхъ домѣ. Напечатано въ прибавленіи къ № 71 с.-петербургскихъ вѣдомостей, пятница, 3 сентября 1781 года, стр. 553—556.

18) Слово на открытіе выборгскаго намѣстничества, говоренное въ церкви, св. правительствующаго синода членомъ, преосвященнымъ Гавріиломъ, митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ, генваря 13 дня 1784 года, въ Выборгѣ. Въ Санктпетербургѣ, напечатано у Шнора, 1784 года.

«Увѣщаніе отъ с. правит. синода члена, преосвященнаго Гавріила, архіепископа с.-петербургскаго и ревельскаго, къ народу, по причинѣ установленныхъ молитвъ о утоленіи тлетворнаго недуга въ Москвѣ 1771 года» — весьма краткое, всего нѣсколько строкъ, въ видѣ пастырскаго посланія. Напечатано въ изданіи

В. Рубана: Старина и новизна, состоящая изъ сочиненій и переводовъ прозаическихъ и стихотворныхъ, издаваемая почастно. Ч. I. СПБ. 1772. стр. 78—79.

Привѣтственныя рѣчи Гавріила, болѣе или менѣе краткія, помѣщались иногда въ тогдашнихъ петербургскихъ и московскихъ вѣдомостяхъ.

114) Рукопись петербургской духовной академіи. № 422. Въ самый новый годъ, л. 1.

115) Memoirs of the princess Daschkaw. I, 27.

116) Прибавленіе къ № 13 московскихъ вѣдомостей, 12 февраля 1762 года. Проповѣдь Гавріила, стр. 6 и 20 (листы не нумерованы).

117) Исторія русской церкви (преосвящ. Филарета). Періодъ пятый. 1848, стр. 80, примѣч. 136.

118) Сочиненія Ломоносова. 1847. Т. I, стр. 167 и др. Ода 17-я на возшествіе на престолъ (Петра III) и купно на новый 1762 годъ.

119) Ода на всерадостный день рожденія Его Величества благочестивѣйшаго государя Петра Θеодоровича, императора и самодержца всероссійскаго, и проч., и проч., и проч., сочиненная Иваномъ Барковымъ. Печатана въ С.-Петербургѣ. 1762. (4).

120) Ода Его Императорскому Величеству государю Петру Θеодоровичу, императору всея Россіи, въ день возшествія его на всероссійскій императорскій престолъ декабря 25 дня 1761. Отъ Александра Сумарокова. Печатано при сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ. (4).

121) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Т. XVI, стр. 3, № 11.582, манифестъ 28 іюня 1762 года.

122) Сочиненія Ломоносова. 1847. Т. I, стр. 170—ода на возшествіе на престолъ Екатерины II.

123) Исторія русской церкви. Періодъ пятый. 1848, стр. 169 — 170, примѣч. 268.

Сказаніе о жизни и трудахъ Гавріила, архимандрита Макарія, стр. 94.

124) Слово въ день тезоименитства Екатерины II, говоренное въ придворной церкви 24 ноября 1777 года, стр. 8—9.

125) Слово въ день тезоименитства Екатерины. 1777, стр. 8.—Слово въ день коронованія Екатерины. 1763. л. 2.— Слово на день коронованія Екатерины. 1773, стр. 9.

126) Собраніе поученій. 1776, ч. II, л. 58 об.—63.

127) Наказъ коммиссіи о составленіи проэкта новаго уложенія: ст. 43, 66, 200, 205, 222, 223, 84, 88, 67, 153. Сочиненія императрицы Екатерины II. 1849. Т. I, стр. 10, 13, 14, 17, 18, 33 — 34, 47 — 48, 50, 55.

128) Слово въ день тезоименитства Екатерины. 1777, стр. 9.—Слово на открытіе выборгскаго намѣстничества. 1784, стр. 7.

129) Сочиненія Екатерины II. Т. I, стр. 116. Наказъ, ст. 520.

130) Дѣла архива св. синода, 1772 года, № 108.—Постановленіе синода состоялось 15 марта 1772 года.

131) Рукопись петербургской духовной академіи, № 99, озаглавленная: «Собраніе словъ, проповѣданныхъ въ недѣльные и праздничные дни года», съ собственноручными поправками и приписками Гавріила. Въ этой рукописи находятся почти всѣ поученія, вошедшія въ составъ изданнаго синодомъ «Собранія разныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни», въ трехъ частяхъ, въ листъ, славянскимъ шрифтомъ. Первое изданіе этой книги вышло въ Петербургѣ въ 1775 году, второе — въ Москвѣ въ 1776 году, и впослѣдствіи она издаваема была нѣсколько разъ вслѣдствіе того, что синодъ «крѣпчайше предписалъ, дабы оныя поученія во всѣхъ, не минуя ни единой, церквахъ читаны были непремѣнно».

Въ академической рукописи, на помѣщенномъ въ началѣ спискѣ поученій, рукою Гавріила означены полатыни имена авторовъ. На основаніи помѣтокъ Гавріила, слѣдуетъ заключить, что изъ общаго числа 104 поученій, вошедшихъ въ составъ собранія, 9 принадлежатъ Златоусту, 12 — Миніату, 5 — Сорену, 5 — Мосгейму, 1 — Бурдалу, 37—Платону, 19 — Гедеону и 8 — самому Гавріилу, а 5 — отчасти Гавріилу, отчасти другимъ авторамъ.

132) Приносимъ живѣйшую благодарность Г. С. Дестунису, профессору греческой словесности въ петербургскомъ университетѣ, за доставленіе намъ подробныхъ біографическихъ свѣдѣній о Миніатѣ. Для знакомства съ Миніатомъ какъ съ писателемъ, могутъ служить изданныя въ Аѳинахъ на греческомъ языкѣ: Новогреческая литература или каталогъ книгъ, напечатанныхъ греками отъ паденія византійской имперіи до основанія греческаго королевства, составленный Андреемъ Пападопуломъ *Врето*. 2 части. 1854 — 1857 г. и Новогреческая литература — жизнеописанія прославившихся въ литературѣ грековъ отъ пресѣченія византійской имперіи до греческаго народнаго возрожденія (1453 — 1821); сочиненіе Константина Н. *Саѳы*, удостоенное преміи на литературномъ конкурсѣ 1867 года. 1868 г.

Νεοελληνικὴ φιλολογία, ἤτοι κατάλογος τῶν ἀπὸ πτώσεως τῆς Βυσαντινῆς αὐτοκρατορίας μέχρι ἐγκαθιδρύσεως τῆς ἐν Ἑλλάδι βασιλείας τυποθέντων βιβλίων παῤ Ἑλλήνων εἰς τὴν ὁμιλουμένην, ἢ εἰς τὴν ἀρχαίαν Ἑλληνικὴν γλῶσσαν, συντεθεὶς ὑπὸ Ἀνδρέου Παπαδοπούλου Βρετοῦ. Жизне-

описаніе Миніата находится въ I ч., на стр. 223—230, а свѣдѣнія о его трудахъ — подъ №№ 115, 168 и 173.

Νεοελληνικὴ φιλολογία. Βιογραφίαι τῶν ἐν τοῖς γράμμασι διαλαμψάντων Ἑλλήνων, ἀπὸ τῆς καταλύσεως τῆς Βυσαντίνῆς αὐτοκρατορίας μέχρι τῆς Ἑλληνικῆς ἐθνεγερσίας (1453—1821). Σύγγραμμα Κωνσταντίνȣ Ν. Σάθα. Жизнеописаніе Миніата—на стр. 394—397.

Ср. *Стурдзы:* Евгеній Булгарисъ и Никифоръ Θеотокисъ, предтечи умственнаго и политическаго пробужденія Грековъ. Изъ Москвитянина 1844 г., № 2.

133) Поученія во святую и великую четыредесятницу, сочиненныя и проповѣданныя епископомъ Иліею Минятіемъ кефалонитяниномъ, съ греческаго на россійскій языкъ Стефаномъ Писаревымъ переведенныя. 2 тома. 1759 и 1760. Посвященіе и предисловіе къ первому тому и предисловіе ко второму тому.

134) О Писаревѣ, сверхъ словарей Евгенія и Филарета, см. С. К. Смирнова: исторія московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 252 — 253.

135) Поученія въ четыредесятницу Писаревъ перевелъ въ 1741 году; появились они въ печати только въ 1759 году.

Въ 1773 году вышли въ переводѣ Писарева: Два слова поучительныя и четыре рѣчи похвальныя, сочиненныя и говоренныя Минятіемъ на итальянскомъ языкѣ.

Въ 1783 году вышелъ Камень соблазна въ русскомъ переводѣ того же Писарева.

Въ 1854 году изданъ Камень соблазна, сочиненіе Иліи Минятія, переводъ съ новогреческаго языка профессора петербургской духовной академіи Евграфа Ловягина.

136) Переводъ передаетъ содержаніе подлинника съ весьма значительными сокращеніями и уклоненіями; для образца приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ Бурдалу и Сорена. Изъ Бурдалу заимствовано поученіе въ недѣлю двадцать четвертую по пятдесятницѣ — о торжествѣ вѣры (собраніе поученій, изд. 1746 года, ч. II, л. 102—104 об.): Oeuvres completes de Bourdaloue. Versailles. 1812. t. XIV. La foi victorieuse du monde. p. 139 — 149. — Два поученія въ недѣлю двѣнадцатую по пятидесятницѣ, первое — о слѣдствіяхъ худаго воспитанія дѣтей, и второе — о правилахъ воспитанія (собр. поученій, II, л. 50 об. — 58) заимствованы изъ проповѣди Сорена: ср. Sermons sur divers textes

de l'ecriture sainte par Jacques Saurin. Lausanne. 1759. t. X. Sermon I. Sur les suites funestes d'une mauvaise éducation p. 1 — 33.

Bourdaloue (p. 139—140).	**Собраніе поученій** (II, 102—103).
Les erreurs du monde nous séduisent, ses douceurs nous corrompent, et ses rigueurs ou ses persécutions nous inspirent une crainte lâche, et nous tyrannisent par un respect humain dons nous ne pouvons presque nous défendre. Or la religion, je dis la vraie religion, qui est la religion chretienne, nous élève audessus de tout cela, et nous en rend victorieux....	Заблужденія міра сего насъ обольщаютъ, прелести его растлѣваютъ, а строгости или гоненія вдыхаютъ въ насъ подлый страхъ, но истинная христіанская вѣра возноситъ насъ выше сихъ искушеній и даетъ намъ надъ оными побѣду....
Le monde est rempli d'erreurs et même d'erreurs les plus sensibles et le plus grossieres. Ce sont mille fausses maximes dont il se fait autant de vérités prétendues, et autant de principes incontestables.	Когда удаливши себя отъ предубѣжденій, сдѣлаемъ вниманіе къ разсужденіямъ, какія міръ имѣетъ о вѣрѣ, мы ихъ найдемъ грубыми и несносными. Онъ предполагаетъ себѣ тысячу правилъ, выводя ихъ изъ страстей, которымъ онъ порабощенъ, и дѣлаетъ столь вредныя изъ того заключенія, сколько его страсти вредны для его самого и для другихъ.
Quelles sont, par exemple, les maximes de tant de mondains ambitieux, qui mettent la fortune à la tête de tout, et qui,	Гордый, который счастіе свое поставляетъ цѣлію всѣхъ своихъ дѣлъ, и стремясь къ нему не внимаетъ, способенъ ли

se la proposant comme leur fin, concluent qu'il y faut parvenir à quelque prix que ce puisse être?

онъ исполнить какую должность, не будетъ ли вреденъ другимъ; онъ силится только возвыситься всѣми способами, хотя бы они пребеззаконны были и превредны.

Quelles sont les maximes de tant de mondains intéressés, qui se font de leurs richesses une divinité, et qui, pensant ne valoir dans la vie qu'à proportion de ce qu'ils possèdent, regardent le soin d'amasser et de grossir leurs revenus comme une affaire capitale à laquelle toutes les autres doivent céder?...

Сребролюбецъ, дѣлая изъ своего богатства идола, полагаетъ свое блаженство въ томъ, когда оно возрастаетъ, не почитая своею должностію вспомоществовать другимъ....

Voilà les règles de conduite que suit le monde, et où il se croit bien fondé. Qui voudrait en appeler et les contredire, passerait pour un esprit faible, sans connaissance, et, si je l'ose dire, pour un imbécille qui n'est bon à rien, pour un insensé. Ce sont néanmoins des règles, ce sont des maximes où l'on ne voit, à les bien examiner, ni saine raison, ni humanité, ni charité, ni honnêteté, ni probité, ni bonne foi, ni justice, ni équité.

Вотъ начала, на какихъ себя основываетъ міръ! Кто жъ можетъ сему спорить, ибо подвержено симъ безчестнымъ правиламъ великое множество: они однимъ крикомъ заставятъ добродѣтельныхъ молчать, хотя въ нихъ нѣтъ ни здраваго разума, ни человѣчества, ни честности, ни вѣры.

Saurin (p. 9 — 11).

Negliger l'éducation de ses

Собраніе поученій (II, 51 об.—52).

Не радѣть о воспитаніи дѣ-

enfans, c'est refuser de remedier à ces semences de corruption, qu'ils puisent dans notre sein... Verrons nous de sang froid nos enfans dans l'abime où nous les avons plongés? Aurons nous fait le mal, et ne travaillerons-nous pas à y remedier? Et ne pouvant les faire naître innocens, ne travaillerons-nous pas à les rendre tels? Ah! victimes de ma corruption, malheureux héritiers des crimes de vos peres, créatures innocentes, qui ne venez au monde que pour souffrir; il me semble que je dois me reprocher toutes les douleurs que vous endurez, toutes les larmes que vous versez, tous les soupirs que vous poussez. Il me semble, que tous les cris que vous faites, sont autant de reproches contre mes rebellions et mes injustices. Du moins il est juste, qu'en reconnaissant la cause du mal, je m'employe à le reparer et que je travaille à refondre votre nature en travaillant à renouveller la mienne.... Quel héritage sommes nous capables de leur laisser? Des titres? Ce ne sont souvent que de vains sons destitués de sens et de vérité. Des richesses? Elles ont souvent

тей есть не хотѣть поправить въ нихъ тѣ худыя склонности, которыя они получили отъ самыхъ родителей.... И когда они то получили отъ родителей, то можно ль имъ смотрѣть на сіе съ холодностію, и, не могши ихъ родить невинными, не трудиться сдѣлать ихъ добродѣтельными. Вы должны почитать себя причиною всѣхъ болѣзней, которыя младенцы претерпѣваютъ, всѣхъ слезъ, которыя проливаютъ, всѣхъ воздыханій, которыя испускаютъ. Они неповинные, но вы наградите ихъ несчастіе, возобновляя ихъ природу вашими примѣрами и наставленіями святыми.... Какое наслѣдіе вы хотите имъ оставить? Знатныя ли титла? Но оныя часто не иное что, какъ пустой звукъ. Богатства ли? Но они часто вредятъ или оставляютъ человѣка въ бѣдности. Достоинства ли? Но оныя часто смѣшены съ горестію. Изготовьте вы имъ святое воспитаніе, благочестіе, страхъ Господень: сіе то есть самое лучшее наслѣдіе!

des ailes qui nous enlevent à nos yeux. Des dignités? Elles sont souvent mêlées d'amertumes, qui empoisonnent toutes leurs douceurs. Mais, une sainte éducation, mais la pieté, mais la crainte du Seigneur; voilà le plus bel héritage, voilà la plus digne succession, que nous puissions laisser à notre famille.

137) Сочиненія Кострова, изд. Смирдина. 1849, стр. 151—163.
И. М. Снегирева: Жизнь митрополита Платона. 1856, ч. II, стр. 105 — 106.

138) Oeuvres complètes de Voltaire. 1785. t. XXXIX. Dictionnaire philosophique, p. 512: L'eglise grecque en Russie a pris depuis peu une consistance beaucoup plus respectable depuis que l'impératrice Catherine II l'a delivrée du soin de son temporelle.... Elle a aujourd'hui un prédicateur nommé Platon, qui a fait des sermons que l'ancien Platon grec n'aurait pas désavoués.

139) Въ рукописи петербургской духовной академіи, № 99, въ перечнѣ словъ, при шести изъ нихъ помѣчено рукою Гавріила: *ego*, при двухъ— *mea* (см. примѣч. 113), а при пяти слѣдующихъ такія помѣтки его: въ четвертокъ (страстной недѣли) о вечери и причащеніи, и въ недѣлю тридцатую о суетѣ — *Chrisostomus et ego;* въ недѣлю ѳомину о мирѣ и о враждѣ—*Miniat. ego;* въ недѣлю двадцать восьмую о званіи къ должностямъ — *Soren ego;* на преображеніе о славѣ небесной — *ego Gesner.*

Изъ числа тринадцати словъ, вполнѣ или отчасти принадлежащихъ Гавріилу и напечатанныхъ въ собраніи поученій, десять находятся въ рукописи петербургской духовной академіи; не находятся же въ этой рукописи слѣдующія три: въ недѣлю седьмую по пасхѣ, въ недѣлю тридцатую по пятидесятницѣ и въ день возшествія Екатерины II на престолъ.

140) Ср. Oeuvres complètes de Marmontel. Paris. 1819. Tome troisième. 1-re partie. p. 207 — 300. Bélisaire. Къ изданію Велисарія приложены Lettres relatives à Bélisaire. Въ числѣ этихъ писемъ помѣщены: три письма Мармонтеля къ Екатеринѣ; отвѣтъ Екатерины Мармонтелю на его первое письмо; письмо Бецкаго къ Мармонтелю; два письма князя

Голицына къ Мармонтелю; письмо къ Мармонтелю русскихъ переводчиковъ Велисарія и отвѣтъ имъ Мармонтеля.

Oeuvres de Marmontel. Tome premier, 1-re partie. Mémoires d'un père pour servir à l'instruction de ses enfans. Livre huitième, p. 260—268 и др.

Oeuvres de M. Turgot Paris. 1810. T. IX. Les trente-sept vérités opposées aux trente-sept impiétés de Bélisaire, p. 299—338.

Histoire de l'université de Paris au XVII et au XVIII siècle, par Charles Jourdain. Paris. 1862. p. 435—436.

Сборникъ русскаго историческаго общества. 1872. Томъ десятый, стр. 187—188, 268—270. Черновыя собственноручныя письма Екатерины къ Мармонтелю.

141) О графѣ Андреѣ Петровичѣ Шуваловѣ см. Сборникъ матеріаловъ для исторіи императорской академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, издалъ А. Куникъ. 1865. Ч. I, стр. VIII и 201—223.

Ср. Le dernier volume des oeuvres de Voltaire. Paris. 1862. Lettres inédites. p. 381: A l'égard des deux puissants amis couronnés que vous me supposez, vous me faites bien de l'honneur. Il est vrai que ses deux personnes singulières ont non seulement beaucoup d'esprit, mais beaucoup de génie. Il est vrai encore que la cour de Pétersbourg est le plus étonnant phénomène de ce siècle. Il est d'ailleurs fort agréable pour un français de savoir qu'on y parle notre langue aussi bien qu'à Versailes. Je chercherai dans mes paperasses l'épître à Ninon du jeune comte de Showaloff, chambellan de l'impératrice. M. Durey voudra bien avoir la bonté de la transcrire et je vous l'enverrai. Vous serez étonné de n'y pas trouver une faute de langage et d'y voir beaucoup de vers dignes de vous.—Письмо писано къ M. (Morsan?) 12 ноября 1773 года.

Русская старина. 1871. T. IV. Ноябрь, стр. 571—572. М. Н. Лонгинова: Русскіе писатели XVIII столѣтія. XIII. Сергѣй Матвѣевичъ Кузминъ.

О Волковѣ см. Русская старина. 1874, январь, стр. 163—174.

142) Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1872. T. VII, стр. 31.

143) О содержаніи и слогѣ Екатерининскаго перевода можно судить по слѣдующему отрывку:

Bélisaire (Oeuvres de Mormontel, III, I, p. 244—245, 247).	**Велизеръ**. (стр. 104—105 и 113—114).
Un secret que l'on cache aux monarques superbes, et qu'un	Тайность, которую скрываютъ отъ гордыхъ монарховъ, и

bon prince est digne de savoir, c'est qu'il n'y a d'absolu que le pouvoir des lois, et que celui qui veut régner arbitrairement est esclave. La loi est l'accord de toutes les volontés réunies en une seule: sa puissance est donc le concours de toutes les forces de l'Etat. Aulieu que la volonté d'un seul, dès qu'elle est injuste, a contre elle ces mêmes forces qu'il faut diviser, enchaîner, détruire, affaiblir ou combattre. Alors les tyrans ont recours, tantôt à des fourbes qui en imposent aux peuples, les étonnent, les épouvantent et leur ordonnent de fléchir; tantôt à de vils satellites, qui vendent le sang de la patrie, et qui vont, le glaive à la main, tranchant les têtes qui s'élèvent audessus du joug et qui osent réclamer les droits de la nature. De là ces guerres domestiques, où le frère dit à son frère: meurs ou obéïs au tyran qui me paie pour t'egorger. Fier de régner par la force des armes ou par les effrayans prestiges de la superstition, le tyran s'applaudit; mais qu'il tremble, s'il cesse un moment de flatter l'orgueil ou d'autoriser la licence de ses parti-

которую добронравный государь знать достоинъ, есть та, что нѣтъ самовластія кромѣ власти законовъ, и что тотъ, который по своей волѣ царствовать хочетъ, есть невольникъ. Законъ есть соединеніе согла-шенныхъ хотѣній въ одно, слѣдовательно власть его содѣйствіе всѣхъ силъ государства. Напротиву того воля одного, когда она несправедлива, имѣетъ противъ себя тѣже самыя силы, кои должно раздѣлить, обуздать, разрушить или побѣдить. Тогда тираны прибѣгаютъ, то къ льстецамъ, кои прельщаютъ народъ, удивляютъ его, устрашаютъ и повелѣваютъ покориться; то къ подлымъ душамъ, кои, продавая кровь отечества и ходя съ мечемъ въ рукахъ, отрубаютъ головы, свергающія съ себя иго и смѣющія призывать въ помощь права естественныя. Оттуда междуусобныя брани, гдѣ братъ брату говоритъ: умри или покорись мучителю, который мнѣ даетъ плату, чтобъ тебя умертвить. Тиранъ, гордясь, что царствуетъ силою оружія или страшными ослѣпленіями суевѣрія, похваляетъ самъ себя. Но да трепещетъ, если хотя

sans dangereux. En le servant, ils le menacent; et pour prix de l'obéïssance ils exigent l'impunité. Ainsi, pour être l'oppresseur d'une partie de sa nation, il se rend l'esclave de l'autre, bas et lâche avec ses complices, autant qu'il est superbe et dur pour les restes de ses sujets. Qu'il se garde bien de gêner ou de tromper dans son attente les passions qui le secondent; il sait combien elles sont atroces, puisqu'elles ont pour lui rompu tous les liens de la nature et de l'humanité....... S'étudier soi-même, étudier les hommes; pour être mieux instruit donner de toutes parts un libre accès à la lumière; en détestant une délation sourde, encourager, protéger ceux qui lui dénoncent hautement les abus commis en son nom: voilà ce que j'appelle aimer la vérité, et c'est ainsi que l'aimera un prince bien persuadé qu'il ne peut être grand qu'autant qu'il sera juste.

на мгновеніе ока престанетъ льстить гордости или подкрѣплять своевольства опасныхъ своихъ участниковъ. Служа ему, они ему грозятъ, и въ заплату послушанія требуютъ упущенія. И такъ, чтобъ угнетать одну часть народу, дѣлается онъ невольникомъ другой; столь низокъ и подлъ съ сообщниками своими, сколько пышенъ и суровъ съ прочими своими подданными. Да стережется онъ неволить или обманывать въ ихъ ожиданіи тѣ страсти, кои ему вспомогаютъ. Онъ знаетъ, сколько они люты, понеже для него они разрушили всѣ союзы естества и человѣчества.... Познавать самого себя, познавать людей; а для лучшаго познанія давать со всѣхъ сторонъ свободный ходъ просвѣщенію; имѣя въ омерзеніи неосновательные доносы, ободрять и защищать тѣхъ, кои открываютъ явно злоупотребленія, именемъ его учиненныя: сіе-то называю я любовію къ истинѣ, и симъ-то образомъ будетъ любить ея государь, который увѣренъ, что онъ не можетъ быть великимъ какъ по мѣрѣ его правосудія.

144) Ср. Biographie universelle, ancienne et moderne. Supplément. Paris. 1838. t. 65, p. 5—6: *Gabriel*, archeveque et métropolitain de S. Pétersbourg, fut un des prélats les plus éloquents de et les plus insruits l'église russienne. Il savait nou seulement le grec et le latin, mais il parlait avec facilité plusieurs langues européennes. Prédicateur distingué, il s'acquit encore une grande réputation par ses ouvrages théologiques et littéraires dont la plupart furent imprimés à Saint-Pétersbourg. L'élégance et la pureté du style, la noblesse des sentiments, la profondeur des idées, caractèrisent toutes ses productions. On estime particulièrement les ouvrages qu'il a composé à l'usage des gymnases. Mais ce qui a lui fait beaucoup d'honneur, c'est sa traduction de *Bélisaire sur le Volga*, qui, dès son apparition, lui valut les suffrages les plus flatteurs. Le prince impérial (depuis Paul I-er), en témoignant la satisfaction que cette lecture lui avait fait éprouver, écrivait à l'auteur: «nous sommes bien convaincus que cet ouvrage a dû plaire à votre éminence, parceque vos pensées et vos vertus ne diffèrent en rien de celles de Bélisaire». — Статья подписана: P — rt (т. е. Philbert). — Въ томъ же видѣ напечатана она въ Biographie universelle (Michaud) ancienne et moderne. Nouvelle édition. Paris. 1856. t. XV, p. 324.—Ср. Тамъ же. T. I. 1843, стр. IX: Quand à la partie *bibliographique*, mm. Pillet, Beuchot, de Fortia, Lefebvre et *Philbert* l'ont successivement traitée, revue et complétée dans tous les volumes de la première édition.

Касательно извѣстности Гавріила заграницею замѣтимъ, что въ Русскомъ архивѣ (1864, выпускъ второй, стр. 213, примѣч. 31) сказано: «митрополитъ Гавріилъ пользовался особеннымъ уваженіемъ Екатерины, которая *часто* упоминаетъ о немъ въ своихъ письмахъ Вольтеру». Но ни въ одномъ изъ изданныхъ писемъ Екатерины къ Вольтеру не упоминается о Гавріилѣ, хотя въ нихъ говорится о нѣкоторыхъ лицахъ изъ нашего духовенства: о Димитріѣ Сѣченовѣ; о Платонѣ; объ Амвросіи, убитомъ во время чумы; объ Арсеніи Мацѣевичѣ, протестовавшемъ противъ отобранія церковныхъ имуществъ; о епископѣ, изъявившемъ желаніе привить себѣ оспу, и т. п. Даже въ письмѣ къ Вольтеру изъ Казани отъ $^{18}/_{29}$ мая, въ которомъ идетъ рѣчь о переводѣ Велисарія, нѣтъ ни слова о Гавріилѣ, хотя самое содержаніе письма располагало упомянуть о лицѣ, которому посвящалась переведенная книга.

145) Велизеръ, сочиненія господина Мармонтеля, члена французской академіи, переведенъ на Волгѣ. Печатанъ при императорскомъ московскомъ университетѣ 1768 года. Подписи:

Сіе (т. е. посвященіе Гавріилу) сочинялъ дѣйствительный камергеръ и ордена святыя Анны кавалеръ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ.

Сіе предисловіе переводилъ статскій дѣйствительный совѣтникъ и ордена бѣлаго орла кавалеръ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.

Сію первую главу переводилъ Иванъ же Перфильевичъ Елагинъ, который и предисловіе переводилъ.

Сію вторую главу переводилъ генералъ и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ, военной коллегіи вице-президентъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ.

Сію третью главу переводилъ статскій дѣйствительный совѣтникъ и ордена святыя Анны кавалеръ Сергѣй Матвѣевичъ Козминъ.

Сію четвертую главу переводилъ тотъ же Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.

Сію пятую главу переводилъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, надъ фортификаціями генералъ-директоръ, кавалергардскаго корпуса шефъ, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, лейб-гвардіи коннаго полку подполковникъ, канцеляріи опекунства иностранныхъ президентъ, и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ.

Сію шестую главу переводилъ статскій дѣйствительный совѣтникъ и мануфактуръ коллегіи президентъ, Дмитрій Васильевичъ Волковъ.

Сію седьмую главу переводилъ Ея Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ.

Сію осьмую главу переводилъ Алексѣй же Васильевичъ Нарышкинъ.

Сію девятую главу изволила переводить Ея Императорское Величество.

Сію десятую главу переводилъ тотъ же Дмитрій Васильевичъ Волковъ.

Сію одиннадцатую главу переводилъ тотъ же Дмитрій Васильевичъ Волковъ.

Сію двѣнадцатую главу переводилъ тотъ же Дмитрій Васильевичъ Волковъ.

Сію третьюнадесять главу переводилъ генералъ-поручикъ, лейб-гвардіи измайловскаго полку маіоръ и ордена св. Анны кавалеръ Александръ Ильичъ Бибиковъ.

Сію четвертуюнадесять главу переводилъ полковникъ князь Семенъ (Борисовичъ) Мещерскій.

Сію пятуюнадесять главу переводилъ Ея Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ, с.-петербургской академіи наукъ директоръ, лейбгвардіи поручикъ, графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ.

Сію шестуюнадесять главу переводилъ коллежскій совѣтникъ Григорій Васильевичъ Козицкій.

Такъ же точно обозначены имена переводчиковъ каждой главы и автора посвященія въ коллективномъ письмѣ переводчиковъ къ Мармонтелю отъ 11 сентября 1768 года (Oeuvres de Marmontel. III, I, 304 — 305). Это же самое, коллективное, письмо, подписанное всѣми переводчиками, издано въ Сборникѣ русскаго историческаго общества (Т. X. 1872, стр. 268 — 270) подъ именемъ письма одной Екатерины, и отнесено къ 1767 году; имена переводчиковъ нѣкоторыхъ главъ означены невѣрно: переводъ Чернышева приписанъ Елагину, переводъ Григорія Орлова — Волкову, и т. п.

146) Recueil des lettres de Voltaire et de l'impératrice de Russie; de l'impératrice, le $^{18}/_{29}$ mai 1767, p. 25: «pour faire l'essai de cette traduction, on l'a lue à deux personnes qui ne connaissaient point l'original. L'un s'écria: qu'on me crève les yeux pourvu que je sois *Bélisaire*, j'en serai assez récompensé; l'autre dit: si cela était, j'en serais envieux.

147) Въ прибавленіи къ № 41 с.-петербургскихъ вѣдомостей, 22 мая 1767 года, говорится о посѣщеніи Екатериною Гавріила въ его загородномъ домѣ: «восхищенный симъ всемилостивѣйшимъ снисхожденіемъ хозяинъ все употребилъ къ изъявленію раболѣпныя своея благодарности, и простымъ, но пріятнымъ угощеніемъ вдругъ засвидѣтельствовалъ и кротость естественнаго своего характера, и отличность сана, и великолѣпіе оному приличное». Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, подъ 1 мая 1767 года (стр. 97 — 98), записано о томъ же: «по прибытіи въ оный домъ встрѣтилъ Ея Величество преосвященный и съ нимъ знатное духовенство, и Ея Величество проходила въ келліи, въ которыхъ убранъ былъ съ пристойною великолѣпностію десертомъ столъ, и изволила кушать кофею, и находящіяся въ свитѣ персоны подчиваны были разными виноградными винами и фруктами. Въ продолженіе Ея Величество высочайшаго своего присутствія продолжала время въ разговорахъ, и побывъ съ часъ времени, изволила имѣть отсутствіе при засвидѣтельствованіи его преосвященству высочайшаго своего удовольствія».

148) Прибавленіе къ № 39 московскихъ вѣдомостей 1767 года и прибавленіе къ № 41 с.-петербургскихъ вѣдомостей тогоже года. № 3. Продолженіе повсядневной записки походу Ея Императорскаго Величества въ Казань.—Камеръ-фурьерскій журналъ 1767 года, подъ 2 мая, стр. 99.

149) Сумарокова: Стихотворенія духовныя и Дополненіе къ духовнымъ стихотвореніямъ. Въ концѣ книги: «Духовныя стихотворенія въ двухъ доляхъ и сія третья доля отпечатаны въ 1774 году при императорской академіи наукъ въ С.-Петербургѣ». Духовныя стихотворенія и дополненіе къ нимъ посвящены Сумароковымъ членамъ св. синода: Га-

вріилу, архіепископу с.-петербургскому; Иннокентію, архіепископу псковскому, и Платону, архіепископу тверскому.

150) Слово въ день коронованія Екатерины II. 1773, стр. 5—8.

151) Рукопись архива конференціи академіи наукъ: Protocolla pro anno 1776. № 77. Assemblée extraordinaire convoquée chez m. le directeur le mardi 27 decembre 1776... M. le directeur notifia qu'il proclamera dans l'assemblée solemnelle du jubilé les membres honoraires régnicoles suivans: 1) S. E. Msgr. l'archévêque de Novogorod et de S.-Pétersbourg *Gabriel* etc.—№ 78. Assemblée solemnelle du jubilé demi-séculaire tenue le jeudi 29 decembre 1776... M. le directeur termina la séance par proclamer les membres honoraires régnicoles etc.—Въ тотъ же день провозглашены почетными членами академіи наукъ: великій князь Павелъ Петровичъ, а также Румянцовъ-Задунайскій, Потемкинъ, Н. И. Панинъ, князь Мих. Щербатовъ и др.

152) Записки россійской академіи: Засѣданіе 25 ноября 1786 года, л. 108—108 об.—Засѣданіе 14 декабря 1790 года, л. 210 об.

Словарь академіи россійской. 1790. Ч. II, стр. VII и свѣдѣнія о трудахъ по словарю, помѣщенныя при каждомъ изъ слѣдующихъ томовъ словаря.

153) Записки россійской академіи. Засѣданіе 1 іюня 1784 года, л. 45.—Засѣданія 7 августа и 11 сентября 1798 года, л. 20 об. и 24.

154) Записки россійской академіи. Засѣданія: 18 ноября 1783 года, л. 22 об. — 5 декабря 1791 года, л. 238 об. — 6 марта 1792 года, л. 4 об.—5 августа 1794 года, л. 67 об.

155) Записки россійской академіи. Засѣданіе 28 октября 1783 года, л. 12 — 12 об.

156) Записки россійской академіи. Засѣданія: 8 августа 1786 года, л. 97 об. и 26 октября 1790 года, л. 203 об.

157) Записки россійской академіи. Засѣданіе 9 марта 1787 года, л. 115.

158) Записки россійской академіи. Засѣданія: 22 октября 1793 года, л. 51—51 об.—3 декабря 1793 года, л. 53 об.

Церковный словарь П. Алексѣева. 1773, стр. 293 (четвертое изд. 1819. Ч. IV, стр. 62): *свузы*—орудіе воинское, выметывающее изъ себя всякаго рода стрѣлянія, напримѣръ камни и проч. полат. съ греч. catapulta, т. е. самострѣлъ, миханы. Іезек. XIII, п.—Въ Библіи, напечатанной въ Москвѣ въ 1759, четвертымъ по исправленіи изданіемъ, это мѣсто пророка Іезекіиля читается такъ: «и дамъ каменіе стрѣлное въ *свузы* ихъ, и падутся», а въ позднѣйшихъ изданіяхъ, какъ напр. въ Библіи,

изд. въ Петербургѣ въ 1824 году,—«и дамъ каменіе стрѣлное *въ связи* ихъ, и падутся».

159) Записки россійской академіи. Засѣданія: 10 августа 1794 года, л. 69 об. и 27 января 1795 года, л. 75.

160) Записки россійской академіи. Засѣданія: 6 ноября 1787 года, л. 135.—3 февраля 1787 года, л. 114 об.—18 ноября 1783, л. 25 об.

161) Записки россійской академіи. Засѣданія: 18 ноября 1783 года, л. 24 об. — 5 октября 1784 года, л. 52 об. — 10 декабря 1785 года, л. 78 об.—12 іюня 1787, л. 122.—12 сентября 1786, л. 100.

162) Записки россійской академіи. Засѣданія: 12 сентября 1786, л. 100 об.—9 октября 1787 года, л. 130.

163) Записки россійской академіи. Засѣданія: 13 декабря 1791 года, л. 239 и 27 декабря 1791 года, л. 243 об.—244.

164) Записки россійской академіи. Засѣданіе 20 марта 1792 года, л. 5 об.

165) Записки россійской академіи. Засѣданіе 7 августа 1792 года, л. 25.

166) Записки россійской академіи. Засѣданіе 25 ноября 1786 года, л. 110 об. — 111.

167) Ср. Сказаніе о жизни и трудахъ преосвящ. Гавріила, архим. Макарія, стр. 101. — Русскій вѣстникъ. 1868. Апрѣль. Изъ прошлаго, стр. 459—462.—Также устныя преданія.

168) Записки россійской академіи. 1801 годъ. Засѣданіе 16 февраля, л. 13—13 об.

169) Записки россійской академіи: 1804 года, засѣданіе 27 августа, л. 197 об.—198.—1808 года, 29 августа, л. 242—242 об.

170) Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія при московскомъ университетѣ. 1774, ч. I, стр. IX.

171) Записки россійской академіи. Засѣданія: 25 ноября 1786 года, л. 106 об,—14 декабря 1790 года, л. 208 об.—209.

172) Свѣдѣнія о жизни и трудахъ Дамаскина Семенова-Руднева находятся въ слѣдующихъ изданіяхъ и сочиненіяхъ:

Древняя россійская вивліоѳика. 1791. Изданіе второе. Ч. XVIII, стр. 100 — 105. Извѣстіе о Дамаскинѣ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о его предшественникахъ по нижегородской епархіи помѣщено въ вивліоѳикѣ въ ряду другихъ свѣдѣній, историческихъ и статистическихъ, относящихся къ Нижнему-Новгороду и къ

его епархіи или найденныхъ въ нижегородской семинарской библіотекѣ: жизнеописаніе Палладія Роговскаго, и т. д.

Изъ древней россійской вивліоѳики дословно выписана указанная статья о Дамаскинѣ въ Матеріалахъ къ словарю писателей, митрополита Евгенія, поступившихъ изъ древлехранилища Погодина въ публичную библіотеку. т. I.

Митрополита Евгенія: Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. 1827. т. I, стр. 106—110.

Смирнова: Исторія московской славяно-греко-латинской академіи. 1857. стр. 353—354.

Чистовича: Исторія с.-петербургской духовной академіи. 1857, стр. 62—67.

Филарета, архіеп. черниговскаго: Обзоръ русской духовной литературы. 1863. кн. II, стр. 119—121.

А. И. Забѣлина: Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II — статья въ Вѣстникѣ Европы, 1873 года, ноябрь, стр. 300 — 317. Въ статьѣ этой сдѣлано нѣсколько извлеченій, касающихся Семенова-Руднева, изъ дѣла архива св. синода, № 361.

173) Свѣдѣнія о геттингенскомъ университетѣ и о жизни и ученой дѣятельности его профессоровъ можно найти въ слѣдующихъ трудахъ:

Versuch einer academischen gelehrten-geschichte von der Georg-Augustus-universität zu Göttingen, vom geheimen justizrath *Pütter*, fortgesetzt vom professor *Saalfeld*. Три части: первая вышла въ 1765 году, вторая въ 1788, третья въ 1820 году.

Die göttinger gelehrten anzeigen während einer hundertjährigen wirksamkeit für philosophie, schöne literatur, politik und geschichte, von Heinrich Albert *Oppermann*. Hannover. 1844.

Die gründung der universität Göttingen. Eine sammlung bisher ungedruckte entwürfe, berichte und briefe.... zur geschichte des deutschen wissenschaftlichen lebens im XVIII jahrhundert, von Dr. Emil F. *Rössler*. Göttingen. 1855.

174) Древняя россійская вивліоѳика. 1791, ч. XVIII, стр. 101.

175) Дѣло архива св. синода, № 361, л. 9—10, подъ такимъ заглавіемъ: «№ 163-й 1772 года августа 10 дня. По именному указу, чтобъ коммиссія духовная, по возвращеніи изъ Англіи и изъ разныхъ нѣмецкихъ университетовъ здѣшнихъ семинаристовъ, приглася къ себѣ ученыхъ людей, экзаменовала оныхъ въ успѣхахъ».

176) Zeitgenossen. Biographien und charakteristiken. 1816. Ersten bandes zweite abtheilung. s. 179—207: Johann Christoph. Gatterer, von Carl August Malchus. Mit einer einleitung des herausgebers.

Göttinger professoren. Ein beitrag zur deutschen cuttur- und literärgeschichte. 1872. Göttinger historiker von Köhler bis Dahlmann, von professor Dr. Waitz. s. 237—238.

177) Дѣло архива св. синода, № 361, л. 71—72 об. — Переводъ Семенова-Руднева помѣщенъ во второй части книги Гаттерера: Einleitung in die synchronistische universalhistorie. Von Philipp und Alexander M. bis auf unsere zeiten. 1771. стр. 979—1000.

178) August Ludwig Schlözer's öffentliches und privat-leben, von ihm selbst beschrieben. s. 43—48, 253—255.

179) Дѣло архива св. синода, № 361, л. 90—91.

180) Lehrbuch der praktischen philosophie, von Johann Georg Heinrich Feder. 1775. — I, 271 — 278, 233 — 239. — II, 16, 119 — 120, 223 — 224.

J. G. H. Feder's leben, natur und grundsätze. 1825. s. 286—290.

181) Проповѣди архимандрита и московской академіи ректора Дамаскина. 1783, стр. 33—34, 25, 118—119.

182) Versuch einer allgemeinen geschichte der literatur, von Ludwig Wachler. 1793.—I, 59.

183) Древняя россійская вивліоѳика. 1791, ч. XVIII, стр. 104.

184) Дѣло архива св. синода, № 361, л. 10.

185) Изъ тридцати двухъ частей журнала историческаго института шестнадцать изданы подъ названіемъ всеобщей исторической библіотеки и шестнадцать подъ названіемъ историческаго журнала:

Allgemeine historische bibliotek von mitgliedern des königlichen instituts der historischen wissenschaften zu Göttingen, herausgegeben von Johann Christoph *Gatterer*. XVI bände. 1767—1771.

Historisches journal von mitgliedern des königlichen historischen instituts zu Göttingen, von J. Chr. *Gatterer*. XVI bände. 1772—1781.

Письмо изъ Петербурга отъ $^{2}/_{13}$ іюня 1767 года съ рѣчью Миллера помѣщено въ V-й книжкѣ Allgemeine historische bibliothek (стр. 280 — 340).

186) Дѣло архива св. синода, № 361, л. 69—70 об. Дипломъ, выданный Семенову-Рудневу:

Augustissimi Britanniarum Regis Georgii III auspiciis.

Institutum regium historicum goettingense, cujus sodales tam auxiliatrices historiae disciplinas, chronologiam, geographiam,

genealogiam, heraldicam, numismaticam et diplomaticam, quam omnis generis historiam, civilem, sacram, litterariam, artificialem et naturalem uberius excolere student, eamque ob causam in colligendis societatisque museo inferendis rebus naturalibus, mappis geographicis, insignibus gentiliciis, gemmis, numis aliisque monimentis, sigillis antiquis et recentioribus, monogrammatibus, diplomatibus cum autographis, tum aere vel penicillo expressis ceterisque ad diplomaticam et ad elegantiores etiam artes pertinentibus rebus occupantur; omnes eos, quorum favore, doctrina studiisque laudabilibus compotem se votorum suorum fieri confidit, societate sibi jungere solet. Atque haec sunt etiam, quibus inducta atque excitata est societas regia praedicta, ut

virum clarissimum atque doctissimum dominum Demetrium Semenovium russum, studiosorum russicorum, ab imperatrice Russorum augustissima ad nos doctrinae causa missorum inspectorem, variarum literarum et historicarum inprimis cognitione ornatissimum, in numerum correspondentium seu sodalium extraordinariorum

cooptaret. In cujus rei testimonium ac fidem hoc diploma sigillo instituti historici majori munitum et subsignatum est. Goettingae d. XIX decembr. A. R. S. MDCCLXXII.

D. Georgius Henricus Aÿrer instituti praeses.
Iohan. Christoph. Gatterer instituti director.
Ieremias Nicolaus Euring Ph. D. gymnasii Goetting. rector, biblioth. academ. custos, instituti regii histor. sodal. ordinar. et secretarius perpetuus.

187) Считаю долгомъ выразить свою признательность г. Гаусману, доценту дерптскаго университета, принявшему на себя, при обязательномъ содѣйствіи академика А. А. Шифнера, трудъ собрать необходимыя свѣдѣнія. Находясь въ Геттингенѣ съ ученою цѣлью, г. Гаусманъ разыскивалъ тамъ сочиненія Семенова-Руднева, и о результатахъ своихъ поисковъ увѣдомилъ А. А. Шифнера въ письмѣ изъ Геттингена отъ 30 октября 1873 года — es wird jene abhandlung von Семеновъ: о слѣдахъ славянскаго языка etc. als verloren zu beklagen sein, пишетъ г. Гаусманъ.

188) Ueber die verfassung und verwaltung deutscher universitäten, von C. Meiners. 1802. Zweiter band., s. 284—291.

Geschichte der entstehung und entwickelung der hohen schulen unsers erdtheils, von C. Meiners. 1805. Vierter band., s. 142—145; 192—197.

189) Проповѣди св. правительствующаго синода конторы члена, архимандрита и московской славено-греко-латинской академіи ректора Дамаскина, говоренныя съ 1775 года по 1782 годъ. Иждивеніемъ Н. Новикова и компаніи. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи, у Н. Новикова. 1783, стр. 164—167, 31, 73, 44—46, 73—75.—Въ началѣ книги авторъ помѣстилъ посвятительное письмо архіепископамъ: Гавріилу, Платону и Иннокентію, на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ письмѣ между прочимъ сказано: «вашимъ благоволеніемъ, совѣтами и вспомоществованіемъ будучи подкрѣпленъ и оживотворенъ, отправился я въ чужія земли, и тамо собравши, по сразмѣрности моихъ силъ, богатство учености, возвратился съ онымъ въ отечество», и т. д.

190) Изданіе Дамаскина напечатано въ Москвѣ, въ университетской типографіи, въ 1778 году, въ трехъ томахъ, въ 8°, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Покойнаго статскаго совѣтника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ». На заглавномъ листѣ не обозначено имени издателя: оно открывается изъ предисловія, обращеннаго къ членамъ вольнаго россійскаго собранія, которымъ посвящено изданіе. Объяснивъ въ предисловіи начала, которымъ слѣдовалъ въ своемъ трудѣ, издатель подписался такъ: «московской славено-греко-латинской академіи ректоръ, священной богословіи профессоръ, *геттингскаго историческаго института членъ*, архимандритъ Дамаскинъ».

191) Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ. П. Пекарскаго. 1873. Т. II, стр. 709—710 и 927—928.

192) Тамъ же. II, стр. 579.

193) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867, стр. 121.

194) Древняя россійская вивліоѳика. 1774, часть VI, декабрь, стр. 316.

195) Древняя россійская вивліоѳика. 1791, часть XVIII, стр. 104—105.

196) Собраніе сочиненій извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей. Выпускъ первый. Избранныя сочиненія М. В. Ломоносова. Изданіе П. Перевлѣсскаго. 1846, стр. LIII—LIV.

197) Theophanis Procopowicz archiepiscopi novogrodensis tractatus de processione Spiritus Sancti. Gothae. A. D. MDCCLXXII.

Въ предисловіи говоритъ Дамаскинъ: Primum igitur, quod supra jam dixi, in eam curam totus incubui, ut, quod olim sua manu auctor scripsisset, id operae typographicae summa fide formis suis redderent. In quo ea religione fui versatus, ut ne illa quidem loca, in quibus durius, quam seculi nostri cultior ornatiorque mos ferre possit, secus sentientes vellicat, non modo non delerem aut tollerem, sed ne mitigarem quidem vocula una alteraque aut resecata, aut inspersa. In quo aequos, spero, experietur judices eos omnes, qui temporum potius superiorum, pontificiorum dicacitate inquinatorum, asperitatem, quam auctoris ipsius accusandam, intelligent, ut et sibi nobisque omnibus hanc temporum felicem vicissitudinem congratulentur, et sua ipsorummet in judicando lenitate demonstrent, quam mirifice aetas emolliverit omnia, etc.

198) Рукопись московской духовной академіи, три книги, въ листъ № 112, 113 и 114. Библіотека россійская или свѣдѣніе о всѣхъ книгахъ, въ Россіи съ начала типографіи на свѣтъ вышедшихъ.—На оборотѣ предшествующаго листа рукою, по всей вѣроятности, Филарета, впослѣдствіи архіепископа черниговскаго, написано: «Сей каталогъ драгоцѣненъ и по содержанію, но важенъ еще и потому, что въ немъ весьма много собственноручныхъ ученыхъ замѣчаній преосвященнаго нижегородскаго епископа Дамаскина. Что сіи замѣчанія писаны Дамаскинымъ, можно видѣть и изъ сей самой рукописи, гдѣ столь часто упоминается о нижегородской семинарской библіотекѣ, и изъ другой рукописи, принадлежащей ему же — о греческихъ книгахъ, переводъ изъ Алляція, а особенно изъ каталога его книгъ». На оберткѣ, на сердцеобразной наклейкѣ, каждаго изъ трехъ томовъ написано: Библіотека россійская, по годамъ расположенная, отъ начала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена; — на первой книгѣ: въ семъ томѣ отъ 1518 по 1742 годъ; на второй: въ семъ томѣ отъ 1742 по 1770 и на третьей: въ семъ томѣ отъ 1769 по 1785 годъ.

199) Собраніе разныхъ комедій и интермедій, переведенныхъ съ итальянскаго языка:

1) Честная куртизана.
2) Въ ненависть пришедшая Смералдина.
3) Смералдинина кимимора.
4) Перелазы черезъ заборъ.
5) Газета или вѣдомости.
6) Арлекинъ и Смералдина.
7) Рожденіе Арлекиново.
8) Переодѣвки Арлекиновы.
9) Четыре Арлекина.
10) Арлекинъ статуя.
11) Подрядчикъ оперы въ островы канарскіе, интермедія.
12) Старикъ скупой, интермедія.
13) Великій василискъ изъ Бернагосса.
14) Бригелъ оружіе и буторъ.
15) Францискъ въ Венеціи.
16) Преображеніе Арлекиново.
17) Игрокъ въ карты, интермедія.
18) Посадскій дворянинъ, интермедія.
19) Скороходъ ни къ чему годный.
20) Мужъ ревнивый, интермедія.
21) Обманъ благополучный.
22) Портомоя дворянка.
23) Больнымъ быть думающій, интермедія.
24) Притворная нѣмка, интермедія.
25) Нарцисъ, интермедія.
26) Напасти счастливыя Арлекину.
27) Забава на водѣ и на полѣ.
28) Клятвопреступленіе.
29) Марки, гасконецъ величавый.
30) Чадодѣйство (чародѣйство) Петра Дабана и Смералдины, царицы духовъ.
31) Напасти Панталоновы.
32) Докторъ о двухъ лицахъ.
33) Отвѣтъ Аполлоновъ сбывшійся или безвинная продана и выкуплена.
34) Любовники, другъ другу противящіеся съ Арлекиномъ, придворнымъ пашею.

35) Споръ о шляхетствѣ.
36) Честное убожество.
37) Тайное мѣсто.
38) Самсонъ, трагедія, —

въ С.-Петербургѣ на придворномъ театрѣ представленныя 1733, 1734 и 1735 годовъ.

200) Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita... d. XXX jun. a. MDCCXCVI dicta a Theodors Bause. p. 13.

Греча: Опытъ краткой исторіи руской литературы. 1822, стр. 7 — 8, § 7.

Geschichte der slawischen sprache und literatur nach allen mundarten, von Paul Joseph Schaffarik. Ofen. 1826. s. 145. Свѣдѣнія о русской литературѣ Шафарикъ запмствуетъ у Греча, но не согласенъ съ нимъ въ воззрѣніи на литературу. Гречь ограничиваетъ область литературы поэзіею, краснорѣчіемъ и исторіей; всѣ остальныя произведенія относитъ къ исторіи просвѣщенія, а не къ исторіи литературы. Шафарикъ видитъ въ поэзіи, краснорѣчіи и исторіи выраженіе народной культуры, слѣдовательно существенныя отрасли исторіи просвѣщенія, и вводитъ въ кругъ литературы ученую прозу — произведенія научнаго содержанія. Слова Греча: «послѣдній періодъ отличается отъ перваго рожденіемъ собственной литературы гражданской» переданы Шафарикомъ такъ: Diese periode unterscheidet sich von der ersten durch die begründung einer selbstständigen nationalliteratur in russischer sprache, и т. д.

Галахова: Исторія русской словесности древней и новой. 1863. Т. I, стр. 5.

Порфирьева: Исторія русской словесности. 1870. Ч. I, стр. 10.

201) Записки россійской академіи. Засѣданія: 28 октября 1783 года, л. 14 об., ст. XI;—10, 17 и 24 іюля 1792 года, л. 14—20.

Catherinens der grossen verdienste um die vergleichende sprachenkunde, von Friedrich Adelung. 1815, стр. 25—30.

202) Краткія свѣдѣнія о жизни и перечень трудовъ духовныхъ членовъ россійской академіи находятся въ словаряхъ духовныхъ писателей Евгенія и Филарета; отчасти также въ словарѣ Новикова, въ сочиненіяхъ С. К. Смирнова и И. А. Чистовича, и въ нѣсколькихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ.

Новикова: Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писа-

теляхъ, изд. Ефремова въ Матеріалахъ для исторіи русской литературы. 1867.

Митрополита Евгенія: Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви. 2 тома. 2-е изд. 1827.

Архіепископа Филарета: Обзоръ русской духовной литературы. Книга вторая. 1863.

С. К. Смирнова: Исторія московской славяно-греко-латинской академіи. 1855.

Его же: Исторія троицкой лаврской семинаріи. 1867.

И. А. Чистовича: Исторія с.петербургской духовной академіи. 1857—и др.

Иннокентій Нечаевъ:—Новиковъ, стр. 39.—Евгеній, I, стр. 200—201.—Филаретъ, стр. 140—141.—Смирновъ (академ.), стр. 210.

Самуилъ Миславскій: — Новиковъ, 98 — 99. — Евгеній, II, 196—199.—Филаретъ, 135—137.

Амвросій Серебряковъ (*Серебренниковъ*): — Евгеній, I, 25 — 26.—Филаретъ, 112—113. — Смирновъ (акад.) 362—363.— Смирновъ (семинар.) 495—496.

Херсонскія епархіальныя вѣдомости. 1860. Прибавленіе № 10, стр. 616 — 628. Священника Неводчикова: Нѣсколько словъ о преосвященномъ Амвросіи Серебренниковѣ. (Фамилію Амвросія пишутъ различно: Евгеній — Серебрениковъ; Филаретъ — Серебряковъ; Смирновъ въ исторіи академіи — Серебряковъ, а въ исторіи семинаріи—Серебренниковъ и т. д.).

Аполлосъ Байбаковъ:—Евгеній, I, 43—47,—Филаретъ, 145 —146. Смирновъ (акад.) 355; (семинар.) 373—374.

Павелъ Пономаревъ:—Евгеній, II, 144—145.—Филаретъ, 154 — 155. — Смирновъ (академ.) 354 — 355; (семинар.) 505—506.

Нижегородскія губернскія вѣдомости. Часть неофиціальная. 1849. № 10, стр. 37 — 39. Іеромонаха Макарія: Павелъ Пономаревъ, епископъ нижегородскій и арзамасскій.

Иннокентій Полянскій: — Евгеній, I, 201 — 202. — Филаретъ, 115.—Смирновъ (акад.), 363.

Ириней Клементьевскій:—Евгеній, I, 204—208.—Филаретъ, 199—200.—Смирновъ (акад.) 366—367.

Меѳодій Смирновъ: — Евгеній, II, 68 — 71. — Филаретъ, 190—193.—Смирновъ (акад.) 356—357.

Анастасій Романенко-Братановскій:—Евгеній, I, 35—37.— Филаретъ, 160— 163.—Чистовичъ, 87—88.

Статья М. Д. Хмырова въ Энциклопедическомъ словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами. 1862. Т. IV, стр. 253—255.

Иванъ Ивановичъ Красовскій: — Евгеній, I, 292 — 295. — Филаретъ, 171—172.

Иванъ Ивановичъ Сидоровскій: — Евгеній, I, 290 — 292. — Филаретъ, 125—126.

Георгій Михайловичъ Покорскій: — Евгеній, I, 96. — Филаретъ, 151.

Василій Григорьевичъ Григорьевъ.
Савва Исаевичъ Исаевъ.
Иванъ Ивановичъ Панфиловъ.
Василій Семеновичъ Данковъ.
} Чистовичъ, 53.

203) Описаніе торжества высокобрачнаго сочетанія е. и. в. великаго князя Павла Петровича съ е. и. в. великою княгинею Наталіею Алексѣевною. Въ Санктпетербургѣ, 1773 года. Слово въ торжественный день бракосочетанія е. и. в. великаго князя Павла Петровича и великія княгини Наталіи Алексіевны, проповѣданное синодальнымъ членомъ Иннокентіемъ, архіепископомъ псковскимъ и рижскимъ, въ санктпетербургской казанской церквѣ, 1773 года, сентября 29 дня, стр. 53, 51—52.

204) Записки россійской академіи: I, л. 38, 44 об., 45 об., 49 об., 62, 67, 108 об., 33 об., 211.

О трудахъ Иннокентія Нечаева—въ извѣстіяхъ о трудахъ академиковъ,—въ видѣ предисловія къ каждой части словопроизводнаго словаря, отъ второй и до послѣдней.

205) Записки россійской академіи: I, л. 146.—О присылкѣ Самуиломъ въ даръ россійской академіи всѣхъ церковныхъ книгъ, напечатанныхъ

въ типографіи кіевопечерской лавры, заявлено въ засѣданіи академіи 5 февраля 1788 года.

206) Index codicum manuscriptorum graecorum bibliothecarum mosquensium sanctissimae synodi ecclesiae orthodoxae graeco-rossicae. Edidit Christianus Fridericus Matthaei. Petropoli. 1780, p. 12:... Nec enim imparatus ad illud negotium accesseram. Jam enim antea a *Samuele*, rostoviensi et jaroslaviensi archiepiscopo, cui diligentioris catalogi conficiendi cura demandata fuerat, monitus fueram, ut istum laborem in me recipere vellem....

Prolusio de auctoribus supellectilis literariae hisioriam russicam proxime spectantis a Ioanne Theophilo Buhle, p. 8: Jussit itaque diva imperatrix Catharina II per Teplovium, consiliarium intimum, episcopum tum temporis kruticensem prope Mosquam, *Samuelem*, postea metropolitam kioviensem, ut hujusmodi catalogum conficiendum curaret.

207) Слово въ торжественный день высочайшаго тезоименитства е. и. в. Екатерины вторыя, проповѣданное въ Москвѣ, въ придворной церкви, 1775 года, ноября 24 дня, св. синода членомъ, преосвященнымъ Самуиломъ, епископомъ крутицкимъ и можайскимъ. Печатано при императорскомъ московскомъ университетѣ, стр. 9—12.

208) Исторія кіевской академіи, соч. воспитанника ея, іеромонаха Макарія Булгакова. 1843, стр. 124, 167—168 и др.

209) Духовный дневникъ — журналъ, издаваемый при харьковской духовной семинаріи. Харьковъ. 1865. № 2. Приложеніе. Нѣсколько словъ о преосвященномъ Самуилѣ Миславскомъ, священника П. Солнцева, стр. 24—32.

210) Слово Амвросія издано въ 1791 году, in 4°, подъ заглавіемъ. «Въ Бозѣ почившему, свѣтлѣйшему князю Александру Потемкину-Таврическому, при совершеніи надгробнаго пѣнія въ Яссахъ, въ монастырѣ Голіи, въ церкви Вознесенія Господня, 13 октября 1791 года, послѣднее цѣлованіе Амвросія, архіепископа екатеринославскаго и Херсониса-Таврическаго и екзархіи молдо-влахійскія мѣстоблюстителя. Печатано въ Яссахъ 1791 года». Оно нѣсколько разъ перепечатывалось впослѣдствіи: въ Сѣверной Пчелѣ 1848 года, 17 сентября, № 208,—сообщ. И. П. Быстровъ изъ библіотеки С. Д. Полторацкаго; въ 1853 году, въ третьемъ томѣ записокъ одесскаго общества исторіи и древностей, стр. 563—564 —по списку, сообщенному священникомъ Неводчиковымъ, съ экземпля-

ра, находящагося въ библіотекѣ кишеневской семинаріи; въ 1860 году, оно перепечатано самимъ Неводчиковымъ въ Прибавленіи къ № 10 херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, № 10, стр. 623—625.

211) Краткое руководство къ ораторіи россійской, сочиненное въ лаврской семинаріи, въ пользу юношества, краспорѣчію обучающагося. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи 1778 года. Въ заглавіи нѣтъ имени автора, но въ посвященіи книги архіепископу Платону, «московской академіи полному директору и протектору» авторъ подписался такъ: «московской академіи префектъ іеромонахъ Амвросій».

Ср. А. Г. Филонова: Русскіе учебники по теоріи прозаическихъ сочиненій. Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. 1860. Ч. CV, отд. II, стр. 218—224.

212) Сочиненія Ломоносова. 1850. Т. III. Риторика, стр. 678 и слѣд., § 277 и слѣд.

213) Амвросія: Краткое руководство къ ораторіи россійской, стр. 84 — 86.

214) Тамъ же, стр. 49, 32—33.

215) M. Fabii Quintiliani Oratoriae institutionis liber primus, cap. VI.

216) Remarques sur la langue françoise, utiles a ceux qui veuvlent bien parler et bien escrire. Nouvelle edition, revueuë et corrigée. A. Paris. 1662. Preface. II и др. Имени автора не означено; посвященіе — a monseigneur Segvier, chancelier de France — подписано буквами: C. F. D. V.

217) Grammaire françoise sur un plan nouveau pour en rendre les principes plus clairs et la pratique plus aisée etc. Par le p. Buffier, de la compagnie de Jesus. A Bruxelles. 1711, стр. 13, 16 и др.

218) Oeuvres de Boileau Despréaux. Paris. 1772. t. V. Réflexions critiques sur quelques passages de Longin. p. 13—14.

219) Сочиненія Тредьяковскаго. 1849. Т. III. Разговоръ о правописаніи, стр. 212, 208—209, 220.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи императорской академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. Издалъ А. Куникъ. 1865, ч. I. Рѣчь Тредіаковскаго о чистотѣ россійскаго языка, стр. 14.

220) Амвросія: Краткое руководство къ ораторіи россійской, стр. 98 — 100.

221) Потерянный рай, поема героическая, твореніе г. Милтона. Переведено съ французскаго. Москва. 1780. Переводъ посвященъ московскому архіепископу Платону, и посвященіе подписано буквами: М. А. П. А., т. е. московской академіи префектъ Амвросій.

222) Записки россійской академіи. I, л. 71, 92, 93, 93 об., 94, 110, 213. — Свѣдѣнія о трудахъ членовъ академіи, приложенныя въ началѣ второй части академическаго словаря.

223) Уставъ московскаго университета 1755 года.

Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Т. XIV. № 10.346, стр. 289—290.

Исторія императорскаго московскаго университета, написанная къ столѣтнему его юбилею Степаномъ Шевыревымъ. 1855, стр. 10, 13, 140 — 141.

Объявленія о лекціяхъ въ московскомъ университетѣ, семидесятыхъ и отчасти восьмидесятыхъ годовъ.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета. 1855. Ч. I, стр. 5—9, 53—54 и др.; Ч. II, стр. 365—366, 340—348, 558—571.

224) Дѣло архива св. синода. 1769 года, № 32.

225) Краткое руководство къ познанію натуральнаго, церковнаго, политическаго, экономическаго и учебнаго состоянія нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ, собранное изъ публичнаго въ 1773 году обученія исторіи. Переведено съ латинскаго. Печатано при московскомъ университетѣ. 1775. Переводчикъ — «іеромонахъ Аполлосъ, московской академіи риторики учитель» въ обращеніи «къ читателю» говоритъ: «въ 1773 году, слушая публично въ московскомъ университетѣ преподаваемыя лекціи, въ томъ числѣ и сію статистику, записывалъ, что внятія достойнымъ быть казалось» и т. д.—Въ исторіи московской славяно-греко-латинской академіи, С. К. Смирнова, сказано: «Аполлосъ (Андрей) Байбаковъ учился въ московской академіи съ 1759 до 1767 года, а въ семъ году поступилъ въ университетъ въ студенты философскаго факультета. По выслушаніи курса философіи занялъ въ 1770 году должность корректора въ университетской типографіи».

226) Bacmeister: Russische bibliotek zur kentniss des gegenwärtigen zustandes der literatur in Russland. IV, 317—322.

227) Правила піитическія о стихотвореніи россійскомъ и латинскомъ, съ пріобщеніемъ піитико-историческаго словаря и проч. Изд. 3-е. 1785. Первое изданіе вышло въ 1774 году, десятое въ 1826 году. О разныхъ видахъ поэзіи изложено на стр. 32—67 по третьему изданію.

228) Исторія троицкой лаврской семинаріи, С. Смирнова. 1867, стр. 45 — 50.

229) Пѣсни духовныя славнѣйшаго Х. Ф. Геллерта, профессора нраво-

ученія и свободныхъ наукъ въ лейпцигскомъ университетѣ. Преложилъ стихами старецъ Аполлосъ. Изд. 2-е. Москва. 1782 года.

Ср. Gellert: Geistliche oden und lieder. Bibliothek der deutschen nationalliteratur des achtzehnten und neunzehnten jahrhunderts. Leipzig. 1871. —Три отрывка приведены нами изъ стихотвореній подъ названіемъ:

первый—«Благополучіе добрыя совѣсти» (стр. 8) — Das glück eines guten gewissen (стр. 216);

второй—«Пѣснь на рождество Христово» (стр. 13)—Weihnachtslied (стр. 216).

третій — «Защищеніе церкви» (стр. 27) — Der schutz der kirche (стр. 237).

230) Увеселительныя загадки со нравоучительными отгадками, состоящія въ стихахъ. Москва. 1781 года. Имя автора, бывшаго въ то время ректоромъ троицкой лаврской семинаріи, предлагается въ видѣ такой загадки: я облеченъ въ трауръ, поливаю водою ученія деревья молодыхъ умовъ въ вертоградѣ, находящемся въ обители, выдержавшей осаду поляковъ, славной мамаевымъ боемъ, и т. п.

231) Евгеонитъ, или созерцаніе въ натурѣ Божіихъ видимыхъ дѣлъ. Сочинилъ троицкія семинаріи ректоръ и богословіи учитель, іеромонахъ Аполлосъ. Иждивеніемъ Н. Новикова и компаніи. М. 1782.

232) Общій способъ ученія для всякаго состоянія свободныхъ людей нужный. М. 1781, стр. 8—20.

233) Записки россійской академіи. I, л. 91, 92, 93, 94, 96, 98, 100, 101 об., 110 об., 113 об., 122, 213 об. — Свѣдѣнія о трудахъ академиковъ, помѣщенныя во второй части академическаго словаря.

234) Москвитянинъ. 1854. № 1 и 2, отд. IV, стр. 4.

235) Грамматика, руководствующая къ познанію славено-россійскаго языка. Печатана въ типографіи кіевопечерскія лавры, 1794 года. Книга напечатана гражданскимъ шрифтомъ, примѣры церковно-славянскіе — церковнымъ шрифтомъ, какъ напримѣръ парадигмы склоненій и спряженій.

236) Русскій архивъ. 1869. № 7 и 8, стр. 1109.—Въ вѣдомости при докладѣ синода 7 мая 1792 года показано Павлу Пономареву 47 лѣтъ, а въ вѣдомости при докладѣ синода 20 января 1794 года — 49-й годъ; слѣдовательно онъ родился не въ 1749 году и умеръ не 56 лѣтъ отъ роду, какъ напечатано въ нѣкоторыхъ о немъ свѣдѣніяхъ.

237) Избранныя поученія преосвященнаго Иннокентія, бывшаго епископа воронежскаго, проповѣдыванныя имъ во время своего правленія епархіею съ 1788 года сентября 17 по 1794 года апрѣля 15, съ пріобщеніемъ краткаго начертанія жизни и кончины его. Собралъ и издалъ во-

ронежской семинаріи префектъ, павловскій протоіерей Евѳимій Болховитиновъ. Воронежъ. Въ типографіи губернскаго правленія. 1799 года.

238) Слово надгробное преосвященному Иннокентію, епископу воронежскому, съ присовокупленіемъ рѣчи и разговора стихами, говоренныхъ также надъ гробомъ, и съ приложеніемъ краткаго лѣтописца преосвященныхъ воронежскихъ отъ основанія епископскаго престола въ Воронежѣ до нынѣшняго времени. Воронежъ. 1799.

239) Избранныя поученія преосвященнаго Иннокентія, стр. 103—104, 80—82, 112—113.

240) Ириней, архіепископъ псковскій, біографическій очеркъ, по неизданнымъ документамъ. Статья Н. И. Григоровича въ Русскомъ Архивѣ 1869 года, № 7 и 8, стр. 1103—1126.

241) Собраніе поучительныхъ словъ, сказыванныхъ при высочайшемъ дворѣ е. и. в. Екатерины вторыя и въ другихъ мѣстахъ, синодальнымъ членомъ, новгородскаго юрьева монастыря архимандритомъ Иринеемъ. 1791, стр. 113—121, 11, 130—131, 74—75, 121, 65, 70—71, 9, 53, 70, 75, 148.

242) Записки россійской академіи. II, л. 50.

243) Въ апрѣльской книжкѣ Русскаго Вѣстника 1868 года, въ статьѣ «Изъ прошлаго» говорится: «Императоръ Павелъ очень любилъ Иринея, и кромѣ Александровскаго ордена пожаловалъ ему генералъ-адъютантскій аксельбантъ для ношенія на рясѣ. Въ 1804 году предсѣдатель московскаго общества исторіи и древностей П. П. Бекетовъ издалъ *Пантеонъ россійскихъ авторовъ* съ ихъ портретами — изданіе, сдѣлавшееся теперь довольно рѣдкимъ. Тамъ Ириней изображенъ съ аксельбантомъ, хотя уже и не носилъ его въ царствованіе Александра Павловича» (стр. 463 — 464). Въ Пантеонѣ россійскихъ авторовъ, текстъ къ которому писалъ Карамзинъ, портрета Иринея нѣтъ. Онъ находится въ изданіи Бекетова, вышедшемъ въ 1843 году подъ названіемъ: «Портреты именитыхъ мужей россійской церкви съ приложеніемъ ихъ краткаго жизнеописанія». Здѣсь орденскія завязи имѣютъ еще больше сходства съ аксельбантомъ, нежели на портретѣ россійской академіи. Доказательства, что на портретѣ Иринея изображены орденскія завязи, а отнюдь не аксельбанты, весьма подробно и обстоятельно изложены въ названной нами статьѣ Н. И. Григоровича, помѣщенной въ Русскомъ архивѣ.

244) Начертаніе жизни и дѣяній св. правительствующаго синода члена Меѳодія, архіепископа псковскаго, лифляндскаго и курляндскаго, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ поучительныхъ словъ, прежде напечатанныхъ и послѣ кончины его собранныхъ. Москва. 1823. Въ свѣдѣніяхъ о жизни

Меѳодія, издатель книги, родной братъ Меѳодія, исправилъ и дополнилъ, какъ самъ говоритъ, то, что находится въ словарѣ духовныхъ писателей, митрополита Евгенія, изданномъ въ 1818 году.

245) Письма Платона, митрополита московскаго, къ преосвященнымъ Амвросію и Августину. Съ примѣчаніями С. Смирнова. Москва. 1870, стр. 83, 35, 105.

246) Русскій Вѣстникъ. 1868. Апрѣль. Статья П. М.: Изъ прошлаго, стр. 481—482.

247) Жизнь московскаго митрополита Платона. И. М. Снегирева. 1856. Часть I, стр. 103—104. — Исторія московской славяно-греко-латинской академіи, С. Смирнова, стр. 333.

248) Methodii archiepiscopi twerensis liber historicus. 1805, стр. 68.

249) Записки россійской академіи. II, л. 69 об., 71 и др.

250) Жизнь митрополита Платона, И. М. Снегирева. II, 106.

251) Поучительныя слова, преосвященнымъ Анастасіемъ Братановскимъ, со вступленія на паству астраханскую проповѣданныя. Москва. 1807. Часть IV. Начертаніе жизни преосвященнаго Анастасія, стр. I — XXXI.

Сочиненія Анастасія, архіепископа астраханскаго. Изданіе Кораблева и Спрякова. 1850. Описаніе жизни преосвященнаго Анастасія Братановскаго, стр. IX — XXII. Это жизнеописаніе извлечено изъ Словаря достопамятныхъ людей русской земли Бантыша-Каменскаго.

252) Греча: Опытъ краткой исторіи русской литературы. 1822, стр. 183 — 184.

253) Русская христоматія; составилъ А. Галаховъ. 1873. Т. I, стр. 269—273 и 378.

Русская христоматія съ примѣчаніями; составилъ Андрей Филоновъ. 1873. Ч. IV, стр. 689—693.

254) Исторія русской словесности, древней и новой; сочиненіе А. Галахова. 1863. Ч. I, стр. 519.

255) Сочиненія Анастасія, архіепископа астраханскаго. 1850, стр. 514, 519, 517—518, 533, 517.

256) Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1865. Т. II, стр. I—II.—Пространная ода «Безсмертіе души» написана, за исключеніемъ первыхъ двухъ строфъ, въ концѣ 1796 года. Слово на погребеніе Бецкаго говорено Анастасіемъ 4 сентября 1795 года.

257) Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie. 1768. T. II, стр. 55—60.

258) Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. II, 138—144.

259) Сочиненія Анастасія. 1850, стр. 537. Слово на погребеніе Бецкаго, стр. 531—538.

260) Авторъ мемуаровъ, родившійся въ 1796 году, говоритъ о своемъ отцѣ: Mit nicht zu verkennendem seelen-abscheu sprach er von den encyclopedisten, besonders von Voltaire; einem alten russischen priester, dem es einfiel lobend von Voltaire zu sprechen, wies er, nach einer scharfen vermahnung, die thür, и т. д.

261) Поучительныя слова Анастасія. 1807. Ч. IV, стр. XXXI.

Волтеріанцы или исторія о якобинцахъ. 1805. Съ французскаго перевелъ Петръ Домогацкій.

262) Сочиненія Анастасія. 1850, стр. 52, 277—278, 553. — Поучительныя слова Анастасія. 1807. Ч. IV, стр. 122—123.

263) Сочиненія Анастасія. 1850, стр. 555, 550—551.

264) Тамъ же, стр. 82—83, 85, 51.

265) Дѣло архива св. синода, 1795 года, № 62.

266) Записки россійской академіи. II, л. 56 об., 59 об., 61, 63, 63 об., 67, 80.

267) Записки россійской академіи. II, л. 16—17, 26 об. — 29. — I, л. 24, 106 об., 208 об.—209, 46 об., 226 об.—II, 69, 75 об., 99 об., и др.

Историческое описаніе костромскаго успенскаго каѳедральнаго собора, составленное того собора священникомъ П. Островскимъ. 1855, стр. 161, 163—164, и др.

268) Дѣло архива св. синода. 1772. № 252.

Историческое извѣстіе о священникѣ Іоаннѣ Сидоровскомъ—въ хранящихся въ Публичной библіотекѣ рукописныхъ Матеріалахъ къ словарю писателей митрополита Евгенія.

Записки россійской академіи. I, л. 24, 71 об., 99, 67, 52 об, 50, 84.

Словарь академіи россійской. 1790. Ч. II, стр. XI.

269) Историческое извѣстіе о протоіереѣ Георгіи Сизиковѣ Покорскомъ—въ рукописныхъ Матеріалахъ къ словарю митрополита Евгенія.

Записки россійской академіи. I, л. 24, 69, 91, 74 об.—75 об., 79 об.

Словарь академіи россійской. II, стр. XI.

Историко-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи. Изданіе с.-петербургскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета. 1869. Выпускъ первый. Исаакіевскій каѳедральный соборъ, стр. 48—49.

270) Записки россійской академіи. I, л. 24, 96, 213.—II, 38 об.—I, 52, 87.

271) Дѣло архива св. синода. 1795 года. № 1.

Въ «Имянномъ спискѣ дѣйствительнымъ и почетнымъ членамъ Рос-

сійской академіи со дня основанія оной по 1836 годъ» время кончины С. И. Исаева показано: 1800 года до 21 января. Такое показаніе сдѣлано на томъ основаніи, что о кончинѣ Исаева заявлено въ засѣданіи россійской академіи 21 января 1800 года. Но Исаевъ скончался 31 декабря 1799 года, какъ видно изъ дѣла архива св. синода. 1800 года, № 379.

Записки россійской академіи. I, л. 24, 71 об., 44 об., 109 об.

Словарь академіи россійской. Ч. II, стр. XI.

272) Дѣло архива св. синода. 1770 года, № 93.

Письма Платона, митрополита московскаго, къ преосвященнымъ Амвросію и Августину, съ примѣчаніями С. Смирнова. 1870, стр. 9 и 11.

Жизнь московскаго митрополита Платона. И. М. Снегирева. 1856. Ч. I, стр. 82—83.

Дневникъ А. В. Храповицкаго. 1874, стр. 20, 235.—Русскій архивъ. 1871. № 1. Изъ бумагъ протоіерея Іоанна Памфилова, духовника Екатерины II, стр. 202—240.

Портреты именитыхъ мужей россійской церкви съ приложеніемъ ихъ краткаго жизнеописанія. Бекетова. 1843.

Записки россійской академіи. I, л. 108 об., 211.

Словарь академіи россійской. Ч. II, стр. VII.

273) Записки россійской академіи. II, л. 2, 38 об., 4 — 4 об. — Ср. «Имена членовъ, участвовавшихъ въ составленіи словаря», печатавшіяся при каждой его части.

274) Извѣстія о судьбѣ и сочиненіяхъ Алексѣева находятся въ слѣдующихъ трудахъ:

Митр. Евгенія: Словарь духовныхъ писателей II, 164—167 и 162—163.

Архіеписк. Филарета: Обзоръ русской духовной литературы. 1863. II, 146—148.

Душеполезное чтеніе. 1869. Январь. Извѣстія и замѣтки. Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ, протоіерей архангельскаго собора въ Москвѣ, и его время. Н. Розанова, стр. 11—26.

Исторія московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія св. синода. Сочиненіе Николая Розанова. 1869. Часть вторая, кн. I, примѣч. 266, стр. 64—66.—Ч. II, кн. 2, 1870 г., примѣч. 462, стр. 185. — Ч. III, кн. 1, 1870 г., примѣч. 600, стр. 174—185, и др.

275) До вступленія своего въ духовное званіе Алексѣевъ пробылъ въ академіи отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ,—первое, кажется, вѣрнѣе по слѣдующимъ соображеніямъ: въ ставленическомъ столѣ самъ Алексѣевъ показалъ, что онъ «въ академію отданъ въ 1738 году», а префектъ академіи увѣдомилъ, что «Алексѣевъ въ академіи имѣется и обучается съ 1746 года» (Исторія московскаго епархіальнаго управленія. Ч. II, кн. 1, примѣч. стр. 65). Въ статьѣ Рузанова вмѣсто 1746 года указанъ 1740 годъ (Душеполезное чтеніе, стр. 12): это указаніе подтверждается и собственными словами Алексѣева въ прошеніи, поданномъ имъ въ 1752 году митрополиту Платону, котораго просилъ «произвести въ діакона за имѣющіеся мои чрезъ 12-лѣтіе труды».

276) С. К. Смирнова: Исторія московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 107, 150, 166—167, 168, 159—160.

277) Дѣло архива св. синода. 1771 года, № 116.

278) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1867. Книга третья. Смѣсь. Разсужденіе на вопросъ: «Можно ли достойному священнику, миновавъ монашество, произведену быть во епископа», протоіерея Петра Алексѣева, стр. 17—26.

279) Русскій архивъ. 1863. № 8 и 9. Разсказъ Петра Великаго о о патріархѣ Никонѣ, стр. 697—707.

280) Русскій архивъ. 1871. № 1. Изъ бумагъ протоіерея Іоанна Памфилова, духовника императрицы Екатерины II. Письма къ нему протоіерея Петра Алексѣева, стр. 211—223, 231—234.

281) Исторія московскаго епархіальнаго управленія. Ч. III, кн. 1. Примѣчанія, стр. 181—182, 184—185.

282) Снегирева: Жизнь митрополита Платона. II, 42.

283) О своемъ желаніи приступить къ составленію исторіи по вызову Потемкина Алексѣевъ говоритъ въ письмѣ къ нему, напечатанномъ въ Русскомъ Архивѣ 1863 г. № 12, стр. 929. — Два письма Алексѣева къ Потемкину: одно, отъ 11 декабря 1783 года, въ которомъ онъ проситъ о сынѣ, и другое, отъ 17 ноября 1785 года, въ которомъ проситъ себѣ защиты,—хранятся въ числѣ автографовъ въ публичной библіотекѣ.

284) Дѣло архива св. синода. 1778 года № 426.

285) Зритель. 1863. № 17, стр. 527 и № 20, стр. 620 и 622.—Люди и дѣла прежняго времени по автографамъ. Императрица Екатерина вторая къ князю М. Н. Волконскому.—Подъ этимъ заглавіемъ помѣщены въ девяти нумерахъ (№№ 12 — 20) Зрителя, 1863 года, сто семьдесятъ девять писемъ Екатерины II къ князю Михаилу Никитичу Волконскому. Въ предисловіи г. Бартеневъ говоритъ: «Князь Михайла Никитичъ Вол-

конскій принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ и наиболѣе чистыхъ дѣятелей прошедшаго вѣка. Письма Екатерины къ Волконскому обнимаютъ собою почти четверть вѣка (1762 — 1785 гг.), касаются самыхъ разнообразныхъ предметовъ и безспорно принадлежатъ къ числу важныхъ историческихъ документовъ, наглядно изображая тотъ вѣкъ, тогдашнія событія и всего ярче лицо самой императрицы» и т. д.

286) Дѣло архива св. синода. 1776 года, № 388.

287) Дѣло архива св. синода. 1778 года, № 426, л. 9—16.

288) Матеріалы для исторіи русской литературы, изд. П. А. Ефремова. 1867, стр. 8.

289) Церковный словарь протоіерея Алексѣева. 1794. Ч. I, стр. 3—19.

290) Всеобщая библіотека Россіи или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ. Прибавленіе второе. 1845, стр. 438.

291) Русскій архивъ. 1863. Выпускъ двѣнадцатый. Описаніе московскаго мятежа, стр. 910—916.

292) Всеобщая библіотека Россіи, стр. 439.

293) Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія при московскомъ университетѣ. 1783. Ч. VI, стр. 195 — 204: Разсмотрѣніе славенской старопечатной книги Апостола, которая справлена докторомъ Францискомъ Скориною изъ Полоцка; напечатана въ Вильнѣ 1525 году въ четверть листа in 8°. Книга хранится въ библіотекѣ Петра Петровича Курбатова.

294) Автографъ письма протоіерея Алексѣева къ В. Г. Рубану находится въ публичной библіотекѣ.

295) Церковный словарь или истолкованіе рѣчей славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ, въ священномъ писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ церковныхъ ирмосовъ, вновь преложенныхъ и въ стихи приведенныхъ, и степенныхъ перваго гласа, сочиненный московскаго архангельскаго собора протопресвитеромъ и императорской россійской академіи членомъ Петромъ Алексѣевымъ, разсматриванный вольнымъ россійскимъ собраніемъ при императорскомъ московскомъ университетѣ, напечатанный вторымъ тисненіемъ съ перваго изданія, одобреннаго св. правительствующаго синода конторою, и св. правительствующаго синода членомъ, преосвященнѣйшимъ митрополитомъ московскимъ и калужскимъ и святотроицкія сергіевы лавры архимандритомъ Платономъ. 1794 года. Въ трехъ частяхъ 8°.

296) Сказанія русскаго народа, собранныя Н. Сахаровымъ. 1849. Т. II. Книга пятая. Азбуковникъ, стр. 187—188, 154, 152.

297) Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita, dicta a Theodoro Bause. 1796. p. 37.

298) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. 1848 года, № 6. И. И. Срезневскаго: Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ. Статья вторая, стр. 6.

299) Дѣло архива св. синода. 1759 года, № 221.

300) Дѣло архива св. синода. 1762 года, № 109.

301) Дѣло архива св. синода. 1796 года, № 10.

302) Митрополита Евгенія: Словарь духовныхъ писателей. II, 165—166.

303) Записки россійской академіи. Т. I, л. 25 и 26. Засѣданіе 18 ноября 1783 года.

AKAD. ČTEN.
SPOLEK

500.–

